

**Н. ЛЕНИН
В. УЛЬЯНОВ**

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

V

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА**

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. V

БОРЬБА ЗА ПАРТИЮ

1901 - -1904 гг.

26 69 тысяча

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

БОРЬБА ЗА ПАРТИЮ

1901—1904 г.г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятый том Собрания сочинений Ленина состоит из двух частей. В первую часть вошли работы т. Ленина, напечатанные им в 1901—1903 г.г., т.-е. в период «Искры», но не включенные в IV том, в котором собраны статьи, напечатанные в самой газете «Искра».

К этим работам относятся, во-первых,—статьи т. Ленина, появившиеся на страницах «Зари», а, во-вторых,—брошюра «Что делать?». (Работы по аграрному вопросу, как появившиеся на страницах «Зари», так и изданные отдельно, в виде брошюр, входят, согласно плану всего издания в отдельный, IX-ый, том, целиком посвященный работам по аграрному вопросу.) К этим работам мы присоединяем в этом томе две работы, написанные в тот же «искровский» период, но не предназначавшиеся тогда к печати и появляющиеся в печатном виде в России впервые. (Одновременно они печатаются в «Летописи. Революции» в Берлине.) Обе рукописи Владимира Ильича извлечены редакцией сейчас упомянутого журнала из архива П. Б. Аксельрода. Одна из этих работ представляет письмо-инструкцию, написанную Вл. Ил. в связи с Белостокской конференцией 1902 г., другая представляет разбор проекта программы партии, выработанного Северным Союзом Р. С.-Д. Р. П. в том же 1902 г. и, видимо, является тем самым «письмом», о получении которого рассказывает в своих воспоминаниях о «Северном Союзе» т. О. А. Варенцова в журнале «Пролетарская Революция».

В «примечаниях» читатели найдут подробные указания на обстоятельства, вызвавшие появление этих важных для истории партии документов.

Среди перепечатываемых в V томе произведений «искровского» периода особое значение имеет, конечно, знаменитая брошюра «Что делать?». В истории формирования партии эта брошюра сыграла совершенно исключительную роль. Она представляет концентрированное изложение основных взглядов «Искры» по всем вопросам партийной жизни и при своем появлении встречена была восторженно русскими практиками, нашедшими в ней превосходное орудие борьбы со всякого рода оппортунизмом в теории и расхлябанностью в практике. С таким же воодушевлением принята была эта брошюра и редакторами «Искры», что не помешало им (Плеханову, Мартову, Аксельроду, Староверу) впоследствии, после раскола на II-м съезде, сделать эту брошюру основ-

ной мишенью их нападок на «ленинизм». В этом случае, впрочем, меньшевики, только что вылупившиеся из искровской организации, следовали только примеру рабочедельцев (Кричевский и др.), смертельный удар которым был нанесен брошюрой Ленина.

Во второй части этого тома собраны статьи и брошюры Ленина, написанные им после выхода из редакции «Искры» и до появления газеты «Вперед» (ноябрь 1903 г.—декабрь 1904 г.). Центральное место среди этих работ занимает брошюра «Шаг вперед, два шага назад», посвященная детальному разбору прений и решений II-го съезда Р. С.-Д. Р. П.

Как известно, спор между большевиками и меньшевиками в течение целого года после раскола вращался почти исключительно в сфере чисто организационных вопросов. Поэтому и основное содержание брошюры «Шаг вперед, два шага назад» посвящено организационным проблемам и только последние главки, в связи с появившимися весной 1904 г. фельетонами Аксельрода, выходят за эти рамки и намечают разногласия по тактическим вопросам. Эти тактические разногласия через несколько месяцев, в связи с общим политическим оживлением в России, отодвинули далеко на задний план чисто организационные вопросы, послужившие первым толчком к разделению революционной и оппортунистической социал-демократии на II-м съезде.

В распоряжении редакции Собрания сочинений Ленина недавно поступил целый ряд важнейших материалов, касающихся первого периода раскола и дающих возможность шаг за шагом восстановить историю борьбы на II-м и после II-го съезда. Материалы эти заключаются, с одной стороны — в письмах и заявлениях Плеханова, Мартова, Аксельрода и Потресова, с другой стороны — в письмах, записках и предложениях самого Владимира Ильича.

Эти материалы, до сих пор не опубликованные и в момент своего написания не предназначавшиеся к опубликованию, значительно дополняют те печатные работы, которые воспроизведены в лежащем перед читателем томе. Материалы эти разрабатываются ныне в Институте Ленина и будут напечатаны дополнительно вместе с 2—3 немногословными печатными заявлениями т. Ленина, относящимися к той же эпохе.

Часть перепечатываемых в V томе работ Влад. Ильича была издана в России в 1907 г. в сборнике «За 12 лет». Однако, не говоря уже о цензурной правке, которой при этом подвергались эти работы, Влад. Ильич считал в то время необходимым значительно сократить некоторые из них. В частности, очень значительно сокращению подверглась брошюра «Шаг вперед, два шага назад». В нашем издании все эти работы печатаются, конечно полностью, с первоначальных заграничных изданий.

Работа по подбору материала, восстановлению текста и комментированию лежала на тов. В. Панове.

Л. Каменев.

ЧАСТЬ I

ДО II СЪЕЗДА Р. С.-Д. Р. П

1901 год.

Случайные заметки.

1. Бей, но не до смерти.

23-го января в Нижнем-Новгороде особое присутствие московской судебной палаты с участием сословных представителей разбирало дело об убийстве крестьянина Тимофея Васильевича Воздухова, отправленного в часть «для вытрезвления» и избитого там четырьмя полицейскими служителями, Шелеметьевым, Шульпиным, Шибальевым и Ольховиным и и. д. околоточного надзирателя Пановым, до такой степени, что Воздухов на другой же день умер в больнице.

Такова несложная фабула этого простого дела, бросающего яркий свет на то, что делается обыкновенно и постоянно в наших полицейских правлениях.

Насколько можно судить по чрезвычайно кратким газетным отчетам, все происшествие представляется в таком виде. 20-го апреля Воздухов приехал на извозчике в губернаторский дом. Вышел смотритель губернаторского дома, который показал на суде, что Воздухов был без шапки, выпивши, но не пьян, жаловался на какую-то пароходную пристань, не выдавшую билета на проезд (?). Смотритель велел постовому городовому Шелеметьеву отвезти Воздухова в часть. Воздухов был настолько мало выпивши, что спокойно разговаривал с Шелеметьевым и по приезде отчетливо объяснил околоточному надзирателю Панову свое имя и звание. Несмотря на это, Шелеметьев, — очевидно, с ведома Панова, только что опросившего Воздухова, — «вталкивает» последнего не в арестантскую, где находилось несколько пьяных, а в находящуюся рядом с арестантской «солдатскую». Вталкивая, он задевает шашкой за дверной крюк, обрезывает себе немного руку, воображает, что шашку держит Воздухов, и бросается его бить, крича, что ему порезали руку. Бьет со всего размаха, бьет в лицо, в

грудь, в бока, бьет так, что Воздухов все падает навзничь, все стучается головой об пол, просит пощады. «За что бьете?—говорил он, по словам сидевшего в арестантской свидетеля (Семахина).—Не виноват я. Простите, Христа ради!» По словам этого же свидетеля, Воздухов пьян не был, скорее пьян был Шелеметьев. О том, что Шелеметьев «обучает» (выражение обвинительного акта!) Воздухова, узнают его товарищи, Шульпин и Шибаев, которые пили в полиции с первого же дня Пасхи (20-е апреля—вторник, 3-й день Пасхи). Они являются в солдатскую вместе с пришедшим из другой части Ольховиным, бьют Воздухова кулаками, топчут ногами. Является и околоточный надзиратель Панов, бьет книгой по голове, бьет кулаками. «Уж так били, так били,—говорила одна арестованная женщина,—что у меня ннда все брюхо от страстей переболело». Когда «обучение» было кончено, околоточный надзиратель прехладнокровно приказывает Шибаеву обмыть на лице у избитого кровь—так все-таки приличнее: не-равно увидит начальство!—и втолкнуть его в арестантскую. «Братцы!—говорит Воздухов другим арестованным,—видите, как полиция дерется? Будьте свидетелями, я подам жалобу!». Но жалобу ему не удастся подать: на другой день утром его нашли в совершенно бессознательном состоянии и отравили в больницу, где он через 8 часов и умер, не приходя в себя. Вскрытие обнаружило у него перелом десяти ребер, кровоизлияние по всему телу и кровоизлияние в мозг.

Палата приговорила Шелеметьева, Шульпина и Шибаева к 4 годам каторги, а Ольховина и Панова—к месячному аресту, признав их виновными только в «обиде»...

С этого приговора мы и начнем наш разбор. Приговоренные к каторге обвинялись по 346-й и 1490-й ст. ч. 2-ая Уложения о наказаниях. Первая из этих статей гласит, что чиновник, причинивший раны или увечье при отправлении своей должности, подлежит высшей мере наказания, «за сие преступление определенного». А ст. 1490-я ч. 2-ая определяет за истязание, когда по следствием его была смерть, каторгу от 8-ми до 10-ти лет. Вместо высшей меры, суд сословных представителей и коронных судей понижает наказание на две степени (6-ая степень: каторга 8—10 лет; 7-ая степень—от 4-х до 6-ти лет), т.е. устанавливает максимальное понижение, допустимое законом в случае смягчающих вину обстоятельств, и, кроме того, назначает низшую меру наказания в этой низшей степени. Одним словом, суд сделал все, что только мог, для смягчения участи подсудимых, и даже больше, чем мог, так как закон о «высшей мере

наказания» был обойден. Мы вовсе не хотим, конечно, сказать, чтобы «высшая справедливость» требовала именно десяти, а не четырех лет каторги; важно то, что убийц признали убийцами и осудили на каторгу. Но нельзя не отметить прехарактерной тенденции суда коронных судей и сословных представителей: когда они судят чинов полиции, они готовы оказывать им всякое снисхождение; когда они судят за проступки против полиции, они проявляют, как известно, непреклонную суровость *).

Вот господину околоточному надзирателю... ну, как же не оказать ему снисхождения! Он встретил привезенного Воздухова, он, очевидно, велел направить его не в арестантскую, а сначала— для обучения— в солдатскую, он участвовал в избииении и кулаками своими и книгой (должно быть, сводом законов), он распоряжался уничтожением следов преступления (смыть кровь), он рапортовал ночью 20-го апреля вернувшемуся приставу этой части, Муханову, что «во вверенной ему части все обстоит благополучно» (буквально!),—но он ничего не имеет общего с убийцами, он виноват только в оскорблении действием, только в простой обиде действием, наказуемой арестом. Вполне естественно, что этот невинный в убийстве джентльмен, г. Панов, и в настоящее время служит в полиции, занимая должность полицейского урядника. Г. Панов только перенес свою полезную распорядительную деятельность по «обучению» простонародья из города в деревню. Скажите по совести, читатель, может ли урядник Панов иначе понять приговор палаты, как совет:—вперед скрывать получше следы преступления, «обучать» так, чтобы следов

*) Кстати, вот еще один факт для суждения о мере наказания, налагаемого за разные преступления нашими судами. Через несколько дней после суда над убийцами Воздухова московский военно-окружной суд судил солдата, служившего в местной артиллерийской бригаде и укравшего из цейхгауза 50 шаровар и несколько сапожного товара в то время, как он был часовым при этом цейхгаузе. Приговор—четыре года каторги. Жизнь человека, вверенного полиции, стоит столько же, сколько 50 шаровар и несколько штук сапожного товара, вверенных часовому. В этом оригинальном «уравнении», как солнце в малой капле воды, отражается весь строй нашего полицейского государства. Личность против власти—ничто. Дисциплина внутри власти все,... впрочем, виноват: «все» только для мелких сошек. Мелкий вор—на каторгу, а крупный вор, все эти тузы, министры, директора банков, строители железных дорог, инженеры, подрядчики и пр., хапающие десятки и сотни тысяч казенного имущества, они расплачиваются в самом редком и самом худшем случае ссылкой на житье в отдаленные губернии, где можно жить припеваючи на награбленные деньги (банковские воры в западной Сибири) и откуда легко удрать и за границу (жандармский полковник Меранвиль де сен-Клэр).

не было. Ты велел смыть кровь с лица умирающего,—это очень хорошо, но ты допустил Воздухова умереть,—это, братец, неосмотрительно; вперед будь осторожнее и крепко заруби себе на носу первую и последнюю заповедь русского Держиморды: «бей, но не до смерти!».

С общечеловеческой точки зрения приговор палаты над Пановым есть прямая насмешка над правосудием; он показывает чисто холуйское стремление свалить всю вину на низших полицейских слуг и выгородить их непосредственного начальника, с ведома, одобрения и при участии которого происходило зверское истязание. С юридической же точки зрения, этот приговор—образец той казуистики, на которую способны судьи-чиновники, и сами-то не очень далеко ушедшие от околоточного. Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли,—говорят дипломаты. Закон дан для того, чтобы извращать понятие вины и ответственности,—могут сказать наши юристы. Какое, в самом деле, тончайшее судейское искусство нужно для того, чтобы подвести участие в истязании под простую обиду действием! Мастеровой, который утром 20-го апреля сшиб, может быть, шапку с Воздухова, виноват, оказывается, в том же самом проступке—и даже еще слабее: не проступке, а «нарушении»,—как и Панов. Даже за простое участие в драке (а не в избивании беспомощного человека), если кому-либо причинена смерть, полагается более строгое наказание, чем то, которому подвергли околоточного. Судейские крючкотворы воспользовались, во-первых, тем, что за истязание при отправлении должности закон назначает несколько наказаний, предоставляя судье, смотря по обстоятельствам дела, выбор между тюрьмой от 2-х месяцев и ссылкой в Сибирь на житье. Не стеснять судью чрезмерно формальными определениями, предоставлять ему известный простор—это, конечно, очень разумное правило, и за это не раз уже хвалили русское законодательство и подчеркивали его либерализм наши профессора уголовного права. Они забывали только при этом ту мелочь, что для применения разумных постановлений нужны судьи, не сведенные на положение простых чиновников, нужно участие представителей общества в суде и общественного мнения—в обсуждении дела. А во-вторых, на помощь суду пришел здесь товарищ прокурора, который отказался от обвинения Панова (и Ольховина) в истязании и жестокостях и просил подвергнуть их наказанию только за причинение обиды. Товарищ прокурора сослался, в свою очередь, на заключение экспертов, отвергших особую мучительность и про-

должительность нанесенных Пановым побоев. Юридический софизм, как видите, не отличается особой замысловатостью: так как Панов бил меньше остальных, то можно сказать, что его побои не были особо мучительны; а если они не были особо мучительны, то можно заключить, что они не относились к «истязаниям и жестокостям», а если они не относились к истязаниям и жестокостям, то значит это было простое оскорбление действием. Все улаживается к общему удовольствию, и г. Панов остается в рядах блюстителей порядка и благочиния...*)

Мы затронули сейчас вопрос об участии в суде представителей общества и роли общественного мнения. Этот вопрос вообще прекрасно иллюстрируется данным делом. Прежде всего: почему разбирал дело не суд присяжных, а суд коронных судей с сословными представителями? Потому, что правительство Александра III, вступив в беспощадную борьбу со всеми и всяческими стремлениями общества к свободе и самостоятельности, очень скоро признало опасным суд присяжных. Реакционная печать объявила суд присяжных «судом улицы» и открыла про-

*) Вместо разоблачения безобразий во всем их объеме перед судом и перед обществом у нас предпочитают замазывать дела на суде и отделяться циркулярами и приказами, полными пышных, но пустых фраз. Например, орловским полицеймейстером издан надвиг приказ, которым в подтверждение прежних распоряжений предлагается приставам лично, а равно чрез своих помощников, настойчиво внушать нижним полицейским чинам отнюдь не допускать грубого обращения и каких-либо насильственных действий при задержании пьяных на улицах и водворении их для вытрезвления при чашках, разъяснив нижним чинам, что на обязанности полиции лежит между прочим и охранение пьяных, которые без очевидной опасности для них не могут быть предоставлены самим себе, почему нижние полицейские чины, поставленные самим законом в качестве ближайших защитников и охранителей обывателей, при задержании и доставлении пьяного в часть не только не должны прибегать к какому-либо грубому и нечеловеческому обращению с ним, а, напротив, прилагать все зависящее от них меры к охранению лиц, доставляемых ими под стражу впредь до вытрезвления. Приказ предупреждает нижних полицейских чинов, что только таким сознательным и законным отношением к своим служебным обязанностям они в праве рассчитывать на доверие и уважение к ним населения и что, напротив того, всякое допущение полицейскими чинами произвола и жестокого обращения с пьяными, равно как причинение им каких-либо насильственных действий, несовместимых с долгом чинов полиции, обязанных служить примером порядочности и добрых нравов, неминуемо влекут за собою строгую кару закона, и виновные в допущении таковых поступков нижние полицейские чины будут предаваемы без всякого снисхождения суду.—Проект картинки для сатирического журнала: оправданный по обвинению в убийстве околоточный надзиратель читает приказ о том, что он должен служить примером порядочности и добрых нравов!

тив него травлю, которая, к слову сказать, продолжается и по сию пору. Правительство приняло реакционную программу: победив революционное движение 70-х годов, оно беззастенчиво объявило представителям общества, что считает их «улицей», чернью, которая не смеет вмешиваться не только в законодательство, но и в управление государством, которая должна быть изгнана из святилища, где над русскими обывателями чинят суд и расправу—по методу господ Пановых. В 1887-м году был издан закон, по которому дела о преступлениях, совершенных должностными лицами и против должностных лиц, изъяты из ведения суда присяжных и переданы суду коронных судей с сословными представителями. Как известно, эти сословные представители, слитые в одну коллегия с судьями-чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства. Это—один из тех законов, которые длинной вереницей тянутся через всю новейшую реакционную эпоху русской истории, объединенные одним общим стремлением: восстановить «твердую власть». Давлением обстоятельств власть вынуждена была во второй половине XIX-го века прийти в соприкосновение с «улицей», а состав этой улицы изменялся с поразительной быстротой, и темных обывателей заменяли граждане, начинающие сознавать свои права, способные даже выставить борцов за права. И, почувствовав это, власть с ужасом отпрянула назад и делает теперь судорожные усилия оградить себя китайской стеной, замуровать в крепость, недоступную ни для каких проявлений общественной самостоятельности... Но я несколько отклонился от своей темы.

Итак, благодаря реакционному закону, улица была устранена от суда над представителями власти. Чиновников судили чиновники. Это сказалось не только на приговоре, но и на всем характере предварительного и судебного следствия. Суд улицы ценен именно тем, что он вносит живую струю в тот дух канцелярского формализма, которым насквозь пропитаны наши правительственные учреждения. Улица интересуется не только тем, даже не столько тем,—обидой, побоями, или истязаниями будет признано данное деяние, какой род и вид наказания будет за него назначен, сколько тем, чтобы до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение, чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики. Улица хочет видеть в суде не «присутственное место», в котором приказные люди применяют соот-

ветственные статьи Уложения о наказаниях к тем или другим отдельным случаям,—а публичное учреждение, вскрывающее язвы современного строя и дающее материал для его критики, а следовательно, и для его исправления. Улица своим чутьем, под давлением практики общественной жизни и роста политического сознания, доходит до той истины, до которой с таким трудом и с такой робостью добирается «сквозь свои схоластические пути» наша официально-профессорская юриспруденция: именно, что в борьбе с преступлением неизмеримо большее значение, чем применение отдельных наказаний, имеет изменение общественных и политических учреждений. По этой причине и ненавидят—да и не могут не ненавидеть—суд улицы реакционные публицисты и реакционное правительство. По этой причине сужение компетенции суда присяжных и ограничение гласности тянутся красной нитью через всю пореформенную историю России, при чем реакционный характер «пореформенной» эпохи обнаруживается на другой же день после вступления в силу закона 1864-го года, преобразовавшего нашу «судебную часть» *). И именно на данном деле с особенной силой сказался недостаток «суда улицы». Кто мог бы на этом суде заинтересоваться общественной стороной дела и постараться выставить ее со всей выпуклостью? Прокурор? Чиновник, имеющий ближайшее отношение к полиции,—разделяющий ответственность за содержание арестантов и обращение с ними,—в некоторых случаях даже начальник полиции? Мы видели, что товарищ прокурора даже отказался от обвинения Панова в истязании. Гражданский истец, если бы жена убитого, выступавшая на суде свидетельницей Воздухова, предъявила гражданский иск к убийцам? Но где же было ей, простой бабе, знать, что существует какой-то гражданский иск в уголовном суде? Да если бы она и знала это, в состоянии ли была бы она нанять адвоката? Да если бы и была в состоянии, нашелся ли бы адвокат, который мог бы и захотел бы обратить общественное внимание на разоблачаемые этим убийством порядки? Да если бы и

*) Либеральные сторонники суда присяжных, полемизируя в легальной печати против реакционеров, нередко отрицают категорически политическое значение суда присяжных, усиливаясь доказать, что они вовсе не по политическим соображениям стоят за участие в суде общественных элементов. Отчасти это может зависеть, несомненно, от того политического недомыслия, которым часто страдают именно юристы, несмотря на их специальные занятия «государственными» науками. Но, главным образом, объясняется это необходимостью говорить эзоповским языком, невозможностью открытого заявления своих симпатий к конституции.

нашелся такой адвокат, могли ли бы поддержать в нем «гражданский пыл» такие «делегаты» общества, как сословные представители? Вот волостной старшина,—я имею в виду провинциальный суд,—конфузящийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные сапоги и свои мужицкие руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с цепью на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холеной наружностью, с аристократическими манерами. А рядом—судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дьяки, в приказах поседы, полные сознания важности выпавшей им задачи: судить представителей власти, которых недостойно судить суд улицы. Не отбила ли бы эта обстановка охоту говорить у самого красноречивого адвоката, не напомнила ли бы она ему старинное изречение: «не мечите бисера перед...»?

И вышло так, что дело прогнали точно на курьерских, точно желая поскорее сбыть его с рук *), точно боясь копнуть хорошенько всю эту мерзость: можно жить около отхожего места, привыкнуть, не замечать, обжиться, но стоит только приняться его чистить—и вонь непременно восчувствуют тогда все обитатели не только данной, но и соседних квартир.

Посмотрите, какую массу естественно напрашивающихся вопросов никто не потрудился даже выяснить. Зачем ездил Воздухов к губернатору? Обвинительный акт—этот документ, воплощающий стремление обвинительной власти раскрыть все преступление—не только не отвечает на этот вопрос, но даже прямо заминает его, говоря, будто Воздухов «был задержан в нетрезвом виде во дворе губернаторского дома городовым Шелеметьевым». Это дает даже повод думать, будто Воздухов бесчинствовал и где? Во дворе губернатора! А на самом деле Воздухов приехал к губернатору на извозчике жаловаться—это факт установленный. На что он жаловался? Смотритель губернаторского дома, Птицын, говорит, что Воздухов жаловался на какую-то пароходную пристань, где ему отказали в выдаче би-

*) О том, чтобы скорее довести дело до суда, никто и не подумал. Несмотря на замечательную простоту и ясность дела, происшествие 20-го апреля 1899-го года разбиралось в суде только 23-го января 1901-го года. Суд скорый, правый и милостивый!

лета на проезд (?). Свидетель Муханов, бывший приставом той части, где били Воздухова (а теперь состоящий начальником губернской тюрьмы в г. Владимире), говорит, что от жены Воздухова он слышал, что она с мужем пьянствовала и что их били в Нижнем и в речной полиции, и в Рождественской полицейской части, и об этих побоях и хотел Воздухов заявить губернатору. Несмотря на явное противоречие в показаниях этих свидетелей, суд не принимает ровно никаких мер для выяснения вопроса. Напротив, всякий имел бы полное право заключить, что суд не хочет выяснять этого вопроса. Жена Воздухова была свидетельницей на суде, но ее никто не поинтересовался спросить, действительно ли били ее и мужа в нескольких полицейских частях Нижнего? При какой обстановке их арестовывали? В каких помещениях били? Кто бил? Действительно ли муж хотел жаловаться губернатору? Не говорил ли муж еще кому-либо об этом своем намерении? Свидетель Птицын, который, будучи чиновником канцелярии губернатора, очень может быть не склонен был выслушивать от испьяного—но подлежащего все же вытрезвлению!—Воздухова жалобы на полицию, который поручил пьяному городовому Шелеметьеву отвезти для вытрезвления в часть жалобщика, этот интересный свидетель не был подвергнут перекрестному допросу. Извозчик Крайнов, который привез Воздухова к губернатору и отвез потом в часть, опять-таки не расспрашивается о том, не говорил ли ему Воздухов, зачем он едет? Что именно высказывал он Птицыну? Не слышал ли еще кто-либо этого разговора? Суд ограничивается прочтением краткого показания неявившегося Крайнова (удостоверяющего, что пьян Воздухов не был, а только немного выпивши), и товарищ прокурора нисколько не думает о том, чтобы добиться явки этого важного свидетеля. Если принять во внимание, что Воздухов—запасный унтер-офицер, значит, человек бывалый, законы и порядки немного знающий, что он даже после последнего смертельного боя говорит товарищам: «я подам жалобу»,—то становится более, чем вероятным, что он ездил к губернатору именно жаловаться на полицию, что свидетель Птицын лгал, выгораживая полицию, что лакеи судьи и лакей прокурор не хотели разоблачать этой щекотливой истории.

Далее. Почему и за что били Воздухова? Обвинительный акт опять-таки изображает это так, как только можно было изобразить выгоднее... для подсудимых. «Поводом к истязанию» послужил будто бы порез руки Шелеметьева, когда он вталкивал Воз-

духова в солдатскую. Вопрос в том, почему вталкивали спокойно говорившего и с Шелеметьевым и с Пановым Воздухова (предположим, что надо было непременно его вталкивать!) не в арестантскую, а сначала в солдатскую? Он отправлен для вытрезвления,—в арестантской есть уже несколько пьяных,—туда же попадает потом и Воздухов, зачем же Шелеметьев, «представив» его Панову, толкает в солдатскую? Очевидно, именно для того, чтобы избить. В арестантской есть народ, а в солдатской Воздухов будет один, а к Шелеметьеву придут на помощь товарищи и г. Панов, которому в настоящий момент «вверена» первая часть. Истязание было вызвано, значит, не случайным поводом, а совершенно по заранее обдуманному намерению. Предположить можно только одно из двух: либо всех, присылаемых в часть для вытрезвления (хоть бы и держащих себя вполне прилично и спокойно), отправляют сначала в солдатскую для «обучения», либо Воздухова повели бить именно за то, что он ездил к губернатору жаловаться на полицию. Газетные отчеты о деле так кратки, что категорически высказаться за последнее предположение (которое ничуть не невероятно) трудно, но предварительное и судебное следствие, конечно, могли бы досконально выяснить этот вопрос. Суд, разумеется, не обратил на этот вопрос никакого внимания. Говорю: «разумеется», ибо равнодушие судей отражает здесь не только чиновнический формализм, но и просто обывательский взгляд русского человека. «Нашли, чему удивляться! Убили пьяного мужика в части! То ли еще у нас бывает!» И обыватель указывает вам десятки случаев, несравненно более возмутительных и притом проходящих для виновников безнаказанно. Указания обывателя совершенно справедливы, и тем не менее он совершенно неправ и обнаруживает своим рассуждением только крайнюю обывательскую близорукость. Не потому ли у нас возможны несравненно более возмутительные случаи полицейского насилия, что это насилие составляет повседневную и обычную практику любой полицейской части? И не потому ли бессильно наше негодование против исключительных случаев, что мы созерцаем с привычным равнодушием «нормальные» случаи?—что наше равнодушие невозмутимо даже тогда, когда такое привычное и обычное явление, как битие пьяного (якобы, пьяного) «мужика» в части вызывает протест со стороны самого этого (казалось бы, привычного) мужика, расплачивающегося жизнью за продерзостную попытку принести смиреннейшую жалобу губернатору?

Есть и другое основание, не позволяющее пройти мимо этого,

самого обычного, случая. Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым. С этой стороны тоже безынтересно данное дело. Противозаконное и дикое битье в полиции происходит в Российской империи — без преувеличения можно сказать—ежедневно и ежечасно *). А до суда доходит оно в совершенно исключительных и крайне редких случаях. Это нисколько не удивительно, ибо преступником является та самая полиция, которой вверено в России раскрытие преступлений. Но это обязывает нас с тем большим, хотя бы и необычным, вниманием останавливаться на тех случаях, когда суду приходится приподнять завесу, прикрывающую обычное дело.

Обратите внимание, например, на то, как бьют полицейские. Их пятеро или шестеро, работают они с зверской жестокостью; многие пьяны, у всех шашки. Но ни один из них ни разу не ударяет жертву шашкой. Они люди опытные и прекрасно знают, как надо бить. Удар шашкой—улика, а избить кулаками—поди, потом, докажи, что били в полиции. «Избит в драке, взяли избитого»—и все шито-крыто. Даже в настоящем деле, когда случайно избили до смерти («и дернула же его нелегкая умереть;

*) Эти строки были уже написаны, когда газеты принесли еще одно подтверждение правильности такого утверждения. На другом конце России, в Одессе — городе, состоящем на столичном положении,— мировой судья оправдал некоего М. Клинкова, обвинявшегося, по протоколу околоточного надзирателя Садукова, в буйстве во время ареста в части. На суде обвиняемый, а также четыре свидетеля его показали следующее: Садуков задержал в пьяном виде и доставил в участок М. Клинкова. Вытрезвившись, Клинов стал требовать, чтобы его освободили. В ответ на это один городской схватил его за шиворот и стал бить, потом явилось еще трое городских, и все четверо стали истязать его, нанеся удары в лицо, голову, грудь и бока. Под градом сыпавшихся на него ударов Клинов, облитый кровью, свалился на пол, и тогда его стали уже бить лежащего с еще большим остервенением. Как показали Клинов и его свидетели, истязанием его руководил Садуков, поощрявший городских. Избитый Клинов потерял сознание, и когда пришел в себя, то был выпущен из участка. Немедленно Клинов отправился к врачу, которым был освидетельствован. Мировой судья посоветовал Клинову подать жалобу на Садукова и городских прокурору, на что Клинов ответил, что жалоба прокурору уже подана им, при чем свидетелями истязания его выступают двадцать человек.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что М. Клинову не удастся добиться предания суду и осуждения городских за истязание. Били не до смерти,—и если, паче чаяния, ответят, то пустяками.

мужик был здоровеннейший, кто бы мог этого ожидать?»), обвинению приходилось свидетельскими показаниями доказывать, что «Воздухов до отправления его в часть был совершенно здоров». Очевидно, убийцы, утверждавшие все время, что они вовсе и не били, говорили, что привезли избитого. А найти свидетелей в подобном деле—вещь невероятно трудная. По счастливой случайности оказалось еще, что окошечко из арестантской в солдатскую совсем заделано: правда, вместо стекла вставлен жестяной лист с наварченными дырами, и дыры из солдатской завешены кожей, но когда просунешь палец, кожа поднимается, и из арестантской можно тогда видеть, что делается в солдатской. Только поэтому на суде удалось вполне восстановить картину «обучения». Но такой беспорядок, как неплотно заделанное окно, мог быть, конечно, только в прошлом веке; в XX веке, наверное уже, окошечко из арестантской в солдатскую в первой кремлевской части Нижнего-Новгорода заделано наглухо... А раз нет свидетелей, то только бы попал человек в солдатскую!

Ни в одной стране нет такого юбилея законов, как в России. У нас на все есть законы. Есть и особый устав о содержании под стражею, в котором обстоятельно расписано, что задержание законно только в особых помещениях, подчиненных особому надзору. Закон, как видите, соблюдается; при полиции есть особая «арестантская». Но до арестантской «принято» «вталкивать» в «солдатскую». И хотя роль солдатской, как настоящего застенка, вполне ясна из данных всего процесса, тем не менее судебная власть и не подумала остановить свое внимание на этом явлении. Не от прокуроров же, в самом деле, ждать разоблачения безобразий нашего полицейского самовластья и борьбы с ним!

Мы коснулись вопроса о свидетелях в подобных делах. В лучшем случае свидетелями могут быть только люди, находящиеся в руках полиции; стороннему человеку лишь при совершенно исключительных условиях удастся наблюдать полицейское «учение» в части. А на тех свидетелей, которые в руках полиции, возможно полицейское воздействие. Было оно и в данном деле. Свидетель Фролов, находившийся во время убийства в арестантской, на предварительном следствии показал сначала, что Воздухова били и полицейские, и околоточный; потом снял оговор с околоточного Панова; на суде же заявил, что никто из полиции Воздухова не бил, что его наущали показать против полиции Семахин и Баринов (другие арестанты, бывшие главными свидетелями обвинения), что полиция его не наущала и не подучивала. Свидетели Фадеев и Антонова показали, что никто в солдатской

до Воздухова и пальцем не дотрагивался: там все сидели смирно и тихо, и никакой ссоры не было.

Как видите, явление опять самое обычное. И судебная власть отнеслась к нему опять — таки с привычным равнодушием. Есть закон, карающий за ложное показание пред судом довольно строго; возбуждение преследования против этих двоих лжесвидетелей пролило бы еще побольше света на полицейское бесчинство, от которого почти совершенно беззащитны те, кто имеет несчастье попадать в полицейские лапы (а несчастье это случается регулярно и постоянно с сотнями тысяч «простого» народа), — но суд думает только о применении статьи такой-то, а вовсе не об этой беззащитности. И эта деталь процесса, как и все остальные, показывает ясно, какая это всеохватывающая и крепкая сеть, какая это застарелая язва, для избавления от которой пужно избавление от всей системы полного самовластия полиции и полной бесправности народа.

Лет тридцать пять тому назад с одним известным русским писателем, Ф. М. Решетниковым¹⁾, случилась неприятная история. Отправился он в С.-Петербурге в дворянское собрание, ошибочно воображая, что там дают концерт. Городовые не пустили его и прикрикнули: «Куда ты лезешь? Кто ты такой?» — «Мастеровой!» — грубо отвечал рассердившийся Ф. М. Решетников. Результатом такого ответа — рассказывает Глеб Успенский²⁾ — было то, что Решетников ночевал в части, откуда вышел избитый, без денег и кольца. «Довожу об этом до сведения вашего превосходительства, — писал Решетников в прошении Спб. обер-полицеймейстеру. — Я ничего не ищу. Я только об одном осмеливаюсь утруждать вас, чтобы пристава, квартальные, их подчаски и городовые не били народ... Этому народу и так придется много получить всякой всячины».

Скромное желание, которым так давно уже осмеливался утруждать русский писатель начальника столичной полиции, осталось и по сие время невыполненным, и остается невыполнимым при наших политических порядках. Но в настоящее время взоры всякого честного человека, измученного созерцанием зверства и насилия, привлекает к себе новое могучее движение в народе, собирающее силы, чтобы смести с лица русской земли всякое зверство и осуществить лучшие идеалы человечества. За последние десятилетия ненависть к полиции во много раз возросла и окрепла в массах простого народа. Развитие городской жизни, рост промышленности, распространение грамотности, все это заронило и в темные массы стремление к лучшей жизни и со-

знание человеческого достоинства, а полиция осталась такой же самоуправной и зверской. К ее зверству прибавилась только большая утонченность сыска и травля нового, самого страшного врага: всего, что несет в народные массы луч сознания своих прав и веру в свои силы. Оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу.

II. Зачем ускорять превратность времен?

Интересный проект приняло орловское губернское дворянское собрание, и еще интереснее были прения по поводу этого проекта.

Суть дела вот в чем. Губернский предводитель дворянства, М. А. Стахович ³⁾ внес доклад, предлагая заключить договор с финансовым ведомством о предоставлении орловским дворянам должностей сборщиков. При введении винной монополии открывается в губернии 40 должностей сборщиков денег с казенных винных лавок. Вознаграждение сборщикам—2.180 руб. в год (900 руб. жалованья, 600 руб. разъездных и 680 руб. на стражника). Так вот хорошо бы дворянам эти места занять, а для этого составить артель и войти в договор с казной. Вместо требуемого залога (3—5 тысяч) делать вычеты первое время по 300 руб. в год с каждого сборщика и составить из этих денег дворянский капитал в обеспечение питейного ведомства.

Проект, как видите, отличается несомненной практичностью и доказывает, что наше высшее сословие в совершенстве обладает чутьем насчет того, где бы можно урвать казенного пирога. Но именно эта практичность и показалась многим благородным помещикам чрезмерной, неприличной, недостойной дворянина. Разгорелись прения, которые с особенной ясностью обнаружили три точки зрения на вопрос.

Первая—точка зрения практицизма. Кормиться надо, сословие нуждается, ...все же заработок, ...не отказать же бедным дворянам в помощи? Да и притом ведь сборщики могут содействовать отрезвлению народа! Вторая точка зрения—романтиков. Служить по питейной части, чуть-чуть повыше целовальников, в подчинении у простых управляющих складами, «часто лиц низших сословий»?—и полились горячие речи о великом призвании дворянства. Мы намерены остановиться именно на этих речах, но сначала укажем третью точку зрения—мужей государственных. С одной стороны, нельзя не сознаться, что как будто

и зазорно, но, с другой стороны, надо признаться, что выгодно. Можно однако и капитал приобрести и невинность соблюсти: управляющий акцизными сборами может назначать и без залогов, и те же 40 дворян могут получить места по ходатайству губернского предводителя дворянства—без всякой артели и договора, а то ведь, пожалуй, «министр внутренних дел остановит постановление в ограждение правильности общего государственного строя». Это мудрое мнение, вероятно, восторжествовало бы, если бы предводитель дворянства не сделал два существенно важных заявления: во-1-х, что договор уже представлялся в совет министра финансов, который признал его возможным и в принципе согласился на него. А, во-2-х, что «добыть эти места путем одного только ходатайства губернского предводителя дворянства нельзя». И доклад был принят.

Бедные романтики! Они потерпели поражение. А как они красиво говорили!

«До сих пор дворянство выставляло только руководителей. Доклад же предлагает образовать какую-то артель. Соответствует ли это прошлому, настоящему и будущему дворянства? По закону о сборщиках в случае обнаруженной растраты со стороны сидельца, дворянин должен стать за стойку. Лучше умереть, чем занять такую должность!»

Фу ты, господи, сколько в человеке благородства! Лучше умереть, чем торговать водкой! Вот торговать хлебом—это благородное занятие, особенно в неурожайные годы, когда можно нажиться на счет голодающих. А еще более благородное занятие—ростовщичествовать хлебом, ссужать его зимой голодным крестьянам под летнюю работу и рассчитывать эту работу втрое дешевле против вольных цен. Именно в той центрально-черноземной полосе, к которой принадлежит Орловская губерния, наши помещики с особенным усердием всегда занимались и занимаются этим благороднейшим видом ростовщичества. Ну, а для того, чтобы хорошенько отделить благородное ростовщичество от неблагородного, надо, конечно, как можно громче кричать о недостойном дворянина занятии ценовальника.

«Нужно строго охранять наше призвание, выраженное в известном высочайшем манифесте,—бескорыстно служить народу. Корыстное служение этому противоречит»... «У сословия, имеющего в прошлом такие заслуги, как ратная служба его предков, вынесшего на своих плечах великие реформы императора Александра II, есть почва для исполнения и в будущем своих обязанностей перед государством».

Да, бескорыстная служба! Раздача поместий, пожалование населенных имений, т.е. подарки тысяч десятин земли и тысяч крепостных душ, образование класса крупных землевладельцев, имеющих сотни, тысячи и десятки тысяч десятин земли и доводящих миллионы крестьян своей эксплуатацией до полной нищеты,—вот проявления этого бескорыстия. Но особенно мила ссылка на «великие» реформы Александра II. Например, освобождение крестьян—с каким бескорыстием наши благородные дворяне ободрали их, как линку: заставили выкупать их собственную землю, заставили платить за нее втридорога против настоящей цены, нагребали себе крестьянской земли в виде всяческих отрезков, пообменивали свои песочки, овраги и пустоши на хорошие крестьянские земли, а теперь еще имеют наглость хвастаться подобными подвигами!

«Патриотического сфера питейного дела ничего не представляет»... «Наши традиции основаны не на рублях, а на государственной службе. Дворянство не должно превращаться в биржу».

Зелен виноград! Превращаться в биржу дворянство «не должно», потому что на бирже требуются солидные капиталы, а господа вчерашние рабовладельцы прожились в пух и прах. Для широкой массы их не превращение в биржу, а подчинение бирже, подчинение рублю стало давно совершившимся фактом. И в погоне за рублем «высшее сословие» давно уже занимается такими высокопатриотическими делами, как производство сивухи, устройство сахароваренных и других заводов, участие во всяческих дутых торгово-промышленных предприятиях, обивание порогов у представителей высших придворных сфер, у великих князей, министров и проч., и проч., ради добывания концессий и правительственных гарантий для таких предприятий, ради выпрашивания себе подачек в виде льгот дворянскому банку, премий за вывоз сахара, кусочков (в тысячи десятин!) какой-нибудь башкирской земли, выгодных и теплых «доходных местечек» и т. п.

«Дворянская этика носит на себе следы истории, социального положения»...—и следы конюшни, приучившей дворян к насилиям и надругательствам над мужиком. Впрочем, вековая привычка властвовать выработала в дворянах и нечто более тонкое: умение облекать свои эксплуататорские интересы в пышные фразы, рассчитанные на одурачение темного «простолюда». Слушайте дальше:

«Зачем ускорять превратность времен? Пусть это будет предрассудок, но старые традиции не позволяют помогать этой превратности»...

В этих словах г-на Нарышкина⁴⁾ (одного из мужей совета, отстаивавших государственную точку зрения) видно верное классовое чутье. Конечно, боязнь должности сборщика (или даже целовальника) есть, по нынешним временам, предрассудок, но разве не благодаря предрассудкам темных масс крестьянства держится неслыханно-бесстыдная эксплуатация крестьян помещиками в нашей деревне? Предрассудки вымирают и без того; зачем же ускорять их вымирание, открыто сближая дворянина с целовальником, облегчая для крестьянина посредством этого сопоставления процесс (и без того уже начавшийся процесс) усвоения той простой истины, что благородный помещик—такой же ростовщик, грабитель и хищник, как и любой деревенский мироед, только неизмеримо более сильный, сильный своим землевладением, своими, веками сложившимися, привилегиями, своей близостью к царской власти, своей привычкой к господству и умением прикрывать свое нутро Иудушки целой доктриной романтизма и великодушия?

Да, г. Нарышкин, несомненно, муж совета, и его устами вещает государственная мудрость. Я не удивляюсь, что «маршал» орловского дворянства отвечал ему—с такой изысканностью выражений, которая сделала бы честь английскому лорду,—следующее:

«Возражать против тех авторитетов, которые мы здесь слышали, было бы смелостью с моей стороны, если бы я не был убежден, что, возражая против их мнений, я не возражаю против их убеждений».

Вот это верно, и притом в гораздо более широком смысле верно, чем воображал г. Стахович, который, поистине, нечаянно правду сказал. Убеждения у господ дворян одинаковы у всех—начиная от практиков и кончая романтиками. Все твердо верят в свое «священное право» на сотни или тысячи десятин земли, награбленной предками, или пожалованной грабителями, в право эксплуатировать крестьян и играть господствующую роль в государстве, в право на самые жирные (а при нужде и нежирные) куски казенного пирога, т.-е. народных денег. Расходятся же они только в мнениях о целесообразности отдельных мероприятий, и их прения при обсуждении этих мнений так же поучительны для пролетариата, как и всякий домашний спор в лагере эксплуататоров. В таких спорах наглядно выступает различие между общими интересами всего класса капиталистов или землевладельцев и интересами отдельных личностей или отдельных групп; в таких спорах пробалтывается нередко то, что, вообще говоря, тщательно скрывается.

Но помимо этого орловский эпизод проливает еще некоторый свет и на характер пресловутой питейной монополии. Каких только благ ни ждала от нее наша официальная и официозная пресса: и увеличения казенных доходов, и улучшения продукта, и уменьшения пьянства! А на деле вместо увеличения доходов до сих пор получилось только удорожание вина, запутанность бюджета, невозможность точно определить финансовые результаты всей операции; вместо улучшения продукта—получилось ухудшение, и вряд ли правительству удастся особенно импонировать публике тем сообщением, об успешных результатах «дегустации» новой «казенки», которое обошло недавно все газеты. Вместею уменьшения пьянства—увеличение числа мест тайной продажи вина, увеличение полицейских доходов с этих мест, открытие винных лавок вопреки воле населения, ходатайствующего о противном *), усиление пьянства на улицах **). А главное—какое новое гигантское поприще для чиновничьего самодурства и произвола, подхалимства и хищения открывает это создание новой отрасли многомиллионного казенного хозяйства, создание целой армии новых чиновников! Это настоящее нашествие целых туч чиновнической саранчи, подлизывающейся, интригующей, грабящей, изводящей паки и паки моря чернил и горы бумаги. Орловский проект—не что иное, как попытка облечь в законные формы то стремление урвать более или менее жирные кусочки казенного пирога, которое охватывает нашу провинцию и неминуемо грозит стране—при условии чиновнического самовластия и общественной безгласности—дальнейшим усилением произвола и хищения. Вот маленький примерчик: еще осенью проскользнула в газетах заметка о «строительном анекдоте в области винной монополии». В Москве сооружаются три винных склада, которые

*) Недавно, например, газеты сообщали, что в Архангельской губернии некоторые селения еще в 1899 году составили приговоры, чтобы у них не открывали винных лавок. Правительство, вводящее там именно теперь питейную монополию, ответило, конечно, отказом: очевидно из попечительства о народной трезвости!

**) Мы уже не говорим о том, какую массу денег потеряли от казенной монополии крестьянские общества. Прежде они взимали плату с содержателей винных лавок. Казна отняла у них этот источник дохода, не вознаградив их ни единой копейкой! В своей интересной книге «Das hungernde Russland» (Reiseindrücke, Beobachtungen und Untersuchungen. Von C. Lehmann und F. F. F. Stuttgart, Dietz Verlag, 1900), Парвус ⁵⁾ справедливо называет это ограблением мирских касс. Он сообщает, что по расчету самарского губернского земства потеря всех крестьянских обществ губернии от введения винной монополии составила за три года (95—97) 3.150.000 рублей.

должны обслуживать всю губернию. На постройку этих складов министерством было ассигновано 1.637.000 руб. И вот оказывается, что «определилась потребность в дополнительном кредите в размере двух с половиной миллионов» *). Очевидно, здесь должностные лица, которым вверено было казенное имущество, хапнули немножко побольше, чем 50 шаровар и несколько штук сапожного товара!

III. Объективная статистика.

Наше правительство привыкло обвинять своих противников в тенденциозности—и не только революционеров, но и либералов. Случалось ли вам, например, видеть отзывы официальной печати о либеральных (легальных, конечно) органах? В органе министерства финансов, «Вестнике Финансов», бывали иногда обзоры печати, и всякий раз, когда ведущий эти обзоры чиновник говорил об оценке бюджета или голода, или какой-либо правительственной меры в одном из наших либеральных (толстых) журналов, он всегда с негодованием отмечал их «тенденциозность», противопоставляя ей «объективное» указание не только на «темные стороны», но и на «отрадные явления». Это, разумеется,—не более, как маленький примерчик, но он иллюстрирует обычное отношение правительства, обычное стремление его кичиться своей «объективностью».

Попробуем сделать удовольствие этим строгим и беспристрастным судьям. Попробуем обратиться к статистике. Мы возьмем, конечно, не статистику тех или иных фактов общественной жизни: известно, что факты и регистрируются людьми пристрастными и обобщаются учреждениями иногда решительно «тенденциозными»—вроде земства. Нет, мы возьмем статистику... законов. Смеем думать, ни один самый ярый сторонник правительства не решится утверждать, что может быть что-либо объективнее и беспристрастнее статистики законов—простого подсчета того, что само правительство постановляет, совершенно независимо от всяких соображений о расхождении между словом и делом, постановлением и исполнением и т. п.?

Итак, к делу.

При правительствующем сенате издается, как известно, «Собрание узаконений и распоряжений правительства», периодически вещающее о каждом мероприятии правительства. Вот эти данные мы и возьмем и посмотрим, о чем правительство узаконяет

*) Курсив автора. См. «С.-Петербургские Ведомости», 1900, № 239, от 1-го сентября.

и распоряжастся. Именно: о чем. Мы не позволим себе критики начальственных велений,—мы только подсчитаем число «онных», относящихся до той или другой области. В январских газетах перепечатано из названного правительственного издания содержание № 2905 до 2929 за прошлый год и № 1—60 за текущий. Итого 91 узаконение и распоряжение за период от 29-го декабря 1900 г. до 12-го января 1901 г.—как, раз на рубеже столетий. По своему характеру, эти 91 узаконение представляют особенное удобство для «статистической» обработки: среди них нет никаких особенно выдающихся законов, ничего такого, что отодвигало бы совершенно на задний план все остальное и налагало особую печать на данный период внутреннего управления. Все—узаконения сравнительно мелкие, удовлетворяющие текущим запросам, возникающим постоянно и регулярно. Мы застаем таким образом правительство в его будничном виде, а это еще раз гарантирует нам объективность «статистики».

Из 91 узаконения 34, т.-е. более трети, трактуют об одном и том же предмете: о продлении сроков для оплаты капитала по акциям или для взноса денег за акции различных торгово-промышленных акционерных обществ. Чтение этих узаконений можно рекомендовать читателям газет для освежения в своей памяти списка производств в нашей промышленности и названия различных фирм. Совершенно аналогично содержание второй группы узаконений: об изменении уставов торгово-промышленных обществ. Сюда относятся 15 узаконений, реформирующих статуты товарищества чайной торговли бр. К. и С. Поповых, товарищества картонно-тольного производства А. Науман и К^о, товарищества кожевенного производства и торговли кожевенными, холщевыми и полотняными товарами под фирмою И. А. Осипов и К^о, и т. д. и т. д. Наконец, к этого же рода узаконениям надо прибавить еще 11, из которых шесть посвящены удовлетворению тех или других нужд торговли и промышленности (учреждение общественного банка и общества взаимного кредита, назначение цен процентным бумагам, принимаемым в залог при казенных подрядах, правила обращения по железным дорогам вагонов, принадлежащих частным лицам, инструкция для маклеров Борисоглебской хлебной биржи), и пять—учреждают при четырех заводах и одном руднике шесть новых должностей городских и две должности конно-полицейского урядника.

Итак, 60 узаконений из 91, т.-е. две трети, посвящены самому непосредственному удовлетворению различных практических нужд наших капиталистов и (отчасти) охране их от рабочих возму-

щений. Бесстрастный язык цифр свидетельствует, что по преобладающему характеру своих будничных узаконений и распоряжений наше правительство—верный слуга капиталистов, играющий по отношению ко всему классу капиталистов совершенно ту же роль, какую играет какая-нибудь, скажем, постоянная контора съезда железозаводчиков или канцелярия синдиката сахарозаводчиков по отношению к капиталистам отдельных отраслей производства. Конечно, то обстоятельство, что пустяшное изменение устава какого-нибудь товарищества или продление срока для оплаты его акций составляют предмет особых узаконений, зависит просто от тяжеловесности нашей государственной машины; достаточно маленького «усовершенствования механизма», и все это отойдет в область ведения местных учреждений. Но, с другой стороны, тяжеловесность механизма, чрезмерная централизация, необходимость самому правительству сунуть во все свой нос—все это явления общие, распространяющиеся на всю нашу общественную жизнь, а вовсе не на одну только сферу торговли и промышленности. Поэтому сопоставление числа узаконений того или другого рода может вполне служить приблизительным показателем того, о чем наше правительство думает и заботится, чем интересуется.

Вот, например, частными обществами, если они не преследуют нравственно столь почтенной и политически столь безопасной цели наживы, наше правительство интересуется уже несравненно менее (если не считать проявлением интереса стремление затормозить, запретить, закрыть и пр.). За «отчетный» период—пишущий эти строки состоит на службе и потому надеется, что читатель простит ему употребление бюрократических терминов—утверждены уставы двух обществ (общества вспомоществования нуждающимся учащимся Владикавказской мужской гимназии и Владикавказского о-ва учебно-воспитательных прогулок и путешествий) и всемилостивейше разрешено изменить уставы трех (ссудосберегательной и вспомогательной касс служащих и рабочих на Людиновском и Сукременском заводах и на Мальцевской железной дороге; первого общества хмелеводства; благотворительного общества поощрения женского труда). 55 узаконений о торгово-промышленных обществах и 5—о всяких других. В сфере торгово-промышленных интересов «мы» стремимся стоять на высоте задачи, стремимся делать все возможное для облегчения союзов между купцами и промышленниками (стремимся, но не делаем, ибо тяжеловесность машины и безграничная болочита ставят очень тесные пределы «возможному» в полицейском госу-

дарстве). В сфере же некоммерческих союзов мы принципиально стоим за гомеопатию. Ну, общество хмелеводства или поощрения женского труда—это еще ничего себе. А вот учебно-воспитательные прогулки... Господь их знает, о чем они на прогулках говорить будут и не будет ли затруднен необслабый надзор со стороны инспекции? Нет уже, знаете ли, с огнем надо обращаться осторожнее.

Школы. Учреждены целых три школы. И притом какие школы! Низшая школа скотников в имении его императорского высочества великого князя Петра Николаевича, при селе Благодатном. Что села великих князей все должны быть благодатные—в этом я давно уже не сомневался. Но теперь я не сомневаюсь и в том, что просвещением младшего брата могут искренно и от всей души интересоваться и увлекаться даже самые высокие персоны. Далее: утверждены уставы Дергачевской сельской ремесленной учебной мастерской и Асановской низшей сельско-хозяйственной школы. Жаль, что у нас нет под руками никакого справочника, чтобы посмотреть, не принадлежат ли каким-нибудь высоким персонам и эти благодатные села, в которых с такой энергией культивируется народное образование и... помещичье хозяйство. Впрочем, я утешаю себя тем, что подобные справки не входят в число обязанностей статистика.

Вот и все узаконения, выражающие «попечения правительства о народе». Группировку я производил, как видите, по самым льготным принципам. Почему, например, общество хмелеводства не есть коммерческое общество? Только разве потому, что там иногда, может быть, говорят не об одной коммерции? Или школа скотников—кто ее, собственно говоря, разберет, действительно ли это школа или только усовершенствованный скотный двор?

Остается последняя группа узаконений, выражающих попечение правительства о самом себе. Сюда относится втрое большее число узаконений (22), чем то, которое мы отнесли к двум предыдущим рубрикам. Здесь—ряд административных реформ, одна другой радикальнее: переименование селения Платоновского в селение Николаевское; изменение уставов, штатов, правил, списков, времени открытия заседания (некоторых уездных съездов) и проч.; увеличение содержания повивальным бабкам, состоящим при частях войск Кавказского военного округа; определение размера денежного отпуска на ковку и лечение строевых казачьих лошадей; изменение устава частной торговой школы в Москве, правила о стипендии имени надворного советника Даниила Самуиловича Полякова в Козловском коммерческом училище. Я не знаю, впрочем, правильно ли я классифицировал эти последние уза-

конения: действительно ли они выражают попечение правительства о самом себе, а не о торгово-промышленных интересах? Прошу снисхождения у читателя—ведь это первый опыт статистики узаконений; до сих пор никто не пытался еще возвести эту область знания на степень строгой науки,—никто, не исключая даже профессоров русского государственного права.

Наконец, одно узаконение должно быть выделено в особую самостоятельную группу как по своему содержанию, так и по тому, что это—первое мероприятие правительства в новом столетии: «об увеличении площади лесов, предназначенных для развития и улучшения императорской охоты». Великий дебют, достойный великой державы!

Теперь надо подвести поверочный итог. Статистика без этого не обходится.

Полсотни узаконений и распоряжений, посвященных отдельным торгово-промышленным компаниям и предприятиям; два десятка административных переименований и преобразований; два вновь созданных и три реформированных частных общества; три школы, приготавливающие помещичьих служащих; шесть городских и два конно-полицейских урядника при заводах. Можно ли сомневаться, что столь богатая и разносторонняя законодательно-административная деятельность гарантирует нашему отечеству быстрый и неуклонный прогресс в XX-м веке?

„Заря“ 6) № 1,

апрель 1901 г.

за подписью: „Т. Х.“.

ГОНИТЕЛИ ЗЕМСТВА И АННИБАЛЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

*Напечатано
в журнале „Заря“ № 2—3.
Декабрь 1901 г.*

Если про русского крестьянина было сказано, что он всего более беден сознанием своей бедности, то про русского обывателя или подданного можно сказать, что он, будучи беден гражданскими правами, особенно беден сознанием своего бесправия. Как мужик привык к своей безысходной нищете, привык жить, не задумываясь над ее причинами и возможностью ее устранения, так русский обыватель вообще привык к всевластью правительства, привык жить, не задумываясь над тем, может ли дальше держаться это всевластие и нет ли рядом с ним таких явлений, которые подтачивают застарелый политический строй. Особенно хорошим «противоядием» против этой политической бессознательности и спячки являются обыкновенно «секретные документы» *), показывающие, что не только какие-нибудь отчаянные головорезы или завзятые враги правительства, но и сами члены правительства, до министров и царя включительно, сознают шаткость самодержавной формы правления и изыскивают всяческие способы улучшить свое положение, совершенно их не удовлетворяющее. К таким документам принадлежит записка Витте ⁷⁾, который, повздорив с министром внутренних дел, Горемыкиным ⁸⁾, из-за вопроса о введении земских учреждений на окраинах, решил особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавию составлением обвинительного акта против земства **).

Обвиняется земство в том, что оно не совместимо с самодержавием, что оно конституционно по самому своему характеру, что существование его неизбежно порождает трения и столкновения между представителями общества и правительства. Обвинительный акт составлен на основании очень (сравнительно) обширного и очень недурно обработанного материала, а так как это обвинительный акт по политическому делу (и притом довольно

*) Я говорю, разумеется, только о том — далеко не единственном и далеко не особенно «сильно действующем» — роде «противоядий», который состоит из произведений печати.

**) «Самодержавие и земство». Конфиденциальная записка министра финансов С. Ю. Витте, с предисловием и примечаниями Р. Н. С. ⁹⁾. Печатано «Зарей». Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. 1901. Стр. XI-IV и 212.

своеобразному), то можно быть уверенным, что его будут читать с неменьшим интересом и с неменьшей пользой, чем печатавшиеся некогда в наших газетах обвинительные акты по политическим процессам.

I.

Попробуем же рассмотреть, оправдывается ли фактами утверждение, что наше земство конституционно, и если да, то в какой мере и в каком именно смысле.

В этом вопросе особенно важное значение имеет эпоха введения земства. Падение крепостного права было таким крупным историческим переломом, который не мог не надорвать и полицейской завесы, прикрывающей противоречия между классами. Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс,—дворянство,—обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений. Напоминание об этом факте в записке Витте чрезвычайно поучительно. «Заявления о необходимости общего дворянского «представительства», о «праве земли русской иметь своих выборных для совета верховной власти» делались уже в дворянских собраниях 1859—1860 годов». «Произносилось даже слово «конституция» *). «На необходимость призыва общества к участию в управлении указывали и некоторые губернские комитеты по крестьянскому делу, и члены комитетов, вызванные в редакционные комиссии. «Депутаты явно стремятся к конституции», — писал в 1859 г. в дневнике своем Никитенко» ¹⁰⁾.

«Когда, после обнародования Положения 19-го февраля 1861 г., эти надежды на самодержавие оказались далеко не осуществленными, и вдобавок от исполнения этого Положения были удалены более «красные» элементы из самой администрации (как Н. Милютин ¹²⁾), то движение в пользу «представительства» стало единодушнее. Оно выразилось в предложениях, внесенных во многие дворянские собрания 1862 г. и в целых адресах этих собраний в Новгороде, Туле, Смоленске, Москве, Петербурге, Твери. Из адресов более замечателен московский, который просил местного самоуправления, гласного судопроизводства, обязательного выкупа крестьянских земель, публичности бюджета, свободы печати и созвания в Москве земской думы из

*) Драгоманов ¹¹⁾. «Земский либерализм, в России», стр. 4. Автор записки г-на Витте частенько не указывает, что он списывает Драгоманова (ср., напр., «Записку», стр. 36—37, и цит. статью, стр. 55—56), хотя в других местах он на него ссылается.

всех классов для приготовления цельного проекта реформ. Резче всех были постановления и адрес тверского дворянства от 2-го февраля о необходимости ряда гражданских и экономических реформ (например, уравнивания прав сословий, обязательного выкупа крестьянских земель) и созвания выборных всей земли русской, как единственного средства к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но неразрешенных Положением 19-го февраля» *).

«Несмотря на административные и судебные наказания, которым подверглись инициаторы тверского адреса **), — продолжает Драгоманов, — (впрочем, не прямо за адрес, а за резкую мотивировку коллективного выхода из должности мировых посредников) заявления в духе его делались в разных дворянских собраниях 1862 и начала 1863 г., в которых в то же время вырабатывались и проекты местного самоуправления».

«В это время конституционное движение шло и среди «разночинцев» и выразилось здесь тайными обществами и прокламациями, более или менее революционными: «Великорусс» (с августа по ноябрь 1861 г.; в издании принимали участие офицеры, как Обручев и др.), «Земская Дума» (1862 г.), «Земля и Воля» (1862—63 г.г.) ¹⁵)... Пущен был при «Великоруссе» и проект адреса, который должен быть представлен государю, как говорилось многими, к празднованию 1000-летия России в августе 1862 г.). В этом проекте адреса, м. пр., говорилось: «Благоволите, государь, созвать в одной из столиц нашей русской родины, в Москве или Петербурге, представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России...» ***).

Если мы припомним еще прокламацию «Молодой России» ¹⁶), многочисленные аресты и драконовские наказания «политических» преступников Обручева, Михайлова ¹⁷ и др.), увенчавшиеся беззакон-

*) Драгоманов, 5. Сокращенный пересказ в «Записке», стр. 64, с ссылкой не на Драгоманова, а на цитируемые Драгомановым «Колокол», № 126, и «Revue de deux mondes», 1862, 15-го июня.

**) Кстати. Недавно (19-го апреля н. г.) скончался в своем родном имении Тверской губернии один из этих инициаторов, Николай Александрович Бакунин, младший брат знаменитого М. А. Бакунина ¹⁸). Н. А. вместе с своим младшим братом Алексеем и другими посредниками подписал адрес 1862 г. Этот адрес — сообщает автор заметки о Н. А. Бакунине в одной из наших газет — навлек кару на подписавшихся. После годового ареста в Петропавловской крепости заключенные были освобождены, при чем Н. А. и брат его Алексей остались непрощенными (они не подписали просьбы о помиловании), вследствие чего им более не разрешили занимать общественных должностей. После этого Н. А. никогда более не выступал, да и не мог более выступать на общественном поприще... Вот как расправлялось во время самих «великих реформ» наше правительство с легально действовавшими дворянами-помещиками! И это было в 1862 г., до польского восстания, когда даже Катков ¹⁴) предлагал созвание всероссийского земского собора.

***). Ср. «За сто лет» В. Бурцева, стр. 39.

ным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского, то для нас ясна будет та общественная обстановка, которая породила земскую реформу. Говоря, что «мысль при создании земских учреждений была несомненно «политическая», что с либеральным и конституционалистическим настроением общества в правящих сферах «несомненно считались», «Записка» Витте говорит лишь половину правды. Тот казенный, чиновнический взгляд на общественные явления, который обнаруживает везде автор «Записки», сказывается и здесь, сказывается в игнорировании революционного движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство защищалось от натиска революционной «партии». Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения. Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола»¹⁸⁾, могучая проповедь Чернышевского¹⁹⁾, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» *) приходилось с помощью воен-

*) А. Пантелеев, «Из воспоминаний 60-х годов», стр. 315 сборника «На славном посту». В этой статейке сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 1861—1862 г.г. и полицейской реакции... «К началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майские пожары 1862 г. в Петербурге». Начались они 16-го мая, особенно выделились 22-го и 23-го мая — в этот последний день было пять пожаров, — 28-го мая запылал Анраксин двор и выгорело громадное пространство вокруг него. В народе стали обвинять в поджогах студентов, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацию «Молодой России», которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякие средства, рассматривали как подтверждение слухов об умышленных поджогах. «Вслед за 28-м мая в Петербурге было объявлено нечто вроде военного положения». Учрежденному особому комитету было поручено принятие чрезвычайных мер к охране столицы. Город был разделен на три участка, с военными губернаторами во главе. По делам о поджоге введен военно-полевой суд. Приостановлены на

ной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян—мировых посредников—применять такое «Положение», студенческие беспорядки,—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной. При таких условиях самодержавное правительство, которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарилы и армии чиновных пиявок, а, с другой стороны, в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов,—подобное правительство не могло поступать иначе, как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т.-е. «коновоодов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных. Каторга — тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы «великому освобождению»; реформы (безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы) — тем, кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса.

Мы не хотим сказать, что эта рассчитанная полицейско-реакционная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преследуема всеми или хотя бы даже несколькими членами правящей клики. Отдельные члены ее могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться над этой тактикой в ее целом и наивно восторгаться «либерализмом», не замечая его полицейского

8 месяцев «Современник» и «Русское Слово», прекращен «День» Аксакова, объявлены суровые временные правила о печати (утвержденные еще 12-го мая, т.-е. до пожаров. След., «ход жизни» резко направлялся в сторону реакции и независимо от пожаров, вопреки мнению г. Пантелеева), правила о надзоре за типографиями, последовали многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко ²⁰) и др.), закрыты воскресные школы и народные читальни, затруднено разрешение публичных лекций в Петербурге, закрыто 2-е отделение при Литер. Фонде, закрыт даже Шахматный клуб.

Следственная комиссия не открыла никакой связи пожаров с политикой. Член комиссии, Столбовский, рассказывал г. Пантелееву, «как удалось ему в комиссии вывести на свежую воду главных лжесвидетелей, которые, кажется, были простым орудием полицейских агентов» (325—326). Итак, есть очень веское основание думать, что слухи о студентах-поджигателях распускала полиция. Гнуснейшее эксплуатирование народной темноты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар «эпохи великих реформ».

футляра. Но в общем и целом несомненно, что коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику. Не даром же большинство вельмож и сановников прошло длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и медные трубы. Они помнили, как монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых²¹⁾ и «спускали» на верноподданных Аракчеевых²²⁾; они помнили 14-е декабря 1825 г.²³⁾ и проделывали ту функцию европейской жандармерии, которую (функцию) исполнило русское правительство в 1848—49 годах²⁴⁾. Исторический опыт самодержавия не только заставлял правительство следовать тактике запугивания и развращения, но и многих независимых либералов побуждал рекомендовать правительству эту тактику. Вот в доказательство правильности этого последнего мнения рассуждения Кошелева и Кавелина²⁵⁾. В своей брошюре: «Конституция, самодержавие и земская дума» (Лейпциг 1862 г.) А. Кошелев высказывается против конституции за совещательную Земскую Думу и предвидит такое возражение:

«Созывать Земскую Думу—значит вести Россию к революции, т.-е. к повторению у нас *Etats généraux*, превратившихся в Конвент и заключивших свои действия событиями 1792 года, с проскрипциями, гильотиной, *poiyades* и пр.». «Нет! господа,—отвечает Кошелев,—не созвание Земской Думы открывает, подготавливает поприще для революции, как вы ее понимаете; а скорее и вернее ее производят действия со стороны правительства, нерешительные и противоречащие, шаг вперед и шаг назад, повеления и законы неудобноисполнимые, оковы, налагаемые на мысль и слово; полицейское (явное и тем еще хуже тайное) наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищения казны, чрезмерные и неразумные ее расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчужденность от России и пр., и пр. Еще вернее могут довести до революции (опять в вашем смысле) в стране, только очнувшейся от многолетнего гнета, военные экзекуции, казематы и ссылки: ибо раны наболевшие несравненно чувствительнее и раздражительнее, чем раны новые. Но не опасайтесь: революции, произведенной во Франции, как вы полагаете, журналистами и другими писателями, у нас не будет. Надеемся также, что в России не составится (хоть за это отвечать труднее) общество горячих, отчаянных голов, которые изберут убийство средством к достижению своих целей. Но гораздо вероятнее и опаснее то, что возникнет, незаметно для земской, городской и тайной полиции, под влиянием раскола, согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России» и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедующее равенство не

перед законом, а вопреки ему (какой бесподобный либерализм! Мы, разумеется, за равенство, но за равенство не вопреки закону,—закону, разрушающему равенство!), не народную историческую общину, а болезненное ее исчадие, и власть не разума, которой так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают,—такое согласие, говорю, у нас гораздо возможнее, и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить. Не думайте, что партия внутренней, тайной, безыменной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ее ветви и корни; нет! воспрещением молодежи доучиться, возведением шалостей в чин государственных преступлений, всякими мелочными преследованиями и наблюдениями вы удесятерили силу этой партии, рассеяли и размыслили ее по империи. При взрыве такого согласия к чему прибегнут наши государственные люди?—К военной силе? Но можно ли будет на нее наверное рассчитывать?» (стр. 49—51).

Разве из пышных фраз этой тирады не вытекает с очевидностью тактика: истребить «отчаянные головы» и приверженцев «согласия между крестьянами и мещанами», а «благомыслящую умеренную оппозицию» удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнее и ловчее, чем воображали г.г. Кошелевы, и отделалось меньшими уступками, чем «совещательная» Земская Дума.

А вот частное письмо К. Д. Кавелина к Герцену от 6-го августа 1862 года: «...Вести из России, на мой взгляд, не так плохи. Арестован не Николай, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют и, признаюсь, не кажутся мне возмутительными. Революционная партия считает пригодными все средства, чтобы ниспровергнуть правительство, а правительство защищается всеми средствами. Другое дело были аресты и ссылки при подлеме Николае. Люди гибли за свои мысли, убеждения, веру и слова. Я хотел бы, чтобы ты был на месте правительства, и посмотрел бы я тогда, как стал бы ты поступать против партий, которые и тайно и открыто работают против тебя. Я люблю Чернышевского, очень, очень люблю, но такого Brouillon (задиру, сварливого, неуживчивого человека, сеящего раздоры), «такого бестактного, самоуверенного человека я еще никогда не видал. Погибать из-за ничего, ровно-таки из-за ничего! Что пожары находятся в связи с прокламациями, это не подлежит теперь никакому сомнению» *).

*) Цитируем по немецкому переводу Драгомановского издания переписки К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева с А. И. Герценом: «Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten», herausgegeben von Th. Schieman, Bd. 4 S. 65—66, Stuttgart 1894.

Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают фразерствующих либералов, так задорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку. С подобными людьми и он, либеральный профессор, расправлялся бы «всеми средствами», если бы был у власти.

II.

Итак, земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска. Мы остановились особенно подробно на характеристике этого натиска, чтобы дополнить и исправить изложение «Записки», бюрократический автор которой затушеввал борьбу, породившую эту уступку. Но половинчатый, трусливый характер этой уступки довольно ясно обрисован и «Запиской»:

«В начале, когда только что приступлено было к земской реформе, несомненно, имелось в виду сделать первый шаг на пути к введению представительных учреждений *); но потом, когда графа Ланского и Н. А. Милютина сменил граф Валуев ²⁸⁾, проявилось весьма ясно желание, которое не отрицал и сам бывший министр внутренних дел, действовать в духе «примирительном», «мягко и уклончиво». «Правительство само не выяснило себе своих видов,—говорил он,—в это время. Словом, была сделана попытка, которая, к сожалению, весьма часто повторяется государственными людьми и всегда дает отрицательные для всех результаты,—попытка действовать уклончиво между двумя противоположными мнениями и, удовлетворяя либеральным стремлениям, сохранить существующий порядок...».

Презабавно здесь это фарисейское «к сожалению»! Министр полицейского правительства выставляет здесь случайностью тактику, которой это правительство не может не следовать, которую оно проводило при издании законов о фабричной инспекции, закона о сокращении рабочего дня (2-го июня 1897 г. ²⁹⁾), которую оно проводит и теперь посредством заигрывания генерала Ванновского с «обществом».

«С одной стороны, в объяснительной записке к положению о земских учреждениях говорилось, что задача проектируемого закона—по возможности полное и последовательное развитие начал местного само-

*) Несомненно, что автор «Записки», говорящий со слов Леруа-Болье ²³⁾, попадает в обычное бюрократическое преувеличение. «Несомненно», что ни Ланской ²⁷⁾, ни Милютин ничего действительно определенного в виду не имели, и принимать за «первый шаг» уклончивые фразы Милютина («в принципе сторонник конституции, но считает введение ее преждевременным») смешно

управления, что «земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти...». Тогдашний орган министерства внутренних дел, «Северная Почта», в своих статьях делал весьма ясные намеки, что создаваемые учреждения явятся школой учреждений представительных.

«С другой стороны... земские учреждения называются в объяснительной записке частными и общественными, подчиняющимися общим законам на том же основании, как отдельные общества и частные лица...

«Как самые постановления Положения 1864 г., так в особенности все последующие мероприятия министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям довольно ясно свидетельствуют, что «самостоятельности» земских учреждений весьма опасались и боялись давать надлежащее развитие этим учреждениям, вполне понимая, к чему оно поведет» (курсив везде наш)... «Несомненно, что те, кому пришлось завершить земскую реформу, проводили эту реформу лишь в уступку общественному мнению, чтобы, как значилось в объяснительной записке, «положить предел возбужденным по поводу образования земских учреждений несбыточным ожиданиям и свободным стремлениям разных сословий»; в то же время лица эти ясно понимали ее (?реформу?) и стремились не давать земству надлежащего развития, придать ему частный характер, ограничить его в компетенции и проч. Успокаивая либералов обещаниями, что первый шаг не будет последним, говоря или, вернее, повторяя сторонникам либерального направления о необходимости сообщить земским учреждениям действительную и самостоятельную власть, граф Валуев уже при самой выработке Положения 1864 г. всячески старался ограничить эту власть и поставить земские учреждения под строгую административную опеку...

«Не проникнутые одной руководящей мыслью, будучи компромиссом двух противоположных направлений, земские учреждения в той форме, в какой создало их Положение 1864 г., когда началось их применение, оказались не отвечающими ни основной идее самоуправления, положенной в их основание, ни тому административному строю, в который они были механически вставлены и который, к тому же, остался unreformированным и неприспособленным к новым условиям жизни. Положение 1864 г. пытаюсь совместить несогласимые вещи и тем одновременно удовлетворить сторонников и противников земского самоуправления. Первым предлагалась внешность и надежды на будущее, в угоду вторым компетенция земских учреждений была определена крайне эластично...»

Какие иногда меткие слова бросают нечаянно наши министры, когда они хотят подставить ножку какому-нибудь коллеге и выказать свое глубокомыслие, и как полезно было бы всем прекраснодушным русским обывателям и всем поклонникам «великих» ре-

форм повесить себе на стену в золотой рамке великие заветы полицейской мудрости: «успокаивать либералов обещаниями, что первый шаг не будет последним», «предлагать» им «внешность и надежды на будущее»! Особенно в настоящее время полезно было бы справляться с этими заповедями при чтении каждой газетной статьи или заметки о «сердечном попечении» генерала Ванновского.

Итак, земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством. Земства не имели своих исполнительных органов, они должны были действовать через полицию, земства не были связаны друг с другом, земства были сразу поставлены под контроль администрации. И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика не могла ужиться с выборным всеобщим представительством и принялась всячески травить его. Сюда данных об этой травле, несмотря на явную неполноту его, представляет собой очень интересную часть «Записки».

Мы видели, как трусливо и как неразумно поступали либералы по отношению к революционному движению начала 60-х годов. Вместо того, чтобы поддерживать «согласие» мещан и крестьян с приверженцами «Великоросса», они боялись этого «согласия» и страшали им правительство. Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широкозвещательного краснбайства и позорной дряблости. Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и бороться за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснять либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты «с разрешения начальства». Пока серьезно грозило «согласие мещан и крестьян» с революционерами, само министерство внутренних дел бормотало о «школе представительных учреждений», а когда «бестактные и самоуверенные» свистуны и «задиры» были удалены,—«школяров» без церемонии взяли в ежовые рукавицы. Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатай-

ствует о расширении прав, а у земства неуклонно отбирают одно право за другим и на ходатайства отвечают «отеческими» поучениями. Но пусть говорят исторические даты, хотя бы даже только приведенные в «Записке».

12-го октября 1866 г. циркуляр министерства внутренних дел ставит служащих земства в полную зависимость от правительственных учреждений. 21-го октября 1866 г. выходит закон, ограничивающий право земств облагать сборами торговые и промышленные заведения. В Петербургском земском собрании 1867 г. резко критикуют этот закон и принимают (по предложению графа А. П. Шувалова) решение ходатайствовать пред правительством, чтобы вопросы, затронутые этим законом, обсуждались «совокупными силами и одновременным трудом центральной администрации и земства». На это ходатайство правительство отвечает закрытием петербургских земских учреждений и репрессиями: председатель С.-Петербургск. земской управы Крузе сослан в Оренбург, граф Шувалов—в Париж, сенатору Любошинскому велено подавать в отставку. Орган министерства внутренних дел, «Северная Почта», выступил с статьей, в которой «такая строгая карательная мера была объяснена тем, что и земские собрания с самого открытия своих заседаний действовали несогласно с законом» (с каким законом? и почему нарушителей закона не преследовали по суду? ведь только что был введен суд скорый, правый и милостивый?) «и вместо того, чтобы поддерживать земские собрания других губерний, пользуясь высочайше дарованными ему правами для действительного попечения о вверенных ему местных земско-хозяйственных интересах» (т. е. вместо того, чтобы покорно повиноваться и следовать «видам» чиновничества), «непрерывно обнаруживали стремление источным изъяснением дела и неправильным толкованием законов возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству». Неудивительно, что после такого наизидания «другие земства не оказали поддержки петербургскому, хотя повсюду закон 21-го ноября 1866 г. вызвал сильное неудовольствие; многие называли его в собраниях равносильным уничтожению земств».

16-го декабря 1866 г. является «разъяснение» сената, предоставляющее губернаторам право отказывать в утверждении всякого избранного земским собранием лица, признаваемого им — губернатором — неблагонадежным. 4-го мая 1867 г. — другое разъяснение сената: несогласно с законом сообщение земских предположений во все другие губернии, ибо земские учреждения должны ведать дела местные. 13-го июня 1867 г. состоялось высочайше утвержден-

ное мнение государственного совета, запрещающее без разрешения местного губернского начальства печатать состоявшиеся в земских, городских и сословных общественных собраниях постановления, отчеты о заседаниях, прения в заседаниях и проч. Далее, тот же закон расширяет власть председателей земских собраний, предоставляет им право закрывать собрания и обязывает их под угрозой наказания закрывать собрания, в которых ставятся на обсуждение вопросы, несогласные с законом. Эту меру общество встретило весьма недружелюбно и взглянуло на нее, как на серьезное ограничение земской деятельности. «Все знают, — писал в дневнике своем Никитенко, — что земство связано по рукам и по ногам новым узаконением, в силу которого председатели собраний и губернаторы получили почти неограниченную власть над земством». Циркуляр 8-го октября 1868 г. подчиняет разрешению губернаторов печатание отчетов даже земских управ и ограничивает взаимные сношения земств. В 1869 г. учреждаются инспектора народных училищ в видах оттеснения земства от действительного заведывания народным образованием. Высочайше утвержденное 19-го сентября 1869 г. положение комитета министров признает, что «земские учреждения ни по своему составу, ни по основным началам не суть власти правительственные». Закон 4-го июля 1870 г. и циркуляр 22-го октября 1870 г. подтверждают и усиливают зависимость земских служащих от губернаторов. В 1871 г. инструкция инспекторам народных училищ предоставляет им устранять от должностей учителей, признаваемых неблагонадежными, и останавливать всякое решение училищного совета с предоставлением дела на разрешение попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александр II в рескрипте на имя министра народного просвещения выражает опасение, что народная школа при недостатке попечительного наблюдения может быть обращена «в орудие нравственного растления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки», и повелевает предводителям дворянства способствовать ближайшим своим участием обеспечению нравственного влияния этих школ. Затем в 1874 г. выходит новое Положение о народных училищах, отдающее всю силу заведывания школами в руки директоров народных училищ. Земство «протестует», если можно без иронии назвать протестом ходатайство о пересмотре закона при участии земских представителей (ходатайство Казанского земства в 1874 г.). Ходатайство, конечно, отклоняется. И т. д. и т. д.

III.

Таков был первый курс наук, преподанный российским гражданам в устроенной министерством внутренних дел «школе представительных учреждений». К счастью, кроме политических школяров, которые по поводу конституционных заявлений 60-х годов писали: «Пора бросить глупости и начать дело делать, а дело теперь в земских учреждениях и нигде больше» *), были в России и не удовлетворявшиеся такой «тактичностью», «задиры», которые шли с революционной проповедью в народ. Несмотря на то, что они шли под знаменем теории, которая была в сущности неревolutionна, — их проповедь будила все же чувство недовольства и протеста в широких слоях образованной молодежи. Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддержать борцов и оказать настоящее давление на правительство. Конституционные стремления земства обнаружились явственно, но оказались бессильным «порывом». И это несмотря на то, что сам по себе земский либерализм сделал заметный шаг вперед в политическом отношении. Особенно замечательна попытка его образовать нелегальную партию и создать свой собственный политический орган. «Записка» Витте сводит данные нескольких нелегальных произведений (Кеннана, Драгоманова, Тихомирова³⁰⁾), чтобы охарактеризовать тот «скользкий путь» (стр. 98), на который вступили земства. В конце 70-х годов было несколько съездов земских либералов. Либералы решили «принять меры хотя бы к временному прекращению разрушительной деятельности крайней революционной партии, ибо они были убеждены, что нельзя ничего будет достигнуть мирными средствами, если террористы будут продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилия» (стр. 99). Итак, вместо заботы о расширении борьбы, о поддержке отдельных революционеров более или менее широким общественным слоем, об организации какого-либо общего

*) Письмо Кавелина 1865 г. к родным по поводу ходатайства московского дворянства о «созвании общего собрания людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству».

натиска (в форме демонстрации, отказа земств от исполнения обязательных расходов и т. п.) либералы опять начинают все с той же «тактичности»: «не раздражать» правительство! добиваться «мирными средствами», каковые мирные средства так блистательно доказали свое ничтожество в 60-е годы!). Понятно, что ни на какое прекращение или приостановку военных действий революционеры не пошли. Земцы образовали тогда «лигу оппозиционных элементов», превратившуюся затем в «Общество земского союза и самоуправления» или «Земский Союз». Программа Земского Союза требовала: 1) свободы слова и печати, 2) гарантий личности и 3) созыва Учредительных Собраний. Попытка издавать нелегальные брошюры в Галиции не удалась (австрийская полиция арестовала и рукописи, и лиц, намеревавшихся печатать их), и органом «Земского Союза» стал с августа 1881 г. журнал «Вольное Слово», выходивший под редакцией Драгоманова (бывший профессор киевского университета) в Женеве. «В конце концов,—писал сам Драгоманов в 1888 г.,—...опыт издания земского органа в виде «Вольного Слова» нельзя признать удачным, хотя бы уже потому, что собственно земские материалы стали поступать в редакцию правильно только с конца 1882 г., а в мае 1883 г. издание было уже прекращено» (назв. соч., стр. 40). Неудача либерального органа явилась естественным результатом слабости либерального движения. 20-го ноября 1878 г. Александр II обратился в Москве к представителям сословий с речью, в которой выражал надежду на их «содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь». Затем и в «Правительственном Вестнике» (1878 г., № 168) появился призыв к содействию общества. В ответ на это пять земских собраний (Харьковское, Полтавское, Черниговское, Самарское и Тверское) заявили о необходимости созвать земский собор. «Можно думать,—пишет автор «Записки», Витте, изложив подробно содержание этих адресов, из которых только 3 проникли в печать целиком,—что заявления земств о созыве земского собора были бы гораздо более многочисленны, если бы министерство внутренних дел

*) Справедливо говорил Драгоманов: «Собственно вполне «мирных способов» у либерализма в России и быть не может, так как всякое заявление об изменении высшего управления у нас запрещено законами. Земские либералы должны были решительно переступить через это запрещение и хоть этим показать свою силу и перед правительством, и перед террористами. Так как земские либералы такой силы не показали, то им довелось дожить до намерения правительства уничтожить даже обрезанные уже земские учреждения» (и. с., 41—42).

своевременно не приняло мер к недопущению таких заявлений: предводителям дворянства, председательствующим в губернских земских собраниях, разослан был циркуляр, чтобы они не допускали даже чтения в собраниях подобных адресов. В некоторых местах были произведены аресты и высылки гласных, а в Чернигове в зал заседания даже введены были жандармы, которые силой его очистили» (104).

Либеральные журналы и газеты поддерживали это движение, петиция «25-ти именитых московских граждан» Лорис-Меликову³¹⁾ указывала на созвание независимого собрания из представителей земств и предложение этому собранию участия в управлении нацией. И назначением министром внутренних дел Лорис-Меликова правительство, по видимому, делало уступку. Но именно по видимому, ибо не только никаких решительных шагов, но даже и никаких положительных и не допускавших перетолкования заявлений не было сделано. Лорис-Меликов созвал редакторов петербургских периодических изданий и изложил им «программу»: «знать желание, нужды и пр. населения, дать возможность земству и пр. воспользоваться законными правами (либеральная программа гарантирует земствам те «права», которые закон у них систематически урезывает!) и т. п. Автор «Записки» пишет:

«Через его собеседников — для того они и были приглашены — программа министра оповещена была всей России. В сущности она не обещала ничего определенного. Всякий мог вычитать из нее что угодно, т. е. все или ничего. Прав был по-своему (только «по-своему», а не безусловно, «по-всякому», прав?) один из подпольных листков того времени, выразившись об этой программе, что в ней одновременно мелькает «лисий хвост» и стучит зубами «волчья пасть». Такая выходка по адресу программы и ее автора тем понятнее, что, сообщая ее представителям печати, граф настойчиво рекомендовал им «не смущать и не волновать напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзиями». Но либеральные земцы не послушались этой правды подпольного листка и сочли помахивание «лисыим хвостом» за «новый курс», которому позволительно довериться. «Земство верило и сочувствовало правительству, — повторяет «Записка» Витте слова нелегальной брошюры «Мнения земских собраний о современном положении России», — как бы боялось забегать вперед, обращаться к нему с чрезмерными просьбами». Характерное признание свободно высказывающихся сторонников земства: Земский Союз на съезде 1880 г. только что решил «добиться центрального народного представительства при обязательном условии одной палаты и всеобщего голосования», — и вот это

решение добиваться осуществляется тактикой «не забегать вперед», «верить и сочувствовать» двусмысленным и ровно ни к чему не обязывающим заявлениям! С какой-то непростительной наивностью земцы воображали, что подавать петиции это значит «добиваться»,—и петиции «посыпались от земства в изобилии». Лорис-Меликов 28-го января 1881 г. вошел с всеподд. докладом об образовании комиссии из выборных от земств для разработки законопроектов, указанных «высочайшей волей»,—с правом только совещательного голоса. Особое совещание, назначенное Александром II, одобрило эту меру; заключение совещания 17-го февраля 1881 г. было утверждено царем, который одобрил и предложенный Лорис-Меликовым текст правительственного сообщения.

«Несомненно,—пишет автор «Записки», Витте,—что учреждение такой чисто совещательной комиссии не создавало еще конституции». «Но,—продолжает он,—едва ли можно отрицать, что это было дальнейшим (после реформ 60-х годов) шагом к конституции и ни к чему другому». И автор повторяет сообщение заграничной печати, что Александр II выразился по поводу доклада Лорис-Меликова: «Да ведь это *états généraux*...»³²⁾ «Нам предлагают не что иное, как собрание нотаблей Людовика XVI»³³⁾.

Мы, с своей стороны, заметим, что осуществление Лорис-Меликовского проекта могло бы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит—давление ли революционной партии и либерального общества, или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия. Если говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт колебания правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие—за уступки. Но—и это особенно важно—и эти последние колебались, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов.

«Граф Лорис-Меликов,—говорит автор «Записки», Витте,—как бы боялся прямо взглянуть на дело, боялся вполне точно определить свою программу, а продолжал—в другом, правда, направлении—прежнюю уклончивую политику, которая по отношению к земским учреждениям была принята еще графом Валуевым.

«Как справедливо было замечено и в тогдашней легальной печати, самая программа, заявленная Лорис-Меликовым, отличалась большой неопределенностью. Эта неопределенность видна и во всех дальнейших действиях и словах графа. С одной стороны, он заявляет, что самодержавие «разобщено с населением», что на «поддержку общества он смотрит, как на главную силу...», на проектированную реформу «не

смотрел, как на нечто окончательное, а видел в ней только первый шаг» и т. д. В то же время, с другой стороны, граф заявлял представителям печати, что «...возбужденные в обществе надежды суть не что иное, как мечтательная иллюзия...» а во всеподданнейшем докладе государю категорически заявлял, что земский собор был бы «опасным опытом возвращения к прошедшему...», что проектируемая им мера никакого значения в смысле ограничения самодержавия иметь не будет, ибо не имеет ничего общего с западными конституционными формами. Вообще, по справедливому замечанию Л. Тихомирова, самый доклад этот отличается замечательно запутанной формой» (стр. 117).

А по отношению к б о р ц а м за свободу этот пресловутый герой «диктатуры сердца», Лорис-Меликов, довел «жестокости до не бывавших ни раньше, ни позже фактов смертной казни 17-тилетнего мальчика за найденный у него печатный листок. Лорис-Меликов не забыл отдаленнейших уголков Сибири, чтобы ухудшить там положение людей, страдавших за пропаганду» (В. Засулич, в № 1 «Социал-Демократа», стр. 84). При таком колебании правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-м марта, в рабочем классе не было ни широкого движения ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами. Ходатайствовали земства и города, ходатайствовала либеральная печать («Порядок», «Страна», «Голос»), ходатайствовали — в особенно благонамеренной, хитросплетенной и затуманенной форме — либеральные авторы докладных записок (маркиз Велепольский, проф. Чичерин и проф. Градовский ³⁴). Записка» Витте излагает их содержание по лондонской брошюре *): «Конституция графа Лорис-Меликова», изд. фонда в. р. пр., Лондон 1893 г.), выдумывая «остроумные попытки перевести монарха через заветную черту так, чтобы сам он этого не заметил». Все эти осторожные ходатайства и хитроумные выдумки, разумеется, оказались без революционной силы — ноzem, и партия самодержавия победила, победила, несмотря на то, что 8-го марта 1881 г. на совете министров большинство (7 против 5) высказалось за проект Лорис-Меликова. (Так сообщается в той же

*) Автор «Записки» вообще самым тщательным образом списывает, как мы видели, нелегальные брошюры и признает, что «подпольная пресса и иностранная литература с своих точек зрения давали довольно верную оценку положению вопроса» (стр. 91). У русского ученого «государствоведа» оказывается оригинальным только кое-какой сырой материал, а все основные точки зрения на политические вопросы в России он должен заимствовать из подпольной литературы.

брошюре, но усердно списывающий ее автор «Записки», Витте, тут почему-то заявляет: «Что происходило на этом — 8-го марта — совещании и к чему оно пришло, достоверно неизвестно; полагаться же на слухи, проникшие в иностранную печать, было бы неосторожно», стр. 124.) 29-го апреля 1881 г. вышел манифест, названный Катковым «манной небесной», — об утверждении и охране самодержавия.

Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прилива была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось реакцией, которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать. Мы такие мастера оплакивания: мы оплакиваем бестактность и самоуверенность революционеров, когда они задирают правительство; мы оплакиваем нерешительность правительства, когда оно, не видя пред собой настоящей силы, делает лжеуступки и, давая одной рукой, отнимает другой; мы оплакиваем «время безыдейности и безыдеальности», когда правительство, расправившись с не-поддержанными народом революционерами, старается наверстать потерянное и укрепляется для новой борьбы.

IV.

Эпоха диктатуры сердца, как прозвали министерство Леоис-Меликова, показала нашим либералам, что даже «конституционализм» одного министра, даже министра-премьера, при полном колебании правительства, при одобрении «первого шага к реформе» большинством в совете министров не гарантирует ровно ничего, если нет серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться. Интересно также, что и правительство Александра III, даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурочить «общество». Говоря «подурочить», мы не думаем приписать политику правительства какому-либо маккиавелистическому плану того или другого министра, сановника и т. п. Нельзя достаточно настаивать на том, что система лжеуступок и некоторых, кажущихся важными, шагов «навстречу» общественному мнению вошла в плоть и кровь всякого современного правительства, и русского в том числе, ибо и русское правительство в течение уже многих поколений сознало необходимость считаться с общественным мнением так или иначе, в течение уже многих поколений воспитывало государственных деятелей, изощренных в искусстве внутренней дипломатии. Таким диплома-

том, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции, явился сменивший Лорис-Меликова министр внутренних дел граф Игнатъев. Игнатъев выступал не раз как чистейший демагог и обманщик, так что автор «Записки», Витте, проявляет немало «полицейского благодушия», называя период его министерства «неудавшейся попыткой создать самоуправляющуюся местную землю с самодержавным царем во главе». Правда, именно такая «формула» была выдвинута в то время И. С. Аксаковым³⁵⁾, ею пользовалось для своих заигрываний правительство, ее разносил Катков, основательно доказывая необходимую связь между местным самоуправлением и конституцией. Но было бы близорукостью обьяснять известную тактику полицейского правительства (тактику, необходимо присущую ему по самой его природе) преобладанием в данный момент того или другого политического воззрения.

Игнатъев выступил с циркуляром, обещая, что правительство «примет безотлагательные меры, чтобы установить правильные способы, которые обеспечивали бы наибольший успех живому участию местных деятелей в деле исполнения высочайших предначертаний». Земства ответили на этот «призыв» ходатайствами о «созыве выборовных от народа» (из записки гласного Череповецкого земства; мнение гласного Кирилловского земства губернатор не разрешил даже напечатать). Правительство предложило губернаторам оставлять такие ходатайства «без дальнейшего производства», «и в то же время были, повидимому, приняты меры, чтобы подобные ходатайства не были возбуждаемы в других собраниях». Делается пресловутая попытка созывать по выбору министров «сведущих людей» (для обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей, об упорядочении переселений, о реформе местного управления и проч.). «Работы экспертных комиссий не вызвали сочувствия в обществе, а со стороны земств, несмотря на все предупредительные меры, вызвали даже прямой протест. Двенадцать земских собраний заявили ходатайства, чтобы к участию в законодательной деятельности земские люди приглашались не в отдельных случаях и не по назначению от правительства, а постоянно и по выбору земств». В Самарском земстве подобное предложение было остановлено председателем, «после чего собрание в виде протеста разъехалось» (Драгоманов, н. с., стр. 29; «Записка», стр. 131). Что граф Игнатъев надувал земцев, это видно из такого, например, факта: «Полтавский предводитель дворянства, г. Устимович, автор проекта конституционного адреса 1879 г., заявил открыто в губ. двор. собрании, что он получил от графа Игнатьева положительное уверение (sic!), что правительство призовет пред-

ставителей страны к участию в законодательной работе» (Драгоманов, там же).

Прикрытие правительственного перехода на решительно новый курс этими проделками Игнатьева закончилось, и назначенный 30-го мая 1882 г. министром внутренних дел Д. А. Толстой недаром заслужил себе прозвище «министра борьбы». Ходатайства земств даже об устройстве каких-нибудь частных съездов отклонялись без церемоний, и даже по жалобе губернатора на «систематическую оппозицию» земства (Череповецкого) был случай замены управы правительственной комиссией и административной ссылки членов управы. Д. А. Толстой, верный ученик и последователь Каткова, решил предпринять прямо уже «реформу» земских учреждений, исходя из той основной мысли (действительно подтверждаемой, как мы видели, историей), что «оппозиция правительству свила себе прочное гнездо в земстве» (стр. 139 «Записки»: из первоначального проекта земской реформы). Д. А. Толстой проектировал заменить земские управы подчиненными губернатору присутствиями и все постановления земских собраний признать подлежащими губернаторскому утверждению. Это была бы, действительно, «радикальная» реформа, но интересно в высшей степени, что даже и этот ученик Каткова, «министр борьбы», «не отступил — по выражению самого автора «Записки» — от привычной политики министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям. Свою мысль — упразднить в сущности земство — он не выразил в своем проекте прямо; под видом правильного развития начал самоуправления он желал оставить внешнюю форму последнего, но лишив ее всякого внутреннего содержания». В государственном совете эта мудрая государственная политика «лисьего хвоста»³⁶⁾ была еще дополнена и развита, и в результате земское положение 1890 г. «оказалось новой полумерой в истории земских учреждений. Оно не упразднило земства, но обезличило и обесцветило его; не уничтожило и всесословного начала, но придало ему сословную окраску; ...не сделало из земских учреждений действительных органов власти; ...но увеличило над ними опеку губернаторов, ... усилило право губернского протеста». «Положение 12-го июля 1890 г. было, в намерении его составителя, шагом по пути к упразднению земских учреждений, но никак не коренным преобразованием земского самоуправления».

Новая «полумера» — как излагает дальше «Записка» — оппозиции правительству не уничтожила (оппозицию реакционному правительству и невозможно было бы, разумеется, уничтожить усилением этой реакционности), а только сделала некоторые проявления

ее скрытыми. Оппозиция проявлялась, во-первых, в том, что некоторые анти-земские, если можно так выразиться, законы встречали отпор и *de facto* не осуществлялись; во-вторых, опять-таки в конституционных (или по крайней мере имеющих запах конституционализма) ходатайствах. Первого рода оппозицию встретил, например, закон 10-го июня 1893 г., подчинивший подробной регламентации земскую организацию врачебного дела. «Земские учреждения дали дружный отпор министерству внутренних дел, которое и отступило. Пришлось приостановить введение уже готового устава в действие, отложить его в сторону для полного собрания законов и выработать новый проект, построенный на началах совершенно противоположных (т.-е. более угодных земствам)». Закон 8-го июля 1893 г. об оценке недвижимых имуществ, введивший, равным образом принцип регламентации и стесняющий права земства в деле обложения, тоже встречен несочувственно и в массе случаев «на практике вовсе не применяется». Сила созданных земством и принесших значительную (сравнительно с бюрократией, конечно) пользу населению врачебных и статистических учреждений оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные в петербургских канцеляриях уставы.

Второго рода оппозиция выразилась и в новом земстве в 1894 г., когда адреса земств Николаю II снова наметнули совершенно определенно на их требования расширить самоуправление и вызвали «знаменитые» слова о бессмысленных мечтаниях.

«Политические тенденции» земства не исчезли, к ужасу г.г. министров. Автор «Записки» приводит горькие жалобы тверского губернатора (из отчета его за 1898 г.) на «тесно сплоченный кружок людей либерального направления», сосредоточивающий в своих руках все ведение дела губернского земства. «Из отчета того же губернатора за 1895 г. видно, что борьба с земской оппозицией составляет тяжелую задачу местной администрации и что от председательствующих в земских собраниях предводителей дворянства требуется иногда даже «гражданское мужество» (вот как!) для выполнения конфиденциальных циркуляров министерства внутренних дел о предметах, которых земские учреждения не должны касаться». И дальше идет рассказ о том, как губернский предводитель дворянства сдал перед собранием должность уездному (тверскому), тверской — новоторжскому, новоторжский тоже заболел и сдал председательство старицкому. Итак, даже предводители дворянства обращаются в бегство, не желая исполнять полицейских обязанностей! «Законом 1890 г., — сетует автор «Записки», — земству дана сословная окраска, усилена

в собраниях правительственный элемент, в состав губернских земских собраний введены все уездные предводители дворянства и земские начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжает тем не менее, проявлять политическую тенденцию, то над этим следовало бы призадуматься...». «Противодействие не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиция живут несомненно и будут жить до тех пор, пока не умрет всесословное земство». Таково последнее слово бюрократической мудрости: если урезанное представительство порождает недовольство, то уничтожение всякого представительства—по простой человеческой логике—еще усилит это недовольство и оппозицию. Г. Витте воображает, что если закрыть одно из учреждений, выносящих наружу хоть частичку недовольства, то недовольство исчезнет! Но думаете ли вы, что Витте предлагает поэтому что-либо решительное вроде упразднения земства? Нет, ничуть не бывало. Разнося уклончивую политику ради красного словца, Витте сам не предлагает ничего, кроме нее же,—да и не может предлагать, не вылезая из своей шкуры министра самодержавного правительства. Витте бормочет что-то совершенно пустяковинное о «третьем пути»: не господство бюрократии и не самоуправление, а административная реформа, «правильно организующая», «участие общественных элементов в правительственных учреждениях». Сказать такой вздор легко, но только ровно уже никого теперь — после всяких опытов со «сведущими людьми» — не обманет эта выдумка: слишком очевидно, что без конституции всякое «участие общественных элементов» будет фикцией, будет подчинением общества (или тех или других «призванных» от общества) бюрократии. Критикуя частную меру министерства внутренних дел—введение земства на окраинах,—Витте по общему вопросу, им же самим выдвинутому, не может дать ровно ничего нового, подогревая только старые приемы полумер, лжеуступок, обещания всяких благ и неисполнения никаких обещаний. Нельзя с достаточной силой подчеркнуть, что по общему вопросу о «направлении внутренней политики» Витте и Горемыкин—едино суть, и спор между ними есть спор своих людей, домашняя ссора в пределах одной шайки. С одной стороны, и Витте спешит заявить, что «ни упразднения земских учреждений, ни какой-либо ломки существующего порядка я не предлагал и не предлагаю... об упразднении их (существующих земств) при настоящих условиях едва ли может быть речь». Витте, «с своей стороны, думает, что с созданием на местах сильной правительственной власти возможно будет с боль-

щим доверием отнестись к земствам» и т. д. Создавши сильный бюрократический противовес самоуправлению (т.-е. обессилив самоуправление), можно больше «доверить» ему. Старая это песенка! Г. Витте боится только «всесословных учреждений», он «вовсе не имел в виду и не считал для самодержавия опасной деятельность разного рода корпораций, обществ, сословных или профессиональных союзов». Например, относительно «сельских общин» г. Витте нимало не сомневается в их безопасности для самодержавия вследствие их «косности». «Преобладание отношений по земле и связанных с ними интересов придают сельскому населению такие духовные особенности, которые делают его безразличным ко всему, что выходит за пределы политики своей колокольни... Наш крестьянин занят на сходах раскладкой податей, ...распределением поземельных участков и т. п. Кроме того, он неграмотен или полуграмотен, — как ая же тут может быть политика?» Г. Витте очень трезв, как видите. По отношению к сословным союзам он заявляет, что в отношении их опасности для центральной власти «существенное значение имеет разобщенность этих интересов. Пользуясь этой разобщенностью, правительство против политических притязаний одного сословия всегда может находить опору и противовес в других». Не что иное, как одну из бесконечных попыток полицейского государства «разобщить» население, представляет собой и «программа» Витте: «правильно организованное участие общественных элементов в правительственных учреждениях».

С другой стороны, и г. Горемыкин, с которым г. Витте так яростно полемизирует, ведет и сам ту же систематическую политику разобщения и притеснения. Он доказывает (в своей записке, на которую отвечает Витте) необходимость создания новых должностей чиновников для надзора за земством; он — против разрешения даже простых местных съездов земских деятелей; он горой стоит за положение 1890 г., этот шаг к упразднению земства; он боится включения земствами в программы оценочных работ «тенденциозных вопросов», боится земской статистики вообще; он стоит за то, что народную школу надо изъять из рук земства и передать в ведение учреждений правительственных; он доказывает, что земства неспособны вести продовольственное дело (земские деятели вызывают — видите ли — «преувеличенные представления о размерах бедствия и потребностях пострадавшего от неурожая населения!!»); он отстаивал правила о предельности земского обложения «в целях ограждения землевладения от чрезмерного увеличения земских сборов». Таким образом Витте со-

вершенно прав, когда он заявляет: «Вся политика министерства внутренних дел по отношению к земству заключается в медленном, но неуклонном подтачивании его органов, постепенном ослаблении их значения и постепенном же сосредоточении их функций в ведении правительственных установлений. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что, когда указываемые в записке (Горемыкина) «мероприятия, принятые за последнее время в целях упорядочения отдельных отраслей земского хозяйства и управления», будут приведены к благополучному концу, то в действительности у нас не будет никакого самоуправления,—от земских учреждений останется одна идея да внешняя оболочка, без всякого делового содержания». Политика Горемыкина (и еще более Сипягина) и политика Витте идет, следовательно, к одному и тому же, и состязание по вопросу о земстве и конституционализме есть, повторяем, не более как домашняя ссора. Милые бранятся — только тешатся. Таков итог «борьбы» г.г. Витте и Горемыкина. Что же касается до наших итогов по общему вопросу о самодержавии и земстве, то их удобнее подвести в связи с разбором предисловия г-на Р. Н. С.

V.

Предисловие г-на Р. Н. С. представляет много интересного. В нем затронуты самые широкие вопросы о политическом преобразовании России, о разнообразных способах этого преобразования, о значении тех и других сил, ведущих к преобразованию. С другой стороны, г. Р. Н. С., стоящий, очевидно, в близких отношениях к либеральным кругам вообще и земско-либеральным кругам в особенности, представляет из себя, несомненно, нечто новое в хоре нашей «подпольной» литературы. Поэтому и для выяснения принципиального вопроса о политическом значении земства и для ознакомления с веяниями и... не скажу: направлениями, а настроениями в кругах, близких к либералам—очень стоит остановиться подробнее на этом предисловии, разобрать, плюс или минус, насколько плюс, насколько и в чем минус это новое?

Основная особенность воззрений г. Р. Н. С. состоит в следующем. Как видно из очень многих, цитируемых нами ниже, мест его статьи, он поклонник мирного, постепенного, строго-легального развития. С другой стороны, он всей душой восстает против самодержавия и жаждет политической свободы. Но самодержавие потому и есть самодержавие, что оно запрещает и

преследует всякое «развитие» к свободе. Это противоречие проникает собой всю статью г. Р. Н. С., делая его рассуждения крайне непоследовательными, нетвердыми, шаткими. Совместить конституционализм с заботой о строго легальном развитии самодержавной России можно только посредством предположения или хотя бы допущения того, что самодержавное правительство само поймет, утомится, уступит и т. п. И г-ну Р. Н. С. с высоты его гражданского негодования действительно случается падать и до этой вульгарной точки зрения самого неразвитого либерализма. Вот пример. Г. Р. Н. С. говорит о себе: «...мы, видящие в борьбе за политическую свободу для сознательных современных людей России их Аннибалову клятву³⁷⁾, столь же святую, как некогда борьба за освобождение крестьян для людей сороковых годов»... И еще: «... как ни тяжело нам, людям, давшим «Аннибалову клятву» борьбы с самодержавием», и т. д. Хорошо сказано, сильно сказано! Эти сильные слова служили бы украшением статьи, если бы всю ее проникал тот же дух непреклонной, непримиримой борьбы («Аннибалова клятва»!). Эти сильные слова—именно потому, что они так сильны—будут звучать чем-то фальшивым, если рядом с ними промелькнет нотка искусственного примирения и успокоения, попытка провести, хотя бы ценою всяческих натяжек, концепцию мирного, строго легального развития. А у г. Р. Н. С. таких поток и таких попыток, к сожалению, слышны ком достаточно. Он уделяет, например, целых полторы страницы подробному «обоснованию» той мысли, что «государственная политика в царствование Николая II заслуживает еще более (курсив наш) сурового осуждения с нравственной и политической точки зрения, чем черный передел реформ Александра II при Александре III». Почему же более сурового осуждения? Оказывается, потому, что Александр III боролся с революцией, а Николай II — с «легальными стремлениями русского общества», первый—с политически сознательными, второй—«с вполне мирными и подчас даже действующими без всякой ясной политической мысли общественными силами» («плохо даже сознающими, что их сознательная культурная работа подтачивает государственный строй»). Это в очень значительной степени несерьезно фактически,—о чем речь ниже. Но и помимо того нельзя не отметить странности самого хода рассуждений автора. Он осуждает самодержавие, и из двух самодержцев он более осуждает одного не по характеру политики, которая осталась прежней, а потому, что перед ним нет (будто бы) «задир», вызывающих, «естественно», резкий отпор, нет, следовательно, повода к преследованиям. Не

сквозит ли в самом уже употреблении подобного аргумента явной уступки тому верноподданному доводу, что-де нашему батюшке-царю нечего бояться созвать излюбленных людей, ибо все эти излюбленные люди и не помышляли никогда о чем-либо, выходящем из рамок мирных стремлений и строгой легальности? Нас не удивляет, если мы читаем такой «ход мыслей» (или такой ход лжи) у г. Витте, который пишет в своей записке: «Казалось бы, что там, где нет ни политических партий, ни революций, где никто не оспаривает прав верховной власти,—там нельзя противопоставлять администрацию народу или обществу...»*) и т. д. Нас не удивляет такое рассуждение у г. Чичерина, который в записке, поданной графу Милютину после 1-го марта 1881 г., заявлял: что «власти необходимо прежде всего показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени пред угрозою», что «монархический порядок совместен с свободными учреждениями лишь тогда, когда они являются плодом мирного развития, спокойной инициативы самой верховной власти», и советовал создать «сильную и либеральную» власть, действующую при помощи «законодательного органа, усиленного и обновленного выборным элементом»**). Со стороны вот такого г. Чичерина было бы совершенно естественно признавать заслуживающей большего осуждения политику Николая II потому, что в его царствование мирное развитие и спокойная инициатива самой верховной власти могли бы привести к свободным учреждениям. Но естественно ли, прилично ли такого рода рассуждение в устах человека, давшего Аннибалову клятву борьбы?

И фактически г. Р. Н. С. не прав. «Теперь,—говорит он, сравнивая настоящее царствование с предыдущим,—...о том, насильственном перевороте, который предносился деятелям «Народной Воли», никто серьезно не помышляет». Parlez pour vous, monsieur! Говорите только за себя! Нам же доподлинно известно, что революционное движение в России за последнее царствование не только не умерло и не ослабело по сравнению с прошлым царствованием, а, напротив, воскресло и возросло во много раз. И какое же это было бы «революционное» движение, если бы из его участников никто серьезно не помышлял о насильственном перевороте? Нам, может быть, возразят, что в приведен-

*) Стр. 205. «Это даже неумно», замечает г. Р. Н. С. в примечании к этому месту. Совершенно справедливо. Но разве не из той же глины слеплены вышеуказанные рассуждения г. Р. Н. С. на стр. XI—XII его предисловия?

**) «Записка» Витте, стр. 122—123. «Конституция графа Лорис-Меликова», стр. 24.

ных строках г. Р. Н. С. имеет в виду не насильственный переворот вообще, а переворот специфически «народовольческий», т. е. переворот и политический и социальный в одно и то же время, переворот, ведущий не только к низвержению самодержавия, но и к захвату власти. Такое возражение было бы неосновательно, ибо, во-первых, для самодержавия, как такового (т. е. для самодержавного правительства, а не для «буржуазии» или «общества»), важно вовсе не то, для чего его хотят свергнуть, а то, что его хотят свергнуть. А во-вторых, и деятели «Народной Воли»³³) в самом начале царствования Александра III «преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия. (См. письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» к Александру III от 10-го марта 1881 г., где поставлены два условия: 1) общая амнистия по всем политическим преступлениям и 2) созыв представителей от всего русского народа при всеобщем избирательном праве и свободе печати, слова и схода.) Да г. Р. Н. С. и сам отлично знает, что о насильственном перевороте «серьезно помышляют» многие не только из среды интеллигенции, но и из среды рабочего класса: взгляните на стр. XXXIX и след. его статьи, где говорится о «революционной социал-демократии», которой обеспечены и «массовая основа и умственные силы», которая идет к «решительной политической борьбе», к «кровавой борьбе революционной России с самодержавно-бюрократическим режимом» (XLI). Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что «благодумные речи» г. Р. Н. С. представляют собой лишь особый прием, попытку повлиять на правительство (или на «общественное мнение») посредством уверений в своей (или в чужой) скромности.

Г. Р. Н. С. думает, впрочем, что понятие борьбы можно истолковать очень широко. «Упразднение земства,—пишет он,—даст революционной пропаганде огромный козырь—мы говорим это вполне объективно (sic!), не испытывая никакого отвращения к тому, что обычно зовется революционной деятельностью, но и не восхищаясь и не увлекаясь именно этой формой (sic!) борьбы за политический и общественный прогресс». Эта тирада очень знаменательна. Если приподнять quasi-ученую формулировку, щеголяющую совершенно некстати «объективностью» (раз автор сам ставит вопрос о предпочтительности для него той или другой формы деятельности, или формы борьбы, то говорить при этом об объективности его отношения то же самое, что приравнять дважды два к стеариновой свечке),—то получится старая, пре-

старая аргументация: мне вы, господа правители, можете поверить, если я вас пугаю революцией, ибо у меня к ней душа совсем не лежит. Ссылка на объективность есть не что иное, как фиговый листочек, прикрывающий субъективную антипатию к революции и революционной деятельности. А в прикрытии нуждается г. Р. Н. С. потому, что с Аннибаловой клятвой борьбы подобная антипатия никак несовместима.

Впрочем, не ошибаемся ли мы насчет этого самого Аннибала? Давал ли он в самом деле клятву борьбы с римлянами, или только борьбы за прогресс Карфагена, каковой прогресс, конечно, в последнем счете повредил бы Риму? Нельзя ли понимать слово борьба не так «узко»? Г. Р. Н. С. думает, что можно. Борьба с самодержавием—так следует из сопоставления Аннибаловой клятвы с текстом приведенной тирады—проявляется в разных «формах»: одна форма—это борьба революционная, нелегальная, другая форма—это вообще «борьба за политический и общественный прогресс», т. е., другими словами, мирная, легальная деятельность, насаждающая культуру в рамках, дозволенных самодержавием. Мы несколько не сомневаемся в том, что и при самодержавии возможна легальная деятельность,двигающая вперед российский прогресс: в некоторых случаях довольно быстродвигающая прогресс технический, в немногих случаях весьма незначительно—прогресс общественный, в совершенно исключительных случаях и в совершенно миниатюрных размерах—прогресс политический. Можно спорить о том, насколько именно велик и насколько возможен этот миниатюрный прогресс, насколько единичные случаи такого прогресса способны парализовать то массовое политическое развращение населения, которое производится самодержавием повсюду и постоянно. Но подводить хотя бы и косвенно мирную легальную деятельность под понятие борьбы с самодержавием, значит содействовать этому развращению, значит ослаблять и без того бесконечно слабое в русском обывателе сознание своей ответственности, как гражданина, за все, что делает правительство.

К сожалению, г. Р. Н. С. не одинок среди нелегальных писателей, пытающихся стереть разницу между революционной борьбой и мирным культурничеством. У него есть предшественник, г. Р. М.³⁹⁾, автор статьи «Наша действительность» в знаменитом «Отдельном приложении к Рабочей Мысли»⁴⁰⁾ (сентябрь 1899 г.). Возражая социал-демократам-революционерам, он писал: «Ведь и борьба за земское и городское общественное самоуправление, и борьба за общественную школу, и борьба за обще-

ственный суд, и борьба за общественную помощь голодающему населению и т. д. есть борьба с самодержавием... Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумению не обращающая на себя благосклонного внимания многих русских революционных писателей, как мы видели, уже ведется русским обществом и не со вчерашнего дня... Настоящий вопрос в том, как этим отдельным общественным слоям... вести эту борьбу с самодержавием возможно успешнее... А главный для нас вопрос: как должны вести эту общественную борьбу с самодержавием наши рабочие, на движение которых наши революционеры смотрят как на лучшее средство ниспровержения самодержавия» (стр. 8—9). Как видите, г. Р. М. не считает нужным и прикрывать свою антипатию к революционерам; легальную оппозицию и мирную работу он прямо объявляет борьбой с самодержавием и даже главным считает вопрос, как должны рабочие вести «эту» борьбу. Г. Р. Н. С. далеко не так примитивен и не так откровенен, но родственность политических тенденций у нашего либерала и у крайнего поклонника чисто рабочего движения проглядывает довольно ясно *).

Что касается до «объективизма» г. Р. Н. С., то мы должны заметить, что он иногда и прямоком отбрасывает его. Он остается «объективным», когда говорит о рабочем движении, об его органическом росте, о грядущей неизбежной борьбе революционной социал-демократии с самодержавием, о том, что организация либералов в нелегальную партию будет неизбежным результатом упразднения земства. Все это изложено очень деловито и очень трезво, настолько трезво, что можно радоваться распространению в либеральных кругах правильного понимания рабочего движения в России. Но когда г. Р. Н. С. начинает говорить не о борьбе с врагом, а о возможном «смирении» врага,—он сразу теряет свой «объективизм», выражает свои чувства, переходит даже от изыскательного наклонения к повелительному.

*) Хозяйственные организации рабочих—говорит г. Р. Н. С. в другом месте—«явятся школой реального политического воспитания рабочих масс». Мы бы посоветовали автору поосторожнее употреблять это истасканное рыцарями оппортунизма словечко «реальный». Нельзя отрицать, что при известных условиях и хозяйственные организации рабочих могут много дать для их политического воспитания (как нельзя отрицать, что при других условиях они могут дать кое-что и для их политического развращения). Но реальное политическое воспитание рабочим массам может дать только всестороннее участие их в революционном движении, вплоть до открытой уличной борьбы, вплоть до гражданской войны с защитниками политического и экономического рабства.

«Только в том случае дело не дойдет до конечной и кровавой борьбы революционной России с самодержавно-бюрократическим режимом, если среди власть имущих окажутся лица, у которых найдется мужество смириться пред историей и смирить пред ней самодержавия... Несомненно, что среди высшей бюрократии есть лица, не сочувствующие реакционной политике... Они, единственные лица, имеющие доступ к престолу, никогда не решаются громко высказывать свои убеждения... Быть может, однако, огромная тень неизбежной исторической расплаты, тень великих событий внесет колебания в правительственную среду и во-время разрушит железный строй реакционной политики. Для этого теперь нужно сравнительно немного... Быть может, оно (правительство) не слишком поздно поймет также фатальную опасность охранения самодержавного режима всеми средствами. Быть может, оно, еще не встретившись с революцией, само утомится своей борьбой с естественным, исторически необходимым развитием свободы и поколеблется в своей «непримиримой» политике. Перестав быть последовательным в борьбе со свободой, оно будет вынуждено все шире и шире раскрывать ей двери. Быть может... нет, не только может быть, но да будет так!» (Курсив автора.)

Аминь! остается нам только сказать по поводу этого благонамеренного и возвышенного монолога. Наш Аннибал так быстро прогрессирует, что выступает уже перед нами в третьей форме: первая форма — борьба с самодержавием, вторая — насаждение культуры, третья — призывы к смирению врага и попытки запугать его «тенью». Какие страсти! Мы вполне согласны с почтенным г. Р. Н. С. в том, что «теней»-то святоши русского правительства скорее всего на свете испугаются. И непосредственно пред этим заклинанием теней наш автор, указавши на рост революционных сил и на грядущий революционный взрыв, восклицал: «С глубокой скорбью мы предвидим те ужасные жертвы и людьми и культурными силами, которых будет стоить эта безумная агрессивно-консервативная политика, не имеющая ни политического смысла, ни тени нравственного оправдания». Какую бездонную пропасть доктринерства и елейности приоткрывает такой конец рассуждения о революционном взрыве! У автора нет ни капельки понимания того, какое бы это имело гигантское историческое значение, если бы народ в России хоть раз хорошенько проучил правительство. Вместо того, чтобы, указывая на «ужасные жертвы», принесенные и приносимые народом абсолютизму, будить ненависть и возмущение, разжигать готовность и страсть к борьбе, — вместо этого вы ссылаетесь на будущие жертвы, чтобы отпугнуть от борьбы. Эх, господа! Лучше уж вовсе не рассуждать о «революционном взрыве», чем портить это рассуждение подобным финалом. Делать «великие события»

вы, очевидно, не хотите, а хотите только разговаривать о «тени великих событий», да и разговаривать-то с одними «лицами, имеющими доступ к престолу».

Подобного рода разговорами с теньями и о тенях полным-полна, как известно, и наша легальная пресса. А чтобы придать теням реальность, принято ссылаться в виде примера на «великие реформы» и петь им полное условной лжи аллилуйя. Подцензурному писателю нельзя иногда не простить этой лжи, ибо иначе он не может выразить своего стремления к политическим преобразованиям. Но над г. Р. Н. С. цензуры не было. «Великие реформы,—пишет он,—были задуманы не для вящего торжества бюрократии». Посмотрите, до какой степени уклончива эта апологетическая фраза. Кем «задуманы»? Герценом, Чернышевским, Унковским и теми, кто шел с ними? Но эти люди требовали несравненно большего, чем то, что осуществили «реформы», и за свои требования они подвергались преследованиям со стороны правительства, проводившего «великие» реформы.—Правительством и теми, кто, слепо славословя, шел за ним, огрызаясь на «задир»? Но правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы уступить как можно меньше, чтобы обкарнать демократические требования и обкарнать и менню «для вящего торжества бюрократии». Г. Р. Н. С. прекрасно знает все эти исторические факты и затушевывает их только потому, что они всецело опровергают его благодушную теорию о возможном «смирении» самодержца. В политике нет места смирению, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) может принимать за смирение исконный полицейский прием: *divide et impera*, разделяй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай левой рукой и отними правой. «...Правительство Александра II, задумывая и проводя «великие реформы», не ставило себе в то же время сознательной цели—во что бы то ни стало отрезать русскому народу всякий легальный путь к политической свободе, не взвешивало с этой точки зрения всякий свой шаг, всякую статью закона». Это неправда. Правительство Александра II, и «задумывая» реформы, и проводя их, ставило себе с самого начала совершенно сознательную цель: не уступать тогда же заявленному требованию политической свободы. Оно с самого начала и до самого конца отрезывало всякий илегалный путь к свободе, ибо отвечало репрессиями даже на простые ходатайства, ибо не разрешало никогда даже говорить свободно о свободе. В опровержение славословия г. Р. Н. С. достаточно сослаться хотя бы на приведенные нами выше факты, изложенные в «Записке» Витте. О лицах же, составлявших правительство Александра II, сам

Витте выражается, например, так: «Необходимо отметить, что выдающиеся государственные деятели эпохи 60-х годов, славные имена которых сохраняются и в благодарном потомстве, сделали в свое время столь много великого, сколько едва ли сделали их преемники, и трудились над обновлением нашего государственного и общественного строя по искренним своим убеждениям с беззаветной преданностью своему государю и не вопреки его стремлениям» (стр. 67 «Записки»). Вот что правда—то правда: по искренним убеждениям, с беззаветной преданностью стоящему во главе полицейской шайки государю...

После вышеизложенного нас уже не должно удивлять, что г. Р. Н. С. дает крайне мало по самому важному вопросу о роли земства в борьбе за политическую свободу. Кроме обычных ссылок на «практическое» и «культурное» дело земства, он указывает бегло на его «воспитательно-политическое значение», говорит, что «земство имеет политическое значение»; что земство, как ясно видит г. Витте, «опасно (для существующего порядка) только в силу исторической тенденции своего развития—как зародыш конституции». И в заключении этих, точно случайно оброненных замечаний выхода против революционеров: «Мы ценим произведение г. Витте не только за его правду о самодержавии, но также и как драгоценный политический аттестат, выданный земству самой бюрократией. Этот аттестат служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой (sic!) не желал и не желает видеть крупного политического значения русского земства и его легальной культурной деятельности». Кто же это обнаружил недостаток образования или увлечения фразой? Где и когда? С кем и почему несогласен г. Р. Н. С.? На это нет ответа, и выхода автора не говорит ничего, кроме, разве, заявления об антипатии его к революционерам, знакомой нам и по другим местам статьи. Нисколько не разъясняет дела еще более странное примечание: «Этим словами мы вовсе не хотим (?!) задеть революционных деятелей, в которых нельзя не ценить прежде всего нравственного мужества в борьбе с произволом». Зачем это? К чему это? Какая есть связь между нравственным мужеством и неумением оценить земство? Г. Р. Н. С. поправился поистине из кулика в рогожку: сначала он «задел» революционеров голословным и «анонимным» (т.-е. неизвестно, против кого направленным) обвинением в невежестве и фразе, а теперь еще «задевает» их предположением, что пилюлю обвинения в невежестве их можно заставить проглотить, если позолотить ее признанием их нравственного мужества. В довершение неясности г. Р. Н. С. сам себе противоречит, заявляя—как бы в

один голос с «увлекающимися революционной фразой», — что «современное русское земство... не есть политическая величина, которая своей непосредственной силой могла кому-либо импонировать, могла бы кого-либо утешать... Оно еле-еле отстаивает свою скромную позицию...». «Такие учреждения (как земство)... сами по себе могут грозить этому (самодержавному) строю только в отдаленном будущем и лишь в связи с развитием всей культуры страны».

VI.

Попробуем же разобраться в этом вопросе, о котором г. Р. Н. С. говорит так сердито и так бессодержательно. Факты, приведенные нами выше, показывают, что «политическое значение земства», т.-е. значение его, как фактора в борьбе за политическую свободу, состоит, главным образом, в следующем. Во-первых, эта организация представителей наших имущих классов (и в особенности земельного дворянства) постоянно противопоставляет выборные учреждения бюрократии, вызывает постоянные конфликты между ними, показывает на каждом шагу реакционный характер безответственного царского чиновничества, поддерживает недовольство и питает оппозицию самодержавному правительству*). Во-вторых, земства, втиснутые как пятое колесо в бюрократической повозке, стремятся упрочить свое положение, расширить свое значение, стремятся—и даже, по выражению Витте, «бессознательно идут»—к конституции, предъявляя ходатайства о ней. Они оказываются поэтому негодным союзником правительства в борьбе его с революционерами, они хранят дружественный нейтралитет по отношению к революционерам и оказывают им хотя и косвенную, но несомненную услугу, внося в критические моменты колебания в репрессивные меры правительства. Разумеется, ни «крупного», ни вообще сколько-нибудь самостоятельного фактора политической борьбы нельзя видеть в учреждении, которое в лучшем случае способно было до сих пор лишь на либеральные ходатайства и на дружественный нейтралитет, но роль одного из вспомогательных факторов за земством отрицать нельзя. В этом смысле мы готовы даже, если хотите, признать, что земство — кусочек конституции. — Читатель скажет, пожалуй: значит, вы соглашаетесь с

*) См. чрезвычайно обстоятельное разъяснение этой стороны вопроса в брошюре П. Б. Аксельрода: «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России» (Женева 1898), особенно стр. 5, 8, 11—12, 17—19.

г. Р. Н. С., который большего и не утверждает. Нисколько. Тут только наше разногласие и начинается.

Земство—кусочек конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское «общество» от м а н и в а л и от конституции. Это—именно такая, сравнительно очень маловажная, позиция, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических. Мы видели, как это разъединение на почве «доверия» к земству («зародышу конституции») удавалось и в 60-х годах и в 1880—1881 г. г. Вопрос об отношении земства к политической свободе есть частный случай общего вопроса об отношении реформ к революции. И мы можем видеть на этом частном случае всю узость и чуждость модной бернштейнианской теории, которая заменяет революционную борьбу борьбой за реформы, которая объявляет (устаи, напр., г-на Бердяева), что «принцип прогресса—чем лучше, тем лучше». Этот принцип, в общей форме, так же неверен, как и обратный—чем хуже, тем лучше. Революционеры никогда не откажутся, конечно, от борьбы за реформы, от захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиции, если эта позиция усилит их натиск и облегчит полную победу. Но они никогда не забудут также, что бывают случаи, когда уступка известной позиции делается самим неприятелем, чтобы разъединить нападающих и легче разбить их. Они никогда не забудут, что, только имея всегда в виду «конечную цель», только оценивая каждый шаг «движения» и каждую отдельную реформу с точки зрения общей революционной борьбы, можно гарантировать движение от ложных шагов и позорных ошибок.

Вот этой-то стороны вопроса—значения земства, как орудия укрепления самодержавия посредством половинчатой уступки, как орудия привлечения к самодержавию известной части либерального общества,—г. Р. Н. С. совершенно не понял. Он предпочел сочинить себе доктринерскую схему, прямолинейно связывающую земство и конституцию по «формуле»—чем лучше, тем лучше. «Если вы раньше упраздните земство в России,—говорит он, обращаясь к Витте,—а потом расширите права личности, то вы окажетесь лишенным лучшего случая дать стране умеренную конституцию, исторически выросшую на основе местного самоуправления с сословной окраской. Делу консерватизма вы во всяком случае окажете очень плохую услугу». Какая стройная и красивая концепция! Местное самоуправление с сословной окраской—мудрый консерватор, имеющий доступ к престолу,—умеренная конституция. Жаль только, что в действительности мудрые консерваторы нахо-

дили не раз благодаря земству «лучший случай» не «давать» стране конституции.

Мирная «концепция» г-на Р. Н. С. сказалась и на формулировке его лозунга, которым он заканчивает статью и который напечатан—именно как лозунг—на особой строке и жирным шрифтом: «Права и властное всероссийское земство!». Надо открыто признать, что это—такое же недостойное заигрыванье с политическими предрассудками широкой массы русских либералов, как у «Рабочей Мысли» мы видим заигрыванье с политическими предрассудками широкой массы рабочих. Мы обязаны восстать против этого заигрыванья и в первом и во втором случае. Это предрассудок, будто правительство Александра II не отрезывало легального пути к свободе, будто существование земства представляет лучший случай дать стране умеренную конституцию, будто знаменем—не говорю уже революционного, но хотя бы конституционного движения—может служить лозунг: «права и властное земство». Это—не зная, помогающее отделять врагов от союзников, способное направлять движение и руководить им, это—тряпка, которая поможет только примазаться к движению самым ненадежным людям, которая облегчит правительству еще раз попытку отделаться громкими обещаниями и половинчатыми реформами. Да, не надо быть пророком, чтобы предсказать это: достигнет наше революционное движение своего апогея, удесятерится либеральное брожение в обществе, появятся в правительстве новые Лорис-Меликовы и Игнатьевы, которые напишут на своем знамени: «права и властное земство». По крайней мере, это было бы для России самым невыгодным, для правительства—самым выгодным исходом. Если сколько-нибудь значительная часть либералов поверит этому знамени и, увлекшись им, с тылу нападет на «задир»-революционеров, то последние могут оказаться изолированными, и правительство попытается обеспечить себе минимальные, какой-нибудь совещательной и дворянско-аристократической конституцией ограничивающиеся, уступки. Удастся ли такая попытка,—это будет зависеть от исхода решительной схватки между революционным пролетариатом и правительством, но что либералы окажутся обманутыми, за это можно вполне поручиться. Посредством лозунга, вроде того, который выставлен г. Р. Н. С. («властное земство» или «земщина» и т. п.), правительство отманит их, как щенят, от революционеров и, отманивши, схватит за шиворот и будет пороть розгами так называемой реакции. А мы, господа, не преминем тогда сказать: так вам и надо!

И ради чего вместо требования уничтожения абсолютизма выставляется как заключительный лозунг подобное умеренное и акку-

ратное пожелание? Во первых, ради филистерского доктринерства, желающего оказать «услугу консерватизму» и верующего, что правительство умирится такой умеренностью и «смирится» перед ней. Во-вторых, ради того, чтобы «объединить либералов». Действительно, лозунг: «права и властное земство» объединит, пожалуй, всех либералов,—точно так же, как лозунг «копейка на рубль» объединит (по мнению «экономистов») всех рабочих. Только не будет ли такое объединение проигрышем вместо выигрыша? Объединение есть плюс, когда оно поднимает объединяемых на уровень сознательной и решительной программы объединяющего. Объединение есть минус, когда оно принижает объединяющих до уровня предрассудков массы. А среди массы русских либералов, несомненно, очень и очень распространен тот предрассудок, что земство есть воистину «зародыш конституции» *), только случайно, происками каких-нибудь безнравственных временщиков задерживаемый в своем «естественном», мирном и постепенном росте; что достаточно нескольких ходатайств для «смирения» самодержца; что легальная культурная работа вообще и земская в частности имеет «крупное политическое значение», избавляя тех, кто на словах враждебен самодержавию, от обязанности активно поддерживать, в той или другой форме, революционную борьбу с самодержавием, и пр., и т. п., и т. д. Объединение либералов—дело безусловно полезное и желательное, но только такое объединение, которое

*) К вопросу о том, чего можно ждать от земства, небезынтересны следующие отзывы князя П. В. Долгорукова ⁴¹⁾ из его «Листка», издававшегося в 60-х годах (Бурцев, н. с., стр. 63—66): «Рассматривая основные положения земских учреждений, мы опять встречаем ту же самую, тайную, но постоянно на свет пробивающуюся мысль правительства — оглушать своим великодушием; громогласно провозглашать: «вот, де, сколько я вам дарую!». Но в сущности дать как можно менее и, давая как можно менее, стараться еще положить преграды, чтобы не могли вполне воспользоваться даже тем, что даровано... В настоящее время, при самодержавном порядке вещей, земские учреждения не принесут пользы и не могут ее принести, не будут иметь значения и не могут его иметь, но они богаты зародышами плодотворного развития в будущем... Новые земские учреждения, вероятно, судьбой предначинаны служить основой будущему конституционному порядку в России... Но до времени введения в России образа правления конституционного, на время существования самодержавия, на время отсутствия свободы печатного слова земским учреждениям суждено оставаться политическим призраком, безгласными сходками гласных земских». Таким образом Долгоруков даже тогда, в разгаре 60-х годов, не предавался чрезмерному оптимизму. А с тех пор 40 лет многому нас научили и показали, что земства предначинаны были «судьбой» (а отчасти и правительством) служить основой целого ряда мероприятий, оглушающих конституционалистов.

ставит своей целью борьбу с застарелыми предрассудками, а не заигрывание с ними, повышение среднего уровня нашей политической развитости (вернее, неразвитости), а не санкционирование его, — одним словом, объединение для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунистического фразерства о крупном политическом значении легальной деятельности. Если не может быть оправдано выставление перед рабочими политического лозунга: «свобода стачек» и т. п., то точно также не может быть оправдано и выставление пред либералами лозунга: «властное земство». При самодержавии всякое земство, хоть бы и распренаи-«властное», неизбежно будет уродликом, неспособным к развитию, а при конституции земство сразу потеряет свое современное «политическое» значение.

Объединение либералов возможно в двух формах: посредством образования самостоятельной либеральной (нелегальной, разумеется) партии и посредством организации содействия либералов революционерам. Г. Р. Н. С. сам указывает на первую возможность, но... если признать эти указания за действительное выражение вдов и шансов либерализма, то к особенному оптимизму они не располагают. «Без земства--пишет он--земские либералы должны будут образовать либеральную партию или сойти с исторической сцены как организованная сила. Мы убеждены, что организация либералов в нелегальную, хотя и очень умеренную по всей программе и приемам, партию будет неизбежным результатом упразднения земства». Если только «упразднения», то этого долго еще ждать, ибо даже Витте упразднить земства не желает, а русское правительство вообще очень заботится о сохранении внешности даже при полном вытравлении содержания. Что партия либералов будет очень умеренна,—это вполне естественно, и от движения в среде буржуазии (только на таком движении может держаться либеральная партия) другого нельзя и ждать. Но в чем же все-таки должна бы состоять деятельность этой партии, ее «приемы»? Г. Р. Н. С. не разъясняет этого. «Сама по себе,—говорит он,—нелегальная либеральная партия, как организация, состоящая из наиболее умеренных и наименее подвижных оппозиционных элементов, не может развивать ни особенно широкой, ни особенно интенсивной деятельности»... Мы думаем, что в известной сфере, хотя бы даже и ограниченной пределами местных и главным образом земских интересов, либеральная партия вполне могла бы развить и широкую и интенсивную деятельность; укажем, напр., на организацию политических обличений... «Но при наличности такой деятельности со стороны других партий, в особенности партии социал-демократической или рабочей,

либеральная партия—даже не вступая в прямое соглашение с социал-демократами—может оказаться очень серьезным фактором»... Совершенно справедливо, и читатель ждет естественно, чтобы автор хоть в самых общих чертах наметил работу этого «фактора». Но г. Р. Н. С. вместо этого обрисовывает рост революционной социал-демократии и заканчивает: «При наличии яркого политического движения... хоть сколько-нибудь организованная либеральная оппозиция может сыграть крупную политическую роль: умеренные партии при умелой тактике всегда выигрывают от обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами»... И только! «Роль» «фактора» (который уже успел превратиться из партии в «оппозицию») состоит в том, чтобы «выигрывать» от обострения борьбы. Об участии либералов в борьбе—ни слова, а о выигрыше либералов упомянуто. Обмолвка, можно сказать, провиденциальная...

Русские социал-демократы никогда не закрывали глаза на то, что политическая свобода, за которую они прежде всего борются, принесет пользу прежде всего буржуазии. Восставать на этом основании против борьбы с самодержавием мог бы только социалист, погрязающий в худших предрассудках утопизма или реакционного пародничества. Буржуазия воспользуется свободой, чтобы почтить на лаврах,—пролетариату необходимо нужна свобода, чтобы развернуть во всю ширь свою борьбу за социализм. И социал-демократия будет неуклонно вести освободительную борьбу, каково бы ни было отношение к этой борьбе тех или других слоев буржуазии. В интересах политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицию гнету самодержавия, по какому бы поводу и в каком бы общественном слое она ни проявлялась. Для нас далеко не безразлична поэтому оппозиция нашей либеральной буржуазии вообще и наших земцев в частности. Сумеют либералы организовать в нелегальную партию,—тем лучше, мы будем приветствовать рост политического самосознания в имущих классах, мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и социал-демократов взаимно выполняла друг друга^{*)}. Не су-

^{*)} Пишущему эти строки приходилось указывать на пользу либеральной партии четыре года тому назад, по поводу партии «Народного Права». См. «Задачи русских социал-демократов» (Женева 1898): «...Но если в этой партии («Народного Права») есть и не маскарадные, а настоящие политики не-социалисты, демократы не-социалисты,—тогда эта партия может принести не малую пользу, стараясь сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии...» (стр. 26). (См. I том Собр. соч. П. Ленина, Ред.).

меют,—мы и в этом (более вероятном) случае не «махнем рукой» на либералов, мы постараемся укрепить связи с отдельными личностями, познакомить их с нашим движением, поддержать их посредством разоблачения в рабочей прессе всех и всяких гадостей правительства и проделок местных властей, привлечь их к поддержке революционеров. Обмен услуг подобного рода между либералами и социал-демократами происходит и теперь, он должен быть только расширен и закреплён. Но, будучи всегда готовы на этот обмен услуг, мы никогда и ни в каком случае не откажемся от решительной борьбы с теми иллюзиями, которых так много в неразвитом политически русском обществе вообще и русском либеральном обществе в частности. В сущности мы можем, видоизменяя известное изречение Маркса о революции 1848-го года, и о русском революционном движении сказать, что его прогресс состоит не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий. Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием героической интеллигенции.

Пора бы и либералам нашим освободиться от самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентарство с русским самодержавием, будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага.

Внутреннее обозрение.

1. Голод.

Опять голод! Не одно только разорение, а прямое вымирание русского крестьянства идет в последнее десятилетие с поразительной быстротой, и, вероятно, ни одна война, как бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертв. Против мужика соединились все самые могучие силы современной эпохи: и развивающийся все быстрее мировой капитализм, создавший заокеанскую конкуренцию и снабдивший небольшое меньшинство сельских хозяев, которые способны выжить в отчаянной борьбе за существование, самыми усовершенствованными способами производства и орудиями, и военное государство, ведущее политику приключений в своих колониальных владениях, на Дальнем Востоке и в Средней Азии, взваливающее все непомерные тяготы этой, стоящей бешеные деньги, политики на рабочие массы и к тому же еще устраивающее на народные деньги все новые и новые батареи полицейского «пресечения» и «обуздания» против растущего недовольства и возмущения этих масс.

После того, как голод стал у нас явлением обычным, естественно было ожидать, что правительство постарается сформировать и закрепить свою обычную же политику в продовольственном деле. Если в 1891—1892 г.г. правительство было застигнуто врасплох и порядочно-таки растерялось сначала, то теперь оно уже богато опытом и твердо знает, куда (и как) идти. «В этот момент написала «Искра» в июле (№ 6)—на страну надвигается черная туча народного бедствия, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусок хлеба от голодного населения, карающей всякое, не входящее в выды начальства, «оказательство» заботы о голодных людях».

Приготовления правительства были очень быстры и очень решительны. В каком духе велись эти приготовления, достаточно обнаружила елисаветградская история. Князь Оболенский, началь-

ник Херсонской губернии, объявил сразу войну всем, кто был настолько дерзновенен, чтобы писать и говорить об елисаветградском голоде, призывать общество к помощи голодающим, устраивать частные кружки и приглашать частных лиц для организации этой помощи. Земские врачи писали в газетах, что в уезде голод, что народ болеет и мрет, что «хлеб», употребляемый им в пищу, есть нечто невероятное, вовсе и не заслуживающее названия хлеба. Губернатор вступает в полемику с земскими врачами, печатает официальные опровержения. Кто знает хоть сколько-нибудь общие условия нашей печати, кто возьмет на себя труд припомнить ту сугубую травлю, которой подверглись в последнее время весьма умеренные органы и еще несравненно более умеренные литераторы,—тот поймет, что означала эта «полемика» начальника губернии с какими-то земскими врачами, даже и на государственной службе не состоящими! Это было простое затыканье рта; это было самое явное и бесцеремонное заявление, что правительство не потерпит прамды о голодовке. Да что заявление! Кого другого, а уж русское правительство вряд ли можно упрекнуть, что оно ограничивается заявлениями, когда есть возможность «власть употребить». И князь Оболенский не замедлил употребить власть, являсь лично на театр войны—войны против голодающих и против тех, кто, не числясь ни по какому ведомству, хотел оказать действительную помощь голодающим,—и запретив устройство столовых нескольким присхавшим уже на голод частным лицам (в том числе г-же Успенской). Подобно Юлию Цезарю, князь Оболенский пришел, увидел, победил,—и телеграммы немедленно оповестили всю читающую Россию об этой победе. Удивительно одно: что эта победа, этот пахальный вызов всем русским людям, в ком осталось хоть капля порядочности, хоть чуточку гражданского мужества, не встретил никакого отпора из среды наиболее заинтересованных, если можно так выразиться, лиц. В Херсонской губернии очень многие, несомненно, знали и знают всю подноготную этого замалчивания голода и борьбы против помощи голодающим, но никто не опубликовал ни изложения этого поучительного дела, ни документов, к нему относящихся, ни даже простого призыва протестовать против чудовищного запрещения устраивать столовые. Рабочие устраивают стачку, когда правительство приводит в исполнение свою угрозу: рассчитать «прогулявших» первое мая; интеллигентное общество молчит, когда его представителям запрещают... оказывать помощь голодающим.

Как бы поощренное успехом этой первой стычки с «смутья-

нами», которые смеют помогать голодающим, правительство перешло вскоре к атаке по всей линии. Храбрый подвиг князя Оболенского возводится в руководящее начало, в закон, регулирующий отныне отношения всех администраторов ко всем прикосновенным к продовольственному делу лицам (слово «прикосновенный» есть, собственно, термин уголовный, принадлежащий специально нашему Уложению о наказаниях, но мы уже видели и увидим еще ниже, что в настоящее время неразрешенная помощь голодающим всецело входит в понятие уголовщины). Такой закон и не замедлил последовать—на этот раз в упрощенной форме «циркуляра министра внутренних дел начальникам губерний, пострадавших от неурожая 1901 г.» (17-го августа 1901 г., № 20).

Этот циркуляр останется, надо думать, надолго памятником того, до каких геркулесовых столпов доводит полицейский страх перед грозным народным бедствием, перед сближением голодающих с помогающими им «интеллигентами», наряду с твердым намерением задавить всякий «шум» о голоде и ограничить помощь самыми ничтожными размерами. Можно только пожалеть, что неумеренный объем этого циркуляра и тяжеловесность того канцелярского слога, которым он написан, мешают, пожалуй, ознакомлению с ним самой широкой публики.

Известно, что закон 12-го июня 1900 г. изъял продовольственное дело из ведения земства и передал его в руки земских начальников и уездных съездов. Казалось бы, уж чего надежнее: выборный элемент устранен, мало-мальски независимые от начальства люди распоряжаться делом и, следовательно, шуметь теперь не будут. Но, после похода князя Оболенского, всего этого показалось мало: надо строже подчинить все дело министерству и непосредственно исполняющим его предписания чиновникам, надо устранить окончательно возможность всяких преувеличений. Поэтому реш а т ь вопрос о том, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю», будет отныне исключительно само министерство *), в котором устроится, очевидно, главный штаб

*) Как решает министерство этот вопрос, можно видеть из примера Пермской губернии. Как сообщают последние газеты, губерния эта продолжает все еще считаться «благополучной по урожаю», хотя неурожай в ней (по сведениям экстренного губернского земского собрания, бывшего 10-го октября) еще сильнее неурожая 1898 года. Сбор хлебов составляет только 58 процентов среднего сбора, а по Шадринскому и Ирбитскому уездам—только 36 и 34 процентов. В 1898 году было выдано правительством (не считая местных средств) 1½ миллиона пудов хлеба и более 1¼ миллиона рублей деньгами. Теперь же у земства нет средств,

военных действий против голодающих. И через посредство г. г. губернаторов этот штаб будет направлять деятельность тех лиц (главным образом, уездных предводителей дворянства), в руках которых сосредоточено «уездное, центральное по продовольственной части, управление». Инициатору военных действий против голодающих, князю Оболенскому, приходилось самому ехать на место, чтобы пресечь, обуздать и сократить. Теперь это «упорядочено», и достаточно будет простого обмена телеграммами (благо на канцелярские расходы ассигновано уже по тысячке на уезд) между «уездным центральным» и петербургским центральным управлениями, чтобы «распорядиться». Тургеневский цивилизованный помещик не только не шел сам на конюшню, но ограничивался вполголоса сделанным замечанием чрез одетого во фрак и белые перчатки лакея: «Насчет Федора... распорядиться!»⁴²⁾. Вот и у нас теперь так же «без шума», тихо-благородно будут «распоряжаться» об обуздании неумеренных appetitов голодающего населения.

А что г. Сипягин⁴³⁾ убежден в неумеренности appetitов голодного мужика,—это видно из той настойчивости, с которой циркуляр не только предостерегает от «преувеличений», но прямо создает новые и новые правила, устраняющие самую возможность преувеличений. С составлением списков нуждающихся—не торопитесь: это вызывает в населении «преувеличенные надежды»—прямо говорит министр и предписывает составлять списки только непосредственно перед самой раздачей хлеба. Далее, о том, когда следует считать уезд неблагополучным по урожаю,—циркуляр находит излишним говорить, но зато с точностью определяет, когда не следует признавать уезд неблагополучным (например когда пострадало не более трети волостей, когда существуют обычные заработки и т. д.). Наконец, относительно норм пособия голодающим министр преподает такие правила, которые яснее ясного показывают, что правительство хочет во что бы то ни стало урезать эти пособия до невозможности и отделаться подачками, нисколько не предохраняющими населения от вымирания. В самом деле: норма—48 пудов хлеба на семью (считая по величине среднего сбора в данном селении); кто имеет не меньше этого,—тот не нуждается. Каким путем получена эта цифра,—неизвестно. Известно только, что в год неголодный

земство ограничено в правах, неурожай гораздо сильнее, чем в 1898 году, цены на хлеб начали подниматься еще с 1-го июля, крестьяне уже распродают скот,—а правительство все-таки упорно считает губернию «благополучной»!!

даже самые беднейшие крестьяне потребляют вдвое больше хлеба (см. земско-статистические исследования крестьянских бюджетов). Недосдавание считается, следовательно, явлением нормальным, на основании предписания г. министра. Но и эта норма уменьшается, во-первых, вдвое, чтобы не мог получить ссуду рабочий элемент, составляющий около половины населения, а во-вторых, еще на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо (именно так: «или же какой-либо»!! материальный достаток». Можно судить поэтому, какой ничтожной дробью должна выразиться та доля действительно недостающего населению хлеба, которую намерено ему ссудить правительство! И, точно любуясь своим нахальством, г. Сипягин, изложив эту невероятную систему урезывания пособий, заявляет, что такой приблизительный расчет «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным». Комментарии едва ли не излишни.

Официальные заявления русского правительства, когда в них кроме голых предписаний есть хоть какие-нибудь попытки объяснить эти предписания, заключают в себе почти всегда,—это своего рода закон, гораздо более устойчивый, чем большинство наших законов,—два основных мотива или два основных типа мотивов. С одной стороны, вы встретите непременно несколько общих фраз, в напыщенной форме заявляющих о попечительности начальства, его желании считаться с требованиями времени и пожеланиями общественного мнения. Например, говорится о «важном деле предотвращения в среде сельского населения продовольственной нужды», о «нравственной ответственности за благосостояние местного населения» и т. п. Само собою разумеется, что эти общие места ничего, в сущности, не означают и ни к чему положительному не обязывают; зато они похожи как две капли воды на бессмертные речи бессмертного Иудушки Головлева, отчитывавшего «сбираемых им крестьян». В скобках сказать, эти общие места эксплуатирует всегда (отчасти по наивности, отчасти по «долгу службы») либеральная подцензурная печать, чтобы конструировать принципиальную солидарность правительства с ее точкой зрения.

Но если вы внимательно присмотритесь к другим, не столь общим и не столь очевидно пустозвонным, мотивам правительственных велений, вы найдете всегда конкретные пояснения, целиком повторяющие установившиеся доводы самых реакционных органов нашей печати (напр., «Московских Ведомостей»). Проследивать и отмечать в каждом отдельном случае эту со-

лидарность правительства с «Московскими Ведомостями» было бы, на наш взгляд, бесполезной (и не совсем недоступной даже и для легальных деятелей) работой. В рассматриваемом циркуляре, например, мы встречаем повторение самых гнусных обвинений, исходивших от самых «диких помещиков»,—что преждевременное составление списков нуждающихся возбуждает «стремление некоторых состоятельных домохозяев привести свое хозяйство в вид обедневшего путем продажи запасов и излишков и инвентаря». Министр говорит, что это «доказал опыт предшествующих продовольственных кампаний». Следовательно? Следовательно, министр почерпает свой политический опыт из назиданий наиболее заядлых крепостников, которые так шумели в прежние голодные годы и шумят теперь об обманах крестьян и которые так возмущены «шумом» по поводу эпидемий голодного тифа.

У тех же крепостников научился г. Сипягин говорить о деморализации: «весьма важно,—пишет он,—чтобы... местные учреждения... содействовали сбережению ассигнованных средств, а главное (sic!!)—предотвратили имеющие вредное деморализующее влияние случаи неосновательной выдачи правительственного пособия лицам обеспеченным». И это беззастенчивое предписание содействовать сбережению средств подкрепляется следующим принципиальным наставлением: «...широкая раздача продовольственных пособий могущим обойтись без оных семействам» (могущим обойтись 24-мя пудами хлеба в год на семью?) «независимо от непроизводительности (!) расходов казны в этих случаях, имеет по пагубным последствиям такой системы в будущем не менее вредное с точки зрения пользы и нужд государственных значение, чем оставление без надлежащей помощи истинно нуждающихся». В старину расчувствовавшиеся монархи говорили: «лучше десять виновных оправдать, нежели одного невинного осудить». А теперь ближайший помощник царя заявляет: не менее вредно дать пособие семейству, которое может обойтись и 24-мя пудами хлеба в год, чем оставить без пособия «истинно» нуждающегося. Как жаль, что эта великолепная по своей откровенности «точка зрения» на «пользы и нужды государственные» прикрыта от широкой публики длиннейшим и скучнейшим циркуляром! Одна надежда: может быть, социал-демократическая печать и социал-демократическая устная агитация поближе познакомят народ с содержанием министерского циркуляра.

Но с особенной решительностью «нападает» циркуляр на частных благотворителей: по всему видно, что ведущие войну против голодающих администраторы наиболее важной позицией «неприятеля» считают частные кружки помощи, частные столовые и проч. Г. Сипягин с прямотой, заслуживающей полной признательности, объясняет, почему эта частная благотворительность давно уже не давала спать министерству внутренних дел. «Начиная с недорода 1891 и 1892 г.г. и при всех последующих подобных же бедствиях,—гласит циркуляр,—передко обнаруживалось, что иные благотворители на-ряду с оказанием материальной помощи жителям и неблагополучных местностей стараются возбудить в их среде недовольство существующим порядком и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству. При этом не в полной мере удовлетворенная нужда, неизбежные при этом болезни и расстройства хозяйства создают весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему. Обыкновенно при первых же известиях о значительном недороде в пострадавшую местность стекаются отовсюду лица с безупречным политическим прошлым, стараются вступить в сношения с приезжающими из столиц уполномоченными благотворительных обществ и учреждений и принимаются ими по неведению в сотрудники на места, чем создаются немаловажные затруднения интересам порядка и управления».

Однако тесно же становится на русской земле русскому правительству. Было время, когда особо охраняемой средой считалась только учащаяся молодежь: за ней учрежден был особо строгий надзор, сношения с ней со стороны каких-либо лиц с безупречным политическим прошлым вменялись в большую вину, всякие кружки и общества, хотя бы и преследовавшие только цели материальной помощи, заподозревались в противоправительственных целях и проч. В те времена — и очень недавние времена — другого слоя, тем менее класса населения, представлявшего в глазах правительства «весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации», не было. Но с половины 90-х годов вы встретите уже в официальных правительственных сообщениях указание на другой неизмеримо более многочисленный класс населения, требующий особой охраны: фабрично-заводских рабочих. Рост рабочего движения заставил создать целые системы учреждений для надзора за новым буйным элементом; в списке местностей, запрещенных

для жительства сомнительным в политическом отношении лицам, стали появляться на-ряду с столицами и университетскими городами, фабричные центры, поселки, уезды и целые губернии *). Особо охраняемыми от неблагонадежных оказались две трети Европейской России, а оставшуюся треть до того переполняет масса «лиц с безупречным политическим прошлым, что даже самая глухая провинция становится беспокойной **). Теперь оказывается, что по авторитетному суждению такого компетентного лица, как г. министр внутренних дел, «благоприятную почву» для противоправительственной агитации представляет из себя и самая глухая деревня, поскольку в ней имеют место случаи не- вполне удовлетворенной нужды, болезней и расстройства хозяй- ства. А много ли таких русских деревень, где этого рода «случаи» не постоянны? И не следует ли нам, русским социал-демократам, немедленно воспользоваться этим поучительным указанием г. Си- лягина на «благоприятную» почву? Именно теперь, с одной сто- роны, деревня заинтересована доходившими кое-когда и кое-как слухами о февральских и мартовских стычках городского про- летариата и интеллигентной молодежи с правительственной опи- рчиной, а с другой стороны, разве любая такая фраза о «ничем не оправдываемой требовательности» мужика и т. п. не дает богатейшей программы для самой широкой и всесторонней аги- тации?

Полезным указанием г. Силыгина мы должны воспользоваться, а над наивностью его стоит посмеяться. Это, действительно, за- бавная наивность воображать, что подчинение частной благотво- рительности надзору и контролю губернатора затруднит возмож- ность влияния «неблагонадежных» лиц на деревню. Настоящие благотворители никогда политическими целями не задавались, так что новые меры пресечения и обуздания падут всего больше на тех, кто для правительства наименее опасен. Люди же, которые захотят открыть глаза крестьянам на значение новых мер и от-

*) Ср., например, напечатанный в № 6 «Искры» секретный циркуляр о высланных из Петербурга лицах, главным образом, литераторах, многие из которых никогда ни к каким политическим делам вообще и ни к каким «ра- бочим» делам в частности не привлекались. Тем не менее им запрещены для жительства не только университетские города, но и «фабричные мест- ности», а некоторым даже только фабричные местности.

**) См., наприм., корреспонденции в «Искре», №№ 6 и 7, о том, как об- щественное возбуждение и противоправительственные «оказательства» про- никли даже в богоспасаемые грады вроде Пензы, Симферополя, Кур- ска и т. п.

ношения правительства к голоду вообще, наверное, уже не встретят надобности в том, чтобы входить в сношения с уполномоченными Красного Креста или представляться г.г. губернаторам. Ведь вот, например, раз оказалось, что фабрично-загодская среда есть «благоприятная почва»,—те, кто хотели сблизиться с этой средой, не входили в сношения с управляющими фабрик для того, чтобы разузнать про фабричные порядки, и не представлялись г.г. фабричным инспекторам для того, чтобы получить разрешение на устройство собраний с рабочими. Мы нисколько не забываем, конечно, что политическая агитация среди крестьян представляет громадные трудности тем более, что отвлекать для нее революционные силы из городов и невозможно и нерационально, но мы не должны также упускать из виду, что такие правительственные подвиги, как стеснение частной благотворительности, устраняют добрую половину этих трудностей и снимают с нас половину работы.

* *
*

Мы не будем останавливаться на такой—сравнительно с разобраным циркуляром—«мелочи», как циркуляр того же министра об усилении надзора за благотворительными концертами, представлениями и проч. (Ср. «Искра» № 9, «Новые рогатки».)

Попробуем посмотреть, в каком отношении находится теперь правительственная помощь населению, назначенная и распределенная по новым правилам, к действительному размеру нужды. Правда, данные об этом до последней степени скудны. Печать теперь взнуздана до-нельзя, голоса частных устроителей столовых замолкли вместе с «запрещением» их деятельности, и для осведомления оторопевшей от новых строгостей российской публики служат только казенно-полицейские пометки о благополучном ходе продовольственной кампании, да статейки в том же духе в «Московских Ведомостях», да передаваемые кое-когда разговоры досужего репортера с тем или иным помпадуром, преимущественно излагающим мысли «о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и о прочем». Например, «Новое Время» в № 9195 передает, что саратовский (бывший архангельский) губернатор Л. П. Энгельгардт⁴⁴) принял сотрудника местной газеты и высказал ему, между прочим, что он, губернатор, лично устроил на месте совещание предводителей дворянства, представителей земских управ, земских начальников и представителей Красного Креста и «распределил занятия»,

«Цынги,---сказал А. П. Энгельгардт,---в том виде, как я ее наблюдал в Архангельской губернии, здесь нет: там к больному нельзя подойти на пять шагов; там эта болезнь действительно «гнилая»,---здесь же больше всего последствий сильного малокровия, развивающегося благодаря ужасной обстановке домашней жизни. Единственные почти признаки цынготного заболевания здесь---белые губы, белые десны... Выздоровливает такой больной в течение недели при правильном питании. Теперь и идет это подкармливание. В общем выдается 1.000 порций в день, хотя зарегистрировано не больше 400 крайне нуждающихся».

«Кроме цынготных заболеваний по всей местности отмечены только три случая тифа. Дальше, надо надеяться, дело и не пойдет, так как везде уже открыты общественные работы, и население обеспечено заработком».

Вот какое благополучие: на весь Хвалынский уезд (о котором говорит г. помпадур) только 400 крайне нуждающихся (остальные, вероятно, «могут обойтись», по мнению г.г. Сипягина и Энгельгардта, и 24-мя пудами хлеба в год на семью!) и население уже обеспечено и выздоравливают больные через неделю. Как же после этого не верить «Московским Ведомостям», которые в особой передовице (№ 258) внушают нам, что «по последним известиям из 12 губерний, пострадавших от неурожая, в них кипит деятельная работа администрации по устройству помощи. Многие уезды уже обследованы, на предмет признания их неблагополучными в продовольственном отношении, назначаются уездные заведующие продовольственной частью и т. д. Повидимому, правительственными должностными лицами делается все возможное для оказания своевременной и достаточной помощи».

«Кипит деятельная работа», и... «зарегистрировано не более 400 крайне нуждающихся»... В Хвалынском уезде 165 тысяч сельского населения, а порций выдается одна тысяча. Недобор ржи в этом году составляет во всем юго-восточном районе (в том числе и в Саратовской губернии) 34%. В Саратовской губернии из общего посева на крестьянских землях (1½ миллиона десятин) полным неурожаем поражены 15% (по данным губернской земской управы) и плохим---75%, а Хвалынский уезд вместе с Камышинским, принадлежат к наиболее пострадавшим уездам Саратовской губернии. Следовательно, общий недобор хлеба у крестьян Хвалынского уезда составляет не менее процентов 30-ти. Допустим, что половина этого недобора падает на зажиточное крестьянство, которое доведено этим еще не до голодания (хотя это

допущение более чем рискованное, ибо зажиточное крестьянство имеет лучшие земли и лучше их обрабатывает, так что от неурожая страдает всегда меньше бедноты). Даже и при таком предположении окажется, что голодающих должно быть процентов 15, т.-е. до 25-ти тысяч. А нас хотят утешить тем, что хвалынской цынге далеко еще до архангельской, что случаев тифа будто бы было только три (врали бы хотя поискуснее!) и что выдается одна тысяча порций (рассчитанных и размеренных, вероятно, по Сипягинской системе борьбы... с преувеличениями).

Что касается до тех «заработков», которые г. Сипягин в своем циркуляре старался три раза учесть, чтобы избежать преувеличений (раз—предписывая не считать неблагоприятными уезды с развитыми обычно заработками, другой раз—предписывая уменьшать 48-пудовую норму наполовину, ибо 50 процентов рабочего населения «должны» заработать, и третий раз—предписывая уменьшать и эту последнюю цифру на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{10}$, по местным условиям), что касается заработков, то в Саратовской губернии упали не только земледельческие, но и неземледельческие заработки. «Последствия неурожая—сообщает нам вышеназванный доклад управы—отразились и на кустарях благодаря уменьшению сбыта их продуктов. В силу этих обстоятельств в уездах с наиболее развитыми кустарными промыслами наблюдаются кризисы». А к числу этих уездов принадлежит и наиболее пострадавший Камышинский уезд, в котором, между прочим, многие и многие тысячи бедноты заняты знаменитым сарпиночным промыслом. И в обыкновенные годы порядки в этом, заброшенном в деревенское захолустье, промысле были самые безобразные: работали, например, дети 6—7 лет, получая 7—8 копеек в день. Можно себе представить, что там делается в год громадного неурожая и особого кустарного кризиса.

Неурожай хлебов сопровождается в Саратовской губернии (как и во всех, разумеется, неурожайных губерниях) недостатком кормов. За последние месяцы (т.-е. уже во второй половине лета!) было отмечено чрезвычайное развитие разных эпизоотий, усиливающих смертность скота. «По сообщению ветеринарного врача из Хвалынского уезда (заимствуем это сведение из той же газеты, которая излагала содержание вышеупомянутого доклада губернской земской управы), при вскрытии павших животных в желудках последних ничего кроме земли не оказывалось».

В «сообщении земского отдела министерства внутренних дел» о продолжении продовольственной кампании было сделано, между прочим, заявление, что из числа объявленных неблагополуч-

ными уездов «лишь в Хвалынском с июля месяца обнаружился, в двух селах, ряд эпидемических заболеваний цынгой, к прекращению которых направлены усилия местного врачебного персонала, при чем в помощь местным силам командированы два отряда Общества Красного Креста, действующие, по донесению губернатора,—(того самого А. П. Энгельгардта, с которым мы уже познакомились),—с большим успехом; во всех же прочих, объявленных неблагополучными в продовольственном отношении уездах, по имеющимся в министерстве к 12-му сего сентября сведениям, случаев неудовлетворенной острой продовольственной нужды не было, и развития болезней на почве недостаточного питания не замечается».

Чтобы показать, какого доверия может заслуживать это утверждение, будто не было случаев неудовлетворенной острой нужды (а хроническая нужда была?) и будто не замечается развития болезней, мы ограничимся сопоставлением данных еще по двум губерниям.

В Уфимской губернии объявлены неблагополучными Мензелинский и Белебеевский уезды, и земский отдел министерства внутренних дел сообщает, что правительственная ссуда «собственно на продовольствие» потребуется, «по заявлению губернатора», в размере 800.000 пудов. Между тем чрезвычайнсе Уфимское губернское земское собрание, созванное на 27-е августа для обсуждения вопроса о помощи пострадавшим от неурожая, определило нужду этих уездов на продовольствие в 2,2 миллиона пудов хлеба, да плюс 1 миллион на остальные уезды, независимо от ссуды на обсеменение (3,2 миллиона пудов на губернию) и на прокорм скота (600.000 пудов). Продовольственная ссуда, следовательно, определена министерством в одну четвертую долю того, что определяло земство.

Другой пример. В Вятской губернии уездов, объявленных неблагополучными, не было к тому времени, когда земский отдел опубликовал свое сообщение, а размер ссуды на продовольствие он же определял в 782.000 пудов. Это—та самая сумма, которую исчислило, по сообщениям газет, еще Вятское губернское присутствие по продовольственной части в своем заседании 28-го августа (исчислило согласно с постановлениями уездных съездов от 18-го до 25-го августа). Те же самые съезды около 12-го августа определили размер ссуды иначе, именно: 1,1 милл. пудов на продовольствие и 1,4 милл. пудов на обсеменение. Откуда эта разница? Что произошло между 12-м и 28-м августа? Произошло то, что появился циркуляр г. Сипягина от 17-го ав-

густа ю борьбе с голодающими. Действие циркуляр возымел, значит, моментальное, и маленькая сумма в 230 тысяч пудов хлеба была вычеркнута из расчета, составленного—это заметьте—уездными съездами, т.-е. учреждениями, заменившими (по закону 12-го июня 1900 г.) неблагонадежное земство,—учреждениями, состоящими из чиновников вообще и земских начальников в особенности... Неужели мы в самом деле доживем до того, что и земские начальники обвинены будут в либерализме? Чего доброго. По крайней мере, в «Московских Ведомостях» мы прочитали недавно такой реприманд некоему г. Ом., осмелившемуся в «Приазовском Крае» предложить, чтобы печатались в газетах протоколы заседаний губернских по городским делам присутствий (если уже нельзя в эти заседания допустить представителей печати):

«Цель слишком прозрачна: русский чиновник часто страдает боязнью показаться нелиберальным, и гласность может заставить его, иногда даже против совести, поддерживать какую-нибудь либерально-фантастическую затею города или земства. Расчет не совсем ошибочный».

Не следует ли назначить особый надзор за вятскими земскими начальниками, которые—очевидно из боязни показаться нелиберальными—обнаружили непростительное легкомыслие в «преувеличении» продовольственной нужды? *).

*) А вот еще образчик борьбы с преувеличениями, которую ведет вятский губернатор:

Вятский губернатор в объявлении, разосланном по волостным управлениям, констатирует весьма осторожное отношение крестьян к продовольственной ссуде, выдаваемой правительством и земством. «При объезде губернии—говорит г. Клиппенберг,—я убедился, насколько крестьяне обдуманно и осторожно относятся к нынешним обстоятельствам, боятся брать на себя невызываемые крайнею необходимостью долги и твердо решились терпеливо ждать Божией помощи в будущем году, стараясь своими силами выйти из затруднительного положения». Это дает начальнику Вятской губернии уверенность в том, что «никакие слухи о даровой правительственной и земской помощи и о возможности сложения долгов и недоимок, а равно о преувеличенных размерах недорода не будут смущать спокойное и благоразумное население Вятской губернии». Губернатор считает нужным предупредить крестьянское население, «что, если при проверке приговоров окажется, что домохозяин хотя и не имеет никаких запасов, но собрал в нынешнем году хлеба в достаточном количестве на прокормление семьи и на обсеменение полей, но хлеб этот продал и вырученные деньги употреблял на другие надобности, то он уже рассчитывать на получение ссуды не может. Выданные ссуды будут, по новому закону, взыскиваться без ответственности кругового порукою, по тем же правилам, по коим взыскиваются окладные сборы. Поэтому домохозяин,

Впрочем, «либерально-фантастическая затея» вятского земства (если бы мудрое русское правительство не отстранило его от ведения продовольственного дела) доходила до определения нужды еще в гораздо больших размерах. По крайней мере, чрезвычайное губернское собрание, происходившее с 30-го августа по 2-ое сентября, определило недобор хлеба до потребного количества в 17 процентов, а кормов—в 15 процентов. А величина этого количества—105 милл. пудов (обычный сбор—134 миллиона пудов, а в настоящем году—84 милл. пудов). Недобор, следовательно, составляет 21 миллион пудов. «Общее число волостей в губернии, необеспеченных сбором текущего года,—158 из 310. Население их составляет 1.566 тысяч душ обоего пола. Да, несомненно, «кипит деятельная работа администрации»—по уменьшению действительных размеров нужды и по сведению всего дела помощи голодающим до какого-то акробатства копеечной благотворительностью.

Впрочем, «акробаты благотворительности» было бы еще слишком лестным названием для сплоченных под знаменем Сипягинского циркуляра администраторов. Общего у них с акробатами благотворительности—мизерность их помощи и стремление раздуть ее размеры. Но акробаты благотворительности смотрят на благодетельствуемых ими людей, в худшем случае, как на игрушку, приятно щекочущую их самолюбие, а Сипягинская администрация смотрит на них как на неприятелей, как на людей, на что-то незаконно посягающих («ничем не оправдываемая требовательность по отношению к правительству») и потому подлежащих обузданию. С полной рельефностью выразился этот взгляд в замечательных «Временных Правилах», высочайше утвержденных 15-го сентября 1901 г.

Это—целый закон, состоящий из 20 статей, и замечательного в нем так много, что мы не поколебались бы причислить его к важнейшим законодательным актам начала XX-го века. Начать с названия: «Временные правила об участии населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и го-

просивший и получивший ссуду, должен помнить, что он один и должен будет ее возвратить, что никто ему не поможет и что взыскание будет производиться строго, так что в случае накопления недоимки все движимое имущество может быть продано, а недвижимое отобрано.

Можно себе представить, как обращаются волостные заправилы с просящими ссуду голодающими недоимщиками, после такого объявления губернатора!

сударственных имуществ». Вероятно, эти работы представляют из себя нечто до такой степени напичканное льготами, что «участие» в них есть особая милость? Вероятно, иначе и первая статья нового закона не повторяла бы: «сельским обывателям местностей, пострадавших от неурожая, предоставляется участие в производстве работ» и т. д.?

Но об этих «льготах» закон говорит уже во второй своей половине, а сначала устанавливается организация всего дела. Подлежащие управления «предназначают наиболее соответствующие работы» (ст. 2), при чем «применяются к установленному в законе порядку» (ст. 3, которую, применительно к названию глав в некоторых романах Диккенса, можно бы назвать: «та статья нового закона, в которой говорится о необходимости применяться к старым законам»). Работы открываются либо на сметные средства, либо на особые кредиты, при чем общее заведывание устройством работ принадлежит министру внутренних дел, который может назначать особых уполномоченных и при котором, под председательством его товарища, образуется особое «совещание по продовольственному делу» из представителей разных министерств. К обязанностям этого совещания относится: а) разрешение отступлений от установленного порядка, б) обсуждение предположений о назначениях средств, в) «установление предельных размеров вознаграждения рабочих, а равно определение других условий предоставления населению участия в означенных работах, г) распределение рабочих партий по районам работ и д) заведывание передвижением этих партий к местам производства работ». Заключение совещания утверждает министр внутренних дел, а также, «в подлежащих случаях», и министры других ведомств. Далее, указание работ и выяснение численности нуждающегося в них населения возлагается на земских начальников, которые все эти сведения сообщают губернаторам, а губернаторы со своим заключением в министерство внутренних дел «и, по указанию оного, распоряжаются чрез земских начальников отправлением рабочих к местам производства работ»...

Уф! Наконец - то мы осилили всю «организацию» нового дела! Спрашивается теперь, сколько потребуются смазки, чтобы привести в движение все колеса этой громоздкой, чисто-русской административной машины? Попробуйте только представить себе это дело конкретно: непосредственно около голодающих находится один земский начальник. Ему, значит, принадлежит инициатива. Он пишет бумажку—кому? Губернатору, гласит ст. временных правил 15-го сентября. Но на основании циркуляра от

17-го августа создано ведь особое «уездное центральное по продовольственной части управление», назначение которого «сосредоточить заведывание всею продовольственною частью по уезду в руках одного должностного лица» (цирк. 17 августа—этим лицом предпочтительно должен назначаться уездный предводитель дворянства). Возникает «пререkanie», которое, конечно, быстро разрешается на основании замечательно ясных и простых «начал», изложенных в шести пунктах статьи 175-й «общего учреждения губернского», определяющей «порядок разрешения пререканий... между присутственными местами и должностными лицами». В конце концов бумажка попадает все-таки в канцелярию губернатора, где и принимаются составлять «заключение». Затем все посылается в Петербург и поступает на рассмотрение особого совещания. Но участвующий в совещании представитель министерства путей сообщения не в состоянии решить вопрос о целесообразности такой работы, как исправление дорог Бугурусланского уезда,—и вот новая бумажка путешествует из Петербурга в провинцию и обратно. И когда наконец вопрос о целесообразности работы и проч., и проч. будет принципиально разрешен, тогда петербургское совещание займется «распределением рабочих партий» между Бузулукским и Бугурусланским уездами.

И ради чего создана такая машина? По повизне дела? Ничуть не бывало. До временных правил 15-го сентября общественные работы могли устраиваться гораздо проще «на основании действующих узаконений», и тот же циркуляр 17-го августа, говоря об общественных работах, устраиваемых земствами и попечительствами о домах трудолюбия и губернскими властями, не предвидит надобности ни в какой особой организации. Как видите, «продовольственная кампания» правительства состоит в том, что петербургские департаменты целый месяц (с 17-го августа по 15-е сентября) выдумывали и выдумали—таки бесконечное усложнение волокиты. За то петербургское совещание, наверно, уже, не поддастся той опасности впасть в преувеличения, от которой не защищены местные чиновники, «боящиеся показаться нелиберальными»...

Но гвоздь новых «Временных правил», это—узаконения о на-нимаемых на работы «сельских обывателей». Когда работы производятся «вне районов их оседлости», то рабочие, во-первых, образуют особые артели, «под наблюдением земского начальника», который утверждает и старосту для надзора за порядком; во-вторых, рабочим, вступившим в такую артель, составляется особый список, который «заменяет для внесенных в него («в оный»,

как выражается закон) рабочих—при передвижении и на время участия в работах—установленные законом виды на жительство и хранится до прибытия на место у чиновника, сопровождающего рабочих в пути, или, в случае его отсутствия, у артельного старосты, а затем—у заведующего производством работ лица».

К чему понадобилась эта замена обыкновенных паспортов, которые каждый желающий отлучиться крестьянин вправе получить бесплатно,—особым списком? Для рабочего это несомненное стеснение, потому что, живя по своему отдельному паспорту, он гораздо свободнее и в выборе себе квартиры, и в распределении своего времени, и в перемене одной работы на другую более для него выгодную или удобную. Мы увидим из дальнейшего, что сделано это несомненно умышленно и не только из любви к казенщине, а именно для того, чтобы стеснить рабочих и приблизить их к партиям крепостных, транспортируемых «по описи», по своего рода «статейному списку». Оказывается, что, например, забота «о сохранении должного порядка во время пути и передача (sic!) доставленных партий рабочих заведующим работами вверяется чинам, особо командированым министерством внутренних дел». Дальше в лес—больше дров. Замена паспортов списками ведет за собой замену свободы передвижения—«доставкой и передачей партий». Что это, не о партиях ли ссыльно-каторжных идет речь? Не отменены ли уже (может быть, в наказание за «преувеличение» голода?) все законы о том, что крестьянин, снабдивший себя паспортом, может ехать куда ему угодно и как ему угодно? Неужели принятие перевозки на счет казны есть достаточное основание для лишения гражданских прав?

Далее. Оказывается, что заведующие распределением рабочих, выдачей платы и проч. должностные лица производящего работы ведомства, «по сообщению губернского начальства местностей, где остались семьи рабочих, удерживают, в случае возможности, часть заработной платы и отсылают ее по принадлежности для поддержки этих семейств». Новое лишение прав. Как смеют чиновники удерживать заработанные деньги? Как смеют они вмешиваться в семейные дела рабочих и решать за них, точно за крепостных, кого и насколько желают они поддерживать? Да позволят ли еще рабочие удерживать, без их согласия, заработанные ими деньги? Этот вопрос, вероятно, пришел в голову и составителям новых «каторжных правил», потому что статья закона, непосредственно следующая за приведенной выше, гласит: «Надзор за сохранением рабочими должного порядка в

местах производства работ возлагается, по распоряжению министра внутренних дел, на местных земских начальников, офицеров отдельного корпуса жандармов, полицейских чиновников или особо для сего назначенных лиц». Положительно, речь идет о наказании крестьян лишением прав за «преувеличения» голода и «ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству»! Мало того, что за всеми русскими рабочими вообще следит и полиция общая, и полиция фабричная, и полиция сыскная, здесь еще предписывается установление особого надзора. Правительство, можно подумать, совсем потеряло голову из страха перед этими отправляемыми, доставляемыми и передаваемыми с тысячей предосторожностей партиями голодающих крестьян.

Далее. «В случаях нарушения общественной тишины и спокойствия, явно недобросовестного отношения к работе или неисполнения законных требований лиц, заведывающих производством работ, или наблюдающих за порядком на оных, виновные в том рабочие могут быть подвергаемы, без особого судебного производства, по распоряжению чинов, упомянутых в ст. 16 (только что приведенной нами), аресту до трех дней; за упорное же уклонение от работы они, по распоряжению тех же чинов, могут быть отправлены по этапу в место постоянного их жительства».

Можно ли после этого иначе назвать временные правила 15-го сентября, как временно-каторжными правилами? Расправа без суда,—высылка по этапу... Велика, очень велика темнота и забитость русского крестьянина, но есть же мера всему. Да и непрерывные голодовки и непрерывные высылки рабочих из городов не могли пройти бесследно. И наше правительство, которому так понравилось управлять посредством «Временных правил» *), дождется-таки того, что найдет коса на камень.

Пусть послужат для нас «Временные правила» 15-го сентября поводом к самой широкой агитации в рабочих кружках и в крестьянстве; давайте распространять самый текст этих правил и листки с объяснением их, давайте устраивать собрания с чтением этого закона и объяснением его содержания в связи со всей «продовольственной» политикой правительства. Добьемся

*) Давно уже сказано, что всякий дурак сумеет управлять посредством осадного положения. Ну, это в Европе нужны осадные положения, а у нас осадное положение есть общее положение, восполняемое то здесь, то там временными правилами. Ведь все политические дела в России ведутся на основании временных правил.

того, чтобы каждый сколько-нибудь сознательный рабочий, попадая так или иначе в деревню, имел точное представление о «временно-каторжных правилах» и был в состоянии рассказывать всем и каждому, в чем тут дело и что нужно делать для избавления от каторги голода, произвола и бесправия.

А тем российским прекраснородушным интеллигентам, которые носятся со всякого рода артелями и тому подобными, допускаемыми или поощряемыми правительством, легальными обществами пусть послужат эти временные правила о рабочих артелях — постоянным укором и серьезным предостережением: укором за ту наивность, с которой они верили в искренность правительственного допущения или поощрения, не видя самого подлого крепостнического нутра за вывеской «развития народного труда» и т. п. Предостережением, — чтобы впредь они, говоря об артелях и прочих допускаемых т. г. Сипягиными обществах, никогда не забывали сказать, и всю правду сказать, о рабочих артелях по временным правилам 15-го сентября, или же, если они не могут говорить о таких артелях, чтобы они лучше совсем молчали.

II. Отношение к кризису и к голоду.

Наряду с новой голодовкой все еще тянется старый, ставший уже затяжным, торгово-промышленный кризис, выбросивший на улицу десятки тысяч не находящих себе работы рабочих. Нужда среди них страшно велика, и тем более бросается в глаза совершенно различное отношение и правительства, и образованного «общества» к этой нужде и к нужде крестьян. Никаких попыток ни со стороны общественных учреждений, ни со стороны печати определить число нуждающихся рабочих и степень нужды хотя бы с такой же степенью приближения, с какой определяется нужда крестьян. Никаких систематических мероприятий по организации помощи голодающим рабочим.

Отчего зависит эта разница? Нам думается: всего менее от того, что нужда рабочих как бы меньше выступает наружу, проявляется в менее резких формах. Правда, городские жители, не принадлежащие к рабочему классу, мало знают о том, как маются теперь фабричные, теснясь еще более в подвалах, чердаках и конурах, недоедая еще больше, чем обыкновенно, сбывая ростовщикам последние остатки домашней рухляди; правда, увеличение числа босяков и нищих, посетителей ночлежных домов и обитателей тюрем и больниц не обращает на себя особенного внимания, потому что ведь «все» так привыкли к тому, что в боль-

шом городе должны быть переполнены ночлежные дома и всякие притоны самой безысходной нищеты; правда, безработные рабочие совсем не привязаны к месту, как крестьяне, и либо сами расходятся в разные концы государства, отыскивая занятие, либо высылаются «на родину» администрацией, опасавшейся скопления безработных. Но, несмотря на все это, каждый, соприкасающийся с промышленной жизнью, наблюдает вочию и каждый, следящий за общественной жизнью, знает из газет, что безработица растёт и растёт.

Нет, причины указанного различия лежат глубже: их надо искать в том, что деревенская голодовка и городская безработица принадлежат к совершенно различным укладам хозяйственной жизни страны, обуславливаются совершенно различным взаимоотношением класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых. В деревне отношения между этими двумя классами вообще чрезвычайно запутаны и усложнены массой переходных форм, когда земледельческое хозяйство соединяется то с ростовщичеством, то с работой по найму и пр., пр. И голодают при этом не сельскохозяйственные наёмные рабочие, противоположность интересов которых интересам помещиков и зажиточных крестьян ясна для всех и в значительной степени для самих рабочих, а голодают мелкие крестьяне, которых принято считать (и которые сами себя считают) самостоятельными хозяевами, лишь случайно попадающими иногда в ту или иную «временную» зависимость. Ближайшая причина голода—неурожай—бедствие, в глазах массы, чисто стихийное,—божье попущение. А так как эти сопровождаемые голодовками неурожаи тянутся с незапамятных времен, то и законодательство давно уже вынуждено считаться с ними. Давно уже существуют (главным образом на бумаге) целые уставы народного продовольствия, предписывающие целую систему «мероприятий». И как ни мало отвечают нуждам современной эпохи эти мероприятия, заимствованные большей частью из времен крепостного права и преобладания патриархального натурального хозяйства, тем не менее каждый голод приводит в движение целый административный и земский механизм. А этому механизму даже при всем желании власть имущих лиц трудно, почти невозможно обойтись без всесторонней помощи этих ненавистных «третьих лиц», интеллигентов, стремящихся поднять «шум». С другой стороны, связь голодовки с неурожаем и забитость крестьянина,—не сознающего (или до последней степени смутно сознающего), что только усилившийся гнет капитала в связи с грабительской политикой правительства и помещиков довел его до такого ра-

зрения,—ведут к тому, что голодающие чувствуют себя совершенно беспомощными и не проявляют не только чрезмерной, но даже и ровно никакой «требовательности».

А чем ниже в угнетенном классе уровень сознания своего угнетения и требовательности по отношению к угнетателям, тем больше является среди имущих классов лиц, склонных к благотворительности, тем меньше сравнительно сопротивления этой благотворительности со стороны непосредственно заинтересованных в нищете крестьянина местных помещиков. Если принять во внимание этот несомненный факт, то окажется, что усиление помещичьего сопротивления, усиление криков о «демократизации» мужика и, наконец, принятие «начиненным» в таком духе правительством чисто военных мер против голодающих и против благотворителей,—все это ясно свидетельствует о полном упадке и разложении того исконного, патриархального, веками освященного и непресборимо якобы устойчивого деревенского быта, которым восхищались наиболее ярые славянофилы, наиболее сознательные реакционеры и наиболее наивные «народники» старореволюционного толка. Нас, социал-демократов, обвиняли всегда народники в том, что мы искусственно переносим понятие классовой борьбы туда, куда оно вовсе неприменимо; реакционеры—в том, что мы разжигаем классовую ненависть и натравливаем «одну часть населения против другой». Не повторяя десятки раз уже данного ответа на эти обвинения, мы заметим только, что русское правительство идет впереди нас всех в оценке глубины классовой борьбы и в энергии мероприятий, из такой оценки вытекающих. Всякий, кто соприкасался так или иначе с публикой, направлявшейся в голодные годы «кормить» крестьян,—а кто из нас не соприкасался с ней?—знает, что ее побуждало к этому простое чувство человеческого сострадания и жалости, что какие бы то ни было «политические» планы были совершенно чужды ей, что пропаганда идей классовой борьбы оставляла эту публику совершенно холодной, что аргументы марксистов в их горячей войне с народническими взглядами на деревню эту публику не убеждали. При чем тут классовая борьба?—говорили они.—Просто крестьяне голодают и надо им помочь.

Но кого не убедили аргументы марксистов, того, может быть, убедят «аргументы» г. министра внутренних дел. Нет, не «просто голодают»,—вещает он благотворителям—и без разрешения начальства нельзя «просто» помогать, ибо это развивает деморализацию и ничем не оправдываемую требовательность. Вмешиваться в продовольственную кампанию, значит, вмешиваться в те бже-

ские и полицейские предначертания, которые г.г. помещикам обеспечивают рабочих, согласных работать чуть не даром, а казне обеспечивают поступление податей, собираемых посредством выколачивания. И кто внимательно вдумается в Сипягинский циркуляр, тот должен будет сказать себе: да, в нашей деревне идет социальная война, и, как и при всякой войне, не доводится отрицать право воюющих сторон осматривать груз судов, идущих в неприятельские порты хотя бы и под нейтральным флагом! Отличие от других войн лишь то, что здесь одна сторона, обязанная вечно работать и вечно голодать, даже и вовсе не сражается, а только бывает сражаема... пока.

В области фабрично-заводской промышленности наличие этой войны давно уже не подлежит никакому сомнению, и «нейтральному» благотворителю нет надобности в циркулярах разъяснять, что, не спросившись броду (т.-е. разрешения начальства и г.г. фабрикантов), не следует соваться в воду. Еще в 1885 году, когда о сколько-нибудь заметной социалистической агитации среди рабочих не могло быть и речи, даже в центральном районе, где рабочие ближе стоят к крестьянству, чем в столице, промышленный кризис до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там. Благотворительность, при таком положении дела, заранее осуждена на бессилие, и она остается поэтому случайным и чисто индивидуальным делом тех или иных лиц, не приобретаая и тени общественного значения.

Отметим еще одну особенность в отношении общества к голодовкам. До самого последнего времени у нас, можно без преувеличения сказать, господствовало то мнение, что весь русский экономический, да даже и государственный, строй только и держится на массе владеющего землей и самостоятельно хозяйничающего на земле крестьянства. До какой степени этот взгляд проникал даже в передовые круги мыслящих людей, всего менее склонных попадать на удочку официального славословия, это особенно рельефно показала всем памятная книга Николая—она, вышедшая после голода 1891/92 г.г. Разорение громадного числа крестьянских хозяйств казалось всем таким абсурдом, таким невозможным прыжком в небытие, что необходимость самой широкой помощи, способной действительно «залечить раны»; сделалась почти общим лозунгом. И опять не кто иной, как г. Сипягин взял на себя труд рассеять последние иллюзии. На чем же держится «Россия», чем живут земледельческие и торгово-промышленные классы, как не разорением и нищетой народа? Попытаться не на

бумаге только залечить эту «рану», — да это государственное преступление!

Г. Сипягин, несомненно, поспособствует распространению и укреплению той истины, что кроме классовой борьбы революционного пролетариата против всего капиталистического строя, нет и не может быть иного средства ни против безработицы и кризисов, ни против тех азиатски-диких и жестоких форм экспроприации мелкого производителя, какие принял этот процесс у нас. До массовых жертв голода и кризиса хозяевам капиталистического государства так же мало дела, как мало дела паровозу до тех, кого он давит на своем ходу. Мертвые тела тормозят колеса, поезд останавливается, он может даже (при чересчур энергичных машинистах) сойти при этом с рельс, но он во всяком случае продолжает, после тех или иных задержек, свой путь. Вы слышите о голодной смерти и разорении десятков и сотен тысяч мелких хозяев, но в то же время вы слышите и о прогрессах общественного земледелия, об успешном завоевании иностранного рынка российскими помещиками, отправившими экспедицию русских сельских хозяев в Англию, о расширении сбыта улучшенных орудий и распространении травосеяния и проч. Для хозяев русского земледелия (как и для всех капиталистических хозяев) усиление разорения и голодовки есть не более как маленькая временная задержка, на которую они почти и не обратят внимания, если голодающие не заставят обратить на себя внимания. Все идет своим чередом, — даже спекуляция по продаже земель той части хозяев, которую образуют зажиточные крестьяне.

Вот, например, Бугурусланский уезд Самарской губернии объявлен «неблагонадежным по урожаю». Значит, разорение массы крестьянства и голодовка достигли здесь самой высокой степени. Но бедствие массы не только не мешает, а как будто бы даже содействует укреплению хозяйственной позиции буржуазного меньшинства крестьянства. Вот что мы читаем о том же уезде в сентябрьской корреспонденции «Русских Ведомостей» (№ 244):

«Бугурусланский уезд Самарской губернии. Злобою дня у нас являются повсеместный быстрый рост цен на землю и огромная спекуляция ею, вызванная этим ростом. Всего каких-нибудь 15—20 лет тому назад прекрасные долинные земли шли здесь по 10—15 р. за десятину: были местности, удаленные от железной дороги, в которых всего три года назад цена 35 р. за десятину считалась высокой и только за самую лучшую землю с великолепной усадьбой и базаром было однажды заплачено

60 руб. за десятину. Теперь же за худшую землю дают 50—60 руб., а за лучшие земли цена поднялась до 80-ти и даже до 100 руб. за десятину. Спекуляции, вызванные этим ростом цен на землю,—двух родов: во-первых, это—скупка земли для немедленной же перепродажи (есть случаи, что земля покупалась по 40 р. и через год перепродавались местным крестьянам по 55-ти р.); продают обыкновенно те помещики, которым или неохота, или уже некогда возиться с проволочками и формальностями продажи земли крестьянам через Крестьянский банк,—покупают же купцы-капиталисты и перепродают тем же местным мужикам. Во-вторых, разного рода многочисленные посредники занимаются всучиванием крестьянам из дальних губерний (преимущественно малороссийских) всякого рода неудобной земли, за что получают от владельцев имений недурные проценты (от 1-го до 2-х р. за десятину). Из сказанного уже видно, что главный объект земельной спекуляции—крестьянин, и на его жажде земли основывается вся эта невообразимая и необъяснимая простыми экономическими причинами скачка цен на землю; конечно, сыграли роль и железные дороги, но не такую, так как главным покупателем земли у нас остается крестьянство, для которого железная дорога—фактор далеко не первостепенный.

Эти цепкие «хозяйственные мужички», так жадно вкладывающие свои «сбережения» (и награбления) в покупку земли, неминуемо доканают и тех из малоимущих крестьян, которые еще уцелели от теперешней голодовки.

Если для буржуазного общества средством против разорения и голодания неимущих крестьян служит покупка земли зажиточными крестьянами, то средством против кризиса, переполнения рынка продуктами промышленности, служат поиски новых рынков. Пресмыкающаяся печать («Новое Время», № 9188) восторгается успехами новой торговли с Персией, оживленно обсуждаются коммерческие виды на Среднюю Азию и особенно на Маньчжурию. Железодельательные и прочие промышленные тузы радостно потирают руки, слыша об оживлении железнодорожного строительства. Решено строить большие линии: Петербург—Вятка, Бологое—Седлец, Оренбург—Ташкент, гарантированы правительством железнодорожные займы на 37 миллионов (обществ Московско-Казанской, Лодзинской и Юго-Восточных дорог), предположены линии: Москва—Кыштым, Камышин—Астрахань и Черноморская. Голодающие крестьяне и безработные рабочие могут утешаться: казенные денежки (если казна добудет еще денег) не будут, разумеется, «непроизводительно» (ср. Сипягинский циркуляр) рас-

ходоваться на пособия,—нет, они пользуются в карманы инженеров и подрядчиков—вроде тех виртуозов казнокрадства, которые годы и годы крали и крали в Нижнем при постройке Сормовской дамбы и которые только теперь осуждены (в виде исключения) сессией Московской судебной палаты в Нижнем-Новгороде *).

*) К сожалению, недостаток места не позволяет нам подробнее остановиться на этом процессе, который еще и еще раз показал, как хозяйничают и инженеры, и подрядчики. Для нас, русских, это именно та старая история, которая вечно остается новой. Инженер Александров в компании с начальником Нижегородского отделения Казанского округа министерства путей сообщения Шнакенбургом и с шестью привлеченными к делу подрядчиками в течение трех лет (1893—1895) «сооружал» для себя и других тысячные капиталы, представляя в казну счета, ведомости, акты освидетельствования и проч., на никогда не существовавшие работы и поставки. Фиктивные были не только работы, но и сами подрядчики: простой писец подписывался за подрядчика! Какую сумму хитнула вся братия, можно судить по следующему. Инженер Александров представил счетов (от попавших на скамью подсудимых «подрядчиков») на двести слишком тысяч рублей, а в этих счетах, например, вместо 400 рублей действительного расхода ставили 4.400 р. Инженер Александров, по показанию одного свидетеля, прокучивал то с девицами, то со своим непосредственным начальством, путевскими инженерами, руб. по 50—80 в один обед.

Но интереснее всего то, как велось и чем кончилось это дело. Полицеймейстер, которому донес агент сыскальной полиции, «не захотел поднимать дело» (!): «Дело—говорит—не наше, а министерства путей сообщения, и агенту пришлось обратиться к прокурору. Далее, обнаружилось все только потому, что воры перессорились: Александров «не поделился» с одним из писцов-подрядчиков. Велось дело шесть лет, так что многие свидетели успели умереть и почти все успели позабыть самое важное. Даже такой свидетель, как бывший начальник Казанского округа путей сообщения Лохтин, не разыскан (sic!): не то он в Казани, не то в г. Енисейске на командировке! Пусть читатель не думает что это—шутка, это списано с отчета о судебном разбирательстве.

Что замешаны в этом деле далеко не одни обвиняемые, видно хотя бы из 2-х следующих фактов: во-первых, тот самый добродетельный агент полиции, который поднял дело, теперь в полиции не служит, а приобрел дом и живет доходами с него. Во-вторых, инженер Макаров начальник Казанского округа путей сообщения (в эпоху Сормовской дамбы бывший помощником начальника) на суде из кожи лез, выгораживая Александрова; он заявил даже—буквально!—что, если дамбу весной 1894 г. размыло, то «это так и полагалось». По его, Макаровским, ревизиям, у Александра все было в порядке, и Александров отличался опытностью, усердием и аккуратностью!

Результат: Александрову—один год крепости; Шнакенбургу—строгий выговор (не приведенный в исполнение за силой манифеста 1896 г.); остальные оправданы. Гражданский иск казны отклонен. Воображаю, как должны быть довольны и неразысканные Лохтины и состоящие на службе Макаровы.

III. Третий элемент.

Выражение «третий элемент» или «третьи лица» пущено в ход, если мы не ошибаемся, самарским вице-губернатором, г. Кондоиди, в его речи при открытии самарского губернского земского собрания 1900 г., для обозначения лиц, «не принадлежащих ни к администрации, ни к числу представителей сословий». Рост числа и влияния таких лиц, служащих в земстве, в качестве врачей, техников, статистиков, агрономов, педагогов и т. п., давно уже обращает на себя внимание наших реакционеров, которые прозвали также этих непамятных «третьих лиц» «земской бюрократией».

Надо вообще сказать: что наши реакционеры, -- а в том числе, конечно, и вся высшая бюрократия, -- проявляют хорошее политическое чутье. Они так искушены по части всяческого опыта в борьбе с оппозицией, с народными «бунтами», с сектантами, с восстаниями, с революционерами, что держат себя постоянно «на чеку», и гораздо лучше всяких наивных простаков и «честных кляч» понимают непримиримость самодержавия с какой бы то ни было самостоятельностью, честностью, независимостью убеждений, гордостью настоящего знания. Прекрасно впитав в себя тот дух низкопоклонства и бумажного отношения к делу, который царит во всей иерархии российского чиновничества, они подозрительно относятся ко всем, кто непохож на гоголевского Акакия Акакиевича или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре.

И в самом деле: если люди, исполняющие те или иные общественные функции, будут цениться не по своему служебному положению, а по своим знаниям и достоинствам, -- то разве это не ведет логически неизбежно к свободе общественного мнения и общественного контроля, обсуждающего эти знания и эти достоинства? Разве это не подкапывает в корне те привилегии сословий и чинов, которыми только и держится самодержавная Россия? Послушайте-ка, чем мотивировал свое недовольство тот же г. Кондоиди:

«Случается, -- говорит он, -- что представители сословий без достаточно проверенных оснований вмешивают слову интеллигентов, хотя бы то были не более как вольнонаемные служащие в управе, лишь вследствие ссылки на науку или на поучения газетных и журнальных писателей». Каково? Простые «вольнонаемные служащие», а берутся учить «представителей сословий»! Между

прочим: земские гласные, о которых говорит г. вице-губернатор, на самом деле члены учреждения бессословного; но так как у нас все и вся пропитано сословностью, так как и земства, по новому положению, громадную долю всей своей бессословности утратили, то для краткости можно действительно сказать, что в России два правящих «класса»: 1) администрация и 2) представители сословий. Третьему элементу в сословной монархии нет места. А если непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самым ростом капитализма и вызывает потребность в «интеллигентах», число которых все возрастает, то неизбежно надо ожидать, что третий элемент будет стараться расширить узкие для него рамки.

«Грезы лиц, не принадлежащих ни к администрации, ни к представителям сословий в земстве,—говорил тот же г. Кондоиди—носят лишь фантастический характер, но могут, допустив в основании политические тенденции, иметь и вредную сторону».

Допущение «политических тенденций» — это только дипломатическое выражение того убеждения, что они есть. А «грезами» именуются здесь, если хотите, все предположения, вытекающие для врача — из интересов врачебного дела, для статистика — из интересов статистики и не считающиеся с интересами правящих сословий. Сами по себе эти грезы фантастичны, но они питают политическое недовольство, извольте видеть.

А вот попытка другого администратора, начальника одной из центральных губерний, дать иную мотивировку недовольства третьим элементом. По его словам, деятельность земства в введенной ему губернии «с каждым годом все более и более отдалается от тех основных начал, на которых зиждется Положение о земском учреждении». Положением этим к заведыванию делами о местных пользах и нуждах призвано местное население; между тем вследствие индифферентного отношения большинства землевладельцев к предоставленному им праву «земские собрания приняли характер одной формальности, а дела вершатся управами, характер коих заставляет желать весьма многого». Это «псевдокло за собою образование при управах обширных канцелярий и приглашение на земскую службу специалистов, — статистиков, агрономов, педагогов, санитарных врачей и т. д., — которые, чувствуя свое образовательное, а иногда и умственное превосходство над земскими деятелями, начали проявлять все большую и большую самостоятельность, что в особенности достигается путем открытия в губернии разных съездов, а при управах — советов. В результате все зем-

ское хозяйство очутилось в руках лиц, ничего общего с местным населением не имеющих». Хотя «среди этих лиц весьма много личностей, вполне благонамеренных и заслуживающих полного уважения, но на свою службу они не могут смотреть иначе, как на средство к существованию, а пользы и нужды местные их лишь настолько могут интересовать, насколько от таковых зависит их личное благополучие». — «В земском деле, по мнению начальника губернии, наемник не может заменить собственника». Эта мотивировка может быть названа и более хитрой, и более откровенной, смотря по тому, как смотреть. Она более хитра, так как умалчивает о политических тенденциях и пытается свести основания своего суждения исключительно к интересам местных польз и нужд. Она более откровенна, ибо прямо противопоставляет «наемника» собственнику. Это — исконная точка зрения российских Китов Китычей, которые при наиме какого-нибудь «учителишки» руководятся прежде всего и больше всего рыночными ценами на данный вид профессиональных услуг. Настоящие хозяева всего — собственники, так вещает представитель того самого лагеря, из которого постоянно несутся восхваления России с ее твердой, независимой ни от кого и выше классов стоящей властью, избавленной, слава богу, от того господства над народной жизнью своекорыстных интересов, какое мы видим в развращенных парламентаризмом западных странах. А раз собственник — хозяин, то он должен быть хозяином и врачебного, и статистического, и образовательного «дела»: наш помпадур не стесняется сделать этот вывод, заключающий в себе прямое признание политического главенства имущих классов. Мало того: он не стесняется — и это особенно курьезно — признать, что эти «специалисты» чувствуют свое образовательное, а иногда и умственное превосходство над земскими деятелями. Да уж, против умственного превосходства, разумеется, никаких средств, кроме мер строгости, не имеется...

И вот недавно нашей реакционной печати представился особенно удобный случай повторить призыв к этим мерам строгости. Нежелание интеллигентов позволить третировать себя, как простых наемников, как продавцов рабочей силы (а не как граждан, исполняющих определенные общественные функции), всегда приводило, от времени до времени, к конфликтам управских воротил то с врачами, которые коллективно подавали в отставку, то с техниками и т. д. В последнее же время конфликты управ с статистиками приняли прямо эпидемический характер.

В «Искре» было отмечено еще в мае (№ 4), что местные власти

(в Ярославле) давно уже косились на статистику и после мартовских событий в С.-Петербурге произвели — таки «очистку» бюро и предложили заведующему «впредь принимать студентов со строгим выбором, так чтобы о них нельзя было и подумать, что они могут когда-либо оказаться неблагонадежными». В корреспонденции «Крамола во Владимире на Клязьме» («Искра» № 5, июнь) обрисовывалось общее положение заподозренной статистики и причины нелюбви к ней со стороны губернатора, фабрикантов и помещиков. Увольнение владимирских статистиков за подачу телеграммы с выражением сочувствия Анненскому (избитому на Казанской площади 11-го марта) повело к фактическому закрытию бюро, и так как иногородние статистики отказывались служить в земстве, которое не умел отстаивать интересы своих служащих, то пришлось местной жандармерии выступить в роли посредника между уволенными статистиками и губернатором. «Жандарм явился на квартиры к некоторым статистикам и предлагал им снова подавать прошение о поступлении на службу в бюро», но его миссия потерпела полную неудачу. Наконец, в августовском номере (№ 7) «Искры» был рассказан «инцидент в Екатеринославском земстве», в котором «паша» г. Родзянко (председатель губернской земской управы) уволил статистиков за неисполнение «предписания» вести дневник и этим увольнением вызвал выход в отставку всех остальных членов бюро и протестующие письма харьковских статистиков (приведены в том же номере «Искры»). Дальше в лес — больше дров. Вмешался харьковский паша, г. Гордеенко (тоже председатель губернской земской управы) и заявил статистикам «своего» земства, что не потерпит «в стенах управы никаких совещаний служащих по вопросам, не касающимся служебных обязанностей». Не успели, далее, харьковские статистики исполнить своего намерения потребовать увольнения находившегося среди них шпиона (Антоновича), как управа уволила заведующего статистическим бюро, вызвав этим опять-таки уход всех статистиков.

До какой степени взволновали эти происшествия всю массу земских служащих по статистике, это видно, например, из письма вятских статистиков, которые пытались обстоятельно мотивировать свое нежелание пристать к движению и были за это по справедливости названы в «Искре» (№ 9) «вятскими штрейкбрехерами».

Но «Искра», конечно, отмечала только некоторые случаи, далеко не все конфликты, которые произошли, по сведениям легальных газет, кроме того в губерниях Петербургской, Олонецкой,

Нижегородской, Таврической, Самарской (к конфликтам мы присоединяем здесь и случаи увольнения сразу по несколько статистиков, так как эти случаи возбуждали сильное недовольство и брожение). До чего доходила вообще подозрительность губернских властей и беззастенчивость их, видно, например, из следующего:

«Заведывавший таврическим бюро С. М. Блеклов в представленном управе «Отчете по обследованию Днепровского уезда в течение мая и июня 1901 г.» рассказывает, что работы в этом уезде сопровождались небывалыми ранее условиями: хотя и допущенные к исполнению своих обязанностей губернатором, снабженные надлежащими документами и имевшие, на основании распоряжения губернского начальства, право на содействие местных властей, исследователи были окружены крайней подозрительностью уездной полиции, следившей за ними по пятам, выражавшей свое недоверие в самой грубой форме, дошедшей до того, что, по словам одного крестьянина, вслед за статистиками сходил урядник и спрашивал крестьян, «не пропагандируют ли статистики вредных идей против государства и отечества». Статистикам приходилось, по словам г. Блеклова, наталкиваться на разные препятствия и затруднения, которые не только мешали работе, но и глубоко затрагивали чувства собственного достоинства... Часто статистики оказывались в положении каких-то подследственных лиц, о которых производилось тайное дознание, всем впрочем хорошо известное, и относительно которых считалось необходимым предупреждать. Отсюда каждому может быть понятно, какое невыносимо тяжелое нравственное состояние приходилось нередко им переживать».

Недурная иллюстрация к истории земско-статистических конфликтов и к характеристике надзора за «третьим элементом» вообще!

Неудивительно, что реакционная печать набросилась на новых «бунтовщиков». «Московские Ведомости» поместили громовую передовицу «Стачка земских статистиков» (№ 263, 24 сентября) и особую статью «Третий элемент» г. Н. А. Знаменского (№ 279, 10 октября). «Третий элемент» «зазнался», — писала газета, — он отвечает «систематической оппозицией и стачкой» на попытки ввести «необходимую служебную дисциплину». Виной всему — земские либералы, распустившие служащих.

«Нет никакого сомнения в том, что некоторое упорядочение земских оценочно-статистических работ предпринято наиболее трезвыми и разумными земскими деятелями, не пожелавшими до-

пускать в подведомственных им управлениях распушенность даже и под либерально-оппозиционным флагом. И оппозиция, и стачки должны, наконец, открыть им глаза на то, с кем они имеют дело в лице того умственного пролетарита, который, шатаясь из одной губернии в другую, занимался не то статистическими исследованиями, не то просвещением местных подростков в социальном-демократическом духе.

«Во всяком случае, в форме «земских статистических конфликтов» благоразумная часть земских деятелей получает для себя полезный урок. Полагаем, что она увидит теперь вполне ясно, какую змею, под видом «третьего элемента», отогрели у себя земские учреждения» *).

Мы, со своей стороны, тоже не сомневаемся в том, что эти вопли и завывания верного сторожевого пса самодержавия (известно, что так назвал себя «сам» Катков, сумевший так надолго «зарядить» «Московские Ведомости» своим духом) «откроют глаза» многим, не вполне еще понимавшим всю непримиримость самодержавия с интересами общественного развития, с интересами интеллигенции вообще, с интересами всякого настоящего общественного дела, не состоящего в казнокрадстве и предательстве.

Для нас, социал-демократов, эта маленькая картинка похода против «третьего элемента» и «земско-статистических конфликтов» должна послужить важным уроком. Мы должны почерпнуть новую веру в всемогущее руководимое нами рабочее движение, видя, что возбуждение в передовом революционном классе передается и на другие классы и слои общества, что оно привело уже не только к несбывшему подъему революционного духа в студенчестве **), но и к начинающемуся пробуждению деревни, и к усилению веры в себя и готовности к борьбе в таких общественных группах, которые (как группы) оставались до сих пор малоотзывчивыми.

*) «Московские Ведомости» № 263.

**) В тот момент, когда мы пишем это, огосюду идут известия о новом усилении брожения в среде студенчества, о сходках в Киеве, Петербурге и других городах, об образовании революционных студенческих групп в Одессе и проч. Может быть, история возложит на студенчество роль застрельщика и в решительной схватке? Как бы там ни было, но для победы в этой схватке необходим подъем масс пролетариата, и мы должны скорее и скорее позаботиться об увеличении их сознательности, воодушевления и организованности.

Общественное возбуждение растет в России во всем народе, во всех его классах, и наш долг, долг революционных социал-демократов, направить все усилия на то, чтобы суметь воспользоваться им, чтобы разъяснить передовой рабочей интеллигенции, какого союзника имеет она и в крестьянстве и в студенчестве, и в интеллигенции вообще, чтобы научить ее пользоваться всыпывающими то здесь, то там огоньками общественного протеста. Роль передового борца за свободу мы в состоянии будем исполнить лишь тогда, когда руководимый боевой революционной партией рабочий класс, не забывая ни на минуту своего особого положения в современном обществе и своих особых всемирно-исторических задач освобождения человечества от экономического рабства, поднимет в то же время общенародное знамя борьбы за свободу и привлечет под это знамя всех тех, кого теперь г.г. Сипягины, Кондоиди и вся эта шайка так усердно толкает в ряды недовольных из самых разнообразных слоев общества.

Для этого нужно только, чтобы мы восприняли в свое движение не только непреклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западно-европейскими и русскими предшественниками, а не перенимали рабски всяческие формы оппортунизма, от которых начинают уже отделяться сравнительно мало пострадавшие ют них западные наши товарищи и которые так сильно задерживают наш путь к победе.

Перед русским пролетариатом стоит теперь наиболее трудная, но зато и наиболее благодарная революционная задача: раздавить врага, которого не могла осилить многострадальная русская интеллигенция, и занять место в рядах международной армии социализма.

IV. Две предводительские речи.

«Факт печально-знаменательный, еще поныне небывалый, и много небывалых бед сулят России такие факты, возможные только при уже очень далеко подвинувшейся нашей социальной демократизации»... Так писали «Московские Ведомости» в передовой статье № 268 (29 сентября) по поводу речи орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде в Орле (съезд этот закончился 24 сентября)... Ну, уже если в среду предводителей дворянства, этих первых лиц в уезде и вторых в губернии, проникла «социальная демора-

лизация», то где же в самом деле конец «духовной моровой язве, охватывающей Россию»?

В чем же дело? А в том, что сей г. Стахович (тот самый, который хотел предоставить орловским дворянам места сборщиков по питейной монополии (см. № 1 «Зари», «Случайные заметки») *) сказал горячую речь в защиту свободы совести, при чем «дошел в своей бестактности, — чтобы не сказать цинизме, — до того, что внес такое предложение» **):

«Ни на ком в России не лежит более, чем на Миссионерском Съезде, долг провозгласить необходимость свободы совести, необходимость отмены всякой уголовной кары за отпадение от православия и за принятие и исповедание иной веры. И я предлагаю Орловскому Миссионерскому Съезду так прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригодным порядком!..»

Разумеется, насколько наивно было со стороны «Московских Ведомостей» произвести г. Стаховича в Робеспьеры (это жизнерадостный - то М. А. Стахович, которого я так давно знаю, Робеспьер! — писал в «Новом Времени» г. Суворин, и трудно было без смеха читать его «защитительную» речь), — настолько же, в своем роде, был наивен г. Стахович, предлагая попам ходатайствовать «пригодным порядком» о свободе совести. Это все равно, что на съезде станowych предложить бы ходатайствовать о политической свободе!

Едва ли есть надобность добавлять читателю, что «сонм духовенства, с архипастырем во главе» отклонили предложение г.

*) См. выше 18 стр. этого тома. Ред.

**) «Московские Ведомости», там же. Извиняюсь перед читателями за свою симпатию к «Московским Ведомостям». Что прикажете делать! По моему, все же это — самая интересная, самая последовательная и самая дельная политическая газета в России. Ведь нельзя назвать «политической» в собственном смысле литературу, которая в лучшем случае подбирает косакие интересные сырые фактики и вздыхает вместо всяких «мудрствований». Не спорю, что это может быть очень полезно, но это не политика. Точно также и литературу ново-временского пошиба нельзя назвать в настоящем смысле слова политической, несмотря на то (или лучше вследствие того), что она чересчур политична. Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только умение подделываться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед властью имущими, что бы они ни предписывали, и зангивать с подобием общественного мнения. А «Московские Ведомости» свою линию ведут и не боятся (им-то бояться нечего!) идти вперед правительству, не боясь касаться и иногда очень откровенно самых щекотливых пунктов. Полезная газета, незаменимый сотрудник революционной агитации!

Стаховича «и по существу доклада и по несоответствию его задачам местного миссионерского съезда», по выслушании «серьезных возражений» со стороны преосвященнейшего епископа Орловского Никанора, профессора Казанской Духовной Академии Н. И. Ивановского, редактора-издателя журнала «Миссионерское обозрение» В. М. Скворцова, миссионеров-священников таких-то и кандидатов университета — В. А. Тернавцева и М. А. Новоселова. Можно сказать: союз «науки» и церкви!

Но г. Стахович интересен для нас, разумеется, не как образчик человека с ясной и последовательной политической мыслью, а как образчик самого «жизнерадостного» русского дворянчика, всегда готового урвать кусочек казенного пирога. И до какой же безграничной степени должна доходить «деморализация», вносимая в русскую жизнь вообще и в жизнь нашей деревни в особенности, полицейским произволом и инквизиторской травлей сектантства, чтобы даже камни возопияли! Чтобы предводители дворянства горячо заговорили о свободе совести!

Вот, из речи г. Стаховича, маленькие примерчики тех порядков и тех безобразных явлений, которые возмущают в конце концов и самых «жизнерадостных».

«Да возьмите сейчас,—говорит оратор,—в миссионерской библиотеке братства справочную книжку о законах, и вы прочтете, что одна и та же ст. 783-я II т. I ч., среди забот станового об искоренении дуэлей, пасквилей, пьянства, неправильной охоты, совмещения мужского пола и женского в торговых банях поручает ему наблюдение за спорами против догматов веры православной и совращение православных в иную веру или раскол!» И ведь действительно есть такая статья закона, возлагающая на станового, кроме перечисленных оратором, еще много других таких же обязанностей. Для большинства жителей городов эта статья, конечно, покажется простым курьезом, как назвал ее и г. Стахович. Но для мужика за этим курьезом скрывается bitterer Ernst—горькая правда о бесчинствах низшей полиции, слишком твердо памятующей, что до бога высоко, до царя далеко.

А вот конкретные примеры, воспроизводимые нами вместе с официальным опровержением «председателя совета Орловского православного Петропавловского братства и Орловского епархиального миссионерского съезда, протоиерея Петра Рождественского» («М. В.» № 269, из «Орловского Вестника» № 357):

«а) В докладе (г. Стаховича) сказано об одном селении Трубчевского уезда:

«С согласия и ведома и священника и начальства

заперли заподозренных штундистов в церкви, принесли стол, накрыли чистою скатертью, поставили икону и стали выводить по одному.—Приложись!

«— Не хочу прикладываться к идолам...—А! пороть тут же. Послабже которые, после первого же раза, возвращались в православие. Ну, а которые до 4 раз выдерживали.

«Между тем, по официальным данным, напечатанным в отчете Орловского православного Петропавловского братства еще в 1896 году, и по устному сообщению священника Д. Переверзева на съезде, описанная расправа православного населения с сектантами с. Любца, Трубчевского уезда, происходила по постановлению сельского схода и где-то на селе, но никак не с согласия бывшего тогда местного священника и отнюдь не в церкви; и этот печальный инцидент имел место 18—19 лет тому назад, когда о миссии в Орловской епархии не было и помина».

«Московские Ведомости», перепечатывая это, говорят, что г. Стахович в своей речи привел только два факта. Может быть. Но зато и факты же это! Опровержение, основанное на «официальных данных» (от станового!) отчета православного братства, только подкрепляет всю силу возмущивших даже жизнерадостного дворянина безобразий. В церкви или «где-то на селе» происходила порка, полгода или 18 лет тому назад, это дела нисколько не меняет (разве, впрочем, в одном: всем известно, что в последнее время преследования сектантов стали еще более зверскими, и образование миссий стоит с этим в прямой связи!). А чтобы местный священник мог стоять в стороне от этих инквизиторов в зинуне, об этом, отец протоиерей, лучше бы в печати-то не говорили *). Осмеют! Конечно, «согласия» своего на уголовно-наказуемое истязание «местный священник» не давал, точно так же, как святая инквизиция не карала никогда сама, а передавала в руки светской власти, и не проливая никогда крови, а только предавала сожжению.

Второй факт:

«б) В докладе говорится:

«Только тогда у миссионера-священника не сойдет с языка

*) В своем возражении на официальные поправки г. Стахович писал: «Что значится в официальном отчете братства, я не знаю, но утверждаю, что священник Переверзев, рассказав на съезде все подробности и оговорив, что гражданские власти знали (sic!!!) о состоявшемся приговоре, на лично мною поставленный вопрос: А знал ли батюшка?—ответил:—Да, тоже знал». Комментарии излишни.

тот ответ, который мы тоже здесь слышали:—Вы говорите, батюшка, их было вначале 40 семей, а теперь 4. Что ж остальные!—А милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь».

«На самом же деле, в деревне Глыбочке, Трубчевского уезда, о которой в данном случае идет речь, по сведениям братства, в 1898 году было штундистов не 40 семейств, а 40 душ обоего пола, включая сюда и 21 душу детей; сослано же было в Закавказье, по постановлению окружного суда в том же году, лишь 7 человек, за соращение ими других лиц в штунду. Что же касается фразы местного священника: «милостью божьей сосланы», то она случайно была брошена им в закрытом заседании съезда, в непринужденном обмене мнений между членами оного, тем более, что означенный священник всем известен раньше и обнаружил себя на съезде одним из достойнейших пастырей-миссионеров».

Это опровержение уже совсем бесподобно! Случайно сказал в непринужденном обмене мнений! Это-то и интересно, потому что все мы слишком хорошо знаем, какую цену имеют слова официальных лиц, официально ими изрекаемые. И если сказавший эти «душевные» слова батюшка—«один из достойнейших пастырей-миссионеров», то тем более они имеют значения. «Милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь»—эти великолепные слова должны стать не менее знаменитыми в своем роде, чем защита митрополитом Филаретом крепостного права на основании священного писания.

Кстати, раз уже пришлось вспомнить Филарета, несправедливо было бы обойти молчанием напечатанное в журнале «Вера и Разум» за 1901 г. *) письмо «ученого либерала» к преосвященному Амвросию, архиепископу харьковскому. Автор подписался: «Почетный гражданин из бывших духовных Иероним Преображенский» и кличку «ученого (!) либерала» дала уже ему редакция, убоявшаяся, должно быть, «бездны премудрости». Ограничимся воспроизведением нескольких мест из этого письма, которое еще и еще раз показывает нам, что политическое мышление и по-

*) Пользуемся случаем поблагодарить корреспондента, приславшего нам отдельный оттиск из этого журнала. Наши командующие классы очень часто не стесняются показываться au naturel в специальных тюремных, церковных и тому подобных изданиях. Давно пора нам, революционерам, приняться систематически утилизировать эту «богатую сокровищницу» политического просвещения.

литический протест проникает невидимым путем в неизмеримо более широкие круги, чем иногда кажется.

«Я уже старик, мне под 60 лет, на своем веку мне немало приходилось наблюдать уклонений от исполнения церковных обязанностей, и по совести скажу, что во всех случаях причиной тому было наше духовенство. А за «последние события» так приходится даже усердно благодарить наше современное духовенство, оно открывает глаза многим. Теперь не только восточные писаря, но стар и млад, образованные, малограмотные и едва читающие, все теперь стремятся читать великого писателя земли русской. За дорогую цену достают его сочинения (заграничного издания «Свободного Слова», свободно обращающиеся в народе во всех странах мира, кроме России), читают, рассуждают, и решения, конечно, не в пользу духовенства. Масса людская теперь уже начинает понимать, где ложь и где правда, и видит, что духовенство наше говорит одно, а делает другое, да и в словах своих частенько себе же противоречит. Много правды можно было бы высказать, но, ведь, с духовенством нельзя говорить откровенно, оно сейчас же не преминет донести, чтобы карали и казнили... А ведь Христос привлекал не силою и казнию, а правдою и любовью...

«...В заключении своей речи вы пишете: «есть у нас великая сила для борьбы—это самодержавная власть благочестивейших государей наших». Опять подтасовки и опять мы не верим вам. Хотя вы, просвещенное духовенство, стараетесь уверить нас, что «преданы самодержавной власти от сосцов матери» (из речи нынешнего викария при наречении во епископа), но мы, не просвещенные, не верим, чтобы годовой ребенок (хотя бы и будущий епископ) уже рассуждал об образе правления и отдавал преимущество самодержавию. После неудавшейся попытки патриарха Никона разыграть в России роль римских пап, совмещавших на Западе духовную власть с главенством светским, церковь наша, в лице высших своих представителей—митрополитов, всецело и навсегда подчинилась власти государей, и иногда деспотически, как это было при Петре Великом, диктовавшим ей свои указы. (Давление Петра Великого на духовенство в деле осуждения царевича Алексея.) В XIX столетии мы видим уже полную гармонию светской и церковной власти в России. В суровую эпоху Николая I, когда пробуждавшееся общественное самосознание, под влиянием великих социальных движений на Западе, и у нас выдвинуло единичных борцов против возмутительного порабощения простого народа, церковь наша оставалась со-

вершено равнодушной к его страданиям, и, вопреки великого завета Христа о братстве людей и милосердии к ближним, ни один голос из среды духовенства не раздался в защиту обездоленного народа от сурового помещичьего произвола, и это только потому, что правительство не решалось пока наложить руку на крепостное право, существование которого Филарет Московский прямо оправдывал текстами св. писания из ветхого завета. Но вот грянул гром: Россия была разбита и политически унижена под Севастополем. Разгром ясно открыл все недочеты нашего дореформенного строя и прежде всего молодой, гуманный государь (обязанный воспитанием своего духа и воли поэту Жуковскому) разбил вековые цепи рабства, и, по злой иронии судьбы, текст великого акта 19-го февраля был дан для редактирования с христианской точки зрения тому же Филарету, очевидно, юношески стремившемуся изменить, согласно духу времени, свои взгляды на крепостное право. Эпоха великих реформ не прошла бесследной и для нашего духовенства, вызвав в его среде при Макарии (впоследствии митрополит) плодотворную работу переустройства наших духовных учреждений, куда также было им прорублено, хотя малое, окно, в область гласности и света. Наступившая после 1-го марта 1881 года реакция принесла с собою и в духовенство соответствующий элемент деятелей во вкусе Победоносцева и Каткова. и в то время, когда передовые люди страны в земстве и обществе подают петиции об отмене остатков телесных наказаний, церковь молчит, не обмолвившись ни одним словом осуждения защитников розги,—этого орудия возмутительного унижения человека, созданного по образу и подобию Божию. Ввиду всего сказанного будет ли несправедливо предположить, что все наше духовенство, в лице своих представителей, при изменившемся сверху режиме, так же будет славословить государя конституционного, как славил оно теперь самодержавного. Итак, зачем лицемерие, ведь не в самодержавии тут сила, а в монархе. Петр I тоже был богоданный самодержец, однако духовенство его и до сих пор не очень-то жалуется, и Петр III был такой же самодержец, собиравшийся отречь и образовать наше духовенство,—жалко, не дали ему поцарствовать года два-три. Да если бы и ныне царствующий самодержец Николай II соизволил выразить свое благоволение достопочтенному Льву Николаевичу—куда бы вы попрятались с своими кознями, страхами и угрозами?

«Напрасно вы приводите текст молитв, которые духовенство

возносит за царя—этот набор слов, на тарабарском наречии ни в чем никого не убеждает. Самодержавие ведь у нас: прикажут, и напишете молитвы втрое длиннее и более выразительней».

* * *

Вторая предводительская речь в нашу печать, насколько нам известно, не попала. Нам прислал ее неизвестный редакции корреспондент еще в августе, в гектографированном виде с надписью карандашем: «Речь одного из уездных предводителей дворянства на частном собрании предводителей по поводу студенческих дел». Приводим эту речь целиком:

«Вследствие краткости времени, я выражу свои соображения по поводу нашего собрания предводителей дворянства в форме тезисов:

«Чем обусловлены теперешние беспорядки, приблизительно известно: они вызваны, во-первых, общей неурядицей, водворившейся во всем государственном строе, олигархическим управлением чиновнической корпорации, т. е. диктатурой чиновничества.

«Эта неурядица чиновнической правительственной диктатуры проявляется во всем русском обществе, сверху до низу, как всеобщее неудовольствие, выражающееся с внешней стороны в образе всеобщего политиканства, но политиканства не временного, поверхностного, но глубокого, хронического.

«Политиканство это, как общая болезнь всего общества, отражается на всех его проявлениях, отправлениях и учреждениях, поэтому оно необходимо отражается и на учебных заведениях с их более молодым, а поэтому и более восприимчивым населением, находящимся под тем же давящим режимом бюрократической диктатуры.

«Признавая корень зла студенческих беспорядков в общей государственной неурядице и в общем, возбужденном неурядицей, недомогании, тем не менее — и ввиду непосредственного чувства и ввиду необходимости задержать развитие местного зла—нельзя не обращать внимания на эти беспорядки и не стараться хотя бы и с этой стороны уменьшить страшно разрушительное проявление общего зла, вроде того, как при общем болезненном состоянии всего организма, имея в виду медленное, коренное его излечение, принимают быстрые меры к подавлению местных, острых, разрушительных осложнений этой болезни.

«В учебных заведениях средних и высших зло чиновнического режима, выражается, главным образом, в подмене чело-

веческого (юношеского) развития и образования чиновнической дрессировкой, связанной с систематическим подавлением человеческой личности и ее достоинства.

«Возбуждаемые всем этим, среди молодежи, недоверие, негодование и озлобление к начальству и к наставникам переносятся из гимназий в университеты, где, к несчастью, при тесперешнем положении университетов, молодежь встречается с тем же злом, с тем же подавлением и человеческой личности и ее достоинства.

«Одним словом, молодежь встречается в университетах не с храмом науки, но с фабрикой, выделяющей из обезличенной студенческой массы потребный государству чиновнический товар.

«Это подавление человеческого лица (при обращении студенчества в безразличную, обделяемую массу), проявляясь систематическим, хроническим давлением, гонением всего личного и достойного, а часто и грубым насилием, легло в основание всех студенческих волнений, которые уже длятся несколько десятков лет и грозят, все усиливаясь, продлиться и в будущем, унося с собою лучшие силы русской молодежи.

«Все это мы знаем,—но как же нам быть, при настоящем положении? Как нам помочь настоящему, острому положению дня со всей его злобой, со всей его бедой и горем? Бросить что ли, ничего не попытавши? Бросить без всякой помощи нашу молодежь на произвол судьбы, чиновничества и полиции, умывши руки прочь уйти? Вот в чем главный, по мне, вопрос, т.-е. как помочь настоящему острому проявлению болезни, признавая ее общий характер?

«Наше заседание напомнило мне толпу благонамеренных людей, взошедших в дикую тайгу, с целью ее расчистить и оставившихся в полном недоумении перед грамадностью непосильной общей работы, вместо того, чтобы сосредоточиться на какой-нибудь одной точке.

«Профессор К. Т. нам представил общую блестящую картину современного и настоящего положения университета и студенчества, указав на влияние среди расшатанного студенчества зловредных разных внешних воздействий, не только политических, но даже и полицейских;—но все это нам было более или менее известно и прежде, хотя не с такою ясностью.

«Как на единственно возможную меру, он нам указал на радикальную ломку всего современного строя всех учебных заведений вообще и на замену его новым, лучшим; но при этом профессор заметил, что это дело потребует вероятно очень продолжитель-

ного времени; а если принять во внимание, что всякий частный строй в русском государстве, как и во всяком другом, связан органически с общим, то этому времени, пожалуй, и конца не предвидится.

«Что же делать теперь, чтобы ослабить, по крайней мере, нестерпимую боль, причиняемую болезнью в настоящее время? Какое паллятивное средство? Ведь и паллятивы, временно успокаивающие больного, признаются часто необходимыми? Но на этот вопрос мы не ответили; а вместо ответа, по отношению к учащейся молодежи вообще, предлагались какие-то, скажу, неопределенные, расшатанные суждения, еще более затемнявшие вопрос; эти суждения трудно даже и в памяти восстановить, но попытаюсь.

«Говорили о курсистках, что вот де—мы им преподнесли и курсы и лекции, а они чем нас благодарят;—участием своим в студенческих беспорядках!

«Если бы это были букеты или дорогие украшения, которые бы мы преподнесли прекрасному полу, то такой упрек был бы понятен; но устройство женских курсов—это не любезность, а удовлетворение общественной потребности; так что женские курсы—не прихоть, а такие же необходимые обществу высшие учебные заведения, как и университеты и т. д. для высшего развития молодежи, без различия пола,—и поэтому между женскими и мужскими учебными заведениями является полная солидарность и общественная и товарищеская.

«Этой солидарностью вполне, по моему мнению, объясняется и то, что волнение молодежи захватывает и учащихся в женских учебных заведениях; волнуется вообще учащаяся молодежь, в каких бы костюмах, мужских или женских, она ни ходила.

«Затем перешли опять к студенческим волнениям и говорили что студентам не следует давать потачки, что безобразия их следует подавлять силой; на это, по моему мнению, вполне резонно возражали, что если это и безобразия, то они, во всяком случае, не случайные, а хронические, обусловленные глубокими причинами, и что поэтому они одному лишь воздействию карательных мер не поддадутся, что доказывается нам прошлым опытом. По моему же личному мнению, еще больший вопрос, с какой стороны главное безобразие всех этих безобразных беспорядков, волнующих и губящих наши учебные заведения; правительственным сообщениям я не верю.

«А то-то и дело, что другую сторону у нас не слушают, да и слушать нельзя; у ней зажат рот (но не вполне подтвер-

дилась справедливость моих слов, а именно, что администрация в своих сообщениях лжет и что все безобразие главным образом с ее стороны, со стороны ее безобразного воздействия).

«Указывали на воздействия извне разных революционных сил на учащуюся молодежь.

«Да, это воздействие существует, но ему придают слишком большое значение: фабриканты, например, у которых на фабриках, главным образом, это воздействие проявляется, все слагают тоже на него, говоря, что, не будь его, у них царили бы тишь да гладь и божья благодать, забывая и замалчивая всяческую законную и незаконную эксплуатацию рабочих, которая, обездоливая этих последних, вызывает среди них неудовольствия, а затем и беспорядки; не будь этой эксплуатации, и революционные внешние элементы не имели бы тех многочисленных поводов и причин, при помощи которых они так легко вторгаются в фабричные дела—все это, по моему мнению, можно сказать и про наши учебные заведения, обращенные из храмов науки в фабрики, подготавливающие чиновнический материал.

«В общем инстинктивном сознании гнета, тяготеющего над всею учащейся молодежью, в общем болезненном самочувствии, вызываемом этим гнетом среди молодежи всех учебных заведений, и заключается та сила небольшой, но сознательной кучки юношей, о которой говорил г. профессор, которая в состоянии загипнотизировать и направить куда угодно, на забастовки, на разные беспорядки, целые толпы молодежи, повидимому совсем не склонной к беспорядкам.—Так бывает на всех фабриках!

«Затем, помнится мне, указывали на то, что не следует кадить студентам; не следует к ним проявлять сочувствие во время их беспорядков; это проявление сочувствия возбуждало их к новым беспорядкам, что иллюстрировалось и примерами, т.е. разными случаями;—по этому поводу я, во-первых, замечу, что в разнообразной путанице и пестроте всевозможных случаев при беспорядках нельзя ни на какие из них указать, как на доказательные, так как всяким случаям найдется множество других, противоречащих им,—а возможно останавливаться лишь на общих признаках, которые я и постараюсь вкратце разобрать.

«Студенчество, как нам всем известно, далеко не избаловано, ему не только не кадили (я не говорю о 40-х годах), но оно не пользовалось и особенным сочувствием общества; во времена же его беспорядков общество относилось к студентам либо совсем равнодушно, либо больше даже чем отрицательно, обвиняя исключительно их и не зная и не желая даже знать о при-

чинах, вызвавших эти беспорядки (давали веру лишь враждебным студенчеству правительственным сообщениям, не сомневаясь в их правдивости; в первый раз, кажется, общество усомнилось в этом),—так что о каком-нибудь каждении и говорить нечего.

«Не ожидая себе поддержки ни среди интеллигентного общества вообще, ни среди профессоров и университетского начальства, студенчество, наконец, стало искать себе сочувствия в различных народных элементах, и мы видим, что студенчеству это более или менее, наконец, удалось; оно стало приобретать понемногу сочувствие народной толпы.

«Чтобы убедиться в этом, стоит только вспомнить разницу отношения толпы к студентам во времена охотничьих избиений и теперь. И в этом скрывается большая беда; беда не в сочувствии вообще, но в односторонности этого сочувствия, в демагогическом оттенке, который оно принимает.

«Отсутствие какого бы то ни было сочувствия и содействия учащейся молодежи со стороны солидной интеллигенции, а поэтому образовавшееся недоверие бросает волею-неволею нашу молодежь в руки демагогов и революционеров; она становится орудием их, и в ней самой, тоже волею-неволею, все более и более развиваются демагогические элементы, удаляющие ее от мирного культурного развития и от существующего порядка (если это только можно назвать порядком) во враждебный лагерь.

«Мы сами на себя должны пенять, если молодежь перестанет доверять нам; мы ничем не заслужили ее доверия!

«Это, кажется, главные мысли, высказанные среди собравшихся; остальные (а их было тоже немало), кажется, и вспоминать нечего.

«Итак, кончаю. Собравшись, мы имели в виду что-нибудь сделать для смягчения злобы настоящего дня; для облегчения тяжелой участи нашей молодежи—сегодня, а не когда-то там после, и были разбиты,—и опять молодежь будет иметь право сказать и скажет, что и сегодня, как и прежде, мирная, солидная русская интеллигенция не может, да и не желает, оказать ей какую бы то ни было помощь, заступиться за нее, понять ее и облегчить ее горькую долю.—Раскол между нами и молодежью еще более увеличится, и она еще дальше уйдет в ряды разной демагогии, протягивающей ей руки.

«Не разбиты мы были тем, что не принята предлагаемая нами мера обращения к царю; может быть эта мера и в самом деле непрактична (хотя, по мне, и она не была рассмотрена),—но разбиты тем, что всякая возможность какой бы то ни было меры, в пользу страдающей нашей молодежи, была среди нас уничтожена,

мы признались в своем бессилии и опять остались, как и прежде, в темноте.

«Но, что же тогда делать?

«Умывши руки мимо пройти?

«В этой темноте и заключается страшный непросветный трагизм русской жизни».

Комментировать эту речь много не доводится. И она принадлежит тоже, видимо, достаточно еще «жизнерадостному» русскому дворянину, который по мотивам не то доктринерского, не то шкурного характера благоговееет перед «мирным культурным развитием» «существующего порядка» и негодует против «революционеров», смешивая их с «демагогами». Но это негодование, как присмотреться к нему поближе, граничит с воркотней старей (не по возрасту, а по воззрениям) человека, готового, пожалуй, признать и хорошее в том, на что он ворчит. Говоря о «существующем порядке», он не может не оговориться: «если это только можно назвать порядком». У него немало уже накоплено в душе от неурядиц «диктатуры чиновничества», от «систематического, хронического гонения всего личного и достойного», он не может не видеть, что все безобразие идет главным образом со стороны администрации, у него хватает прямоты сознаться в своем бессилии, в неприличии «умывания рук» перед бедствиями всей страны. Правда, его еще пугает «односторонность» сочувствия «толпы» к студентам; его аристократически-изнеженному уму чудится «демагогическая» опасность, может быть, даже опасность социализма (отплатим ему за прямоту прямотой!). Но было бы неразумно испытывать на социалистическом оселке воззрения и чувства предводителя дворянства, которому осточертела поганая российская казенщина. Нам хитрить нечего — ни с ним, ни с кем бы то ни было; когда русский помещик, например, будет громить незаконную эксплуатацию и обездоление фабричных рабочих; мы не преминем, в скобках, сказать ему: «не худо - б на себя, кума, оборотиться!». Мы ни на минуту не скроем от него, что стоим и будем стоять на точке зрения непримиримой классовой борьбы против «хозяев» современного общества. Но политическая группировка определяется не только конечными, а и ближайшими целями, не только общими воззрениями, а и давлением непосредственной практической необходимости. Всякий, перед кем ясно встало противоречие между «культурным развитием» страны и «давящим режимом бюрократической диктатуры», рано или поздно самой жизнью будет приведен к выводу, что это противоречие неустранимо без устранения са-

модержавия. Сделав этот вывод, он непременно будет помогать,—ворчать будет, а станет помогать,—той партии, которая сумеет двинуть против самодержавия грозную (не в ее только глазах, а в глазах всех и каждого) силу. Чтобы стать такой партией, социал-демократия должна, повторяем, очиститься от всякой оппортунистической скверны и, под знаменем революционной теории, опираясь на самый революционный класс, направить свою агитационную и организационную деятельность во все классы населения.

А предводителям дворянства мы скажем, прощаясь с ними: до свидания, господа, завтрашние наши союзники!

„Заря“ № 2—3.

Декабрь 1901 г.

За подписью „Т. Х.“.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

(1902 г.)

„...Партийная борьба придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ партии укрепляется тем, что очищает себя...“
(Из письма Лассаля к Марксу от 24 июня 1852 года.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному развитию тех мыслей, которые высказаны в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 г.)*). И мы должны прежде всего принести извинение читателю за позднее исполнение данного там (и повторенного в ответ на многие частные запросы и письма) обещания. Одной из причин такого запоздания явилась попытка объединения всех заграничных социал-демократических организаций, предпринятая в июне истекшего года. Естественно было дожидаться результатов этой попытки, ибо при удаче ее пришлось бы, может быть, излагать организационные взгляды «Искры» под несколько иным углом зрения, и, во всяком случае, такая удача обещала бы положить очень быстро конец существованию двух течений в русской социал-демократии. Как известно читателю, попытка окончилась неудачей и, как мы постараемся доказать ниже, не могла не окончиться так после нового поворота «Рабочего Дела»⁴⁵⁾ в № 10 к экономизму. Оказалось безусловно необходимым вступить в решительную борьбу с этим расплывчатым и мало определенным, но зато тем более устойчивым и способным возрождаться в разнообразных формах направлением. Сообразно этому видоизменился и весьма значительно расширился первоначальный план брошюры.

Главной темой ее должны были быть три вопроса, поставленные в статье «С чего начать?». Именно: вопросы о характере и главном содержании нашей политической агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации. Вопросы

*) См. стр. 32—39 тома IV. Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

эти давно уже интересуют автора, пытавшегося поднять их еще в «Рабочей Газете» при одной из неудавшихся попыток ее возобновления (см. гл. V). Но первоначальное предположение ограничиться в брошюре разбором только трех этих вопросов и изложить свои воззрения по возможности в положительной форме, не прибегая или почти не прибегая к полемике, оказалось совершенно неосуществимым по двум причинам. С одной стороны, экономизм оказался гораздо более живучим, чем мы предполагали (мы употребляем слово экономизм в широком смысле, как оно было пояснено в № 12 «Искры», в статье «Беседа с защитниками экономизма», наметившей, так сказать, конспект предлагаемой читателю брошюры) *). Стало несомненным, что различные взгляды на решение этих трех вопросов объясняются в гораздо большей степени коренной противоположностью двух направлений в русской социал-демократии, чем расхождением в частностях. С другой стороны, недоумение экономистов по поводу фактического проведения в «Искре» наших воззрений показывало с очевидностью, что мы часто говорим буквально на разных языках, что мы не можем поэтому ни до чего договориться, если не будем начинать *ab ovo*, что необходимо сделать попытку возможно более популярного, поясняемого самыми многочисленными и конкретными примерами систематического «объяснения» со всеми экономистами по всем коренным пунктам наших разногласий. И я решил сделать такую попытку «объясниться», вполне сознавая, что это очень сильно увеличит размеры брошюры и замедлит ее выход, но, не видя в то же время никакой возможности иначе исполнить данное мной в статье: «С чего начать?» обещание. К извинению по поводу опоздания мне приходится таким образом прибавить еще извинение по поводу громадных недостатков в литературной отделке брошюры: я должен был работать до последней степени наспех, отрываемый притом всякими другими работами.

Разбор указанных выше трех вопросов составляет, по-прежнему, главную тему брошюры, но начать мне пришлось с двух более общих вопросов: почему такой «невинный» и «естественный» лозунг, как «свобода критики», является для нас настоящим боевым сигналом? почему мы не можем столкнуться даже по основному вопросу о роли социал-демократии по отношению к стихийному массовому движению? Далее, изложение взглядов на характер и содержание политической агитации превратилось в объяснение

*) См. стр. 72—79 тома IV Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

разницы между трэд-юнионистской и социал-демократической политикой, а изложение взглядов на организационные задачи — в объяснение разницы между удовлетворяющим экономистов кустарничеством и необходимой, на наш взгляд, организацией революционеров. Затем, на «плане» общерусской политической газеты я тем более настаиваю, чем несостоятельнее были сделанные против него возражения и чем менее ответили мне по существу на поставленный в статье: «С чего начать?» вопрос о том, как могли бы мы одновременно со всех концов приняться за возведение необходимой нам организации. Наконец, в заключительной части брошюры я надеюсь показать, что мы сделали все от нас зависевшее, чтобы предупредить решительный разрыв с экономистами, который оказался, однако, неизбежным;—что «Раб. Дело» приобрело особое, «историческое», если хотите, значение тем, что всего полнее, всего рельефнее выразило не последовательный экономизм, а тот разброд и те шатания, которые составили отличительную черту целого периода в истории русской социал-демократии;—что поэтому приобретает значение и чрезмерно подробная, на первый взгляд, полемика с «Раб. Делом», ибо мы не можем идти вперед, если мы окончательно не ликвидируем этого периода.

Февраль, 1902 г.

I.

Догматизм и „свобода критики“.

а) Что значит „свобода критики“?

«Свобода критики»—это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздались голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!»—должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услышал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. «Этот лозунг, очевидно, одно из тех условных словечек, которые, как клички, узаконяются употреблением и становятся почти нарицательными именами».

В самом деле, ни для кого не тайна, что в современной международной *) социал-демократии образовались два направления,

*) Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенхатцами, между гэдистами и поссибилистами, между фабианцами и социал-демократами ⁴⁶⁾, между народолюбцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министерналисты, немецкие бернштейннанцы, русские критики,—все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?

борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолуций о перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью сказал Бернштейн и показал Мильеран ⁴⁷).

Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «к о н е ч н о й ц е л и» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась теория классовой борьбы, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны и с университетской кафедры, и в массе брошюр и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике,—то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера. По своему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Далее. Если теоретическая критика Бернштейна и его политические вождедения оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстрации «новой metody». Франция и на этот раз оправдала свою старинную репутацию «страны, в истории которой борьба классов, более чем где-либо, доводилась до решительного конца» (Энгельс, из предисловия к сочинению Маркса: «Der 18 Brumaire»). Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые

в демократическом отношении политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому бернштейнианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образец этого практического бернштейнианства,—недаром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар! В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это,—тогда социалист не только в праве вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства,—то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов? Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того, как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов? Отчего бы ему не принять лично участия в приветствовании царя, которого французские социалисты зовут теперь не иначе как герр-ем виселицы, кнута и ссылки (*knouteur, pendeur et déportateur*)? А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за развращение социалистического сознания рабочих масс—этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу,—в возмездие за это громкие проекты мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!

Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность оппортунизма. И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют,—то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода—великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда—грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду с старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикива-

ния «Да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдите в это болото!—А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу!—О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

б) Новые защитники „свободы критики“.

И вот этот-то лозунг («свобода критики») торжественно выдвинут в самое последнее время «Раб. Делом» (№ 10), органом заграничного «Союза русских социал-демократов», выдвинут не как теоретический постулат, а как политическое требование, как ответ на вопрос: «возможно ли объединение действующих за границей социал-демократических организаций?»—«Для прочного объединения необходима свобода критики» (стр. 36).

Из этого заявления вытекают два совершенно определенных вывода: 1) «Раб. Дело» берет под свою защиту оппортунистическое направление в международной социал-демократии вообще; 2) «Раб. Дело.» требует свободы оппортунизма в русской социал-демократии. Рассмотрим эти выводы.

«Раб. Делу» «в особенности» не нравится «склонность «Искры» и «Зари» пророчить разрыв между Горой и Жирондой⁴⁸⁾ международной социал-демократии» *).

*) Сравнение двух течений в революционном пролетариате (революционное и оппортунистическое) с двумя течениями в революционной буржуазии XVIII века (якобинское—«Гора»—и жирондистское) было сделано в передо-

«Нам вообще,—пишет редактор «Раб. Дело» Б. Кричевский,—разговор о Горе и Жиронде в рядах социал-демократии представляется поверхностной исторической аналогией, странной под пером марксиста: «Гора и Жиронда представляли не разные темпераменты или умственные течения, как это может казаться историкам-идеологам, а разные классы или слои—среднюю буржуазию, с одной стороны, и мелкое мещанство с пролетариатом, с другой. В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, во всех (курс. Б. Кр.) своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение» (стр. 32—33).

Смелое утверждение! Не слышал ли Б. Кричевский о том, давно уже подмеченном, факте, что именно широкое участие в социалистическом движении последних лет слоя «академиков» обеспечило такое быстрое распространение бернштейнства? А главное,—на чем основывает наш автор свое мнение, что и «самые отъявленные бернштейнцы» стоят на почве классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата? Неизвестно. Решительная защита самых отъявленных бернштейнцев ровно никакими ни доводами, ни соображениями не подкрепляется. Автор думает, очевидно, что раз он повторяет то, что говорят про себя и самые отъявленные бернштейнцы,—то его утверждение и не нуждается в доказательствах. Но можно ли представить себе что-либо более «поверхностное», как это суждение о целом направлении на основании того, что говорят сами про себя представители этого направления? Можно ли представить себе что-либо более поверхностное, как дальнейшая «мораль» о двух различных и даже диаметрально противоположных типах или дорогах партийного развития (стр. 34—35 «Раб. Дела»)? Немецкие социал-демократы, видите ли, признают полную свободу критики,—французы же нет, и именно их пример показывает весь «вред нетерпимости».

Именно пример Б. Кричевского,—ответим мы на это,—показывает, что иногда называют себя марксистами люди, которые смотрят на историю буквально «по Иловайскому». Чтобы объяснить

вой статье № 2 «Искры» (февраль 1901 г.). Автор этой статьи—Плеханов. Говорить о «якобинстве» в русской социал-демократии до сих пор очень любят и кадеты, и «безглавцы»⁴⁹⁾, и меньшевики. Но о том, как Плеханов впервые выдвинул это понятие против правого крыла с.-д.,—об этом ныне предпочитают молчать или... забывать. (Это примечание добавлено автором к 2 изд. брошюры в сборнике: «За 12 лет». Ред.).

единство германской и раздробленность французской социалистической партии, вовсе нет надобности копаться в особенностях истории той и другой страны, сопоставлять условия военного полу-абсолютизма и республиканского парламентаризма, разбирать последствия Коммуны и исключительного закона о социалистах, сравнивать экономический быт и экономическое развитие, вспоминать о том, как «беспримерный рост германской социал-демократии» сопровождался беспримерной в истории социализма энергией борьбы не только с теоретическими (Мюльбергер, Дюринг *), катедер-социалисты) ⁵⁰⁾, но и с тактическими (Лассаль) заблуждениями, и проч., и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, немцы едины, потому что они пай-мальчики.

И заметьте, что посредством этого бесподобного глубокомыслия «отводится» факт, всецело опровергающий защиту бернштейншанцев. Стоят ли они на почве классовой борьбы пролетариата, этот вопрос окончательно и бесповоротно может быть решен только историческим опытом. Следовательно, наиболее важное значение имеет в этом отношении именно пример Франции, как единственной страны, в которой бернштейншанцы попробовали встать самостоятельно на ноги, при горячем одобрении своих немецких коллег (а отчасти и русских оппортунистов: ср. «Раб. Дело», № 2—3, стр. 83—84). Ссылка на «непримиримость» французов — помимо своего «исторического» (в ноздревском смысле) значения — оказывается просто попыткой замаять сердитыми словами очень неприятные факты.

Да и немцев мы вовсе еще не намерены подарить Б. Кричевскому и прочим многочисленным защитникам «свободы критики». Если «самые отъявленные бернштейншанцы» терпимы еще

*) Когда Энгельс обрушился на Дюринга, ко взглядам последнего сложились довольно многие представители германской социал-демократии, и обвинения в резкости, нетерпимости, нетоварищеской полемике и проч. выпали на Энгельса даже публично на съезде партии. Мост с товарищами внес (на съезде 1877 года) предложение об устранении статей Энгельса из «Vorwärts'a», как «не представляющих интереса для громадного большинства читателей», а Вальтейх (Vahlteich) заявил, что помещение этих статей принесло большой вред партии, что Дюринг тоже оказал услуги социал-демократии: «мы должны пользоваться всеми в интересах партии, а если профессора спорят, то «Vorwärts» вовсе не место для ведения таких споров» («Vorwärts» 1877, № 65 от 6-го июня). Как видите, это — тоже пример защиты «свободы критики», и над этим примером не мешало бы подумать нашим легальным критикам и нелегальным оппортунистам, которые так любят ссылаться на пример немцев!

в рядах германской партии, то лишь постольку, поскольку они подчиняются и ганноверской резолюции, решительно отвергнувшей «поправки» Бернштейна, и любекской, содержащей в себе (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостережение Бернштейну. Можно спорить, с точки зрения интересов немецкой партии, о том, насколько уместна была дипломатичность, лучше ли в данном случае худой мир, чем добрая ссора, можно расколоться, одним словом, в оценке целесообразности того или другого способа отклонить бернштейнианство, но нельзя не видеть факта, что германская партия дважды отклонила бернштейнианство. Поэтому думать, что пример немцев подтверждает тезис: «самые отъявленные бернштейнианцы стоят на почве классовой борьбы пролетариата за его экономическое и политическое освобождение» — значит совершенно не понимать происходящего у всех перед глазами *).

Мало того. «Раб. Дело» выступает, как мы уже заметили, перед русской социал-демократией с требованием «свободы критики» и с защитой бернштейнианства. Очевидно, ему пришлось убедиться в том, что у нас несправедливо обижали наших «критиков» и бернштейнианцев. Каких же именно? кто? где? когда? в чем именно состояла несправедливость? — Об этом «Раб. Дело» молчит, не упоминая ни единого раза ни об одном русском критике и бернштейнианце! Нам остается только сделать одно из двух возможных предположений. Или несправедливо «сбиженной» стороной является не кто иной, как само «Раб. Дело» (это подтверждается тем, что в обеих статьях десятого номера речь идет только об обидах, нанесенных «Зарей» и «Искрой» «Раб. Делу»). Тогда чем объяснить такую странность, что «Раб. Дело», столь упорно отрекавшееся всегда от всякой солидарности с бернштей-

*) Надо заметить, что по вопросу о бернштейнианстве в германской партии «Рабочее Дело» всегда ограничивалось голым пересказом фактов с полным «воздержанием» от собственной оценки их. См., например, № 2—3, стр. 66—о Штуттартском съезде; все разногласия сведены к «тактике» и констатируется лишь, что огромное большинство верно прежней революционной тактике. Или № 4—5, стр. 25 и след. — простой пересказ речей на Ганноверском съезде с приведением резолюции Бебеля; изложение и критика Бернштейна отложены опять (как и в № 2—3) до «особой статьи». Курьезно, что на стр. 33 в № 4—5 читаем: «...взгляды, изложенные Бебелем, имеют за себя огромное большинство съезда», а несколько ниже: «...Давид защищал взгляды Бернштейна... Раньше всего он старался показать, что... Бернштейн и его друзья все же (sic!) стоят на почве классовой борьбы... Это писалось в декабре 1899 г., а в сентябре 1901 г. «Раб. Дело», должно быть, уже разуверилось в правоте Бебеля и повторяет взгляд Давида как свой собственный!

нианством, не могло защитить себя, не замолвив словечко за «самых отъявленных бернштейнианцев» и за свободу критики? Или несправедливо обижены какие-то третьи лица. Тогда каковы могут быть мотивы умолчания о них?

Мы видим, таким образом, что «Раб. Дело» продолжает ту игру в прятки, которой оно занималось (как мы покажем ниже) с самого своего возникновения. А затем обратите внимание на это первое фактическое применение хваленной «свободы критики». На деле она сейчас же свелась не только к отсутствию всякой критики, но и к отсутствию самостоятельного суждения вообще. То самое «Раб. Дело», которое умалчивает точно о секретной болезни (по меткому выражению Старовера) о русском бернштейнианстве, предлагает для лечения этой болезни просто-на-просто списать последний немецкий рецепт против немецкой разновидности болезни! Вместо свободы критики—рабская,... хуже: обезьянья подражательность! Одинаковое социально-политическое содержание современного интернационального оппортунизма проявляется в тех или иных разновидностях, сообразно национальным особенностям. В одной стране группа оппортунистов выступала издавна под особым флагом, в другой оппортунисты пренебрегали теорией, ведя практически политику радикалов-социалистов, в третьей—несколько членов революционной партии перебежали в лагерь оппортунизма и стараются добиться своих целей не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а постепенным, незаметным и, если можно так выразиться, ненаказуемым развращением своей партии, в четвертой—такие же перебежчики употребляют те же приемы в потемках политического рабства и при совершенно оригинальном взаимоотношении «легальной» и «нелегальной» деятельности и проч. Браться же говорить о свободе критики и бернштейнианства, как условию объединения русских социал-демократов, и при этом не давать разбора того, в чем именно проявилось и какие особенные плоды принесло русское бернштейнианство,—это значит браться говорить для того, чтобы ничего не сказать.

Попробуем же мы сами сказать, хотя бы в нескольких словах, то, чего не пожелало сказать (или, может быть, не сумело и понять) «Раб. Дело».

в) Критика в России.

Основная особенность России в рассматриваемом отношении состоит в том, что уже самое начало стихийного рабочего

движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением). Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомаleastшие ростки политического недовольства и протеста,—внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народоульчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него,—до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...

В настоящее время об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целостности «союза».

Но если так, то не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими «критиками»? Такой вопрос, вместе с утвердительным ответом на него, приходится слышать иногда от людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без

таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник: «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России»⁵¹). Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором.

Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления—естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то берштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратился большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опешляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополю на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Раб. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензоры с жандармами, это видно из таких фактов, как появление трех русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого)

Бернштейна или как рекомендация Зубатовым⁵²⁾ книг Бернштейна, г. Прокоповича⁵³⁾ и проч. («Искра» № 10). На социал-демократов легла теперь трудная сама по себе, и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков-социал-демократов к «экономизму».

Как возникала и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегального экономизма, этот интересный вопрос мог бы послужить предметом особой статьи. Нам достаточно отметить здесь несомненное существование этой связи. Пресловутое «Credo» потому и приобрело такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать: трэд-юнионистскую борьбу, ибо последняя охватывает и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической. Трэд-юнионистская работа «в народе» оказывалась исполнением первой, — легальная критика — второй половины этой задачи. Это заявление было таким прекрасным оружием против экономизма, что если бы не было «Credo» — его стоило бы выдумать.

«Credo» не было выдумано, но оно было опубликовано помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в извлечении на свет божий новой «программы» *), приходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме их взглядов было распространено в копиях, получило ярлык «Credo» и попало даже в печать вместе с протестом! Мы касаемся этого эпизода, потому что он вскрывает очень любопытную черту нашего экономизма: боязнь гласности. Это именно черта экономизма вообще, а не одних только авторов «Credo»: ее проявляли и «Раб. Мысль», самый прямой и самый честный сторонник экономизма, и «Раб. Дело» (возмущаясь опубликованием «экономических» документов в «Vademecum'e»⁵⁴⁾), и Киевский

*) Речь идет о протесте 17-ти против «Credo». Пишущий эти строки участвовал в составлении этого протеста (конец 1899 года). Протест вместе с «Credo» был напечатан за границей весной 1900 года. (См. I том Собр. соч. Н. Ленина. Ред.). В настоящее время из статьи г-жи Кусковой (кажется, в «Былом») уже известно, что автором «Credo» была она, а среди заграничных «экономистов» того времени виднейшую роль играл г. Прокопович. (Это примечание добавлено автором ко 2-му изд. брошюры в сборнике «За 12 лет». Ред.).

комитет, не пожелавший года два тому назад дать разрешение на опубликование своего *profession de foi* вместе с написанным против него опровержением *), и многие, многие отдельные представители экономизма.

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не может быть объяснена одним лукавством (хотя кое-когда, несомненно, не обходится и без лукавства: нерасчетливо открывать для натиска противников неокрепшие еще ростки нового направления!). Нет, большинство экономистов совершенно искренно смотрит (и, по самому существу экономизма, должны смотреть) с недоброжелательством на всякие теоретические споры, фракционные разногласия, широкие политические вопросы, проекты организовывать революционеров и т. п. «Сдать бы все это за границу!»—сказал мне однажды один из довольно последовательных экономистов, и он выразил этим очень распространенное (и опять-таки чисто трэд-юнионистское) воззрение: наше дело—рабочее движение, рабочие организации здесь, в нашей местности, а остальное—выдумки доктринеров, «переоценка идеологии», как выразились авторы письма в № 12 «Искры», в унисон с № 10 «Раб. Дела».

Спрашивается теперь: ввиду таких особенностей русской «критики» и русского бернштейнианства в чем должна была бы состоять задача тех, кто на деле, а не на словах только, хотел быть противником оппортунизма? Во-первых, надо было позаботиться о возобновлении той теоретической работы, которая только-только была начата эпохой легального марксизма и которая надала теперь опять на нелегальных деятелей; без такой работы невозможен был успешный рост движения. Во-вторых, необходимо было активно выступить на борьбу с легальной «критикой», вносившей сугубый разврат в умы. В-третьих, надо было активно выступить против разброда и шатания в практическом движении, разоблачая и опровергая всякие попытки сознательно или бессознательно принажать нашу программу и нашу тактику.

Что «Раб. Дело» не делало ни того, ни другого, ни третьего, это известно, и ниже нам придется подробно выяснять эту известную истину с самых различных сторон. Теперь же мы хотим только показать, в каком вопиющем противоречии находится требование «свободы критики» с особенностями нашей отечественной критики и русского экономизма. Взгляните, в самом деле, на текст той ре-

*) Насколько нам известно, состав Киевского комитета с тех пор изменился.

эволюции, которой «Союз русских с.-д. за границей» подтвердил точку зрения «Раб. Дела»:

«В интересах дальнейшего идейного развития социал-демократии мы признаем свободу критики социал-демократической теории в партийной литературе безусловно необходимой, поскольку критика не идет в разрез с классовым и революционным характером этой теории» («Два съезда», стр. 10).

И мотивировка: резолюция «в первой своей части совпадает с резолюцией любекского партийтага по поводу Бернштейна»... В простоте душевной «союзники» и не замечают, какое *testimonium paupertatis* (свидетельство о бедности) подписывают они себе этим копированием!.. «но... во второй части более тесно ограничивает свободу критики, чем это сделал любекский партийтаг».

Итак, резолюция «Союза» направлена против русских бернштейнцев? Иначе было бы полным абсурдом ссылаться на Любек! Но это неверно, что она «теснее ограничивает свободу критики». Немцы своей ганноверской резолюцией отклонили пункт за пунктом именно те поправки, которые делал Бернштейн, а любекской—объявили предостережение Бернштейну лично, назвав его в резолюции. Между тем, наши «свободные» подражатели ни единым звуком не намекают ни на одно проявление специально русской «критики» и русского экономизма; при этом умолчании голая ссылка на классовый и революционный характер теории оставляет гораздо больше простора для толкования, особенно если «Союз» отказывается отнести к оппортунизму «так называемый экономизм» («Два съезда», стр. 8, к пункту 1). Это однако мимоходом. Главное же то, что позиции оппортунистов по отношению к революционным социал-демократам диаметрально противоположны в Германии и в России. В Германии революционные социал-демократы стоят, как известно, за сохранение того, что есть: за старую программу и тактику, всем известную и опытом многих десятилетий разъясненную во всех деталях. «Критики» же хотят внести изменения, и так как этих критиков ничтожное меньшинство, а ревизионистские стремления их очень робки, то можно понять мотивы, по которым большинство ограничивается сухим отклонением «новшества». У нас же в России критики и экономисты стоят за сохранение того, что есть: «критики» хотят, чтобы их продолжали считать марксистами и обеспечили им ту «свободу критики», которой они во всех смыслах пользовались (ибо никакой партийной связи, они, в сущности, никогда не признавали *).

*) Уже одно это отсутствие открытой партийной связи и партийной традиции составляет такое кардинальное отличие России от Германии, кото-

да и не было у нас такого общепризнанного партийного органа, который мог бы «ограничить» свободу критики хотя бы советом; экономисты хотят, чтобы революционеры признавали «полноправность движения в настоящем» («Раб. Дело» № 10, стр. 25), т.-е. «законность» существования того, что существует; чтобы «идеологи» не пытались «совлечь» движение с того пути, который «определяется взаимодействием материальных элементов и материальной среды» («письмо» в № 12 «Искры»); чтобы признали желательным вести ту борьбу, «какую только возможно вести рабочим при данных обстоятельствах», а возможной признали ту борьбу, «которую они вводят в действительности в данную минуту» (отд. прил. к «Раб. Мысли», стр. 14). Наоборот, мы, революционные социал-демократы, недовольны этим преклонением пред стихийностью, т.-е. перед тем, что есть «в данную минуту»; мы требуем изменения господствующей в последние годы тактики, мы заявляем, что «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться» (из объявления об издании «Искры»). Одним словом, немцы остаются при данном, отклоняя изменения; мы требуем изменения данного, отвергая преклонение пред этим данным и примирение с ним.

Этой «маленькой» разницы и не заметили наши «свободные» копировальщики немецких резолюций!

г) Энгельс о значении теоретической борьбы.

«Догматизм, доктринерство», «окаменение партии—неизбежное наказание за насильственное зашнуровывание мысли»,—таковы те враги, против которых рыцарски ополчаются поборники «свободы критики» в «Раб. Деле».—Мы очень рады постановке на очередь этого вопроса и предложили бы только дополнить его другим вопросом:

.....
рою должно бы было предостеречь всякого разумного социалиста от слепого подражания. А вот образец того, до чего доходит «свобода критики» в России. Русский критик, г. Булгаков, делает такой выговор австрийскому критику, Герцу: «При всей независимости своих выводов, Герц в этом пункте (о кооперациях), повидимому, все-таки остается слишком связан мнениями своей партии и, расходясь в подробностях, не решается расстаться с общим принципом» («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 287). Подданный поработоченного политически государства, в котором ⁹⁹⁹/₁₀₀₀ населения до мозга костей развращены политическим холопством и полным непониманием партийной чести и партийной связи,—высокомерно выговаривает гражданину конституционного государства за чрезмерную «связанность мнениями партии»! Только и остается нелегальным организациям нашим, как приняться за составление резолюций о свободе критики...

А судьи кто?

Перед нами два объявления о литературном издательстве. Одно—«Программа периодического органа Союза рус. с.-д. «Раб. Дело» (оттиск из № 1 «Раб. Дело»). Другое—«Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение Труда». Оба помечены 1899 годом, когда «кризис марксизма» давно уже стоял на очереди дня. И что же? В первом произведении вы напрасно стали бы искать указания на это явление и определенного изложения той позиции, которую намерен занять по этому вопросу новый орган. О теоретической работе и ее насущных задачах в данное время—ни слова ни в этой программе, ни в тех дополнениях к ней, которые принял третий съезд Союза 1901 года («Два съезда», стр. 15—18). За все это время редакция «Раб. Дела» оставляла в стороне теоретические вопросы, несмотря на то, что они волновали всех социал-демократов всего мира.

Другое объявление, наоборот, прежде всего указывает на ослабление в последние годы интереса к теории, настоятельно требует «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата» и призывает к «беспощадной критике бернштейновских и других антиреволюционных тенденций» в нашем движении. Вышедшие номера «Зари» показывают, как выполнялась эта программа.

Итак, мы видим, что громкие фразы против окостенения мысли и проч. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить поэтому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. Дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ». Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно что кричать: «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о готской программе, в котором

он резко порицает допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться,—писал Маркс вожакам партии,—то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал экономистам Аксельрод) оживлением не-социал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разраслось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех полити-

ческих и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 году. Энгельс признает не две формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую),—как это принято делать у нас,—а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу. Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных вопросов и споров, что читатель не посетует на нас, надеемся, за длинную выписку из предисловия к брошюре: «Der deutsche Bauernkrieg» *), которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое—то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм,—единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл,—а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и сель-

*) Dritter Abdruck, Leipzig 1875, Verlag der Genossenschaftsbuchdruckerei.

гийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

«Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти-что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, не смотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских трэд-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности парижская Коммуна?

«Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

«С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие острых особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой,

т.-е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся, сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

«...Если немецкие рабочие будут также идти вперед, то они будут—не то что маршировать во главе движения—это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его,—но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии».

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие действительно встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы в праве рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией.

II.

Стихийность масс и сознательность социал-демократии

Мы сказали, что наше движение, гораздо более широкое и глубокое, чем движение 70-х годов, необходимо воодушевить такую же, как тогда, беззаветной решимостью и энергией. В самом деле, до сих пор, кажется, еще никто не сомневался в том, что сила современного движения — пробуждение масс (и, главным образом, промышленного пролетариата), а слабость его — недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров.

Однако в самое последнее время сделано с-ног-сшибательное открытие, грозящее перевернуть все господствовавшие до сих пор взгляды по данному вопросу. Это открытие сделано «Раб. Делом», которое, полемизируя с «Искрой» и «Зарей», не ограничилось одними частными возражениями, а попыталось свести «общее разногласие» к более глубокому корню — к «различной оценке сравнительного значения стихийного и сознательно-планового» элемента. Обвинительный тезис «Раб. Дела» гласит: «преуменьшение значения объективного или стихийного элемента развития»^{*)}. Мы скажем на это: если бы полемика «Искры» и «Зари» не дала даже ровно никаких других результатов кроме того, что побудила «Раб. Дело» додуматься до этого «общего разногласия», то и один этот результат дал бы нам большое удовлетворение: до такой степени многозначителен этот тезис, до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами.

^{*)} «Раб. Дело» № 10, сент. 1901 г., стр. 17 и 18. Курсив «Раб. Дела».

Есть почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес, и на этом вопросе следует остановиться со всей подробностью.

а) Начало стихийного подъема.

Мы отметили в предыдущей главе повальное увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года. Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности—рознь. Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными»—до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло, сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т. е. сознания социал-демократического. В этом смысле, стачки 90-х го-

дов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. *). Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т.-е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение Труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом на-лицо были и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократическою теориею революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»), не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив с самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу испровержения самодержавия в особенности. Так, например, той группой петербургских социал-демократов, которая основала «Союз

*) Трэд-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Трэд-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии трэд-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в след. главе.

борьбы за освобождение рабочего класса», был составлен еще в конце 1895 г. первый номер газеты под названием: «Рабочее Дело». Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами в набег с 8-го на 9-е декабря 1895 г. у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева *), и «Раб. Делу» первой формации не суждено было увидеть света. Передовая статья этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы. Затем была статья «О чем думают наши министры», посвященная полицейскому разгрому Комитетов Грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.). Таким образом этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко-местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политической реакцией мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение. Неудача же предприятия доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности. То же самое надо сказать и про «СПБ. Рабочий Листок» и в особенности про «Рабочую Газету» и про «Манифест» образованной весной 1898 г. Р. С.-Д. Р. П. Само собою разумеется, что нам и в голову не приходит ставить эту неподготовленность в вину тогдашним деятелям. Но для того, чтобы воспользоваться опытом движения и извлечь из этого опыта практические уроки, необходимо дать себе полный отчет о причинах и значении того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (может быть, даже большинство) действовавших в 1895—1898 г. г. социал-демократов вполне справедливо считали возможным тогда же,

*) А. А. Ванеев скончался в 1899 году в Восточной Сибири от чахотки, которую он вынес из одиночного заключения в предварилке. Поэтому мы и сочли возможным опубликовать приводимые в тексте сведения, за достоверность которых мы ручаемся, ибо они исходят от лиц, непосредственно и ближайшим образом знавших А. А. Ванеева.

в самом начале «стихийного» движения, выступать с самой широкой программой и боевой тактикой *). Неподготовленность же большинства революционеров, будучи явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи,—временные неудачи представляли из себя пол-беды. Революционная опытность и организаторская ловкость—вещи наживные. Была бы только охота выработать в себе требуемые качества! Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но пол-беды сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди,—и даже социал-демократические органы,—которые недостаток готовности были возвести в добродетель, которые попытались даже теоретически обосновать свое раболепство и преклонение пред стихийностью. Этому направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», пора подвести итоги.

б) Преклонение пред стихийностью. „Рабочая Мысль“.

Прежде чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (сообщенный нам из упомянутого выше источника), который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникала и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии. В начале 1897 г. А. А. Ванееву и некото-

*) «Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие в то время условий для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования»—заявляют экономисты в своем «письме в русск. с.-д. органы» («Искра», № 12). (См. 72—75 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина, Ред.). Приведенные в тексте факты доказывают, что это утверждение об «отсутствии условий» диаметрально противоположно истине. Не только в конце, но и в половине 90-х годов вполне были налицо все условия для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования, все условия, кроме достаточной подготовки руководителей. И вот вместо того, чтобы открыто признать этот недостаток подготовки со стороны нас, идеологов, руководителей,—«экономисты» хотят свалить все на «отсутствие условий», на влияние материальной среды, определяющей путь, с которого не совлечи движения никаким идеологам. Что это такое, как не раболепство перед стихийностью? как не влюбленность «идеологов» в свои недостатки?

рым из его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9—10 «Листка Работника» (стр. 46). Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние экономисты). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов, то причина этого единственно та, что состав работающих кружков менялся неслыханно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

. Возникновение «Раб. Мысли» вывело экономизм на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни массы русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил), чтобы понять, как много случайного было в успехе или неуспехе нового направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально так не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем сослаться на передовицу первого ее номера, то только благодаря перепечатке ее в статье В. И.—а⁵³⁾ («Листок Работника» № 9—10, стр. 47 и сл.), который не преминул, разумеется, усердно—не по разуму усердно—расхвалить новую газету, столь резко

отличавшуюся от названных нами выше газет и проектов газет *). А на передовице этой стоит остановиться—настолько рельефно выразила она весь дух «Раб. Мысли» и экономизма вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает: «...Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берет наконец за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т.-е. социал-демократы, организаторы Союза борьбы) были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих **),—а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали звать назад, к одной тред-юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения—«борьба за экономическое положение» (!) или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; объявлялось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года утверждение с спором «декабристов» с молодыми в начале 1897 года) и т. п. Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой» ***) и т. д. и т. д. сделали модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к

*) Кстати, эта похвала «Раб. Мысли» в январе 1898 г., когда экономизм, особенно за границей, вполне определился, исходила от того самого В. И.—а, который вскоре сделался одним из редакторов «Раб. Дела». И «Раб. Дело» отрицало еще существование двух направлений в русской социал-демократии, как продолжает отрицать и теперь!

**) Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов» среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу пособил близкий к одной из соприкасавшихся с «декабристами» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

***) Из той же передовицы первого номера «Рабочей Мысли». Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этих «В. В. ⁵⁶⁾ русской социал-демократии», которые повторяли грубое оплошление «экономического материализма» в то самое время, когда в литературе шла война марксистов против настоящего г. В. В., давно уже прозванного «реакционных дел мастером» за такое же понимание отношения политики и экономики!

движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью—стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика, что они должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Раб. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное оружие тех западно-европейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (вроде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского трэд-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только профессиональная борьба *) есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом,—и теперь «В. В. русской социал-демократии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе современных разногласий **).

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже стихийным путем. Это кажется каламбуром, но это—увы!—горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров-«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молдых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто—не скажу: участвовал в современном русском движении, а: хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы тем не менее особенно настаиваем на том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот общеизвестный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молдыми» в начале 1897 г.,—то это потому, что на незнании широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди,

*) У немцев есть даже особое слово: «Nur-Gewerkschaftler», обозначающее сторонников «только-профессиональной» борьбы.

**) Мы подчеркиваем современных по адресу тех, кто фарисейски пожмет плечами и скажет: теперь легко разносить «Рабочую Мысль», но только это ведь архаизм! Mutato nomine de te fabula narratur,—ответим мы таким современным фарисеям, полное порабощение которых идеями «Раб. Мысли» будет доказано ниже.

хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении экономизма мы можем наблюдать то в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто-рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой не-рабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам буржуазных «только-трэд-юнионистов». Это показывает нам, что «Раб. Мысль», с самого своего начала, принялась—бессознательно для самой себя—осуществлять программу «Credo». Это показывает (чего никак не может понять «Раб. Дело»),—что всякое преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии означает тем самым,—совершенно независимо от того, желает ли этого умалаяющий или нет,—усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих. Все, кто толкует о «переоценке идеологии» *), о преувеличении роли сознательного элемента **) и т. п., воображают, что чисто-рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка. В дополнение к сказанному выше приведем еще следующие, глубокосправедливые и важные слова К. Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии ***):

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают сознание (курсив К.К.) его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта можно было бы думать, что этот якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, выработывавшая австрийскую программу. В проек-

*) Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».

**) «Раб. Дело» № 10.

***) «Neue Zeit», 1901—1902, XX, I; № 3, стр. 97. Проект комиссии, о котором говорит К. Каутский, принят Венским съездом (в конце прошлого года) в несколько измененном виде.

те значится: «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к «сознанию» возможности и необходимости социализма. В такой связи, социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом, одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (von Aussen Hineingetragen) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (urwüchsig) из нее возникшее. Соответственно этому старая гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) сознания его положения и сознания его задачи. В этом не было бы необходимости, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы. Новый же проект перенял это положение из старой программы и пришел его к вышеприведенному положению. Но это совершенно перервало ход мысли...»

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи.*), то вопрос стоит только так: буржуазная или социали-

*) Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удастся овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», а учились бы овладевать все больше

стическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда вне-классовой или над-классовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, идет именно по программе «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть трэд-юнионизм, есть *Nur-Gewerkschaftliche*, а трэд-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии состоит в борьбе с стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления трэд-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, совершенно равносильна по этому отказу от социализма, и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумывать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия г.г. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т.-е. по линии буржуазного трэд-юнионизма, или г.г. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассалья перед немецким рабочим движением? В том, что он совлек это движение с того пути прогрессистского трэд-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось (при благосклонном участии Шулльце-Деличей⁵⁷⁾ и им подобных). Для исполнения этой задачи нужно было нечто; совсем не похожее на разговоры о преуменьшении

и больше общей литературой. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное.

стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была отчаянная борьба с стихийностью, и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и по-сейчас (как могло бы показаться людям, изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу, а философию его по Струве). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая—в гириш-дункеровские, основанные буржуазными поклонниками английского трэд-юнионизма, третья—в союзы социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, но этого главенства социал-демократическая идеология могла добиться и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же,—спросит читатель,—стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения *). И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы экономического письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение дей-

*) Часто говорят: рабочий класс стихийно влечется к социализму. Это совершенно справедливо в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, если только эта теория сама не пасует перед стихийностью, если только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но «Раб. Дело» как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

ствительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

В-третьих, первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экспонизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба неразрывна с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно неверны, если понимать под политикой социал-демократическую политику. Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, если понимать под политикой политику трэд-юнионистскую, т.-е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т.-е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно обще и английским трэд-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее стихийностью, пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от самостоятельной выработки специфической социал-демократической политики, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям. Ниже мы покажем, что такова же ошибка и «Раб. Дела».

в) «Группа самоосвобождения» и «Рабочее Дело».

Мы разобрали так подробно мало известную и почти забытую в настоящее время передовицу первого номера «Раб. Мысли», потому что она всех раньше и всех рельефнее выразила ту общую струю, которая потом выплывала на свет божий бесчисленными мелкими струйками. В. И.—н был совершенно прав, когда, расхваливая первый номер и передовицу «Раб. Мысли», сказал, что она написана «резко, с задором» («Лист. Раб.» № 9—10, стр. 49). Всякий убежденный в своем мнении человек, думающий, что он даст нечто новое, пишет «с задором» и пишет так, что рельефно выражает свои взгляды. Только у людей, привыкших сидеть между двух стульев, нет никакого «задора», только такие люди способны, похвалив вчера задор «Раб. Мысли», нападать сегодня за «полемический задор» на ее противников.

Не останавливаясь на «Отдельном Приложении к Раб. Мысли» (нам придется ниже по различным поводам ссылаться на это произведение, всего последовательнее выражающее идеи экономистов), мы отметим только вкратце «Воззвание группы самоосвобождения рабочих» (март 1899 г., перепечатано в лондонском «Накануне», № 7, июнь 1899 г.). Авторы этого воззвания очень справедливо говорят, что «рабочая Россия еще только просыпается, только осматривается кругом и инстинктивно хватается за первые попавшиеся средства борьбы», но делают из этого тот же неправильный вывод, как и «Раб. Мысль», забывая, что инстинктивность и есть бессознательность (стихийность), которой должны прийти на помощь социалисты, что «первыми попавшимися» средствами борьбы всегда будут в современном обществе трэд-юнионистские средства борьбы, а «первой попавшейся» идеологией—буржуазная (трэд-юнионистская) идеология. Точно также не «отрицают» эти авторы и политики, а говорят только (только!), вслед за г. В. В., что политика есть надстройка, а потому «политическая агитация должна быть надстройкой над агитацией в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и идти за нею».

Что касается до «Раб. Дела», то оно прямо начало свою деятельность с «защиты» экономистов. Сказав прямую неправду в первом же своем номере (№ 1, стр. 141—142), будто оно «не знает, о каких молодых товарищах говорил Аксельрод», предостерегавший экономистов в своей известной брошюре *), «Раб.

*) «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева 1898. Два письма в «Рабочую Газету», писанные в 1897 году.

Дело» в разгоревшейся по поводу этой неправды полемике с Аксельродом и Плехановым должно было признать, что оно «в форме недоумения хотело защитить всех более молодых заграничных социал-демократов от этого несправедливого обвинения» (обвинения экономистов Аксельродом в узости). На самом деле, обвинение это было вполне справедливо, и «Раб. Дело» прекрасно знало, что оно падало между прочим и на члена его редакции В. И—на. Замечу кстати, что в указанной полемике Аксельрод был совершенно прав и «Раб. Дело» совершенно не право в толковании моей брошюры: «Задачи русских социал-демократов». Эта брошюра писана в 1897 г., еще до появления «Раб. Мысли», когда я считал и в праве был считать господствующим первоначальное направление Спб. Союза борьбы, охарактеризованное мной выше. И по крайней мере до половины 1898 года это направление действительно было господствующим. Поэтому ссылаться в опровержение существования и опасности экономизма на брошюру, излагавшую взгляды, которые были вытеснены в С.-Петербурге в 1897—1898 г.г. «экономическими» взглядами, «Раб. Дело» не имело ни малейшего права *).

Но «Раб. Дело» не только «защищало» экономистов, а также и само сбивалось постоянно на их основные заблуждения. Источник этой сбивчивости лежал в двусмысленном понимании следующего тезиса программы «Раб. Дела»: «Важнейшим явлением русской жизни, которое главным образом будет определять задачи (курс. наш) и характер литературной деятельности Союза мы считаем возникшее за последние годы массовое рабочее движение» (курс. «Раб. Дела»). Что массовое движение есть явление важнейшее, об этом не может быть спора. Но весь вопрос в том, как понимать «определение задач» этим массовым движением. Понимать это можно двояко: или в смысле преклонения пред

*) Первую свою неправду («мы не знаем, о каких молодых товарищах говорит П. Б. Аксельрод») «Раб. Дело», защищаясь, дополнило второй, когда писало в «Ответе»: «С тех пор, как написана рецензия на «Задачи», среди некоторых русских социал-демократов возникли или более или менее ясно определились тенденции к экономической односторонности, являющиеся шагом назад по сравнению с тем состоянием нашего движения, которое изображено в «Задачах» (стр. 9). Так говорит «Ответ», вышедший в 1900 году. А первый номер «Раб. Дела» (с рецензией) вышел в апреле 1899 года. Неужели в 1899 году только возник экономизм? Нет, в 1899 г. впервые раздался протест русских социал-демократов против экономизма (протест против «Сгедо»). Экономизм же возник в 1897 году, как это отлично знает «Раб. Дело», ибо В. И—н уже в ноябре 1898 года («Лист. Раб.», № 9—10) расхваливал «Раб. Мысль»,

стихийностью этого движения, т.-е. сведения роли социал-демократии до простого прислужничества рабочему движению как таковому (понимание «Раб. Мысли», «группы самоосвобождения» и прочих экономистов); или же в том смысле, что массовое движение ставит перед нами новые теоретические, политические, организационные задачи, гораздо более сложные, чем те, которыми можно было удовлетворяться в период до возникновения массового движения. «Раб. Дело» склонялось и склоняется именно к первому пониманию, потому что оно ни о каких новых задачах ничего определенного не говорило, а рассуждало все время именно так, как будто бы это «массовое движение» избавляет нас от необходимости ясно сознать и решить выдвигаемые им задачи. Достаточно сослаться на то, что «Раб. Дело» считало невозможным ставить массовому рабочему движению первой задачей— низвержение самодержавия, принимая эту задачу (во имя массового движения) до задачи борьбы за ближайшие политические требования («Ответ», стр. 25).

Минуя статью редактора «Раб. Дела», Б. Кричевского в № 7— «Экономическая и политическая борьба в русском движении», статью, повторяющую те же самые ошибки *), перейдем прямо к

*) «Теория стадий» или теория «робкого зигзага» в политической борьбе выражается, например, в этой статье так: «Политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны однако на первых порах» (это писано в августе 1900 г.!) «соответствовать опыту, извлеченному данным слоем (sic!) рабочих из экономической борьбы. Только (!) на почве этого опыта можно и должно приступать к политической агитации» и т. д. (стр. 11). На стр. 4 автор, восставая против совершенно неосновательных, по его мнению, обвинений в экономической ереси, патетически восклицает: «Какой же социал-демократ не знает, что по учению Маркса и Энгельса экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории и, следовательно, в частности борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы?» (курс. наш). Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, отнюдь не следует никакого вывода о первостепенном значении экономической (=профессиональной), борьбы, ибо самые существенные, «решающие интересы классов могут быть удовлетворены только коренными политическими преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата. Б. Кричевский повторяет рассуждение «В. В. русской социал-демократии» (—политика следует за экономикой и т. п.) и бернштейнщанцев немецкой (напр., Вольфман именно таким рассуждением доказывал, что рабочие должны сначала приобрести «экономическую силу», прежде чем думать о политической революции).

№ 10 «Раб. Дела». Мы не станем, конечно, входить в разбор отдельных возражений Б. Кричевского и Мартынова против «Зари» и «Искры». Нас интересует здесь только та принципиальная позиция, которую заняло в № 10 «Рабочее Дело». Мы не будем, например, разбирать того курьеза, что «Раб. Дело» усмотрело «диаметральное противоречие» между положением:

«Социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы,—она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии» и т. д. (№ 1 «Искры»)

и положением:

«Если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики» (№ 4 «Искры»).

Смешать принципиальное признание всех средств борьбы, всех планов и приемов, лишь бы они были целесообразны,—о требованием в данный политический момент руководиться неуклонно проводимым планом, если хочешь толковать о тактике, это значило все равно что смешать признание медициной всяких систем лечения с требованием держаться одной определенной системы при лечении данной болезни. Но в том-то и дело, что «Раб. Дело», само страдая болезнью, которую мы называли преклонением пред стихийностью, не хочет признать никаких «систем лечения» этой болезни. Оно сделало поэтому замечательное открытие, что «тактика-план противоречит основному духу марксизма» (№ 10, стр. 18), что тактика есть «процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией» (стр. 11, курс. «Раб. Дела»). Это последнее изречение имеет все шансы сделаться знаменитым изречением, неразрушимым памятником «направления» «Раб. Дела». На вопрос: «куда идти?» руководящий орган дает ответ: движение есть процесс изменения расстояния между исходным и последующим пунктами движения. Это несравненное глубокомыслие представляет собой однако не только курьез (тогда бы на нем не стоило особенно останавливаться), но и программу целого направления, именно: ту самую программу, которую Р. М. (в «Отдельном приложении к Раб. Мысли») выразил словами: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет в данную минуту. Это как раз направление безграничного оппортунизма, пассивно приспособляющегося к стихийности.

«Тактика-план противоречит основному духу марксизма!» Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса! Вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических, организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого. Когда Германия испытала один из величайших исторических переломов—образование империи, открытие рейхстага, дарование всеобщего избирательного права,—один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта, другой у Швейцера. Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон,—один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой—у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповедывать социал-демократам, что они своей неразумной резкостью и революционностью вызвали закон и должны теперь заслужить примерным поведением прощение; третий план—у тех, кто подготовлял и осуществлял издание нелегального органа. Глядя назад много лет спустя после того, как борьба из-за вопроса о выборе пути закончилась и история сказала свое последнее решение о пригодности выбранного пути,—нетрудно, конечно, проявить глубокомыслие изречением о росте партийных задач, растущих вместе с партией. Но в момент «смуты *), когда русские «критики» и экономисты принижают социал-демократию до тред-юнизма, а террористы усиленно проповедают принятие «тактики-плана», повторяющего старые ошибки, в такой момент ограничиваться подобным глубокомыслием значит выдавать себе «свидетельство о бедности». В момент, когда многие русские социал-демократы страдают именно недостатком инициативы и энергии, недостатком «размаха политической пропаганды, агитации и ор-

*) Ein Jahr der Verwirrung (год смуты) — так озаглавил Мering тот параграф своей «Истории германской социал-демократии», в котором он описывает колебания и нерешительность, проявленные сначала социалистами при выборе «тактики-плана», соответствующего новым условиям.

ганизации» *), недостатком «планов» более широкой постановки революционной работы,—в такой момент говорить: «тактика-план противоречит основному духу марксизма» значит не только теоретически опощлять марксизм, но и практически тащить партию назад.

«Революционер-социал-демократ имеет задачей,—поучает нас далее «Раб. Дело»,—своей сознательной работой только ускорять объективное развитие, а не отменять его или заменять его субъективными планами. «Искра» в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к преуменьшению значения объективного или стихийного элемента развития» (стр. 18).

Опять величайшая теоретическая путаница, достойная г-на В. В. с братиею. Мы спросили бы нашего философа: в чем может выразиться «преуменьшение» объективного развития со стороны составителя субъективных планов? Очевидно в том, что он упустит из виду, что это объективное развитие создает или укрепляет, губит или ослабляет такие-то классы, слои, группы, такие-то нации, группы наций и т. п., обуславливая этим такую-то и такую-то международную и политическую группировку сил, позицию революционных партий и проч. Но вина такого составителя будет состоять тогда не в преуменьшении стихийного элемента, а в преуменьшении, наоборот, сознательного элемента, ибо у него не хватит «сознательности» для правильного понимания объективного развития. Поэтому один уже разговор об «оценке сравнительного (курс. «Рабочего Дела») значения» стихийности и сознательности обнаруживает полное отсутствие «сознательности». Если известные «стихийные элементы развития» доступны вообще человеческому сознанию, то неправильная оценка их будет равносильна «преуменьшению сознательного элемента». А если они недоступны сознанию, то мы их не знаем и говорить о них не можем. О чем же толкует Б. Кричевский? Если он находит ошибочными «субъективные планы» «Искры» (а он их именно объявляет ошибочными), то он должен был бы показать, какие именно объективные факты игнорируются этими планами, и обвинить «Искру» за это игнорирование в недостатке сознательности, в «преуменьшении сознательного элемента», выражаясь его языком. Если же он, недовольный субъективными планами, не имеет других аргументов кроме ссылки на «преуменьшение стихийного элемента» (II), то он доказывает этим

*) Из передовой статьи № 1 «Искры».

лишь, что он (1) теоретически—понимает марксизм à la Кареевы⁵⁸) и Михайловские, достаточно осмеянные Бельтовым⁵⁹), (2) практически—вполне доволен теми «стихийными элементами развития», которые увлекали наших легальных марксистов в бернштейнизм, а наших социал-демократов в экономизм, и что он «зело сердит» на людей, решившихся во что бы то ни стало совлечь русскую социал-демократию с пути «стихийного» развития.

А дальше уже идут совсем веселые вещи. «Подобно тому, как люди, несмотря ни на какие успехи естественных наук, будут размножаться стародедовским способом,—так и появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом преимущественно стихийных взрывов» (19). Подобно тому, как стародедовская мудрость гласит: чтобы иметь детей, кому ума не доставало?—так мудрость «новейших социалистов» (à la Нарцис Тупорылов) гласит: чтобы участвовать в стихийном появлении на свет нового общественного порядка, ума хватит у всякого. Мы думаем то же, что у всякого хватит. Для такого участия достаточно поддаваться—экономизму, когда царит экономизм,—терроризму, когда возник терроризм. Так, «Раб. Дело», весной этого года, когда так важно было предостеречь от увлечения террором, с недоумением стояло перед «новым» для него вопросом. А теперь, полгода спустя, когда вопрос перестал быть такой злобой дня, оно в одно и то же время преподносит нам и заявление: «мы думаем, что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие подъему террористических настроений» («Раб. Дело» № 10, стр. 23) и резолюцию съезда: «Систематический наступательный террор съезд признает несвоевременным» («Два съезда», стр. 18). Как это замечательно ясно и связно! Не противодействуем,—но объявляем несвоевременным, притом объявляем так, что несистематический и оборонительный террор «резолюцией» не объемлется. Надо признать, что такая резолюция очень безопасна и вполне гарантирована от ошибочности,—как гарантирован от ошибок человек, который говорил для того, чтобы ничего не сказать! И для составления такой резолюции нужно только одно: уметь держаться за хвост движения. Когда «Искра» посмеялась над тем, что «Раб. Дело» объявило вопрос о терроре новым вопросом, то «Раб. Дело» сердито обвинило «Искру» в «прямо невероятной претензии навязывать партийной организации решение тактических вопросов, данное группой писателей-эмигрантов более 15 лет тому назад» (стр. 24). Действительно, ка-

кая претенциозность и какое преувеличение сознательного элемента: решать вопросы заранее теоретически с тем, чтобы потом убеждать в правильности этого решения и организацию, и партию, и массу! *). То ли дело просто зады повторять и, никому ничего не «навязывая», подчиняться каждому «повороту» и в сторону экономизма, и в сторону терроризма. «Раб. Дело» даже обобщает этот великий завет житейской мудрости, обвиняя «Искру» и «Зарю» в «противопоставлении своей программы движению как духа, витающего над бесформенным хаосом» (стр. 29). В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть «духом», не только витающим над стихийным движением, но и поднимаящим это последнее до «своей программы»? Не в том же ведь, чтобы тащиться в хвосте движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем—очень и очень вредно. «Рабочее» же «Дело» не только следует этой «тактике-процессу», но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизм, а (от слова: хвост) хвостизмом. И нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда идти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от «преуменьшения стихийного элемента развития».

* * *

Итак, мы убедились, что основная ошибка «нового направления» в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный подъем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Эта неподготовленность—наша общая беда, беда всех русских социал-демократов. Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под

*) Не надо забывать также и того, что, «теоретически» решая вопрос о терроре, группа «Освобод. Труда» обобщала опыт предшествующего революционного движения.

влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства). Революционеры же отставали от этого подъема, и в своих «теориях» и в своей деятельности им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной руководить всем движением.

В первой главе мы констатировали принижение «Раб. Делом» наших теоретических задач и «стихийное» повторение им модного клича «свобода критики»: у повторявших не хватило «сознательности» понять диаметрально противоположность позиций «критиков»-оппортунистов и революционеров в Германии и России.

В следующих главах мы рассмотрим, как выражалось это пресклонение пред стихийностью в области политических задач и в организационной работе социал-демократии.

•

III.

Трэд-юнионистская и социал-демократическая политика.

Начнем опять-таки с похвалы «Раб. Делу». «Обличительная литература и пролетарская борьба»—так озаглавил Мартынов свою статью в № 10 «Рабочего Дела» о разногласиях с «Искрой». «Мы не можем ограничиться одним обличением порядков, стоящих на пути ее (рабочей партии) развития. Мы должны также откликаться на ближайшие и текущие интересы пролетариата» (стр. 63)—так формулировал он суть этих разногласий. «...«Искра»... фактически есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки и преимущественно политические порядки... Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (там же). Нельзя не быть благодарным Мартынову за эту формулировку. Она приобретает выдающийся общий интерес, ибо охватывает, в сущности, вовсе не одни только разногласия наши с «Раб. Делом», но и все вообще разногласия между нами и «экономистами» по вопросу о политической борьбе. Мы показали уже, что «экономисты» не отрицают безусловно «политики», а только сбиваются постоянно с социал-демократического на трэд-юнионистское понимание политики. Совершенно так же сбивается и Мартынов, и мы согласны поэтому взять именно его за образец экономических заблуждений по данному вопросу. За такой выбор—мы постараемся показать это—на нас не в праве будут претендовать ни авторы «Отдельного Приложения» к «Раб. Мысли», ни авторы прокламации «Группы самосвобождения», ни авторы экономического письма в № 12 «Искры».

а) Политическая агитация и ее сужение экономистами.

Всем известно, что широкое распространение и упрочение экономической *) борьбы русских рабочих шло рука об руку с созда-

*) Заметим, во избежание недоразумений, что в дальнейшем изложении мы понимаем везде под экономической борьбой (согласно установившемуся

нием «литературы» экономических (фабричных и профессиональных) обличений. Главным содержанием «листочков» были обличения фабричных порядков, и среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям. Как только рабочие увидали, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их,—они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. А так как нужды и бедствия рабочих разных заведений и разных профессий имеют много общего, то «правда про рабочую жизнь» восхищала всех. Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками. Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листков, как объявление войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны. Обличения, как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований. Одним словом, экономические (фабричные) обличения были и теперь остаются важным рычагом экономической борьбы. И это значение сохранится за ними, пока будет существовать капитализм, порождающий необходимо самозащиту рабочих. В самых передовых европейских странах можно наблюдать и теперь, как обличение безобразий какого-нибудь захолустного «промысла» или какой-нибудь всеми забытой отрасли домашней работы служит исходным пунктом к пробуждению классового сознания,

у нас словоупотреблению) ту «практически-экономическую борьбу», которую Энгельс назвал, в приведенной выше цитате, «сопротивлением капиталистам» и которая в свободных странах называется профессиональной, синдикальной или тред-юнионистской борьбой.

к началу профессиональной борьбы и распространения социализма *).

Преобладающее большинство русских социал-демократов последнего времени было почти всецело поглощено этой работой по организации фабричных обличений. Достаточно вспомнить «Раб. Мысль», чтобы видеть, до какой степени доходило это поглощение, как при этом забывалось, что сама по себе это, в сущности, еще не социал-демократическая, а только трэд-юнионистская деятельность. Обличения захватывали, в сущности, только отношения рабочих данной профессии к их хозяевам и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднее продавать этот «товар» и бороться с покупателем на почве чисто коммерческой сделки. Эти обличения могли сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социал-демократической деятельности, но могли также (а при условии преклонения пред стихийностью должны были) вести к «только профессиональной» борьбе и к не-социал-демократическому рабочему движению. Социал-демократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. Социал-демократия представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе. Понятно отсюда, что социал-демократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличений составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего клас-

*) В настоящей главе мы говорим только о политической борьбе, о более широком или более узком ее понимании. Поэтому лишь мимоходом отметим, просто как курьез, обвинение «Раб. Делом» «Искры» в «излишнем воздержании» по отношению к экономической борьбе («Два съезда», стр. 27, разжевано Мартыновым в его брошюре: «Социал-демократия и рабочий класс»). Если бы г.г. обвинители выразили хотя бы в пудах или печатных листах (как они любят это делать) отдел экономической борьбы в «Искре» за год и сравнили с соответствующим отделом «Раб. Дела» и «Раб. Мысли», вместе взятых, то они легко увидели бы, что юни отстает даже и в этом отношении. Очевидно, сознание этой простой истины заставляет их прибегать к доводам, ясно показывающим их смущение. «Искре»—пишут они—«волей-неволей (!) приходится (!) считаться с властными запросами жизни и хотя бы (!) помещать корреспонденции о рабочем движении» («Два съезда», стр. 27). Вот уже подлинно уничтожающий нас аргумент!

са, за развитие его политического сознания. С этим теперь, после первого натиска на экономизм со стороны «Зари» с «Искрой», «все согласны» (хотя некоторые только на словах, как мы сейчас увидим).

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно объяснять политическое угнетение рабочих (как недостаточно было объяснять им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения (как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как это угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и обще-гражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной, и проч., и проч., то не очевидно ли, что мы не исполним своей задачи развивать политическое сознание рабочих, если мы не возьмем на себя организацию всестороннего политического обличения самодержавия? Ведь для того, чтобы агитировать по поводу конкретных проявлений гнета, надо обличить эти проявления (как надо было обличать фабричные злоупотребления, чтобы вести экономическую агитацию).

Казалось бы, это ясно? Но именно тут-то и оказывается, что с необходимостью всесторонне развивать политическое сознание «все» согласны только на словах. Тут-то и оказывается, что «Раб. Дело», например, не только не брало на себя задачи организовать (или положить почин организации) всесторонних политических обличений, но стало тащить назад «Искру», которая взялась за эту задачу. Слушайте: «Политическая борьба рабочего класса есть лишь» (именно не лишь) «наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы» (программа «Раб. Дела», «Раб. Дело», № 1, стр. 3). «Теперь перед социал-демократами стоит задача—как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (Мартынов в № 10, стр. 42). «Экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу» (резолуция съезда Союза и «поправки»: «Два съезда», стр. 11 и 17). Все эти положения проникают собой «Раб. Дело», как видит читатель, с самого его возникновения и вплоть до последних «инструкций редакции», и все они выражают, очевидно, один взгляд на политическую агитацию и борьбу. Присмотритесь же к этому взгляду с точки зрения господствующего у всех экономи-

стов мнения, что политическая агитация должна следовать за экономической. Верно ли это, что экономическая борьба есть вообще *) «наиболее широко применимое средство» для вовлечения массы в политическую борьбу? Совершенно неверно. Нисколько не менее «широко применимым» средством такого «вовлечения» являются все и всяческие проявления полицейского гнета и самодержавного бесчинства, а отнюдь не такие только проявления, которые связаны с экономической борьбой. Земские начальники и телесное наказание крестьян, взяточничество чиновников и обращение полиции с городским «простонародьем», борьба с голодающими и травля народного стремления к свету и знанию, выколачивание податей и преследование сектантов, муштровка солдат и солдатское обращение со студентами и либеральной интеллигенцией,—почему все эти и тысячи других подобных проявлений гнета, непосредственно не связанных с «экономической» борьбой, представляют из себя вообще менее «широко применимые» средства и поводы политической агитации, вовлечения массы в политическую борьбу? Как раз напротив: в общей сумме тех жизненных случаев, когда рабочий страдает (за себя или за близких ему людей) от бесправия, произвола и насилия,—лишь небольшое меньшинство составляет, несомненно, случаи полицейского гнета именно в профессиональной борьбе. К чему же заранее суживать размах политической агитации, объявляя «наиболее широко применимым» лишь одно из средств, наряду с которым для социал-демократа должны стоять другие, вообще говоря, не менее «широко применимые»?

Во времена давно, давно прошедшие (год тому назад!..) «Раб. Дело» писало: «Ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной или, в крайнем случае, нескольких стачек», «как только правительство пустило в ход полицию и жандармерию» (№ 7, стр. 15, август 1909 года). Эта оппортунистическая теория стадий в настоящее время уже от-

*) Мы говорим «вообще», ибо речь идет в «Раб. Деле» именно об общих принципах и общих задачах всей партии. Несомненно, что бывают случаи на практике, когда политика действительно должна следовать за экономикой,—но об этом говорить в резолюции, предназначенной для всей России, могут только экономисты. Бывают ведь и такие случаи, когда «с самого начала» можно вести политическую агитацию «только на экономической почве»,—и тем не менее «Рабоч. Дело» додумалось наконец до того, что в этом «нет никакой необходимости» («Два съезда», стр. 11). В следующей главе мы покажем, что тактика «политиков» и революционеров не только не игнорирует тред-юнионистских задач социал-демократии, а, напротив, одна только и обеспечивает последовательное их выполнение.

вергнута Союзом, который делает нам уступку, заявляя: «нет никакой необходимости с самого начала вести политическую агитацию только на экономической почве» («Два съезда», стр. 11). Будущий историк русской социал-демократии из одного этого отрицания «Союзом» части своих старых заблуждений увидит лучше, чем из всяких длинных рассуждений, до какого принижения доводили социализм наши экономисты! Но какая же наивность была со стороны Союза воображать, что ценой этого отказа от одной формы сужения политики нас можно побудить согласиться на другую форму сужения! Не логичнее ли было бы и тут сказать, что экономическую борьбу следует вести как можно более широко, что ей всегда следует пользоваться для политической агитации, но «нет никакой необходимости» считать экономическую борьбу наиболее широко применимым средством для вовлечения массы в активную политическую борьбу?

Союз придает значение тому, что он заменил выражением «наиболее широко применимое средство» выражение «лучшее средство», стоящее в соответственной резолюции IV съезда Еврейского Рабочего Союза (Бунда). Мы, право, затруднились бы сказать, какая из этих резолюций лучше: по нашему мнению, обе хуже. И Союз, и Бунд сбиваются тут (отчасти, может быть, даже бессознательно, под влиянием традиции) на экономическое, трэджюнионистское толкование политики. Дело нисколько, в сущности, не меняется от того, производится ли это посредством словечка: «лучший» или посредством словечка: «наиболее широко применимый». Если бы Союз сказал, что «политическая агитация на экономической почве» есть наиболее широко применяемое (а не «применимое») средство, то он был бы прав по отношению к известному периоду в развитии нашего социал-демократического движения. Именно он был бы прав по отношению к экономистам, по отношению к многим практикам (если не к большинству их) 1898—1901 годов, ибо эти практики-экономисты, действительно, политическую агитацию применяли (поскольку они вообще ее применяли!) почти исключительно на экономической почве. Такую политическую агитацию признавали и даже рекомендовали, как мы видели, и «Раб. Мысль» и «группа самоосвобождения»! «Раб. Дело» должно было решительно осудить то, что полезное дело экономической агитации сопровождалось вредным сужением политической борьбы, а оно вместо того объявляет наиболее широко применяемое (экономистами) средство наиболее широко применимым!

Неудивительно, что когда мы называем этих людей экономи-

стами, им ничего не остается, как ругать нас на все корки и «мистификаторами», и «дезорганизаторами», и «папскими нунциями», и «клеветниками» *), как плакать перед всеми и каждым, что им нанесли кровную обиду, как заявлять чуть ли не с клятвами: «в экономизме теперь решительно ни одна социал-демократическая организация не повинна» **). Ах, эти клеветники, злые—политики. Не нарочно ли они весь экономизм выдумали, чтобы напосить людям, из-за одного только своего человеконенавистничества, обиды кровные?

Какой конкретный, реальный смысл имеет, в устах Мартынова, постановка социал-демократин задачи: «придать самой экономической борьбе политический характер»? Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочих с хозяевами за выгодные условия продажи рабочей силы, за улучшение условий труда и жизни рабочих. Эта борьба по необходимости является борьбой профессиональной, потому что условия труда крайне разнообразны в разных профессиях, и, следовательно, борьба за улучшение этих условий не может не вестись по профессиям (профессиональными союзами на Западе, профессиональными временными соединениями и листками в России и т. п.). Придать «самой экономической борьбе политический характер» значит, следовательно, добиваться осуществления тех же профессиональных требований, того же профессионального улучшения условий труда посредством «законодательных и административных мероприятий» (как выражается Мартынов на следующей, 43, стр. своей статьи). Это именно делают и всегда делали все профессиональные рабочие союзы. Загляните в сочинение основательных ученых (и «основательных» оппортунистов) супругов Вебб, и вы увидите, что английские рабочие союзы давным давно уже сознали и осуществляют задачу «придать самой экономической борьбе политический характер», давным-давно борются за свободу стачек, за устранение всех и всяческих юридических препятствий кооперативному и профессиональному движению, за издание законов в защиту женщин и детей, за улучшение условий труда посредством санитарного и фабричного законодательства и пр.

Таким образом за пышной фразой: «придать самой экономической борьбе политический характер», которая звучит «ужасно» глубокомысленно и революционно, прячется, в сущности, традиционное стремление принизить социал-демократическую по-

*) Подлинные выражения брошюры: «Два съезда», стр. 31, 32, 28 и 30.

**) «Два съезда», стр. 32.

литику до политики трэд-юнионистской! Под видом исправления односторонности «Искры», которая ставит—видите ли—«революционизирование догмы выше революционизирования жизни» *), нам преподносят как нечто новое борьбу за экономические реформы. В самом деле, ровно ничего другого, кроме борьбы за экономические реформы не содержится в фразе: «придать самой экономической борьбе политический характер». И Мартынов сам бы мог додуматься до этого нехитрого вывода, если бы хорошенько вник в значение своих собственных слов. «Наша партия,—говорит он, выдвигая свое самое тяжелое оружие против «Искры»,—могла бы и должна была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д.» (стр. 42—43 в № 10 «Раб. Дела»). Конкретные требования мероприятий—разве это не есть требование социальных реформ? И мы спрашиваем еще раз беспристрастных читателей, клеветаем ли мы на рабочеделов (да простят мне это неуклюжее ходячее словечко!), называя их скрытыми бернштейнианцами, когда они выдвигают, как свое разногласие с «Искрой», тезис о необходимости борьбы за экономические реформы?

Революционная социал-демократия всегда включала и включает в свою деятельность борьбу за реформы. Но «экономической» агитацией она пользуется для предъявления правительству не только требования всяких мероприятий, а также (и прежде всего) требования перестать быть самодержавным правительством. Кроме того, она считает своей обязанностью предъявлять правительству это требование не только на почве экономической борьбы, а и на почве всех вообще проявлений общественно-политической жизни. Одним словом, она подчиняет борьбу за реформы, как часть целому, революционной борьбе за свободу и за социализм. Мартынов же воскрешает в иной форме теорию стадий, стараясь предписать непременно экономический, так сказать, путь развития политической борьбы. Выступая в момент революционного подъема с особой якобы «задачей» борьбы за реформы, он этим тащит партию назад и играет на руку и «экономическому», и либеральному оппортунизму.

*) «Раб. Дело», № 10, стр. 60. Это—Мартыновский вариант того применения к современному, хаотическому состоянию нашего движения тезиса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ», которое мы уже охарактеризовали выше. В сущности, это только перевод на русский язык пресловутой бернштейновской фразы: «движение—все, конечная цель—ничто».

Далее. Стыдливо спрятав борьбу за реформы под напыщенный тезис: «придать самой экономической борьбе политический характер», Мартынов выставил как нечто особое одни только экономические (и даже одни только фабричные) реформы. Почему он это сделал, мы не знаем. Может быть, по недосмотру? Но если бы он имел в виду не только «фабричные» реформы, то тогда весь его тезис, только что нами приведенный, потерял бы всякий смысл. Может быть, потому, что он считает возможными и вероятными со стороны правительства «уступки» только в области экономической? *). Если да, то это странное заблуждение: уступки возможны и бывают и в области законодательства о розге, о паспортах, о выкупных платежах, о сектантстве, о цензуре, и проч., и проч. «Экономические» уступки (или лжеуступки) для правительства, разумеется, всего дешевле и всего выгоднее, ибо оно надеется внушить этим доверие рабочим массам к себе. Но именно потому-то мы, социал-демократы, и не должны никоим образом и абсолютно ничем давать место мнению (или недоразумению), будто для нас дороже экономические реформы, будто мы именно их считаем особо важными и т. п. «Такие требования,—говорит Мартынов о выдвинутых им выше конкретных требованиях законодательных и административных мероприятий,—не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой»... Мы не экономисты, о нет! Мы только пресмыкаемся так же рабски пред «осязательностью» конкретных результатов, как господа Бернштейны, Прокоповичи, Струве, Р. М. и tutti quanti! Мы только даем понять (вместе с Нарцисом Тупорыловым)⁶⁰), что все, что не «сулит осязательных результатов», есть «пустой звук»! Мы только выражаемся так как будто рабочая масса неспособна (и не доказала уже вопреки тем, кто сваливает на нее свое филистерство, свою способность) активно поддерживать всякий протест против самодержавия, даже абсолютно никаких осязательных результатов ей не сулящий!

Возьмите хотя бы те же, самым Мартыновым приведенные примеры о «мероприятиях» против безработицы и голода. В то время, как «Рабочее Дело» занимается, судя по его обещанию,

*) Стр. 43: «Конечно, если мы рекомендуем рабочим предъявлять известные экономические требования правительству, мы это делаем потому, что в области экономической самодержавное правительство по нужде готово идти на известные уступки».

выработкой и разработкой «конкретных (в форме законопроектов?) требований законодательных и административных мероприятий», «сулящих осязательные результаты»,—в это время «Искра», «неизменно ставящая революционизирование догмы выше революционизирования жизни», старалась объяснить неразрывную связь безработицы со всем капиталистическим строем, предупреждала, что «голод идет», обличала полицейскую «борьбу с голодающими» и возмутительные «временно-каторжные правила», в это время «Заря» выпускала отдельным оттиском, как агитационную брошюру, часть посвященного голоду «внутреннего обозрения». Но, боже мой, как «односторонни» при этом были неисправимо-узкие ортодоксы, глухие к велениям «самой жизни» догматики! Ни в одной из их статей не было—о ужас!—ни одного, ну можете себе представить: решительно ни одного «конкретного требования», «сулящего осязательные результаты»! Несчастные догматики! Отдать их в науку Кричевским и Мартыновым для убеждения в том, что тактика есть процесс роста, растущего и т. д., и что нужно самой экономической борьбе придать политический характер!

«Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством («экономическая борьба с правительством»!), кроме своего непосредственного революционного значения, имеет еще то значение, что она наталкивает рабочих непрерывно на вопрос об их политическом бесправии» (Мартынов, стр. 44). Мы выписали эту цитату не для того, чтобы повторять в сотый и тысячный раз сказанное уже выше, а для того, чтобы особо поблагодарить Мартынова за эту новую и превосходную формулировку: «Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством». Какая прелесть! С каким неподражаемым талантом, с каким мастерским элиминированием всех частных разногласий и различий в оттенках между экономистами выражена здесь в кратком и ясном положении вся суть экономизма, начиная с призыва рабочих к «политической борьбе, которую они ведут в интересах общих, имея в виду улучшение положения всех рабочих» *), продолжая теорией стадий и кончая резолюцией съезда о «наиболее широкой применимости» и проч. «Экономическая борьба с правительством» есть именно тред-юнионистская политика, от которой до социал-демократической политики еще очень и очень далеко.

*) «Раб. Мысль», «Отд. Прилож.», стр. 14.

б) Повесть о том, как Мартынов углубил Плеханова.

«Как много появилось у нас в последнее время социал-демократических Ломоносовых!» заметил однажды один товарищ, имея в виду поразительную склонность многих из склонных к экономизму лиц доходить непременно «своим умом» до великих истин (вроде той, что экономическая борьба наталкивает рабочих на вопрос о бесправии), и игнорировать при этом, с великолепным пренебрежением гениального самородка, все то, что дало уже предыдущее развитие революционной мысли и революционного движения. Именно таким самородком является Ломоносов-Мартынов. Загляните в его статью: «Очередные вопросы» и вы увидите, как он подходит «своим умом» к тому, что давно уже сказано Аксельродом (о котором наш Ломоносов, разумеется, хранит полное молчание), как он начинает, например, понимать, что мы не можем игнорировать оппозиционность тех или иных слоев буржуазии («Раб. Дело» № 9, стр. 61, 62, 71—сравни с «Ответом» Аксельроду редакции «Рабочего Дела», стр. 22, 23—24) и т. п. Но—увы!—только «подходит» и только «начинает», не более того, ибо мысли Аксельрода он все-таки настолько еще не понял, что говорит об «экономической борьбе с хозяевами и правительством». В течение трех лет (1898—1901) «Рабочее Дело» собиралось с силами, чтобы понять Аксельрода, и—все-таки его не поняло! Может быть, это происходит тоже от того, что социал-демократия, «подобно человечеству», всегда ставит себе одни лишь осуществимые задачи?

Но Ломоносовы отличаются не только тем, что они много не знают (это бы еще было пол-беды!), а также и тем, что они не сознают своего невежества. Это уже настоящая беда, и эта беда побуждает их сразу браться за «углубление» Плеханова.

«С тех пор, как Плеханов писал названную книжку («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»), много воды утекло,—рассказывает Ломоносов-Мартынов.—Социал-демократы, которые руководили в течение 10 лет экономической борьбой рабочего класса,... не успели еще дать широкое теоретическое обоснование партийной тактики. Теперь этот вопрос назрел, и если бы мы захотели дать такое теоретическое обоснование, мы, несомненно, должны были бы значительно углубить те принципы тактики, которые развивал некогда Плеханов... Мы должны были бы определить разницу между пропагандой и агитацией иначе, чем это сделал Плеханов». (Мартынов только-что привел слова Плеханова: «пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей,

зато он дает их целой массе лиц»). «Под пропагандой мы понимали бы революционное освещение всего настоящего строя или частичных его проявлений, безразлично,—делается ли это в форме доступной для единиц или для широкой массы. Под агитацией, в строгом смысле слова (sic!), мы понимали бы призыв массы к известным конкретным действиям, способствование непосредственному революционному вмешательству пролетариата в общественную жизнь».

Поздравляем русскую—да и международную—социал-демократию с новой, Мартыновской, терминологией, более строгой и более глубокой. До сих пор мы думали (вместе с Плехановым, да и со всеми вожаками международного рабочего движения), что пропагандист, если он берет, например, тот же вопрос о безработице, должен разъяснить капиталистическую природу кризисов, показать причину их неизбежности в современном обществе, обрисовать необходимость его преобразования в социалистическое общество и т. д. Одним словом, он должен дать «много идей», настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример,—скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п.—и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» одну идею: идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается возбудить в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому главным образом печатным, агитатор—живым словом. От пропагандиста требуются не те качества, что от агитатора. Каутского и Лафарга мы назовем, например, пропагандистами, Бебеля и Гэда—агитаторами. Выделять же третью область или третью функцию практической деятельности, относя к этой функции «призыв массы к известным конкретным действиям», есть величайшая несуразица, ибо «призыв», как единичный акт, либо естественно и неизбежно дополняет собой и теоретический трактат и пропагандистскую брошюру и агитационную речь, либо составляет чисто исполнительную функцию. В самом деле, возьмите, например, теперешнюю борьбу германских социал-демократов против хлебных пошлин. Теоретики пишут исследования о таможенной политике, «призывая», скажем, бороться за торговые договоры и за свободу торговли; пропагандист делает то же в журнале, агитатор—в публичных речах.

«Конкретные действия» массы—в данный момент представляют из себя подпись петиций рейхстагу о невышении хлебных пошлин. Призыв к этим действиям исходит посредственно от теоретиков, пропагандистов и агитаторов, непосредственно—от тех рабочих, которые разносят по фабрикам и по всяческим частным квартирам подписные листы. По «Мартыновской терминологии», выходит, что Каутский и Бебель—оба пропагандисты, а разносчики подписных листов—агитаторы, не так ли?

Пример немцев напомнил мне немецкое слово Verballhornung, по-русски буквально: обалгорнивание. Иван Балгорн был лейпцигский издатель в XVI веке; издал он букварь, при чем поместил, по обычаю, и рисунок, изображающий петуха; но только вместо обычного изображения петуха со шпорами на ногах он изобразил петуха без шпор, но с парой яиц около него, а на обложке букваря добавил: «исправленное издание Ивана Балгорна». Вот с тех пор немцы и говорят Verballhornung про такое «исправление», которое на деле есть ухудшение. И невольно вспоминаешь про Балгорна, когда видишь, как Мартыновы «углубляют» Плеханова...

К чему «изобрел» наш Ломоносов эту путаницу? К иллюстрации того, что «Искра» «обращает внимание только на одну сторону дела, так же, как Плеханов это делал еще полтора десятка лет тому назад» (39). «У «Искры», по крайней мере для настоящего времени, задачи пропаганды отодвигают на задний план задачи агитации» (52). Если перевести это последнее положение с Мартыновского языка на общечеловеческий язык (ибо человечество еще не успело принять вновь открытой терминологии), то мы получим следующее: у «Искры» задачи политической пропаганды и политической агитации отодвигают на задний план задачу «ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий», «сулящие известные осязательные результаты» (или требования социальных реформ, если позволительно еще хоть разочек употребить старую терминологию старого человечества, которое еще не доросло до Мартынова). Предлагаем читателю сравнить с этим тезисом следующую тираду:

«Поражает нас в этих программах» (программах революционных социал-демократов) «и вечное выставление ими на первый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при—полном игнорировании ими (благодаря их революционному нигилизму) важности участия рабочих в существующих у нас законодательных собраниях фабрикантов по фабричным делам... или хотя бы участия рабочих в городском самоуправлении»...

Автор этой тирады выражает немного прямее, яснее и откровеннее ту самую мысль, до которой дошел своим умом Ломоносов-Мартынов. Автор же этот—Р. М. в «отдельном Приложении» к «Раб. Мысли» (стр. 15).

в) Политические обличения и воспитание революционной активности.

Выдвигая против «Искры» свою «теорию» «повышения активности рабочей массы», Мартынов на самом деле обнаружил стремление принизить эту активность, ибо предпочтительным, особенно важным, «наиболее широко применимым» средством пробуждения и поприщем этой активности он объявил ту же экономическую борьбу, пред которой пресмыкались и все экономисты. Потому и характерно это заблуждение, что оно свойственно далеко не одному Мартынову. На самом же деле «повышение активности рабочей массы» может быть достигнуто только при том условии, если мы не будем ограничиваться «политической агитацией на экономической почве». А одним из основных условий необходимого расширения политической агитации является организация всесторонних политических обличений. Иначе как на этих обличениях не может воспитаться политическое сознание и революционная активность масс. Поэтому деятельность такого рода составляет одну из важнейших функций всей международной социал-демократии, ибо и политическая свобода несколько не устраняет, а только несколько передвигает сферу направления этих обличений. Например, германская партия особенно укрепляет свои позиции и расширяет свое влияние именно благодаря неослабной энергии ее политически-обличительной кампании. Сознание рабочего класса не может быть истинно-политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на все и всяческие случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, к каким бы классам ни относились эти случаи;—и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов;—не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюда-

тельность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же,—тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему практическому значению проповедь наших экономистов, что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босняка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах и проч. и проч. и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и основное условие воспитания революционной активности масс.

Почему русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян, по поводу безобразий цензуры, истязаний солдат, травли самых невинных культурных начинаний и т. п.? Не потому ли, что его не «наталкивает» на это «экономическая борьба», что ему мало «сулит» это «осязательных результатов», мало дает «положительного»? Нет, подобное мнение есть, повторяем, не что иное, как попытка свалить с больной головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (бернштейнство тож) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость от движения масс, что мы не сумели еще организовать достаточно широких, ярких, быстрых обличений всех этих гнусностей. Сделай мы это (а мы должны сделать и можем сделать это),—и самый серый рабочий

поймет или почувствует, что над студентом и сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая темная сила, которая так гнетет и давит его на каждом шагу его жизни, а почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам, он сумеет тогда—сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучит тех жандармов в рясе, что делают работу святой инквизиции, и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы бросать в рабочие массы всесторонние и свежие обличения. Многие из нас и не сознают еще этой своей обязанности, а стихийно волочатся за «серой текущей борьбой» в узких рамках фабричного быта. При таком положении дел говорить: «Искра» имеет тенденцию умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» (Мартынов, стр. 61),—значит тащить партию назад, значит защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость.

Что же касается до призыва массы к действию, то это выйдет само собой, раз только есть на-лицо энергичная политическая агитация, живые и яркие обличения. Поймать кого-либо на месте преступления и заклеить перед всеми и повсюду тотчас же—это действует само по себе лучше всякого «призыва», это действует зачастую так, что потом и нельзя будет определить, кто собственно «призывал» толпу и кто собственно выдвинул тот или иной план демонстрации и т. п. Призвать—не в общем, а в конкретном смысле слова—можно только на месте действия, призвать может только тот, кто сам и сейчас идет. А наше дело, дело социал-демократических публицистов, углублять, расширять и усиливать политические обличения и политическую агитацию.

Кстати о «призывах». Единственным органом, который до весенних событий призвал рабочих активно вмешаться в такой, не сулящий решительно никаких осязательных результатов рабочему, вопрос, как отдача студентов в солдаты,—была «Искра». Тотчас же после опубликования распоряжения 11 января об «отдаче 183 студентов в солдаты» «Искра» поместила статью об этом (№ 2, февраль) *) и, до какого бы то ни было начала демонстраций, прямо звала «рабочего идти на помощь студенту», звала «народ» открыто ответить правительству на его дерзкий вызов. Мы спрашиваем всех и каждого: как и

*) См. стр. 20—25 тома IV Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

чем объяснить то выдающееся обстоятельство, что, говоря так много о «призывах», выделяя «призывы» даже в особый вид деятельности, Мартынов ни словечком не упомянул об этом призыве? И не филистерством ли является после этого Мартыновское объявление «Искры» одностороннею, так как она недостаточно «призывает» к борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты»?

Наши экономисты, в том числе «Рабочее Дело», имели успех благодаря тому, что подделывались под неразвитых рабочих. Но рабочий-социал-демократ, рабочий-революционер (а число таких рабочих все растет) отвергнет с негодованием все эти рассуждения о борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты», и проч., ибо он поймет, что это только варианты старой песенки о копейке на рубль. Такой рабочий скажет своим советчикам из «Раб. Мысли» и из «Раб. Дела»: зря вы суетитесь, господа, вмешиваясь чересчур усердно в то дело, с которым мы и сами справляемся, и отлынивая от исполнения ваших настоящих обязанностей. Совсем ведь это неумно, когда вы говорите, что задача социал-демократов придать самой экономической борьбе политический характер; это только начало, и не в этом главная задача социал-демократов, ибо во всем мире, и в России в том числе, полиция нередко сама начинает придавать экономической борьбе политический характер, рабочие сами научаются понимать, за кого стоит правительство *). Ведь та «экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством», с кото-

*) Требование «придать самой экономической борьбе политический характер» самым рельефным образом выражает преклонение пред стихийностью в области политической деятельности. Политический характер экономической борьбы принимает сплошь да рядом стихийно, т.-е. без вмешательства «революционной бациллы — интеллигенции», без вмешательства сознательных социал-демократов. Политический характер приобрела, например, и экономическая борьба рабочих в Англии без всякого участия социалистов. Задача же социал-демократов не исчерпывается политической агитацией на экономической почве, задача их — превратить эту тред-юнионистскую политику в социал-демократическую политическую борьбу, — воспользоваться теми проблесками политического сознания, которые заронила в рабочих экономическая борьба, для того, чтобы поднять рабочих до социал-демократического политического сознания. А Мартыновы, вместо того, чтобы поднимать и толкать вперед стихийно пробуждающееся политическое сознание, падают ниц перед стихийностью и твердят, до тошноты часто твердят, что экономическая борьба «наталкивает» рабочих на вопрос об их политическом бесправии. Плохо то, господа, что вас то это стихийное пробуждение тред-юнионистского политического сознания не «наталкивает» на вопрос о ваших социал-демократических задачах!

рой вы носитесь, точно с открытой вами Америкой,—ведется в массе русских захоластий самими рабочими, слышавшими о стачках, но о социализме почитай-что ничего и не слышавшими. Ведь та «активность» нас, рабочих, которую вы все хотите поддерживать, выставляя конкретные требования, сулящие осязательные результаты, в нас уже есть, и мы сами, в нашей будничной, профессиональной, мелкой работе выставляем эти конкретные требования зачастую без всякой помощи интеллигентов. Но нам мало такой активности; мы не дети, которых можно накормить кашницей одной «экономической» политики; мы хотим знать все то, что знают и другие, мы хотим подробно познакомиться со всеми сторонами политической жизни и активно участвовать во всяком и каждом политическом событии. Для этого нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то, что мы и сами знаем *), а побольше нам дали того, чего мы еще не знаем, чего мы сами из своего фабричного и «экономического» опыта и узнать никогда не можем, именно: политического знания. Это знание можете приобрести себе вы, интеллигенты, и вы обязаны доставлять нам его во сто и в тысячу раз больше, чем вы это делали до сих пор, и притом доставлять не в виде только рассуждений, брошюр и статей (которые часто бывают—простите за откровенность!—скучноваты), а непременно в виде живых обличе-

*) В подтверждение того, что всю эту речь рабочих к экономистам мы не зря выдумали, сошлемся на двух свидетелей, несомненно знакомых с рабочим движением непосредственно и всего менее склонных быть пристрастными к нам, «догматикам», ибо один свидетель—экономист (считающий даже «Рабочее Дело» органом политическим!), другой—террорист. Первый свидетель, автор замечательной по своей правдивости и живости статьи: «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии» в № 6 «Раб. Дела». Он делит рабочих на 1) сознательных революционеров, 2) промежуточный слой и 3) остальную массу. И вот промежуточный слой «часто интересуется больше вопросами политической жизни, чем своими ближайшими экономическими интересами, связь которых с общими социальными условиями давно понята»... «Раб. Мысль» «резко критикуют»: «все одно и то же, давно известно, давно читали», «в политическом-то обозрении опять ничего нет» (стр. 30—31). Но даже и третий слой: «более чуткая, более молодая, менее развращенная кабаком и церковью рабочая масса, почти никогда не имея возможности достать книгу политического содержания, толкует вкривь и вкось явления политической жизни, задумываясь над отрывочными сведениями о бунте студентов» и т. д. А террорист пишет: «...Раз-два прочтут о мелочах фабричной жизни в разных, не своих городах, а потом и перестанут... Скучно... Не говорить в рабочей газете о государстве... значит смотреть на рабочего как на дитячко малое... Рабочий не дитячко» («Свобода» ⁶¹), изд. революционно-социалистической группы, стр. 69 и 70).

ний того, что именно в данное время делает наше правительство и наши командующие классы во всех областях жизни. Исполняйте-ка поусерднее эту свою обязанность, и поменьше толкуйте о «повышении активности рабочей массы». У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких «осязательных результатов» не сулящие! И не вам «повышать» нашу активность, ибо у вас самих как раз активности-то и не хватает. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о повышении своей активности, господа!

г) Что общего между экономизмом и терроризмом?

Выше, в примечании, мы сопоставили экономиста и не-социал-демократа-террориста, случайно оказавшихся солидарными. Но, вообще говоря, между теми и другими есть не случайная, а необходимая внутренняя связь, о которой нам еще ниже придется говорить и коснуться которой необходимо именно по вопросу о воспитании революционной активности. У экономистов и современных террористов есть один общий корень: это именно то преклонение пред стихийностью, о котором мы говорили в предыдущей главе, как о явлении общем, и которое мы рассматриваем теперь в его влиянии на область политической деятельности и политической борьбы. На первый взгляд, наше утверждение может показаться парадоксом: до такой степени велика, повидимому, разница между людьми, подчеркивающими «серую текущую борьбу»,—и людьми, зовущими к наиболее самоотверженной борьбе отдельных лиц. Но это не парадокс. Экономисты и террористы преклоняются перед разными полюсами стихийного течения: экономисты—пред стихийностью «чисто-рабочего движения», террористы—пред стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением. Кто изверился или никогда не верил в эту возможность, тому действительно трудно найти иной выход своему возмущенному чувству и своей революционной энергии, кроме террора. Таким образом, преклонение пред стихийностью в обоих указанных нами направлениях есть не что иное, как начало осуществления знаменитой программы «Credo»: рабочие ведут себе свою «экономическую борьбу с хозяевами и правительством» (да простит нам автор «Credo», что мы выражаем его мысли Мартыновскими словами! Мы находим, что вполне

делать это, ибо и в «Credo» говорится о том, как рабочие в экономической борьбе «наталкиваются на политический режим»),—а интеллигенты ведут себе своими силами политическую борьбу, естественно, при помощи террора! Это совершенно логичный и неизбежный вывод, на котором нельзя не настаивать, хотя бы те, кто начинает осуществлять эту программу, сами и не сознавали его неизбежности. Политическая деятельность имеет свою логику, не зависящую от сознания тех, кто в самых лучших намерениях взывает либо к террору, либо к приданию политического характера самой экономической борьбе. Благими намерениями вымощен ад, и в данном случае благие намерения не спасают еще от стихийного влечения по «линии наименьшего сопротивления», по линии чисто буржуазной программы «Credo». Не случайно ведь также и то обстоятельство, что многие русские либералы—и явные либералы и носящие марксистскую маску—всею душой сочувствуют террору и стараются поддерживать подъем террористических настроений в данный момент.

И вот, когда возникла «революционно-социалистическая группа Свобода», поставившая себе задачей именно всестороннее содействие рабочему движению, но с включением в программу террора и с эмансипированием, так сказать, себя от социал-демократии,—то этот факт дал еще и еще подтверждение замечательной прозорливости П. Б. Аксельрода, который буквально предсказал эти результаты социал-демократических шатаний еще в конце 1897 года («К вопросу о современных задачах и тактике») и набросал свои знаменитые «Две перспективы». Все последующие споры и разногласия между русскими социал-демократами заключаются уже, как растение в семечке, в этих двух перспективах *).

*) Мартынов «представляет себе другую, более реальную (?) дилемму» («Соц.-дем. и раб. класс», 19): «Либо социал-демократия берет на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетариата и этим (1) превращает ее в революционную классовую борьбу»... «Этим», т. е., очевидно, непосредственным руководством экономической борьбой. Пусть укажет нам Мартынов, где это видано, чтобы одним только руководством профессиональной борьбой удавалось превратить тред-юнионистское движение в революционное классовое? Не сообразит ли он, что для этого «превращения» мы должны активно взяться за «непосредственное руководство» всесторонней политической агитацией?.. «Либо другая перспектива: социал-демократия устраняется от руководства экономической борьбой рабочих и тем... подсекает себе крылья»... «Устраняется», по приведенному выше мнению «Раб. Дела», «Искра». Но мы видели, что она делает для руководства экономической борьбой гораздо больше, чем «Раб. Дело», при чем она не ограничивается этим и не суживает во имя этого своих политических задач.

С указанной точки зрения становится понятно и то, что «Раб. Дело», не устоявшее против стихийности экономизма, не устояло также и против стихийности терроризма. Очень интересно здесь отметить ту особенную аргументацию в защиту террора, которую выдвинула «Свобода». Устрашающую роль террора она «совершенно отрицает» («Возрождение революционизма», стр. 64), но зато выдвигает его «эксцитативное (возбуждающее) значение». Это характерно, во-первых, как одна из стадий разложения и упадка того традиционного (до-социал-демократического) круга идей, который заставлял держаться за террор. Признать, что правительство теперь «устрашить»—а, следовательно, и дезорганизовать—террором нельзя,—значит, в сущности, совершенно осудить террор как систему борьбы, как программой освящаемую сферу деятельности. Во-вторых, это еще более характерно, как образец непонимания наших насущных задач в деле «воспитания революционной активности масс». «Свобода» пропагандирует террор как средство «возбуждать» рабочее движение, дать ему «сильный толчок». Трудно себе представить аргументацию, которая бы более наглядно опровергала сама себя! Неужели, спрашивается, в русской жизни мало еще таких безобразий, что нужно выдумывать особые «возбуждающие» средства? И, с другой стороны, если кто не возбуждается и невозбудим даже русским произволом, то не очевидно ли, что на единоборство правительства с горсткой террористов он тоже будет смотреть «ковыряя в носу»? В том-то и дело, что рабочие массы очень возбуждаются гнусностями русской жизни, но мы не умеем собирать, если можно так выразиться, и концентрировать все те капли и струйки народного возбуждения, которые высачиваются русской жизнью в количестве неизмеримо большем, чем все мы себе представляем и думаем, но которые надо именно соединить в один гигантский поток. Что это осуществимая задача,—это неопровержимо доказывает громадный рост рабочего движения и отмеченная уже выше жадность рабочих к политической литературе. Призывы же к террору, равно как и призывы к тому, чтобы придать самой экономической борьбе политический характер, представляют из себя разные формы отлынивания от самой настоятельной обязанности русских революционеров: организовать ведение всесторонней политической агитации. «Свобода» хочет заменить агитацию террором, признаваясь прямо, что «раз начнется усиленная, энергичная агитация в массах, его эксцитативная (возбуждающая) роль сыграна» (стр. 68 «Возр. рев.»). Это как раз и показывает, что и террористы, и экономисты не дооценивают революционную

активность масс, вопреки явному свидетельству весенних событий, при чем одни бросаются искать искусственных «возбудителей», другие говорят о «конкретных требованиях». И те и другие недостаточно обращают внимание на развитие своей собственной активности в деле политической агитации и организации политических обличений. А заменить этого дела невозможно ничем другим ни теперь, ни когда бы то ни было в иное время.

д) Рабочий класс как передовой борец за демократию.

Мы видели, что ведение самой широкой политической агитации, а следовательно, и организация всесторонних политических обличений есть безусловно необходимая и настоятельнее всего необходимая задача деятельности, если эта деятельность истинно социал-демократическая. Но мы сделали этот вывод, исходя только из самой насущной потребности рабочего класса в политическом знании и политическом воспитании. Между тем только такая постановка вопроса была бы слишком узка, игнорировала бы обще-демократические задачи всякой социал-демократии вообще и современной русской социал-демократии в особенности. Чтобы возможно конкретнее пояснить это положение, попробуем подойти к делу с самой «близкой» для экономиста, именно с практической стороны. «Все согласны», что необходимо развивать политическое сознание рабочего класса. Спрашивается, как это сделать и что надо для того, чтобы это сделать? Экономическая борьба «наталкивает» рабочих только на вопросы об отношении правительства к рабочему классу и поэтому, сколько бы мы ни трудились над задачей «придать самой экономической борьбе политический характер», мы никогда не сможем развить политическое сознание рабочих (до ступени социал-демократического политического сознания) в рамках этой задачи, ибо самые эти рамки узки. Мартыновская формула ценна для нас вовсе не потому, что она иллюстрирует способность Мартынова путать, а потому, что она рельефно выражает основную ошибку всех экономистов, именно убеждение, что можно развить классовое политическое сознание рабочих изнутри, так сказать, из экономической борьбы, т.-е. исходя только (или хотя бы главным образом) из этой борьбы, базируясь только (или хотя бы главным образом) на этой борьбе. Такой взгляд в корне ошибочен,—и именно потому, что экономисты, сердясь на нас за полемику против них, не хотят подумать хорошенько об источнике разногласий, и получается такая вещь, что мы буквально не понимаем друг друга, говорим на разных языках.

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне, то-есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание?—нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «итти к рабочим». Чтобы принести рабочим политическое знание, социал-демократы должны итти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии.

Мы нарочно выбираем такую угловатую формулировку, нарочно выражаемся упрощенно резко—вовсе не из желания говорить парадоксы, а для того, чтобы хорошенько «натолкнуть» экономистов на те задачи, которыми они непростительно пренебрегают, на то различие между трэд-юнионистской и социал-демократической политикой, которого они не хотят понять. И потому мы просим читателя не горячиться, а внимательно дослушать нас до конца.

Возьмите наиболее распространенный в последние годы тип кружка социал-демократов и присмотритесь к его работе. Он имеет «связи с рабочими» и удовлетворяется этим, издавая листки, в которых бичуются фабричные злоупотребления, пристрастное к капиталистам поведение правительства и полицейские насилия; на собраниях с рабочими беседа не выходит обыкновенно или почти не выходит за пределы тех же тем; рефераты и беседы по истории революционного движения, по вопросам внутренней и внешней политики нашего правительства, по вопросам экономической эволюции России и Европы и положения в современном обществе тех или иных классов и т. п. представляют из себя величайшую редкость, о систематическом приобретении и расширении связей в других классах общества никто и не помышляет. В сущности, идеалом деятеля рисуется в большинстве случаев для членов такого кружка нечто гораздо более похожее на секретаря трэд-юниона, чем на социалиста-политического вождя. Ибо секретарь любого, например, английского трэд-юниона всегда помогает рабочим вести экономическую борьбу, организует фабричные обличения, разъясняет несправедливость законов и мероприятий, стесняющих свободу стачек, свободу выставления сторожевых постов (для предупреждения всех и каждого, что на данном заводе стачка), разъ-

ясняет пристрастность третейского судьи, принадлежащего к буржуазным классам народа, и пр. и пр. Одним словом, всякий секретарь трэд-юниона ведет и помогает вести «экономическую борьбу» с хозяевами и с правительством». И нельзя достаточно настаивать на том, что это еще не социал-демократизм, что идеалом социал-демократа должен быть не секретарь трэд-юниона, а народный трибун, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать пред всеми свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата. Сравните, например, таких деятелей, как Роберт Найт (известный секретарь и вождь общества котельщиков, одного из самых могущественных английских трэд-юнионов) и Вильгельм Либкнехт, и попробуйте применить к ним те противоположения, в которые укладывает Мартынов свои разногласия с «Искрой». Вы увидите,—я начинаю перелистывать статью Мартынова,—что Р. Найт гораздо больше «призывал массы к известным конкретным действиям» (39), а В. Либкнехт больше занимался «революционным освещением всего настоящего строя или частичных его проявлений» (38—39); что Р. Найт «формулировал ближайшие требования пролетариата и указывал на средства к их осуществлению» (41), а В. Либкнехт, делая и это, не отказывался также «одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев», «диктовать для них положительную программу действий» *). (41); что Р. Найт старался именно «придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (42) и прекрасно умел «ставить правительству конкретные требования, сулящие известные осязательные результаты» (43), тогда как В. Либкнехт гораздо более занимался «односторонними» «обличениями» (40); что Р. Найт больше придавал значения «поступательному ходу серой текущей борьбы» (61), а В. Либкнехт—«пропаганде блестящих и законченных идей» (61); что В. Либкнехт создавал из руководимой им газеты именно «орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно поли-

*) Например, во время франко-прусской войны Либкнехт диктовал программу действий всей демократии,—и еще больше это делали Маркс с Энгельсом в 1848 году.

тические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения» (63), тогда как Р. Найт «работал для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (63)—если понимать «тесную и органическую связь» в смысле того преклонения пред стихийностью, которое мы изучали выше на примерах Кричевского и Мартынова—и «суживал сферу своего воздействия», уверенный, конечно, как и Мартынов, в том, что он «тем самым усложнял самое воздействие» (63). Одним словом, вы увидите, что *de facto* Мартынов принижает социал-демократию до трэд-юнионизма, хотя делает он это, разумеется, отнюдь не потому, чтобы он не желал добра социал-демократии, а просто потому, что он немножечко поспешил углублять Плеханова вместо того, чтобы дать себе труд понять Плеханова.

Но вернемся к нашему изложению. Мы сказали, что социал-демократ, если он не на словах только стоит за необходимость всестороннего развития политического сознания пролетариата, должен «итти во все классы населения». Являются вопросы: как это сделать? есть ли у нас силы для этого? есть ли почва для такой работы во всех других классах? не будет ли это означать отступление или вести к отступлению от классовой точки зрения? Остановимся на этих вопросах.

«Итти во все классы населения» мы должны и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов. Что теоретическая работа социал-демократов должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического положения отдельных классов,—в этом никто не сомневается. Но делается в этом отношении очень и очень мало, непропорционально мало сравнительно с работой, направленной на изучение особенностей фабричного быта. В комитетах и кружках вы встретите людей, углубляющихся даже в специальное ознакомление с каким-нибудь железоделательным производством,—но почти не найдете примеров, чтобы члены организаций (вынужденные, как это часто бывает, отойти по тем или иным причинам от практической работы) специально занимались собиранием материалов по какому-нибудь злободневному вопросу нашей общественной и политической жизни, могущему дать повод для социал-демократической работы в других слоях населения. Говоря о малой подготовленности большинства современных руководителей рабочего движения, нельзя не упомянуть и о подготовке в этом отношении, ибо это тоже связано с «экономическим» пониманием «тесной органической связи с пролетарской борьбой». Но главное, разумеется,—

пропаганда и агитация во всех слоях народа. Западно-европейскому социал-демократу облегчают эту задачу народные собрания и сходки, на которые приходит всякий желающий,—облегчает парламент, в котором он говорит пред депутатами от всех классов. У нас нет ни парламента, ни свободы сходок,—но мы умеем тем не менее устраивать собрания с рабочими, которые хотят слушать социал-демократа. Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать демократа. Ибо тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение», что мы обязаны поэтому пред всем народом излагать и подчеркивать общедемократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса.

«С этим решительно все согласны!»—перебивает нас нетерпеливый читатель,—и новая инструкция для редакции «Раб. Дела», принятая на последнем союзном съезде, прямо говорит: «Поводами к политической пропаганде и агитации должны служить все явления и события общественной и политической жизни, которые затрагивают пролетариат либо непосредственно как особый класс, либо как авангард всех революционных сил в борьбе за свободу» («Два съезда», стр. 17, курсив наш). Да, это очень верные и очень хорошие слова, и мы были бы вполне довольны, если бы «Раб. Дело» понимало их, если бы оно не говорило на-ряду с этими словами того, что идет в разрез с ними. Мало ведь назвать себя «авангардом», передовым отрядом,—надо и действовать так, чтобы все остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем впереди. И мы спрашиваем читателя: неужели же представители остальных «отрядов» такие дураки, чтобы поверить нам на-слово насчет «авангарда»? Представьте только себе конкретно такую картину. В «отряды» русских образованных радикалов или либеральных конституционалистов является социал-демократ и говорит: мы—авангард; «теперь перед нами стоит задача—как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер». Сколько-нибудь умный радикал или конституционалист (а среди русских радикалов и конституционалистов много умных людей) только усмехнется, услышав такую речь, и скажет (про себя, конечно, ибо он в большинстве случаев опытный дипломат):

«ну, и простоват же этот «авангард»! Не понимает даже того, что ведь это наша задача, задача передовых представителей буржуазной демократии—придать самой экономической борьбе рабочих политический характер. Ведь и мы, как и все западно-европейские буржуа, хотим втянуть рабочих в политику, но только именно в трэд-юнионистскую, а не в социал-демократическую политику. Трэд-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. А формулировка этим «авангардом» его задачи есть именно формулировка трэд-юнионистской политики! Поэтому пускай даже называют они себя, сколько угодно, социал-демократами. Не ребенок же я, в самом деле, чтобы мне из-за ярлыков горячиться! Только пусть не поддаются этим зловредным ортодоксальным догматикам, пусть оставляют «свободу критики» за теми, кто бес-сознательно тащит социал-демократию в трэд-юнионистское русло!»

И легкая усмешка нашего конституционалиста превратится в гомерический хохот, когда он узнает, что говорящие об авангарде социал-демократии социал-демократы в настоящее время почти полного господства стихийности в нашем движении всего больше на свете боятся «преуменьшения стихийного элемента», боятся «уменьшить значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей: и проч. и проч.! «Передовой» отряд, который боится, как бы сознательность не обогнала стихийности, который боится выдвинуть смелый «план», вынуждающий общее признание и у несогласно мыслящих! Да уж не смешивают ли они слово авангард со словом арьергард?

Вдумайтесь, в самом деле, в следующее рассуждение Мартынова. Он говорит на стр. 42, что обличительная тактика «Искры» односторонняя, что «сколько бы мы ни сеяли недоверия и ненависти к правительству, мы цели не достигнем, покуда нам не удастся развить достаточную активную общественную энергию для его низвержения». Это, в скобках сказать, знакомая уже нам забота о повышении активности массы при стремлении принизить свою активность. Но дело теперь не в этом. Мартынов говорит здесь, следовательно, о революционной энергии («для низвержения»). И к какому же он приходит выводу? Так как в обычное время разные общественные слои неизбежно идут вразброд, то «ввиду этого ясно, что мы, социал-демократы, не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем им указывать, какими способами следует изо дня в день

боротся за свои интересы.... Либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их столкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом» (41). Таким образом, начав говорить о революционной энергии, об активной борьбе за низвержение самодержавия, Мартынов сейчас же сбился на профессиональную энергию, на активную борьбу за ближайшие интересы! Понятно само собой, что мы не можем руководить борьбой студентов, либералов и проч. за их «ближайшие интересы», но ведь не об этом же была речь, почтеннейший экономист! Речь шла о возможном и необходимом участии разных общественных слоев в низвержении самодержавия, а это й «активной деятельностью разных оппозиционных слоев» мы не только можем, но и непременно должны руководить, если мы хотим быть «авангардом». О том, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. «сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом» позаботятся не только они сами,—об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция и сами чиновники самодержавного правительства. Но «мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы наталкивать людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством нашей партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои. Мы должны вырабатывать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и проч., и проч. Поэтому совершенно неверно утверждение Мартынова, что «по отношению к ним мы можем выступать лишь в отрицательной роли обличителя порядков... Мы можем только рассеивать их надежды на разные правительственные комиссии» (курсив наш). Говоря это, Мартынов показывает тем самым, что он ровнехонько ничего не понимает в вопросе о действительной роли революционного «авангарда». И если читатель примет это во внимание, то ему станет понятен истинный смысл следующих заключительных слов Мартынова: «Искра» есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические по-

рядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения. Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздействия, мы тем самым усложняем самое воздействие» (63). Истинный смысл этого вывода такой: «Искра» хочет поднимать трэд-юнионистскую политику рабочего класса (которой по недоразумению, неподготовленности или по убеждению ограничиваются у нас так часто практики) до социал-демократической политики. А «Раб. Дело» хочет приносить социал-демократическую политику до трэд-юнионистской. И при этом еще оно уверяет всех и каждого, что это «вполне совместимые позиции в общем деле» (63). *O sancta simplicitas!*

Пойдем дальше. Есть ли у нас силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацию во все классы населения? Конечно, да. Наши экономисты, склонные нередко отрицать это, упускают из виду тот гигантский шаг вперед, который сделало наше движение с 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные «хвостисты», они живут зачастую в представлениях давно миновавшего периода начала движения. Тогда у нас действительно было поразительно мало сил, тогда была естественна и законна решимость всецело уйти в работу среди рабочих и сурово осуждать всякие отклонения от нее, тогда вся задача состояла в том, чтобы упрочиться в рабочем классе. Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов, везде и повсюду по всей провинции вынуждены сидеть люди, принимавшие уже или желающие принять участие в движении, люди, тяготеющие к социал-демократии (тогда как в 1894 г. по пальцам можно было пересчитать русских социал-демократов). Один из основных политических и организационных недостатков нашего движения,—что мы не умеем занять все эти силы, дать всем подходящую работу (подробнее мы скажем об этом в следующей главе). Громадное большинство этих сил совершенно лишено возможности «итти к рабочим», так что об опасности отвлечь силы от нашего основного дела, не может быть и речи. А для доставления рабочим настоящего, всестороннего и живого политического знания необходимы «свои люди», социал-демократы, везде и повсюду, во всех общественных слоях, на всяких позициях, дающих возможность знать внутренние пружины нашего государственного механизма. И необходимы такие люди не только в пропагандистском и агитационном, но еще более в организационном отношении.

Есть ли почва для деятельности во всех классах населения? Кто не видит этого, тот опять-таки отстает своей сознательностью от стихийного подъема масс. Рабочее движение вызвало и продолжает вызывать недовольство в одних, надежды на поддержку оппозиции в других, сознание невозможности самодержавия и неизбежности его краха в третьих. Мы были бы только на словах «политиками» и социал-демократами (как очень и очень часто бывает в действительности), если бы не сознавали своей задачи использовать все и всякие проявления недовольства, собрать и подвергнуть обработке все крупницы хотя бы зародышевого протеста. Не говорим уже о том, что вся многомиллионная масса трудящегося крестьянства, кустарей, мелких ремесленников и проч. всегда жадно стала бы слушать проповедь сколько-нибудь умелого социал-демократа. Но разве можно указать хотя бы один класс населения, в котором не было бы людей, групп и кружков, недовольных бесправием и произволом, а потому доступных проповеди социал-демократа, как выразителя самых наболевших общедемократических нужд? А кто хочет конкретно представить себе эту политическую агитацию социал-демократа во всех классах и слоях населения, тому мы укажем на политические обличения в широком смысле этого слова, как на главное (но, разумеется, не единственное) средство этой агитации.

«Мы должны,—писал я в статье «С чего начать?» («Искра», № 4, май 1901 г.) *), о которой нам придется подробно беседовать ниже,—пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть политическим обличением. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого—отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить,—нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство... Мы в состоянии теперь и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; такой трибуной должна быть социал-демократическая газета».

Именно такой идеальной аудиторией для политических обличений является рабочий класс, которому всестороннее и живое политическое знание нужно прежде всего и больше всего; который наиболее способен претворять это знание в активную борьбу, хотя бы она никаких «осязательных результатов» и не сулила. А три-

*) См. 32—39 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

буной для всенародных обличений может быть только общерусская газета. «Без политического органа немислимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического», а Россия в этом отношении, несомненно, относится также к современной Европе. Печать давно стала уже у нас силой—иначе бы правительство не тратило десятков тысяч рублей на подкуп ее и на субсидирование разных Катковых и Мещерских. И не новость в самодержавной России, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и заставляла открыто говорить о себе легальные и консервативные органы. Так было и в 70-х и даже в 50-х годах. А во сколько раз шире и глубже теперь те народные слои, которые готовы читать нелегальную печать и учиться по ней, «как жить и как умереть», употребляя выражение рабочего, обратившегося с письмом в «Искру» (№ 7). Политические обличения являются именно таким объявлением войны правительству, как экономические обличения—объявляют войну фабриканту. И это объявление войны имеет тем большее нравственное значение, чем шире и сильнее эта обличительная кампания, чем многочисленнее и решительнее тот общественный класс, который объявляет войну, чтобы начать войну. Политические обличения являются поэтому уже сами по себе одним из могучих средств разложения враждебного строя, средств отвлечения от врага его случайных или временных союзников, средств посеять вражду и недоверие между постоянными участниками самодержавной власти.

Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая организует действительно всенародные обличения. А это слово: «всенародные» имеет очень большое содержание. Громадное большинство обличителей из рабочего класса (а чтобы стать авангардом, надо именно привлечь другие классы)—трезвые политики и хладнокровные деловые люди. Они прекрасно знают, как небезопасно «жаловаться» даже на низшего чиновника, а не то что на «всемогущее» русское правительство. И они обратятся к нам с жалобой только тогда, когда увидят, что эта жалоба действительно способна оказать действие, что мы представляем из себя политическую силу. Чтобы стать таковой в глазах посторонних лиц, надо много и упорно работать над повышением нашей сознательности, инициативности и энергии; для этого недостаточно повесить ярлык «авангард» на теорию и практику арьергарда.

Но если мы должны взять на себя организацию действительно всенародных обличений правительства, то в чем же выразится тогда

классовый характер нашего движения?—спросит и спрашивает уже нас усердный не по разуму поклонник «тесной органической связи с пролетарской борьбой».— Да вот именно в том, что организуем все эти всенародные обличия мы, социал-демократы;—в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно социал-демократическом духе, без всяких потачек умышленным и неумышленным искажениям марксизма;—в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, на-ряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных столкновений его с его эксплуататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата!

Но одной из самых характерных черт экономизма является именно непонимание этой связи—более того: этого совпадения самой насущной потребности пролетариата (всестороннее политическое воспитание посредством политической агитации и политических обличений) и потребности общедемократического движения. Непонимание выражается не только в «Мартыновских» фразах, но также и в тождественных по смыслу с этими фразами ссылках на классовую якобы точку зрения. Вот, напр., как выражаются об этом авторы «экономического» письма в № 12 «Искры» *): «Тот же основной недостаток «Искры» (переоценка идеологии) является причиной ее непоследовательности в вопросах об отношении социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок... (а не посредством «роста партийных задач, растущих вместе с партией»...) «задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма, и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел»... (и не только чувствуя, но прекрасно зная, что рабочим эта задача кажется менее трудной, чем заботящимся о малых детях. «экономическим» интеллигентам, ибо рабочие готовы драться даже за требования,

*) Недостаток места не позволил нам в «Искре» с полной обстоятельностью ответить на это крайне характерное для экономистов письмо. Мы были очень рады его появлению, ибо толки о невыдержанности классовой точки зрения в «Искре» доходили до нас уже давно и с самых различных сторон, и мы искали только удобного случая или оформленного выражения ходячего обвинения, чтобы ответить на него. А отвечать на нападения мы привыкли не защитой, а контр-нападением.

не сулящие, говоря языком незабвенного Мартынова, никаких «осязательных результатов») ... «но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции».

Да, да, мы действительно потеряли уже всякое «терпение» «ждать» того блаженного, давным-давно уже нам всякими «примирителями» обещенного, времени, когда наши экономисты перестанут сваливать свою отсталость на рабочих, оправдывать недостаток своей энергии недостатком будто бы сил у рабочих. Мы спросим наших экономистов: в чем должно состоять «накопление рабочими сил для этой борьбы»? Не очевидно ли, что в политическом воспитании рабочих, в изобличении пред ними всех сторон нашего гнусного самодержавия? И не ясно ли, что как раз для этой работы нам и нужны «союзники в рядах либералов и интеллигенции», готовые делиться с нами обличениями политического похода на земцев, учителей, статистиков, студентов и проч.? Неужели в самом деле так уже трудно понять эту удивительно «хитрую механику»? Неужели П. Б. Аксельрод не твердит уже вам с 1897 года: «Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата»? А Мартыновы и прочие экономисты все-таки продолжают представлять себе дело так, что рабочие сначала должны «экономической борьбой с хозяевами и с правительством» накопить себе силы (для трэд-юнионистской политики), а потом уже «перейти»,—должно быть, от трэд-юнионистского «воспитания активности» к социал-демократической активности!

«... В своих поисках,—продолжают экономисты,—«Искра» нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству»... «Искра» будто бы «обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не юбмолвившись о классовой розни этих слоев населения». Если читатель обратится к статьям «Самодержавие и Земство» (№ 2 и 4 «Искры» ⁶²), о которых, вероятно, говорят авторы письма, то увидит, что эти статьи ⁶³) посвящены от-

⁶²) А между этими статьями (№ 3 «Искры») была помещена статья специально о классовых антагонизмах в нашей деревне ⁶³).

ношению правительства к «мягкой агитации сословно-бюрократического земства», к «самодеятельности даже имущих классов». В статье говорится, что рабочему нельзя смотреть равнодушно на борьбу правительства против земства, и земцы приглашаются бросить мягкие речи и сказать твердое и резкое слово, когда пред правительством встанет во весь рост революционная социал-демократия. С чем несогласны тут авторы письма?—неизвестно. Думают ли они, что рабочий «не поймет» слов: «имущие классы» и «сословно-бюрократическое земство»?—что подталкивание земцев к переходу от мягких к резким словам есть «переоценка идеологии»? Воображают ли они, что рабочие могут «накопить в себе силы» для борьбы с абсолютизмом, если они не будут знать об отношении абсолютизма и к земству? Все это опять-таки остается неизвестным. Ясно только одно: что авторы очень смутно представляют себе политические задачи социал-демократии. Еще яснее это из их фразы: «Таково же» (т.-е. тоже «затемняющее классовые антагонизмы») «отношение «Искры» и к студенческому движению». Вместо призыва рабочих публичной демонстрацией заявить, что настоящим очагом насилия, бесчинства и разнузданности является не студенчество, а русское правительство (№ 2 «Искры») — мы должны были, вероятно, поместить рассуждение в духе «Раб. Мысли»! И подобные мысли высказываются социал-демократами осенью 1901 года, после февральских и мартовских событий, накануне нового студенческого подъема, обнаруживающего, что и в этой области «стихийность» протеста против самодержавия обгоняет сознательное руководство движением со стороны социал-демократии. Стихийное стремление рабочих заступиться за избиваемых полицией и казаками студентов обгоняет сознательную деятельность социал-демократической организации!

«Между тем, в других статьях,—продолжают авторы письма,—«Искра» резко осуждает всякие компромиссы и выступает, например, на защиту нетерпимого поведения гедистов». Мы советуем людям, которые так самоуверенно и так легкомысленно заявляют обыкновенно по поводу разногласий в среде современных социал-демократов, что-де эти разногласия не существенны и раскола не оправдывают,—пораздумать хорошенько над этими словами. Возможна ли успешная работа в одной организации людей, которые говорят, что в деле выяснения враждебности самодержавия самым различным классам, в деле ознакомления рабочих с оппозицией самодержавию, самых различных слоев мы сделали еще поразительно мало—и людей, которые видят в этом

деле «компромисс», очевидно, компромисс с теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»?

Мы говорили о необходимости внести классовую борьбу в деревню по поводу сорокалетия освобождения крестьян (№ 3) *) и о непримиримости самоуправления и самодержавия по поводу тайной записки Витте (№ 4); мы нападали на крепостничество землевладельцев и служащего им правительства по поводу нового закона (№ 8) **) и приветствовали нелегальный земский съезд, поощряя земцев перейти к борьбе от униженных ходатайств (№ 8); — мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой (№ 3) и в то же время бичевали «дикое непонимание», обнаруженное сторонниками «только студенческого» движения, приглашавшими студентов не участвовать в уличных демонстрациях (№ 3, по поводу воззвания Исполнительного Комитета московского студенчества от 25 февраля); — мы разоблачали «бессмысленные мечтания» и «длинное лицемерие» либеральных лукавцев газеты «Россия» (№ 5) и в то же время отмечали бешенство правительственного застенка, который «творил расправу над мирными литераторами, над старыми профессорами и учеными, над известными и либеральными земцами» (№ 5: «Полицейский набег на литературу»); мы разоблачали настоящее значение программы «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих» и приветствовали «ценное признание», что «лучше преобразованиями сверху предупредить требования таковых снизу, чем дожидаться последнего» (№ 6) ***); — мы поощряли статистиков-протестантов (№ 7) и коррижировали статистиков-штрейкбрехеров (№ 9) ⁶⁴⁾. Кто усматривает в этой тактике затемнение классового сознания пролетариата и компромисс с либерализмом, — тот тем самым обнаруживает, что он совершенно не понимает истинного значения программы «Credo» и *de facto* проводит именно эту программу, только бы он от нее ни отрезался! Потому что он тем самым тащит социал-демократию к «экономической борьбе с хозяевами и с правительством» и пасует перед либерализмом, отказываясь от задачи активно вмешиваться в каждый «либеральный» вопрос и определять свое, социал-демократическое, отношение к этому вопросу.

*) См. 28 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

**) См. 50—55 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

***) См. 45 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

е) Еще раз „клеветники“, еще раз „мистификаторы“.

Эти любезные слова принадлежат, как помнит читатель, «Раб. Делу», которое отвечает таким образом на наше обвинение его в «косвенном подготовке почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии». В простоте душевной «Раб. Дело» решило, что это обвинение есть не что иное, как полемическая выходка: порешили, дескать, эти злые догматики наговорить нам всяких неприятностей: ну, а что же может быть более неприятного, как явиться орудием буржуазной демократии? И вот печатается жирным шрифтом «опровержение»: «ничем не прикрашенная клевета» («Два съезда», стр. 30), «мистификация» (31), «маскарад» (33). Подобно Юпитеру, «Раб. Дело» (хотя оно и мало похоже на Юпитера) сердится именно потому, что оно неправо, доказывая своими торопливыми ругательствами неспособность вдуматься в ход мысли своих противников. А ведь немного надо бы подумать, чтобы понять, почему всякое преклонение пред стихийностью массового движения, всякое принижение социал-демократической политики до трэд-юнионистской есть именно подготовка почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. Стихийное рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает) только трэд-юнионизм, а трэд-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. Участие рабочего класса в политической борьбе и даже в политической революции несколько еще не делает его политики социал-демократической политикой.

Не вздумает ли отрицать это «Рабочее Дело»? Не вздумает ли оно наконец изложить перед всеми прямо и без уверток свое понимание наиболее важных вопросов международной и русской социал-демократии?— О нет, оно никогда не вздумает ничего подобного, ибо оно твердо держится того приема, который можно назвать приемом «сказываться в нетях». Я не я, лошадь не моя, я не извозчик. Мы не экономисты, «Рабочая Мысль» не экономизм, в России нет вообще экономизма. Это—замечательно ловкий и «политичный» прием, имеющий только то маленькое неудобство, что органы, его практикующие, принято называть кличкой: «чего изволите?».

«Раб. Делу» кажется, что вообще буржуазная демократия в России есть «фантом» («Два съезда», стр. 32)*). Счастливые люди!

*) Здесь же ссылка на «конкретные русские условия, фатально толкающие рабочее движение на революционный путь». Не хотят люди понять того, что революционный путь рабочего движения может еще быть и не со-

Подобно страусу, прячут они голову под крыло, и воображают, что от этого исчезает все окружающее. Ряд либеральных публицистов, ежемесячно оповещающих всех о своем торжестве по поводу распада и даже исчезновения марксизма; ряд либеральных газет («СПБ. Ведомости», «Русские Ведомости» и мн. др.), прощающих тех либералов, которые несут рабочим брентановское понимание классовой борьбы и трэд-юнионистское понимание политики;—плеяда критиков марксизма, истинные тенденции которых так хорошо раскрыло «Credo» и литературные товары которых одни только безданно-беспощинно гуляют по России;—оживление революционных *несоциал-демократических* направлений, особенно после февральских и мартовских событий;—все это, должно быть, фантом! Все это не имеет ровно никакого отношения к буржуазной демократии!

«Раб. Делу», как и авторам экономического письма в № 12 «Искры», следовало бы «пораздумать над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных *несоциал-демократических* направлений, вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократий»?—Потому, что мы оказались не на высоте задачи, активность рабочих масс оказалась выше нашей активности, у нас не нашлось на-лицо достаточно подготовленных революционных руководителей и организаторов, которые бы прекрасно знали настроение во всех оппозиционных слоях и умели встать во главе движения, превратить стихийную демонстрацию в политическую, расширить ее политический характер и т. д. При таких условиях нашей отсталостью неизбежно будут пользоваться более подвижные, более энергичные революционеры *несоциал-демократы*, и рабочие, как бы они самоотверженно и энергично ни дрались с полицией и войском, как бы они революционно ни выступали, окажутся только силой, поддерживающей этих революционеров, окажутся арьергардом буржуазной демократии, а не социал-демократическим авангардом. Возьмите германскую социал-демократию, у которой наши экономисты хотят перенять только ее слабые стороны. Отчего ни одно политическое событие в Германии не проходит без того, чтобы не повлиять на большее и большее усиление авторитета и престижа социал-демократии? Оттого, что социал-демократия всегда

циал-демократическим путем! Ведь вся западно-европейская буржуазия при абсолютизме «толкала», сознательно толкала рабочих на революционный путь. Мы же, социал-демократы, не можем удовлетвориться этим. И если мы чем бы то ни было принижаем социал-демократическую политику до стихийной, трэд-юнионистской политики, то мы именно этим и играем на-руку буржуазной демократии.

оказывается впереди всех в наиболее революционной оценке этого события, в защите всякого протеста против произвола. Она не убаюкивает себя рассуждениями, что экономическая борьба натолкнет рабочих на вопрос об их бесправии и что конкретные условия фатально толкают рабочее движение на революционный путь. Она вмешивается во все области и все вопросы общественной и политической жизни: и в вопрос о неутверждении Вильгельмом городского головы из буржуазных прогрессистов (немцев еще не успели просветить наши экономисты, что это есть, в сущности, компромисс с либерализмом!), и в вопрос об издании закона против «безнравственных» сочинений и изображений, и в вопрос о правительственном влиянии на выбор профессоров и проч. и т. под. Везде они оказываются впереди всех, возбуждая политическое недовольство во всех классах, расталкивая сонных, подтягивая отсталых, давая всесторонний материал для развития политического сознания и политической активности пролетариата. И в результате получается то, что к передовому политическому борцу проникаются уважением даже сознательные враги социализма, и нередко важный документ не только из буржуазных, но даже и бюрократических и придворных сфер каким-то чудом попадает в редакционный кабинет «Vorwärts'a».

Вот где лежит разгадка того кажущегося «противоречия», которое до такой степени превосходит меру понимания «Рабочего Дела», что оно только воздевает руки горе и кричит: «маскарад»! Представьте себе в самом деле: мы, «Рабочее Дело», ставим во главу угла массовое рабочее движение (и печатаем это жирным шрифтом!), мы предостерегаем всех и каждого от уменьшения значения стихийного элемента, мы хотим придать самой, самой, самой экономической борьбе политический характер, мы хотим остаться в тесной и органической связи с пролетарской борьбой! А нам говорят, что мы подготовляем почву для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. И кто говорит это? Люди, которые вступают в «компромисс» с либерализмом, вмешиваясь в каждый «либеральный» вопрос (какое непонимание «органической связи с пролетарской борьбой»!), обращая так много внимания и на студентов и даже (о ужас!) на земцев! Люди, которые вообще хотят уделять больший (по сравнению с экономистами) процент своих сил на деятельность среди непролетарских классов населения! Это ли не «маскарад»??

Бедное «Рабочее Дело»! Додумается ли оно когда-нибудь до разгадки этой хитрой механики?

IV.

Кустарничество экономистов и организация революционеров.

Разобранные нами выше утверждения «Раб. Дела», что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство политической агитации, что наша задача теперь—придать самой экономической борьбе политический характер и т. п., выражают собою узкое понимание не только наших политических, но и наших организационных задач. Для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» совершенно не нужна,—а потому на такой борьбе не может и выработаться,—общерусская централизованная организация, объединяющая в один общий натиск все и всяческие проявления политической оппозиции, протеста и возмущения, организация, состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа. Да это и понятно. Характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения. Поэтому «Раб. Дело» своими вышеразобранными утверждениями освящает и узаконяет не только узость политической деятельности, но и узость организационной работы. И в этом случае, как и всегда, оно является органом, сознательность которого пасует пред стихийностью. А между тем преклонение пред стихийно складывающимися формами организации, отсутствие сознания того, насколько узка и примитивна наша организационная работа, какие еще мы «кустари» в этой важной области, отсутствие этого сознания, говорю я, представляет собою настоящую болезнь нашего движения. Это не болезнь упадка, а болезнь роста, само собою разумеется. Но именно теперь, когда волна стихийного возмущения захлестывает, можно сказать, нас, как руководителей и организаторов движения, особенно необходима самая непримиримая борьба про-

тив всякой защиты отсталости, против всякого узаконения узости в этом деле, особенно необходимо пробудить в каждом, кто участвует в практической работе или только собирается взяться за нее, недовольство господствующим у нас кустарничеством и непреклонную решимость избавиться от него.

а) Что такое кустарничество?

Попробуем ответить на этот вопрос маленькой картинкой деятельности типичного социал-демократического кружка 1894—1901 годов. Мы уже указывали на повальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого периода. Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: «что делать?», как к призыву идти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок разворачивает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние комитета (или союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос: «куда идти?», которые заводили и поддерживали сношения с рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят наконец к открытым военным действиям (при чем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый же агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация). И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собою немед-

ленно полный провал. Немедленно и полный именно потому, что эти военные действия явились не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы; потому что полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «зарекомендовавших» себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться, чтобы иметь осязательный *corpus delicti* *), и нарочно оставляя всегда нескольких известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом, и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаяк крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся. Правда, с исторической точки зрения, примитивность снаряжения была не только неизбежна вначале, но даже законна, как одно из условий широкого привлечения ратников. Но как только начались серьезные военные действия (а они начались уже, в сущности, с летних стачек 1896 года),—недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать. Опешив на первых порах и наделав ряд ошибок (вроде обращения к обществу с описанием злодейств социалистов или ссылки рабочих из столиц в промышленные центры провинции), правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело поставить на надлежащие места свои, вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов. Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий. Дело дошло до того, что в некоторых местах рабочие в силу недостатка у нас поддержки и конспиративности проникаются недоверием к интелли-

*) Состав преступления. Ред.

генции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам!

Что это кустарничество стало наконец ощущаться всеми мыслящими социал-демократами, как болезнь,—это знает каждый, сколько-нибудь знакомый с движением. А чтобы читатель незнакомый с ним не подумал, что мы «конструируем» искусственно особую стадию или особую болезнь движения, мы сошлемся на упомянутого уже раз свидетеля. Пусть не посетуют на нас за длинную выписку.

«Если постепенный переход к более широкой практической деятельности,—пишет Б—в 65) в № 6 «Раб. Дела»,—переход, находящийся в зависимости от общего переходного времени, переживаемого русским рабочим движением, является характерной чертой... то есть еще другая не менее интересная черта в общем механизме русской рабочей революции. Мы говорим о том общем недостатке годных к действию революционных сил *), который ощущается не только в Петербурге, но и во всей России. С общим оживлением рабочего движения, с общим развитием рабочей массы, с все учащающимися случаями стачек, с все более открытой массовой борьбой рабочих, усиливающей правительственные преследования, аресты, ссылку и высылку, этот недостаток в качественно высоких революционных силах становится все заметнее и, несомненно, остается не без влияния на глубину и общий характер движения. Многие стачки проходят без сильного и непосредственного воздействия революционных организаций... чувствуется недостаток в агитационных листовках и нелегальной литературе... рабочие кружки остаются без агитаторов... Рядом с этим замечается постоянная нужда в денежных средствах. Словом, рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций. Наличный состав действующих революционеров оказывается слишком незначительным, чтобы сосредоточить в своих руках влияние на всю волнуемую рабочую массу, чтобы придать всем волнениям хотя бы оттенок стройности и организованности... Отдельные кружки, отдельные революционеры не собраны, не объединены, не составляют единой, сильной и дисциплинированной организации с планомерно развитыми частями...» И, оговорившись, что немедленное появление новых кружков на место разбитых, «доказывает только жизненность движения,... но не показывает еще наличность достаточного количества вполне пригодных революционных деятелей», автор заключает: «Практическая неподготовленность петербургских революционеров сказывается и в результатах их работы. Последние процессы, особенно групп «Самоосвобождение» и «Борьба труда с капиталом», ясно показали, что молодой агитатор, незнакомый детально с условиями труда, а следовательно, и агитацион-

*) Курсив везде наш.

на данном заводе, не знающий принципов, конспирации и усвоивший (усвоивший ли?) «только общие взгляды социал-демократии, может проработать каких-нибудь 4, 5, 6 месяцев. Затем наступает арест, часто влекущий за собой разгром всей организации или по крайней мере части ее. Спрашивается, возможна ли успешная и плодотворная деятельность группы, если время существования этой группы определяется месяцами? Очевидно, недостатки существующих организаций нельзя целиком относить насчет переходного времени... очевидно, количественный и, главное, качественный состав действующих организаций играет здесь немаловажную роль, и первой задачей наших социал-демократов... должно быть реальное объединение организаций при строгом выборе членов».

б) Кустарничество и экономизм.

Мы должны теперь остановиться на вопросе, который наверное напрашивается уже у всякого читателя. Можно ли ставить в связь это кустарничество, как болезнь роста, свойственную всему движению, с экономизмом, как с одним из течений в русской социал-демократии? Мы думаем, что да. Практическая неподготовленность, неумелость организационной работы обща действительно всем нам, в том числе и тем, кто с самого начала неуклонно стоял на точке зрения революционного марксизма. И за неподготовленность самое по себе никто не мог бы, конечно, и винить практиков. Но кроме неподготовленности в понятие «кустарничества» входит еще нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец—и это главное—попытки оправдать эту узость и возвести в особую «теорию», т.-е. преклонение пред стихийностью и в этой области. Раз только обнаружились такие попытки,—стало уже несомненным, что кустарничество связано с экономизмом, и что мы не избавимся от узости нашей организационной деятельности, не избавившись от экономизма вообще (т.-е. узкого понимания и теории марксизма, и роли социал-демократии, и политических задач ее). А попытки эти обнаружились в двояком направлении. Одни стали говорить: рабочая масса не выдвинула еще сама таких широких и боевых политических задач, которые ей «навязывают» революционеры, она должна еще бороться за ближайшие политические требования, вести экономическую борьбу с хозяевами и с правительством *) (а этой «доступной» массовому движению борьбе естественно соответствует и «доступная» даже самой неподготовленной молодежи органи-

*) «Раб. Мысль» и «Раб. Дело», особ. «Ответ» Плеханову.

зация). Другие, далекие от всякой «постепенщины», стали говорить: возможно и должно «совершить политическую революцию», но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров, воспитывающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы все схватились за «доступную» и знакомую уже дубину. Говоря без аллегорий— чтобы мы устроили всеобщую стачку *); или чтобы мы возбудили «вялый» ход рабочего движения посредством «эксцитативного террора **). Оба эти направления, и оппортунисты и «революционисты», пасуют пред господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоящей практической задачи: создать организацию революционеров, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы.

Мы сейчас привели слова Б—ва: «рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций». Это «ценное сообщение близкого наблюдателя» (отзыв редакции «Рабочего Дела» о статье Б—ва) имеет для нас двойную ценность. Оно показывает, что мы были правы, усматривая основную причину современного кризиса в русской социал-демократии в отсталости руководителей («идеслогов», революционеров, социал-демократов) от стихийного подъема масс. Оно показывает, что именно прославлением и защитой кустарничества являются все эти рассуждения авторов экономического письма (в № 12 «Искры»), Б. Кричевского и Мартынова об опасности преуменьшать значение стихийного элемента, серой текущей борьбы, о тактике-процессе и проч. Эти люди, которые без пренебрежительной гримасы не могут произносить слово: «теоретик», которые называют «чутьем к жизни» свое коленопреклонение пред житейской неподготовленностью, неразвитостью, обнаруживают на деле непонимание самых настоятельных наших практических задач. Людям отставшим кричат: идите в ногу! не опережайте! Людям, страдающим от недостатка энергии и инициативы в организационной работе, от недостатка «планов» широкой и смелой постановки дела, кричат о «тактике-процессе»! Основной наш грех состоит в принижении наших политических и организационных задач до ближайших, «осязательных», «конкретных» интересов текущей экономической борьбы,—а нам продолжают на-

*) Брошюра: «Кто совершит политическую революцию?»—в изданном в России сборнике: «Пролетарская борьба». Была также переиздана Киевским комитетом.

**) «Возрождение революционизма» и «Свобода».

певать: самой экономической борьбе надо придать политический характер! Еще раз: это буквально такое же «чутье к жизни», которое обнаруживал герой народного эпоса, кричавший: «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии.

Вспомните, с каким несравненным, поистине «Нарцисовским» высокомерием поучали эти мудрецы Плеханова: «рабочим кружкам вообще (sic!) недоступны политические задачи в действительном, практическом смысле этого слова, т.-е. в смысле целесообразной и успешной практической борьбы за политические требования» (Ответ ред. «Раб. Дела», стр. 24). Есть кружки и кружки, господа! Кружку «кустарей», конечно, недоступны политические задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились от него. Если же эти кустари кроме того влюблены в свое кустарничество, если они пишут слово «практический» непременно курсивом и воображают, что практичность требует принижения своих задач до уровня понимания самых отсталых слоев массы,—то тогда, разумеется, эти кустари безнадежны, и им, действительно, вообще недоступны политические задачи. Но кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса. Плеханов был тысячу раз прав, когда он не только указал этот революционный класс, не только доказал неизбежность и неминуемость его стихийного пробуждения, но и поставил даже перед «рабочими кружками» высокую и великую политическую задачу. А вы ссылаетесь на возникшее с тех пор массовое движение для того, чтобы принизить эту задачу,—для того, чтобы сузить энергию и размах деятельности «рабочих кружков». Что это такое, как не влюбленность кустаря в свое кустарничество? Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомого всякому русскому практику факта, какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности. Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы подготовляемся, будем подготовляться и подготовимся! Правда, на стоячей воде «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» образовалась у нас, к несчастью, плесень, появились люди, которые становятся на колени и молятся на

стихийность, благоговейно созерцая (по выражению Плеханова) «заднюю» русского пролетариата. Но мы сумеем избавиться от этой плесени. Именно теперь русский революционер, руководимый истинно-революционной теорией, опираясь на истинно-революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец—**наконец!**—выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы. Для этого нужно только, чтобы среди массы практиков, среди еще большей массы людей, мечтающих о практической работе уже со школьной скамьи, всякое попятное принизить наши политические задачи и размах нашей организационной работы встречало насмешку и презрение. И мы добьемся этого, будьте спокойны, господа!..

В статье «С чего начать?» я писал против «Рабочего Дела»: «В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно, боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев» *). «Рабочее Дело» отвечает: «Это единственное из претендующих на фактический характер обвинение «Искры» ни на чем не основано. Читатели «Рабочего Дела» хорошо знают, что мы с самого начала не только звали к политической агитации, не дожидаясь появления «Искры»... (говоря при этом, что не только рабочим кружкам, «но и массовому рабочему движению невозможно ставить первой политической задачей—низвержение абсолютизма», а только борьбу за ближайшие политические требования, и что «ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной, или, в крайнем случае, нескольких стачек»)... «а и своими изданиями доставляли из-за границы действующим в России товарищам единственный социал-демократический политически-агитационный материал»... (при чем вы в этом единственном материале не только применяли наиболее широко политическую агитацию лишь на почве экономической борьбы, но и додумались, наконец, до того, что эта суженная агитация «наиболее широко применима». И вы не замечаете, господа, что ваша аргументация доказывает именно необходимость появления «Искры»—при такого рода единственном материале—и необходимость борьбы «Искры» с «Рабочим Делом?»)... «С другой стороны, наша издательская деятельность на деле подготовляла тактическое единство партии»... (единство убеждений в том, что так-

*) См. 33 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

тика есть процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией? Ценное единство!)... «и тем самым возможность «боевой организации», для создания которой Союз делал вообще все доступное для заграничной организации» («Рабочее Дело», № 10, стр. 15). Напрасная попытка извернуться! Что вы делали все для вас доступное, этого я никогда и не думал отрицать. Я утверждал и утверждаю, что пределы «доступного» вам суживаются близорукостью нашего понимания. Смешно и говорить о «боевой организации» для борьбы за «ближайшие политические требования» или для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством».

Но если читатель хочет видеть перлы «экономической» влюбленности в кустарничество, то он, разумеется, должен обратиться от эклектического и неустойчивого «Раб. Дела» к последовательной и решительной «Раб. Мысли». «Теперь два слова о собственно так называемой революционной интеллигенции,—писал Р. М. в «Отдельном Приложении», стр. 13,—она, правда, не раз показала на деле свою полную готовность «вступить в решительную схватку с царизмом». Вся беда только в том, что, беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимала борьбу с этой политической полицией за политическую борьбу с самодержавием. Поэтому-то для нее до сих пор и остается невыясненным вопрос, «откуда взять силы для борьбы с самодержавием?»

Неправда ли, как бесподобно, это великолепное пренебрежение к борьбе с полицией со стороны поклонника (в худом смысле поклонника) стихийного движения? Нашу конспиративную неумелость он готов оправдать тем, что нам, при стихийном массовом движении, и не важна, в сущности, борьба с политической полицией!! Под этим чудовищным выводом подпишутся очень и очень немногие: до такой степени наболел у всех вопрос о недостатках наших революционных организаций. Но если под ним не подпишется, например, Мартынов, то только потому, что он не умеет или не имеет смелости додумывать до конца своих положений. В самом деле, разве такая «задача», как выставление массой конкретных требований, сулящих осязательные результаты, требует особенной заботливости о создании прочной, централизованной, боевой организации революционеров? Разве эту «задачу» не выполняет и такая масса, которая вовсе не «борется с политической полицией»? Больше того: разве эта задача была бы выполнима, если бы кроме немногих руководителей за нее не брались также (в громадном большинстве) такие рабочие, которые

вовсе неспособны «бороться с политической полицией»? Такие рабочие, средние люди массы, способны проявить гигантскую энергию и самоотвержение в стачке, в уличной борьбе с полицией и войском, способны (и одни только могут) решить исход всего нашего движения,—но именно борьба с политической полицией требует особых качеств, требует революционеров по профессии. И мы должны заботиться не только о том, чтобы масса «выставляла» конкретные требования, но и о том, чтобы масса рабочих «выставляла» все в большем числе таких революционеров по профессии. Мы подошли таким образом к вопросу о соотношении между организацией профессиональных революционеров и чисто-рабочим движением. Мало отразившийся в литературе, этот вопрос много занимал нас, «политиков», в разговорах и спорах с более или менее тяготеющими к экономизму товарищами. На нем стоит особо остановиться. Но сначала закончим еще одной цитатой иллюстрацию нашего положения о связи кустарничества с экономизмом.

Группа «Осв. Труда»,—писал г. N. N.⁶⁶⁾ в своем «Ответе»,—требует прямой борьбы с правительством, не взвесив, где материальная сила для этой борьбы, не указав, где пути для нее». И, подчеркнув последние слова, автор делает к слову «пути» такое примечание: «Это обстоятельство не может быть объяснено конспиративными целями, так как в программе речь идет не о заговоре, а о массовом движении. Масса же не может идти тайными путями. Разве возможна тайная стачка? Разве возможна тайная манифестация и петиция?» («Vademecum», стр. 59). Автор вплотную подошел и к этой «материальной силе» (устроители стачек и манифестаций) и к «путям» для борьбы, но оказался все-таки в растерянном недоумении, ибо он «преклоняется» пред массовым движением, т. е. смотрит на него как на нечто, избавляющее нас от нашей, революционной активности, а не как на нечто, долженствующее ободрять и подталкивать нашу революционную активность. Тайная стачка невозможна—для участников ее и непосредственно соприкасающихся с ней лиц. Но для массы русских рабочих эта стачка может остаться (и большей частью остается) «тайной», ибо правительство позаботится отрезать всякое сношение с стачечниками, позаботится сделать невозможным всякое распространение сведений о стачке. Вот тут уже нужна специальная «борьба с политической полицией», борьба, которую никогда не сможет активно вести столь же широкая масса, какая участвует в стачках. Эту борьбу должны организовать «по всем правилам искусства» люди, про-

фессионально занятые революционной деятельностью. Организация этой борьбы не стала менее нужной оттого, что в движение стихийно втягивается масса. Напротив, от этого организация становится более нужной, ибо мы, социалисты, не исполнили бы своих прямых обязанностей перед массой, если бы не сумели помешать полиции делать тайной (а иногда и сами не подготавливали тайно) всякую стачку и всякую манифестацию. Суметь же это мы в состоянии именно потому, что стихийно пробуждающаяся масса будет выдвигать также из своей среды все большее и большее число «революционеров по профессии» (если мы не вздумаем на всякие лады приглашать рабочих топтаться на одном месте).

в) Организация рабочих и организация революционеров.

Если понятие политической борьбы для социал-демократа покрывается понятием «экономической борьбы с хозяевами и правительством», то естественно ожидать, что понятие «организация революционеров» будет для него более или менее покрываться понятием: «организация рабочих». И это действительно случается, так что, разговаривая об организации, мы оказываемся буквально говорящими на разных языках. Как сейчас помню, например, разговор с одним довольно последовательным экономистом, которого мне не доводилось знать раньше. Речь зашла о брошюре: «Кто совершит политическую революцию?» и мы быстро сошлись на том, что ее основной недостаток—игнорирование вопроса об организации. Мы воображали уже, что мы солидарны друг с другом—но... разговор идет дальше, и оказывается, что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных касс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для «совершения» политической революции. И, как только обнаружилось это разногласие,—я не запомню уже, чтобы мне приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим экономистом!

В чем же состоял источник наших разногласий? Да именно в том, что экономисты постоянно сбиваются с социал-демократизма на тред-юнионизм и в организационных, как и в политических, задачах. Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно так же (и вследствие этого) организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна

быть иного рода, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации революционеров, имея в виду революционеров-социал-демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной. Остановимся на этом трояком различии.

В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие тред-юнионов и социал-демократии. Отношения последней к первым неизбежно видоизменяются, конечно, в разных странах смотря по историческим, юридическим и другим условиям,—они могут быть более или менее тесными, сложными и проч. (они должны быть, с нашей точки зрения, возможно более тесными и возможно менее сложными), но о совпадении организации профессиональных союзов с организацией социал-демократической партии в свободных странах нет и речи. В России же гнет самодержавия стирает, на первый взгляд, всякое различие между социал-демократической организацией и рабочим союзом, ибо всякие рабочие союзы и всякие кружки запрещены, ибо главное проявление и сродне экономической борьбы рабочих—стачка—является вообще уголовным (а иногда даже политическим!) проступком. Таким образом наши условия, с одной стороны, очень «наталкивают» ведущих экономическую борьбу рабочих на политические вопросы, а, с другой стороны, «наталкивают» социал-демократов на смешение тред-юнионизма и социал-демократизма (и наши Кричевские, Маргитыновы и К^о, усердно толкуя о «наталкивании» первого рода, не замечают «наталкивания» второго рода). В самом деле, представьте себе людей, на 99 сотых поглощенных «экономической борьбой с хозяевами и правительством». Одни из них в течение всего периода их деятельности (4—6 мес.) ни разу не натолкнутся на вопрос о необходимости более сложной организации революционеров; другие «натолкнутся», пожалуй, на сравнительно распространенную бернштейнианскую литературу, из ко-

торой почерпнут убеждение в сугубой важности «поступательного хода серой текущей борьбы». Третьи, наконец, увлекутся, может быть, соблазнительной идеей явить миру новый образец «тесной и органической связи с пролетарской борьбой», связи профессионального и социал-демократического движения. Чем позже выступает страна на арену капитализма, а следовательно, и рабочего движения,—могут рассуждать такие люди,—тем больше могут социалисты принимать участия в профессиональном движении и оказывать ему поддержку; тем меньше может и должно быть несоциал-демократических профессиональных союзов. До сих пор такое рассуждение вполне правильно, но беда в том, что идут еще дальше и мечтают о полном слиянии социал-демократизма и трэд-юнионизма. Мы сейчас увидим на примере устаканенного СПБ. Союза Борьбы, как вредно отражаются эти мечты на наших организационных планах.

Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ-рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень широкими организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым, сознательным воздействием на товарищей социалистических членов союза. Но при широком составе организации невозможна строгая конспирация (требующая гораздо большей подготовки, чем необходимо для участия в экономической борьбе). Как примирить это противоречие между необходимостью широкого состава и строгой конспирации? Как достигнуть того, чтобы цеховые организации были возможно менее конспиративны? Для этого может быть, вообще говоря, только два пути: либо легализация цеховых союзов (в некоторых странах предшествовавшая легализации социалистических и политических союзов), либо сохранение организации тайной, но настолько «свободной», мало-оформленной, loose, как говорят

немцы, чтобы конспирация для массы членов сводилась почти к нулю.

Легализация не-социалистических и не-политических рабочих союзов в России уже началась, и не может подлежать никакому сомнению, что каждый шаг нашего быстро растущего социал-демократического рабочего движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации,—попытки, исходящие главным образом от сторонников существующего строя, но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции. Знамя легализации уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содействие ей уже обещано и дано г.г. Озеровыми и Вормсами ⁶⁷⁾, среди рабочих есть уже последователи нового течения. И мы не можем отныне не считаться с этим течением. Как считаться,—об этом среди социал-демократов вряд ли может быть два мнения. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут прескальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих,—все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться начальству, или наконец просто по нелозкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той лозушки, которую им ставит зачастую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаюсь чрез посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные.

Но делать все это—вовсе не значит забывать о том, что в конце концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым. Напротив, как раз своей обличительной кампанией мы и отделяем плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это—привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это—освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.), и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации. В этом смысле мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого провокаторства или в смысле «честного» развращения рабочих «струвизмом») —мы уже позаботимся о вашем разоблачении. Посколь-

ку вы делаете действительный шаг вперед,—хотя бы в форме самого «робкого зигзага», но шаг вперед,—мы скажем: сделайте одолжение! Действительным шагом вперед может быть только действительное, хотя бы миниатюрное, расширение простора для рабочих. А всякое такое расширение послужит на пользу нам и ускорит появление таких легальных юществ, в которых не провокаторы будут ловить социалистов, а социалисты будут ловить себе адептов. Одним словом, наше дело теперь бороться с плевелами. Не наше дело растить в комнатных горшках пшеницу. Вырывая плевелы, мы тем самым очищаем почву для возможного прорастания семян пшеницы. И покуда Афанасии Ивановичи с Пульхериями Ивановнами занимаются комнатным растениеводством, мы должны готовить жнецов, которые сумели бы и косить сегодняшние плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу *).

Итак, посредством легализации решать вопрос о создании возможно менее инспирированной и возможно более широкой профессиональной организации мы не можем (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли нам хотя частичную возможность такого решения,—для чего нам следует как можно энергичнее воевать с ними!). Остается путь тайных профессиональных организаций, и мы должны оказать всяческое содействие рабочим, которые уже вступают (как нам доподлинно известно) на этот путь. Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации. Для того, чтобы достигнуть этого результата, для того, чтобы направить начинающееся профессиональное движение в желательное для социал-демократии русло,—необходимо прежде всего ясно представить себе нелепость того плана организации, с которым вот уже почти пять лет носятся петербургские экономисты. План этот изложен и в «Уставе рабочей кассы» июля 1897 года («Лист. Раб.»,

*) Борьба «Искры» с плевелами вызвала со стороны «Рабочего Дела» такую сердитую выходку: «Для «Искры» же знамением времени служат не столько эти крупные события (весенние), как жалкие попытки Зубатовских агентов «легализировать» рабочее движение. Она не видит, что эти факты именно и говорят против нее; они-то и свидетельствуют о том, что рабочее движение приняло очень угрожающие размеры в глазах правительства» («Два съезда», стр. 27). Виною всему—«догматизм» этих «глухих к властным велениям жизни» ортодоксов. Упорно не хотят видеть аршинной пшеницы и воюют с вершковыми плевелами! Это ли не «извращенное чувство перспективы по отношению к русскому рабочему движению» (там же, стр. 27)?

№ 9—10, стр. 46,—из № 1 «Раб. Мысли») и в «Уставе союзной рабочей организации» октября 1900 года (особый листок, печатанный в С.-Петербурге и упомянутый в № 1 «Искры»). Основным недостатком обоих уставов—детальное оформление широкой рабочей организации и смешение с этой последней организации революционеров. Возьмем второй устав, как более разработанный. Корпус его состоит из пятидесяти двух параграфов: 23 §§ излагают устройство, порядок ведения дел и пределы ведомства «рабочих кружков», устраиваемых на каждой фабрике («не более 10 человек») и выбирающих «центральные (фабричные) группы». «Центральная группа—гласит § 2—следит за всем, что происходит на ее фабрике или заводе и ведет хронику событий на нем». «Центральная группа ежемесячно дает отчет всем плательщикам о состоянии кассы» (§ 17) и т. п. 10 §§ посвящены «районной организации» и 19—крайне сложному сплетению «Комитета рабочей организации» и «Комитета СПБ. Союза Борьбы» (выборные от каждого района и от «исполнительных групп»—«групп пропагандистов, для сношения с провинцией, для сношения с заграницей, для заведывания складами, издательской, кассовой»).

Социал-демократия=«исполнительные группы» по отношению к экономической борьбе рабочих! Трудно было бы рельефнее продемонстрировать, как сбивается мысль экономиста с социал-демократизма на тред-юнионизм, как чуждо ему всякое представление о том, что социал-демократ должен прежде всего думать об организации революционеров, способных руководить всей освободительной борьбой пролетариата. Говорить о «политическом освобождении рабочего класса», о борьбе с «царским произволом»—и писать такие уставы организации значит не иметь ровно никакого понятия о настоящих политических задачах социал-демократии. Ни единый из полусотни параграфов не обнаруживает и проблеска понимания того, что необходима самая широкая политическая агитация в массах, освещающая все стороны русского абсолютизма, весь облик разных общественных классов в России. Да и не только политические, даже тред-юнионистские цели неосуществимы при таком уставе, ибо они требуют организации по профессиям, о которой вовсе и не упоминается.

Но едва ли не всего более характерна паразитская тяжеловесность всей этой «системы», пытающейся связать каждую отдельную фабрику с «комитетом» постоянной нитью единообразных и до смешного мелочных правил, при трехстепенной системе выборов. Сдавленная узким кругозором экономизма, мысль ударяется здесь в детали, от которых так и отдает волокитой и кан-

целярщиной. На деле, конечно, три четверти всех этих параграфов никогда не применяются, но зато жандармам такая «конспиративная» организация с центральной группой на каждой фабрике облегчает устройство неимоверно широких провалов. Польские товарищи пережили уже такую полосу движения, когда все увлеклись широким основанием рабочих касс, но они очень скоро отказались от этой мысли, убедившись, что доставляют только обильную жатву жандармам. Если мы хотим широких рабочих организаций и не хотим широких провалов, не хотим доставлять удовольствия жандармам, то мы должны стремиться к тому, чтобы эти организации были совершенно не оформлены.—Возможно ли будет тогда функционирование их?—А вот посмотрите на эти функции: «...следить за всем, что происходит на фабрике и вести хронику событий на ней» (§ 2 устава). Неужели это непременно нужно оформливать? Неужели это не может быть еще лучше достигнуто корреспонденциями в нелегальные газеты без всякого образования для этого особых групп? «...Руководить борьбой рабочих за улучшение их положения на заводе» (§ 3 устава). Опять не к чему оформливать. Какие требования хотят выдвинуть рабочие, это всякий мало-мальски толковый агитатор выведает досконально из простой беседы, а, выведав, сумеет передать в узкую уже, а не широкую, организацию революционеров для доставки соответствующего листка. «...Организовать кассу... со взносом по 2 коп. с рубля» (§ 9)—и затем ежемесячно давать всем отчет о кассе (§ 17), исключать не платящих членов (§ 10) и т. п. Вот это для полиции прямо рай, потому что ничего нет легче проникнуть во всю эту конспирацию «центральной фабричной кассы» и деньги конфисковать и всех лучших людей убрать. Не проще ли пускать копеечные или двухкопеечные марки со штемпелем известной (очень узкой и очень конспиративной) организации, или без всяких марок делать сборы, отчеты по которым печатает, с известным условным паролем, нелегальная газета? Цель будет достигнута та же, а жандармы во сто раз труднее доберутся тогда до нитей.

Я мог бы продолжать свой примерный разбор устава, но думаю, что и сказанного довольно. Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное, по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров, вполне сможет выполнить, при самом широком содействии массы и без всякого оформления, все функции, которые лежат на профессиональной организации, и кроме того выполнить именно так, как

это желательно для социал-демократии. Только таким путем и можно достигнуть упрочения и развития, вопреки всем жандармам, социал-демократического профессионального движения.

Мне возразят: организация, до такой степени lose, что она и вовсе не оформлена, что в ней и членов-то даже, заведомых и зарегистрированных, никаких нет, не может быть и названа организацией.—Может быть. Я за названием не гонюсь. Но все, что нужно, эта «организация без членов» сделает и обеспечит с самого начала прочную связь наших будущих трэд-юнионов с социализмом. А кто хочет широкой организации рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме,—тот просто неисправимый утопист.

Мораль отсюда простая: если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социал-демократические и собственно трэд-юнионистские цели. Если же мы начнем с наиболее якобы «доступной» массе (а на деле с наиболее доступной жандармам и делающей революционеров наиболее доступными полиции) широкой рабочей организации, то мы ни тех, ни других целей не осуществим, от кустарничества не избавимся и своей раздробленностью, своей вечной разгромленностью будем только делать наиболее доступными массе трэд-юнионы зубатовского или озеровского типа.

В чем же собственно должны состоять функции этой организации революционеров?—Об этом мы сейчас подробно побеседуем. Но сначала разберем еще одно весьма типичное рассуждение нашего террориста, который опять-таки оказывается (печальная его судьба!) в ближайшем соседстве с экономистом. В журнале для рабочих «Свобода» (№ 1) есть статья: «Организация», автор которой хочет защитить своих знакомых, иваново-вознесенских рабочих-экономистов.

«Плохо,—пишет он,—когда толпа безмолвна, бессознательна, когда движение идет не с низов. Вот посмотрите: студенты из университетского города разъезжаются на праздники или на лето по домам—и рабочее движение приостанавливается. Разве такое рабочее движение, подталкиваемое со стороны, может быть действительной силой? Куда там... Оно еще не выучилось ходить своими ногами, и его водят на помочах. И так во всем: студенты разъехались—остановка; выхватили наиболее способных из сливок—молоко закисло; арестовали «комитет»—пока-то устроится новый, опять затишье; да неизвестно еще, какой устроится—может быть совсем непохожий на прежний: тот говорил одно, а этот

скажет обратное. Связь между вчерашним и завтрашним днем теряется, опыт прошлого не в поученье будущему. И все оттого, что нет корней в глубине, в толпе, работает не сотня дураков, а десяток умников. Десяток всегда можно выловить щучьим хайлом, но, раз организация охватывает толпу, все идет от толпы,—ничье усердие не в состоянии погубить дела» (63 стр.).

Факты описаны верно. Картинка нашего кустарничества недурная. Но выводы—достойные «Рабочей Мысли» и по их неразумности, и по их политической бестактности. Это—верх неразумия, ибо автор смешивает философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом о лучшей борьбе с жандармами. Это—верх политической бестактности, ибо вместо того, чтобы апеллировать от плохих руководителей к хорошим руководителям, автор апеллирует от руководителей вообще к «толпе». Это—такая же попытка тащить нас назад в организационном отношении, как в политическом отношении тащит назад мысль о замене политической агитации эксцитативным террором. Я, право, испытываю настоящий *embarras de richesses* *), не зная, с чего начать разбор преподносимой нам «Свободою» путаницы. Попробую начать, для наглядности, с примера. Возьмите немцев. Надеюсь, вы не станете отрицать, что у них организация охватывает толпу, все идет от толпы, рабочее движение научилось ходить своими ногами? А между тем как умеет эта миллионная толпа ценить «десяток» своих испытанных политических вождей, как крепко держится она за них! В парламенте бывало не раз, что депутаты враждебных партий дразнили социалистов: «хороши демократы! на словах только у вас движение рабочего класса,—а на деле выступает все та же компания вожаков. Все тот же Бебель, все тот же Либкнехт из года в год, из десятилетия в десятилетие. Да ваши якобы-выборные делегаты от рабочих более несменяемы, чем назначаемые императором чиновники!». Но немцы встречали только презрительной усмешкой эти демагогические попытки противопоставить «вожакам» «толпу», разжечь в последней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движения его прочность и его устойчивость посредством подрыва доверия массы к «десятку умников». У немцев достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта, чтобы понимать, что без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в совре-

*) Затруднение от избытка. Ред.

менном обществе стойкая борьба ни одного класса. Немцы выдвигали и в своей среде демагогов, которые льстили «сотням дураков», превознося их над «десятками умников», льстили «мускулистому кулаку» массы, возбуждая ее (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно «революционные» действия и посеявая недоверие к выдержанным и стойким вождям. И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбе со всеми и всяческими демагогическими элементами внутри социализма так вырос и окреп немецкий социализм. А наши мудрецы в такой период, когда весь кризис русской социал-демократии объясняется тем, что у стихийно пробужденных масс не оказывается налицо достаточно подготовленных, развитых и опытных руководителей, вещают с глобокомыслием Иванушки: «плохо, когда движение идет не с низов»!

«Комитет из студентов не годится, он неустойчив». — Совершенно справедливо. Но отсюда вывод тот, что нужен комитет из профессиональных революционеров, все равно, студент ли или рабочий сумеет выработать из себя профессионального революционера. А вы делаете вывод тот, что не след подталкивать рабочее движение со стороны! По своей политической наивности, вы и не замечаете, что играете этим на-руку нашим экономистам и нашему кустарничеству. В чем это выражалось, позвольте спросить, «подталкивание» наших рабочих нашими студентами? Единственно в том, что студент нес рабочему те обрывки политического знания, которые у него были, те крохи социалистических идей, которые ему перепали (ибо главная умственная пища современного студента, легальный марксизм, и не мог дать ничего кроме азбуки, кроме крох). Этакое-то «подталкивание со стороны» не слишком много, а, наоборот, слишком мало, безбожно и бессовестно мало было в нашем движении, ибо мы чересчур усердно варились в собственном соку, чересчур рабски преклонялись пред элементарной «экономической борьбой рабочих с хозяевами и с правительством». Этаким-то «подталкиванием» во сто раз больше должны заниматься и будем заниматься мы, революционеры по профессии. Но именно тем, что вы выбираете такое гнусное слово, как «подталкивание со стороны», которое неизбежно вызывает у рабочего (по крайней мере, у рабочего, столь же неразвитого, как неразвиты вы) недоверие ко всем, кто несет ему со стороны политическое знание и революционный опыт, вызывает инстинктивное желание дать отпор всем таким людям, — вы оказываетесь демагогом, а демагоги — худшие враги рабочего класса.

Да, да! Не спешите поднимать вопль по поводу «нетоварищеских приемов» моей полемики! Я и не думаю заподозривать чи-

стоту ваших намерений, я уже сказал, что демагогам можно сделаться и в силу одной только политической наивности. Но я показал, что вы опустились до демагогии. И я никогда не устану повторять, что демагоги—худшие враги рабочего класса. Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов, выступающих и иногда искренно выступающих в качестве их друзей. Худшие—потому, что в период разброда и шатания, в период, когда только еще складывается физиономия нашего движения, нет ничего легче, как демагогически увлечь толпу, которую потом только самые горькие испытания смогут убедить в ее ошибке. Вот почему лозунгом момента для современного русского социал-демократа должна быть решительная борьба и против опускающейся до демагогии «Свободы», и против опускающегося до демагогии «Рабочего Дела» (о чем еще подробно будет говорено *) ниже).

«Десяток умников легче выловить, чем сотню дураков». Эта великолепная истина (за преподнесение которой вам всегда будет аплодировать сотня дураков) кажется самоочевидной только благодаря тому, что вы во время хода рассуждения перескочили с одного вопроса на другой. Вы начали говорить и продолжаете говорить о вылавливании «комитета», о вылавливании «организации», а теперь перескочили на вопрос о вылавливании «корней» движения «в глубине». Конечно, наше движение неуловимо только потому, что оно имеет сотни и сотни тысяч корней в глубине, но речь-то ведь идет совсем не об этом. В смысле «корней в глубине» нас не могут «выловить» и теперь, несмотря на все наше кустарничество, и тем не менее все мы жалуемся и не можем не жаловаться на вылавливание «организаций», разрушающее всякую преемственность движения. А раз вы поставите вопрос о вылавливании организаций и не будете сбиваться с него, то я вам скажу, что десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков. И я буду защищать это положение, сколько бы вы ни науськивали на меня толпу за мой «анти-демократизм» и т. п. Под «умниками» в отношении организационном надо разуметь только, как я уже не раз указывал, профессиональных революционеров, все равно—из студентов или из рабочих они

*) Здесь же заметим только, что все сказанное нами по поводу «подталкивания со стороны» и всех дальнейших рассуждений «Свободы» об организации целиком относится ко всем экономистам и «рабочеделенцам» в том числе, ибо они частью активно проповедывали и защищали те же взгляды на вопросы организации, частью сбивались на них.

выработаются. И вот я утверждаю: 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организаций руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию; и—5) тем шире будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем.

Предлагаю нашим экономистам, террористам и «экономистам-террористам» *) опровергнуть эти положения, из которых я остановлюсь сейчас на двух последних. Вопрос о легкости выловить «десяток умников» и «сотню дураков» сводится к разобранному выше вопросу о том, возможна ли массовая организация при необходимости строжайшей конспирации. Широкую организацию мы никогда не сможем поставить на ту конспиративную высоту, без которой не может быть и речи об устойчивой и хранящей преемственность борьбе с правительством. И сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа профессиональных революционеров вовсе не означает, что эти последние будут «думать за всех», что толпа не будет принимать деятельного участия в движении. Напротив, эти профессиональные революционеры будут выдвигаться толпой все в большем числе,

*) Этот термин, может быть, более правилен по отношению к «Свободе», чем предыдущий, ибо в «Возрождении революционизма» защищается терроризм, а в разбираемой статье—экономизм. Охота смертная, да участь горькая!—можно вообще сказать про «Свободу». Самые хорошие задатки и самые лучшие намерения—и путаница в результате, путаница главным образом благодаря тому, что, защищая преемственность организации, «Свобода» не хочет знать преемственности революционной мысли и социал-демократической теории. Стараться опять вызвать к жизни профессионального революционера («Возр. рев.») и предлагать для этого, во-первых, эксцитативный террор, а, во-вторых, «организацию рабочих-середняков» («Свобода», № 1, стр. об и след.), поменьше «подталкиваемых со стороны»,—это значит, поистине, для согревания своего жилища ломать на дрова это самое жилище.

ибо толпа будет тогда знать, что недостаточно собраться несколькими студентам и ведущим экономическую борьбу рабочим, чтобы составить «комитет», а что необходимо годами вырабатывать из себя профессионального революционера, и толпа будет «думать» не об одном только кустарничестве, а именно о такой выработке. Централизация конспиративных функций организации вовсе не означает централизации всех функций движения. Активное участие самой широкой массы в нелегальной литературе не уменьшится, а вдесятеро усилится от того, что «десяток» профессиональных революционеров централизует конспиративные функции этого дела. Так и только так мы добьемся того, что чтение нелегальной литературы, сотрудничество в ней, отчасти даже и распространение ее почти перестанут быть конспиративным делом, ибо полиция скоро поймет нелепость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждого экземпляра из разбрасываемых тысячами изданий. И это относится не только к печати, а и ко всем функциям движения, вплоть до демонстрации. Самое активное и самое широкое участие в ней массы не только не пострадает, а, напротив, много выиграет от того, что «десяток» испытанных, профессионально вышколенных не менее нашей полиции, революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовку листовок, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п. (я знаю, мне возразят о «недемократичности» моих воззрений, но я отвечу на это, совсем неумное, возражение подробно ниже). Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в самом широком числе с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно смешивать их с организацией революционеров, стирать грань между ними, угашать в массе и без того невероятно потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством вырабатывать из себя профессиональных революционеров.

Да, это сознание невероятно потускнело. Основной наш грех в организационном отношении—что мы своим кустарничеством уронили престиж революционеров на Руси. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря трэд-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве,—борьбе с политической полицией,—помилуйте! это—не революционер, а какой-то жалкий кустарь!

Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи,—и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров—и мы перевернем Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накапливалось горечи против тех лже-социал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сан», которые не понимают того, что наша задача—не защищать принижение революционера до кустаря, а поднимать кустарей до революционеров.

г) Размах организационной работы.

Мы слышали выше от Б—ва «о том недостатке годных к действию революционных сил, который ощущается не только в Петербурге, но и по всей России». И вряд ли кто станет оспаривать этот факт. Но вопрос в том, как объяснить его? Б—в пишет:

«Мы не будем вдаваться в выяснение исторических причин этого явления; скажем только, что общество, деморализованное продолжительной политической реакцией и разрозненное совершившимися и совершающимися экономическими изменениями, выделяет из своей среды крайне малое число лиц, годных к революционной работе; что рабочий класс, выделяя революционеров-рабочих, отчасти пополняет ряды нелегальных организаций,—но что число таких революционеров не отвечает потребностям времени. Тем более, что рабочий, за-

нятий на фабрике 11½ часов, по своему положению может исполнять преимущественно функции агитатора; пропаганда же и организация, доставка и воспроизведение нелегальной литературы, выпуск прокламаций и т. д. по неволе главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы» («Раб. Дело», № 6, стр. 38—39).

Мы во многом несогласны с этим мнением Б—ва и особенно несогласны с подчеркнутыми нами словами, которые особенно рельефно показывают, что, истрадавши (как и всякий скольнибудь думавший практик) от нашего кустарничества, Б—в не может, вследствие его придавленности экономизмом, нащупать выход из невыносимого положения. Нет, общество выделяет крайне много лиц, годных для «дела», но мы не умеем утилизировать всех их. Критическое, переходное состояние нашего движения в рассматриваемом отношении можно формулировать словами: людей нет и—людей масса. Людей масса, потому что и рабочий класс, и все более и более разнообразные слои общества выделяют с каждым годом все больше и больше недовольных, желающих протестовать, готовых оказать посильное содействие борьбе с абсолютизмом, невыносимость которого еще не всеми сознается, но все более широкой массой и все острее ощущается. И в то же время людей нет, потому что нет руководителей, нет политических вождей, нет организаторских талантов, способных поставить такую широкую и в то же время единую и стройную работу, которая бы давала применение каждой, хотя бы самой незначительной силе. «Рост и развитие революционных организаций» отстает не только от роста рабочего движения, что признает и Б—в, но и от роста общедемократического движения во всех слоях народа. (Впрочем, в настоящее время, вероятно, Б—в признал бы и это дополнением к его выводу.) Размах революционной работы слишком узок сравнительно с широким стихийным базисом движения, слишком придавлен убогой теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством». А между тем в настоящее время не только политические агитаторы, но и организаторы-социал-демократы должны «итти во все классы населения *»). И вряд ли хоть один практик усомнится в том, что социал-демократы могли бы распределить тысячи drobных функций своей организа-

*) Например, в военной среде в последнее время замечается несомненное оживление демократического духа, отчасти вследствие учащающихся случаев уличной борьбы против таких «врагов», как рабочие и студенты. И, как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию.

ционной работы между отдельными представителями самых различных классов. Недостаток специализации—один из самых крупных недостатков нашей техники, на который так горько и так справедливо жалуется Б.—в. Чем мельче будут отдельные «операции» общего дела, тем больше можно найти лиц, способных к выполнению таких операций (и совершенно неспособных в большинстве случаев к тому, чтобы стать профессиональными революционерами), и тем труднее для полиции «выловить» всех этих «детальных работников», тем труднее для нее смастерить из поимки человека на какой-либо мелочи «дело», окупающее расходы казны на «охрану». А что касается числа готовых оказывать нам содействие лиц, то мы уже и в предыдущей главе указывали на гигантскую перемену, происшедшую в этом отношении за каких-нибудь пять лет. Но, с другой стороны, для того, чтобы собрать во-едино все эти мелкие дробы, и для того, чтобы не раздробить вместе с функциями движения самого движения, и для того, чтобы внушить исполнителю мелких функций ту веру в необходимость и значение его работы, без которой он никогда и не будет работать *),—для всего этого необходима именно крепкая организация испытанных революционеров. При такой организации вера в силу партии укрепитя тем более и распространится тем шире, чем конспиративнее будет эта организация,—а ведь на войне, известное дело, важнее всего внушить веру в свои силы не только своей армии, но и неприятелю и всем нейтральным элементам; дружественный нейтралитет может иногда решить дело.

*) Я помню, один товарищ передавал мне, как горько жаловался готовый помогать и помогавший социал-демократии фабричный инспектор на то, что он не знает, доходит ли его «информация» до настоящего революционного центра, насколько нужна его помощь и насколько имеется возможность утилизировать его маленькие и мелкие услуги. Всякий практик знает, конечно, не один подобный случай, когда наше кустарничество отнимало у нас союзников. А «мелкие» в отдельности и неосценимые в сумме услуги могли бы и стали бы нам оказывать служащие и чиновники не только по фабричной, но и по почтовой, железнодорожной, таможенной, дворянской, поповской и всякой другой части, вплоть даже до полицейской и придворной! Если бы у нас была уже настоящая партия, действительно боевая организация революционеров, мы не ставили бы ребром всех таких «пособников», не торопились бы всегда и безусловно втягивать их в самую сердцевину «незаконщины», а, напротив, особенно берегли бы их, и даже специально подготавливали бы людей на такие функции, памятуя, что многие студенты могли бы больше пользы принести партии в качестве «пособников»—чиновников, чем в качестве «краткосрочных» революционеров. Но—повторяю еще раз—применять эту тактику в праве только вполне уже прочная организация, не испытывающая недостатка в активных силах.

При такой организации, стоящей на твердом теоретическом базисе и располагающей социал-демократическим органом, нечего будет бояться того, что движение сойдет с пути многочисленные, привлеченные к нему, «сторонние» элементы (напротив, именно теперь, при господствующем кустарничестве мы наблюдаем, как многие социал-демократы тянут по линии «Credo», воображая только себя социал-демократами). Одним словом, специализация необходимо предполагает централизацию и, в свою очередь, безусловно требует ее.

Но сам же Б—в, так прекрасно обрисовавший всю необходимость специализации, недостаточно оценивает ее, по нашему мнению, во второй части приведенного рассуждения. Число революционеров из рабочих недостаточно, говорит он. Это совершенно справедливо, и мы опять-таки подчеркиваем, что «ценное сообщение близкого наблюдателя» вполне подтверждает наш взгляд на причины современного кризиса в социал-демократии, а следовательно, и на средства исцеления от него. Не только вообще отстают революционеры от стихийного подъема масс, но даже и рабочие-революционеры отстают от стихийного подъема рабочих масс. А этот факт самым наглядным образом подтверждает, даже с «практической» точки зрения, не только нелепость, но и политическую реакционность той «педагогии», которую нас так часто угощают при обсуждении вопроса о наших обязанностях по отношению к рабочим. Этот факт свидетельствует, что самая первая, самая настоятельная наша обязанность—содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне в отношении партийной деятельности, как и интеллигенты-революционеры (мы подчеркиваем слова: в отношении партийной деятельности, ибо в других отношениях достижение такого же уровня рабочими, хотя и необходимо, но далеко не так легко и не так настоятельно). Поэтому главное внимание должно быть обращено на то, чтобы поднимать рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы опускаться самим непременно до «рабочей массы», как хотят экономисты, непременно до «рабочих-середняков», как хочет «Свобода», (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступеньку экономической «педагогии»). Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо-популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но меня возмущает это постоянное припутывание педагогики к вопросам политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа радители о «рабочем-середняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих

своим желанием непременно нагнуться, прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах, выпрямившись, и предоставьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам! Разве среди интеллигенции нет тоже передовиков, «середняков» и «массы»? Разве для интеллигенции не признается также всеми необходимость популярной литературы и не пишется эта литература? Но представьте только себе, что в статье об организации студентов или гимназистов автор станет, как открытие какое-то, разжевывать, что нужна прежде всего организация «студентов-середняков». Такого автора наверное осмеют—и поделом. Да вы дайте нам, скажут ему, организационные идейки, ежели они у вас есть, а уж там мы сами разберем, кто из нас «середняк», кто выше и кто ниже. А ежели у вас своих организационных идей нет,—все ваши потуги насчет «массы» и «середняков» окажутся просто скучными. Поймите же, что самые уже вопросы о «политике», об «организации» настолько серьезны, что о них нельзя говорить иначе как вполне серьезно: можно и должно подготавливать рабочих (и студентов и гимназистов) к тому, чтобы с ними можно было заговорить об этих вопросах, но раз уже вы заговорили о них, давайте настоящие ответы, не пячьтесь назад, к «середнякам» или к «массе», не отделявайтесь прибаутками или фразами *).

Рабочий-революционер для полной подготовки к своему делу тоже должен становиться профессиональным революционером. Поэтому неправ Б—в, когда он говорит, что так как рабочий занят на фабрике по 11½ часов, то остальные революционные функции (кроме агитации) «поневоле главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы». Вовсе это не «поневоле» так делается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаем своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своим способностям рабочему превращаться в профессионального агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика, и пр. и пр. В этом отношении мы прямо позорно расхищаем свои силы, не умея беречь то, что надо особенно заботливо растить и выращи-

*) «Свобода», № 1, статья «Организация», стр. 66: «Тяжелой поступью рабочая громада будет крепить все требования, которые выставятся от лица русского Труда»,—непременно с большой буквы! И этот же автор восклицает: «Я вовсе не отношусь враждебно к интеллигенции, но... (это то самое но, которое Щедрин переводил словами: выше лба уши не растут!)... «но меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей и требует, чтобы они были приняты за свою (его?) красоту и иные достоинства» (62). Да, меня это тоже «всегда страшно сердит»...

вать. Посмотрите на немцев: у них во сто раз больше сил, чем у нас, но они прекрасно понимают, что действительно способные агитаторы и пр. выделяются «середняками» вовсе не слишком часто. Поэтому они тотчас же стараются поставить всякого способного рабочего в такие условия, при которых его способности могли бы получить полное развитие и полное применение: его делают профессиональным агитатором, его побуждают расширить поприще его деятельности, распространяя ее с одной фабрики на все ремесло, с одной местности на всю страну. Он приобретает опытность и ловкость в своей профессии, он расширяет свой кругозор и свои знания, он наблюдает бок-о-бок выдающихся политических вождей других местностей и других партий, он старается подняться сам на такую же высоту и соединить в себе знание рабочей среды и свежесть социалистических убеждений с той профессиональной выучкой, без которой пролетариат не может вести упорную борьбу с великолепно обученными рядами его врагов. Так и только так выдвигаются из рабочей массы Бебели и Ауэры. Но то, что в политически свободной стране делается в значительной степени само собою, то у нас должны систематически проводить наши организации. Сколько-нибудь талантливый и «подающий надежды» агитатор из рабочих не должен работать на фабрике по 11 часов. Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел во-время перейти на нелегальное положение, чтобы он переменил места своей деятельности, ибо иначе он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора, не сумеет продержаться несколько, по крайней мере, лет в борьбе с жандармами. Чем шире и глубже становится стихийный подъем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов и пропагандистов и «практиков» в хорошем смысле (которых так мало среди нашей интеллигенции, большею частью немножко по-русски халатной и неповоротливой). Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»),—тогда с этими отрядами не совладает никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс. И это—наша прямая вина, что мы слишком мало «подталкиваем» рабочих на эту общую им с «интеллигентами» дорогу профессионально-революционной

выучки, слишком часто тащим их назад своими глупыми речами о том, что «доступно» рабочей массе, «рабочим-середнякам» и т. п.

В этих, как и в других, отношениях узкий размах организационной работы стоит в несомненной и неразрывной (хотя громадным большинством «экономистов» и начинающих практиков несознаваемой) связи с сужением нашей теории и наших политических задач. Преклонение пред стихийностью вызывает какую-то боязнь хотя на шаг отойти от «доступного» массе, боязнь подняться слишком высоко над простым прислуживанием ближайшим и непосредственным запросам массы. Не бойтесь, господа! Помните, что мы стоим в организационном отношении так низко, что нелепа даже самая мысль о том, чтобы мы могли подняться слишком высоко!

д) „Заговорщическая“ организация и „демократизм“.

А есть среди нас очень много людей, которые так чутки к «голосу жизни», что всего больше боятся именно этого, обвиняя тех, кто держится излагаемых здесь взглядов, в «народовольчестве», в непонимании «демократизма» и проч. Приходится остановиться на этих обвинениях, которые подхватило, разумеется, и «Рабочее Дело».

Пишущему эти строки очень хорошо известно, что петербургские экономисты обвиняли в народовольчестве еще «Рабочую Газету» (что и понятно, если сравнить ее с «Раб. Мыслью»). Нас несколько не удивило поэтому, когда, вскоре после возникновения «Искры», один товарищ сообщил нам, что социал-демократы города Х называют «Искру» «народовольческим» органом. Нам это обвинение, разумеется, было только лестно, ибо какого же порядочного социал-демократа не обвиняли экономисты в народовольчестве?

Вызываются эти обвинения недоразумениями двоякого рода. Во-первых, у нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а землевольцами, расколовшимися на чернопеределцев и народовольцев. Таким образом видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически, и логически, ибо всякое революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обой-

тись без такой организации. Не в том состояла ошибка народо-вольцев, что они постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества. И только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения избавляет нас от обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно возлагает на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров.

Во-вторых, многие—и в том числе, повидимому, Б. Кричевский («Раб. Дело» № 10, стр. 18)—неправильно понимают ту полемику против «заговорщического» взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда социал-демократы. Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против сужения политической борьбы до заговора *), но это, разумеется, вовсе не означало отрицания необходимости крепкой революционной организации. И, напр., в брошюре, названной в примечании, на-ряду с полемикой против сведения политической борьбы к заговору, обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла «прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму» и к «восстанию», и ко всякому «другому приему атаки» **). По своей форме такая крепкая

*) Ср. «Задачи русских социал-демократов», стр. 21, полемика против П. Л. Лаврова. (См. I том Собр. соч. Н. Ленина. Ред.).

**) «Задачи русск. соц.-дем.», стр. 23. Кстати, вот еще одна иллюстрация того, что «Раб. Дело» либо не понимает того, что оно говорит, либо меняет свои взгляды «по ветру». В № 1 «Раб. Дела» напечатано курсивом: «Изложенная суть брошюры совпадает целиком с редакционной программой «Рабочего Дела» (стр. 142). В самом деле? С «Задачами» совпадает воззрение, что массовому движению нельзя ставить первой задачей низвержение самодержавия? совпадает теория «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»? совпадает теория стадий? Предлагаем читателю судить, может ли быть речь о принципиальной устойчивости органа, так оригинально понимающего «совпадение».

революционная организация в самодержавной стране может быть названа и «заговорщической» организацией, ибо французское слово «конспирация» равносильно русскому «заговор», а конспиративность необходима для такой организации в максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага экономизма, как и обвинения в «народовольчестве».

Нам возразят: такая могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности, организация по необходимости централистическая, может слишком легко броситься в преждевременную атаку, может необдуманно обострить движение раньше, чем это можно и нужно по росту политического недовольства, по силе брожения и озлобления в рабочем классе и проч. Мы ответим на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация может повести на необдуманный бой, который может кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства уменьшить эту возможность, как организованная подготовка сражения. Если же мы поставим вопрос на конкретную почву современных русских условий, то придется сделать положительный вывод, что крепкая революционная организация безусловно необходима именно для того, чтобы придать устойчивость движению и предохранить его от возможности необдуманных атак. Именно теперь, при отсутствии такой организации и при быстром стихийном росте революционного движения наблюдаются уже две противоположные крайности (которые, как им и полагается «сходятся»): то совершенно несостоятельный экономизм и проповедь умеренности, то столь же несостоятельный «эксцитативный террор», стремящийся «в развивающемся и укрепляющемся, по еще находящемся ближе к началу, чем к концу, движении искусственно вызвать симптомы его конца» (В. Засулич ⁶⁸) в «Заре», № 2—3, стр. 353). И пример «Раб. Дела» показывает, что есть уже социал-демократы, пасующие пред обеими крайностями. Такое явление неудивительно, помимо остальных причин, и потому, что «экономическая борьба с хозяевами и с правительством» н и к о г д а

не удовлетворит революционера, а противоположные крайности всегда будут возникать то здесь, то там. Только централизованная боевая организация, выдержанно проводящая социал-демократическую политику и удовлетворяющая, так сказать, все революционные инстинкты и стремления, в состоянии предохранить движение от несбдуманной атаки и подготовить обещающую успех атаку.

Нам возразят далее, что излагаемый взгляд на организацию противоречит «демократическому принципу». Насколько предыдущее обвинение специфически русского происхождения, настолько это—специфически заграничного характера. И только заграничная организация («союз» русских с.-д.) могла дать своей редакции, в числе прочих инструкций, следующую:

«Организационный принцип. В интересах успешного развития и объединения социал-демократии следует подчеркивать, развивать, бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что особенно необходимо в виду обнаруживавшихся в рядах нашей партии антидемократических тенденций» («Два съезда», стр. 18).

Как именно борется «Раб. Дело» с «антидемократическими тенденциями» «Искры», это мы увидим в следующей главе. А теперь присмотримся поближе к этому «принципу», выдвигаемому экономистами. Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного съезда; но никто не назовет демократической организацией—такую, которая закрыта от всех не-членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление «широкого демократического принципа», когда основное условие этого принципа не исполнимо для тайной организации? «Широкий принцип» оказывается просто звонкой, но пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидетельствует о полном непонимании насущных задач момента в организационном отношении. Все знают, как велика господствующая у нас неконспиративность «широкой» массы революционеров. Мы видели, как горько жалуется на это Б—в, требующий совершенно справедливого «строгого выбора членов» («Раб. Дело» № 6, стр. 42). И вот являются люди, хвастающиеся своим «чутьем к жизни», которые

при таком положении дел подчеркивают не необходимость строжайшей конспирации и строжайшего (а, след., более тесного) выбора членов, а—«широкий демократический принцип»! Это называется попасть пальцем в небо.

Не лучше обстоит дело и с вторым признаком демократизма, — с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил»—гласит первый параграф организационного устава немецкой социал-демократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание или непризнание, поддержка или противодействие известны всем и каждому и из газет, и из народных собраний. Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами,—и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность все члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все, «кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер обязан в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто он такой? Вдумайтесь хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело», и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь пустая и вредная игрушка. Это—пустая игрушка, ибо на деле, никогда никакая революционная организация широкого демократизма не проводила и не может

проводить даже при всем своем желании. Это—вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отлекают мысль практиков от серьезной настоящей задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможности найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиться эта «игра в демократизм».

Чтобы показать читателю всю неблагоприятность излюбленного приема «Раб. Дела» выдвигать такой благовидный «принцип», как демократизм в революционном деле, мы сошлемся опять-таки на свидетеля. Свидетель этот—Е. Серебряков, редактор лондонского журнала «Накануне»,—питает большую слабость к «Раб. Делу» и большую ненависть к Плеханову и «плехановцам»; в статьях по поводу раскола заграничного «Союза русских социал-демократов» «Накануне» решительно взяло сторону «Раб. Дела» и обрушилось целой тучей жалких слов на Плеханова. Тем ценнее для нас этот свидетель по данному вопросу. В № 7 «Накануне» (июль 1899 г.) в статье: «По поводу воззвания группы самоосвобождения рабочих» Е. Серебряков указывал на «неприличие» поднимать вопросы «о самозаблещении, о главенстве, о так называемом ареопаге в серьезном революционном движении» и писал, между прочим:

«Мышкин, Рогачев, Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер⁶⁹⁾ и пр. никогда не считали себя вожаками, и никто их не выбирал и не назначал, хотя в действительности они были таковыми, ибо как в период пропаганды, так и в период борьбы с правительством они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, шли в наиболее опасные места, и их деятельность была наиболее продуктивна. И главенство являлось не результатом их желаний, а доверия к их уму, к их энергии и преданности со стороны окружающих товарищей. Бояться же какого-то ареопага (а если не бояться, то зачем писать о нем?), который может самовластно управлять движением, уже слишком наивно. Кто же его будет слушать?»

Мы спрашиваем читателя, чем отличается «ареопаг» от анти-демократических тенденций? И не очевидно ли, что «благовидный» организационный принцип «Раб. Дела» точно так же и наивен и неприличен,—наивен, потому что «ареопага» или людей с «антидемократическими тенденциями» никто просто не станет слушаться, раз не будет «доверия к их уму, энергии и преданности со стороны

окружающих товарищей». Неприличен, — как демагогическая выходка, спекулирующая на тщеславии одних, на незнакомстве с действительным состоянием нашего движения других, на неподготовленность и незнакомство с историей революционного движения третьих. Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, — обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою ответственность чувствуют они очень живо, зная при том по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни перед какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества (а ведь «демократизм», настоящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое, в это понятие товарищества!). Примите все это во внимание — и вы поймете, какой затхлый запах заграничной игры в генеральство поднимается от этих разговоров и резолюций об «антидемократических тенденциях»!

Надо заметить еще, что другой источник таких разговоров, т.-е. наивность, питается также смутностью представлений о том, что такое демократия. В книге супругов Вебб об английских тред-юнионах есть любопытная глава: «Примитивная демократия». Авторы рассказывают там, как английские рабочие в первый период существования их союзов считали необходимым признаком демократии, чтобы все делали все по части управления союзами: не только все вопросы решались голосованием всех членов, но и должности отправлялись всеми членами по очереди. Нужен был долгий исторический опыт, чтобы рабочие поняли нелепость такого представления о демократии и необходимость представительных учреждений, с одной стороны, профессиональных должностных лиц, с другой. Нужно было несколько случаев фи-

нансового краха союзных касс, чтобы рабочие поняли, что вопрос о пропорциональном отношении платимых взносов и получаемых пособий не может быть решен одним только демократическим голосованием, а требует также голоса специалиста по страховому делу. Возьмите, далее, книгу Каутского о парламентаризме и народном законодательстве,—и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадают с уроком многолетней практики «стихийно» объединившихся рабочих. Каутский решительно восстает против примитивного понимания демократии Риттенгаузенем, высмеивает людей, готовых во имя ее требовать, чтобы «народные газеты прямо редактировались народом», доказывает необходимость профессиональных журналистов, парламентариев и пр. для социал-демократического руководства классовой борьбой пролетариата, нападает на «социализм анархистов и литераторов», в «погоне за эффектами» превозносящих прямое народное законодательство и не понимающих весьма условной применимости его в современном обществе.

Кто работал практически в нашем движении, тот знает, как широко распространено среди массы учащейся молодежи и рабочих «примитивное» воззрение на демократию. Неудивительно, что это воззрение проникает и в уставы, и в литературу. Экономисты бернштейнианского толка писали в своем уставе: «§ 10. Все дела, касающиеся интересов всей союзной организации, решаются большинством голосов всех членов ее». Экономисты террористического толка вторят им: «Необходимо, чтобы комитетские решения обходили все кружки, и только тогда становились действительными решениями» («Свобода» № 1, стр. 67). Заметьте, что это требование широко применять референдум выдвигается сверх требования построить на выборном начале всю организацию! Мы далеки от мысли, конечно, осуждать за это практиков, имевших слишком мало возможности познакомиться с теорией и практикой действительно демократических организаций. Но когда «Раб. Дело», которое претендует на руководящую роль, ограничивается при таких условиях резолюцией о широком демократическом принципе, то как же не назвать это простой «погоней за эффектом»?

е) Местная и общерусская работа.

Если возражения против излагаемого здесь плана организации с точки зрения ее недемократизма и заговорщического характера совершенно неосновательны, то остается еще вопрос, очень ча-

сто выдвигаемые и заслуживающий подробного рассмотрения. Это вопрос о соотношении местной и общерусской работы. Высказывается опасение, не поведет ли образование централистической организации к перемещению центра тяжести с первой на вторую? Не повредит ли это движению, ослабив прочность наших связей с рабочей массой и вообще устойчивость местной агитации? Мы ответим на это, что наше движение последних лет страдает как раз от того, что местные деятели чересчур поглощены местной работой; что поэтому несколько передвинуть центр тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо; что такое передвижение не ослабит, а укрепит и прочность наших связей, и устойчивость нашей местной агитации. Возьмем вопрос о центральном и местных органах и попросим читателя не забывать, что газетное дело является для нас не более как примером, иллюстрирующим неизмеримо более широкое и разностороннее революционное дело вообще.

В первый период массового движения (1896—1898 г.г.) делается местными деятелями попытка поставить общерусский орган—«Рабочую Газету»; в следующий период (1898—1900)—движение делает громадный шаг вперед, но внимание руководителей всецело поглощается местными органами. Если подсчитать вместе все эти местные органы, то окажется *), что приходится круглым счетом по одному номеру газеты в месяц. Разве это не наглядная иллюстрация нашего кустарничества? Разве это не показывает с очевидностью отсталости нашей революционной организации от стихийного подъема движения? Если бы то же число номеров газет было выпущено не раздробленными местными группами, а единой организацией,—мы не только сберегли бы массу сил, но и обеспечили бы неизмеримо большую устойчивость и преемственность нашей работы. Это простое соображение слишком часто упускают из виду и те практики, которые активно работают почти исключительно над местными органами (к сожалению, в громадном большинстве случаев это и сейчас обстоит так), и те публицисты, которые проявляют в данном вопросе удивительное двойничество. Практик довольствуется обыкновенно тем соображением, что местным деятелям «трудно» **) заняться постановкой

*) См. «Доклад Парижскому конгрессу», стр. 14: «С того времени (1897 г.) до весны 1900 года вышли в разных местах 30 номеров разных газет... В среднем появлялось больше одного номера в месяц».

**) Трудность эта только кажущаяся. На самом деле нет такого местного кружка, который не имел бы возможности активно взяться за ту или иную функцию общерусского дела. «Не говори: не могу, а говори: не хочу».

общерусской газеты и что лучше местные газеты, чем никаких газет. Последнее, конечно, вполне справедливо, и мы не уступим никакому практику в признании громадного значения и громадной пользы местных газет вообще. Но ведь речь идет не об этом, а о том, нельзя ли избавиться от раздробленности и кустарничества, так наглядно выражающихся в 30 номерах местных газет по всей России за 2½ г. Не ограничивайтесь же бесспорным, но слишком общим положением о пользе местных газет вообще, а имейте также мужество открыто признать их отрицательные стороны, обнаруженные опытом двух с половиной лет. Этот опыт свидетельствует, что местные газеты при наших условиях оказываются в большинстве случаев принципиально неустойчивыми, политически лишенными значения, в отношении расхода революционных сил — непомерно дорогими, в отношении технического — совершенно неудовлетворительными (я имею в виду, разумеется, не технику печатания, а частоту и регулярность выхода). И все указанные недостатки — не случайность, а неизбежный результат той раздробленности, которая, с одной стороны, объясняет преобладание местных газет в рассматриваемый период, а, с другой стороны, поддерживается этим преобладанием. Отдельной местной организации прямо-таки не под силу обеспечить принципиальную устойчивость своей газеты и поставить ее на высоту политического органа, не под силу собрать и использовать достаточный материал для освещения всей нашей политической жизни. А тот довод, которым защищают обыкновенно необходимость многочисленных местных газет в свободных странах — дешевизна их при печатании местными рабочими и большая полнота и быстрота информации местного населения — этот довод обращается у нас, как свидетельствует опыт, против местных газет. Они оказываются непомерно дорогими, в смысле расхода революционных сил, и особенно редко выходящими по той простой причине, что для нелегальной газеты, как бы она мала ни была, необходим такой громадный конспиративный аппарат, который требует фабричной крупной промышленности, ибо в кустарной мастерской и не изготовить этого аппарата. Примитивность же конспиративного аппарата ведет сплошь и рядом к тому (всякий практик знает массу примеров такого рода), что полиция пользуется выходом и распространением одного — двух номеров для массового провала, сметающего все настолько чисто, что приходится начинать опять сначала. Хороший конспиративный аппарат требует хорошей профессиональной подготовки революционеров и последовательнейшим образом проведенного разде-

ления труда, а юба эти требования совершенно неподсильны для отдельной местной организации, как бы сильна она в данную минуту ни была. Не говоря уже об общих интересах всего нашего движения (принципиально выдержанное социалистическое и политическое воспитание рабочих), но и специально местные интересы лучше обслуживаются не местными органами: это кажется парадоксом только на первый взгляд, а на деле указанный нами опыт двух с половиной лет неопровержимо доказывает это. Всякий согласится, что если бы все те местные силы, которые выпустили 30 номеров газет, работали над одной газетой, то эта последняя легко дала бы 60, если не сто, номеров, а следовательно, и полнее отразила бы все особенности движения чисто местного характера. Несомненно, что такая организованность нелегка, но надо же, чтобы мы сознали ее необходимость, чтобы каждый местный кружок думал и активно работал над ней, не ожидая толчка извне, не обольщаясь той доступностью, той близостью местного органа, которая—на основании данных нашего революционного опыта—оказывается в значительной степени призрачной.

И плохую услугу оказывают практической работе те, мнящие себя особенно близким к практикам, публицисты, которые не видят этой призрачности и отделываются удивительно дешевым и удивительно пустым рассуждением: нужны местные газеты, нужны районные газеты, нужны общерусские газеты. Конечно, все это, вообще говоря, нужно, но нужно ведь тоже и думать об условиях среды и момента, раз берешься за конкретный организационный вопрос. Разве это не дон-кихотство в самом деле, когда «Свобода» (№ 1, стр. 68), специально «останавливаясь на вопросе о газете», пишет: «нам кажется, что во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих—должна быть своя собственная рабочая газета. Не привозная откуда-нибудь, а именно своя собственная». Если этот публицист не хочет думать о значении своих слов, то подумайте хоть вы за него, читатель: сколько в России десятков, если не сотен, «мало-мальски значительных мест скопления рабочих», и каким бы это было увековечением нашего кустарничества, если бы действительно всякая местная организация принялась за свою собственную газету! Как бы облегчила эта раздробленность задачу наших жандармов вылавливать—и притом без «мало-мальски значительного» труда—местных деятелей в самом начале их деятельности, не давая развиться из них настоящим революционерам!—В общероссийской газете—продолжает автор—не интересны были бы описания проделок фабрикантов и «мелочей фабричной жизни в разных не своих городах», а «орловцу о

своих орловских делах вовсе не скучно читать. Каждый раз он знает, кого «прохватили», кого «пробрали», и дух его играет» (стр. 69). Да, да, дух орловца играет, но слишком «играет» также и мысль нашего публициста. Тактична ли эта защита крохоборства?—вот о чем следовало бы ему подумать. Мы никому не уступим в признании необходимости и важности фабричных обличений, но надо же помнить, что мы дошли уже до того, что петербуржцам стало скучно читать петербургские корреспонденции петербургской газеты «Рабочая Мысль». Для фабричных обличений на местах у нас всегда были и всегда должны будут остаться листки,—но тип газеты мы должны поднимать, а не принижать до фабричного листка. Для «газеты» нам нужны обличения, не столь «мелочей», сколько крупных, типичных недостатков фабричной жизни, обличения, сделанные на примерах особенно рельефных и способные потому заинтересовать всех рабочих и всех руководителей движения, способные действительно обогатить их знания, расширить их кругозор, положить начало пробуждению нового района, нового профессионального слоя рабочих.

«Затем, в местной газете все проделки фабричного начальства, других ли властей можно схватывать сейчас же на горячем месте. До газеты общей, далекой пока-то дойдет известие—на месте уже и позабыть успели о том, что случилось: «Когда, бишь, это—дай бог памяти!» (там же). Вот именно: дай бог памяти! Изданные в 2½ года 30 номеров приходится, как мы узнаем из того же источника, на 6 городов. Это дает на один город в среднем по номеру газеты в полгода! И если даже наш легкомысленный публицист устроит в своем предположении производительность местной работы (что было бы безусловно неправильно по отношению к среднему городу, ибо в рамках кустарничества невозможно значительное расширение производительности),—то все-таки получим только по номеру в два месяца, т.-е. нечто вовсе непохожее на «схватывание на горячем месте». А между тем достаточно объединиться десяти местным организациям и отрядить своих делегатов на активные функции по оборудованию общей газеты,—и тогда можно было бы по всей России «схватывать» не мелочи, а действительно выдающиеся и типичные безобразия раз в две недели. В этом не усомнится никто, знакомый с положением дел в наших организациях. О поимке же врага на месте преступления, если понимать это серьезно, а не в смысле только красного словца, нечего и думать нелегальной газете вообще: это доступно только подметному листку, ибо предельный срок для такой поимки не превышает большею частью одного—двух дней (возьмите, например, обычную кратко-

временную стачку, или фабричное побоище, или демонстрацию и т. п.).

«Рабочий живет не только на фабрике, но и в городе» — продолжает наш автор, поднимаясь от частного к общему с такой строгой последовательностью, которая сделала бы честь самому Борису Кричевскому. И он указывает на вопросы о городских думах, городских больницах, городских школах, требуя, чтобы рабочая газета не обходила молчанием городские дела вообще. — Требование само по себе прекрасное, но иллюстрирующее особенно наглядно ту бессодержательную абстрактность, которой слишком часто ограничиваются при рассуждении о местных газетах. Во-первых, если бы действительно «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» появились газеты с таким подробным городским отделом, как хочет «Свобода», то это неминуемо выродилось бы, при наших русских условиях, в настоящее крохоборство, повело бы к ослаблению сознания о важности общерусского революционного натиска на царское самодержавие, усилило бы очень живучие и скорее притаившиеся или придавленные, чем вырванные с корнем, ростки того направления, которое уже прославилось знаменитым изречением о революционерах, слишком много говорящих о несуществующем парламенте и слишком мало о существующих городских думах. Мы говорим: неминуемо, подчеркивая этим, что «Свобода» заведомо не хочет этого, а хочет обратного. Но одних благих намерений недостаточно. — Для того, чтобы поставить освещение городских дел в надлежащую перспективу ко всей нашей работе, нужно сначала, чтобы эта перспектива была вполне выработана, твердо установлена не одними только рассуждениями, но и массой примеров, чтобы она приобрела уже прочность традиции. Этого у нас далеко еще нет, а нужно это именно сначала, прежде чем позволительно будет думать и толковать о широкой местной прессе.

Во-вторых, чтобы действительно хорошо и интересно написать о городских делах, надо хорошо и не по книжке только знать эти дела. А социал-демократов, обладающих этим знанием, почти совершенно нет во всей России. Чтобы писать в газете (а не в популярной брошюре) о городских и государственных делах, надо иметь свежий, разносторонний, умелым человеком собранный и обработанный материал. А для того, чтобы собирать и обрабатывать такой материал, недостаточна «примитивная демократия» примитивного кружка, в котором все делают всё и забавляются игрой в референдумы. Для этого необходим штаб специалистов-писателей, специалистов-корреспондентов, армия репортеров-со-

циал-демократов, заводящих связи везде и повсюду, умеющих проникнуть во все и всяческие «государственные тайны» (которые российский чиновник так важничает и которые он так легко разбалтывает), пролезть во всякие «закулисы», армия людей, обязанных «по должности» быть вездесущими и всезнающими. И мы, партия борьбы против всякого экономического, политического, социального, национального гнета, можем и должны найти, собрать, обучить, мобилизовать и двинуть в поход такую армию всезнающих людей,—но ведь это надо еще сделать! А у нас не только еще не сделано в громадном большинстве местностей ни шагу в этом направлении, но нет даже сплошь да рядом и сознания необходимости сделать это. Поищите-ка в нашей социал-демократической прессе живых и интересных статей, корреспонденций и обличений наших дипломатических, военных, церковных, городских, финансовых и пр. и пр. дел и делишек: вы не найдете почти ничего или совсем мало*). Вот почему «меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей» о необходимости «во всяком маломальски значительном месте скопления рабочих» газет, обличающих и фабричные, и городские, и государственные безобразия!

Преобладание местной прессы над центральной есть признак либо скудости, либо роскоши. Скудости—когда движение не работало еще сил для крупного производства, когда оно прозябает еще в кустарничестве и почти тонет в «мелочах фабричной жизни». Роскоши—когда движение вполне осилило уже задачи всесторонних обличений и всесторонней агитации, так что кроме центрального органа становятся необходимы многочисленные местные. Пусть решает уже каждый для себя, о чем свидетельствует преобладание местных газет у нас в настоящее время. Я же ограничусь точной формулировкой своего вывода, чтобы не подать повода к недоразумениям. До сих пор у нас большинство

*) Вот почему даже пример исключительно хороших местных органов вполне подтверждает нашу точку зрения. Например, «Южный Рабочий»⁷⁰⁾—прекрасная газета, совсем неповинная в принципиальной неустойчивости. Но то, что она хотела дать для местного движения, было не достигнуто благодаря редкому выходу и широким провалам. То, что всего более настоятельно для партии в данный момент,—принципиальная постановка коренных вопросов движения и всесторонняя политическая агитация,—оказалось не под силу местному органу. А то, что она давала особенно хорошего, вроде статей о съезде горнопромышленников, о безработице и т. п.—не представляло из себя строго местного материала и требовалось для всей России, а не для одного юга. Таких статей не было и во всей нашей социал-демократической прессе.

местных организаций думает почти исключительно о местных органах и почти только над ними активно работает. Это ненормально. Должно быть наоборот: чтобы большинство местных организаций думало главным образом об общерусском органе и главным образом над ним работало. До тех пор, пока не будет этого, мы не сумеем поставить ни одной газеты, сколько-нибудь способной действительно обслуживать движение во все сторонней агитацией в печати. А когда это будет,—тогда нормальное отношение между необходимым центральным и необходимыми местными органами установится само собой.

* * *

На первый взгляд может показаться, что к области специально-экономической борьбы неприменим вывод о необходимости передвинуть центр тяжести с местной на общерусскую работу: непосредственным врагом рабочих являются здесь отдельные предприниматели или группы их, не связанные организацией хотя бы отдаленно напоминающей чисто военную, строго централистическую, руководимую до самых мелочей единой волей организацию русского правительства, нашего непосредственного врага в политической борьбе.

Но это не так. Экономическая борьба—мы уже много раз указывали на это—есть профессиональная борьба и потому она требует объединения по профессиям рабочих, а не только по месту работы их. И это профессиональное объединение становится тем более настоятельно необходимым, чем быстрее идет вперед объединение наших предпринимателей во всякого рода общества и синдикаты. Наша раздробленность и наше кустарничество прямо мешают этому объединению, для которого необходима единая общерусская организация революционеров, способная взять на себя руководство общерусскими профессиональными союзами рабочих. Мы уже говорили выше о желательном типе организации для этой цели и теперь добавим только несколько слов в связи с вопросом о нашей прессе.

Что в каждой социал-демократической газете должен быть отдел профессиональной (экономической) борьбы,—это едва ли кем-нибудь подвергается сомнению. Но рост профессионального движения заставляет думать и о профессиональной прессе. Нам кажется, однако, что о профессиональных газетах в России, за редкими исключениями, пока не может быть и речи: это роскошь, а у нас нет сплошь да рядом и хлеба насущного. Под-

ходящей к условиям нелегальной работы и необходимой теперь уже формой профессиональной прессы должны были бы быть у нас профессиональные брошюры. В них следовало бы собирать и систематически группировать легальный *) и нелегальный материал по вопросу об условиях труда в данном промысле, о различии в этом отношении разных местностей в России, о главных требованиях рабочих данной профессии, о недостатках относящегося к ней законодательства, о выдающихся случаях экономической борьбы рабочих этого цеха, о зачатках, современном состоянии и нуждах их профессиональной организации и т. п. Такие брошюры, во-первых, избавили бы нашу социал-демократическую прессу от массы таких профессиональных подробностей, которые специально интересуют только рабочих данного ремесла; во-вторых, они фиксировали бы результаты нашего опыта в профессиональной борьбе, сохраняли собираемый материал который теперь буквально теряется в массе листков и отрывочных корреспонденций, и обобщали этот материал; в-третьих, они могли бы служить своего рода руководством для агитаторов, ибо условия труда изменяются сравнительно медленно, основные требования рабочих данного ремесла чрезвычайно устойчивы (ср. требования ткачей московского района в 1885 г. и петербургского в

*) Легальный материал особенно важен в этом отношении, и мы особенно отстали в умении систематически собирать и утилизировать его. Не будет преувеличением сказать, что по одному легальному материалу можно еще кое-как написать профессиональную брошюру, а по одному нелегальному — невозможно. Собирая нелегальный материал от рабочих по вопросам вроде изданных «Раб. Мыслью», мы понапрасну тратим массу сил революционера (которого в этом легко заменил бы легальный деятель) и все-таки никогда не получаем хорошего материала, ибо рабочим, знающим сплошь да рядом только одну отделенку большой фабрики и почти всегда знающим экономические результаты, а не общие условия и нормы своей работы, невозможно и приобрести таких знаний, какие есть у фабричных служащих, инспекторов, врачей и т. п. и какие в массе рассеяны в мелких газетных корреспонденциях и в специальных промышленных, санитарных, земских и пр. изданиях.

Как сейчас помню свой «первый опыт», которого бы я никогда не повторил. Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но ва то рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятий с улыбкой: «мне легче экстрю проработать, чем вам на вопросы отвечать!».

Чем энергичнее будем мы вести революционную борьбу, тем больше вынуждено будет правительство легализовать часть «профессиональной» работы, снимая тем с нас часть нашего бремени.

1896 г.), и свод этих требований и нужд мог бы годами служить прекрасным пособием для экономической агитации в отсталых местностях или среди отсталых слоев рабочих; примеры успешных стачек в одном районе, данные о более высоком уровне жизни, о лучших условиях труда в одной местности поощряли бы и рабочих других местностей к новой и новой борьбе; в четвертых, взяв на себя почин обобщения профессиональной борьбы и закрепив таким образом связь русского профессионального движения с социализмом, социал-демократия позаботилась бы в то же время о том, чтобы наша тред-юнионистская работа занимала не слишком малую и не слишком большую долю в общей сумме нашей социал-демократической работы. Местной организации, если она оторвана от организаций в других городах, очень трудно, иногда даже почти невозможно бывает соблюсти при этом правильную пропорцию (и пример «Рабочей Мысли» показывает, до какого чудовищного преувеличения в сторону тред-юнионизма можно при этом доходить). Но общерусская организация революционеров, стоящая на неуклонной точке зрения марксизма, руководящая всей политической борьбой и располагающая штабом профессиональных агитаторов, никогда не затруднится в определении этой правильной пропорции.

„План“ общерусской политической газеты.

«Самый крупный промах «Искры» в этом отношении,—пишет Б. Кричевский («Раб. Дело» № 10, стр. 30), обвиняя нас в тенденции «превратить теорию, путем ее изолирования от практики, в мертвую доктрину»,—ее «план» общепартийной организации» (т.-е. статья «С чего начать?»). И Мартынов вторит ему, заявляя, что «тенденция «Искры» умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей... увенчалась планом организации партии, который она предлагает в № 4 в статье «С чего начать?» (там же, стр. 61). Наконец, в самое последнее время к людям, возмущенным этим «планом» (ковычки должны выражать ироническое к нему отношение), присоединился и Л. Надеждин в только что полученной нами брошюре «Канун революции» (издание знакомой уже нам «революционно-социалистической группы» Свобода), где заявляется, что «говорить теперь об организации, тянущейся нитками от общерусской газеты,—это плодить кабинетные мысли и кабинетную работу» (стр. 126), это—проявление «литературщины» и т. п.

Что наш террорист оказался солидарным с защитниками «поступательного хода серой текущей борьбы», это не может нас удивить после того, как мы проследили корни этой близости в главах о политике и об организации. Но мы должны заметить теперь же, что Л. Надеждин, и один только он, попытался добросовестно вникнуть в ход мысли не понравившейся ему статьи, попытался ответить на нее по существу,—между тем как «Раб. Дело» не сказало ровно ничего по существу, а постаралось только запутать вопрос посредством целой кучи непристойных демагогических выхонок. И, как это ни неприятно, приходится потратить время сначала на расчистку авгиевой конюшни.

а) Кто обиделся за статью „С чего начать“?

Приведем букет тех выражений и восклицаний, с которыми обрушилось на нас «Рабочее Дело». «Не газета может создать партийную организацию, а наоборот»... «Газета, стоящая над партией, вне ее контроля и независимая от нее благодаря собственной сети агентов»... «Каким чудом «Искра» забыла о фактически существующих социал-демократических организациях той партии, к которой она принадлежит?»... «Обладатели твердых принципов и соответственного плана являются и верховными регуляторами реальной борьбы партии, диктующими ей выполнение своего плана»... «План изгоняет наши живые и жизненные организации в царство теней и хочет вызвать к жизни фантастическую сеть агентов»... «Если бы план «Искры» был приведен в исполнение, он привел бы к полному вытравлению следов складывавшейся у нас Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»... «Орган пропагандистский становится бесконтрольным, самодержавным законодателем всей практической революционной борьбы»... «Как должна отнестись наша партия к ее полному подчинению автономной редакции» и т. д. и т. д.

Как видит читатель из содержания и тона этих цитат, «Рабочее Дело» обиделось. Но обиделось оно не за себя, а за организации и комитеты нашей партии, которых будто бы «Искра» хочет изгнать в царство теней и даже вытравить их следы. Какие ужасы, подумаешь! Странно только одно. Статья «С чего начать?» появилась в мае 1901 года, статьи «Рабочего Дела» — в сентябре 1901 года, теперь уже половина января 1902 года. За все эти 5 месяцев (и до сентября и после сентября) ни один комитет и ни одна организация партии не выступила с формальным протестом против этого чудища, которое хочет комитеты и организации изгнать в царство теней! А ведь за это время и в «Искре» и в массе других, местных и не местных, изданий появились десятки и сотни сообщений из всех концов России. Как это произошло, что те, кого хотят изгнать в царство теней, не заметили этого и не обиделись на это, — а обиделось третье лицо?

Произошло это оттого, что комитеты и другие организации заняты настоящим делом, а не игрой в «демократизм». Комитеты прочли статью «С чего начать?», увидели, что эта попытка «выработать известный план организации, чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон» и, так как они прекрасно знали и видели, что ни одна из этих «всех сторон»

не подумает «приступить к постройке», пока не убедится в ее необходимости и верности архитектурного плана, то они, естественно, и не подумали «обижаться» за продерзость людей, сказавших в «Искре»: «Ввиду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготавливаемой к печати брошюре». Неужели можно было, при добросовестном отношении к делу, не понять того, что если товарищи примут предложенный их вниманию план, то они будут проводить его не из «подчинения», а из убеждения в его необходимости для нашего общего дела, а если они не примут его,—то «набросок» (какое претенциозное слово, не правда ли?) так и останется простым наброском? Неужели это не демагогия, когда с наброском плана воюют не только тем, что «разносят» его и советуют товарищам отвергнуть этот план,—а тем, что науськивают малоопытных в революционном деле людей на авторов наброска за одно то, что они смеют «законодательствовать», выступать «верховными регуляторами», т.-е. смеют предлагать набросок плана?? Может ли наша партия развиваться и идти вперед, если за попытку поднять местных деятелей до более широких взглядов, задач, планов и т. п. будут возражать не только с точки зрения неверности этих взглядов, а с точки зрения «обид» за то, что нас «хотят» «поднимать»? Ведь вот Л. Надеждин тоже «разнес» наш план, но до такой демагогии, которая уже не может быть объяснена одной наивностью или примитивностью политических взглядов, он не опустился, обвинение в «инспекторстве над партией» он отверг решительно и с самого начала. И потому Надеждину можно и должно на его критику плана ответить по существу, а «Рабочему Делу» можно ответить только презрением.

Но презрение к унижающемуся до криков о «самодержавии» и «подчинении» писателю не избавляет еще нас от обязанности распутать ту путаницу, которая преподносится такими людьми читателю. И вот тут мы можем наглядно показать всем, какого пошиба эти ходячие фразы о «широком демократизме». Нас обвиняют в забвении комитетов, в желании или попытке изгнать их в царство теней и пр.. Как ответить на эти обвинения, когда мы не можем рассказать читателю почти ничего фактического о наших действительных отношениях к комитетам, не можем по условиям конспирации? Люди, бросающие хлесткое и раздражающее толпу обвинение, оказываются впереди нас благодаря их развязности, благодаря их пренебрежительному отношению к обязанностям революционера, который тщательно скры-

вает от глаз света те отношения и связи, которые он имеет, которые он налаживает или пытается наладить. Понятно, что конкурировать на поприще «демократизма» с такими людьми мы разна-всегда отказываемся. Что же касается до непосвященного во все партийные дела читателя, то единственным средством исполнить свой долг по отношению к нему является рассказ не о том, что есть и что находится im Werden, а о частичке того, что было и о чем позволительно рассказывать, как о прошлом.

Бунд намекает на наше «самозванство» *), заграничный «Союз» обвиняет нас в попытке вытравить следы партии. Извольте, господа. Вы получите полное удовлетворение, когда мы расскажем публике четыре факта из прошлого.

Первый **) факт. Члены одного из «Союзов Борьбы», принимавшие непосредственное участие в образовании нашей партии и в посылке делегата на партийный съезд, основавший ее, договариваются с одним из членов группы «Искры» об основании особой рабочей библиотеки для обслуживания нужд всего движения. Основать рабочую библиотеку не удастся, и написанные для нее брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон» ***) попадают окольным путем и через третьих лиц за границу, где их и печатают.

Второй факт: Члены Центрального Комитета Бунда обращаются к одному из членов группы «Искры» с предложением организовать, как Бунд тогда выражался, «литературную лабораторию». При том они указывают, что если это не удастся сделать, то наше движение может сильно пойти назад. Результатом переговоров является брошюра «Рабочее дело в России» ****).

Третий факт. Центральный Комитет Бунда чрез посредство одного провинциального городка обращается к одному из членов «Искры» с предложением принять на себя редакцию возобновляемой «Рабочей Газеты» и получает, конечно, согласие. Предложение затем изменяется: предлагают сотрудничество, ввиду новой комбинации с редакцией. И на это получается, разумеется,

*) «Искра», № 8, ответ Центрального Комитета Всероссийского Еврейского Союза в России и Польше на нашу статью по национальному вопросу.

**) Мы размещаем эти факты нарочно не в том порядке, в каком они имели место.

***). См. I том Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

****) Кстати, автор этой брошюры просит меня заявить, что она, как и прежние его брошюры, была послана в «Союз» при предположении, что редактором его изданий является группа «Освобождение Труда» (в силу некоторых условий он в это время, т.-е. в феврале 1899 г., не мог знать о перемене редакции). Брошюра эта будет скоро переиздана Лигой.

согласие. Посылаются статьи (которые удалось сохранить)—«Наша программа»—с прямым протестом против бернштейниады, поворота к легальной литературе и «Рабочей Мысли»; «Наша ближайшая задача» («организация правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии»; недостатки господствующего «кустарничества»); «Насущный вопрос» (разбор возражения, что надо сначала развить деятельность местных групп, прежде чем браться за постановку общего органа; настаивание на первостепенной важности «революционной организации»—на необходимости «довести организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства»). Предложение возобновить «Рабочую Газету» не осуществляется, и статьи остаются не напечатанными.

Четвертый факт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщает члену группы «Искры» программу съезда и ставит кандидатуру этой группы на функцию редактирования возобновляемой «Рабочей Газеты». Его предварительный, так сказать, шаг санкционируется затем и тем комитетом, к которому он принадлежал, и Центральным Комитетом Бунда; группа «Искры» получает указание о месте и времени съезда, но (не уверенная, можно ли ей будет, по некоторым причинам, послать делегата на этот съезд) составляет также письменный доклад съезду. В этом докладе проводится та мысль, что одним выбором Центрального Комитета мы не только не решим вопроса об объединении в такое время полного разброда, как переживаемое нами, но и рискуем компрометировать великую идею создания партии в случае нового быстрого и полного провала, который более чем вероятен при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому с приглашения всех комитетов и всех других организаций поддерживать возобновленный общий орган, который реально свяжет все комитеты фактической связью, реально подготовит группу руководителей всем движением,—а превратить такую созданную комитетами группу в Ц. К. комитеты и партия легко уже сумеют, раз такая группа вырастет и окрепнет. Съезд однако не осуществляется вследствие ряда провалов, и доклад по конспиративным соображениям уничтожается, будучи прочтен только несколькими товарищами, в том числе уполномоченными одного комитета.

Пусть теперь читатель сам судит о характере таких приемов, как намеки на самозванство со стороны Бунда или как довод «Рабо-

чего Дела», что мы хотим изгнать комитеты в царство теней, «заменить» организацию партии организацией распространения идей одной газеты. Да именно комитетам, по неоднократным приглашениям их, и докладывали мы о необходимости принять определенный план общей работы. Именно для партийной организации разрабатывали мы этот план в статьях в «Рабочую Газету» и в докладе съезду партии, опять-таки по приглашению тех, кто занимал такое влиятельное положение в партии, что брал на себя инициативу ее (фактического) восстановления. И только после того, как окончились неудачей двукратные попытки партийной организации вместе с нами возобновить центральный орган партии официально, мы сочли своей прямой обязанностью выступить с органом неофициальным для того, чтобы при третьей попытке товарищи имели уже перед собою известные результаты опыта, а не одни гадательные предположения. В настоящее время некоторые результаты этого опыта находятся уже у всех перед глазами, и все товарищи могут судить, правильно ли мы понимали свою обязанность и что следует думать о людях, которые стараются ввести в заблуждение лиц, незнакомых с ближайшим прошлым, из досады на то, что мы доказывали одним—их непоследовательность в «национальном» вопросе другим—непозволительность беспринципных шатаний.

б) Может ли газета быть коллективным организатором?

Весь гвоздь статьи «С чего начать?» состоит в постановке именно этого вопроса и в утвердительном его решении. Единственную, известную нам, попытку разобрать этот вопрос по существу и доказать необходимость отрицательного его решения делает Л. Надеждин, доводы которого мы и воспроизведем целиком:

«...Нам очень нравится постановка в «Искре» (№ 4) вопроса о необходимости общерусской газеты, но мы никак не можем согласиться, чтобы эта постановка подходила под заглавие статьи: «С чего начать?». Это одно из дел, несомненно крайне важных, но не им, не целой серией популярных листов, не горою прокламаций может быть положено начало боевой организации для революционного момента. Необходимо приступить к сильным политическим организациям на местах. У нас их нет, у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу. Если не воспитаются сильные политические организации на местах, что значит хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета? Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, но и никого не зажигающая! Вокруг нее,

в деле для нее соберется народ, организуется—думает «Искра». Да ему гораздо ближе собраться и организовать вокруг дела более конкретного! Таким может и должна явиться широкая постановка местных газет, приготовление теперь же рабочих сил к демонстрациям, постоянная работа местных организаций среди безработных (неотступно распространять между ними листки и листовки, созывать их на собрания, на отпоры правительству и т. п.). Надо на местах завязать живую политическую работу, и когда явится необходимым объединение на этой реальной почве,—оно будет не искусственным, не бумажным—не газетами достигается такое объединение местных работ в общерусское дело» («Канун рев.», стр. 54).

Мы подчеркивали те места этой красноречивой тирады, которые наиболее рельефно показывают и неправильность оценки автором нашего плана и неправильность его точки зрения вообще, противопоставляемой здесь «Искре». Если не воспитаются сильные политические организации на местах,—ничего не будет значить и превосходнейшая общерусская газета.—Совершенно справедливо. Но в том-то и суть, что нет иного средства воспитать сильные политические организации, как посредством общерусской газеты. Автор просмотрел самое существенное заявление «Искры», сделанное ею до перехода к изложению ее «плана»: необходим «призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, т.е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя». Но принципиально-то с этим теперь, после февраля и марта, все согласится,—продолжает «Искра»,—а нам нужно не принципиальное, а практическое решение вопроса, нужно немедленно выставить такой определенный план постройки, чтобы сейчас же с разных сторон все могли приняться за постройку. А нас опять от практического решения тащат назад—к принципиально верной, бесспорной, великой, но совершенно недостаточной, совершенно непонятной для широкой массы работающих истине: «воспитывать сильные политические организации!» Не об этом уже идет речь, почтенный автор, а о том, как именно воспитывать и воспитать надо!

Неверно, что «у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу». В такой форме это положение сбивается на обычное для «Свободы» и ошибочное в корне противопоставление интеллигентных рабочих «массе». У нас и интеллигентные-то ра-

бочие в последние годы «почти что исключительно вели экономическую борьбу». Это с одной стороны. А с другой стороны, никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, пока мы не поможем воспитаться руководителям этой борьбы и из интеллигентных рабочих, и из интеллигентов; воспитаться же такие руководители могут исключительно на систематической, текущей оценке всех сторон нашей политической жизни, всех попыток протеста и борьбы различных классов и по различным поводам. Поэтому говорить о «воспитании политических организаций» и в то же время противопоставлять «бумажное дело» политической газеты—«живой политической работе на местах» просто смешно! Да ведь «Искра» и подводит свой «план» газеты к «плану» выработать такую «боевую готовность», чтобы поддерживать и движение безработных, и крестьянские бунты, и недовольство земцев, и «возмущение населения против зарвавшегося царского башибузука» и проч. Ведь всякий знакомый с движением знает досконально, что об этом даже и не думает громадное большинство местных организаций, что многие из намечаемых здесь перспектив «живой политической работы» ни разу еще не проводились в жизни ни единой организацией, что попытка, напр., обратить внимание на рост недовольства и протеста в земской интеллигенции вызывает чувство растерянного недоумения и у Надеждина («господи, да не для земцев ли этот орган?», «Канун», стр. 129), и у экономистов (№ 12 «Искры», письмо), и у многих практиков. При этих условиях «начать» можно только с того, чтобы побудить людей думать обо всем этом, побудить их суммировать и обобщать все и всяческие проблески брожения и активной борьбы. «Живую политическую работу» можно начать в наше время принижения социал-демократических задач исключительно с живой политической агитации, невозможной без общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты.

Люди, усматривающие в «плане» «Искры» проявление «литературщины», не поняли совершенно самой сути плана, увидев цель в том, что выдвигается как наиболее подходящее в настоящий момент средство. Эти люди не дали себе труда подумать о двух сравнениях, которыми наглядно иллюстрировался предлагаемый план. Постановка общерусской политической газеты—говорилось в «Искре»—должна быть основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию (т.е. революционную организацию, всегда готовую к поддержке всякого протеста и всякой вспышки).

Скажите пожалуйста: когда каменщики кладут в разных местах камни громадной и совершенно невиданной постройки,—не «бу-мажное» ли это дело проведение нитки, помогающей находить правильное место для кладки, указывающий на конечную цель общей работы, дающей возможность пустить в ход не только каждый камень, но и каждый кусок камня, который, смыкаясь с предыдущими и последующими, возводят законченную и всеобъемлющую линию? И разве мы не переживаем как раз такого момента в нашей партийной жизни, когда у нас есть и камни и каменщики, а не хватает именно видимой для всех нити, за которую все могли бы взяться? Пусть кричат, что, протягивая нить, мы хотим командовать: если бы мы хотели командовать, господа, мы бы написали вместо «Искра» № 1 — «Рабочая Газета» № 3, как нам предлагали некоторые товарищи и как мы имели бы полное право сделать после тех событий, о которых было рассказано выше. Но мы не сделали этого: мы хотели оставить себе свободные руки для непримиримой борьбы со всякими лже-социал-демократами; мы хотели, чтобы нашу нитку, ежели она проведена правильно, стали уважать за ее правильность, а не за то, что она проведена официальным органом.

«Вопрос объединения местной деятельности в центральных органах вертится в заколдованном кругу,—поучает нас Л. Надеждин,—для объединения требуется однородность элементов, а эта однородность сама может быть создана только чем-нибудь объединяющим, но это объединяющее может явиться продуктом сильных местных организаций, которые теперь отнюдь не отличаются однородным характером». Истина столь же почтенная и столь же бесспорная, как и та, что надо воспитывать сильные политические организации. Истина столь же, как и та, бесплодная. Всякий вопрос «вертится в заколдованном кругу», ибо вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политика в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звеньишко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звеньишка обладание всей цепью *). Будь у нас отряд опытных каменщиков, настолько спевшихся, чтобы они и без

*) Тов. Кричевский и тов. Мартынов! Обращаю ваше внимание на это возмутительное проявление «самодержавия», «бесконтрольной авторитетности», «верховного регулирования» и пр. Помилуйте: хочет обладать всей цепью!! Пишите же скорее жалобу. Вот вам готовая тема для двух передовиц в № 12 «Рабочего Дела»!

нитки могли класть камни именно там, где нужно (это вовсе не невозможно, если говорить абстрактно), тогда мы могли бы, пожалуй, взяться и за другое звеньшко. Но в том-то и беда, что опытных и спевшихся каменщиков у нас еще нет, что камни сплосшь да рядом кладутся совсем зря, кладутся не по общей нитке, а до того раздробленно, что неприятель сдувает их, как будто бы это были не камни, а песчинки.

Другое сравнение: «Газета—не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обобщать общие результаты, достигнутые организованным трудом» *). Не правда ли, как это похоже на преувеличение своей роли литератором, человеком кабинетной работы? Леса для самого жилища вовсе не требуются, леса строятся из худшего материала, леса возводятся на небольшой срок и выкидываются в печку, раз только здание хотя бы черне закончено. Относительно построения революционных организаций опыт свидетельствует, что их и без лесов удастся иногда построить—возьмите семидесятые годы. Но теперь у нас и представить себе нельзя возможность возвести без лесов необходимую для нас постройку.

Надеждин не соглашается с этим и говорит: «вокруг газеты, в деле для нее соберется народ, организуется—думает «Искра» Да ему гораздо ближе собраться и организовать вокруг дела более конкретного!» Так, так: «гораздо ближе вокруг более конкретного»... Русская пословица говорит: не плюй в колодец,—пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплевано. До каких только гадостей не договорились наши великодушные легальные «критики марксизма» и нелегальные поклонники «Рабочей Мысли» во имя этой большей конкретности! Как придавлено все наше движение нашей узостью, безынициативностью и робостью, оправдываемой традиционными доводами «гораздо ближе вокруг более конкретного»! И Надеждин,—считающий себя особенно чутким к «жизни», осуждающий особенно строго «кабинетных» людей, обвиняющий (с претензией на остроумие) «Искру» в сла-

*) Мартынов, приведя в «Раб. Деле» первую фразу этой цитаты (№ 10, стр. 62), опустил именно вторую фразу, как бы подчеркивая этим свое нежелание касаться существа вопроса или свою неспособность понять это существо.

бости везде видеть экономизм, воображающий, что он стоит гораздо выше этого деления на ортодоксов и критиков,—не замечает того, что он играет своими доводами на-руку возмущающей его узости, что он пьет из самого что-ни-на-есть проплеванного колодца! Да, самого искреннего возмущения узостью, самого горячего желанья поднять преклоняющихся перед ней людей еще недостаточно, если возмущающийся носится без руля и без ветрил и так же «стихийно», как и революционеры 70-х годов, хватается за «эксцитативный террор», за «аграрный террор», за «набат» и т. под. Посмотрите на это «более конкретное», вокруг чего,—он думает,—«гораздо ближе» будет собраться и сорганизоваться: 1) местные газеты; 2) приготовление к демонстрациям; 3) работа среди безработных. С первого же взгляда видно, что все эти дела выхвачены совершенно случайно, наудачу, чтобы сказать что-нибудь, ибо, как бы мы ни смотрели на них, видеть в них что-либо специально пригодное «собрать и сорганизовать» совсем уже несуразно. Ведь тот же самый Надеждин парой страниц ниже говорит: «пора бы нам просто констатировать факт: на местах ведется крайне жалкая работа, комитеты не делают и десятой части того, что могли бы делать... те объединяющие центры, какие у нас есть теперь, это—фикция, это—революционная канцелярщина, взаимное пожалование друг друга в генералы, и так будет до тех пор, пока не вырастут местные сильные организации». В этих словах, несомненно, на-ряду с преувеличениями заключается много горькой истины, и неужели Надеждин не видит связи между жалкой работой на местах и той узостью кругозора деятелей, узостью размаха их деятельности, которые неизбежны при неподготовленности замыкающихся в рамки местных организаций деятелей? Неужели он, подобно автору статьи об организации в «Свободе», забыл о том, как переход к широкой местной прессе (с 1898 года) сопровождался особым усилением экономизма и «кустарничества»? Да если бы даже и возможна была сколько-нибудь удовлетворительная постановка «широкой местной прессы» (а мы показали выше, что она невозможна, за исключением совершенно особых случаев), то и тогда местные органы не могли бы «собрать и сорганизовать» все силы революционеров для общего натиска на самодержавие, для руководства единой борьбой. Не забудьте, что речь идет здесь только о «собирающем», об организаторском значении газеты, и мы могли бы предложить защищающему раздробленность Надеждину им же поставленный иронический вопрос: «не получили ли мы откуда-нибудь в наследство 200.000 ре-

волюционных организаторских сил?». Далее, «приготовление к демонстрациям» нельзя противопоставлять плану «Искры» уже потому, что этот план как раз самые широкие демонстрации и предусматривает как одну из целей; речь же идет о выборе практического средства. Надеждин опять запутался здесь, упустив из виду, что «приготавливать» демонстрации (до сих пор происходившие в громадном большинстве случаев совершенно стихийно) может только уже «собранное и организованное» войско, а мы именно не умеем собрать и организовать. «Работа среди безработных». Опять та же путаница, ибо это тоже представляет из себя одно из военных действий мобилизованного войска, а не план мобилизовать войско. До какой степени и тут недооценивает Надеждин вреда нашей раздробленности, отсутствия у нас «200.000 сил», видно из следующего. «Искру» упрекали многие (в том числе и Надеждин) за бедность сведений о безработице, за случайность корреспонденций о самых обыденных явлениях деревенской жизни. Упрск справедлив, но «Искра» тут «без вины виновата». Мы стараемся «провести ниточку» и через деревню, но каменщиков там почти нигде нет, и приходится прощирать всякого, сообщающего даже обыденный факт,—в надежде, что это умножит число сотрудников по этой области и научит всех нас выбирать, наконец, и действительно выпуклые факты. Но материала-то для учебы так мало, что без обобщения его по всей России учиться решительно не на чем. Несомненно, что человек, обладающий хотя приблизительно такими же агитаторскими способностями и таким знанием жизни босяка, какие видны у Надеждина, мог бы оказать агитацией среди безработных неоценимые услуги движению,—но такой человек зарыл бы в землю свой талант, если бы не позаботился оповещать всех русских товарищей о каждом шаге своей работы на поученье и пример людям, которые, в массе своей, и не умеют еще взяться за новое дело.

О важности объединения, о необходимости «собрать и организовать» говорят теперь решительно все, но нет в большинстве случаев никакого определенного представления о том, с чего начать и как вести это дело объединения. Все согласятся, наверное, что если мы «объединяем» отдельные—скажем, районные—кружки одного города, то для этого необходимы общие учреждения, т.-е. не одно только общее звание «союза», а действительно общая работа, обмен материалом, опытом и силами, распределение функций уже не только по районам, а по специальностям всей городской деятельности. Всякий согласится, что со-

лидный конспиративный аппарат не окупится (если можно употребить коммерческое выражение) «средствами» (и материальными и личными, разумеется) одного района, что на этом узком поприще не развернуться таланту специалиста. То же самое относится однако и к объединению разных городов, ибо и такое поприще, как отдельная местность, оказывается и оказалось уже в истории нашего социал-демократического движения непомерно узким: мы это подробно доказывали выше на примере и политической агитации, и организационной работы. Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать фактическую связь между городами на регулярной общей работе, ибо раздробленность придавливает людей, которые «сидят как в яме» (по выражению автора одного письма в «Искру»), не зная, что делается на белом свете, у кого им поучиться, как добыть себе опыт, как удовлетворить желание широкой деятельности. И я продолжаю настаивать, что эту фактическую связь можно начать создавать только на общей газете, как единственном регулярном общерусском предприятии, суммирующем итоги самых разнообразных видов деятельности и тем подталкивающим людей идти неустанно вперед по всем многочисленным путям, ведущим к революции, как все дороги ведут в Рим. Если мы не на словах только хотим объединения, то надо, чтобы каждый местный кружок тотчас же уделил, скажем, четверть своих сил активной работе над общим делом, и газета сразу показывает ему *) общий абрис, размеры и характер этого дела, показывает, какие именно пробелы всего сильнее ощущаются во всей общерусской деятельности, где нет агитации, где слабы связи, какие колесики громадного общего механизма мог бы данный кружок подправить или заменить лучшими. Кружок, не работавший еще, а только ищущий работы, мог бы начинать уже не как кустарь в отдельной маленькой мастерской, не ведающий ни развития «промышленности» до него, ни общего состояния данных промышленных способов производства, а как участник широкого предприятия, отражающего весь общереволюционный натиск на самодержавие. И чем совершеннее была бы отделка каждого колесика, чем больше число деталей работни-

*) Оговорка: если он сочувствует направлению этой газеты и считает полезным для дела стать ее сотрудником, понимая под этим не только литературное, а вообще всякое революционное сотрудничество.

Прим. для «Раб. Дела»: между революционерами, которые ценят дело, а не игру в демократизм, которые не отделяют «сочувствия» от самого активного и живого участия, эта оговорка подразумевается сама собою.

ков над общим делом, тем чаще становилась бы наша сеть и тем меньше смятения в общих рядах вызывали бы неизбежные провалы.

Фактическую связь начала бы создавать уже одна функция распространения газеты (если бы таковая заслуживала названия газеты, т. е. выходила регулярно и не раз в месяц, как выходят толстые журналы, а раза четыре в месяц). Теперь сношения между городами по надобностям революционного дела являются величайшей редкостью и, во всяком случае, исключением; тогда эти сношения стали бы правилом и обеспечивали, разумеется, не только распространение газеты, а также (что гораздо важнее) обмен опытом, материалами, силами и средствами. Размах организационной работы сразу стал бы во много раз шире, и успех одной местности поощрял бы постоянно к дальнейшему усовершенствованию, к желанию воспользоваться готовым уже опытом действующего в другом конце страны товарища. Местная работа стала бы гораздо богаче и разностороннее, чем теперь: политические и экономические обличения, собираемые по всей России, давали бы умственную пищу рабочим всех профессий и всех ступеней развития, давали материал и повод для бесед и чтений по самым разнообразным вопросам, поднятым к тому же и намеками легальной печати и разговорами в обществе, и «стыдливymi» правительственными сообщениями. Каждая вспышка, каждая демонстрация оценивалась и обсуждалась бы со всех сторон во всех концах России, вызывая желание не отстать от других, сделать лучше других (мы, социалисты, вовсе не отвергаем вообще всякого соревнования, всякой «конкуренции»!), — подготовить сознательно то, что в первый раз вышло как-то стихийно, воспользоваться благоприятными условиями данной местности или данного момента для видоизменения плана атаки и проч. В то же время это оживление местной работы не приводило бы к тому отчаянному «предсмертному» напряжению всех сил и постановке ребром всех людей, каковым является зачастую теперь всякая демонстрация или всякий номер местной газеты: с одной стороны, полиции гораздо труднее добраться до «корней», раз неизвестно, в какой местности надо искать их; с другой стороны, регулярная общая работа приучала бы людей сообразовать силу данной атаки с данным состоянием сил такого-то отряда общей армии (сейчас о таком сообразовании почти никто никогда и не думает, ибо атаки случаются на девять десятых стихийно) и облегчала бы «перевозку» из другого места не только литературы, но и революционных сил.

Теперь эти силы истекают в массу случаев кровью на узкой местной работе, а тогда являлась бы возможность и постоянно были бы поводы перебрасывать сколько-нибудь способного агитатора или организатора из конца в конец страны. Начиная с маленькой поездки по делам партии на счет партии, люди привыкали бы переходить целиком на содержание партии, делаться профессиональными революционерами, вырабатывать из себя настоящих политических вождей.

И если бы нам действительно удалось достигнуть того, чтобы все или значительное большинство местных комитетов, местных групп и кружков активно взялись за общее дело, мы могли бы в самом недалеком будущем поставить еженедельную газету, регулярно распространяемую в десятках тысяч экземпляров по всей России. Эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но регулярного и в полном значении слова общего дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, ~~из наших рабочих~~ русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и поднимали весь народ на расправу с позором и проклятием России.

Вот о чем нам надо мечтать!

ТЕХНИКА

* * *

«Надо мечтать!» Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и сотрудники «Рабочего Дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?». А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что, по Марксу, человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?».

От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз

подирает по коже, и я думаю только—куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

«Разлад разладу рознь,—писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев.—Моя мечта может обгонять естественный ход событий, или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками,—тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит ни какого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно» *).

Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма».

в) Какого типа организация нам нужна?

Из предыдущего читатель видит, что наша «тактика-план» состоит в отрицании немедленного призыва к штурму, в требовании устроить «правильную осаду неприятельской крепости», или иначе в требовании направить все усилия на то, чтобы собрать, организовать и мобилизовать постоянное войско. Когда мы осмеяли «Рабочее Дело» за его прыжок от экономизма к воплям о штурме (раздавшимся в апреле 1901 г. в № 6 «Листка Раб. Дела»), оно обрушилось, разумеется, на нас с обви-

*) См. статью Писарева: «Промахи незрелой мысли». Ред.

нением в «доктринерстве», непонимании революционного долга, в призыве к осторожности и т. п. Нас несколько не удивили, конечно, эти обвинения в устах людей, не имеющих никаких устоев и отделяющихся глубокомысленной «тактикой-процессом», как не удивило и то, что такие обвинения повторил Надеждин, питающий вообще самое величественное презрение к прочным программным и тактическим устоям.

Говорят, что история не повторяется. Но Надеждин из всех сил старается повторить ее и усердно копирует Ткачева⁶⁹), разнося «революционное культурничество», крича о «набате вечесого колокола», об особой «точке зрения кануна революции» и т. п. Он забывает, повидимому, известное изречение, что, если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом. Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством «ужасного» и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть — была величественна, а «эксцитативный» террор маленького Ткачева просто смешон и особенно смешон, когда дополняется идеей организации середняков.

«Если бы «Искра», — пишет Надеждин, — вышла из своей сферы литературщины, она увидела бы, что это (такие явления, как письмо рабочего в «Искре», № 7, и т. п.) симптомы того, что очень-очень скоро начнется «штурм», и говорить теперь (sic!) об организации, тянущейся нитками от общерусской газеты, это — плодить кабинетные мысли и кабинетную работу». Посмотрите же, какая это невообразимая путаница: с одной стороны, эксцитативный террор и «организация середняков» на-ряду с мнением, что «гораздо ближе» собраться вокруг «более конкретного», вроде местных газет, а с другой стороны, «теперь» говорить об общерусской организации значит плодить кабинетные мысли, т.-е., говоря прямее и проще, «теперь» уже поздно! А «широкая постановка местных газет», — это не поздно, почтеннейший Л. Надеждин? И сравните с этим точку зрения и тактику «Искры»: эксцитативный террор — пустяки, говорить об организации именно середняков и о широкой постановке местных газет значит открывать настежь дверь экономизму. Надо говорить о единой общерусской организации революционеров, и говорить о ней не поздно до тех самых пор, когда начнется настоящий, а не бумажный штурм.

«Да, насчет организации у нас обстоят дела крайне не блестяще, — продолжает Надеждин, — да, «Искра» совершенно права, говоря, что главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы... Это хорошо, что вы трезво представляете себе положение наших сил, но зачем же при этом забывать, что толпа вовсе не наша и что

поэтому она у нас не спросит, когда открывать военные действия, и пойдет «бунтоваться»... Когда выступит сама толпа с ее стихийной разрушительной силой, ведь она может смять, оттереть «постоянное войско», в которое все собирались, да не успели вносить чрезвычайно систематическую организацию». (Курсив наш.)

Удивительная логика! Именно потому, что «толпа не наша», неразумно и неприлично кричать о «штурме» сию минуту, ибо штурм есть атака постоянного войска, а не стихийный взрыв толпы. Именно потому, что толпа может смять и оттереть постоянное войско, нам обязательно необходимо «поспевать» за стихийным подъемом со своей работой «внесения чрезвычайно систематической организации» в постоянное войско, ибо, чем больше «поспеем» мы внести такой организованности, тем более вероятно, что постоянное войско не будет смято толпой, а встанет впереди и во главе толпы. Надеждин путается потому, что воображает, будто это систематически организуемое войско занято чем-либо отрывающим его от толпы, тогда как на самом деле оно занято исключительно всесторонней и всеобъемлющей политической агитацией, т.е. именно работой, сближающей и сливающей воедино стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров. Ведь вы, господа, валите с больной головы на здоровую, ибо именно группа «Свобода», внося в программу террор, тем самым зовет к организации террористов, а такая организация действительно отвлекла бы наше войско от сближения его с толпой, которая еще, к сожалению, не наша, которая еще, к сожалению, не спрашивает или мало спрашивает нас о том, когда и как открывать военные действия.

«Мы проглядим самое революцию,—продолжает Надеждин пугать «Искру»,—как проглядели нынешние события, свалившиеся на нас словно снег на голову». Эта фраза, в связи с приведенными выше, наглядно показывает нам нелепость сочиненной «Свободою» особой «точки зрения кануна революции» *). Особая «точка зрения» сводится, если прямо говорить, к тому, что «теперь» поздно уже рассуждать и готовиться. Если так, о почтеннейший враг «литературщины», то к чему же было писать на 132 печатных страницах «о вопросах теории **») и тактики»? Не находите ли вы,

*) Стр. 62. «Канун революции».

**) Впрочем, по вопросам теории в своем «Обзрении вопросов теории» Л. Надеждин почти что ничего не дал, если не считать следующего, весьма любопытного с «точки зрения кануна революции» пассажа: «Бернштейниада в ее целом теряет для нашего момента свой острый характер точно так же, как докажет ли г. Адамович ⁷¹⁾, что г. Струве уже заслужил пряжку, или, наоборот, г. Струве опровергнет г. Адамовича и не согласится на выход.

что «точке зрения кануна революции» более приличествовало бы издание 132 тысяч листов с кратким воззванием «бей их»?

Проглядеть революцию всего менее рискует именно тот, кто ставит во главу угла всей своей и программы, и тактики, и организационной работы всенародную политическую агитацию, как делает «Искра». Люди, занятые по всей России витием питей организации, тянувшейся от общерусской газеты, не только не проглядели весенних событий, а дали нам, наоборот, возможность предсказать их. Не проглядели они и тех демонстраций, которые описаны в №№ 13 и 14 «Искры» ⁷²⁾; напротив, они участвовали в них, живо сознавая свою обязанность идти на помощь стихийному подъему толпы и помогая в то же время, через посредство газеты, ознакомляться с этими демонстрациями и утилизировать их опыт всем русским товарищам. Не проглядают они, если живы будут, и революции, которая потребует от нас прежде всего и больше всего опытности в агитации, умения поддерживать (по-социал-демократически поддерживать) всякий протест, умения направлять стихийное движение, оберегая его и от ошибок друзей, и от ловушек врагов!

Мы подошли таким образом к последнему соображению, которое заставляет нас особенно настаивать на плане организации вокруг общерусской газеты, посредством совместной работы над общей газетой. Только такая организация обеспечит необходимую для социал-демократической боевой организации гибкость, т. е. способность приспособляться немедленно к самым разнообразным и быстро меняющимся условиям борьбы, умение, «с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своей силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения» *). Было бы величайшей ошибкой строить партийную

в отставку,—это решительно все равно, ибо настает слушный час революции» (стр. 110). Трудно было бы рельефнее изобразить бесконечную беззаботность Л. Надеждина насчет теории. Мы провозгласили «канун революции»—поэтому «решительно все равно», удастся ли ортодоксам окончательно сбить с позиции критиков!! И не замечает наш мудрец, что именно во время революции понадобятся нам результаты теоретической борьбы с критиками для решительной борьбы с их практическими позициями!

*) «Искра», № 4: «С чего начать?» (См. стр. 32—39 тома IV. Собр. соч. Н. Ленина. Ред.)—«Революционных культурников, не стоящих на точке зрения кануна революции, долгота работы ничуть не смущает»—пишет Надеждин (стр. 62). Мы заметим по поводу этого: если мы не сумеем выработать такой политической тактики, такого организационного плана, ко-

организацию в расчете только на взрыв и уличную борьбу или только на «поступательный ход серой текущей борьбы». Мы должны всегда вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему, потому что предвидеть заранее смену периодов взрыва периодами затишья очень часто бывает почти невозможно, а в тех случаях, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этим предвидением для перестройки организации, ибо смена эта в самодержавной стране происходит поразительно быстро, будучи иногда связана с одним ночным набегом царских янычар. И самое революцию надо представлять себе отнюдь не в форме единичного акта (как мерещится, повидимому, Надеждиным), а в форме нескольких быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья. Поэтому основным содержанием деятельности нашей партийной организации, фокусом этой деятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна как в период самого сильного взрыва, так и в период полнейшего затишья, именно: работа политической агитации, объединенной по всей России, освещающей все стороны жизни и направленной в самые широкие массы. А эта работа немыслима в современной России без общерусской очень часто выходящей газеты. Организация, складывающаяся само собою вокруг этой газеты, организация ее сотрудников (в широком смысле слова, т. е. всех трудящихся над ней) будет именно готова на все, начиная от спасенья чести, престижа и преэминентности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением всенародного вооруженного восстания.

В самом деле, представьте себе очень обычный у нас случай полного провала в одной или нескольких местностях. При отсутствии у всех местных организаций одного общего регулярного дела такие провалы сопровождаются часто перерывом работы на много месяцев. При наличии же общего дела у всех,—достаточно было бы, при самом сильном провале, нескольких недель

которые были бы непременно рассчитаны на весьма долгую работу и в то же время обеспечивали бы самым процессом этой работы готовность нашей партии оказаться на своем посту и выполнить свой долг при всякой неожиданности, при всяком ускорении хода событий,—то мы окажемся просто жалкими политическим авантюристами. Только Надедин, со вчерашнего дня начавший себя называть социал-демократом, может забывать о том, что цель социал-демократии—коренное преобразование условий жизни всего человечества, что поэтому социал-демократу непозволительно «смущаться» вопросом о долготе работы.

работы двух-трех энергичных людей, чтобы связать с общим центром новые кружки молодежи, возникающие, как известно, весьма быстро даже теперь;—а когда это общее дело, страдающее от провала, у всех на виду, то новые кружки могут возникать и связываться с ним еще быстрее.

С другой стороны, представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласится, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был Ц. К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот сеть агентов*), складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы все местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее,—а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие фактическое единство партии,—а без таких сношений

*) Увы, увы! Опять сорвалось у меня это ужасное слово «агент», так режущее демократическое ухо Маргиновых! Мне странно, почему это слово не обижало корифеев 70-х годов и обижает кустарей 90-х годов? Мне нравится это слово, ибо оно ясно и резко указывает на общее дело, которому все агенты подчиняют свои помыслы и действия, и если нужно заменить это слово другим, то я бы мог остановиться только разве на слове «сотрудник», если бы оно не отзывалось некоторой литературщиной и некоторой расплывчатостью. А нам нужна военная организация агентов. Впрочем, те многочисленные (особенно за границей) Мартиновы, которые любят заниматься «взаимным пожалованием друг друга в генералы», могли бы говорить вместо «агент по паспортной части»—«главноначальствующий отдельной частью по снабжению революционеров паспортами» и т. п.

невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет собой плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а, наоборот, он является самым практичным планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной, насущной работы.

Заключение.

История русской социал-демократии явственно распадается на три периода.

Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 г. г. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития.

Второй период обнимает три-четыре года, 1894—1898 г. г. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это—период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей—совсем молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому ⁷³⁾ какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обязательного впечатления этой героической традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными Народной Воле и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, оварившей их ярким

светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы.

Третий период подготавливается, как мы видели, в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 году (1898—?). Это—период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью,—с одной стороны, в произведениях г.г. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны—у В. И—на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели разрозненно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса—полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей массы сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выпяченными доводами. Социал-демократизм прикидывался до трэд-юнионизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа «Credo» начинала осуществляться, особенно когда «кустарничество» социал-демократов вызвало оживление революционных несоциал-демократических направлений.

И вот, если читатель упрекнет меня за то, что я чересчур подробно занимался каким-то «Раб. Делом», я отвечу на это: «Р. Дело» приобрело «историческое» значение потому, что всего рельефнее отразило в себе «дух» этого третьего периода *). Не последовательный Р. М., а именно флюгерствующие Кричевские и Мартыновы могли настоящим образом выразить разброд и шатания,

*) Я мог бы также ответить немецкой пословицей: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по-русски: кошку бьют, невестке поветки дают. Не одно «Раб. Дело», а широкая масса практиков и теоретиков увлекалась модной «критикой», путалась в вопросе о стихийности, сбивалась с социал-демократического на трэд-юнионистское понимание наших политических и организационных задач.

готовность идти на уступки и перед «критикой», и перед «экономизмом», и перед терроризмом. Не величественное пренебрежение к практике со стороны какого-нибудь поклонника «абсолюта» характерно для этого периода, а именно соединение мелкого практицизма с полнейшей теоретической беззаботностью. Не столько прямым отрицанием «великих слов» занимались герои этого периода, сколько их опошлением: научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину, к которой «свободно» добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника; лозунг «классовая борьба» не толкал вперед к все более широкой, все более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как ведь «экономическая борьба неразрывно связана с политической»; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то «революционную канцелярщину» и ребяческую игру в «демократические» формы.

Когда кончается третий и начинается четвертый период (во всяком случае предвещаемый уже многими признаками),—мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что «на смену» арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса.

В смысле призыва к такой «смене» и сводя вместе все изложенное выше, мы можем на вопрос: что делать?—дать краткий ответ:

Ликвидировать третий период.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Попытка объединения „Искры“ с „Рабочим Делом“.

Нам остается обрисовать ту тактику, которую приняла и последовательно проводила «Искра» в организационных отношениях к «Рабочему Делу». Тактика эта выражена вполне уже в № 1 «Искры», в статье о «Расколе в Заграничном Союзе русск. соц.-дем.»⁷⁴). Мы сразу встали на ту точку зрения, что настоящий «Союз» русских социал-демократов за границей», который был признан на первом съезде нашей партии ее заграничным представителем, раскололся на две организации; — что вопрос о представительстве партии остается открытым, будучи только временно и условно решен тем, что на Парижском Международном Конгрессе в постоянное Международное Социалистическое Бюро было избрано от России два члена, по одному от каждой части расколовшегося Союза. Мы заявили, что по существу «Рабочее Дело» не право, мы решительно встали в принципиальном отношении на сторону группы «Освобождение Труда», но отказались в то же время входить в подробности раскола и отметили заслугу Союза в области чисто-практической работы*).

Таким образом, наша позиция была до известной степени выжидательная: мы сделали уступку господствовавшему среди большинства русских социал-демократов мнению, что рука об руку с «Союзом» могут работать и самые решительные враги экономизма, ибо «Союз» не раз заявлял о своем принципиальном согласии с группой «Освобождение Труда», не претендуя, будто бы, на самостоятельную физиономию в коренных вопросах теории и тактики. Правильность занятой нами позиции косвенно была подтверждена тем, что почти одновременно с выходом первого номера «Искры» (декабрь 1900) от «Союза» отделились три члена, которые образовали так называемую «группу инициаторов» и обратились: 1) к заграничному отделу организации «Искры», 2) к революционной организации «Социал-Демократа» и 3) к «Союзу» с предложением посредничества в ведении переговоров о примирении. Первые две организации сразу ответили согласием, третья — отказом. Правда, когда один оратор изложил эти факты на «объединенном» съезде

*) В основе такой оценки раскола лежало не только ознакомление с литературой, но также и данные, собранные за границей некоторыми побывшими там членами нашей организации⁷⁵).

прошлого года, член администрации «Союза» заявил, что их отказ был вызван исключительно тем, что Союз был недоволен составом группы инициаторов. Считая своим долгом привести это объяснение, я не могу однако не заметить с своей стороны, что считаю его неудовлетворительным: зная о согласии двух организаций на переговоры, «Союз» мог обратиться к ним и через другого посредника или непосредственно.

Весной 1901 г. с прямой полемикой против «Рабочего Дела» выступила и «Заря» (№ 1, апрель) и «Искра» (№ 4, май). Последняя особенно напала на «Исторический поворот» «Рабочего Дела», которое в своем апрельском листке, следовательно, уже после весенних событий, проявило неустойчивость по отношению к увлечению террором и «кровавыми» призывами. Несмотря на эту полемику, «Союз» ответил согласием на возобновление переговоров о примирении при посредстве новой группы «примирителей»⁷⁶). Предварительная конференция из представителей от трех вышеназванных организаций состоялась в июне и выработала проект договора на базисе подробнейшего «принципиального соглашения», напечатанного «Союзом» в брошюре «Два съезда» и Лигой в брошюре: «Документы объединительного съезда»⁷⁷).

Содержание этого принципиального соглашения (или резолюций июньской конференции, как его чаще называют) показывает с полнейшей ясностью, что мы ставили непременно условием соединения самое решительное отрицание всех и всяких проявлений оппортунизма вообще и русского оппортунизма в частности. «Мы отвергаем,—гласит 1 пункт,—всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата,—попытки, выразившиеся в так называемом экономизме, берпштейнианстве, миллеранизме и т. п.». «В круг деятельности социал-демократии входит... идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма (4, с). «Во всех сферах организационно-агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую задачу русского пролетариата — низвержение самодержавия» (5, а) ...«агитация не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» (5, b) ...«не признавая... стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования» (5, с) ...«считаем важной для движения критику течений, возводящих в принцип... элементарность... и узость низших форм движения» (5, d). Даже совершенно посторонний человек, сколько-нибудь внимательно прочитавший эти резолюции, увидит из самой уже их формулировки, что они направлены против людей, которые были оппортунистами и «экономистами», которые забывали хотя на минуту о задаче низвержения самодержавия, которые признавали теорию стадий, возводили в принцип узость и пр. И кто хотя сколько-нибудь знаком с полемикой против «Рабочего Дела» группы «Освобождение Труда», «Зари» и «Искры», тот ни на минуту не усомнится в том, что эти резолюции отвергают пункт за пунктом именно те заблуждения, в которые впадало «Рабочее Дело». Поэтому, когда на «объединительном» съезде один из членов «Союза» заявил, что статьи в № 10 «Рабочего Дела» вызваны не новым «историче-

ским поворотом» «Союза», а чрезмерной «абстрактностью» *) резолюций— то один оратор имел полное право посмеяться над этим. Резолюции не только не абстрактны,—ответил он,—а невероятно конкретны: одного взгляда на них достаточно, чтобы видеть, что тут «кого-то ловили».

Это последнее выражение подало повод к характерному эпизоду на съезде. С одной стороны, Б. Кричевский ухватился за слово «ловили», решив, что это—обмолвка, выдающая дурной умысел с нашей стороны («подставить ловушку»), и патетически воскликнул: «Кого же именно, кого тут ловили?»—«Вот, в самом деле, кого?» иронически спросил Плеханов.—«Я помогу недогадливости товарища Плеханова,—отвечал Б. Кричевский,—я объясню ему, что тут ловили редакцию «Рабочего Дела» (общий хохот). Но мы не дали себя поймать!» (замечания слева: тем хуже для вас!)—С другой стороны, член группы «Борьба» (группы примирителей), говоря против поправок «Союза» к резолюциям и желая защищать нашего оратора, заявил, что выражение «ловили», очевидно, нечаянно сорвалось в пылу полемики.

Что касается меня, то я думаю, что от такой «защиты» не позовится оратору, употребившему разбираемое выражение. Я думаю, что слова «кого-то ловили», «в шутку сказаны, да всерьез задуманы»: мы всегда обвиняли «Рабочее Дело» в неустойчивости, в шатаниях, и потому, естественно, должны были постараться поймать его, чтобы сделать впредь шатания невозможными. О дурном умисле не могло тут быть и речи, ибо дело шло о принципиальной неустойчивости. И мы сумели «поймать» «Союз» настолько по-товарищески **), что июньские резолюции подписал сам Б. Кричевский и еще один член администрации «Союза».

Статьи в № 10 «Рабочего Дела» (наши товарищи увидели этот номер только тогда, когда приехали на съезд, за несколько дней до начала заседаний) ясно показали, что с лета по осень в «Союзе» произошел новый поворот: экономисты опять взяли верх, и редакция, послушная всякому «веянию», принялась опять защищать «самых отъявленных бернштейнианцев» и «свободу критики», защищать «стихийность» и проповедывать устами Мартынова «теорию сужения» сферы нашего политического воздействия (в видах, будто бы, осложнения самого воз-

*) Утверждение это повторено в «Двух съездах», стр. 25.

**) Именно: мы сказали во вступлении к июньским резолюциям, что русская социал-демократия в целом всегда стояла на почве принципов группы «Освобождение Трудя» и что заслугой «Союза» была в особенности его издательская и организационная деятельность. Другими словами, мы выражали полную готовность предать забвению все прошлое и признать полезность (для дела) работы наших товарищей из «Союза» под условием того полного прекращения шатаний, которое мы преследовали «уловлением». Всякий беспристрастный человек, прочитав июньские резолюции, именно так только и поймет их. Если же «Союз» теперь, после того как он вызвал разрыв с своим новым поворотом к экономизму (в статьях № 10 и в поправках), обвиняет нас торжественно в неправде («Два съезда», стр. 30) за эти слова об его заслугах, то такое обвинение способно вызвать, конечно, только улыбку.

действия). Еще раз подтвердилось меткое замечание Парвуса, что оппортуниста трудно поймать какой бы то ни было формулой: он легко подпишет всякую формулу и легко отступит от нее, так как оппортунизм состоит именно в отсутствии сколько-нибудь определенных и твердых принципов. Сегодня оппортунисты отвергли всякие попытки снесения оппортунизма, отвергли всякую узость, обещали торжественно «ни на минуту не забывать о низвержении самодержавия», вести «агитацию не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» и пр. и пр. А завтра они меняют способ выражения и принимаются за старое под видом защиты стихийности, поступательного хода серой, текущей борьбы, превознесения требований, сулящих осязательные результаты, и т. п. Продолжая утверждать, что в статьях № 10 «Союз не видел и не видит никакого еретического отступления от общих принципов проекта конференции» («Два съезда», стр. 26) «Союз» обнаруживает этим только полную неспособность или нежелание понять суть разногласий.

После № 10 «Рабочего Дела» нам оставалось сделать только одну попытку: начать общую дискуссию, чтобы убедиться, солидарен ли весь «Союз» с этими статьями и с своей редакцией. «Союз» особенно недоволен нами за это, обвиняя нас в попытке посеять рознь в «Союзе», в вмешательстве не в свое дело и проч. Обвинения явно неосновательные, ибо при выборной редакции, «поворачивающей» при самом легком востерке, все зависит именно от направления ветра, и мы определяли это направление в закрытых заседаниях, на которых, кроме членов собравшихся объединяться организаций, никого не было. Внесение от имени «Союза» поправок к июньским резолюциям отняло у нас и последнюю тень надежды на соглашение. Поправки документально засвидетельствовали новый поворот к экономизму и солидарность большинства «Союза» с № 10 «Рабочего Дела». Из круга проявлений оппортунизма вычеркивался «так называемый экономизм» (ввиду якобы «неопределенности смысла» этих трех слов,—хотя из такой мотивировки вытекает лишь необходимость более точно определить сущность широко распространенного заблуждения), вычеркивался и «миллеранизм» (хотя Б. Кричевский защищал его и в «Рабочем Деле» № 2—3, стр. 83—84 и еще прямее в «Vorwärts'e») *). Несмотря на то, что июньские резолюции определенно указали задачу социал-демократии—«руководить всякими и проявлениями борьбы пролетариата против всех форм политического, экономического и социального угнетения», требуя тем самым внесения плановости и единства во все эти проявления борьбы,—«Союз» добавлял еще совершенно лишние слова, что «экономическая борьба является могучим стимулом массового движения» (сами по себе эти слова бесспорны, но при существовании узкого «эконо-

*) В «Vorwärts'e» началась полемика по этому поводу между теперешней редакцией его, Каутским и «Зарей». Мы не преминем познакомить русских читателей с этой полемикой.

мизма», они не могли не дать повода к ложетолкованиям). Мало того, в июньские резолюции вносилось даже прямое сужение «политики» как посредством удаления слов «ни на минуту» (не забывать о цели низвержения самодержавия), так и посредством добавления слов, что «экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу». Понятно, что после внесения таких поправок все ораторы нашей стороны стали один за другим отказываться от слова, находя совершенно бесполезным дальнейшие переговоры с людьми, опять поворачивающими к экономизму и обеспечивающими себе свободу шатания.

Именно то, что Союз считал условием *sine qua* поп прочности будущего соглашения, т. е. сохранения самостоятельной физиономии «Рабочего Дела» и его автономии,—именно это «Искра» считала камнем преткновения для соглашения («Два съезда», стр. 25). Это очень неточно. На автономию «Рабочего Дела» мы никогда не посягали *). Самостоятельность его физиономии мы действительно безусловно отвергали, если понимать под этим «самостоятельную физиономию» в принципиальных вопросах теории и тактики: июньские резолюции именно и содержат в себе безусловное отрицание такой самостоятельности физиономии, ибо эта «самостоятельность физиономии» на практике всегда означала, повторяем, всяческие шатания и поддержку этими шатаниями господствующего у нас и невыносимого в партийном отношении разброда. Статьями в № 10 и «поправками» «Рабочее Дело» ясно показало свое желание сохранить за собою именно эту самостоятельность физиономии, а такое желание естественно и неизбежно повело к разрыву и объявлению войны. Но мы все готовы были признать «самостоятельную физиономию» «Р. Д.» в смысле сосредоточения его на определенных литературных функциях. Правильное распределение этих функций напрашивалось само собою: 1) научный журнал, 2) политическая газета и 3) популярные сборники и популярные брошюры. Только согласие «Р. Д.» на такое распределение доказало бы искреннее желание его свести окончательно счеты с теми заблуждениями, против которых направлены июньские резолюции, только такое распределение устранило бы всякую возможность трений и обеспечило на самом деле прочность соглашения, послужив в то же время базисом для нового подъема нашего движения и новых успехов его.

Теперь ни один русский социал-демократ не может уже сомневаться в том, что окончательный разрыв революционного направления с оппортунистическим вызван не «организационными» какими-либо обстоятельствами, а именно желанием оппортунистов упрочить самостоятельную физиономию оппортунизма и продолжать вносить в умы путаницу рассуждениями Кричевских и Мартыновых.

*) Если не считать стеснением автономии те редакционные совещания в связи с учреждением общего верховного совета объединенных организаций, на которые согласилось в июне и «Рабочее Дело».

Доклад редакции „Искры“ совещанию (конференции) комитетов Росс. С.-Д. Р. Партии ⁷⁸).

5 марта 1902 г.

Товарищи! Мы получили только третьего дня извещение о созыве совещания на 21-ое марта вместе с совершенно неожиданным сообщением, что первоначальный план устроить конференцию заменен планом устроить партийный съезд. Кем совершена эта внезапная и немотивированная замена, мы не знаем. С своей стороны мы находим ее крайне неудачной, мы протестуем против таких быстрых перерешений необыкновенно сложных и важных в партийном отношении шагов, мы усиленно советуем возвратиться к первоначальному плану устройства конференции.

Чтобы убедиться в необходимости этого, достаточно, по нашему мнению, всмотреться внимательнее в список вопросов (Tagesordnung) съезда, сообщенный нам тоже только третьего дня, при чем мы не знаем, есть ли это только проект Tagesordnung'a, предлагаемый одной организацией или несколькими. Список намечает девять вопросов, подлежащих обсуждению съезда, в следующем порядке (излагаю содержание вопросов сокращенно): А) экономическая борьба; В) политическая борьба; С) политическая агитация; D) 1 мая; Е) отношение к оппозиционным элементам; F) отношение к революционным группам, не входящим в партию; G) организация партии; H) центральный орган и I) заграничное представительство и заграничные партийные организации.

Во-первых, этот список своей архитектурой и редакцией отдельных вопросов неотразимо производит впечатление «экономизма». Мы не думаем, конечно, чтобы организация, представляющая этот список, держалась и по сию пору «экономических воззрений» (хотя до некоторой степени это и не совсем невозможно), но мы просим товарищей не забывать, что надо считаться и с общественным мнением международной революционной социал-

демократии и с распространенными еще у нас остатками «экономизма». Подумайте только: передовая партия политической борьбы собирает съезд в момент величайшего напряжения всех революционных и оппозиционных сил страны, начавших прямой натиск на самодержавие,—и вдруг во главу угла мы ставим «экономическую борьбу», за которой только следует «политика»!! Разве это не копирует то традиционное заблуждение наших экономистов, будто политическая агитация (resp.: борьба) должна следовать за экономической? Разве можно себе представить, чтобы какая-либо европейская социал-демократическая партия в революционный момент вздумала выдвинуть на первое место среди всех вопросов вопрос о профессиональном движении? Или возьмите это отделение вопроса о политической агитации от вопроса о политической борьбе! Разве не сквозит тут обычное заблуждение, противопоставлявшее политическую агитацию политической борьбе, как нечто принципиально отличное, нечто принадлежащее к иной стадии? Или, наконец, как объяснить себе, что демонстрации прежде всего фигурируют в списке вопросов, как средство экономической борьбы!?? Нельзя же забывать, в самом деле, что в настоящее время целый ряд чужих по отношению к социал-демократии элементов обвиняет всю социал-демократию в «экономизме»: обвиняют и «Накануне», и «Вестник Русской Революции», и «Свобода», обвиняет даже (даже!) «Русское Богатство». Нельзя забывать, что, каковы бы ни были резолюции конференции, самый уже список вопросов останется историческим документом, на основании которого будут судить о высоте политического развития всей нашей партии.

Во-вторых, список поражает тем, что выдвигает (за несколько дней до съезда!) такие вопросы, которые надо обсуждать только при полной подготовке их, при возможности принять действительно определенные, действительно понятные решения,—иначе лучше вовсе не обсуждать их пока. Напр., пункты Е и F: отношение к оппозиционным и другим революционным направлениям. Необходимо заранее всесторонне обсудить эти вопросы, составить доклады по ним, выяснить различие имеющихся оттенков—и только тогда принимать резолюции, которые бы давали на самом деле нечто новое, которые бы могли служить реальным руководством для всей партии, а не только повторять какое-нибудь традиционное «общее место». Подумайте в самом деле: можем ли мы в несколько дней выработать обстоятельное, мотивированное и считающееся со всеми практическими надобностями движения решение вопросов об отношении их к «революционно-со-

циалистической группе «Свобода» или к новоявленной «партии социалистов-революционеров»? Мы уже не говорим о том, какое, по меньшей степени, странное впечатление произведет на всех упоминание о революционных группах, не входящих в партию, на-ряду с умолчанием о таком важном вопросе, как отношение к Бунду и пересмотр трактующих о нем параграфов решений 1-го съезда партии?

В-третьих,—и это главное,—список вопросов страдает непростительным пробелом: совершенно обойдены молчанием принципиальная позиция современной русской революционной социал-демократии и ее партийная программа. В такой момент, когда весь мир кричит о «кризисе марксизма», а вся русская либеральная публицистика даже о распадении и исчезновении его, когда вопрос о «двух течениях в русской социал-демократии» не только поставлен на очередь, но и успел даже войти во всякие программы систематического чтения, в программы лекций пропагандистов и занятий кружков самообразования,—в такой момент обходить молчанием названные вопросы совершенно невозможно. Над нами, товарищи, и то уже печатно пронизывают наши противники (см. Надеждина «Канун революции»), что мы привыкли «рапортом рапортовать: все обстоит благополучно»!..

Все указанные недостатки списка вопросов убедительно доказывают, по нашему мнению, нерациональность плана превратить созванную уже конференцию в съезд. Мы понимаем, разумеется, как сильно чувствуется всеми отсутствие партийных съездов, начиная уже с 1898 года, как соблазнительна мысль воспользоваться затраченными на организацию конференции усилиями, чтобы положить конец этому существованию «партии без партийных учреждений». Но было бы величайшей ошибкой—ради этих прекрасных соображений забыть о том, что от съезда Росс. С.-Д. Р. Партии все ждут теперь решений, стоящих на высоте всех революционных задач современности, что если мы спасем теперь, в такой поистине критический момент,—то мы можем похоронить все надежды социал-демократии на гегемонию в политической борьбе, что лучше не жалеть затраты нескольких тысяч рублей денег и нескольких месяцев подготовительной организационной работы и воспользоваться настоящей конференцией для подготовки к лету действительно общепартийного съезда, способного окончательно вырешить все очередные вопросы и в области теории (принципиальная программа), и в области политической борьбы.

Посмотрите на социалистов-революционеров, которые все более

и более умело пользуются нашими недочетами и двигаются вперед в ущерб социал-демократии. Они только что образовали «партию», учредили теоретический орган, постановили создать ежемесячную политическую газету. Что же скажут про социал-демократов, если они после такого события не сумеют на своем съезде достигнуть даже таких только результатов? Не рискуем ли мы вызвать такое впечатление, что в смысле программной определенности и революционной организации социал-демократы не ушли вперед от этой «партии», заведомо группирующей вокруг себя всякие неопределенные, неопределившиеся и даже неопределимые элементы?

Ввиду всего этого мы думаем, что настоящий съезд представителей от комитетов следует объявить не вторым очередным съездом Росс. С.-Д. Р. П., а частной конференцией и установить главной и непосредственной задачей этой конференции организовать и подготовить к лету действительно общепартийный съезд, который был бы в состоянии и утвердить программу партии, и окончательно наладить еженедельный политический орган партии, и вообще достигнуть полного и фактического объединения всех комитетов и даже всех групп (типографских и пр.) социал-демократов на почве принципиальной выдержанности, верности принципам революционной социал-демократии и действительной боевой готовности к наступательным политическим действиям.

Исходя из этой основной мысли, мы позволим себе предложить на усмотрение товарищей следующий Tagesordnung нашей конференции:

1. Принципиальная резолюция. В этой резолюции необходимо высказаться с полной определенностью против тех прискорбных попыток сужения нашей теории и наших задач, которые были достаточно широко распространены в ближайшем прошлом. Отвергнув в решительных выражениях всякое такое сужение, партийная конференция сделает важное дело для принципиального объединения всех социал-демократов и поднимет пошатнувшийся престиж революционного марксизма. Может быть, некоторые товарищи выскажут опасение, что обсуждение принципиальной резолюции отнимет массу времени и нанесет ущерб занятию практическими вопросами? Мы совершенно не разделяем этих опасений, полагая, что продолжительные дебаты в нелегальной печати настолько разъяснили вопрос, что мы очень быстро и легко сойдемся на принципах революционной социал-демократии. Обойтись же без принципиальной резолюции никак не возможно.

Кроме того, устранение этого вопроса с Tagesordnung'a конференции все равно не достигло бы цели, ибо при обсуждении резолюции об экономической борьбе, политической борьбе и пр. неизбежно встал бы тот же самый вопрос, но в более отрывочном виде. Гораздо целесообразнее будет поэтому сначала покончить с этим и не дробить наших резолюций *), а изложить в связанном виде взгляд на наши основные задачи.

С своей стороны мы попытаемся набросать проект такой резолюции и поместить ее в приложении к этому докладу (если успеем сделать это **).

2. Второй очередной съезд Росс. С.-Д. Р. П. Мы имеем в виду здесь предварительное (и, конечно, в известной степени предположительное) решение вопроса о времени съезда (лето или, самое позднее, осень, ибо желательно покончить к началу будущего «сезона»), о месте его (при чем надо тщательно взвесить конспиративные условия), о необходимых средствах на устройство его («Искра», с своей стороны, готова была бы сейчас же ассигновать на эту цель 500 р. из одного специального, полученного ею, пожертвования; возможно, что вскоре мы нашли бы и еще столько же или даже больше. Надо обсудить, сколько тысяч рублей будет это примерно стоить и как именно собирать недостающее),—наконец, об общих основаниях и возможной полноте представительства (т.-е., чтобы были представлены определенно намеченные наперед комитеты и известные группы, может быть, и кружки русских социал-демократов, не говоря о сравнительно легкой задаче представить обе заграничные с.-д. организации; надо установить и порядок обсуждения вопроса о призыве на съезде организаций, имеющих возникнуть за промежуток времени между конференцией и съездом, и пр. и пр.).

3. Выбор Организационного Комитета. Задачей этого О. К. было бы, вообще говоря, приведение в исполнение решений конференции, подготовка и устройство съезда, окончательное определение его времени и места, его практическая организация, подготовка таких функций, как транспорт, постановка партийных типографий в России (орг. «Искры» располагает 2-мя ти-

*) В оригинале далее следует зачеркнутые после карандашом слова: «о политической агитации, стачках и проч.». Прим. ред. (Это и след. примечания, устанавливающие состояние рукописи тов. Ленина, сделаны ред. журнала «Летопись Революции», в распоряжении которой находится подлинная рукопись тов. Ленина; они отмечены подписью: «Прим. ред.». Ред.)

**) Черновик резолюции В. И. успел набросать. Он напечатан ниже см. стр. 282—283. Ред.

пографиями в России *). За три-четыре месяца этот О. К., поддержанный всеми организациями, мог бы вполне подготовить почву для образования настоящего Ц. К., способного *de facto* руководить всей политической борьбой нашей партии.

Ввиду сложности и разносторонности задач О. К., его следовало бы, по нашему мнению, составить не из очень малого числа лиц (5—7 человек), предложив им выбрать бюро, распределить функции и съезжаться несколько раз до съезда.

4. Выборы комиссии для выработки проекта партийной программы. Так как редакция «Искры» (а в том числе и группа «Освоб. Труда») уже давно работает над этим трудным делом, то мы позволили бы себе предложить товарищам такой план. У нас уже закончен весь проект практической части программы, в том числе и проект аграрной программы, и кроме того составлены два варианта принципиальной части программы. Наш представитель ознакомит конференцию с этими проектами, если это будет найдено нужным, и если он, с своей стороны, не встретит препятствий к этому. Из этих двух вариантов мы составляем теперь один общий проект, при чем опубликовать его в черном виде, то-есть до окончания этой работы, мы, разумеется, не желали бы. Если бы конференция выбрала нескольких человек для присоединения к нашей редакции на предмет выработки программы, то это было бы, может быть, наиболее практичным решением вопроса.

С своей стороны мы во всяком случае можем теперь же взять на себя формальное обязательство перед товарищами представить через несколько недель окончательный проект партийной программы, который мы хотели заранее напечатать в «Искре» для ознакомления всех товарищей и получения их замечаний **).

*) Последняя фраза (в скобках) написана в рукописи карандашом вместо след. зачеркнутого большого абзаца: «(при содействии «Искры» в России возникли две сочувствующие нашим изданиям местные типографские группы, успевшие в своих двух типографиях издать №№ 10 и 11 «Искры», брошюры: «Что же дальше?», «10-летие Морозовской стачки», «Речь Петра Алексеева», «Обв. акт по обуховскому делу» и мн. др., вместе с рядом листов. Мы надеемся, что представителям этих местных групп удастся участвовать в занятиях конференции и что они окажут всякое содействие осуществлению общепартийных задач)—затем содействие всяким местным, профессиональным (рабочим), студенческим и т. п. организациям и пр. и пр.». Весь этот абзац перечеркнут карандашом и поверх него написано: «изменено». Прим. ред.

**) Последние два абзаца в рукописи перечеркнуты и поверх их карандашом написано: «сократить». Так как сокращенного текста нам найти не удалось, то мы оставляем в тексте первоначальную редакцию. Прим. ред.

5. Центральный орган. Ввиду громадных трудностей дела постановки правильно выходящего и достаточно оборудованного с литературной и технической стороны периодического органа,—конференция, по примеру первого съезда Партии, вероятно, остановилась бы на одном из существующих органов. Будет ли этот вопрос решен таким образом, или будет намечена постановка совершенно нового органа, во всяком случае надо будет поручить особой комиссии, или еще лучше тому же Орг. Комитету, подготовку этого дела и всестороннее обсуждение его сообща с имеющейся на-лицо или с новой выбранной редакцией.

К этим обсуждениям необходимо было бы, по нашему мнению, привлечь группу «Освоб. Труда», без участия и руководства которой мы не можем представить себе правильной постановки принципиально выдержанного и удовлетворяющего вообще всем нуждам движения политического журнала.

Так как уже до конференции имелись попытки поставить 2-х-недельный орган, то Партии следовало бы наметить ближайшей задачей постановку еженедельной газеты: это было бы вполне возможно при условии действительно общей работы всех русских социал-демократов над таким органом.

6. Подготовка списка вопросов для партийного съезда и докладов по ним. Конференции следовало бы отчасти наметить самой, отчасти поручить Орг. Комитету составить этот список и непременно назначить (resp.: подыскать) докладчиков по каждому вопросу. Только при условии предварительного назначения докладчиков можно обеспечить действительно всестороннее обсуждение вопросов (некоторые доклады в полном виде или отчасти могли бы быть напечатаны заранее и подвергнуться обсуждению в прессе: например, мы надеемся вскоре напечатать почти законченный уже реферат, одного из членов редакции об аграрной программе русской социал-демократии⁷⁹⁾ и т. п.)—и правильное решение их на съезде.

7. Текущие практические вопросы движения,—например, а) обсуждение и принятие майского листка (resp.: обсуждение проектов листка, представленного «Искрой» и другими организациями);

б) майская демонстрация—время и способы ее устройства;

в) поручение Орг. Комитету содействовать устройству бойкотов, демонстраций и т. п., а равно и постепенное приготовление и умов членов партии и сил и средств партии к всенародному восстанию *);

*) Слова начиная с: «а равно» и кончая: «всенародному восстанию» подчеркнуты карандашом, сверху надписано: «упоминуть ad § 3». Прим. ред.

г) разные финансовые вопросы о расходах на Орг. Комитет и т. п.

Заканчивая этим свой доклад по вопросам о задачах и Tagesordnung'e нашего съезда, мы заметим только, что составить подробный доклад о деятельности «Искры» для нас совершенно невозможно, вследствие крайнего недостатка времени. Мы вынуждены ограничиться поэтому нижеприлагаемым кратким наброском.

— Черняк резолюции *).

1. Конференция решительно отвергает все и всяческие попытки внесения оппортунизма в революционное классовое движение пролетариата,—попытки, выразившиеся в так называемой «критике марксизма», бернштейнизме и экономизме. В то время, как буржуазия всех стран ликует по поводу пресловутого «кризиса в социализме», конференция от имени Росс. С.-Д. Р. П. заявляет свою солидарность с революционной международной социал-демократией и свое твердое убеждение, что из этого кризиса социал-демократия выйдет еще более окрепшей и готовой на беспощадную борьбу за осуществление ее великих идеалов.

2. Конференция заявляет свою солидарность с Манифестом Росс. С.-Д. Р. П. и подтверждает, что ближайшей политической задачей партии она считает низвержение самодержавия. Конференция заявляет, что во главу угла своей деятельности, направленной к осуществлению этой ближайшей задачи, а равно и своей конечной цели, социал-демократия ставит всестороннюю и всенародную политическую агитацию, призывающую пролетариат на борьбу против всех проявлений экономического, политического, национального и социального угнетения, на какую бы часть населения этот гнет ни направлялся. Конференция заявляет, что партия будет поддерживать всякое революционное прогрессивно-оппозиционное движение против существующего политического и общественного строя. Как практическое средство борьбы, конференция особенно рекомендует устройство бойкотов, манифестаций в театрах и т. п., а равно организованные массовые демонстрации. Конференция советует всем комитетам и группам партии обратить внимание на необходимость подготовительных мероприятий к об-

*) Проект писан карандашом (приведенный выше доклад—чернилами), крайне наспех, с частыми сокращениями слов. Слово «черняк» подчеркнуто трижды. Прим. ред.

щенародному вооруженному восстанию против царского самодержавия.

3. Конференция заявляет, что русская социал-демократия по-прежнему будет руководить экономической борьбой пролетариата, будет заботиться о расширении ее и развитии вглубь, об укреплении идейной и организационной связи ее с социал-демократическим рабочим движением, будет стремиться использовать всякое проявление этой борьбы для развития политического сознания пролетариата и вовлечения его в политическую борьбу. Конференция заявляет, что нет никакой необходимости вести сначала агитацию только на экономической почве или считать вообще экономическую агитацию наиболее широко применимым средством для вовлечения масс в политическую борьбу.

(NB: очень важно поймать и тут «Раб. Дело» еще раз! *).

4. (М.-б. насчет крестьянства в духе нашей аграрной программы?

Постараюсь составить и послать в след.).

Напечатано не было.

Подлинная рукопись Ленина

находится в архиве журнала:

„Летопись Революции“

*) Курсив везде автора доклада; в оригинале набранные нами курсивом слова последней фразы подчеркнуты дважды. При м. ред.

Письмо N N к С. С-у *).

(Замечания на „программу“ С. С.) ^{79a}).

Прежде всего следует отметить основной недостаток «программы» в формальном отношении, именно: смешение основных принципиальных положений научного социализма с узкими конкретными задачами не только одного момента, но и одной местности. Этот недостаток выяснится сразу, если только пересмотреть содержание всех 15-ти §§ программы. Сделаем это.

§ 1.—цель рабочего движения вообще.

§ 2.—основное условие достижения этой цели.

§ 3.—ближайшая политическая задача русской социал-демократии.

§ 4.—отношение русской соц.-демократии к либералам и проч.

§ 5.—то же.

§ 6.—понятия «класса» и «партии» (частное разногласие с экономистами).

§ 7.—практические задачи агитации.

§ 8.—значение пропаганды.

§ 9.—о демонстрациях и манифестациях.

§ 10.—о праздновании 1-го мая.

§ 11.—листки о демонстрации 19 февраля.

§ 12.—экономическая борьба и социальные реформы.

§ 13.—необходимость не только оборонительной, но и наступательной борьбы рабочих.

§ 14.—активная, не только пассивная, роль по отношению к стачкам.

*) Т.-е. «к Северному Союзу». Таково же значение инициалов «С. С.» всюду ниже. Под инициалами N N скрыл себя В. И. Ленин. Курсив в тексте везде принадлежит автору. Прим. ред. (Это и след. примечания, устанавливающие состояние рукописи тов. Ленина, принадлежат редакции журнала: «Летопись Революции», из № 1 которого мы их заимствуем. Они отмечены подписью: «Прим. ред.». Ред.)

§ 15.—стачки, как лучшее средство борьбы.

Легко видеть, что столь разнообразные по содержанию параграфы надо было бы разделить на разные отделы (иначе возможны значительные недоразумения со стороны публики, неспособной отличить основные принципы от практических задач момента). Не только пеловко, но даже неправильно и двусмысленно ставить рядом и указание на конечную цель социализма, и объяснение с экономистами или определение значения стачек. Надо было бы ясно отделить принципиальное заявление своих убеждений вообще,—затем указание политических задач партии, как их понимает С.С.,—и, в-третьих, от этих, программных в собственном смысле слова, положений отделить резолюцию организации (С. С.) по вопросам практического движения (§§ 7—11 и 13—15). § 6 должен бы был стоять особо, как определение отношения С. С. к разногласиям в среде русских с.-д. А § 12 должен бы был войти в принципиальное заявление (ибо отношение текущей борьбы за мелкие улучшения и реформы к борьбе за конечную цель есть общий, а не специально-русский вопрос).

После этого общего замечания перейду к разбору отдельных §-ов.

§ 1 намечает общие цели с.-д-тии вообще. Указание этих целей сделано чрезвычайно кратко и отрывочно. Правда, в программе местной организации нельзя было вдаваться в подробности, необходимые для программы партии. Вполне признавая это и считая очень полезным и важным решение С. С. не умалчать об основных принципах с.-д-тии даже в программе местной организации, я бы считал только необходимым добавить в этом случае указание на более обстоятельное изложение основных принципов. То-есть: надо было указать, например, что С. С. стоит на почве международного научного социализма (на международный характер движения не указано нигде в программе) и разделяет теорию «революционного марксизма». Наряду с таким общим указанием своих принципов возможно было бы поставить положение вроде § 1, но, отдельно взятый, он (§ 1) недостаточен.

Как входящая в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию организация, С. С. должен был бы указать на солидарность с «Манифестом» ее, при чем полезно было бы указать и солидарность С. С. хотя бы с проектом программы русских с.-д., составленным в 80-х годах группой «Освобождение Труда» *).

*) Перепечатан во II томе Собр. соч. Г. В. Плеханова, под ред. Д. Рязанова. Ред.

Такое указание, не предвещая вопроса о видоизменениях, необходимых в этом проекте, точнее определяло бы принципиальную позицию С. С. Одно из двух: или надо самим составить полное изложение всех основных принципов социал-демократии (т.-е. самим составить принципиальную часть с.-д. программы), или надо заявить вполне определенно о том, что С. С. принимает более или менее известные, установленные принципы. Третий же путь, выбранный программой—указание, совершенно отрывочное, на конечную цель—не годится.

§ 2-й начинается крайне неточным, двусмысленным и опасным заявлением: «считая социализм—классовым интересом пролетариата». Эти слова как бы отождествляют социализм с «классовым интересом пролетариата». А это отождествление совершенно неправильно. Именно в настоящее время, когда необычайно широко распространилось крайне узкое понимание «классовых интересов пролетариата», прямо непозволительно выставлять формулу, которая, если и может быть, с грехом пополам, признана, то лишь при условии чрезвычайно широкого понимания выражения «классовый интерес». «Классовый интерес» заставляет пролетариев объединяться, бороться с капиталистами, думать над условием своего освобождения. «Классовый интерес» делает их восприимчивыми к социализму. Но социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т.-е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д., и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм вносится идеологами. Формулировка же 2-го § совершенно неверно освещает действительное отношение социализма к классовой борьбе. Да и о классовой борьбе § 2 не говорит. Это—второй его недостаток.

§ 3 характеризует абсолютизм недостаточно (не указано, например, на связь его с остатками крепостного права), отчасти фразисто («безграничный») и расплывчато («игнорирование» личности). Далее, завоевание политической свободы (надо бы отметить, что эту задачу ставит С. С. всей партии) необходимо не только для полного развития классовой борьбы рабочих; надо было в той или иной форме указать, что оно необходимо и в интересах всего общественного развития.

«Самодержавие представляет интересы исключительно господствующих классов». Это неточно или неверно. Самодержавие удовлетворяет известные интересы господствующих классов, дер-

жась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу. Формулировка 3-го § особенно недопустима ввиду того, что у нас сильно распространено нелепое отождествление русского самодержавия с господством буржуазии.

«Несовместно с принципом демократии». К чему это, раз о демократии не было еще сказано ничего? И разве требование низвержения самодержавия и завоевания политической свободы не выражает именно «принцип» демократии? Эта фраза не годится. Вместо нее следовало бы указать поточнее на нашу последовательность и решительность (по сравнению с буржуазной демократией) в понимании «принципа демократии», например,—обрисовать так или иначе понятие и содержание *) «демократической конституции» или заявить о нашем «принципиальном» требовании демократической республики

§ 4 особенно неудовлетворителен. Вместо того, чтобы **) говорить о «полном» использовании «широкой» свободы (это, собственно, неопределенные фразы, вполне заменимые и должны быть замененными точным указанием на демократические республики и демократическую конституцию, ибо «полнота» в последовательном демократизме и состоит),—вместо этого ***) обязательно было сказать о том, что в политической свободе заинтересован не только рабочий класс. Умолчать об этом—значит настежь открывать двери худшим формам «экономизма» и забывать наши общедемократические задачи.

Совершенно неверно, что осуществление (?? достижение, завоевание) политической свободы—«такая же» необходимость для пролетариата, как повышение платы и сокращение рабочего дня. Именно, не такая: это необходимость другого порядка, гораздо более сложного ****) порядка, чем необходимость повышения платы и т. п. Различие «необходимости» того и другого порядка наглядно видно, например, и из того, что самодержавие готово давать (и действительно иногда даст) отдельным слоям или группам рабочего класса улучшение положения, лишь бы эти слои помирились с абсолютизмом *****). Разбираемая фраза совершенно недопустима, выражая невероят-

*) Слова «и содержание» вставлены карандашом. Прим. ред.

**) Первоначально было: «прежде чем». Прим. ред.

***) Первоначально стояло: «прежде чем говорить это». Прим. ред.

*****) Первоначально стояло: «гораздо более высшего порядка». Прим. ред.

*****) Последняя фраза вписана карандашом. Прим. ред.

ную вульгаризацию «экономического» материализма и принижение социал-демократического понимания до трэд-юнионистского.

Далее. «Ввиду этого»... подлежит устранению ввиду вышеизложенного... «в предстоящей борьбе»... (т.-е. борьбе с царизмом, очевидно?)... «С.-д. выступали с определенной классовой программой и требованиями»... Классовый характер нашей политической программы и политических требований выражается, именно, в «полноте и последовательности» демократизма. Если же говорить не о политических только требованиях, а о всей нашей программе вообще, то ее классовой характер должен вытекать сам собой из содержания нашей программы. Нечего говорить об «определенной» классовой программе, а надо самим прямо и точно определить, изложить, выразить и формулировать эту классовую программу.

...«Не подчиняя программе либеральной»... Это даже смешно. Мы выступаем, как передовая демократическая партия, и вдруг оговариваемся, что «не подчиняем»!!... Точно дети, только что вышедшие из «подчинения»!

«Неподчинение» наше либералам должно выражаться не в фразах о неподчинении, а во всем характере нашей программы (и, разумеется, нашей деятельности). Именно то понимание политических задач, которое отождествляет (или хотя бы приравнивает) необходимость свободы с необходимостью повышения платы и выражает собой подчинение социал-демократии либералам.

Конец 4-го § тоже не годится; критика его дана всем предыдущим.

§ 5 сводит наше общее отношение ко всей демократии вообще к одному сотрудничеству с другими партиями в практических делах. Это слишком узко. Будь на-лицо такие партии, -- надо бы было (не в программе, а в особой резолюции съезда) точно назвать их, и точно определить отношение к соц.-рев., «Свободе» и т. д... Если же речь идет не об определенных партиях, а вообще об отношении к другим революционным (и оппозиционным) направлениям, то надо было формулировать это шире, повторив в той или иной форме положение Коммунистического Манифеста о поддержке нами всякого революционного *) движения против существующего строя.

§ 6-й в программе не у места. Его надо было отнести в особую резолюцию и прямо сказать, что речь идет о разногласиях (или двух направлениях) в русской социал-демократии.

*) Первоначально было написано: «и оппозиционного», но потом это слово тщательно зачернено. Прим. ред.

Это—больше, чем «многочисленные недоразумения». Формулировка разногласий слишком узка, ибо разногласия далеко не сводятся к смешению класса и партии. Надо было решительнее и определеннее высказаться в соответствующем положении против «критики марксизма», «экономизма», сужения наших политических задач.

Что касается второй части шестого §, то так как она поясняется другими параграфами (7, 14 и др.), то критика ее дается критикой этих параграфов.

§ 7, как и все дальнейшие (кроме § 12), должен отойти в особую резолюцию, а не входить прямо в программу.

«Задачу» своей деятельности § 7 формулирует узко. Не только «развивать самосознание пролетариата» должны мы, а также и организовывать его в политическую партию,—а затем руководить его борьбой (и экономической, и политической).

Указание, что пролетариат поставлен в «определенные, конкретные условия», излишне. Либо опустить это, либо определить самим эти условия (но это должно быть сделано в иных местах программы).

Неверно, что агитация есть «единственное» средство осуществления наших задач. Далеко не единственное.

Недостаточно определить агитацию, как «воздействие на широкие слои рабочих. Надо сказать о характере этого воздействия. Надо сказать о политической агитации прямее, решительнее, определеннее и подробнее: иначе, программа,—умалчивающая о политической собственно агитации и говорящая в целых двух параграфах (14 и 15) об экономической агитации,—сбивается (против своей воли) на экономизм. Надо было особенно подчеркнуть необходимость агитации по поводу всех проявлений политического и экономического, бытового и национального гнета, на какие бы классы или слои населения этот гнет ни падал,—необходимость (для с.-д.) быть впереди всех при всяком столкновении с правительством и пр.,—и затем уже указать на средство агитации (устная, газеты, листки, манифестации и проч. и т. п.).

§ 8. Начало—излишнее повторение.

«Признает пропаганду лишь постольку» и т. д. Это неверно. Пропаганда имеет не только это значение, не только «подготовка агитаторов», а и распространение сознания вообще. Программа чересчур перегибает лук в другую сторону. Если нужно было высказаться против пропаганды, чересчур отрываемой кем-нибудь от задач агитации, то лучше бы сказать: «при пропаганде следует особенно не упускать из виду задачи выработки агитаторов» или

в этом роде. Но нельзя сводить всю пропаганду *) к выработке «опытных и умелых агитаторов», нельзя «отрицать» просто-на-просто «выработку только единичных сознательных рабочих». Мы находим это недостаточным, но мы не «отрицаем» этого. Поэтому вторую часть § 8-го (со слов: «относясь отрицательно») следует устранить совершенно.

§ 9. По существу вполне согласен. Может быть, добавить бы: «по поводу самых различных фактов общественной жизни и мероприятий правительства»..

Вместо «лучшим средством» точнее бы: «одним из лучших средств».

Только конец §—неудовлетворителен. Объединяют и должны объединять демонстрации и манифестации не только рабочих (да и недостаточно «объединения» манифестациями, раз мы хотим и организационно, непосредственно и навсегда, а не на одно событие, объединять)... «Развивая в них этим самым»... Это либо не точно: одними манифестациями сознания не разовьешь, либо излишне (сказано уже, что одно из лучших средств).

Добавить бы небесполезно о необходимости организации манифестаций, подготовки их, проведения и пр.

Вообще, отсутствие в программе всякого указания на необходимость обратить большое внимание на дело революционной организации и притом общерусской, боевой организации—составляет большой пробел. Раз уже говорить об агитации, пропаганде, стачках и пр.,—то прямо непростительно умолчать о революционной организации.

§ 10. Следовало бы добавить, что у нас 1 мая должно стать и демонстрацией против самодержавия, требованием политической свободы. Недостаточно указать на интернациональное значение праздника. Надо соединить с ним и борьбу за самые насущные национальные, политические требования.

§ 11. Мысль очень хороша. Но выражена слишком узко. Сказать бы, что ли, «между прочим», ибо и по поводу годовщины Коммуны и мн. др. необходимо организовать демонстрации. Или сказать «в особенности», а то выходит, будто по другим поводам не необходимо.

Далее. 19 февраля нельзя обращаться (в листках) только к рабочим. Не говоря уже о том, что вообще **) демонстрациями и листками по поводу них мы всегда обращаемся ко всему народу и даже всему миру,—19-го-то февраля необходимо обра-

*) Первоначально было: «пропаганду вообще». Прим. ред.

**) Первоначально было: «не говоря уже вообще, что». Прим. ред.

щаться и к крестьянству. А обращаться к крестьянству— значит выработать социал-демократическую политику в аграрном вопросе. Программа не затрагивает этого вопроса, и мы вполне понимаем, что местная организация, может быть, не имеет времени или сил заняться им. Но хотя бы указать на него в той или иной форме, в связи с той или иной попыткой выдвинуть его в русской с.-д. литературе и в практике нашего движения *) следовало бы непременно.

Конец § 11-го не годится («только сила класса» —какого? одного только рабочего?). Следовало бы устранить.

§ 12. «Всячески» мы не можем и не будем способствовать улучшению положения рабочих при существующих условиях. Например, по-зубатовски способствовать не можем **) и даже при условии зубатовского развращения не будем способствовать. Мы боремся только за такое улучшение положения рабочих, которое повышает их способность вести классовую борьбу, т.-е. при котором улучшение условий не соединяется с развращением политического сознания, с опекой полиции, с прикреплением к месту, с порабощением «благодетелю», с унижением человеческого достоинства и проч. и проч.—Именно, в России, где самодержавие так склонно (и все более и более становится склонным) откупаться от революции разными подачками и лжереформами, мы обязаны резко отграничить себя от всяких «реформаторов». Мы тоже боремся за реформы, но именно, не «всячески», а только по-социал-демократически, только по-революционному боремся за реформы.

§ 13, опущен по решению съезда. Его и следовало опустить.

§ 14. слишком узко формулируется содержание и задачи экономической агитации. Она не исчерпывается стачками. «Лучшие условия» нам нужно не только для культурного, а именно—для революционного развития пролетариата ***). «Активная роль» с.-д. при стачках не исчерпывается возбуждением к борьбе за улучшение экономического положения. Стачками (как и экономической агитацией вообще) надо всегда пользоваться и для возбуждения к революционной борьбе за свободу и за социализм. Стачками надо пользоваться и для политической агитации.

*) Например, попытки рабочих демонстраций по поводу порки крестьян и т. п. (Прим. автора «Письма»).

**) «Не можем»—вставлено карандашом. Прим. ред.

***) «Пролетариата» вписано карандашом. Первоначально в этом месте стояло зачеркнутое впоследствии карандашом замечание: «(выпустить бы это)». Прим. ред.

§ 15 тоже очень неудовлетворителен. Стачки не «лучшее» средство борьбы, а лишь одно из средств, не всегда даже непременно из лучших средств. Надо признавать значение стачек и всегда пользоваться ими и руководить ими,—но преувеличивать их тем более опасно, что сильнее делал это экономизм.

То, что говорится дальше о стачках, излишне: сказано уже в § 14. Достаточно бы указания на руководство экономической борьбой вообще. Иногда это руководство выражается и в удержании от стачек. Программа выражается чересчур абсолютно и именно потому чересчур узко. Надо было сказать вообще о задаче—руководить экономической борьбой пролетариата, делать ее более организованной и сознательной, создавать профессиональные союзы рабочих и стараться расширить их в общерусские союзы, пользоваться всякой стачкой, всяким проявлением экономического гнета и проч. для самой широкой социалистической и революционной пропаганды и агитации. Конец § 15-го суживает задачи этой агитации, как будто бы обуславливая применимость политической агитации выступлением полиции и т. д. На самом же деле надо стараться применять политическую агитацию (и при сколько-нибудь умелых руководителях это вполне возможно) и до выступления «архангелов» и независимо от их выступления. Сказать бы общее: «пользоваться всеми и всяческими поводами для политической агитации» и т. п.

Конец § 15-го тоже неверен. О «всеобщих забастовках» нам тем менее приличествует говорить, чем меньше у нас в России возможности подготавливать их. Да и вообще специально говорить в программах о «всеобщих» забастовках не резон (вспомните нелепую «всеобщую стачку» в брошюре «Кто совершит политическую революцию?»). Возможны ведь и такие недоразумения). Лучшим средством развития сознания тоже объявлять стачки совершенно неправильно.

В общем и целом,—очень желательна была бы серьезная переработка программы. Желательно было бы и вообще, чтобы С. С. принял активное участие как в деле партийного объединения революционной социал-демократии, так и в деле выработки партийной программы. С своей стороны, редакция «Зари» и «Искры» в скором времени надеется сообщить С. С-у свой проект (в значительной части своей уже готовый) и надеется на участие С. С-а в деле его исправления, распространения и подготовки к принятию всей партией.

„Летопись Революции“.
№ 1 за 1923 г.

ЧАСТЬ II

ПОСЛЕ II СЪЕЗДА Р. С.-Д. Р. П.

1904 год.

ПРЕДИСЛОВИЕ

**к печатному изданию „Письма к товарищу о наших
организационных задачах“⁸⁰⁾.**

Перепечатываемое мною «Письмо к товарищу» написано было больше года тому назад,—если память мне не изменяет, в сентябре 1902 года. Сначала оно ходило у всех по рукам в юпиях и распространялось по России, как изложение искровских организационных взглядов. Затем Сибирский союз в июне прошлого года перепечатал это письмо и распространил в весьма значительном количестве экземпляров. Таким образом письмо сделалось уже вполне достоянием публики, и теперь нет никаких оснований задерживать его публикацию. То соображение, по которому я не печатал этого письма раньше,—именно его крайняя литературная несобранность, его совершенно «черновой» характер,—отпадает, ибо именно в этом черновом виде с письмом ознакомились уже многие русские практики. Кроме того, еще более важным доводом за перепечатку этого письма в черновом виде (я сделал лишь самые необходимые стилистические исправления) является теперь его значение, как «документа» *). Новая редакция «Искры»⁸¹⁾ выдвинула, как известно уже, в № 53 разногласия по организационным вопросам. К сожалению, в чем именно состоят эти разногласия, редакция не спешит указать определенно, ограничиваясь по большей части намеками на то, чего не ведают никто.

Надо постараться облегчить новой редакции ее трудную задачу. Пусть старые организационные взгляды «Искры» станут

*) После того, как мои оппоненты выражали не раз желание пользоваться этим письмом в качестве документа, я бы считал с своей стороны внесение каких-либо изменений при перепечатке прямо даже.. как бы это помягче выразиться?.. вельким.

известными во всех деталях, вплоть даже до черновых набросков,— может быть, тогда новая редакция соберется, наконец, открыть «идейно руководимой» ею партии свои новые организационные взгляды. Может быть, тогда новая редакция поделится наконец с нами точной формулировкой тех коренных изменений, которые проектировались бы ею в нашем партийном организационном уставе. Ибо кто же не понимает, в самом деле, что именно этот организационный устав и воспринял в себя наши всегдашние организационные планы?

Сравнивая «Что делать?» и статьи в «Искре» по организационным вопросам с предлагаемым «Письмом к товарищу», а это последнее с уставом, который принят на втором съезде, читатели могут составить себе ясное представление о том, насколько последовательно проводилась нами, большинством искровцев и большинством партийного съезда, наша организационная «линия». А от новой редакции «Искры» мы будем ждать, и с великим нетерпением ждать, изложения ее новых организационных взглядов, ждать указания, в чем именно и с какого момента именно разочаровалась она и почему стала «сжигать то, чему поклонялась».

Январь 1904 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

к печатному изданию „Письма к товарищу“.

Редакция «Искры» говорит в № 55, что между Ц. К. и оппозицией «состоялось соглашение предать забвению» факты, упомянутые в моем «письме в редакцию «Искры» («Почему я вышел из редакции «Искры»»). Это заявление редакции представляет из себя «отписку», поистине уже формалистическую, бюрократическую и канцелярскую (выражаясь прекрасным слогом тов. Аксельрода). На самом деле такого соглашения не было, как прямо заявляет заграничный представитель Ц. К. в особом листке, выпущенном тотчас после выхода № 55 «Искры». Такого соглашения и не могло быть, как это должно быть ясно всякому внимательному читателю моего письма, ибо оппозиция отвергла «добрый мир», который был предложен Ц. К. и который, наверное, включал бы в себе условие предать забвению все то, что достойно забвения. Неужели редакция была так наивна, что, отвергнув мир и начав в № 53 войну против преследуемого бюрократизма,

она надеялась на то, что противная сторона умолчит о действительном источнике этих сказок о бюрократизме?

Редакции очень и очень не понравилось, что я назвал действительны источник этих сказок дрязга ми (Litteratengezänk— дрязги литераторов). Еще бы! Но ведь наговорить жалких слов по поводу этого действительно неприятного факта не значит еще опровергнуть факт.

Мы позволим себе задать почтеннейшей редакции два вопроса.

Первый вопрос. Отчего это одному кажутся только забавными самые ярые обвинения в самодержавии, в Робеспьеровском режиме, в совершении переворота, и пр. и пр., а других кровно обижает спокойный рассказ о фактах и о фактически требовавшихся генеральских местах? Настолько обижает, что они говорят совсем «нижечемущие» речи о «личностях», «моральной тснп» и даже «низменных (откуда сие??) мотивах»? Отчего такая разница,—а, друзья мои? Уж не оттого ли, что «место» генерала «низменнее», чем место самодержца?

Второй вопрос. Отчего не объясняет читателям редакция, почему она (в те далекие времена, когда она принадлежала к оппозиции и на деле была «в меньшинстве») выражала желание предать забвению некоторые факты? Не находит ли редакция, что одна уже мысль о желании «предать забвению» принципиальные разногласия нелепа и не могла прийти в голову ни одному здравомыслящему человеку?

Видите, как вы неловки, мои любезные «политические противники»! Вы хотели уничтожить меня обвинением, что я переношу принципиальный спор в область дрязг, а вместо этого вы подтвердили мое утверждение насчет действительного источника некоторых ваших «разногласий».

Далее. Признавши, по своей неловкости, что дрязги были, редакция не потрудилась объяснить читателям, где, по ее мнению, кончается принципиальное разногласие и где начинаются дрязги. Редакция обходит молчанием, что я в своем письме делаю попытку совершенно точно разграничить область того и другого. Я показываю там, что принципиальное разногласие (далеко не такое глубокое, чтобы вызывать действительное расхождение) обнаружилось по вопросу о § 1 устава и расширилось сближением искровского меньшинства с неискровскими элементами к концу съезда. Я показываю также, что речи о бюрократизме, формализме и проч. являются прежде всего простым отзвуком бывших после съезда дрязг.

Редакция, вероятно, не согласна с таким ограничением «прин

ципиального» и «подлежащего забвению»? Почему же она не потрудилась сообщить свое мнение о «правильном» отграничении этих областей? Не потому ли, что эти области не размежевались еще (и не могут быть размежеваны) в ее сознании?

По фельетону уважаемого товарища Аксельрода в том же № 55 «Искры» читатели могут судить, к чему приводит эта... неразборчивость и во что превращается наш центральный партийный орган. О наших спорах по вопросу о § 1 устава тов. Аксельрод не говорит ни слова по существу, ограничиваясь абсолютно непонятными для небывшего на съезде человека намеками на «периферийные общества». Тов. Аксельрод забыл, вероятно, как долго и обстоятельно спорили мы о § 11 зато тов. Аксельрод создал себе «теорию», по которой «большинство» искровцев, явившихся на съезд, проникнуто было убеждением, что их главной задачей является... вести борьбу с внутренними врагами». «Перед этой миссией» для большинства «стушевывалась (по твердому убеждению уважаемого тов. Аксельрода) предстоящая положительная задача». «Перспектива положительной работы отодвигается в туманную даль неопределенного будущего»; перед партией стоит более неотложная «военная задача усмирения внутренних врагов». И тов. Аксельрод не находит слов, чтобы клеймить этот «бюрократический *)» (или механический) централизм», эти «якобинские» (!?) планы, этих «дезорганизаторов», которые кого-то «теснят и третируют, как крамольников».

Чтобы показать, какова истинная ценность этой теории,—вернее, этих обвинений большинства съезда в дезорганизаторских тенденциях теснить (воображаемую, должно быть) крамолу и в игнорировании положительной работы, мне достаточно будет напомнить забывчивому тов. Аксельроду один (для начала один) маленький факт. 6-го октября 1903 г. после многократных увещаний членов меньшинства о нелепости и дезорганизующем характере их бойкота, мы с Плехановым официально пригласили «крамольных» литераторов (и тов. Аксельрода в том числе) взяться за положительную работу, официально заявили им, что отказ от этой работы равно неразумен и с точки зрения личного раздражения и с точки зрения тех или иных разногласий (для изложения которых мы открываем страницы наших изданий).

*) Кстати. Обращаю внимание редакции, что моя брошюра выходит с «установленным заголовком». Как убежденный централист, я подчиняюсь «принципиальным» указаниям нашего Ц. О., открывшего в № 55 отдел обзора партийных изданий с точки зрения «заголовков» (во имя борьбы с формализмом).

Тов. Аксельрод забыл об этом. Он забыл, что ответил тогда решительным отказом без всяких объяснений причин. Он забыл, что для него тогда, в эти давно-прошедшие времена, «положительная работа отодвигалась в туманную даль неопределенного будущего», каковое будущее только 26 ноября 1903 года стало желанным настоящим.

Тов. Аксельрод не только «забыл» это, но и желал бы вообще «предать забвению» подобные «личности», не так ли?

Указывать меньшинству на то, что оно целые месяцы дезорганизовывало партию, забрасывало положительную работу, отвлекало своими дразгами тьму сил у Ц. К., это «личности», это значит набрасывать моральную тень, это значит сводить борьбу тенденций на уровень дразги. Этому не место на страницах Ц. О.

А обвинять большинство партийного съезда в том, что оно смело тратит время на увещания «крамольников», что оно дезорганизовало партию борьбой с (воображаемыми) дезорганизаторами—это принципиальные разногласия, для коих надо «прибегнуть» столбцы «Искры». Не так ли, уважаемый тов. Аксельрод?

Может быть, оглянувшись вокруг себя, тов. Аксельрод найдет и в настоящее время немало примеров тому, как «положительная работа» и для практиков меньшинства отодвигается в туманную даль тоже желанного, но все еще неопределенного будущего?

Нет, знаете, выгоднее было бы вам не затрагивать вовсе вопроса об отношении большинства и меньшинства к положительной работе! Выгоднее бы не напоминать о том, о чем говорит, например, один заводский рабочий города — ва в следующем письме ко мне:

«Дорогой товарищ!

В последнее время, т.-е. после второго съезда партии, нам объявили, что Ц. К. не был выбран съездом единодушно, что съезд раскололся на две части по вопросу об отношениях Центрального Органа к Центральному Комитету и образовалось так называемое большинство и меньшинство. Все это, как тяжелый камень, обрушилось на нашу голову и придавило нас всей своей тяжестью, потому что самый вопрос об отношении Ц. О. к Ц. К. был для нас неожиданною новостью: ведь до самого съезда он не только не возбуждался ни в каких кружках и собраниях, но, насколько мне помнится, его обходили молчанием и в литературе. Вот это самое замалчивание его до съезда мне не понятно. Если предположить, что его совсем не существовало, то нужно признать, что товарищи, клавшие все свои силы на объединение партии, не

представляли себе ясно ее организации, т.-е. ее устройства. Но второе совершенно невозможно, потому что вопрос, расколовший теперь партию, ясно показал, что взгляд на устройство партии был, и был не у всех одинаков. А если это так, то почему его скрывали? Это первое. А второе—самый этот вопрос, когда приходится его решать, то я ставлю себе такой вопрос: какое устройство партии обеспечит ее ортодоксальное направление, и тут же рядом с ним у меня является мысль, что кроме устройства партии важен состав ее вождей, т.-е. если они ортодоксы, то и направление партии ортодоксальное, если—оппортунисты, то и партия такая же. Теперь, имея такие предположения и зная состав вождей партии, я безусловно высказываюсь за преобладание Ц. О. над Ц. К. в идейном руководстве партии. Высказаться за это еще больше заставляет русская действительность: как бы ни был Ц. К. ортодоксален, но он, находясь в России, не может быть застрахован от провала, а следовательно, и от потери ортодоксальности помимо своей воли, так как преемники не всегда-то соответствуют тем, кого они замещают. Кому из товарищей, работающих хоть немного в комитетах, не знакомы такие явления, что самый лучший комитет в силу одной из многих случайностей заменяется плохими и обратно. Совсем не то с Ц. О.: он стоит в иных условиях (принимая во внимание, что Ц. О. будет находиться за границей), которые обеспечивают ему более долговременное существование, а следовательно, и возможность приготовить себе достойных преемников. Но я не знаю, товарищ, можно ли решать этот вопрос раз-на-всегда, т.-е. или чтоб всегда преобладал Ц. О. над Ц. К. или—Ц. К. над Ц. О. Я думаю, что нельзя. Возьмем такое положение: вдруг состав Ц. О. изменился и из ортодоксального сделался оппортунистическим, как, например, «Вперед» в Германии; ну можно ли тогда дать ему преобладание в идейном руководстве? что бы стали делать мы, воспитанные в ортодоксальном духе, неужели должны бы соглашаться с ним? Нет, наша обязанность была бы отнять у него право на преобладание и передать его в руки другого учреждения, и если бы этого не было сделано по какому-нибудь поводу, все равно будь то партийная дисциплина или еще что-нибудь, то все мы достойны бы были названия изменников рабочему социал-демократическому движению. Так я смотрю на это и никак не могу согласиться с решением раз-на-всегда, как это делают некоторые товарищи.

Теперь мне совсем непонятна та борьба, которая ведется теперь между большинством и меньшинством, и нам очень многим она кажется неправильной. Ну, скажите, товарищ! Естественно ли

такое положение, когда все силы кладутся на разъезды по комитетам за тем только, чтобы поговорить о большинстве и меньшинстве. Я, право, не знаю. Неужели этот вопрос настолько важен, чтобы ему отдавать все силы и из-за него смотреть друг на друга, чуть ли как не на врага? И на самом деле так выходит, что если комитет подобран предположим из одного лагеря, то из другого туда уже никто не попадет, несмотря на всю свою пригодность для работы, даже если хотите, он не попадет и тогда, когда он необходим для работы, когда последняя много теряет от его отсутствия. Этим, конечно, я не хочу сказать, чтобы совсем бросили борьбу из-за этого вопроса: вовсе нет, только помоему она должна носить другой характер, и из-за нее мы не должны забывать главной своей задачи, а именно пропаганды в массе социал-демократических идей, потому что, забывая это, мы тем самым обессиливаем нашу партию. Я не знаю, честно ли это, но когда приходилось видеть, что интересы дела топтались в грязь и совершенно забывались, то я называю всех их политическими интриганами. Как-то больно становилось и страшно за самое дело, когда видишь, что люди, стоящие во главе его, заняты чем-то другим. Глядя на это, думаешь: неужели наша партия осуждена на вечные расколы из-за таких мелочей, неужели мы неспособны в одно и то же время вести внутреннюю борьбу совместно с внешней. Для чего же тогда устраиваются съезды, когда их постановления не принимаются во внимание, и каждый делает, что ему вздумается, оправдываясь тем, что съезд мол неправильно решил, Ц. К.—недееспособен и т. д. И это делают те, которые до съезда все время кричали про централизацию, про партийную дисциплину и проч., а теперь как-будто хотят показать, что дисциплина нужна только простым смертным, а не им, людям верха. Они, должно быть, позабыли, что их пример страшно развращает мало-опытных товарищей, уже теперь слышится снова среди рабочих недовольство интеллигенцией, которая из-за раздоров между собою забывает их, уже теперь более горячие опускают руки, не зная, что делать. Пока что, а вся централизованная постановка дела теперь является пустым звуком. Остается только надеяться, что в будущем все изменится к лучшему».

ШАГ ВПЕРЕД,
ДВА ШАГА НАЗАД

(Кризис в нашей партии)

*Написано
в первые месяцы
1904 г.*

*Напечатано брошюрой
Женеве, в мае 1904 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Когда идет продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истечении некоторого времени начинают обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, от решения которых зависит окончательный исход кампании и по сравнению с которыми все более и более отодвигаются на задний план все и всяческие мелкие и мелочные эпизоды борьбы.

Так обстоит дело и с нашей внутри-партийной борьбой, которая вот уже полгода приковывает к себе внимание всех членов партии. И именно потому, что мне пришлось в предлагаемом читателю очерке всей борьбы касаться многих мелочей, имеющих ничтожный интерес, многих дрызг, не имеющих в сущности никакого интереса, именно поэтому мне хотелось бы с самого начала обратить внимание читателя на два действительно центральных, основных пункта, которые представляют громадный интерес, которые имеют несомненное историческое значение и являются самыми насущными политическими вопросами на очереди дня в нашей партии.

Первый такой вопрос—вопрос о политическом значении того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде партии и отодвинуло далеко назад все прежние деления русских социал-демократов.

Второй вопрос—вопрос о принципиальном значении позиции новой «Искры» по организационным вопросам, поскольку эта позиция является действительно принципиальной.

Первый вопрос есть вопрос об исходном пункте нашей партийной борьбы, об ее источнике, об ее причинах, об ее основном политическом характере. Второй вопрос есть вопрос о конечных результатах этой борьбы, об ее финале, о том принципиальном итоге, который получается по сложении всего, что относится к области принципов, и по вычитании всего, что относится к области дрызг. Первый вопрос решается анализом борьбы на партийном съезде, второй—анализом ново-

го принципиального содержания новой «Искры». Тот и другой анализ, составляющий содержание девяти десятых моей брошюры, приводит к выводу, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» — оппортунистическое крыло нашей партии; разногласия, разделяющие то и другое крыло в настоящее время, сводятся, главным образом, не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам; та новая система воззрений, которая тем яснее вырисовывается в новой «Искре», чем больше старается она углубить свою позицию и чем чище становится эта позиция от дрязг из-за кооптации, есть оппортунизм в организационных вопросах.

Главным недостатком наличной литературы о нашем партийном кризисе является, в области изучения и освещения фактов, почти полное отсутствие анализа протоколов партийного съезда, в области выяснения основных принципов организационного вопроса, отсутствие анализа той связи, которая несомненно существует между коренной ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода в формулировке параграфа первого устава и в защите этой формулировки, с одной стороны, и всей «системой» (поскольку тут может быть речь о системе) теперешних принципиальных взглядов «Искры» по организационному вопросу. Нынешняя редакция «Искры», повидимому, даже не замечает этой связи, хотя значение споров о параграфе первом отмечалось уже много и много раз в литературе «большинства». В сущности, тов. Аксельрод и тов. Мартов только углубляют теперь, развивают и расширяют свою первоначальную ошибку по параграфу первому. В сущности, уже в спорах о параграфе первом стала намечаться вся позиция оппортунистов в организационном вопросе: и их защита расплывчатой, не сплоченной крепко партийной организации, и их вражда к идее («бюрократической» идее) построения партии сверху вниз, исходя из партийного съезда и из созданных им учреждений, и их стремление идти снизу вверх, предоставляя зачислять себя в члены партии всякому профессору, всякому гимназисту и «каждому стачечнику», и их вражда к «формализму», требующему от члена партии принадлежности к одной из признанных партией организаций, и их склонность к психологии буржуазного интеллигента, готового лишь «платонически признавать организационные отношения», и их податливость к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическим фразам, и их тенденция к автономизму против централизма, одним словом, все то, что расцветает теперь пышным цветом в новой «Искре», все более и более содействуя полному и наглядному выяснению сделанной первоначальной ошибки.

Что касается до протоколов партийного съезда, то поистине незаслуженное невнимание к ним может быть объяснено только засорением наших споров дрязгами, да еще, пожалуй, слишком большим количеством слишком горькой правды в этих протоколах. Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу. Именно протоколы партийного съезда и только эти протоколы показывают нам, насколько нам удалось в действительности смести все остатки старых, чисто кружковщинских связей и заменить их единой великой партийной связью. Каждый член партии, если он хочет сознательно участвовать в делах своей партии, обязан тщательно изучать наш партийный съезд,—именно: изучать, потому что одно чтение груды сырого материала, составляющей протоколы, еще не дает картины съезда. Лишь путем тщательного и самостоятельного изучения можно добиться (и должно добиваться) того, чтобы краткие конспекты речей, сухие экстракты из прений, мелкие стычки по мелким (повидимому, мелким) вопросам слились в нечто цельное, чтобы перед членами партии встала, как живая, фигура каждого выдающегося оратора, выяснилась вся политическая физиономия каждой группы делегатов партийного съезда. Пишущий эти строки будет считать свою работу не пропавшей даром, если ему удастся дать хотя бы толчок к широкому и самостоятельному изучению протоколов партийного съезда.

Еще одно слово по адресу противников социал-демократии. Они злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они стараются, конечно, выдергивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения. А господа противники пусть попробуют представить нам картину действительного положения дел в их «партиях», хоть отдаленно приближающуюся к той, которую дают протоколы нашего второго съезда!

Май 1904 года.

а) Подготовка съезда.

Существует изречение, что каждый имеет право в течение 24 часов проклинать своих судей. Наш партийный съезд, как и всякий съезд всякой партии, явился тоже судьей некоторых лиц, претендовавших на должность руководителей и потерпевших крушение. Теперь эти представители «меньшинства», с наивностью, доходящей до умиленности, «проклинают своих судей» и стараются всячески дискредитировать съезд, умалить его значение и авторитетность. Всего рельефнее, пожалуй, выразилось это стремление в статье Практика в № 57 «Искры», возмущающегося идеей о суверенной «божественности» съезда: Это—такая характерная черточка новой «Искры», что ее нельзя обойти молчанием. Редакция, состоящая в большинстве своем из лиц, отвергнутых съездом, продолжает, с одной стороны, называть себя «партийной» редакцией, а, с другой стороны, открывает объятия лицам, утверждающим, что съезд—не божество. Это мило, не правда ли? Да, господа, съезд, конечно, не божество, но что следует думать о людях, начинающих «разносить» съезд после того, как они потерпели на нем поражение?

Припомните, в самом деле, главные факты по истории подготовки съезда.

«Искра» с самого начала, в своем анонсе 1900 года, предшествовавшем выпуску газеты, объявила, что прежде чем объединяться, нам надо размежеваться. «Искра» постаралась превратить конференцию 1902 года в частное совещание, а не в партийный съезд *). «Искра» чрезвычайно осторожно действовала летом и осенью 1902 года, возобновляя выбранный на этой конференции Организационный Комитет. Наконец, дело размежевания кончилось,—кончилось по нашему общему признанию. Организационный Комитет конституировался в самом конце 1902 года. «Искра»

*) См протоколы второго съезда, стр. 20.

приветствует его упрочение и заявляет,—в редакционной статье № 32,—что созыв партийного съезда дело самой настоятельной, нестложной надобности. Таким образом нас всего уже меньше можно упрекнуть в торопливости по отношению к созыву второго съезда. Мы действовали именно по правилу: семь раз отмерь, один—отрежь; мы имели полное нравственное право полагаться на товарищей, что после того, как отрезано, они не примутся плакаться и перемеривать.

Организационный Комитет выработал чрезвычайно тщательный (формалистический и бюрократический, сказали бы люди, которые прикрывают теперь этими словечками свою политическую бесхарактерность) устав второго съезда, провел этот устав по всем комитетам и, наконец, утвердил его, постановив между прочим в § 18: «Все постановления съезда и все произведенные им выборы являются решением партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом партии» *). Неправда ли, как невинны сами по себе эти слова, принятые в свое время молча, как нечто само собою подразумевающееся, и как странно звучат они теперь, точно приговор, изрекаемый над «меньшинством»! С какой целью составлен был подобный параграф? Для соблюдения одной формальности? Конечно, нет. Это постановление казалось необходимым и было действительно необходимо, ибо партия состояла из ряда раздробленных и самостоятельных групп, от которых можно было ждать непризнания съезда. Это постановление выражало собою именно добрую волю всех революционеров (о которой так часто и так неуместно говорят теперь, эвфемистически характеризуя термином добрый то, что более заслуживает эпитета капризный). Оно равнялось взаимному честному слову, которое дали все русские социал-демократы. Оно должно было гарантировать, что громадные труды, опасности, расходы, связанные со съездом, не пропадут даром, что съезд не превратится в комедию. Оно заранее квалифицировало всякое непризнание решений и выборов съезда, как нарушение доверия.

Над кем же смеется новая «Искра», сделавшая новое открытие, что съезд не божество, и решения его не святыня? Содержит ли ее открытие «новые организационные взгляды» или только новые попытки замести старые следы?

*) См. протоколы второго съезда, стр. 22—23 и 380.

б) Значение группировок на съезде.

Итак, съезд был созван после самой тщательной подготовки, на началах в высшей степени полного представительства. Общее признание правильности состава съезда и безусловной обязательности его решений нашло себе выражение и в заявлении председателя (стр. 54 протоколов) после конституирования съезда.

В чем же состояла главная задача съезда? В создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Что именно в этом направлении съезд должен был работать, это было предрешиено трехлетней деятельностью «Искры» и ее признанием со стороны большинства комитетов. Исковская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, исковские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с «Искрой» (Бунд и «Рабочее Дело»), и таких, которые, признавая «Искру» руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа «Южного Рабочего» и примыкающие к ней делегаты некоторых комитетов). При таких условиях, съезд не мог не превратиться в арену борьбы за победу исковского направления. Что съезд и был на самом деле такой борьбой,—это сразу станет ясно для всякого, кто сколько-нибудь внимательно прочтет его протоколы. Наша задача теперь состоит в том, чтобы детально проследить главнейшие группировки, обнаружившиеся по разным вопросам на съезде, и восстановить, по точным данным протоколов, политическую физиономию каждой из основных групп съезда. Что именно представляли из себя те группы, те направления и те оттенки, которым предстояло на съезде слиться, под руководством «Искры», в единую партию?—вот что должны мы показать анализом прений и голосований. Выяснение этого обстоятельства имеет кардинальную важность и для изучения того, чем являются на деле наши социал-демократы, и для понимания причин расхождения. Вот почему я в своей речи на съезде Лиги и в своем письме в редакцию новой «Искры» выдвигал на первый план именно анализ различных группировок. Мои оппоненты из представителей

«меньшинства» (и Мартов во главе их) совершенно не поняли сущности вопроса. На съезде Лиги они ограничивались частичными поправками, «оправдываясь» от того обвинения в повороте к юпортунизму, которое было против них выдвинуто, и не пытались даже нарисовать, в противовес мне, хоть какую-нибудь другую картину группировок на съезде. Теперь в «Искре» (№ 56) Мартов пытается выставить все попытки точно отграничить различные политические группы на съезде—простым «кружковым политиканством». Сильно сказано, тов. Мартов! Но сильные слова новой «Искры» имеют одно оригинальное свойство: стоят точно воспроизвести все перипетии расхождения, начиная со съезда, и все эти сильные слова обращаются целиком и прежде всего против теперешней редакции. Оглянитесь-ка на себя, г.г. так называемые партийные редакторы, поднимающие вопрос о кружковом политиканстве!

Мартову до такой степени неприятны теперь факты нашей борьбы на съезде, что он старается совершенно затушевать их. «Искровец,—говорит он,—это тот, кто на съезде партии и до него выражал свою полную солидарность с «Искрой», отстаивал ее программу и ее организационные взгляды и поддерживал ее организационную политику. На съезде таких искровцев было свыше сорока—столько голосов было подано за программу «Искры» и за резолюцию о признании «Искры» центральным органом партии. Откройте протоколы съезда, и вы увидите, что программа принята всеми (стр. 233), кроме воздержавшегося Акимова. Тов. Мартов хочет, таким образом, уверить нас, что и бундовцы, и Брукер, и Мартынов доказали свою «полную солидарность» с «Искрой» и отстаивали ее организационные взгляды! Это смешно. Превращение после съезда всех его участников в равноправных членов партии (да и то не всех, ибо бундовцы ушли) смешивается здесь с той группировкой, которая вызывала борьбу на съезде. Изучение того, из каких элементов сложилось после съезда «большинство» и «меньшинство», подменяется официальной фразой: признали программу!

Возьмите голосование о признании «Искры» центральным органом. Вы увидите, что именно Мартынов, которому тов. Мартов со смелостью, достойной лучшего дела, приписывает теперь отстаивание организационных взглядов и организационной политики «Искры», настаивает на отделении двух частей резолюции: голого признания «Искры» Центр. Органом и признания ее заслуг. При голосовании первой части резолюции (признание заслуг «Искры», выражение солидарности с нею) за—подано только

35 голосов, два—против (Акимов и Брукэр⁸²⁾) и одиннадцать воздержались (Мартынов, пять бундовцев и пять голосов редакции: по два у меня и у Мартова и один у Плеханова). Группа анти-искровцев (пять бундовцев и три рабочедельца) обнаруживается, следовательно, с полной ясностью и здесь, на этом, самом выгодном для теперешних взглядов Мартова и им самим выбранном примере. Возьмите голосование за вторую часть резолюции—признание «Искры» Центральным Органом без всякой мотивировки и без выражения солидарности (страница 147 протоколов): за подано 44 голоса, которые и причисляются нынешним Мартовым к искровцам. Всего был 51 голос; за вычетом пяти голосов воздержавшихся редакторов остается 46; два голосовали против (Акимов и Брукэр); в число остальных 44 входят, следовательно, все пять бундовцев. Итак, бундовцы на съезде «выражали полную солидарность с «Искрой»—так пишется официальная история официальной «Искрой»! Забегая вперед, объясним читателю истинные мотивы этой официальной правды: нынешняя редакция «Искры» могла бы быть и была бы партийной редакцией на деле (а не quasi-партийной, как теперь), если бы бундовцы и рабочедельцы не ушли со съезда; вот почему этих вернейших стражей теперешней так называемой партийной редакции и надо было возвести в «искровцев». Но об этом подробно после.

Спрашивается, далее: если съезд представлял из себя борьбу искровских и анти-искровских элементов, то не было ли промежуточных, неустойчивых элементов, которые колебались между теми и другими? Всякий, сколько-нибудь знакомый с нашей партией и с обычной физиономией всяких съездов, уже а priori склонен будет ответить на этот вопрос утвердительно. Тов. Мартову очень не хочется теперь вспоминать об этих неустойчивых элементах, и он изображает группу «Южного Рабочего» с тяготеющими к ней делегатами, как типичных искровцев, а разногласия наши с ними ничтожными и неважными. К счастью, теперь перед нами лежит полный текст протоколов, и мы можем разрешить этот вопрос—вопрос факта, разумеется,—на основании документальных данных. То, что мы сказали выше об общей группировке на съезде, конечно, не претендует на решения этого вопроса, а лишь на правильную постановку его.

Без анализа политических группировок, без картины съезда, как борьбы таких-то оттенков, нельзя ничего понять в нашем расхождении. Попытка Мартова смазать различие оттенков путем причисления даже бундовцев к искровцам есть простое укло-

нение от вопроса. А priori уже, на основании истории русской социал-демократии до съезда, намечаются (для дальнейшей проверки и детального изучения) три главные группы: искровцев, анти-искровцев и неустойчивых, колеблющихся, шатких элементов.

в) Начало съезда.—Инцидент с Организационным Комитетом.

Анализ прений и голосований на съезде всего удобнее вести в порядке заседаний съезда, чтобы последовательно отмечать все более и более обрисовывающиеся политические оттенки. Лишь тогда, когда это безусловно необходимо, будут делаться отступления от хронологического порядка для совместного рассмотрения тесно связанных вопросов или однородных группировок. В интересах беспристрастия мы будем стараться отмечать все главнейшие голосования, опуская, конечно, массу мотивировок по мелочам, которые заняли у нашего съезда непомерное количество времени (отчасти вследствие нашей неопытности и неумения распределить материал между комиссионными и пленарными заседаниями, отчасти вследствие проволочек, граничивших с obstruction).

Первым вопросом, который вызвал дебаты, начинающие обнаруживать различие оттенков, был вопрос о постановке на первое место (в «порядке дня» съезда) пункта: «положение Бунда в партии» (стр. 29—33 протоколов). С точки зрения искровской, которую защищали Плеханов, Мартов, Троцкий и я, не могло быть никаких сомнений на этот счет. Уход Бунда из партии показал воочию правильность наших соображений: если Бунд не хотел идти вместе с нами и признать те организационные начала, которые разделяю, вместе с «Искрой», большинство партии,—то было бесполезно и бессмысленно «делать вид», что мы идем вместе, и только затягивать съезд (как затягивали его бундовцы). Вопрос был уже выяснен вполне в литературе, и для всякого скольконибудь вдумчивого члена партии было очевидно, что остается только открыто поставить вопрос и прямо, честно сделать выбор: автономия (идем вместе) или федерация (расходимся).

Уклончивые во всей своей политике, бундовцы пожелали уклониться и тут, оттягивая вопрос. К ним присоединяется тов. Акимов, выдвигающий сразу, видимо от лица всех сторонников «Рабочего Дела», организационные разногласия с «Искрой» (стр. 31 протоколов). На сторону Бунда и «Рабочего Дела» становится тов. Махов⁸³⁾ (два голоса Николаевского Комитета, незадолго перед тем выразившего свою солидарность с «Искрой»!). Для тов. Махова

вопрос совершенно неясен, а «большим местом» он считает и «вопрос о демократическом устройстве или, наоборот (это заметьте!), о централизме» — точь в точь как большинство теперешней нашей «партийной» редакции, которое на съезде не заметило еще этого «больного места»!

Итак, против искровцев выступает Бунд, «Рабочее Дело» и тов. Махов, имеющие вместе как раз те десять голосов, которые и поданы были против нас (стр. 33). За подано 30 голосов — цифра, около которой, как увидим ниже, часто колеблются голоса искровцев. Одиннадцать голосов, оказывается, воздержались — видимо, не становясь на сторону ни той, ни другой из борющихся «партий». Интересно отметить, что когда мы голосовали § 2 устава Бунда (отклонение этого § 2 вызвало уход Бунда из партии), то вотировавших за § 2 и воздержавшихся оказалось тоже десять голосов (стр. 289 протоколов), при чем воздерживались именно трое рабочедельцев (Брукэр, Мартынов и Акимов) и тов. Махов. Очевидно, что голосование по вопросу о месте вопроса о Бунде дало не случайную группировку. Очевидно, что не только по техническому вопросу о порядке обсуждения, а и по существу расходились с «Искрой» все эти товарищи. Со стороны «Рабочего Дела» это расхождение по существу ясно для всякого, а тов. Махов бесподобно охарактеризовал свое отношение в речи по поводу ухода Бунда (стр. 289—290 пр.). На этой речи стоит остановиться. Тов. Махов говорит, что после резолюции, которая отвергла федерацию, «вопрос о положении Бунда в Р. С.-Д. Р. П. для него из вопроса принципиального становился вопросом реальной политики по отношению к исторически сложившейся национальной организации; здесь я — продолжает оратор — не мог считаться со всеми последствиями, какие могут явиться в результате нашего голосования, и потому вотировал бы за пункт второй в целом». Тов. Махов прекрасно усвоил себе дух «реальной политики»: принципиально он уже отверг федерацию, а поэтому на практике он вотировал бы за такой пункт устава, который проводит эту федерацию! И этот «практичный» товарищ поясняет свою глубоко-принципиальную позицию следующими словами: «Но (знаменитое, щедринское «но»!), так как то или иное мое голосование имело лишь принципиальный характер (!) и не могло носить характера практического, ввиду почти единогласного голосования всех остальных участников съезда, то я предпочел воздержаться от голосования, чтобы принципиально... (упаси нас, господи, от такой принципиальности!)... оттенить различие своей позиции в данном случае от позиции, защищаемой делега-

тами Бунда, голосовавшими за пункт. Обратно, я вотировал бы за этот пункт, если бы делегаты Бунда воздержались от голосования его, на чем они предварительно настаивали». Пойми, кто может! Принципиальный человек воздерживается от того, чтобы громко сказать: да, ибо это практически бесполезно, когда все говорят: нет.

Вслед за голосованием по вопросу о месте вопроса о Бунде, на съезде выплыл вопрос о группе «Борьба»⁸⁴), приведший тоже к чрезвычайно интересной группировке, и тесно связанный с самым «больным» вопросом съезда, вопросом о личном составе центров. Комиссия по определению состава съезда высказывается против приглашения группы «Борьба», согласно двукратному решению Организационного Комитета (см. стр. 383 и 375 протокол.) и докладу его представителей в комиссии (стр. 35).

Тов. Егоров⁸⁵), член Организационного Комитета, заявляет, что «вопрос о «Борьбе» (заметьте: о «Борьбе», а не о том или ином ее члене) для него новый», и просит перерыва. Каким образом для члена Организационного Комитета мог быть новым вопрос, дважды решенный Организационным Комитетом, остается покрытым мраком неизвестности. Во время перерыва происходит заседание Организационного Комитета (стр. 40 проток.) в том его составе, который случайно находился на съезде (несколько членов Организационного Комитета из старых членов организации «Искры» на съезде отсутствовало⁸⁶). Начинаются прения о «Борьбе». Рабочеды высказываются за (Мартинов, Акимов и Брукэр, стр. 36—38). Искроуцы (Павлович, Сорокин, Ланге⁸⁶), Троцкий, Мартов и др.)—против. Съезд разделяется опять в знакомой уже нам группировке. Борьба из-за «Борьбы» завязывается упорная, и тов. Мартов выступает с особенно обстоятельной (стр. 38) и «босвой» речью, в которой указывает справедливо на «неравномерность представительства» русских и заграничных групп, на то, что едва ли «хорошо» было бы давать заграничной группе «привилегию» (золотые слова, особенно поучительные теперь, с точки зрения событий, бывших после съезда!), что не следует поощрять «организационного хаоса в партии, который характеризовался дроблением, не вызываемым никакими принципиальными соображениями» (не в бровь, а в глаз...—«меньшинству» нашего партийного съезда!). Кроме сторонников «Рабочего Дела» никто открыто и моти-

*) О заседании этом см. «Письмо» Павловича, члена Организационного Комитета и единогласно избранного до съезда доверенным лицом редакции, ее седьмым членом (проток. Лиги, стр. 44).

виноватно не выступает за «Борьбу» вплоть до закрытия списка ораторов (стр. 40): надо отдать справедливость тов. Акимову и его друзьям, что они, по крайней мере, не вились и не прятались, а открыто вели свою линию, открыто говорили о том, чего хотели.

После закрытия списка ораторов, когда по существу высказываться уже нельзя, тов. Егоров «настоятельно требует, чтобы было выслушано постановление Организационного Комитета, принятое только что». Неудивительно, что члены съезда возмущены таким приемом, и тов. Плеханов, как председатель, выражает свое «недоумение, как может тов. Егоров настаивать на своем требовании». Казалось бы, одно из двух: или высказываться открыто и определенно по существу вопроса перед всем съездом, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть список ораторов и затем, под видом «заключительного слова», преподнести съезду новое постановление Организационного Комитета — именно по обсуждавшемуся вопросу — это равносильно удару из-за угла!

Заседание возобновляется после обеда, и бюро, продолжающее недоумевать, решает отступить от «формальности» и прибегнуть к последнему, на съездах лишь в крайних случаях употребительному средству «товарищеского объяснения». Представитель Организационного Комитета, Попов, сообщает постановление Орг. Ком., принятое всеми его членами против одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее съезду пригласить Рязанова.

Павлович заявляет, что он отрицал и отрицает законность собрания Организационного Комитета, что новое постановление Орг. Комитета «противоречит его прежнему решению». Заявление производит бурю. Тов. Егоров, тоже член Организационного Комитета и член группы «Южного Рабочего», уклоняется от ответа по существу и хочет перенести центр тяжести на вопрос о дисциплине. Тов. Павлович будто бы нарушил партийную дисциплину (1), ибо Орг. Комитет, обсудив протест Павловича, решил «не доводить до сведения съезда отдельное мнение Павловича». Дебаты переносятся на вопрос о партийной дисциплине, и Плеханов назидательно разъясняет тов. Егорову, при шумных аплодисментах съезда, что «императивных мандатов у нас нет» (стр. 42, сравни стр. 379, устав съезда, § 7: «Депутаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами. В отправлении своих полномочий они совершенно свободны и независимы»). «Съезд есть самая высшая партийная инстанция», и, следовательно, нарушает партийную дисциплину и устав съезда именно тот, кто стесняется чем бы то ни было обра-

шение любого делегата прямо к съезду по всем, без исключения и изъятия, вопросам партийной жизни. Спорный вопрос сводится, таким образом, к дилемме: кружковщина или партийность? Ограничение прав делегатов на съезде во имя воображаемых прав или уставов разных коллегий и кружков, или полное, не на словах только, а на деле, распускание всех низших инстанций и старых группок перед съездом впредь до создания действительно партийных должностных учреждений. Читатель видит уже отсюда, какую громадную принципиальную важность имел этот спор в самом начале съезда (третье заседание), поставившего себе целью фактически восстановить партию. На этом споре сконцентрировался, так сказать, конфликт старых кружков и группок (вроде «Южного Рабочего») с возрождающейся партией. И анти-искровские группы сейчас же обнаруживают себя: и бундовец Абрамсон, и тов. Мартынов, горячий союзник нынешней редакции «Искры», и наш знакомый тов. Махов—все они высказываются за Егорова и группу «Южного Рабочего» против Павловича. Тов. Мартынов, щеголяющий теперь, наперерыв с Мартовым и Аксельродом, организационным «демократизмом», вспоминает даже... армию, где можно апеллировать к высшей инстанции только чрез посредство низшей!! Истинный смысл этой «компактной» анти-искровской оппозиции был совершенно ясен для всякого, кто был на съезде или кто следил внимательно за внутренней историей нашей партии до съезда. Задача оппозиции (может быть, даже не всегда всеми ее представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерции) состояла в том, чтобы оградить независимость, особность, приходские интересы мелких группок от поглощения их широкой партией, создаваемой на искровских началах.

Именно с этой точки зрения подошел к вопросу и тов. Мартов, тогда еще не успевший объединиться с Мартыновым. Тов. Мартов решительно ополчается, и справедливо ополчается, против тех, кто «в представлении о партийной дисциплине не идет дальше обязанностей революционера к той группе низшего порядка, в которую он входит». «Никакая принудительная (курс. Мартова) группировка внутри единой партии недопустима», разъясняет Мартов поборникам кружковщины, не предвидя того, как бичует он этими словами свое собственное политическое поведение в конце съезда и после него... Принудительная группировка недопустима для Организационного Комитета, но допустима вполне для редакции. Принудительная группировка осуждается Мартовым, смотрящим из центра, и отстаивается Мартовым с того самого момента, когда он оказался недовольным составом центра...

Интересно отметить факт, что тов. Мартов, в своей речи, особенно подчеркнул, кроме «огромной ошибки» тов. Егорова, обнаруженную Организационным Комитетом политическую неустойчивость. «От имени Организационного Комитета—справедливо негодовал Мартов—внесено предложение, идущее в разрез с докладом комиссии (осужденном, добавим от себя, на докладе членов Организационного Комитета: стр. 43, слова Кольцова) и с предыдущими предложениями Организационного Комитета» (курс. мой). Как видите, Мартов ясно понимал тогда, до своего «поворота», что замена «Борьбы» Рязановым несколько не устраняет полнейшей противоречивости и шаткости действий Организационного Комитета (из протоколов съезда Лиги, стр. 57, члены партии могут узнать, как представлялось дело Мартову после его поворота). Мартов не ограничился тогда разбором вопроса о дисциплине; он прямо спросил также Организационный Комитет: «что случилось нового, чтобы сделать нужной персделку?» (курс. мой). В самом деле, ведь Организационный Комитет, внося свое предложение, не имел даже достаточно мужества, чтобы защищать свое мнение открыто, как защищали его Акимов и др. Мартов опровергает это (прот. Лиги, стр. 56), но читатели протоколов съезда увидят, что Мартов ошибается. Попов, вносящий предложение от имени Организационного Комитета, ни слова не говорит о мотивах (стр. 41 прот. съезда партии). Егоров передвигает вопрос на пункт о дисциплине, а по существу говорит лишь: «у Организационного Комитета могли явиться новые соображения»... (но явились ли и какие?—неизвестно)... «он мог забыть внести кого-нибудь и т. д.». (Это «и т. д.»—единственное прибежище оратора, ибо Организационный Комитет не мог забыть дважды обсуждавшегося им до съезда и раз перед комиссией вопроса о «Борьбе».) «Организационный Комитет принял это решение не потому, что изменил свое отношение к группе «Борьба», но потому, что хочет устранить лишние камни на пути будущей центральной организации партии при первых шагах ее деятельности». Это—не мотивировка, а именно уклонение от мотивировки. Всякий искренний социал-демократ (а мы не допускаем и сомнения в искренности того бы то ни было из участников съезда) заботится об устранении того, что он считает подводным камнем, об устранении теми способами, какие он признает целесообразными. Мотивировать значит объяснить и точно высказать свой взгляд на вещи, а не отделаться трюизмом. И мотивировать нельзя бы было, не «изменяя своего отношения к «Борьбе», потому что прежние, противоположные решения Орга-

изационного Комитета тоже заботились об устранении подводных камней, но видели эти «камни» как раз в обратном. Тов. Мартов и напал чрезвычайно резко и чрезвычайно основательно на этот довод, назвав его «мелким» и вызванным желанием «отговариваться», дав совет Организационному Комитету «не бояться того, что люди скажут». Этими словами тов. Мартов превосходно охарактеризовал суть и смысл того политического оттенка, который сыграл громадную роль на съезде и который отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствием своей линии, боязнью того, что скажут люди, вечным колебанием между обеими определенными сторонами, боязнью открытого изложения своего *credo*,—одним словом «болотностью» *).

Эта политическая бесхарактерность неустойчивой группы привела, между прочим, к тому, что никто, кроме бундовца Юдина⁸⁷⁾ (стр. 53), так и не внес на съезд резолюции о приглашении одного из членов группы «Борьба». Вотировали за резолюцию Юдина пять голосов—очевидно, все бундовцы: колеблющиеся элементы еще раз переметнулись! Как велико было приблизительно число голосов средней группы, показали вотировки резолюций Кольцова и Юдина по этому вопросу: за искровцем шло 32 голоса (стр. 47), за бундовцем—16, т.-е., кроме восьми анти-искровских голосов, два голоса тов. Махова (стр. 46), четыре голоса членов группы «Южного Рабочего» и еще два голоса. Мы покажем сейчас, что такое распределение отнюдь нельзя считать случайным, но сначала отметим, вкратце теперешнее мнение Мартова об этом инциденте с Организационным Комитетом. Мартов утверждал в Лиге, что «Павлович и другие раздували страсти». Достаточно справиться с протоколами съезда, чтобы видеть, что самые обстоятельные, горячие и резкие речи против «Борьбы» и Организационного Комитета принадлежат самому Мартову. Пытаясь свалить «вину» на Павловича, он только демонстрирует свою неустойчивость: до съезда именно Павловича он выбирал седьмым в редакцию, на съезде вполне присоединился к Павловичу

*) У нас есть теперь в партии люди, которые, слыша это слово, приходят в ужас и кричат о петоварищеской полемике. Странное извращение чутья под влиянием официальности..., не к месту применяемой! Едва ли хоть одна политическая партия, знающая внутреннюю борьбу, обходилась без этого термина, которым всегда обозначают неустойчивые элементы, колеблющиеся между борцами. И немцы, умеющие двигать внутреннюю борьбу в превосходно выдержанные рамки, не обижаются по поводу слова «versumpft» и не приходят в ужас, не проявляют смешной официальной pruderie.

(стр. 44) против Егорова, а потом, потерпев поражение от Павловича, начинает обвинять его в «раздувании страстей». Это только смешно.

В «Искре» (№ 56) Мартов иронизирует по поводу того, что придается важное значение вопросу о приглашении икса или игрека. Ирония эта обращается опять против Мартова, ибо именно инцидент с Организационным Комитетом послужил завязкой к спорам о таком «важном» вопросе, как приглашение икса или игрека в Ц. К. и в Ц. О. Нехорошо это—мерить на два разных аршина, смотря по тому, своей ли «группы низшего порядка» (по отношению к партии) касается дело или чужой. Это именно обывательщина и кружковщина, а не партийное отношение к делу. Простое сопоставление речи Мартова в Лиге (стр. 57) с речью на съезде (стр. 44) достаточно доказывает это. «Мне непонятно—сказал Мартов, между прочим, в Лиге,—как это люди в одно и то же время ухитряются называть себя во что бы то ни стало искровцами и—стыдятся быть искровцами». Странное непонимание различия между «называть себя» и «быть», между словом и делом. Сам Мартов на съезде называл себя противником принудительных группировок, а после съезда был их сторонником...

г) Распускание группы „Южного Рабочего“.

Распределение делегатов в вопросе об Организационном Комитете могло бы показаться, пожалуй, случайным. Но такое мнение было бы ошибочным, и чтобы устранить его, мы отступим от хронологического порядка и рассмотрим сейчас же инцидент, имевший место в конце съезда, но самым тесным образом связанный с предыдущим. Инцидент этот—распускание группы «Южного Рабочего». Против искровских организационных тенденций—полного сплочения партийных сил и устранения дробящего силы хаоса—выступили здесь интересы одной из групп, которая делала полезное дело при отсутствии настоящей партии и которая стала излишней при централистической постановке работы. Во имя интересов кружка группа «Южного Рабочего» с неменьшим правом, чем старая редакция «Искры», могла претендовать на сохранение «преемственности» и на свою неприкосновенность. Во имя интересов партии—группа эта должна была подчиниться перемещению ее сил в «соответствующие партийные организации» (стр. 313, конец резолюции принятой съездом). С точки зрения интересов кружка и «обывательщины» не могло не казаться «щекотливым» (выражение тов. Русова ⁸⁸⁾ и т.зв. Дейча) распускание

полезной группы, которая также не хотела этого, как не хотела и старая редакция «Искры». С точки зрения интересов партии являлось необходимым распускание, «растворение» (выражение Гусева⁸⁹) в партии. Группа «Южного Рабочего» прямо заявила, что она «не находит нужным» объявить себя распушенной и требует, чтобы «съезд решительно заявил свое мнение» и притом «немедленно: да или нет». Группа «Южного Рабочего» прямо ссылаясь на ту самую «преемственность», к которой стала апеллировать старая редакция «Искры»... после ее распускания! «Хотя все мы по одиночке составляем единую партию—сказал тов. Егоров,—но она все-таки состоит из целого ряда организаций, с которыми приходится считаться, как с историческими величинами... Если подобная организация не вредна партии, то ее не к чему распускать».

Таким образом, важный принципиальный вопрос был поставлен совершенно определенно, и все искровцы—покуда еще интересы их собственной кружковщины не выплывали вперед—решительно встали против неустойчивых элементов (бундовцы и двое из рабочедельцев в это время уже не были на съезде; они несомненно стояли бы горой за необходимость «считаться с историческими величинами»). Голосование дало 31 за, пять против и пять воздержавшихся (четыре голоса членов группы «Южного Рабочего» и еще один, вероятно, Белова⁹⁰), судя по его прежним заявлениям. Стр. 308). Группа в десять голосов, относящаяся резко отрицательно к последовательному организационному плану «Искры» и отстаивающая кружковщину против партийности, обрисовывается с полной определенностью. В дебатах искровцы ставят этот вопрос именно принципиально (см. речь Ланге, стр. 315), высказываясь против кустарничества и разброда, отказываясь считаться с «симпатиями» отдельных организаций, говоря прямо, что «если бы товарищи из «Южного Рабочего» держались более принципиальной точки зрения раньше, еще год или два тому назад, то дело объединения партии и торжество тех начал программы, которые мы здесь санкционировали, было бы достигнуто раньше». В этом духе высказываются и Орлов, и Гусев, и Лядов, и Муравьев, и Русов, и Павлович, и Глэбоз, и Горин⁹¹). Искровцы из «меньшинства» не только не восстают против этих, неоднократно поднимавшихся на съезде, определенных указаний на недостаточно принципиальную политику и «линию» «Южного Рабочего», Махова и других, не только не делают каких-либо оговорок на этот счет, а напротив, в лице Дейча, решительно присоединяются к ним, осуждая «хаос» и приветствуя «прямую по-

становку вопроса» (стр. 315) того самого тов. Русова, который в этом же заседании имел—о ужас!—дерзость «прямо поставить» и вопрос о старой редакции на чисто партийную почву (стр. 325).

Со стороны группы «Южного Рабочего» вопрос об ее распущении вызвал страшное возмущение, следы которого есть и в протоколах (надо не забывать, что протоколы дают лишь бледную картину прений, ибо, вместо полных речей, они приводят самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоров назвал даже «ложью» простое упоминание имени группы «Рабочая Мысль» наряду с «Южным Рабочим» — характерный образчик того, какое отношение к последовательному экономизму господствовало на съезде. Егоров даже гораздо позже, в 37-м заседании, говорит о распущении «Южного Рабочего» с величайшим раздражением (стр. 356), прося занести в протокол, что при обсуждении вопроса о «Южном Рабочем» членов этой группы не спрашивали ни о средствах на издание, ни о контроле Ц. О. и Ц. К. Тов. Попов⁹²) намекает во время прений о «Южном Рабочем» на компактное большинство, как бы предрешившее вопрос об этой группе. «Теперь — говорит он (стр. 316), — все, после речей тов. Гусева и Орлова, ясно». Смысл этих слов несомненен: теперь, когда искровцы высказались и предложили резолюцию, все ясно, т. е. ясно, что «Южный Рабочий» будет распущен, вопреки его воле. Представитель «Южного Рабочего» сам отделяет здесь искровцев (и при том таких, как Гусева и Орлова) от своих сторонников, как представителей разных «линий» организационной политики. И когда теперешняя «Искра» выставляет группу «Южного Рабочего» (а также, вероятно, Махова?) «типичными искровцами», то это лишь наглядно показывает забвение самых крупных (с точки зрения этой группы) событий съезда и желание новой редакции замести следы, указывающие, из каких элементов создалось так называемое «меньшинство».

К сожалению, на съезде не поднялось вопроса о популярном органе. Все искровцы чрезвычайно оживленно обсуждали этот вопрос и до съезда и во время съезда вне заседаний, соглашаясь в том, что в настоящий момент партийной жизни предпринимать издание такого органа или превращать в него один из существующих — чрезвычайно нерационально. Антиискровцы высказались на съезде в противоположном смысле, группа «Южного Рабочего» тоже в своем докладе, и только случайностью или нежеланием поднимать «безнадежный» вопрос можно объяснить, что за подписью десяти лиц не было внесено соответствующей резолюции.

д) Инцидент с равноправием языков.

Вернемся к порядку заседаний съезда.

Мы убедились теперь, что еще до перехода к обсуждению вопросов по существу на съезде ясно обнаружилась не только совершенно определенная группа антиискровцев (8 голосов), но и группа промежуточных, неустойчивых элементов, готовых поддержать эту восьмерку и увеличить ее приблизительно до 16—18 голосов.

Вопрос о месте Бунда в партии, обсуждавшийся на съезде чрезвычайно, чересчур подробно, свелся к решению принципиального тезиса, практическое же решение было отложено до обсуждения организационных отношений. Ввиду того, что в литературе до съезда довольно много места было уделено разъяснению относящихся сюда тем, на съезде обсуждение дало мало сравнительно нового. Нельзя не заметить только, что сторонники «Рабочего Дела» (Мартынов, Акимов и Брукэр), соглашаясь с резолюцией Мартова, оговаривали, что признают ее недостаточность и расходятся в выводах из нее (стр. 69, 73, 83, 86).

От вопроса о месте Бунда съезд перешел к программе. Прения вращались здесь большей частью около частных поправок, представляющих мало интереса. Принципиально оппозиция антиискровцев выразилась лишь в походе тов. Мартынова против пресловутой постановки вопроса о стихийности и сознательности. За Мартынова встали, конечно, бундовцы и рабочедельцы целиком. Неосновательность его возражений показали, между прочим, Мартов и Плеханов. Как курьез надо отметить, что теперь редакция «Искры» (подумав, должно быть) перешла на сторону Мартынова и говорит обратное тому, что говорила на съезде! Должно быть, это соответствует знаменитому принципу «пресмственности»... Остается выждать, когда редакция разберется вполне и выяснит нам вопрос, в какой именно мере согласилась она с Мартыновым, в чем именно и с какого именно времени. В ожидании этого мы спросим только, видан ли где-нибудь такой партийный орган, редакция которого заговорила после съезда как раз обратное тому, что она говорила на съезде?

Минуя споры о признании «Искры» центральным органом (мы касались уже их выше) и начало дебатов об уставе (их удобнее будет рассмотреть в связи со всем обсуждением устава), перейдем к обнаружившимся при обсуждении программы принципиальным оттенкам. Отметим прежде всего одну деталь чрезвычайно

характерного свойства: прения по вопросу о пропорциональном представительстве. Тов. Егоров из «Южн. Раб.» защищал внесение его в программу и защищал так, что вызвал справедливое замечание Посадовского⁹³⁾ (искровец из меньшинства) о «серьезном разногласии». «Несомненно,—сказал тов. Посадовский,—что мы не сходимся по следующему основному вопросу: нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? Я решительно высказываюсь за последнее». Плеханов «вполне присоединяется» к Посадовскому, вставая в еще более определенных и более решительных выражениях против «абсолютной ценности демократических принципов», против «отвлеченного» рассматривания их. «Гипотетически мыслим случай,—говорит он,—когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права». Речь Плеханова встречена рукоплесканиями и шиканьем, и когда Плеханов опротестовывает Zwischenruf «вы не должны шикать» и просит товарищей не стесняться, то тов. Егоров встает и говорит: «раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать». Вместе с тов. Гольдблатом⁹⁴⁾ (делегатом Бунда) тов. Егоров высказывается против взглядов Посадовского и Плеханова. К сожалению, дебаты были закрыты, и выплывший по поводу них вопрос сошел тотчас со сцены. Но напрасно старается теперь тов. Мартов ослабить и даже свести на-нет его значение, говоря на съезде Лиги: «Эти слова (Плеханова) вызвали негодование части делегатов, которого легко было бы избежать, если бы тов. Плеханов добавил, что, разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попирать такие политические права, как свободу печати... (Плеханов: merci)» (стр. 58 прот. Лиги). Это толкование прямо противоречит совершенно категорическому заявлению тов. Посадовского на съезде о «серьезном разногласии» и расхождении по «основному вопросу». По этому основному вопросу все искровцы высказались на съезде против представителей анти-искровской «правой» (Гольдблат) и съездовского «центра» (Егоров). Это факт, и можно смело ручаться, что

если бы «центру» (надеюсь, это слово будет менее шокировать «официальных» сторонников мягкости, чем какое-либо другое...), если бы «центру» пришлось (в лице тов. Егорова или Махова) высказываться «непринужденно» по этому или аналогичным вопросам, то серьезное разногласие обнаружилось бы немедленно.

Оно обнаружилось еще рельефнее по вопросу о «равноправии языков» (стр. 171 и след. прот.). По этому пункту красноречивы не столько прения, сколько голосования: подсчитывая сумму их, получаем невероятное число — шестнадцать! Из-за чего? Из-за того, достаточно ли в программе оговорить равноправность всех граждан, независимо от пола и т. д. и языка или же необходимо сказать: «свобода языка» или «равноправие языков». Тов. Мартов на Лиге довольно верно охарактеризовал этот эпизод, сказавши, что «ничтожный спор о редакции одного пункта программы принял принципиальное значение, потому что половина съезда готова была свергнуть программную комиссию». Именно так *). Повод к столкновению был именно ничтожный, и тем не менее столкновение приняло действительно принципиальный характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки «свергнуть» программную комиссию, вплоть до подозрений в желании «подвести съезд» (в этом заподозрил Егоров Мартова!), вплоть до обмена личными замечаниями самого... ругательного свойства (стр. 178). Даже тов. Попов «выражал сожаление, что по поводу пустяков создается такая атмосфера» (курсив мой, стр. 182), которая царилa в течение трех заседаний (16, 17 и 18).

Все эти выражения в высшей степени определены и категорически указывают на тот выразительный факт, что атмосфера

*) Мартов добавляет: «В этом случае нам сильно повредила острота Плеханова об ослах» (когда говорили о свободе языка, то один бундовец, кажется, упомянул среди учреждений учреждение коннозаводства, и Плеханов бросил про себя: «лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают»). Я, конечно, не могу видеть в этой остроте особой мягкости, уступчивости, осмотрительности и гибкости. Но мне все же странно, что Мартов, признавши принципиальное значение спора, не останавливается совершенно на разборе того, в чем тут принципиальность и какие оттенки тут сказались, а ограничивается указанием на «вред» острот. Это уж вот поистине бюрократическая и формалистическая точка зрения! Резкие остроты действительно «сильно повредили на съезде» и не только остроты на счет бундовцев, но и на счет тех, кого иногда поддерживали и даже спасали от поражения бундовцы. Однако, раз признано принципиальное значение инцидента, нельзя отделяться фразой о «непозволительности» (стр. 58 прот. Лиги) некоторых острот.

«подозрений» и самых ожесточенных форм борьбы («свержение»),—в создании которой обвинялось потом, на съезде Лиги, большинство искровцев!—на самом деле создалась гораздо раньше, чем мы раскололись на большинство и меньшинство. Повторяю, это факт громадной важности, основной факт, непонимание которого приводит очень и очень многих к самым легкомысленным мнениям относительно искусственности большинства в конце съезда. С теперешней точки зрения тов. Мартова, уверяющего, что на съезде было $\frac{9}{10}$ искровцев, абсолютно необъясним и нелеп тот факт, что из-за «пустяков», из-за «ничтожного» повода могло произойти столкновение, получившее «принципиальный характер» и едва не доведшее до свержения съездовской комиссии. Было бы смешно отделяться от этого факта сетованиями и сожалениями по поводу «повредивших» острот. Принципиального значения столкновение не могло получить ни из-за каких резких острот, такое значение могло получиться исключительно в силу характера политических группировок на съезде. Не резкости и не остроты создали конфликт,—они были только симптомом того, что в самой политической группировке съезда есть «противоречие», есть все залогов конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая с имманентной силой прорывается при каждом, даже ничтожном, поводе.

Напротив, с той точки зрения, с которой я смотрю на съезд и которую я считаю своим долгом отстаивать, как известное политическое понимание событий, хотя бы это понимание и казалось кому-либо обидным,—с этой точки зрения вполне объясним и неизбежен отчаянно-резкий конфликт принципиального характера по «ничтожному» поводу. Раз у нас на съезде все время шла борьба искровцев с антиискровцами, раз между ними стояли неустойчивые элементы, раз эти последние вместе с анти-искровцами составляли $\frac{1}{3}$ голосов ($8+10=18$ из 51, по моему счету, разумеется, приблизительно),—то совершенно понятно и естественно, что всякое отпадение от искровцев хотя бы небольшого меньшинства их, создавало возможность победы антиискровского направления и вызывало, поэтому, «бешеную» борьбу. Это не результат неуместно резких выходов и нападок, а результат политической комбинации. Не резкости создавали политический конфликт, а существование политического конфликта в самой группировке съезда создавало резкости и нападки,—в этом противопоставлении заключается основное наше принципиальное расхождение с Мартовым в оценке политического значения съезда и результатов съезда.

В течение всего съезда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от большинства их,— равноправие языков, § 1 устава и выборы—и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая в конце концов к теперешнему тяжелому кризису в партии. Чтобы политически осмыслить этот кризис и эту борьбу, надо не ограничиваться фразами о неопозволительных остротах, а рассмотреть политические группировки оттенков, столкнувшихся на съезде. Инцидент с «равноправием языков» представляет поэтому двойной интерес с точки зрения выяснения причины расхождения, ибо здесь еще Мартов был (еще был!) искровцем и воевал едва ли не больше всех против анти-искровцев и «центра».

Война началась спором тов. Мартова с лидером бундовцев, тов. Либером (стр. 171—172). Мартов доказывает достаточность требования «равноправия граждан». «Свобода языка» отклоняется, но сейчас же выдвигается «равноправие языков», и вместе с Либером ополчается на боя тов. Егоров. Мартов заявляет, что это—фетишизм, «когда ораторы настаивают на равноправии национальностей и переносят неравноправность в область языка. Между тем, вопрос следует рассматривать как раз с другой стороны: существует неравноправность национальностей, которая выражается, между прочим, и в том, что люди, принадлежащие к известной нации, лишены права пользоваться родным языком» (стр. 172). Мартов был тогда совершенно прав. Действительно, каким-то фетишизмом являлась абсолютно несостоятельная попытка Либера и Егорова защитить правильность их формулировки и найти у нас нежелание или неумение провести принцип равноправия национальностей. На самом деле они, как «фетишисты», отстаивали именно слово, а не принцип, действовали не из боязни какой-либо принципиальной ошибки, а из боязни того, что скажут люди. Как раз эту психологию неустойчивости (а что, если нас за это «другие» обвинят?),—отмеченную нами в инциденте с Организационным Комитетом,—проявил тут с полной ясностью и весь наш «центр». Другой представитель его, близко стоящий к «Южному Рабочему» горнозаводский делегат Львов, «считает вопрос об угнетении языков, выдвинутый окраинами, очень серьезным. Важно, чтобы мы, поставивши пункт об языке в нашей программе, удалили всякое предположение о русификаторстве, в котором могут подозревать социал-демократов». Вот замечательная мотивировка «серьезности» вопроса. Вопрос очень серьезен потому, что надо удалить возможные подозрения окраин! Оратор не дает ровно ничего по существу, он не от-

вечает на обвинения в фетишизме, а целиком подтверждает их, выказывая полное отсутствие своих доводов, отделяясь ссылкой на то, что скажут окраины. Все, что они могли бы сказать, неверно,—говорят ему. Вместо разбора, верно это или неверно, он отвечает: «могут подозревать».

Такая постановка вопроса, с претензией на его серьезность и важность, действительно уже получает принципиальный характер, только вовсе не тот, который хотели найти тут Либеры, Егоровы, Львовы. Принципиальным становится вопрос: должны ли мы предоставить организациям и членам партии применять общие и основные положения программы, применяя их к конкретным условиям и развивая их в направлении такого применения, или мы должны, из простой боязни подозрений, заполнять программу мелкими деталями, частными указаниями, повторениями, казуистикой. Принципиальным становится вопрос о том, как могут социал-демократы в борьбе с казуистичностью усматривать («подозревать») попытки сужения элементарных демократических прав и вольностей. Да когда же, наконец, мы отучимся от этого фетишистского преклонения пред казусами?—вот мысль, которая мелькала у нас при виде борьбы из-за «языков».

Группировка делегатов в этой борьбе особенно ясна, благодаря обилию именных голосований. Их было целых три. Против искровского ядра горой стоят все время все антиискровцы (8 голосов) и, с самыми небольшими колебаниями, весь центр (Махов, Львов, Егоров, Попов, Медведев, Иванов, Царев, Белов⁹⁵⁾),—только два последние колебались в начале, то воздерживаясь, то голосуя с нами, и определились вполне лишь к третьему голосованию). От искровцев отпадает часть—главным образом, кавказцы (трое с шестью голосами)—и благодаря этому перевес, в конце концов, получает направление «фетишизма». При третьем голосовании, когда сторонники обеих тенденций наиболее выяснили свои позиции, от искровцев большинства отделились к противной стороне трое кавказцев с шестью голосами; от искровцев меньшинства отделились двое с двумя голосами—Посадовский и Костич⁹⁶⁾; при двух первых голосованиях переходили к противной стороне или воздерживались: Ленский, Степанов и Горский⁹⁷⁾ из большинства искровцев, Дейч из меньшинства. Отделение восьми искровских голосов (от всего числа 33) дало перевес коалиции анти-искровцев и неустойчивых элементов. Это—именно тот основной факт съездовской группировки, который повторился (при отделении других только искровцев) и при голосовании § 1 устава и при выборах. Не-

удивительно, что потерпевшие поражение на выборах старательно закрывают теперь глаза на политические причины этого поражения, на исходные пункты той борьбы оттенков, которая все более вскрывала и все беспощаднее разоблачала перед партией неустойчивые и политически бесхарактерные элементы. Инцидент с равноправием языков показывает нам эту борьбу тем рельефнее, что тогда еще и тов. Мартов не успел заслужить похвал и одобрения Акимова и Махова.

е) Аграрная программа.

Принципиальная невыдержанность антиискровцев и «центра» сказалась рельефно и на прениях об аграрной программе, которые заняли немало времени у съезда (см. стр. 190—226 прот.) и поставили немало чрезвычайно интересных вопросов. Как и следовало ожидать, поход против программы поднимает тов. Мартынов (после мелких замечаний тов. Либера и Егорова). Он выдвигает старый довод об исправлении «именно данной исторической несправедливости», чем будто бы косвенно мы «освящаем другие исторические несправедливости» и т. д. На его сторону становится и тов. Егоров, которому даже «неясно, каково значение этой программы. Есть ли это—программа для нас, т. е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной» (!?!). Тов. Либер «хотел бы сделать те же указания, что и тов. Егоров». Тов. Махов выступает со свойственной ему решительностью, заявляя, что «большинство (?) из говоривших решительно не понимает, что из себя представляет выставленная программа и какие цели она преследует». Предлагаемую программу, видите ли, «трудно считать за соц.-дем. аграрную программу»; она... «несколько пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей», на ней лежит «оттенок демагогии и авантюризма». Теоретическим подтверждением этого глубокомыслия является обычная утрировка и упрощение вульгарного марксизма: искровцы будто бы «с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу; а так как крестьянство уж давно (?) расчленилось на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь делается авантюрой» (202). Тов. Махов «выбалтывает» здесь истинную причину отрицательного отношения к нашей аграрной программе со стороны многих социал-демократов, готовых признавать «Искру» (как признал ее и сам

Махов), но совершенно не продумавших ее направления, ее теоретическую и практическую позицию. Именно вульгаризация марксизма в применении его к такому сложному и многостороннему явлению, как современный уклад русского крестьянского хозяйства, вызывала и вызывает непонимание этой программы, а вовсе не расхождение по отдельным частностям. И на такой вульгарно-марксистской точке зрения быстро сошлись лидеры антиискровских элементов (Либер и Мартынов) и «центра»—Егоров и Махов. Тов. Егоров откровенно выразил также одну из характерных черт «Южного Рабочего» и тяготеющих к нему групп и кружков, именно—непонимание значения крестьянского движения, непонимание того, что не переоценка, а, наоборот, скорее недооценка этого значения (и недостаток сил для использования движения) составляла слабую сторону наших социал-демократов во время первых знаменитых крестьянских восстаний. «Я далек от увлечения редакции крестьянским движением,—сказал т. Егоров—увлечения, после крестьянских волнений охватившего многих социал-демократов». Т. Егоров не потрудился только, к сожалению, познакомить съезд сколько-нибудь точно с тем, в чем же выразилось это увлечение редакции, не потрудился привести конкретные указания на литературный материал, данный «Искрой». Он забыл кроме того, что все основные пункты нашей аграрной программы были развиты «Искрой» еще в ее третьем номере, т.-е. задолго до крестьянских волнений⁹⁸). Кто «признавал» «Искру» не на словах только, тому не грех было бы проявить немного больше внимания к ее теоретическим и тактическим принципам!

«Нет, в крестьянстве мы много сделать не можем!»—восклицает тов. Егоров и объясняет далее это восклицание не в смысле протеста против того или другого отдельного «увлечения», а в смысле отрицания всей нашей позиции: «Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом». Прехарактерная формулировка беспринципного отношения к делу, вводящего все к «конкуренции» лозунгов разных партий! И это говорится после того, как оратор объявляет себя «удовлетворенным» теоретическими объяснениями, в которых указывалось, что мы стремимся к прочному успеху в агитации, не смущаясь временными неудачами, и что прочный успех (вопреки шумным крикам «конкурентов»... на минуту) невозможен без устойчивого теоретического базиса программы (стр. 196). Какая путаница вскрывается этим утверждением юб «удовлетворенности» и немедленным повторением вульгарных положений, унаследованных от старого экономизма. для которого «конкуренция лозунгов» решала все во-

прюсы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. «Вы не заставите батрака—говорил тов. Егоров—бороться рядом с богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина».

Опять то же упрощение, несомненно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивал, что невозможно «заставить» пролетария бороться за то, что в немалой части находится в руках буржуазии и в еще большей части попадет в ее руки в будущем. Опять та же вульгаризация, забывающая о русских особенностях общекapиталистического отношения между батраком и богатым крестьянином. Отрезки давят сейчас, давят на деле и батрака, которого нечего «заставлять» бороться за освобождение от кабалы. «Заставлять» приходится некоторых интеллигентов—заставлять пошире взглянуть на свои задачи, заставлять отказаться от шаблонов при обсуждении конкретных вопросов, заставлять считаться с исторической конъюнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цели. Именно только предубеждение, что мужик глуп,—предубеждение, проскальзывавший, по справедливому замечанию т. Мартова (стр. 202), в речах тов. Махова и других противников аграрной программы,—только предубеждение объясняет забвение этими противниками реальных условий быта нашего батрака.

Упростив вопрос до голого противополжения: рабочий и капиталист, представители нашего «центра» старались, как водится, свалить свою уозость на мужика. «Именно потому—говорил т. Махов,—что я считаю мужика в меру его узкой классовой точки зрения умным, я полагаю, что он будет стоять за мелко-буржуазный идеал захвата и раздела». Тут смешиваются явно две вещи: характеристика классовой точки зрения мужика, как мелкого буржуа, и сужение этой точки зрения, сведение ее к «узкой мере». Вот в этом-то сведении и заключается ошибка Егоровых и Маховых (точно так же, как в сведении к «узкой мере» точки зрения пролетария состояла ошибка Мартыновых и Акимовых). Между тем и логика, и история учат, что мелко-буржуазная классовая точка зрения может быть более или менее узкой, более или менее прогрессивной, именно ввиду двойственности положения мелкого буржуа. И наша задача никоим образом не может состоять в опускании рук по поводу узости («глупости») мужика или господства над ним «предубедака», а, наоборот, в неустанном расширении его точки зрения, в содействии победе его рассудка над его предубеждением.

Вульгарно-«марксистская» точка зрения на русский аграрный вопрос нашла свое кульминационное выражение в заключительных словах принципиальной речи тов. Махова, верного защитника старой редакции «Искры». Недаром встречены были эти слова аплодисментами, ...правда, ироническими. «Я, не знаю, конечно, что называть бедой», — говорит тов. Махов, возмущенный указанием Плеханова, что движение в пользу черного передела нас несколько не пугает, что не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное) движение.—«Но революция эта, если ее можно так назвать, будет не революционной. Я сказал бы правильное, что это будет уже не революция, а реакция (с м е х), революция вроде бунта... Подобная революция отбросит нас назад и потребует известное время для того, чтобы вновь притти к тому положению, которое мы теперь имеем. А мы теперь имеем пораздо больше, чем во время французской революции (и р о н и ч е с к и е а п л о д и с м е н т ы), мы имеем социал-демократическую партию (с м е х)»... Да, такая социал-демократическая партия, которая рассуждала бы по Маховски, или имела центральные учреждения, опирающиеся на Маховых, действительно заслуживала бы только смеха...

Мы видим, таким образом, что и по чисто принципиальным вопросам, поднятым аграрной программой, сейчас же сказалась знакомая уже нам группировка. Антиискровцы (8 голосов) идут в поход во имя вульгарного марксизма, за ними плетутся вожди «центра», Егоровы и Маховы, путаясь и сбиваясь постоянно на ту же узкую точку зрения. Совершенно естественно поэтому, что голосование некоторых пунктов аграрной программы дает цифры 30 и 35 голосов за (стр. 225 и 226), т.-е. как раз именно то приблизительное число, которое мы видели и при споре о месте обсуждения вопроса о Бунде, и на инциденте с Организационным Комитетом, и на вопросе о закрытии «Южного Рабочего». Стоит подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему из рамок обычного и установленного уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельного приложения теории Маркса к своеобразным и новым (для немцев новым) социально-экономическим отношениям,— и тотчас же искровцев, умеющих стать на высоте задачи, оказывается лишь $\frac{3}{5}$ голосов, тотчас же весь «центр» поворачивает за Либерами и Мартыновыми. А тов. Мартов усиливается еще затушевывать этот очевидный факт, боязливо обходя те голосования, где ясно обнаружился оттенок!

Из прений по аграрной программе ясно видна борьба искровцев против добрых двух пятых съезда. Кавказские делегаты занимали

тут совершенно правильную позицию, — в значительной степени, вероятно, благодаря тому, что близкое знакомство с местными формами многочисленных остатков крепостничества предостерегало их от абстрактно-школьных голых противопоставлений, удовлетворявших Маховых. Против Мартынова и Либера, Махова и Егорова ополчались и Плеханов, и Гусев (подтверждающий, что «такой пессимистический взгляд на нашу работу в деревне» ... как взгляд тов. Егорова, ... ему «приходилось встречать нередко среди действовавших в России товарищей»), и Костров, и Карский⁹⁹), и Троцкий. Последний правильно указывает, что «благожелательные советы» критиков аграрной программы «слишком отдают филистерством». Надо заметить лишь к вопросу об изучении политических группировок на съезде, что в этом месте его речи (стр. 208) едва ли правильно поставлен рядом с Егоровым и Маховым товарищ Ланге. Кто внимательно прочтет протоколы, тот увидит, что Ланге и Горин занимают совсем не ту позицию, какую занимают Егоров и Махов. Ланге и Горину не нравится формулировка пункта об отрезках, они понимают вполне идею нашей аграрной программы, пытаясь и на чье проведение ее в жизнь, работая положительно над тем, чтобы подыскать более безупречную, с их точки зрения, формулировку, внося проекты резолюций с тем, чтобы убедить авторов программы или встать на их сторону, против всех не-искровцев. Достаточно сравнить, например, предложение Махова от отклонения всей аграрной программы (стр. 212, за девять, против 38) и ее отдельных пунктов (стр. 216 и др.) с позицией Ланге, вносящего самостоятельную редакцию пункта об отрезках (стр. 225), чтобы убедиться в коренном различии между ними *).

Говоря дальше о доводах, отдающих «филистерством», тов. Троцкий указал, что «в наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством»... «Пред лицом этой задачи, скептицизм и политическая «дальновидность» Махова и Егорова вреднее всякой близорукости». Тов. Костич, другой искровец меньшинства, очень метко указал на «неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости» со стороны тов. Махова, — характеристика, попадающая не в бровь, а в глаз нашему «центру». «В пессимизме тов. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки, — продолжал тов. Костич. — Он забывает, что уже в данное время социал-демократы работают в кре-

*) Сравни речь Горина, стр. 213.

стынстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы» (стр. 210).

Чтобы покончить с вопросом о программных прениях на съезде, стоит отметить еще краткие дебаты о поддержке оппозиционных течений. В нашей программе ясно сказано, что Социал-Демократическая Партия поддерживает «всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка». Казалось бы, эта последняя оговорка достаточно точно показывает, какие именно из оппозиционных течений мы поддерживаем. Тем не менее, различные оттенки, давно уже сложившихся в нашей партии, сразу обнаружилось и тут, как ни трудно было предположить, что возможны еще «недоумения и недоразумения» по вопросу, до такой степени разжеванному! Дело было, очевидно, именно не в недоразумениях, а в оттенках. Махов, Либер и Мартынов сейчас же забили тревогу и опять-таки оказались в таком «компактном» меньшинстве, что тов. Мартову пришлось бы, пожалуй, и здесь объяснить это интригой, подстраниванием, дипломатией и прочими милыми вещами (см. речь его на съезде Лиги), к которым прибегают люди, неспособные вдуматься в политические причины образования «компактных» групп и меньшинства и большинства.

Махов начинает опять с вульгарного упрощения марксизма. «У нас единственный революционный класс — пролетариат, — заявляет он, и из этого справедливого положения делает сейчас же несправедливый вывод: — остальные так себе, с боку припека (общий смех)... Да, с боку припека и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать» (стр. 226). Бесподобная формулировка своей позиции тов. Маховым многих (из его сторонников) смугила, но по существу дела с ним сошлись и Либер и Мартынов, предлагая устранить слово «оппозиционное» или ограничить его добавлением «демократическое-оппозиционное». Против этой поправки Мартынова справедливо восстал Плеханов. «Мы должны критиковать либералов, — говорил он, — разоблачать их половинчатость. Это верно... Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны разъяснять пролетариату, что, по сравнению с абсолютизмом, даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед и что поэтому он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции». Товарищи Мартынов, Либер и Махов не соглашались с этим и отстаивают свою по-

зицию, на которую нападают Аксельрод, Старовер, Троцкий и еще раз Плеханов. Тов. Махов успел при этом еще раз побить самого себя. Сначала он сказал, что остальные классы (кроме пролетариата) «так себе» и он «против того, чтобы их поддерживать». Потом он смиростивился и признал, что, «будучи реакционной по существу, буржуазия часто бывает революционной,—когда, например, идет речь о борьбе с феодализмом и его остатками». «Но есть группы,—продолжал он, поправляясь еще раз из кулька в рожку,—которые всегда (?) реакционны,—таковы ремесленники». Вот до каких перлов в принципиальном отношении договаривались те самые лидеры нашего «центра», которые потом с пеной у рта защищали старую редакцию! Именно ремесленники даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особую революционность в эпоху падения абсолютизма. Именно русскому социал-демократу особенно нелепо повторять, не подумавши, то, что говорят западные товарищи про теперешних ремесленников в эпоху, отстоящую на столетие и полустолетие от падения абсолютизма. В России реакционность ремесленников по сравнению с буржуазией в области политических вопросов является не более, как шаблонно-заученной фразой.

К сожалению, в протоколах не сохранилось никаких указаний на число голосов, которое собрали отвергнутые поправки Мартынова, Махова и Либера по данному вопросу. Мы можем сказать лишь, что лидеры антиискровских элементов и один из лидеров «центра»*) сплотились и тут в знакомой уже нам группировке против искровцев. Подводя итог всем прениям о программе, нельзя не сделать того вывода, что не было ни разу сколько-нибудь оживленных, возбуждавших всеобщий интерес, дебатов, которые бы не обнаружили разницы оттенков, замалчиваемой ныне товарищем Мартовым и новой редакцией «Искры».

*) Другой лидер той же группы, тов. Егоров, высказался по вопросу о поддержке оппозиционных течений в другом месте, по поводу резолюции Аксельрода о социалистах-революционерах (стр. 359). Тов. Егоров усмотрел «противоречие» между требованием программы поддерживать всякое оппозиционное и революционное движение и отрицательным отношением и к социалистам-революционерам, и к либералам. В иной форме и несколько с другой стороны подхода к вопросу, тов. Егоров обнаружил здесь то же узкое понимание марксизма и то же неустойчивое, полувраждебное отношение к («признанной» им) позиции «Искры», как и товарищи Махов, Либер и Мартынов.

ж) Устав партии. Проект тов. Мартова.

От программы съезд перешел к уставу партии (мы минуем затронутый выше вопрос о Ц. О. и делегатские доклады, которые, к сожалению, не могли быть представлены в удовлетворительном виде большинством делегатов). Нечего и говорить, что вопрос об уставе имел для всех нас громадное значение. В самом деле, ведь, «Искра» выступила с самого начала не только в качестве литературного органа, но и в качестве организационной ячейки. В редакционной статье четвертого номера («С чего начать?») «Искра» выдвинула целый организационный план^{*)}, и систематически, неуклонно проводила этот план в течение трех лет. Когда второй съезд партии признал «Искру» Центральным Органом, то в числе трех пунктов мотивировки соответствующей резолюции (стр. 147), два пункта были посвящены именно этому организационному плану и организационным идеям «Искры»: роль ее в деле руководства практической партийной работой и руководящая роль в объединительной работе. Совершенно естественно поэтому, что работа «Искры» и все дело партийной организации, все дело фактического восстановления партии не могло считаться оконченным без признания всей партией и формального закрепления определенных организационных идей. Выполнить эту задачу и должен был организационный устав партии.

Основные идеи, которые «Искра» стремилась положить в основу партийной организации, сводились в сущности к следующим двум. Первая, идея централизма, принципиально определяла способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов. Вторая—особая роль идейно руководящего органа, газеты, учитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания первоначальной операционной базы революционного натиска за границей. Первая

*) В речи своей о признании «Искры» Центральным Органом тов. Попов, между прочим, говорил: «Я вспоминаю статью в 3 или 4 номере «Искры» — «С чего начать?»¹⁰⁰⁾. Многие из действующих в России товарищей нашли ее нетактичной; другим этот план казался фантастическим, и большинство (вероятно, большинство окружавших тов. Попова лиц) объясняло его только честолюбием» (стр. 140). Как видит читатель, мне уже не привыкать стать к этому объяснению моих политических взглядов честолюбием, объяснению, подогретому теперь тов. Аксельродом и тов. Мартовым.

идея, как единственно принципиальная, должна была проникать собой весь устав; вторая, как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в кажущемся отступлении от централизма, в создании двух центров, Ц.О. и Ц.К. Обе эти основные идеи искровской организации партии были развиты мной и в редакционной статье «Искры» (№ 4). «С чего начать?» *) и в «Что делать?» и, наконец, подробно разъяснены в виде почти что устава в «Письме к товарищу» **). Оставалась только, в сущности, редакционная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который должен был воплотить в жизнь именно эти идеи, если признание «Искры» не оставалось на бумаге, не было только условной фразой. В предисловии к переизданному мной «Письму к товарищу» я уже указывал, что достаточно простого сличения устава партии с этой брошюрой для установления полного тождества организационных идей там и здесь ***).

По поводу редакционной работы формулировки искровских организационных идей в уставе мне приходится коснуться одного инцидента, поднятого тов. Мартовым. «...Фактическая справка вам покажет—говорил Мартов на съезде Лиги (стр. 58),—насколько неожиданным было для Ленина мое впадение в оппортунизм по этому (т.-е. первому) параграфу. За 1½—2 месяца до съезда я показал Ленину мой проект, где § 1 был изложен как раз так, как это было мной предложено на съезде. Ленин высказался против моего проекта, как слишком детального, и сказал мне, что ему нравится только идея § 1—определение членства, которую он воспримет в свой устав с видоизменениями, ибо находит мою формулировку неудачной. Таким образом Ленин был знаком с моей формулировкой уже давно, он знал мои взгляды по этому вопросу. Вы видите таким образом, что я поехал на съезд с открытым забралом, не скрывая своих взглядов. Я предупредил, что буду бороться с взаимной кооптацией, с принципами единогласия при кооптации в Центральный Комитет и Центральный Орган и так далее».

Насчет предупреждения о борьбе с взаимной кооптацией мы в своем месте увидим, как было дело. Теперь остановимся на этом «открытом забрале» Мартовского устава. Передавая в Лиге по памяти эпизод со своим неудачным проектом (который Мартов

*) См. 32—39 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

**) См. 157—174 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

***) См. выше 296 стр. этого тома. Ред.

на съезде сам взял назад, как неудачный, а после съезда, со свойственной ему последовательностью, опять извлек на свет божий),—Мартов, как водится, многое перезабыл и поэтому опять напугал. Казалось бы, довольно уже было фактов, предостерегающих от ссылок на частные разговоры и на свою память (не-вольно вспоминают люди только то, что им выгодно!),—и все же тов. Мартов, за неимением другого материала, пользуется недоброкачественным. Теперь даже и тов. Плеханов начинает подражать ему—должно быть, дурной пример заразителен.

«Идея» первого параграфа в проекте Мартова не могла мне «нравиться», ибо никакой идеи, выплывшей на съезде, в его проекте и не было. Память ему изменила. Мне посчастливилось найти в бумагах проект Мартова, где «первый параграф изложен как раз *не* так, как это было им предложено на съезде»! Вот вам и «открытое забрало»!

§ 1 в проекте Мартова: «Принадлежащим к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов (*sic!*) Партии».

§ 1 в моем проекте: «Членом Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий Партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

§ 1 в формулировке, предложенной Мартовым на съезде и принятой съездом: «Членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Из этого сопоставления ясно видно, что в проекте Мартова именно нет никакой идеи, а есть только пустая фраза. Что члены партии работают под контролем и руководством органов партии, это ясно само собой, это не может быть иначе, об этом говорят только люди, любящие говорить, чтобы ничего не сказать, любящие наполнять «уставы» бездной словесной воды и бюрократических (т.-е. ненужных для дела и якобы нужных для парада) формул. Идея первого параграфа появляется лишь с постановкой вопроса: могут ли органы партии осуществлять на деле свое руководство над членами партии, не входящими ни в одну из партийных организаций. Этой идеи, даже и следа нет в проекте тов. Мартова. Следовательно, я не мог быть знаком со «взглядами» тов. Мартова «по этому вопросу».

ибо никаких взглядов по этому вопросу в проекте тов. Мартова не имеется. Фактическая справка тов. Мартова оказывается путаницей.

Наоборот, именно про тов. Мартова приходится сказать, что он из моего проекта «знал мои взгляды по этому вопросу» и не опротестовал, не опровергал их ни в редакционной коллегии, хотя мой проект был показан всем недели за 2—3 до съезда, ни перед делегатами, знакомившимися только с моим проектом. Мало того. Даже на съезде, когда я внес свой проект устава *) и защищал его до выбора уставной комиссии,—то тов. Мартов заявил прямо: «присоединяюсь к выводам тов. Ленина. Только в двух вопросах я расхожусь с последним» (курсив мой)—в вопросе о способе составления Совета и об единогласной кооптации (стр. 157). О несогласии по § 1 тут еще не говорится ни слова.

В своей брошюре об осадном положении тов. Мартов нашел нужным еще раз и с особенной подробностью вспомнить о своем уставе. Он уверяет там, что его устав, под которым он и теперь бы (февраль 1904 г.—неизвестно, что будет месяца через три) готов подписаться, за исключением некоторых второстепенных частных, «достаточно ясно выражал его отрицательное отношение к гипертрофии централизма» (стр. IV). Невнесение этого проекта на съезд тов. Мартов объясняет теперь, во-1-х, тем, что «искровское воспитание внушило ему пренебрежительное отношение к уставам» (когда это нравится тов. Мартову, тогда слово искровский означает уже для него не узкую кружковщину, а самое выдержанное направление! Жаль только, что искровское воспитание за три года не внушило тов. Мартову пренебрежительное отношение к анархической фразе, которую интеллигентская неустойчивость способна оправдывать нарушение сообща принятого устава). Во-2-х, видите ли, он, тов. Мартов, избегал «внесения

*) Кстати. Протокольная комиссия напечатала в приложении XI проект устава, «внесенный на съезд Лениным» (стр. 393) (см. стр. 296—298 тома IV Собр. соч. Н. Ленина. Ред.). Протокольная комиссия тут тоже немножко напутала. Она смешала мой первоначальный проект, показанный всем делегатам (и очень многим до съезда) с внесенным на съезд проектом и напечатала первый под видом второго. Я ничего не имею, конечно, против опубликования своих проектов, хотя бы и во всех стадиях их подготовки, но путаницу вносить все же не следует. А путаница получилась, ибо Попов и Мартов (стр. 154 и 157) критикуют такие формулировки моего внесенного действительно на съезд проекта, каких нет в проекте, напечатанном протокольной комиссией (сравни стр. 394, §§ 7 и 11). При более внимательном отношении к делу легко было заметить ошибку из простого сличения указанных мною страниц

какого бы то ни было диссонанса, в тактику того основного организационного ядра, каким была «Искра». Это замечательно как связано выходит! в принципиальном вопросе об оппортунистической формулировке § 1 или о гипертрофии централизма тов. Мартов так боялся диссонанса (страшного только с самой узкой кружковой точки зрения), что не вынес своих разногласий даже и перед таким ядром, как редакция! По практическому вопросу о составе центров тов. Мартов от востума большинства членов организации «Искры» (этого настоящего основного организационного ядра) апеллировал к помощи Бунда и рабочедельцев. «Диссонанса» в своих фразах, подсовывающих кружковщину в защиту quasi-редакции для отрицания «кружковщины» в оценке вопроса теми, кто наиболее компетентны, диссонанса этого тов. Мартов не замечает. В наказание ему мы приведем полностью его проект устава, отмечая с своей стороны, какие взгляды и какую гипертрофию он обнаруживает *):

«Проект устава партии.—I. Принадлежность к партии.—1) Принадлежащим к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов партии.—2) Исключение члена из партии за поступки, несовместимые с интересами партии, постановляется Центральным Комитетом. [Мотивированный приговор об исключении сохраняется в архиве партии и сообщается, по требованию, каждому комитету партии. Решение Ц. К. об исключении подлежит апелляции съезда в случае требования двух или более комитетов]... Скобками я буду обозначать явные бессодержательные положения Мартовского проекта, не содержащие в себе не только никакой «идеи», но и никакого определенного условия или требования, — вроде бесподобного указания в «уставе», где именно надо сохранять приговор, или ссылки на то, что решения Ц. К. об исключении (а не все вообще и всякие его решения?) подлежат апелляции съезда. Это именно гипертрофия фразы, или настоящий бюрократический формализм в смысле сочинения лишних, заведомо бесполезных или волокитных, пунктов и параграфов. «... II. Местные комитеты.—3) Представителями партии в ее местной работе являются комитеты партии...» (и ново и умно!) «...4) [Комитетами партии признается наличный в момент второго съезда состав представленных на съезде комитетов].—5) Новые, сверх обозначенных в § 4, комитеты партии назначаются Центральным Комитетом, [который либо признает комитетом наличный состав данной местной организации, либо составляет местный комитет путем реформы последней].—6) Комитеты пополняют свой состав путем кооптации.—7) Ц. К. имеет право дополнить состав местного комитета таким количеством (известных ему) товарищей, чтобы оно составляло не более $\frac{1}{3}$ всего данного состава...» Образчик канцелярищины:

*) Замечу, что я не мог найти, к сожалению, первого варианта Мартовского проекта, который состоял что-то из 48 параграфов, страдая еще более «гипертрофией» никчемного формализма.

почему не более $\frac{1}{3}$? к чему это? какой смысл в этом ограничении, ничего не ограничивающем, ибо дополнение может быть повторено много раз? «...8) [В случае, если местный комитет распался или разбит» (т.-е. не весь взят?) «преследованиями, Ц. К. восстанавливает его)...» (уже не считаясь с § 7? А не находит ли тов. Мартов сходства между § 8 и теми российскими законами о благочинии, которые повелевают в будни работать, а в праздники отдыхать?) «...9) [Очередной съезд партии может поручить Ц. К. реформировать состав какого-либо местного комитета, если деятельность последнего признана несовместимой с интересами партии. В последнем случае комитет в данном составе признается распущенным и товарищи в месте его действий свободными от подчинения *) ему]...» Правило, содержащееся в сем §, столь же высокополезно, как и имеющаяся до сих пор в русских законах статья, которая гласит: всем и каждому воспрещается пьянство. «...10) [Местные комитеты партии руководят всей местной пропагандистской, агитационной и организационной деятельностью партии и содействуют по мере сил Ц. К. и Ц. О. партии в выполнении лежащих на них общепартийных задач]...» Уф! К чему это, ради всего святого?.. «...11) [Внутренние порядки местной организации, взаимные отношения между комитетом и подчиненными» (слышите, слышите, тов. Аксельрод?) «ему группами и пределы компетенции и автономии» (а разве пределы компетенции не одно и то же, что пределы автономии?) «этих групп устанавливаются самим комитетом и сообщаются к сведению Ц. К. и редакции Ц. О.]...» (пробел: не сказано, где сохраняются эти сообщения). «...12) [Все подчиненные комитетам группы и отдельные члены партии имеют право требовать, чтобы их мнение или пожелание по любому вопросу было сообщено Ц. К. партии и ее центральным органам].—13) Местный комитет партии из своих доходов обязан отчислять в кассу Ц. К. долю, приходящуюся на него по раскладке, производимой Ц. К.—III. Организации для целей агитации на иных (кроме русского) языках.—14) [Для целей агитации на одном из нерусских языков и организации рабочих, среди которых такая агитация ведется, могут образовываться отдельные организации в тех пунктах, где представляется необходимость в специализировании такой агитации и выделении подобной организации].—15) Решение вопроса о том, насколько такая потребность существует, предоставляется Ц. К. партии, а в спорных случаях—съезду партии...» Первая часть параграфа излишня, если принять во внимание дальнейшие постановления устава, а вторая часть насчет спорных случаев просто смешотворна. «...16) [Местные организации, обозначенные в § 14, в своих специальных делах автономны, но действуют под контролем местного комитета и подчинены ему, при чем формы этого контроля и норма организационных отношений между данным комитетом и данной специальной организацией устанавливается местным комитетом...» (ну, и слава богу! вот и видно теперь, что не к чему было и городить весь этот огород пустых слов). «...По отношению к общим делам партии такие организации действуют, как часть комитетской организации].—17) [Местные организации, обозначенные в § 14, могут образовывать автономный союз для успешного достижения своих специальных задач. Такой союз может иметь свои специальные лите-

*) Обращаем внимание тов. Аксельрода на это словечко. Ведь это ужасно что такое! Вот где корни-то «якобинства», доходящего даже... даже до изменения состава редакции...

ратурные и административные органы; при чем те и другие состоят под непосредственным контролем Ц. К. партии. Устав такого союза вырабатывается им самим, но утверждается Ц. К. партии].—18) [В состав обозначенного в § 17 автономного союза могут входить и местные комитеты партии, если они по местным условиям посвящают себя преимущественно агитации на данном языке. Примечание. Являясь частью автономного союза, такой комитет не перестает быть комитетом партии]..» (весь параграф чрезвычайно полезен и отменно умен, а примечание еще того больше). «...19) [Местные организации, входящие в состав автономного союза, в своих сношениях с его центральными органами находятся под контролем местных комитетов].—20) [Центральные литературные и административные органы автономных союзов состоят к Ц. К. партии в тех же отношениях, как и местные комитеты партии].—IV. Центральный Комитет и литературные органы партии.—21) [Представителями партии в целом являются ее Ц. К. и литературные органы—политический и научный].—22) На Ц. К. лежит общее руководство всей практической деятельностью партии; забота о правильном использовании и распределении всех ее сил; контроль над деятельностью всех частей партии; снабжение местных организаций литературой; постановка технического аппарата партии; созыв партийных съездов.—23) На литературных органах партии лежит идейное руководство партийной жизнью; пропаганда партийной программы и научная и публицистическая разработка мировоззрения социал-демократии.—24) Все местные комитеты партии и автономные союзы состоят в непосредственных сношениях, как с Ц. К. партии, так и с редакцией партийных органов и периодически осведомляют их о ходе движения и организационной работы на местах.—25) Редакция литературных органов партии назначается съездом партии и функционирует до следующего съезда.—26) [Редакция автономна в своих внутренних делах] и может, в промежутках между двумя съездами, пополнять и изменять свой состав, о чем каждый раз сообщает Ц. К.—27) Все заявления, исходящие от Ц. К. или получившие его санкцию, печатаются, по требованию Ц. К., в партийном органе.—28) Ц. К., по соглашению с редакцией партийных органов, образует специальные литературные группы для тех или иных видов литературной работы.—29) Ц. К. назначается на съезде партии и функционирует до следующего съезда. Ц. К. пополняет свой состав путем кооптации в неограниченном количестве, о чем он каждый раз доводит до сведения редакции центральных органов партии.—V. Заграничная организация партии.—30) Заграничная организация партии заведует пропагандой среди проживающих за границей русских и организацией социалистических элементов среди них. Во главе ее стоит выборная администрация.—31) Автономные союзы, входящие в состав партии, могут иметь свои отделения за границей для содействия специальным задачам этих союзов. Эти отделения входят, как автономные группы, в состав общей заграничной организации.—VI. Съезды партий.—32) Высшей партийной инстанцией является ее съезд.—33) [Съезд партии устанавливает ее программу, устав и руководящие принципы ее деятельности; контролирует работу всех партийных органов и разбирает конфликты между ними].—34) Представительство на съезде принадлежит: а) всем местным комитетам партии; б) центральному административным органам всех автономных союзов, входящих в состав партии; в) Ц. К. партии и редакции ее центральных органов; г) заграничной организации партии.—35) Передача мандатов допускается, но с тем, чтобы один делегат не представлял более, чем три действительных мандата.

Допускается раздел мандата между двумя представителями. Императивные мандаты не допускаются.—36) Ц. К. предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом товарищей, присутствие коих может быть полезно.—37) В вопросах об изменении программы или устава партии требуется большинство $\frac{2}{3}$ наличных голосов; прочие вопросы решаются простым большинством.—38) Съезд считается действительным, если на нем представлено более половины всех наличных в момент съезда комитетов партии.—39) Съезд созывается—по мере возможности—раз в два года. [В случае независимых от воли Ц. К. помех к созыву съезда в этот срок, он за своей ответственностью откладывает его]».

Читатель, у которого хватило, в виде исключения, терпения дочитать до конца этот так называемый устав, наверное не потребует от нас особого рассмотрения нижеследующих выводов. Первый вывод: устав страдает трудно излечимой водянкой. Второй вывод: особого оттенка организационных взглядов в смысле отрицательного отношения к гипертрофии централизма открыть в сем уставе не представляется возможности. Третий вывод: тов. Мартов поступил в высокой степени благоразумно, когда скрыл от глаз света (и от обсуждения на съезде) свыше $\frac{38}{39}$ своего устава. Несколько оригинально лишь то, что по поводу этого скрытия говорится об открытом забрале.

з) Прения о централизме до раскола внутри искровцев.

Прежде чем переходить к действительно интересному и несомненно вскрывающему различные оттенки взглядов вопросу о формулировке § 1 устава, остановимся еще немного на тех кратких общих прениях об уставе, которые заняли 14 заседание съезда и часть 15. Прения эти представляют известное значение потому, что они предшествовали полному расхождению организации «Искры» по вопросу о составе центров. Наоборот, позднейшие прения об уставе вообще, и кооптации в особенности, имели место после нашего расхождения в организации «Искры». Естественно, до расхождения мы способны были высказывать свои взгляды более беспристрастно в смысле большей независимости соображений от взволновавшего всех вопроса о личном составе Ц. К. Тов. Мартов, как я уже отмечал, присоединился (стр. 157) к моим организационным взглядам, оговорив только два несогласия по частностям. Напротив, и анти-искровцы, и «центр» сейчас же подняли поход против обеих основных идей всего организационного плана «Искры» (и, следовательно, всего устава): и против централизма, и против «двух центров». Тов. Либер назвал мой устав «организованным недоверием», усмо-

трел децентрализм в двух центрах (как и тов. Попов и Егоров). Тов. Акимов выразил желание определить сферу компетенции местных комитетов шире, в частности предоставить им самим «право изменения своего состава». «Необходимо предоставить им большую свободу деятельности... Местные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной местности, как избирается Ц. К. представителями всех активных организаций в России. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будет ограничено число членов, назначаемых Ц. К. в местные комитеты...» (158). Тов. Акимов подсказывает, как видите, довод против «гипертрофии централизма», но тов. Мартов остается глух к этим авторитетным указаниям, пока еще поражение по вопросу о составе центров не побуждает его идти за Акимовым. Он остается глух даже тогда, когда тов. Акимов подсказывает ему «идею» его же устава (§ 7—ограничение прав Ц. К. вводить членов в комитеты)! Тогда еще тов. Мартов не хотел «диссонанса» с нами и потому терпел диссонанс и с тов. Акимовым, и с самим собой... Тогда еще против «чудовищного централизма» ратовали только те, кому явно был невыгоден централизм «Искры»: ратовали Акимов, Либер, Гольдблат, за ними шли осторожно, осмотнительно (так, чтобы всегда назад повернуть можно было) Егоров (см. стр. 156 и 272) и т. д. Тогда еще для громадного большинства партий было ясно, что именно приходские, кружковые интересы «Бунда», «Южного Рабочего» и т. д. вызывают протест против централизма. Впрочем, и теперь ведь для большинства партий ясно, что именно кружковые интересы старой редакции «Искры» вызывают ее протест против централизма...

Возьмите, например, речь тов. Гольдבלата (160—161). Он ропщет против моего «чудовищного» централизма, якобы ведущего к «уничтожению» низших организаций, «проникнутого насквозь стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все», предоставляющего организациям «одно лишь право—повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше» и т. д. «Создаваемый проектом центр очутится в пустом пространстве, вокруг него не будет никакой периферии, а лишь некая аморфная масса, в которой будут двигаться его исполнительные агенты». Ведь это точь-в-точь такое же фальшивое фразерство, которым после своего поражения на съезде стали угощать нас Мартовы и Аксельроды. Смеялись над «Бундом», который, воюя против нашего централизма, сам у себя предоставляет центру еще о определеннее очерченные неограниченные права (хотя бы, например, ввода и исклю-

чения членов, даже недопущения делегатов на съезды). Смеяться будут, разобрав дело, и над воплями меньшинства, которое кричит против централизма и против устава, когда оно в меньшинстве, и сейчас же опирается на устав, когда оно пробралось в большинство.

По вопросу о двух центрах группировка тоже сказалась ясно: против всех искровцев стоят и Либер, и Акимов (первый затянувший любимую теперь аксельродовски-мартовскую песню о превалировании в Совете Ц. О. над Ц. К.), и Попов, и Егоров. Из тех организационных идей, которые всегда развивала старая «Искра» (и которые были одобрены на словах тов. Поповыми и Егоровыми!), план двух центров вытекал сам собою. С планами «Южного Рабочего», с планами создания параллельного популярного органа и превращения его в фактически преобладающий орган, шла вразрез политика старой «Искры». Вот где лежит корень того странного на первый взгляд противоречия, что за один центр, т.-е. за больший якобы централизм, стоят все анти-искровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такие делегаты, которые едва ли понимали ясно, к чему приведут и должны, в силу хода вещей, привести организационные планы «Южного Рабочего», но их толкала на сторону анти-искровцев самая уже их нерешительная и неуверенная в себе натура.

Из речей искровцев во время этих (предшествовавших расколу искровцев) дебатов об уставе особенно замечательны речи т. т. Мартова («присоединение» к моим организационным идеям) и Троцкого. Последний ответил т. т. Акимову и Либеру так, что этот ответ каждым словом изобличает всю фальшь послесъездовского поведения и послесъездовских теорий «меньшинства». «Устав, говорил он (тов. Акимов), определяет сферу компетенции Ц. К. недостаточно точно. Я не могу согласиться с ним. Наоборот, это определение точно и означает: поскольку партия есть целое, необходимо обеспечить ее контролем над местными комитетами. Т. Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, «организованное недоверие». Это верно. Но это выражение было употреблено мной по отношению к предложенному представителями «Бунда» уставу, который представлял организованное недоверие со стороны части партии ко всей партии. «Наш же устав» (тогда этот устав был «наш», до поражения по вопросу о составе центров!) «представляет организованное недоверие со стороны партии ко всем ее частям, т.-е. контроль над всеми местными, районными, национальными и другими организациями» (158). Да, наш устав охарактеризован здесь правильно, и мы почаще советовали бы вспоминать

эту характеристику людям, которые теперь со спокойной совестью уверяют, что это злокозненное большинство придумало и ввело систему «организованного недоверия» или, что то же, «осадного положения». Достаточно сравнить приведенную речь с речами на съезде Заграничной Лиги, чтобы получить образчик политической бесхарактерности, образчик того, как менялись взгляды Мартова и К^о, смотря по тому, шла ли речь об их собственной или о чужой коллегии низшего порядка.

и) Параграф первый устава.

Мы уже привели те различные формулировки, из-за которых разгорелись интересные дебаты на съезде. Дебаты эти заняли почти два заседания и закончились двумя именными голосованиями (в течение всего съезда было, если я не ошибаюсь, только восемь именных голосований, которые предпринимались лишь в особо важных случаях вследствие громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованиями). Вопрос затронут был, несомненно, принципиальный. Интерес съезда к дебатам был громадный. В голосовании участвовали все делегаты—явление, редкое на нашем съезде (как и на всяком большом съезде) и свидетельствующее равным образом о заинтересованности споривших.

В чем же, спрашивается, заключалась суть спорного вопроса? Я сказал уже на съезде и повторял потом не раз, что «вообще не считаю наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы далеко еще не погибнем!» (250). Само по себе это разногласие, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать такого расхождения (фактически, если говорить без условностей, того раскола), которое создалось после съезда. Но всякое маленькое разногласие может сделаться большим, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый план, если приняться за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое маленькое разногласие может получить огромное значение, если оно послужит исходным пунктом поворота к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, с аналогичными действиями, доводящими партию до раскола.

Именно так обстояло дело и в данном случае. Небольшое сравнительно разногласие по § 1 получило теперь громадное значение, ибо именно оно послужило поворотным пунктом к оппор-

тунистическому глубокомыслию и к анархическому фразерству меньшинства (на съезде Лиги в особенности, а потом и на страницах новой «Искры»). Именно оно положило начало той коалиции искровского меньшинства с анти-искровцами и с болотом, которая окончательно отлилась в определенные формы ко времени выборов и без понимания которой нельзя понять и главного, коренного расхождения в вопросе о составе центров. Маленькая ошибка Мартова и Аксельрода по § 1 представляла из себя маленькую щель в нашей посудине (как я выразился на съезде Лиги). Можно было связать посудину покрепче, мертвым узлом (а не мертвой петлей, как слышалось Мартозу, находившемуся во время съезда Лиги в состоянии, близком к истерике). Можно было направить все усилия на то, чтобы сделать щель большой, чтобы расколоть посудину. Вышло, благодаря бойкоту и тому подобным анархическим мерам усердных мартовцев, именно последнее. Разногласие по § 1 сыграло немалую роль в вопросе о выборе центров, а поражение Мартова по этому вопросу привело его к «принципиальной борьбе» путем грубо-механических и даже скандальных (речи на съезде Заграничной Лиги Русской Рев. Соц.-Дем.) средств.

Теперь, после всех этих происшествий, вопрос о § 1 получил, таким образом, огромное значение, и мы должны дать себе точный отчет и в характере группировок на съезде при голосовании этого § и,—что еще несравненно важнее,—в действительном характере тех оттенков в воззрениях, которые наметились или начали намечаться по § 1. Теперь, после известных читателям происшествий, вопрос поставлен уже таким образом: отразились ли на формулировке Мартова, защищавшейся Аксельродом, его (или их) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, как выражался я на съезде партии (333), его (или их) уклонение в жоресизм и анархизм, как полагал Плеханов на съезде Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировке моей, защищавшейся Плехановым, отразилось неправильное, бюрократическое, формалистическое, помпадурское, не социал-демократическое понимание централизма? Оппортунизм и анархизм или бюрократизм и формализм?—так поставлен вопрос теперь, когда маленькое расхождение сделалось большим. И мы должны иметь, в виду именно эту,—событиями навязанную нам всем,—исторически-данную, сказал бы я, если б это не звучало слишком громко,—постановку вопроса при обсуждении по существу доводов за и против моей формулировки.

Начнем разбор этих доводов с анализа съездовских прений. Первая речь, тов. Егорова, интересна только тем, что его отношение (*non liquet*, мне еще не ясно, я еще не знаю, где правда) очень характерно для отношения многих делегатов, которым не легко было разобраться в действительно новом, довольно сложном и детальном вопросе. Следующая речь, тов. Аксельрода, ставит уже сразу вопрос принципиально. Это—первая принципиальная, вернее даже сказать: вообще первая, речь тов. Аксельрода на съезде, и трудно признать его дебют с пресловутым «профессором» особенно удачным. «Я думаю, что нам нужно,—говорил тов. Аксельрод,—разграничить понятия—партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно». Таков первый довод против моей формулировки. Присмотритесь к нему поближе. Если я говорю, что партия должна быть суммой (и не простой арифметической суммой, а комплексом) организаций*), то значит ли это, что я «смешиваю» понятия партия и организация? Конечно, нет. Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более организованное, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые допускают хоть минимум организованности. Наоборот, мой оппонент смешивает в партии организованные элементы с неорганизованными, поддающиеся руководству и неподдающиеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо-отсталые могут войти в организацию. Вот это смешение действительно опасно. Тов. Аксельрод ссылается дальше на «строго конспиративные и централистические организации прошлого» («Земли и Воли» и «Народной Воли»): вокруг них-де «группировался целый ряд лиц,

*) Слово «организация» употребляется обыкновенно в двух смыслах, широком и узком. В узком смысле оно означает отдельную ячейку человеческого коллектива, хотя бы в минимальной степени оформленного. В широком смысле оно означает сумму таких ячеек, сплоченных в одно целое. Например, флот, армия, государство представляют из себя в одну и то же время сумму организаций (в узком смысле слова) и разновидность общественной организации (в широком смысле слова). Учебное ведомство есть организация (в широком смысле слова), учебное ведомство состоит из ряда организаций (в узком смысле слова). Точно так же и партия есть организация, должна быть организацией (в широком смысле слова); в то же время партия должна состоять из целого ряда разнообразных организаций (в узком смысле слова). Поэтому тов. Аксельрод, говорящий о разграничении понятий—партия и организация, во-первых, не принял во внимание этой разницы в широком и узком значении слова организация, а во-вторых, не заметил того, что он сам смешивал организованные и неорганизованные элементы в одну кучу.

не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии... Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации». Вот именно тут мы и подошли к одному из главных вопросов: действительно ли «этот принцип» есть социал-демократический,—принцип, разрешающий называть себя членами партии тем, кто ни в одну из организаций партии не входит, а только «так или иначе помогает ей»? И Плеханов дал единственный возможный ответ на этот вопрос: «Аксельрод был неправ в своей ссылке на 70-ые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партий, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии 70-х годов, а избегать ее». Таким образом, «этот принцип», который тов. Аксельрод хотел выдать за социал-демократический, на самом деле есть принцип анархический. Чтобы опровергнуть это, надо показать возможность контроля, руководства и дисциплины вне организации, надо показать необходимость того, чтобы «элементам хаоса» было присваиваемо название членов партии. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать ни того, ни другого. Тов. Аксельрод для примера взял «профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом». Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся в этом примере, тов. Аксельрод должен был бы сказать далее: признают ли сами организованные социал-демократы этого «профессора социал-демократом? Не поставив этого дальнейшего вопроса, тов. Аксельрод бросил свою аргументацию на половине. В самом деле, одно из двух. Или организованные социал-демократы признают интересующего нас профессора социал-демократом,—и тогда почему бы им не включить его в ту или другую социал-демократическую организацию? Только при условии такого включения «заявления» профессора будут соответствовать его делам, будут не пустыми фразами (каковыми слишком часто остаются профессорские заявления). Или организованные социал-демократы не признают профессора социал-демократом,—и тогда нелепо, бессмысленно и вредно давать ему право носить почетное и ответственное звание члена партии. Дело сводится, таким образом, именно к последовательному проведению принципа организации или к освящению разброда и анархии. Строим ли мы партию, исходя из того уже создавшегося

и сплотившегося ядра социал-демократов, которое создало, скажем, партийный съезд и которое должно расширять и умножать всяческие партийные организации, или мы довольствуемся успокоительной фразой, что все помогающие суть члены партии? «Если мы примем формулу Ленина,—продолжал тов. Аксельрод,—то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии». Смещение понятий, в котором хотел обвинить меня тов. Аксельрод, выступает тут у него самого с полной ясностью: он принимает уже за данное, что все помогающие являются членами партии, тогда как из-за этого и идет спор, и оппоненты должны еще доказать необходимость и пользу такого толкования. Какое содержание этой страшной, на первый взгляд, фразы: выбросить за борт? Если членами партии признаются только члены организаций, признанных за партийные, то люди, не могущие «непосредственно» войти ни в одну партийную организацию, могут ведь работать в организации непартийной, но примыкающей к партии. О выбрасывании за борт в смысле отстранения от работы, от участия в движении не может быть, следовательно, и речи. Напротив, чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себе действительных социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет внутри партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих масс. Ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом. А именно в такое смешение (характерное для нашего оппортунистического экономизма вообще) впадает тов. Аксельрод, когда он говорит: «Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя быть может и не совсем активно, примыкающих к этой партии». Во-первых, в число активных элементов Социал-Демократической Рабочей Партии войдут вовсе не одни только организации революционеров, а целый ряд рабочих организаций, признанных за партийные. Во-вторых, по какой бы это причине, в силу какой логики из того факта, что мы—партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между входящими в партию и примыкающими к партии? Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии. Мы—пар-

тия класса, и потому почти весь класс (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии, как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи—значило бы забывать о различии между передовыми отрядами и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда поднимать все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными—и помогающими.

Ссылаться на то, что мы—партия класса, в оправдание организационной расплывчатости, в оправдание смешения организации и дезорганизации—значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал «философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения «в глубине» с технически-организационным вопросом» («Что делать?», стр. 91) *). Именно это смешение, с легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затем десятки раз ораторы, защищавшие формулировку тов. Мартова. «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше»,—говорит Мартов, не объясняя, однако, какая же польза от широкого распространения названия, не соответствующего содержанию. Можно ли отрицать, что контроль за невходящими в организацию партии членами есть фикция? Широкое распространение фикции вредно, а не полезно. «Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии» (стр. 229). В самом деле? Каждый стачечник должен иметь право объявить себя членом партии? Этим положением тов. Мартов сразу доводит свою ошибку до абсурда, принижая социал-демократизм до стачкизма, повторяя злоключения Акимовых. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удастся руководить ка-

*) См. выше 216—217 стр. этого тома. Ред.

ждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал-демократии руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим отождествление такой первоначальной, *ipso facto* не более, как тред-юнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически узаконять заведомую фальшь, если дадим право каждому стачечнику «объявлять себя членом партии», ибо такое «объявление» в массе случаев будет объявлением ложным. Мы станем убаюкивать себя манифесскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что каждый стачечник может быть социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями «необученных», неквалифицированных рабочих. Именно на примере «стаечника» особенно ясно видна разница между революционным стремлением социал-демократически руководить каждой стачкой и оппортунистической фразой, объявляющей членом партии каждого стачечника. Мы—партия класса, поскольку мы на деле социал-демократически руководим почти всем или даже всем классом пролетариата; но из этого только Акимовы могут делать вывод, что мы на словах должны отождествлять партию и класс.

«Я не боюсь заговорщической организации», говорил в той же речи тов. Мартов,—но, добавлял он, «заговорщическая организация для меня имеет смысл постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая партия» (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точным: поскольку ее облекает широкое социал-демократическое рабочее движение. И в такой форме положение тов. Мартова не только бесспорно, оно является прямым трюизмом. Я останавливаюсь на этом пункте лишь потому, что из трюизма тов. Мартова последующие ораторы сделали очень ходкий и очень вульгарный довод, что-де Ленин хочет «ограничить всю сумму членов партии суммой заговорщиков». Этот вывод, способный вызвать лишь улыбку, делали и тов. Посадовский и тов. Попов, а когда его подхватили Мартынов и Акимов, то истинный его характер обрисовался уже вполне, именно характер оппортунистической фразы. В настоящее время этот же довод развивает в новой «Искре» тов. Аксельрод для ознакомления читающей публики с новыми организационными взглядами

новой редакции. Еще на съезде, в первом же заседании, обсуждавшем вопрос о § 1, я заметил, что оппоненты хотят воспользоваться таким дешевым оружием, и потому предостерегал в своей речи (стр. 240): «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, *lose Organisationen*». Это—до такой степени самоочевидная, сама собою разумеющаяся истина, что на ней останавливаться я считал лишним. Но по нынешним временам, когда нас оттащили назад в очень и очень многом, приходится «повторять зады» и здесь. Для такого повторения приведу несколько выписок из «Что делать?» и из «Письма к товарищу»:

«...Кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябоза ¹⁰¹⁾, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса». Чтобы быть социал-демократической партией, надо добиться поддержки именно класса. Не партия должна облекать заговорщическую организацию, как думал тов. Мартов, а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию, включающую в себя и заговорщические и незаговорщические организации.

«...Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях... Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами цеховых союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединили всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были очень широкими организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет наше влияние на них, влияние, сказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием на товарищей социа-

листических членов союза» (стр. 86) *). Кстати сказать, пример профессиональных союзов особенно характерен для оценки спорного вопроса о § 1. Что эти союзы должны работать «под контролем и руководством» социал-демократических организаций,—об этом не может быть двух мнений среди социал-демократов. Но на этом основании давать право всем членам таких союзов «объявлять себя» членами социал-демократической партии было бы явной нелепостью и грозило бы принести двоякий вред: сузить размеры цехового движения и ослабить солидарность рабочих на этой почве, с одной стороны. С другой стороны, это открывало бы двери социал-демократической партии для распычатости и шаткости. Германская социал-демократия имела случай разрешать подобный вопрос в конкретной постановке, когда всплыл, знаменитый инцидент с гамбургскими каменщиками, работавшими сдельно. Социал-демократия ни минуты не колебалась признать штрейк-брехерство бесчестным с точки зрения социал-демократа поступком, т.-е. признать руководство стачками, поддержку их своим кровным делом, но в то же время она столь же решительно отвергла требование отождествить интересы партии с интересами цеховых союзов, возложить на партию ответственность за отдельные шаги отдельных союзов. Партия должна и будет стараться пропитать своим духом, подчинить своему влиянию цеховые союзы, но именно в интересах этого влияния она должна выделять вполне социал-демократические (входящие в социал-демократическую партию) элементы этих союзов от не вполне сознательных и не вполне политически активных, а не смешивать те и другие, как хочет тов. Аксельрод.

«...Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в самом широком числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно смешивать их с организацией революционеров, стирать грань между ними...» (стр. 96) **). Из этой справки видно, как не кстати напоминал мне тов. Мартов, что организацию

*) См. выше 211 стр. этого тома. Ред.

**) См. выше 221 стр. этого тома. Ред.

революционеров должны облекать широкие рабочие организации. Я указывал на это еще в «Что делать?», а в «Письме к товарищу» развивал эту идею конкретнее. Заводские кружки—писал я там—«для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения—в организованности рабочих на крупных заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью... Заводской подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или агентов)... Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и, при условии утверждения комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, получают права всех членов партии, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие не войдут в Р. С.-Д. Р. П., будут на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.» (стр. 17—18) *). Из подчеркнутых мною слов особенно ясно видно, что идея моей формулировки § 1 вполне выражена уже в «Письме к товарищу». Условия вхождения в партию прямо указаны здесь, именно: 1) известная степень организованности и 2) утверждение комитета партии. Страницей дальше я указываю примерно и то, какие группы и организации и по каким соображениям должны (или не должны) быть вводимы в партию: «Группа разносчиков должна принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием при участии одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д.» (стр. 18—19 **).

Вот вам еще материал к вопросу об «открытом забрале»! В то время, как формула проекта тов. Мартова совершенно не за-

*) См. 166—169 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

**) См. 169—170 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина. Ред.

трагивает даже отношения партии к организации,—я указывал уже чуть ли не за год до съезда, что юдни организации должны войти в партию, другие—нет. В «Письме к товарищу» ясно выступает уже идея, защищавшаяся мною на съезде. Дело наглядно могло бы быть представлено следующим образом. По степени организованности вообще и конспиративности организации в частности можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда, при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. Далее, 3) организации рабочих, примыкающие к партии; 4) организации рабочих, не примыкающие к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократий. Вот как, приблизительно, представляется дело, с моей точки зрения. Наоборот, с точки зрения тов. Мартова, граница партии остается совершенно неопределенной, ибо «каждый стачечник» может «объявлять себя членом партии». Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение «названия». Вред ее—внесение дезорганизующей идеи о смещении класса и партии.

Для иллюстрации выставленных нами общих положений бросим еще беглый взгляд на дальнейшие прения на съезде по § 1. Тов. Брукэр высказывается (к удовольствию тов. Мартова) за мою формулировку, но его союз со мною оказывается, в отличие от союза тов. Акимова с Мартовым, основанным на недоразумении. Тов. Брукэр «несогласен со всем уставом и всем его духом» (стр. 239) и защищает мою формулу, как основу демократизма, желанного для сторонников «Рабочего Дела». Тов. Брукэр не подиался еще на ту точку зрения, что в политической борьбе приходится иногда выбирать меньшее из зол; тов. Брукэр не заметил, что защищать демократизм на таком съезде, как наш, бесполезно. Тов. Акимов оказался прозорливее. Он совершенно верно поставил вопрос, признавши, что «т. т. Мартов и Ленин спорят, какая (формулировка) лучше достигает их общей цели» (стр. 252). «Я и Брукэр—продолжает он—хотим выбрать ту, которая меньше достигает цели. В этом отношении я выбираю формулировку Мартова». И тов. Акимов с откровенностью пояснил, что «самую цель их» (Плеханова, Мартова и мою—создание руководящей организации революционеров) он считает «неосуществимой»

и вредной»; он отстаивает, как и тов. Мартынов *), идею экономистов о ненужности «организации революционеров». Он «полон веры, что жизнь все же ворвется в нашу партийную организацию, независимо от того, загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина». На этом «хвостистском» понимании «жизни» не стоило бы останавливаться, если бы мы не встретили его также у тов. Мартова. Вторая речь тов. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоит разобрать подробно.

Первый довод тов. Мартова: контроль партийных организаций над не входящими в организации членами партии «осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней» (стр. 245). Этот тезис замечательно характерен, ибо он «выдает», если можно так выразиться, кому нужна и кому будет на деле служить формулировка Мартова: интеллигентным ли одиночкам или рабочим группам и рабочим массам. Дело в том, что возможны два толкования формулы Мартова: 1) членом партии вправе «объявлять себя» (слова самого тов. Мартова) всякий, кто оказывает ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций; 2) членом партии всякая ее организация вправе признать всякого, кто оказывает ей регулярное личное содействие под ее руководством. Только первое толкование дает действительно возможность «каждому стачечнику» назваться членом партии, и только оно, поэтому, и завоевало сразу сердца Либеров, Акимовых и Мартыновых. Но это толкование является уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдет весь рабочий класс, и сотрется различие между партией и классом; о контроле и руководстве за «каждым стачечником» можно говорить только «символически». Вот почему тов. Мартов и сбился во второй своей речи сейчас же на второе толкование (хотя, в скобках сказать, оно прямо отклонено съездом, отвергшим резолюцию Костича, стр. 255): комитет будет поручать функции и следить за их выполнением. Такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по

*) Тов. Мартынов, впрочем, хочет отличаться от тов. Акимова, хочет доказать, что заговорщический будто бы не значит конспиративный, что за разницей этих слов скрывается разница понятий. Какая это разница, ни тов. Мартынов, ни идущий теперь по его стопам тов. Аксельрод так и не объяснили. Тов. Мартынов «делает вид», будто я, например, в «Что делать?» не высказался решительно (как и в «Задачах») против «ужесточения политической борьбы до заговора». Тов. Мартынов хочет заставить слушателей забыть, что те, с кем я возвал, не видели надобности в организации революционеров, как не видит ее и сейчас товарищ Акимов.

отношению к массе рабочих, к тысячам пролетариев (о которых говорят тов. Аксельрод и тов. Мартынов),—они будут даваться зачастую вот именно тем профессора, которых поминал тов. Аксельрод, тем гимназистам, о которых заботился тов. Либер и тов. Попов (стр. 241), той революционной молодежи, на которую ссылался тов. Аксельрод в своей второй речи (стр. 242). Одним словом, формула тов. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу главным образом и почти исключительно «интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом» и не желающим входить в организацию. На словах формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата; на деле эта формула послужит интересам буржуазной интеллигенции, чурающейся пролетарской дисциплины и организации. Никто не решится отрицать, что интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, именно индивидуализмом и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям мелко-буржуазного существования (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.). Не случайность, наконец, и то, что именно защитники формулы тов. Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, в спорах о § 1, против поборников радикально-заговорщической организации, как думали т. т. Мартынов и Аксельрод, а сторонники буржуазно-интеллигентского индивидуализма столкнулись с сторонниками пролетарской организации и дисциплины.

Тов. Попов говорил: «Всюду в С.-Петербурге, как в Николаеве или Одессе, по свидетельству представителей этих городов, есть десятки рабочих, которые распространяют литературу, ведут устную агитацию и которые не могут быть членами организации. Их можно приписать к организации, но считать членами нельзя» (стр. 241). Почему они не могут быть членами организации? это осталось тайной тов. Попова. Я уже цитировал выше место из

«Письма к товарищу», показывающее, что именно включение всех таких рабочих (сотнями, а не десятками) в организации и возможно и необходимо, при чем очень и очень многие из этих организаций могут и должны войти в партию.

Второй довод тов. Мартова: «Для Ленина нет иных организаций в партии кроме партийных организаций».... Совершенно верно!.. «Для меня, напротив, такие организации должны существовать. Жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров»... Это в двух отношениях неверно: 1) «жизнь» плодит гораздо меньше дельных организаций революционеров, чем нам нужно, чем требуется рабочим движением; 2) партия наша должна быть иерархией не только организаций революционеров, но и массы рабочих организаций... «Ленин думает, что Ц. К. утвердит в звании партийных только те организации, которые будут вполне надежны в принципиальном отношении. Но тов. Брукер хорошо понимает, что жизнь (sic!) возьмет свое и что Ц. К., чтобы не оставить вне партии множества организаций, должен будет их легализовать, несмотря на их вполне ненадежный характер; поэтому тов. Брукер и присоединяется к Ленину»... Вот уже поистине хвостическое понимание «жизни»! Конечно, если бы Ц. К. обязательно состоял из людей, руководящихся не своим мнением, а тем, что другие скажут (см. инцидент с О. К.), тогда, «жизнь» взяла бы «свое» в том смысле, что наиболее отсталые элементы партии взяли бы верх (как это и случилось теперь, когда составилось из отсталых элементов партийное «меньшинство»). Но ни одной осмысленной причины нельзя привести, которая бы заставила толковый Ц. К. вводить в партию «ненадежные» элементы. Именно этой ссылкой на «жизнь», которая «плодит» ненадежные элементы, тов. Мартов и показывает воочию оппортунистический характер своего организационного плана!.. «Я же думаю,—продолжает он,—что если такая организация (не вполне надежная) согласна принять партийную программу и партийный контроль, то мы можем ввести ее в партию, не делая ее тем самым партийной организацией. Я бы считал большим торжеством нашей партии, если бы, например, какой-нибудь союз «независимых» определил, что он принимает точку зрения социал-демократии и ее программу и вступает в партию, что не значит, однако, что мы включаем союз в партийную организацию»... Вот до какой путаницы доводит формула Мартова: непартийные организации, входящие в партию! Представьте только себе его схему: партия = 1) организации революционе-

ров + 2) организации рабочих, признанные партийными + 3) организации рабочих, непризнанные партийными (преимущественно из «независимых») + 4) одиночки, исполняющие разные функции, профессора, гимназисты и т. д. + 5) «каждый стачечник». Рядом с этим замечательным планом можно поставить лишь слова тов. Либера: «Наша задача не только организовать организацию (!), мы можем и должны организовать партию» (стр. 241). Да, конечно, мы можем и должны сделать это, но для этого нужны не лишние «смысла слова об «организации организаций», а прямое требование от членов партии, чтобы они работали над организацией на деле. Поворить об «организации партии» и защищать прикрытые словом партия всякой неорганизованности и всякого разброда—значит, говорить пустые слова.

«Наша формулировка — говорит тов. Мартов—выражает стремление к тому, чтобы между организацией революционеров и массой был ряд организаций». Именно нет. Этого-то действительно обязательного стремления и не выражает формула Мартова, ибо она не дает стимула организоваться, не содержит требования организоваться, не отделяет организованного от неорганизованного. Она дает одно только звание *), и по этому поводу нельзя не вспомнить слов тов. Аксельрода: «Никакими декретами нельзя запретить им (кружкам революционной молодежи и проч.) и отдельным лицам называть себя социал-демократами» (святая истина!) «и даже считать себя частью партии»... вот это уже безусловно неверно! Запрещать называться социал-демократом нельзя и не зачем, ибо это слово выражает непосредственно лишь систему убеждений, а не определенные организационные отношения. Запрещать отдельным кружкам и лицам «считать себя частью партии» можно и должно, когда эти кружки и лица вредят делу партии, развращают или дезорганизуют ее. Смешно было бы говорить о партии, как целом, как политиче-

*) На съезде Лиги тов. Мартов выдвинул еще один довод в пользу своей формулировки, над которым стоит посмеяться. «Мы могли бы указать,— говорит он — что формула Ленина, понятая буквально, исключает из партии агентов Ц. К., ибо последние не составляют организации» (стр. 59). Довод этот и на съезде Лиги был встречен смехом, как значится в протоколах. Тов. Мартов полагает, что указанное им «затруднение» разрешимо только тем, что агенты Ц. К. входят в «организацию Ц. К.». Но дело не в этом. Дело в том, что своим примером тов. Мартов наглядно показал свое полное непонимание идеи § 1, показал чисто буквоедский образчик критики, действительно заслуживающий насмешки. Формально, достаточно было бы образовать «организацию агентов Ц. К.», составить постановление о включении ее в партию, и «затруднение», причинившее

ской величине, если бы она не могла «декретом запретить» кружку «считать себя частью» целого! И к чему бы тогда определять порядок и условия исключения из партии? Тов. Аксельрод наглядно привел к абсурду основную ошибку тов. Мартова; он возвел даже эту ошибку в оппортунистическую теорию, когда добавил: «в формулировке Ленина § 1 является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью (!), с задачами социал-демократической партии пролетариата» (стр. 243). Это значит не больше и не меньше, как: предъявление более высоких, требований к партии, чем к классу, есть принципиальное противоречие с самой сущностью задач пролетариата. Неудивительно, что Акимов горой встал за такую теорию.

Справедливость требует отмстить, что тов. Аксельрод, теперь желавшую превратить эту ошибочную, явно клонящую к оппортунизму формулировку, в зерно новых взглядов,—на съезде выразил, наоборот, готовность «поторговаться», сказавши: «Но я замечаю, что стучусь в открытую дверь»... (я замечаю также это и на новой «Искре»)... «потому что тов. Ленин со своими периферийными кружками, считающимися частями партийной организации, идет навстречу моему требованию»... (и не только с периферийными кружками, но и со всякого рода рабочими союзами: ср. стр. 242 протокола, из речи тов. Страхова и цитированные выше выписки «Что делать?» и «Письма к товарищу»)...) * «Остаются еще отдельные лица, но и тут можно бы еще поторговаться». Я ответил тов. Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь, и должен пояснить теперь, в каком смысле было сказано это. Именно насчет отдельных лиц, всех этих профессоров, гимназистов и проч., всего менее согласился бы я на

столько головоломной работы мысли тов. Мартову, сразу исчезло бы. Идея же § 1 в моей формулировке состоит в стимуле: «организоваться!», в обеспечении реального контроля и руководства. С точки зрения существования дела смешон самый вопрос о том, войдут ли в партию агенты Ц.К., ибо реальный контроль за ними обеспечен вполне и безусловно уже тем, что они назначены в агенты, уже тем, что их оставляют в должности агентов. Следовательно, о смешении организованного и неорганизованного (корень ошибки в формулировке тов. Мартова) здесь нет и речи. Негодность формулы тов. Мартова состоит в том, что всякий и каждый может объявить себя членом партии, всякий оппортунист, всякий праздноболтающий, всякий «профессор» и всякий «гимназист». Эту ахиллесову пятую своей формулировки тов. Мартов тщетно пытается заговорить посредством таких примеров, когда не может быть и речи о самозачислении себя в члены, об объявлении себя членом.

*) См. выше 353—355 стр. этого тома. Ред.

уступки; но если возбуждено было сомнение насчет рабочих организаций, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную неосновательность этих сомнений) добавить к моему § 1 примечание вроде такого: «Рабочие организации, принимающие программу и устав Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, должны быть в возможно большем числе включены в число партийных организаций». Конечно, говоря строго, такому пожеланию место не в уставе, который должен ограничиваться юридическими определениями, а в пояснительных комментариях, в брошюрах (и я уже указал, что в своих брошюрах я задолго до устава приводил такие пояснения), но такое примечание не содержало бы, по крайней мере, в себе ни тени неверных, способных вести к дезорганизации, мыслей, ни тени оппортунистических рассуждений *) и «анархических концепций», несомненно входящих в формулировку тов. Мартова.

Последнее, приведенное мною в кавычках, выражение принадлежит тов. Павловичу, который очень справедливо отнес к анархизму признание членом «безответственных и самих себя зачисляющих в партию». «В переводе на простой язык» — разъяснял тов. Павлович мою формулировку тов. Либера — она означает: «раз ты хочешь быть членом партии, ты должен не только платонически признавать и организационные отношения». Как ни прост этот «перевод», он оказался, однако, не лишним (как показали со-

*) К числу таких рассуждений, неизбежно всплывающих при попытках обоснования Мартовской формулы, принадлежит в особенности фраза тов. Троцкого (стр. 248 и 346), что «оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава, — он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата»... Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие. Поэтому оправдывать «глубокими причинами» оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистейшей воды. Когда тов. Троцкий был против тов. Либера, он понимал, что устав есть «организованное недоверие» целого к части, передового отряда к отсталому отряду; а когда тов. Троцкий оказался на стороне тов. Либера, он уже забыл это и даже стал оправдывать слабость и шаткость нашей организации этого недоверия (недоверия к оппортунизму) «сложными причинами», «уровнем развития пролетариата» и т. п. Другой довод тов. Троцкого: «интеллигентной молодежи, так или иначе организованной, гораздо легче занести себя (курс. мой) в списки партии». Именно. Поэтому страдает интеллигентской расплывчатостью та формулировка, в силу коей даже неорганизованные элементы объявляют себя членами партии, а не моя, устраняющая право «заносить себя» в списки. Тов. Троцкий говорит,

бытия после съезда) не только для разных сомнительных профессоров и гимназистов, но и для самых доподлинных членов партии, для людей верха... Не менее справедливо указал тов. Павлович на противоречие между формулой тов. Мартова и тем бесспорным положением научного социализма, которое цитировал так неудачно тот же тов. Мартов. «Наша партия есть сознательная выразительница бессознательного процесса». Именно так. И именно поэтому неправильно тянуться за тем, чтобы «каждый стачечник» мог называть себя членом партии, ибо если бы «каждая стачка» была не только стихийным выражением могучего классового инстинкта и классовой борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, а сознательным выражением этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партия сейчас же и сразу, покрыла бы собой весь рабочий класс, а, следовательно, сразу покончила бы и со всем буржуазным обществом... Чтобы быть на деле сознательной выразительницей, партия должна уметь выработать такие организационные отношения, которые бы обеспечивали известный уровень сознательности и систематически поднимали этот уровень. «Уж если идти путем Мартова—сказал тов. Павлович,—то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании программы, ибо, чтобы принять программу, ее

что если Ц. К. «не признает» организации оппортунистов, то только из-за характера лиц, а раз эти лица известны, как политические индивидуальности, то они не опасны, их можно удалить общепартийным бойкотом. Это верно лишь по отношению к тем случаям, когда нужно удалить из партии (да и то верно на половину, ибо организованная партия удаляет вотумом, а не бойкотом). Это совершенно неверно по отношению к гораздо более частым случаям, когда нелепо удалять, когда надо лишь контролировать. Для целей контроля Ц. К. нарочно может включить в партию на известных условиях не совсем надежную, но работоспособную организацию с тем, чтобы испытать ее, чтобы попытаться направить ее на путь истины, чтобы своим руководством парализовать ее частичные отклонения и т. д. Такое включение не опасно, если не допускается вообще «занесение себя» в списки партии. Такое включение часто будет полезно для открытого и ответственного, подконтрольного, выражения (и обсуждения) ошибочных взглядов и ошибочной тактики. «Но если юридически определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута»—говорит тов. Троцкий и говорит опять, как оппортунист. Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) «соответствовать» регрессу или застою. Этот последний случай и есть «случай тов. Мартова».

нужно усвоить и понять... Признание программы обусловливается довольно высоким уровнем политического сознания». Мы никогда не допустим, чтобы поддержка социал-демократии, чтобы участие в руководимой ею борьбе искусственно ограничивалось какими бы то ни было требованиями (усвоения, понимания и проч.), ибо самое это участие одним уже фактом своего проявления поднимает и сознательность и организационные инстинкты, но раз мы соединились в партию для планомерной работы, то мы должны позаботиться об обеспечении этой планомерности.

Что предостережение тов. Павловича насчет программы оказалось не лишним, это обнаружилось тотчас же, в течение того же самого заседания. Тов. Акимов и Либер, которые провели формулировку тов. Мартова *), сейчас же обнаружили свою истинную натуру, потребовав (стр. 254—255), чтобы и программу надо было (для «членства» в партии) признавать лишь платонически, лишь ее «основные положения». «Предложение тов. Акимова вполне логично, с точки зрения тов. Мартова» — отметил тов. Павлович. К сожалению, мы не видим из протоколов, сколько голосов объединило это Акимовское предложение, — по всей вероятности, не менее семи (пять бундовских, Акимов и Брукэр). И как раз уход именно семи делегатов со съезда преградил «компактное большинство» (антиискровцев, «центра» и мартовцев), начавшее складываться по § 1 устава, в компактное меньшинство! Как раз уход именно семи делегатов повел к провалу предложения об утверждении старой редакции, этого якобы вопиющего нарушения «преемственности» в ведении «Искры»! Оригинальная же семерка была единственным спасением и залогом искровской «преемственности»: эту семерку составляли бундовцы, Акимов и Брукэр, т.-е. как раз делегаты, вотировавшие против мотивов признания «Искры» центральным органом, как раз делегаты, оппортунизм которых десятки раз был признаваем съездом и признан, в частности, Мартовым и Плехановым по вопросу о смягчении § 1 насчет программы. «Преемственность» «Искры», охраняемая антиискровцами! — мы подходим тут к связи с послесъездовской трагикомедии.

* * *

*) За нее было подано 28 голосов, против 22. Из восьми антиискровцев семь было за Мартова, один за меня. Без помощи оппортунистов тов. Мартов не провел бы своей оппортунистической формулы. (На съезде Лиги тов.

Группировка голосов по § 1 устава обнаружила явление совершенно того же типа, как и в инциденте с равноправием языков: отпадение от искровского большинства четвертой (приблизительно) его части дает возможность победы антиискровцам, за которыми идет «центр». Конечно, и здесь есть отдельные голоса, нарушающие полную стройность картины,—в таком большом собрании, как наш съезд, неизбежно оказывается часть «диких», случайно попадающих то на ту, то на другую сторону, особенно по такому вопросу, как § 1, где истинный характер расхождения только еще намечался и многие прямо не успевали разобратъся (при отсутствии предварительной разработки вопроса в литературе). От искровцев большинства отпало пять голосов (Русов и Карский по два голоса и Ленский с одним голосом); наоборот, к ним примкнули один антиискровец (Брукэр) и трое из центра (Медведев, Егоров и Царев); получилась сумма в 23 голоса (24—5+4), на один голос меньше окончательной группировки по выборам. Большинство дали Мартову антиискровцы, из которых 7 было за него и один за меня (из «центра» тоже семь было за Мартова, три за меня). Та коалиция меньшинства искровцев с антиискровцами и с «центром», которая образовала компактное меньшинство в конце съезда и после съезда, начала складываться. Политическая ошибка Мартова и Аксельрода, сделавших несомненный шаг к оппортунизму и к анархическому индивидуализму в формулировке § 1 и особенно в защите этой формулировки, обнаружилась тотчас же и особенно рельефно благодаря свободной и открытой арене съезда, обнаружилась тем, что наименее устойчивые и наименее принципиально-выдержанные элементы сразу двинули все свои силы для расширения той щели, той трещины, которая оказалась во взглядах революционной социал-демократии. Совместная работа на съезде людей, которые открыто преследовали в организационной области разные цели (см. речь Акимов), тотчас же толкнула принципиальных противников нашего организационного плана и нашего устава к поддержке ошибки т.т. Мартова и Аксельрода. Искровцы, оставшиеся и в этом вопросе верными взглядам революционной социал-демократии, оказались в меньшинстве. Это—обстоятель-

Мартов очень неудачно пытался опровергнуть этот несомненный факт, ограничиваясь почему-то голосами одних бундовцев и забывая о тов. Акимове и его друзьях,—вернее, вспоминая о них лишь тогда, когда это могло свидетельствовать против меня—согласие со мной тов. Брукэра).

ство громадной важности, ибо без уяснения его совершенно нельзя понять ни борьбы из-за частностей устава, ни борьбы из-за личного состава Центрального Органа и Центрального Комитета.

і) Невинно пострадавшие от ложного обвинения в оппортунизме.

Прежде чем переходить к дальнейшим прениям об уставе, необходимо, для выяснения нашего расхождения по вопросу о личном составе центральных учреждений, коснуться частных заседаний организации «Искры», происходивших во время съезда. Последнее и самое важное из этих четырех заседаний имело место как раз после голосования о § 1 устава, — таким образом, происшедший на этом заседании раскол организации «Искры» явился и хронологически и логически предшествующим условием дальнейшей борьбы.

Частные заседания организации «Искры» *) начались вскоре после инцидента с Организационным Комитетом, который дал повод к обсуждению вопроса о возможных кандидатурах в Ц. К. Само собою понятно, что в силу отмены императивных мандатов эти заседания носили исключительно совещательный, никого не связывающий характер, но их значение тем не менее было огромно. Выбор в Ц. К. представлял значительные трудности для делегатов, не знавших ни конспиративных имен, ни внутренней работы организации «Искры», — организации, создавшей фактическое единство Партии, осуществившей то руководство практическим движением, которое послужило одним из мотивов официального признания «Искры». Мы уже видели, что при единстве искровцев им было вполне обеспечено крупное, до $\frac{3}{5}$, большинство на съезде, и все делегаты прескрасно понимали это. Все искровцы именно и ждали того, чтобы организация «Искры» выступила с рекомендацией определенного личного состава Ц. К., и ни один член этой организации не возразил ни словом против предварительного обсуждения в ней состава Ц. К., ни один не заикнулся об утверждении всего состава Организационного Комитета, т. е. превращения его в Ц. К., не заикнулся даже о совещании со всем составом Организационного Комитета отно-

*) Я уже на съезде Лиги старался наметить по возможности узкие рамки изложения того, что было на частных собраниях, во избежание неразрешимых споров. Основные факты изложены и в моем «Письме в редакцию Искры» (стр. 4) (см. стр. 318—324 тома IV Собр. соч. Н. е. Лина. Р е д.). Т. Мартов не опростовол их в своем «Ответе».

сительно кандидатов в Ц. К. Это обстоятельство тоже чрезвычайно характерно и его крайне важно иметь в виду, ибо теперь мартовцы задним числом усердно защищают Организационный Комитет, доказывая этим только в сотый и тысячный раз свою политическую бесхарактерность *). Покуда еще раскол из-за состава центров не сплотил Мартова с Акимовыми,—для всех ясно было на съезде то, в чем легко убедиться, из протоколов съезда и из всей истории «Искры», всякий беспристрастный человек, именно: что Организационный Комитет был главным образом комиссией по созыву съезда, комиссией, составленной нарочно из представителей разных оттенков вплоть до бундовского; действительную же работу создания организационного единства партии всецело вынесла на своих плечах организация «Искры» (надо иметь также в виду, что на съезде совершенно случайно отсутствовали несколько искровских членов Организационного Комитета как в силу арестов, так и по другим «независящим» обстоятельствам). Состав бывшей на съезде организации «Искры» приведен уже в брошюре тов. Павловича (см. его «Письмо о II съезде», стр. 13).

Окончательным результатом жарких дебатов в организации «Искры» было два вотума, приведенных уже мной в «Письме в редакцию». Первый вотум: «отвергается одна из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех, при трех воздержавшихся». Казалось бы, что может быть проще и естественнее такого факта: с общего согласия всех шестнадцати бывших на съезде членов организации «Искры» обсуждается вопрос о возможных кандидатурах, и большинством отвергается одна из кандидатур тов. Мартова (именно кандидатура тов. Штейна, как выболтал уже теперь, не утерпев, и сам тов. Мартов, стр. 69 «Осадного положения»)? Ведь на партийный съезд мы и собрались, между прочим, как раз для того, чтобы обсудить и решить вопрос о том, кому вручить «дирижерскую палочку»—и нашей общей партийной обязанностью было уделить этому пункту порядка дня самое серьезное внимание, решить этот вопрос с точки

*) Представьте только себе хорошенько эту «картину правов»: делегат организации «Искры» на съезде совещается только с нею и не заикается даже о совещании с Организационным Комитетом. После же поражения своего и в этой организации и на съезде, он начинает жалеть о неутверждении Организационного Комитета, воспевать его задним числом и величественно игнорировать организацию, которая дала ему мандат! Можно ручаться, что не найдется аналогичного факта в истории ни единой действительно социал-демократической и действительно рабочей партии.

зрения интересов дела, а не «обывательских нежностей», как выразился потом совершенно справедливо тов. Русов. Конечно, при обсуждении вопроса о кандидатах на съезде нельзя было не коснуться и известных личных качеств, нельзя было не высказать своего одобрения или неодобрения *), особенно в неофициальном и тесном собрании. И я уже на съезде Лиги предупредил, что неодобрение кандидатуры нелепо считать чем-то «позорящим» (стр. 49 проток. Лиги), нелепо делать «сцену» и поднимать истерику из-за того, что входит в прямое выполнение партийной обязанности выбирать должностных лиц сознательно и осмотрительно. А, между тем, ведь для нашего меньшинства отсюда-то и загорелся сыр-бор, они стали кричать после съезда о «разрушении репутации» (стр. 70 прот. Лиги) и уверять печатно широкую публику, что тов. Штейн был «главным деятелем» бывшего Организационного Комитета и что его неосновательно обвиняли «в каких-то адских планах» (стр. 69 «Осадное положение»). Ну, разве это не истерика, когда по поводу одобрения или неодобрения кандидатов кричат о «разрушении репутации»? Разве это не дрязга, когда, потерпев поражение и в частном собрании организации «Искры», и в официальном, высшем партийном собрании, на съезде, люди потом поднимают жалобы перед улицей и рекомендуют почтеннейшей публике забракованных кандидатов, как «главных деятелей»? — когда люди потом навязывают партии своих кандидатов путем раскола и требования кооптации? У нас до того смешались в затхлой заграничной атмосфере политические понятия, что тов. Мартов не умеет уже отличить партийного долга от кружковщины и кумовства! Это, должно быть, бюрократизм и формализм — думать, что вопрос о кандидатах уместно обсуждать и решать только на съездах, где делегаты собираются для обсуждения,

*) Тов. Мартов горько жаловался в Лиге на резкость моего неодобрения, не замечая, что из его жалоб получается вывод против него самого. Ленин вел себя, употребляя его же выражение, — бешено (стр. 63 протоколов Лиги). Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он возмущал своим поведением (на втором или третьем заседании орг. «Искры»), оставшихся на собрании членов. Истина. Но что же отсюда следует? Только то, что мои доводы по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда. В самом деле, если со мной оказалось все же, в конце концов, девять из шестнадцати членов организации «Искры», то ясно, что это произошло несмотря на зловередные резкости, вопреки им. Значит, если бы не было «резкостей», то, может быть, еще больше, чем девять, было бы на моей стороне. Значит, тем более убедительны были доводы и факты, чем большее «возмущение» должны были они перевесить.

прежде всего, важных принципиальных вопросов, где сходятся представители движения способные беспристрастно отнестись к вопросу о лицах, способные (и обязанные) затребовать и собрать все сведения о кандидатах для подачи решающего голоса, где уделение известного места спорам из-за дирижерской палочки естественно и необходимо. Вместо этого бюрократического и формалистического взгляда, у нас введены теперь иные нравы: мы будем, после съездов, говорить направо и налево о политических похоронах Ивана Ивановича, о разрушении репутации Ивана Никифоровича; кандидатов будут рекомендовать в брошюрах те или иные литераторы и при этом фарисейски уверять, бия себя в грудь: не кружок, а партия... Читающая публика из тех, кто охоч до скандалов, так жадно будет упиваться этой сенсационной новостью, что вот такой-то был главным деятелем Организационного Комитета, по уверению самого Мартова *). Эта читающая публика гораздо более способна обсудить и решить вопрос, чем формалистические учреждения вроде съездов с их грубо-механическими решениями по большинству... Да, большие еще Авгиевы конюшни заграничной дрязги предстоит очистить нашим настоящим партийным работникам!

Другой вотум организации «Искры»: «принимается десятью голосами против двух, при четырех воздержавшихся, список пяти (в Ц. К.), в который введен, по моему предложению, один лидер неискровских элементов и один лидер искровского меньшинства». Этот вотум крайне важен, ибо он ясно и неопровержимо доказывает всю лживость выросших потом, в атмосфере дрязги, рассказней, будто мы хотели вышибать из партии или отстранять неискровцев, будто большинство выбирало только одной половиной съезда из одной половины и т. п. Все это — сплошная фальшь. Приведенный мною вотум показывает, что не только из партии, но даже и из Ц. К. неискровцев мы не устранили, а давали своим оппонентам весьма значительное меньшинство. Все дело было в том, что они хотели иметь большин-

*) Я тоже проводил в организации «Искры» и тоже не провел, подобно Мартову, одного кандидата в Ц. К., относительно которого я тоже мог бы говорить о его великолепной, исключительными фактами доказываемой, репутации до съезда и в начале съезда. Но мне это не приходит в голову. Этот товарищ достаточно уважает себя, чтобы не позволить никому выдвигать после съезда пачатно его кандидатуру или жаловаться на политические похороны, на разрушение репутации и т. д.

ство и, когда это скромное желание не осуществилось, они подняли скандал, с полным отказом от участия в центрах. Что дело было именно так, вопреки утверждениям тов. Мартова в Лиге, это видно из следующего письма, посланного нам, большинству искровцев (и большинству съезда, по уходе семи) меньшинством организации «Искры» вскоре после принятия § 1 устава на съезде (надо заметить, что собрание организации «Искры», о котором я говорил, было последним: после него фактически организация распалась, и обе стороны старались убедить в своей правоте остальных делегатов съезда).

Вот текст письма:

«Выслушав объяснение делегатов Сорокина и Саблиной¹⁰²⁾ по вопросу о желании большинства редакции и группы «Освобождение Труд» участвовать на собрании (такого-то числа) *) и установив с помощью этих делегатов, что на предыдущем собрании читался, как якобы исходящий от нас список кандидатов в Ц. К., которым пользовались для неправильной характеристики всей нашей политической позиции, и имея в виду, что, во-первых, нам этот список приписан без всякой попытки проверить происхождение этого списка; что, во-вторых, это обстоятельство стоит в несомненной связи с распространяемым открыто обвинением большинства редакции «Искры» и группы «Освобождение Труд» в оппортунизме; и что, в-третьих, для нас совершенно ясна связь этого обвинения с имеющимся вполне определенным планом изменения состава редакции «Искры»,—мы находим данные нам объяснения о причинах недопущения на собрание неудовлетворяющими нас, а нежелание допустить на собрание—доказательством нежелания дать нам возможность рассеять вышеуказанные ложные обвинения.

«По вопросу о возможном соглашении между нами об общем списке кандидатов в Ц. К. мы заявляем, что единственным списком, который мы можем принять, как основу соглашения, является такой: Попов, Троцкий, Глебов, при чем подчеркиваем характер этого списка, как списка компромиссного, так как включение в этот список тов. Глебова имеет значение только уступки желаниям большинства, ибо, после выяснившейся для нас роли тов. Глебова на съезде, мы не считаем

¹⁰²⁾ По моему расчету, дата, приведенная в письме, приходится на вторник. Собрание было во вторник вечером, т.е. после 28-го заседания съезда. Эта хронологическая справка очень важна. Она документально опровергает мнение тов. Мартова, что мы разошлись по вопросу об организации центров, а не по вопросу об их личном составе. Она документально доказывает правильность моего изложения на съезде Лиги и в «Письме в редакцию». После 28-го заседания съезда т.т. Мартов и Старовер усиленно толкуют о ложном обвинении в оппортунизме и ни слова не говорят о расхождении по вопросу о составе Совета или о кооптации в центры (о чем мы спорили в 25, 26 и 27 заседаниях).

тов. Гл е б о в а удовлетворяющим требованиям, которые следует предъявлять к кандидату в Ц. К.

«Вместе с тем, мы подчеркиваем то обстоятельство, что, вступая в переговоры о кандидатурах в Ц. К., мы это делаем без всякого отношения к вопросу о составе редакции Ц. О.; так как мы ни в какие переговоры по этому вопросу (о составе редакции) не согласны вступать.

За товарищей Мартов и Старовер».

Это письмо, точно воспроизводящее настроение спорящих сторон и положение спора, сразу вводит нас в «сердцевину» начинающегося раскола и показывает его действительные причины. Меньшинство организации «Искры», не пожелав согласиться с большинством, предпочтя свободную агитацию на съезде (имея на то, конечно, полное право), добивается, тем не менее, от «делегатов» большинства допущения на их частное собрание! Понятно, что забавное требование встретило в нашем собрании (письмо было, разумеется, прочтено на собрании) только улыбку и пожиманье плеч, а вскрикивания, переходящие уже в истерику, относительно «ложных обвинений в оппортунизме» вызвали прямо смех. Но разберем сначала, по пунктам, горькие жалобы Мартова и Старовера.

Им неправильно приписали список; их политическую позицию неправильно характеризует. Но, как Мартов признает и сам (стр. 64 протоколов Лиги), я не подумал заподозрить правдивость его слов, что он не автор списка. Вопрос об авторстве вообще тут не при чем, и был ли список намечен кем-либо из искровцев или кем-либо из представителей «центра» и т. п.—это не имеет ровно никакого значения. Важно то, что список этот, сплошь состоящий из членов теперешнего меньшинства, циркулировал на съезде, хотя бы даже в качестве простой догадки или предположения. Важнее всего, наконец, то, что тов. Мартову приходилось на съезде отбояриваться руками и ногами от такого списка, который он теперь должен бы был встретить с восторгом. Нельзя рельефнее обрисовать неустойчивость в оценке людей и оттенков, как этим прыжком за пару месяцев от воплей о «позорящем слухе» до навязывания партии в центр этих самых кандидатов позорящего, якобы, списка! *).

Этот список,—говорил тов. Мартов на съезде Лиги,—«означал политически коалицию нашу и «Южного Рабочего» с Бундом, коалицию в смысле прямого соглашения» (стр. 64).

*) Предыдущие строки были уже набраны, когда мы получили сообщение об инциденте тов. Гусева и тов. Дейча. Мы рассмотрим этот инцидент особо в приложении. (См. ниже стр. 484—490 этого тома. Ред.)

Это неверно, ибо, во-первых, Бунд никогда не пошел бы на «соглашение» о списке, в коем не было ни единого бундовца; а, во-вторых, о прямом соглашении (которое казалось Мартову позорным) не было и не могло быть речи не только с Бундом, но и с группой «Южного Рабочего». Дело шло именно не о соглашении, а о коалиции, не о том, чтобы тов. Мартов заключал сделку, а о том, что его неизбежно должны были поддержать те самые антиискровские и шаткие элементы, с которыми он боролся в течение первой половины съезда, и которые ухватились за его ошибку в § 1 устава. Письмо, приведенное мною, доказывает самым бесспорным образом, что корень «обиды» заключался именно в открытом, да еще при том ложном, обвинении в оппортунизме. «Обвинения» эти, из-за которых загорелся сыр-бор, и которые так тщательно обходит теперь тов. Мартов, несмотря на мое напоминание в «Письме в редакцию», были двоякого рода: во-первых, во время прений о § 1 устава Плеханов прямо сказал, что вопрос о § 1 является вопросом об «отделении» от нас «всякого рода представителей оппортунизма» и что за мой проект, как оплот против их вторжения в партию, «уже по одному этому должны голосовать все противники оппортунизма» (стр. 246 протоколов съезда). Эти энергичные слова, несмотря на маленькое смягчение, которое я внес в них (стр. 250), вызвали сенсацию, ясно выразившуюся в речах т.т. Русова (стр. 247), Троцкого (стр. 248) и Акимова (стр. 253). В «кулуарах» нашего «парламента» тезис Плеханова живо комментировался и вариировался на тысячи ладов в бесконечных спорах о § 1. И вот, вместо того, чтобы защищаться по существу, наши дорогие товарищи ударились в смешную обиду вплоть до письменных жалоб на «ложное обвинение в оппортунизме»!

Психология кружковщины и поразительной партийной незрелости, неспособной выносить свежего ветерка открытых споров перед всеми, сказалась тут воочию. Это — та знакомая русскому человеку психология, которая выражается старинным изречением: либо в зубы, либо ручку пожалуйте! Люди так привыкли к стеклянному колпаку тесной и теплой компанийки, что упали в обморок от первого же выступления, за своей ответственностью, на свободной и открытой арене. Обвинять, и кого же? Группу «Освобождение Труда, да еще большинство ее, в оппортунизме, — можете себе представить такой ужас! Либо партийный раскол из-за такого несмыслимого оскорбления, либо замять эту «домашнюю неприятность» восстановлением «преемственности» стеклянного колпака — эта дилемма намечается уже довольно определенно в рас-

смаатриваемом письме. Психология интеллигентского индивидуализма и кружковщины столкнулась с требованием открытого выступления перед партией. Представьте себе только, чтобы в немецкой партии возможна была такая нелепость, такая дрызга, как жалоба на «ложное обвинение в оппортунизме»! Пролетарская организация и дисциплина давно отучили там от этой интеллигентской хлюпкости. Никто не относится иначе, как с величайшим уважением, скажем, к Либкнехту¹⁰³), но как бы осмеяли там жалобу на то, что его «открыто обвиняли в оппортунизме» (вместе с Бебелем) на съезде 1895 года, когда он оказался по аграриуму вопросу в дурной компании заведомого оппортуниста Фольмара и его друзей. Имя Либкнехта неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения не потому, конечно, что Либкнехту довелось впасть в оппортунизм по такому сравнительно мелкому и частному вопросу, а несмотря на это. И точно так же, несмотря ни на какое раздражение борьбы, имя, скажем, тов. Аксельрода внушает и всегда будет внушать уважение всякому русскому социал-демократу, но не потому, что тов. Аксельроду случилось защищать оппортунистическую идейку на втором съезде нашей партии, случилось выкопать старую анархическую дребедень на втором съезде Лиги, а несмотря на это. Только самая заскорузлая кружковщина с ее логикой: либо в зубы, либо ручку пожалуйста, могла поднять истерику, дрызгу и партийный раскол из-за «ложного обвинения в оппортунизме» большинства группы «Освобождение Труда».

Другое основание этого ужасного обвинения связано с предыдущим самым неразрывным образом (тов. Мартов тщательно пытался на съезде Лиги (стр. 63), обойти и затушевать одну из сторон этого инцидента). Оно относится именно к той коалиции антиискровских и шатких элементов с тов. Мартовым, которая наметилась по § 1 устава. Разумеется, никакого ни прямого, ни косвенного соглашения между тов. Мартовым и антиискровцами не было и быть не могло, и никто его в этом не подозревал: это ему только со страху показалось. Но его ошибка политически обнаружилась именно в том, что люди, несомненно тяготеющие к оппортунизму, стали образовывать вокруг него все более и более плотное «компактное» большинство (ставшее теперь меньшинством только благодаря «случайному» уходу семи делегатов). На эту «коалицию» мы указывали, конечно, тоже открыто тотчас же после § 1 и на съезде (см. отмеченное уже выше замечание тов. Павловича, стр. 255 протокол съезда) и в организации «Искры» (особенно указывал на это,

помнится, Плеханов). Это буквально то же самое указание и та же самая насмешка, которая падала и на Бебеля с Либкнехтом в 1895 году, когда Цеткина ¹⁰⁴⁾ сказала им: «Es thut mir in der Seele weh, dass ich dich in der Gesellschaft seh'» (горько у меня на душе, что я вижу тебя—т.-е. Бебеля—в такой компании—т.-е. с Фольмаром и К⁹). Странно это, право, что Бебель с Либкнехтом не послали тогда Каутскому и Цеткиной исторического послания о ложном обвинении в оппортунизме...

Что касается до списка кандидатов в Ц. К., то письмо это показывает ошибку тов. Мартова, утверждавшего в Лиге, что отказ столкнуться с нами не был еще окончательный,—лишний пример того, как неразумно в политической борьбе пытаться воспроизводить на память разговоры, вместо справки с документами. На самом деле «меньшинство» было так скромно, что предъявляло «большинству» ультиматум: взять двух из «меньшинства» и одного (в виде компромисса и только для уступки собственно!) от «большинства». Это чудовищно, но это факт. И этот факт показывает вочию, как вздорны теперешние рассказы, будто «большинство» одной половиной съезда выбирало представителей одной только половины. Как раз наоборот: мартовцы лишь для уступки предлагали нам одного из трех, желая, следовательно, в случае несогласия нашего на эту оригинальную «уступку», провести всех своих! Мы посмеялись, на нашем частном собрании, над скромностью мартовцев и составили себе список: Глебов—Травинский (выбранный потом в Ц. К.)—Попов. Этот последний был заменен нами (тоже на частном собрании 24-х) тов. Васильевым (выбранным потом в Ц. К.) лишь потому, что тов. Попов отказался итти в нашем списке, отказался сначала в частной беседе, а потом и на съезде открыто (стр. 338).

Вот как было дело.

Скромное «меньшинство» имело скромное желание быть в большинстве. Когда это скромное желание не было удовлетворено, «меньшинство» извоило вовсе отказаться и начать скандалчик. А теперь находятся еще люди, которые величественно-снисходительно толкуют о «неуступчивости» «большинства»!

«Меньшинство» предъявляло забавные ультиматумы «большинству», идучи на рать свободной агитации на съезде. Потерпев поражение, наши герои расплакались и закричали об осадном положении. Voila tout *).

Ужасное обвинение в том, что мы намерены изменить состав редакции, мы (частное собрание 24-х) встретили тоже улыбкой:

*) Вот и все. Р е д.

все прекрасно знали с самого начала съезда и еще до съезда о плане обновления редакции путем выбора первоначальной тройки (подробнее я скажу об этом, когда будет речь о выборе редакции на съезде). Что «меньшинство» испугалось этого плана после того, как увидело, что прекрасным подтверждением правильности этого плана явилась коалиция «меньшинства» с анти-искровцами,— это нас не удивило, это было вполне естественно. Мы не могли, конечно, брать всерьез предложение превратиться, по доброй воле, до борьбы на съезде, в меньшинство, не могли брать всерьез всего письма, авторы которого дошли до такой невероятной степени раздражения, что говорили о «ложных обвинениях в оппортунизме». Мы твердо надеялись, что партийный долг возьмет очень быстро верх над естественным желанием «сохранить сердце».

к) Продолжение прений об уставе. Состав Совета.

Дальнейшие пункты устава вызывали гораздо больше споров о частностях, чем о принципах организации. 24-е заседание съезда целиком посвящено было вопросу о представительстве на партийных съездах, при чем решительную и определенную борьбу против общих всем искровцам планов вели опять-таки лишь бундовцы (Гольдблат и Либер, стр. 258—259) и тов. Акимов, который с похвальной откровенностью признал свою роль на съезде: «Я каждый раз говорю с полным сознанием того, что я своими доводами не повлияю на товарищей, но, наоборот, поврежу тому пункту, который я защищаю» (стр. 261). Это меткое замечание было особенно уместно тотчас же после § 1 устава; не совсем правильно только употреблено здесь выражение «наоборот», ибо тов. Акимов умел не только вредить известным пунктам, но в то же время и тем самым также и «влиять на товарищей»... из числа очень непоследовательных искровцев, склонных к оппортунистической фразе.

В общем, § 3 устава, определяющий условия представительства на съезде, был принят большинством при 7 воздержавшихся (стр. 263),— очевидно, из числа антиискровцев.

Спор о составе Совета, занявший большую часть 25-го заседания съезда, обнаружил чрезвычайную дробность группировок вокруг громадного числа различных проектов. Абрамсон¹⁰⁵⁾ и Царев совсем отвергают план Совета. Панин¹⁰⁶⁾ упорно хочет сделать Совет исключительно третейским судом и потому вполне последовательно предлагает выкинуть определение, что Совет есть высшее учреждение и что его могут созывать любые

два члена Совета *). Герц¹⁰⁷⁾, Русов отстаивают разные способы составления Совета в дополнение к трем способам, предложенным пятью членами уставной комиссии.

Спорные вопросы сводились прежде всего к определению задач Совета: третейский суд или высшее учреждение партии? Последовательно за первое стоял, как я уже сказал, тов. Панин. Но он был одинок. Тов. Мартоз решительно высказался против: «Предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: «Совет есть высшее учреждение» я предлагаю отвергнуть: «наша формулировка» (т.-е. формулировка задач Совета, на которой мы сошлись в уставной комиссии) «умышленно оставляет возможность развития Совета в высшее партийное учреждение. Для нас Совет не только примирительное учреждение». Между тем состав Совета, по проекту тов. Мартова, соответствовал всецело и исключительно характеру «примирительных учреждений» или третейских судов: по два члена от обоих центров и пятый, приглашаемый этими четырьмя. Не только такой состав Совета, но и тот, который принят съездом, по предложению т.т. Русова и Герца (пятый член назначается съездом), соответствует исключительно целям примирения или посредничества. Между таким составом Совета и назначением его стать высшим учреждением партии—противоречие непримиримое. Высшее учреждение партии должно быть постоянно в составе, а не зависеть от случайных (иногда в силу провалов) изменений в составе центров. Высшее учреждение должно находиться в непосредственной связи с партийным съездом, от него получая свои полномочия, а не от двух других, подчиненных съезду, партийных учреждений. Высшее учреждение должно состоять из лиц, известных партийному съезду. Наконец, высшее учреждение не может быть организовано так, что самое его существование зависит от случая: не сойдутся две коллегии в выборе пятого, и партия остается без высшего учреждения! Против этого возражали: 1) что при воздержании одного из пяти и при разделении остальных четырех на две пары положение тоже может оказаться безвыходным (Егоров). Это возражение несостоятельно, ибо невозможность принять решение неизбежна иногда для всякой коллегии, но это совсем не то, что невоз-

*) Тов. Старовер, видимо, тоже склонялся к взглядам тов. Панина, с тем только отличием, что последний знал, чего он хочет, и вполне последовательно вносил резолюции, превращающие Совет в чисто третейское, примирительное учреждение, тогда как тов. Старовер не знал, чего он хочет, говоря, что Совет собирается, по проекту, «только по желанию сторон» (стр. 266). Это прямо неверно.

возможность составить коллегию. Второе возражение: «если такое учреждение, как Совет, не сможет выбрать пятого члена, то это значит тогда, что учреждение вообще недееспособно» (Засулич). Но дело тут не в недееспособности, а в несуществовании высшего учреждения: без пятого члена не будет никакого Совета, не будет никакого «учреждения» и о дееспособности нельзя будет и говорить. Наконец, было бы еще поправимым злом, если бы возможны были случаи, когда не составляется одна из таких партийных коллегий, над которой стоит другая, высшая, ибо тогда эта высшая коллегия могла бы в экстренных случаях всегда пополнить пробел так или иначе. Но над Советом никакой коллегии, кроме съезда, нет, и поэтому оставить в уставе возможность того, что Совета нельзя будет даже и составить,—явная нелогичность.

Обе мои коротенькие речи на съезде по этому вопросу и были посвящены разбору (стр. 267 и 269) только двух этих неправильных возражений, которыми защищали проект Мартова—он сам и другие товарищи. Вопрос же о преобладании Ц. О. или Ц. К. в Совете мной не был даже задет. Вопрос этот затронул, впервые в смысле указания на опасность преобладания Ц. О., тов. Акимов еще в 14-м заседании съезда (стр. 157), и только за Акимовым пошли после съезда т. т. Мартов, Аксельрод и другие в создании нелепой и демагогической сказки о желании «большинства» превратить Ц. К. в орудие редакции. Касаясь этого вопроса в своем «Осадном положении», тов. Мартов скромно обошел его настоящего инициатора!

Кто захочет познакомиться со всей постановкой вопроса о преобладании Ц. О. над Ц. К. на съезде партии, а не ограничиваться отдельными вырванными из связи цитатами, тот легко увидит извращение дела тов. Мартовым. Еще в 14-м заседании никто иной, как тов. Попов, начинает с полемики против взглядов тов. Акимова, желающего «на вершине партии защищать самую строгую централизацию», чтобы ослабить влияние Ц. О.» (стр. 154, курсив мой), «в чем собственно и заключается весь смысл такой (Акимовской) системы». «Такой централизации!—добавляет тов. Попов—я не только не защищаю, но я готов всячески с ней бороться, потому, что она—знамя оппортунизма». Вот где корень пресловутого вопроса о преобладании Ц. О. над Ц. К., и не удивительно, что тов. Мартову приходится теперь замалчивать истинное происхождение вопроса. Даже тов. Попов не мог не видеть оппортунистического характера

этих акимовских толков о преобладании Ц. О. *) и, чтобы хорошенько отделить себя от тов. Акимова, товарищ Попов категорически заявлял: «пусть в этом центре (Совете) три члена будут от редакции и два члена от Ц. К. Это вопрос второстепенный (курсив мой), важно же то, чтобы руководство, высшее руководство партией, шло из одного источника» (стр. 155). Тов. Акимов возражает: «по проекту, Ц. О. обеспечено превалирование в Совете уже потому, что состав редакции постоянный, а Ц. К. переменный» (стр. 157)—довод, относящийся лишь к «постоянству» принципиального руководства (явление нормальное и желательное), отнюдь не к «превалированию» в смысле вмешательства или посягательства на самостоятельность. И тов. Попов, который еще тогда не принадлежал к «меньшинству», прикрывающему недовольство составом центров сплетничаньем о несамостоятельности Ц. К., отвечает товарищу Акимову совершенно резонно: «Я предлагаю считать его (Совет) руководящим центром партии, и тогда совершенно не важен вопрос, будет ли в Совете большее число представителей от Ц. О. или от Ц. К. (стр. 158. Курсив мой).

Когда обсуждение вопроса о составе Совета возобновилось в 25-м заседании, тов. Павлович, продолжая старые прения, высказывается за преобладание Ц. О. над Ц. К. «ввиду устойчивости первого» (264), имея в виду именно принципиальную устойчивость, как и понял это тов. Мартов, который говорил сейчас же после тов. Павловича, находил ненужным «фиксировать перевес одного учреждения над другим» и указывал на возможность пребывания одного из членов Ц. К. за границей: «этим сохранится до известной степени принципиальная устойчивость Ц. К.» (264). Тут нет еще и тени демагогического смещения вопроса о принципиальной устойчивости и ее охране с охраной самостоятельности и независимости Ц. К. Это смещение, после съезда ставшее едва ли не главным козырем тов. Мартова, на съез-

*) Тов. Акимов и тов. Попов, и тов. Мартов не стеснялись называть оппортунистом, они стали обижаться и возмущаться лишь тогда, когда к ним самим применили это название и применили справедливо за «равноправие языков» или за § 1. Тов. Акимов, по стопам которого пошел тов. Мартов, умел, однако, держать себя с большим достоинством и мужеством на партийном съезде, чем тов. Мартов и К^о на съезде Лиги. «Меня здесь»,—говорил тов. Акимов на съезде партии,—называют оппортунистом; я лично считаю это слово бранным, оскорбительным, и думаю, что я его совершенно не заслужил; однако я против этого не протестую» (стр. 296). Может быть, т.т. Мартов и Старовер предлагали тов. Акимову подписаться под их протестом против ложного обвинения в оппортунизме, но тов. Акимов отказался.

де упорно проводил только тов. Акимов, который и говорил тогда еще об «аракчеевском духе устава» (268), о том, что «если в Совете Партии окажутся три члена Ц. О., то Ц. К. превратится в простого исполнителя воли редакции (курсив мой). Три лица, живущие за границей, получают право безгранично (!) распоряжаться работой всей (!) партии. Они обеспечены в смысле безопасности и потому их власть пожизненная» (268). Вот против этих-то, совершенно вздорных и демагогических фраз, которые подменяют идейное руководство—вмешательством в работу всей партии (и которые после съезда доставили дешевенький лозунг тов. Аксельрода с его речами о «теократии»),—против них возражал опять товарищ Павловнч, подчеркнувший, что он стоит «за прочность и чистоту тех принципов, представителем которых является «Искра». Давая перевес редакции Центрального Органа, я этим укрепляю эти принципы.

Вот как стоит на самом деле вопрос о пресловутом преобладании Центрального Органа, над Ц. К. Это знаменитое «принципиальное разногласие» т. т. Аксельрода и Мартова есть не что иное, как повторение оппортунистических и демагогических фраз товарища Акимова, фраз, истинный характер которых ясно видел даже товарищ Попов, видел тогда, когда еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров!

* * *

Итог вопроса о составе Совета: вопреки попыткам тов. Мартова доказать в «Осадном положении» противоречивость и неправильность моего изложения в «Письме в редакцию», протоколы съезда ясно показывают, что вопрос этот по сравнению с § 1 действительно лишь десталь, что полным извращением было заявление статьи «Наш съезд» (№ 53 «Искры») *), будто «почти исключительно» мы спорили об организации центральных учреждений партии. Извращение это тем более вопиющее, что автор статьи вообще обошел споры о § 1. Далее, что определенной группировки искровцев по вопросу о составе Совета не было, это тоже подтверждают протоколы именных голосований; нет, Мартов расходится с Паниным, я схожусь с Поповым, Егоров и Гусев стоят особо и т. д. Наконец, последнее мое утверждение (на съезде Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии), что коалиция мартовцев с антиискровцами крепла, тоже подтверждается видным теперь для всех поворотом товарищей Мартова и Аксельрода к тов. Акимову и в этом вопросе.

*) Эта статья принадлежит Л. Мартову. Ред.

л) Конец прений об уставе. Кооптация в центры. Уход делегатов „Рабочего дела“.

Из дальнейших прений об уставе (26-е заседание съезда) стоит отметить лишь вопрос об ограничении власти Центрального Комитета, проливающий свет на характер тех перенесенных нападок мартовцев на гиперцентрализм. Т.т. Егоров и Попов стремились к ограничению централизма с несколько большей убежденностью, независимо от их собственной или проводимой ими кандидатуры. Они предложили еще в уставной комиссии ограничить право Ц. К. на распускание местных комитетов согласием Совета и, кроме того, случаями, особо перечисленными (стр. 272, прим. 1). Трое членов уставной комиссии (Глебов, Мартов и я) высказались против, и на съезде тов. Мартов защищал наше мнение (стр. 273), возражая Егорову и Попову, что «Ц. К. и без того будет обсуждать, прежде чем решится сделать такой серьезный шаг, как распустить организацию». Как видите, тогда еще тов. Мартов оставался глух ко всяким анти-централистическим поползновениям, и съезд отклонил предложение Егорова и Попова,—к сожалению, мы не узнаем только из протоколов, каким числом голосов.

На съезде партии тов. Мартов был также «против замены слова организует (Ц. К. организует комитеты и т. д. в § 6 устава партии) словом утверждает. Нужно дать право и организовать», говорил тогда тов. Мартов, не додумавшийся еще до замечательной, открытой лишь на съезде Лиги идеи, что утверждение не входит в понятие «организовать».

Кроме эти двух пунктов, вряд ли представляют интерес остальные, совершенно уже мелочные дебаты по частностям §§ 5—11 устава (стр. 273—276 протоколов). Параграф 12—вопрос о кооптации во все партийные коллегии вообще и в центры в частности. Комиссия предлагает повысить квалифицированное большинство, необходимое для кооптации, с $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$. Докладчик (Глебов) предлагает единогласную кооптацию в Ц. К. Тов. Егоров, признавая нежелательным шероховатости, стоит за простое большинство при отсутствии мотивированного veto. Тов. Попов не согласен ни с комиссией, ни с тов. Егоровым и требует либо простого большинства (без права veto), либо единогласия. Тов. Мартов не согласен ни с комиссией, ни с Глебовым, ни с Егоровым, ни с Поповым, высказываясь против единогласия, против $\frac{4}{5}$ (за $\frac{2}{3}$), против «взаимной кооптации», т.е. права редак-

ции Ц. О. опротестовывать кооптацию в Ц. К. и обратно («права взаимного контроля над кооптацией»).

Как видит читатель, группировка получается самая нестроя, и разногласия дробятся чуть ли не на «единогласные» особенности во взглядах каждого делегата!

Тов. Мартов говорит: «Психологическую невозможность работать с лицами неприятными я признаю. Но нам важно также, чтобы наша организация была жизне- и дееспособна... Право взаимного контроля Ц. К. и редакции Ц. О. при кооптации не нужно. Я не потому против этого, что думаю, что они не компетентны один в области другого. Нет! Редакция Ц. О., например, могла бы дать Ц. К. хороший совет, следует ли господина Надеждина, например, принять в Ц. К. Я встаю потому, что не хочу создавать взаимно раздражающей волокиты».

Я возражаю ему: «Здесь два вопроса. Первый о квалифицированном большинстве, и я против предложения понизить с $\frac{4}{5}$ до $\frac{2}{3}$. Вводить мотивированный протест не расчетливо, и я против него. Неизмеримо важнее второй вопрос о праве взаимного контроля Ц. К. и Ц. О. над кооптацией. Взаимное согласие двух центров есть необходимое условие гармонии. Здесь вопрос идет о разрыве двух центров. Кто не хочет раскола, должен заботиться о том, чтобы была гармония. Из жизни партии известно, что бывали люди, вносившие раскол. Вопрос этот принципиальный, вопрос важный, от него может зависеть вся будущая судьба партии» (277). Таков полный текст записанного на съезде конспекта моей речи, которой придаст особое серьезное значение тов. Мартов. К сожалению, придавая ей серьезное значение, он не потрудился поставить ее в связь со всеми прениями и со всем политическим моментом съезда, когда эта речь была произнесена.

Прежде всего, является вопрос: почему я в первоначальном своем проекте (см. стр. 394, § 11) ограничивался $\frac{2}{3}$ и не требовал взаимного контроля над кооптацией в центры? Тов. Троцкий, говоривший после меня (стр. 277), сейчас же и поднял этот вопрос.

Ответ на этот вопрос дает моя речь на съезде Лиги и письмо тов. Павловича о II съезде. § 1 устава «разбил посудину», и ее надо было связать «двойным узлом»—говорил я на съезде Лиги. Это значило, во-1-х, то, что в чисто теоретическом вопросе Мартов оказался оппортунистом, и его ошибку отстаивали Либер и Акимов. Это значило, во-2-х, то, что коалиция мартовцев (т.е. ничтожного меньшинства искровцев) с антиискровцами давала им большинство на съезде при проведении личного состава

центров. А я именно говорил здесь о личном составе центров, подчеркивая необходимость гармонии и предупреждая от «людей, вносивших раскол». Предупреждение это получало действительно важное принципиальное значение, ибо организация «Искры» (несомненно, более компетентная в вопросе о личном составе центров, как наиболее близко знакомая со всеми делами на практике и со всеми кандидатами) организация «Искры» вынесла уже свой совещательный голос по этому вопросу, приняла известное нам решение относительно возбуждавших ее опасение кандидатур. И морально и по существу дела (т.е. по компетентности выносящего решение) организация «Искры» должна была иметь решающее значение в этом деликатном вопросе. Но формально тов. Мартов имел, разумеется, полнейшее право апеллировать против большинства организации «Искры» к Либерам и Акимовым. А тов. Акимов в своей блестящей речи о § 1 сказал замечательно ясно и умно, что когда он видит среди искровцев разногласие о способах достижения их общей, искровской, цели, то он сознательно и намеренно вотирует за худший способ, ибо его, Акимова, цели диаметрально противоположны искровским. Не могло подлежать, таким образом, никакому сомнению, что, независимо даже от воли и сознания тов. Мартова, именно худший состав центров получит поддержку Либеров и Акимовых. Они могут вотировать, они должны вотировать (судя не по их словам, а по их делам, по их воле в § 1) именно за тот список, который может обещать присутствие «людей, вносивших раскол», вотировать именно для того, чтобы «внести раскол». Удивительно ли, что при такой ситуации я говорил о важном принципиальном вопросе (гармония двух центров), от которого может зависеть вся будущая судьба партии?

Ни один социал-демократ, сколько-нибудь знакомый с искровскими идеями, планами и историей движения, сколько-нибудь искренно разделявший эти идеи, не мог ни на минуту усомниться в том, что решение Либерами и Акимовыми спора внутри организации «Искры» о составе центров было формально правильно, но обеспечивало наихудшие возможные результаты. С этими наихудшими возможными результатами обязательно надо было бороться.

Спрашивается: как бороться? Мы боролись не истерикой и не скандалчиком, конечно, а такими средствами, которые вполне лояльны и вполне законны: чувствуя, что мы в меньшинстве (как и по § 1), мы стали ходатайствовать перед

съездом об ограждении прав меньшинства. И большая строгость квалификации при приеме членов ($\frac{4}{5}$ вместо $\frac{2}{3}$), и единогласие при кооптации, и взаимный контроль над кооптацией в центры, — все это мы стали отстаивать, когда мы оказались в меньшинстве по вопросу о личном составе центров. Этот факт постоянно игнорируют Иваны и Петры, охочие судить и рядить о съезде с кондачка, после пары приятельских бесед, без серьезного изучения всех протоколов и всех «показаний» заинтересованных лиц. И всякий, кто захочет добросовестно изучить эти протоколы и эти показания, неизбежно придет к указанному мною факту: корень спора лежит в данный момент съезда именно в вопросе о личном составе центров, и более строгих условий контроля мы добивались именно потому, что были в меньшинстве, что хотели «двойным узлом связать посудину», разбитую Мартовым при ликовании и при ликующем участии Либеров и Акимовых.

«Если бы дело было не так,—говорит об этом моменте съезда тов. Павлович,—то остается предположить, что, выставя пункт об единогласии при кооптации, мы заботились о своих противниках, ибо для преобладающей партии в том или ином учреждении единогласие не только не нужно, но даже невыгодно» (стр. 14 «Письма о II съезде»). Но в настоящее время слишком и слишком часто забывают хронологию событий, забывают, что в течение целого периода съезда теперешнее меньшинство было большинством (благодаря участию Либеров и Акимовых) и что именно к этому периоду относится спор о кооптации в центры, подоплекой которого было расхождение в организации «Искры» из-за личного состава центров. Кто уяснит себе это обстоятельство, тот поймет и страстность наших дебатов, тот не будет удивляться и тому кажущемуся противоречию, что какие-то мелкие, детальные разногласия вызывают действительно важные, принципиальные вопросы.

Тов. Дейч, говоривший в том же заседании (стр. 277), был в значительной степени прав, когда заявил: «Несомненно, что это предложение рассчитано на данный момент». Действительно, только поняв данный момент во всей его сложности, можно понять истинное значение спора. И в высшей степени важно иметь в виду, что, когда мы были в меньшинстве, мы отстаивали права меньшинства такими приемами, которые признает законными и допустимыми любой европейский социал-демократ: именно, ходатайством перед съездом о более строгом контроле за личным составом центров. Точно также в значительной степени прав и

тов. Егоров, когда он говорил на съезде же, но в другом заседании: «Меня крайне удивляет, что я опять слышу в дебатах ссылку на принципы»... (Это говорится по поводу выборов в Ц. К., в 31-м заседании съезда, т.-е., если я не ошибаюсь, утром в четверг, а 26-ое заседание, о котором сейчас идет речь, было вечером в понедельник)... «Кажется, для всех ясно, что в последние дни все дебаты вертелись не вокруг той или иной принципиальной постановки дела, а исключительно вокруг того, как обеспечить или воспрепятствовать доступ в центральные учреждения тому или иному лицу. Признаем, что принципы давно растеряны на этом съезде и будем называть вещи их настоящими именами. (Общий смех.) Муравьев: «Прошу занести в протокол, что тов. Мартов улыбался» (стр. 337). Неудивительно, что и тов. Мартов и все мы хохотали над жалобами тов. Егорова, которые действительно смешны. Да, «в последние дни», очень и очень многое вертелось вокруг вопроса о личном составе центров. Это правда. Это действительно на съезде было для всех ясно (и только теперь меньшинство старается затемнить это ясное обстоятельство). Правда, наконец, и то, что следует называть вещи их настоящими именами. Но, ради бога, при чем же тут «растерянность принципов»? Ведь мы и сошлись на съезд для того (см. стр. 10, порядок дня съезда), чтобы в первые дни поговорить о программе, тактике, уставе и вырешить соответствующие вопросы и чтобы в последние дни (пункты 18—19 порядка дня) поговорить о личном составе центров и вырешить эти вопросы. Когда люди употребляют на борьбу из-за дирижерской палочки последние дни съездов, это явление естественное и вполне, вполне законное. (Вот когда из-за дирижерской палочки дерутся после съездов, тогда это есть дразга.) Если кто на съезде потерпел поражение в вопросе о личном составе центров (как товарищ Егоров), то говорить после этого о «растерянности принципов» просто смешно. Понятно поэтому, что над тов. Егоровым все смеялись. Понятно также, почему тов. Муравьев просил занести в протокол участие в этом смехе тов. Мартова: тов. Мартов, смеясь над тов. Егоровым, смеялся над самим собой...

В дополнение к иронии тов. Муравьева, не лишне, может быть, сообщить такой факт. После съезда тов. Мартов, как известно, уверял направо и налево, что кардинальную роль в нашем расхождении играл именно вопрос о кооптации в центры, что «большинство старой редакции» было сугубо против взаимного контроля над кооптацией в центры. До съезда, при-

нимая мой проект выбора двух троек, с обоюдной кооптацией в $\frac{2}{3}$, тов. Мартов писал мне об этом: «Принимая такую форму в заимокооптации, следует подчеркнуть, что после съезда пополнение каждой коллегии будет совершаться на иных несколько началах (я бы советовал так: каждая коллегия кооптирует новых членов, заявляя о своем намерении другой коллегии: последняя может заявить протест и тогда спор решает Совет. Дабы не было волокиты, эта процедура продлевается по отношению к заранее намеченным кандидатам, по крайней мере для Ц. К., из которых уже пополнение может совершаться более скорым путем). Чтобы оттенить, что дальнейшая кооптация совершается в порядке, который будет предусмотрен уставом партии, надо прибавить в § 22 *): «...которые и утверждает состоявшиеся решения» (Курсив мой).

Комментарии излишни.

Объяснив значение момента, когда шел спор о кооптации в центры, мы должны несколько остановиться на относящихся сюда голосованиях—на прениях не приходится останавливаться, ибо после приведенных мною речей тов. Мартова и моей следуют только краткие реплики, в которых принимает участие ничтожное число делегатов (см. стр. 277—280 протоколов). По поводу голосований, тов. Мартов утверждал на съезде Лиги, что я сделал в своем изложении «величайшее извращение» (стр. 60 протоколов Лиги), «когда представил борьбу около устава»... (тов. Мартов печально сказал большую правду: после § 1 горячие споры шли именно около устава)... «как борьбу «Искры» с мартовцами, вступившими в коалицию с Бундом».

Присмотримся к этому интересному вопросу о «величайшем извращении». Тов. Мартов соединяет голосования по вопросу о составе Совета с голосованиями по вопросу о кооптации и приводит восемь голосований: 1) выбор в Совет по два от Ц. О. и Ц. К.—за 27 (М.), против—16 (Л.), возд.—7 **)

*) Речь идет о моем первоначальном проекте Tagesordnung'a съезда и комментарии к нему, известном всем делегатам. § 22 этого проекта говорил именно о выборе двух троек в Ц. О. и Ц. К., о «взаимокооптации» этой шестеркой по большинству $\frac{2}{3}$, об утверждении этой заимокооптации съездом и о самостоятельной дальнейшей кооптации в Ц. О. и Ц. К.

**) Буквы М. и Л. в скобках указывают, на какой стороне стояли я (Л.) и Мартов (М.).

(Заметим в скобках, что в протоколах, стр. 270, число воздержавшихся показано 8, но это мелочь.)—2) Избрание пятого члена Совета съездом:—за 23 (Л.), против 18 (М.), возд.—7.—3) Замещение выбывших членов Совета самим Советом—против 23 (М.), за 16 (Л.), возд. 12.—4) Единогласие в Ц. К.—за 25 (Л.), против 19 (М.), возд. 7.—5) Требование одного мотивированного протеста для непринятия члена!— за 21 (Л.), против 19 (М.), возд. 11.—6). Единогласие при кооптации в Ц. О.—за 23 (Л.), против 21 (М), возд. 7.—7) Допустимость вота о праве Совета кассировать решение Ц. О. и Ц. К. о непринятии нового члена— за 25 (М.), против 19 (Л.), возд. 7.—8) Само предложение об этом—за 24 (М.), против 23 (Л.), возд. 4. «Тут, очевидно,—заключает тов. Мартов (стр. 61 протоколов Лиги),—один делегат Бунда вотировал за предложение, остальные воздержались» (Курсив мой).

Спрашивается, почему считает тов. Мартов очевидным, что бундовец вотировал за него, Мартова, когда нет никаких голосований?

Потому, что он берет во внимание число вотировавших и, когда это число указывает на участие Бунда в голосовании, то он, тов. Мартов, не сомневается, что это участие было в его, Мартова, пользу.

Где же тут «величайшее извращение» с моей стороны?

Всего голосов 51, а без бундовских 46, без рабочедельских 43. В семи голосованиях из восьми, приведенных тов. Мартовым, участвовало 43, 41, 39, 44, 40, 44 и 44 делегата, в одном участвовало 47 делегатов (вернее, голосов), и здесь сам тов. Мартов признает, что его поддерживал бундовец. Оказывается таким образом, что картина, нарисованная Мартовым (и нарисованная исполно, как мы сейчас увидим), только подтверждает и усиливает мое изображение борьбы! Оказывается, что в очень многих случаях число воздержавшихся было весьма велико: это именно указывает на малый сравнительно интерес всего съезда к известным деталям, на отсутствие вполне определенной группировки искровцев по этим вопросам. Слова Мартова, что бундовцы «своим воздержанием явно содействуют Ленину» (стр. 62 протокол. Лиги), как раз и говорят против Мартова: значит, только при отсутствии бундовцев, или при воздержании их, я мог иногда рассчитывать на победу. Но всякий раз, когда бундовцы считают стоящим вмешаться в борьбу, они поддерживают тов. Мартова, а такое вмешательство было не только в вышеприведенном случае участия 47 делегатов.

Кто захочет справиться с протоколами съезда, тот увидит весьма странную неполноту картины тов. Мартова. Тов. Мартов просто опустил еще целых три случая, когда Бунд участвовал в голосованиях, при чем во всех этих случаях тов. Мартов, разумеется, оказался победителем. Вот эти случаи: 1) Принимается поправка тов. Фомина, понижающая квалифицированное большинство с $\frac{4}{5}$ до $\frac{2}{3}$. За 27, против 21 (стр. 278), значит, участвовало 48 голосов. 2) Принято предложение тов. Мартова об устранении взаимной кооптации. За 26, против 24 (стр. 279), значит, участвовало в голосовании 50 голосов. Наконец, 3) отклонено мое предложение о допустимости кооптации в Ц. О. и Ц. К. лишь с согласия всех членов Совета (стр. 280). Против 27, за 22 (было даже поименное голосование, к сожалению, не сохранившееся в протоколах), значит, число голосовавших—49.

Итог: по вопросам о кооптации в центры бундовцы участвовали только в четырех голосованиях (три приведенных сейчас мной, с 48, 50 и 49 участниками, и одно, приведенное тов. Мартовым, с 47 участниками). Во всех этих голосованиях победителем оказался тов. Мартов. Мое изложение оказывается правильным во всех пунктах, и в указании на коалицию с Бундом, и в констатировании детального сравнительно характера вопросов (масса случаев с большим числом воздержавшихся), и в указании на отсутствие определенной группировки искровцев (нет именных голосований; крайне мало высказавшихся в прениях).

Покушение тов. Мартова найти в моем изложении противоречие оказывается покушением с негодными средствами, ибо тов. Мартов вырвал отдельные словечки, не потрудившись восстановить картины в целом.

Последний параграф устава, посвященный вопросу о заграничной организации, вызвал опять-таки прения и голосования, замечательно характерные с точки зрения съездовских группировок. Дело шло о признании Лиги заграничной организацией партии. Тов. Акимов, разумеется, тотчас же восстал, напоминая о заграничном Союзе, утвержденном первым съездом, указывая на принципиальное значение вопроса. «Оговорюсь прежде всего,—заявил он,—что я не придаю особенного практического значения тому или иному решению этого вопроса. Идеиная борьба, которая до сих пор велась в нашей партии, несомненно не закончена: но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил... На § 13 устава отразилась еще раз и очень резко

тенденция превратить наш съезд из партийного в фракционный. Вместо того, чтобы заставить всех социал-демократов в России преклониться пред решениями партийного съезда во имя партийного единства, соединив все партийные организации, съезду предлагается уничтожить организацию меньшинства, заставить меньшинство исчезнуть» (281). Как видит читатель, «преемственность», которая стала так дорога тов. Мартову после его поражения в вопросе о составе центров, была не менее дорога и тов. Акимову. Но на съезде люди, прилагающие разные мерки к себе и к другим, восстали горячо против тов. Акимова. Несмотря на принятие программы, признание «Искры» и принятие почти всего устава, на сцену выдвигается именно тот «принцип», который «принципиально» отделял Лигу от Союза. «Если тов. Акимов хочет ставить вопрос на принципиальную почву,—воскликает тов. Мартов,—мы не имеем ничего против; особенно ввиду того, что тов. Акимов говорил о возможных комбинациях в борьбе с двумя течениями. Не в том смысле надо санкционировать победу одного направления (заметьте, что это говорится на 27-м заседании съезда!), чтобы раскланиваться лишний раз по адресу «Искры», а в том, чтобы раскланиваться окончательно со всякими возможными комбинациями, о которых заговорил тов. Акимов» (282. Курсив мой).

Картина: тов. Мартов, после завершения всех программных споров на съезде, продолжает еще окончательно раскланиваться со всякими возможными комбинациями... пока он еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров! Тов. Мартов «окончательно раскланивается» на съезде с той возможной «комбинацией», которую он пренебрежительно осуществляет на другой день после съезда. Но тов. Акимов оказался уж с тогда гораздо прозорливее тов. Мартова; тов. Акимов сослался на пятилетнюю работу «старой партийной организации, носящей по воле первого съезда имя комитета», и закончил преемственным провиденциальным уколом: «Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение иного течения в нашей партии, то я должен сказать, что даже он сам подает мне надежды» (стр. 283).

Да, надо сознаться, тов. Мартов блестяще оправдал надежды тов. Акимова!

Тов. Мартов пошел за тов. Акимовым, убедившись в его правоте после того, как была нарушена «преемственность» старой партийной коллегии, которая числилась работающей три года. Не дорого же досталась тов. Акимову его победа.

На съезде, однако, за тов. Акимова встали—и последовательно

встали—только т. т. Мартынов, Брукер и бундовцы (8 голосов), тов. Егоров, как настоящий вождь «центра», занимает золотую середину: он согласен, видите ли, с искровцами, «сочувствует» им (стр. 282) и доказывает это сочувствие предложением (стр. 283) обойти вовсе поднятый принципиальный вопрос, умолчать и о Лиге и о Союзе. Предложение отклоняется 27 головами против 15. Очевидно, кроме антиискровцев (8) почти весь «центр» (10) вотирует с тов. Егоровым (все число голосовавших 42, так что значительное число воздерживалось или отсутствовало, как это часто бывало при голосованиях, неинтересных и несомненных с точки зрения результата). Как только заходит речь о проведении искровских принципов на деле, сейчас же оказывается, что «сочувствие» «центра» чисто словесное, и за нами идет не больше тридцати или тридцати с небольшим голосов. Дебаты и голосования по предложению Русова (признать Лигу единственной заграничной организацией) еще нагляднее показывают это. Антиискровцы и «болото» становятся прямо уже на принципиальную точку зрения, при чем защищают ее т. т. Либер и Егоров, объявляющие предложение тов. Русова недопустимым к голосованию, незаконным: «Им умерщвляются все остальные заграничные организации» (Егоров). И оратор, не желающий участвовать в «умерщвлении организации», не только отказывается от голосования, но даже оставляет зал. Надо отдать, однако, справедливость лидеру «центра»: он проявил вдесятеро больше убежденности (в своих ошибочных принципах) и политического мужества, чем тов. Мартов и К^о, он заступался за «умерщвленную» организацию не только тогда, когда дело шло о собственном кружке, потерпевшем поражение в открытой борьбе.

Предложение тов. Русова признается допустимым к голосованию 27 головами против 15, и затем принимается 25 против 17. Прибавляя к этим 17 отсутствующего тов. Егорова, получаем полный комплект (18) антиискровцев и «центра».

Весь § 13 устава о заграничной организации принимается только 31 голосом против 12, при шести воздержавшихся. Это число, 31, указывающее нам приблизительную численность на съезде искровцев, т. е. людей, последовательно отстаивающих и на деле проводящих взгляды «Искры»,—мы встречаем уже не менее как шестой раз в анализе голосований съезда (место вопроса о Бунде, инцидент с Организационным Комитетом, распускание группы «Южного Рабочего» и два голосования об аграрной программе). А тов. Мартов хочет серьезно уверить нас, что нет никаких оснований выделять такую «узкую» группу искровцев!

Нельзя не отметить также, что принятие § 13 устава вызвало крайне характерные прения по поводу заявления т. т. Акимова и Мартынова об «отказе от участия в голосовании» (стр. 288). Бюро съезда обсудило это заявление и признало—совершенно резонно,—что даже прямое закрытие Союза не давало бы никакого права делегатам Союза отказываться от участия в работах съезда. Отказ от голосований—вещь безусловно ненормальная и недопустимая, вот та точка зрения, на которую встал вместе с бюро весь съезд, в том числе и те искровцы меньшинства, которые в 28-м заседании горячо осуждали то, что сами проделывали в 31-м! Когда тов. Мартынов стал защищать свое заявление (стр. 291), против него восстали и Павлович, и Троцкий, и Карский, и Мартов. Тов. Мартов особенно ясно сознавал обязанности недовольного меньшинства (покуда сам он не остался в меньшинстве!) и особенно назидательно ораторствовал насчет них. «Или вы члены съезда,—восклидал он по адресу т. т. Акимова и Мартынова—тогда вы должны участвовать во всех его работах» (курсив мой; тогда еще тов. Мартов не замечал формализма и бюрократизма в подчинении меньшинства большинству!), «или вы не члены, и тогда не можете оставаться на заседании... Своим заявлением делегаты Союза принуждают меня поставить два вопроса: члены ли они партии и члены ли они съезда?» (стр. 292).

Тов. Мартов поучает тов. Акимова обязанностям членов партии! Но тов. Акимов не даром уже сказал, что возлагает некоторые надежды на тов. Мартова... Этим надеждам суждено было осуществиться, однако, лишь после поражения Мартова на выборах. Когда дело шло не о нем самом, а о других, тов. Мартов оставался даже глух к страшному словечку «исключительный закон», пущенному в ход впервые (если я не ошибаюсь) тов. Мартыновым. «Данные нам разъяснения — отвечает тов. Мартынов тем, кто убеждал его взять назад свое заявление — не выяснили, было ли решение принципиальное или это была исключительная мера против Союза. В таком случае мы считаем, что Союзу нанесено оскорбление. Товарищ Егоров так же, как и мы, вынес впечатление, что это исключительный закон (курсив мой) против Союза и потому даже удалился из залы заседания» (295). И тов. Мартов, и тов. Троцкий энергично восстают, вместе с Плехановым, против нелепой, действительно нелепой, идеи усматривать оскорбление в востуме съезда, и тов. Троцкий, защищая принятую съездом, по его предложению, резолюцию (что т. т. Акимов и Мартынов могут счесть себя вполне удовлетворенными), уверяет, что «резолюция имеет принципиальный, а не обывательский характер, и нам нет де-

да до того, что кто-нибудь ею обиделся» (стр. 296). Очень скоро оказалось, однако, что кружковщина и обывательщина слишком еще сильны в нашей партии, и подчеркнутые мной гордые слова оказались пустой звонкой фразой.

Т. т. Акимов и Мартынов отказались взять свое заявление назад и удалились со съезда, при общих восклицаниях делегатов: «совершенно напрасно!».

м) Выборы. Конец съезда.

После принятия устава съезд принял резолюцию о районных организациях, ряд резолюций об отдельных организациях партии и, после крайне поучительных прений о группе «Южного Рабочего», анализированных мною выше, перешел к вопросу о выборах в центральные учреждения партии.

Мы уже знаем, что организация «Искры», от которой весь съезд ждал авторитетной рекомендации, раскололась по этому вопросу, ибо меньшинство организации пожелало испытать на съезде в открытой и свободной борьбе, не удастся ли ему завоевать себе большинства. Мы знаем также, что задолго до съезда и на съезде всем делегатам был известен план обновления редакции путем выбора двух троек в Ц. О. и в Ц. К. Остановимся на этом плане подробнее для уяснения прений на съезде.

Вот точный текст моего комментария к проекту Tagesordnung'a съезда, где был изложен этот план *): «съезд выбирает трех лиц в редакцию Ц. О. и трех в Ц. К. Эти шесть лиц вместе, по большинству $\frac{2}{3}$, дополняют, если это необходимо, состав редакции Ц. О. и Ц. К. кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада, дальнейшая кооптация производится редакцией Ц. О. и Ц. К. отдельно».

Из этого текста план выясняется с полнейшей определенностью и недвусмысленностью: он означает обновление редакции при участии самых влиятельных руководителей практической работы. Обе отмеченные мной черты этого плана сразу выступают для каждого, кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно прочитать приведенный текст. Но по нынешним временам приходится останавливаться на разъяснении даже самых азбучных вещей. План означает именно обновление редакции, не обязательное расширение и необязательное сокращение числа ее членов, а именно, обновление, ибо вопрос о возможном рас-

* См. мое «Письмо в редакцию Искры», стр. 5 (см. 320 стр. IV тома Собр. соч. Н. Лешина. Ред.), и протоколы Лиги, стр. 53.

ширении или сокращении оставлен открытым: кооптация предусматривается лишь на тот случай, если это необходимо. Из числа предположений, высказывавшихся разными лицами по вопросу об этом обновлении, были и планы возможного сокращения и увеличения числа членов редакции до семи (семерку я лично всегда считал несравненно более целесообразной, чем шестерку) и даже увеличения этого числа до одиннадцати (я считал это возможным в случае мирного соединения со всеми социал-демократическими организациями вообще, в особенности с Бундом и с польской социал-демократией). Но самое главное, что обыкновенно упускают из виду люди, говорящие о «тройке», это требование участия членов Ц. К. в решении вопроса о дальнейшей кооптации в Ц. О. Ни единый товарищ из всей массы членов организации и делегатов съезда из «меньшинства», знавших этот план и одобрявших его (одобрявших либо специальным выражением своего согласия, либо своим молчанием), не потрудился объяснить значения этого требования. Во-первых, почему за исходный пункт для обновления редакции взята была именно тройка и только тройка? Очевидно, что это было бы совершенно бессмысленно, если бы имелось в виду исключительно, или хотя бы, главным образом, расширение коллегии, если бы эта коллегия признавалась действительно «гармонической». Странно было бы для расширения «гармонической» коллегии исходить не из всей этой коллегии, а только от ее части. Очевидно, что не все члены коллегии признавались вполне пригодными для обсуждения и решения вопроса об обновлении ее состава, о превращении старого редакторского кружка в партийное учреждение. Очевидно, что даже тот, кто сам лично желал обновления в виде расширения, признавал старый состав негармоничным, несоответствующим идеалу партийного учреждения, ибо иначе незачем было бы для расширения шестерки сначала понижать ее до тройки. Повторяю: это ясно само собою, и только временное засорение вопроса «личностями» могло заставить забыть об этом.

Во-вторых, из текста, приведенного выше, видно, что даже согласия всех трех членов Ц. О. недостаточно было бы еще для расширения тройки. Это тоже всегда упускается из виду. Для кооптации нужно $\frac{2}{3}$ от шести, т.-е. четыре голоса; значит, стоило бы только трем выбранным членам Ц. К. сказать «veto» и никакое расширение тройки не было бы возможно. Наоборот, если бы даже двое из трех членов редакции Ц. О. были против дальнейшей кооптации,—кооптация все же могла бы со-

стояться, при согласии на нее всех трех членов Ц. К. Очевидно, таким образом, что имелось в виду, при превращении старого кружка в партийное учреждение, дать решающий голос руководителям практической работы, выбираемым съездом. Какие товарищи приблизительно намечались нами при этом, видно из того, что редакция до съезда единогласно выбрала седьмым в свой состав тов. Павловича, на случай, если придется на съезде выступать от имени коллегии; кроме товарища Павловича на место седьмого был предлагаем один старый член организации «Искры» и член О. К., выбранный впоследствии в члены Ц. К.

Таким образом, план выбора двух троек был рассчитан явным образом: 1) на обновление редакции, 2) на устранение из нее некоторых черт старой кружковщины, неуместной в партийном учреждении (если бы нечего было устранять, то незачем бы и придумывать первоначальной тройки!), наконец, 3) на устранение «теократических» черт литературской коллегии (устранение посредством привлечения выдающихся практиков к решению вопроса о расширении тройки). Этот план, с которым ознакомлены были все редакторы, основывался, очевидно, на трехлетнем опыте работы и соответствовал вполне последовательно проводимым нами принципам революционной организации: в эпоху разброда, когда выступила «Искра», отдельные группы складывались часто случайно и стихийно, неизбежно страдая от некоторых вредных проявлений кружковщины. Создание партии предполагало устранение таковых черт и требовало их устранения; участие выдающихся практиков в этом учреждении было необходимо, ибо некоторые члены редакции всегда ведали организационные дела, и в систему партийных учреждений должна была войти не литературская только коллегия, а коллегия политических руководителей. Предоставление съезду выбора первоначальной тройки было равным образом естественно, с точки зрения всегдашней политики «Искры»: мы до последней степени осторожно готовили съезд, выжидая полного выяснения спорных принципиальных вопросов программы, тактики и организации; мы не сомневались, что съезд будет искровским в смысле солидарности громадного большинства в этих основных вопросах (об этом свидетельствовали отчасти и резолюции о признании «Искры» руководящим органом); мы должны были поэтому предоставить товарищам, которые вынесли на своих плечах всю работу распространения идей «Искры» и приготовления ее превращения в партию, предоставить им самим решить вопрос о наиболее пригодных кандидатах в новое партийное учреждение.

Только этой естественностью плана «двух троек», только его полным соответствием со всей политикой «Искры» и со всем тем, что знали про «Искру» сколько-нибудь близко стоящие к делу лица, и можно объяснить общее одобрение этого плана, отсутствие какого бы то ни было конкурирующего плана.

И вот на съезде тов. Русов прежде всего и предложил выбрать две тройки. Сторонники Мартова, который письменно уведомлял нас о связи этого плана с ложным обвинением в сппортунизме, и не подумали однако свести спор о шестерке и тройке на вопрос о правильности или неправильности этого обвинения. Ни один из них и не заикнулся об этом! Ни один из них не решился сказать ни слова о принципиальном отличии оттенков, связанных с шестеркой и тройкой. Они предпочли более ходкий и дешевый прием—апеллировать к жалости, ссылаться на возможную обиду, притворяться, что вопрос о редакции решен уже назначением «Искры» центральным органом. Этот последний довод, выдвинутый тов. Кольцовым против товарища Русова, представляет из себя прямую фальшь. В порядок дня съезда были, — конечно, не случайно, — поставлены два особые пункта (см. стр. 10 протоколов): п. 4—«Ц. О. Партии и п. 18—«Выборы Ц. К. и род. Ц. О.». Это во-первых. Во-вторых, при назначении Ц. О. все делегаты категорически заявляли, что этим не утверждается редакция, а лишь направление *), ни одного протеста против этих заявлений не последовало.

Таким образом, заявление, что, утвердив определенный орган, съезд уже в сущности тем самым утвердил и редакцию, — заявление, повторявшееся много раз сторонниками меньшинства (Кольцовым, стр. 321, Посадовским, там же, Поповым, стр. 322 и ми.

*) См. стр. 140 протоколов, речь Акимова: «...мне говорят, что о выборах в Ц. О. мы будем говорить в конце», речь Муравьева против Акимова, «очень близко к сердцу принимающего вопрос о будущей редакции Ц. О.» (стр. 141), речь Павловича о том, что, назначив орган, мы получили «конкретный материал, над которым мы можем производить те операции, о которых так заботится тов. Акимов», и о том, что насчет «подчинения» «Искры» «решениям партии» не может быть и тени сомнения (стр. 142); речь Троцкого: «раз мы не утверждаем редакции, что утверждаем мы в «Искре»?.. Не имя, а направление... не имя, а зная» (стр. 142); речь Мартынова: «...я полагаю, как и многие другие товарищи, что, обсуждая вопрос о признании «Искры», как газеты известного направления, нашим центральным органом, мы сейчас не должны касаться способа выбора или утверждения ее редакции; об этом будет речь впоследствии, в соответственном месте порядка дня...» (стр. 143).

друг.)—было прямо фактически неверно. Это был явный для всех маневр, прикрывающий отступление от позиции, занятой тогда, когда к вопросу о составе центров все могли еще относиться действительно беспристрастно. Отступление невозможно было оправдать ни принципиальными мотивами (ибо на съезде поднимать вопрос о «ложном обвинении в оппортунизме» было слишком невыгодно для меньшинства, которое и не заикнулось об этом), ни ссылкой на фактические данные относительно действительной работоспособности шестерки или тройки (ибо одно прикосновение к этим данным дало бы гору указаний против меньшинства). Пришлось отделяться фразой о «стройном целом», о «гармоническом коллективе», о «стройном и кристаллически-цельном целом» и т. п. Неудивительно, что такие доводы сейчас же и были названы настоящим именем: «жалкие слова» (стр. 328). Самый план тройки ясно уже свидетельствовал о недостатке «гармоничности», а впечатления, собранные делегатами в течение более чем месячных совместных работ, очевидно, дали массу материала для самостоятельного суждения делегатов. Когда тов. Посадовский намекнул (неосторожно и необдуманно с его точки зрения: смотри стр. 321 и 325 об «условном» употреблении им слова «шероховатости») на этот материал, то тов. Муравьев прямо заявил: «По моему мнению, для большинства съезда в настоящий момент вполне ясно видно, что такие *) шероховатости несомненно существуют» (321). Меньшинство пожелало понять слово «шероховатости» (пущенное в ход Посадовским, а не Муравьевым) исключительно в смысле чего-то личного, не решившись поднять брошенной тов. Муравьевым перчатки, не решившись выдвинуть ни единого довода по существу дела в защиту шестерки. Получился прекомичный, по своей бесплодности, спор: большинство (устаи тов. Муравьева) заявляет, что ему вполне ясно видно настоящее значение шестерки и тройки, а меньшинство упорно не слышит этого и уверяет, что «мы не имеем возможности входить в разбор». Большинство не только считает возможным входить в разбор, но уже «вошло в разбор» и говорит

*) Какие именно «шероховатости» имел в виду тов. Посадовский, мы так и не узнали на съезде. Тов. же Муравьев в том же заседании (стр. 322) оспаривал верность передачи его мысли, а во время утверждения протоколов прямо заявил, что он «говорил о тех шероховатостях, которые проявлялись в прениях съезда по разным вопросам, шероховатостях принципиального характера, существование которых в настоящий момент представляет уже, к сожалению, факт, которого никто не будет отрицать» (стр. 353).

о вполне ясных для него результатах этого разбора, а меньшинство, видимо, боится разбора, прикрываясь одними «жалкими словами». Большинство советует «иметь в виду, что наш Ц.О. не есть только литературная группа, «большинство» хочет, чтобы во главе Ц.О. стояли лица, вполне определенные, известные съезду, лица, удовлетворяющие требованиям, о которых я говорил» (т.-е. именно требованиям не только литературным, стр. 327, речь тов. Ланге). Меньшинство опять-таки не решается поднять перчатки и ни слова не говорит о том, кто пригоден, по его мнению, для коллегии не только литературной, кто является «вполне определенной и известной съезду» величиной. Меньшинство по-прежнему прячется за пресловутую «гармоничность». Мало того. Меньшинство вносит даже в аргументацию такие доводы, которые абсолютно неверны принципиально и потому вызывают по справедливости резкий отпор. «Съезд,—видите ли,—не имеет ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцию» (Троцкий, стр. 326), «это слишком щекотливый (sic!) вопрос» (он же), «как должны отнестись избранные члены редакции к тому, что съезд не желает долее их видеть в составе редакции?» (Царев, стр. 324) *).

Такие доводы всецело уже переносили вопрос на почву жалости и обиды, будучи прямым признанием банкротства в области аргументов действительно принципиальных, действительно политических. И большинство сейчас же характеризовало эту постановку вопроса настоящим словом: обывательщина (тов. Русов). «На устах революционеров,—справедливо сказал тов. Русов,—раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партийной работы, партийной этики. Основной довод, на который стали противники выбора троек, сводится на чисто обывательский взгляд на партийные дела» (курсив везде мой)... «Становясь на эту не партийную, а обывательскую точку зрения, мы при каждом выборе будем стоять перед вопросом: а не обидится ли Петров, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то член О. К., что не его, а другого выбрали в Ц. К. Куда же, товарищи, нас это приведет? Если мы собрались сюда не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей, а для создания партии, то мы не можем никак согласить-

*) Ср. речь тов. Посадовского: «...выбирая из шести лиц старой редакции трех, вы этим самым трех других признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имеете ни права, ни основания».

ся на такой взгляд. Мы стоим перед вопросом выбора должностных лиц, и тут не может быть вопроса о недоверии к тому или иному невыбранному, а только вопрос о пользе дела и соответствии выбранного лица с той должностью, на которую он выбирается» (стр. 325).

Мы бы посоветовали всем, кто хочет самостоятельно разобраться в причинах партийного раскола и доискаться корней его на съезде, читать и перечитывать речь тов. Русова, доводы которого меньшинство не только не опровергло, но и не оспорило даже. Да и нельзя оспорить таких элементарных, азбучных истин, забвение которых уже сам тов. Русов справедливо объяснял одним лишь «нервным возбуждением». И это действительно наименее неприятное для меньшинства объяснение того, как могли они с партийной точки зрения сойти на точку зрения обывательщины и кружковщины *).

Но меньшинство до такой степени лишено было возможности подыскать разумные и деловые доводы против выборов, что, кроме внесения в партийное дело обывательщины, оно дошло до приемов прямо скандального характера. В самом деле, как не назвать таким именем прием тов. Попова, посоветовавшего тов. Муравьеву «не брать на себя деликатных поручений» (стр. 322)? Что это, как не «залезание в чужую душу», по спра-

*) Тов. Мартов в своем «Осадном положении» отнесся и к этому вопросу так же, как к остальным затронутым им вопросам. Он не потрудился дать цельной картины спора. Он скромненько обошел единственный действительно принципиальный вопрос, всплывший в этом споре: обывательские нежности или выбор должностных лиц? Партийная точка зрения или обида Иванов Иванычей? Тов. Мартов и здесь ограничился вырыванием отдельных и бессвязных кусочков происшествия с добавлением всяческих ругательств по моему адресу. Маловато этого, тов. Мартов!

Особенно пристает ко мне тов. Мартов с вопросом, почему не выбрали на съезде т.т. Аксельрода, Засулич и Старовера. Обывательская точка зрения, на которую он встал, мешает ему видеть неприличие этих вопросов (почему не спросит он своего коллегу по редакции, тов. Плеханова?). «Он видит противоречие в том, что я считаю «бестактным» поведение меньшинства на съезде в вопросе о шестерке, и что я в то же время требую партийной гласности. Противоречия тут нет, как легко увидел бы и сам Мартов, если бы потрудился дать связное изложение всех перипетий вопроса, а не обрывков его. Бестактно было ставить вопрос на обывательскую точку зрения, апеллировать к жалости и обиде; интересы партийной огласки требовали бы оценки по существу преимущества шестерки над тройкой, оценки кандидатов на должность, оценки оттенков: меньшинство и не заикнулось об этом на съезде.

Внимательно изучая протоколы, тов. Мартов увидел бы в речах делегатов целый ряд доводов против шестерки. Вот выборка из этих речей:

ведливому выражению тов. Сорокина (стр. 328)? Что это, как не спекуляция на «личности», при отсутствии доводов политических? Правду или неправду сказал тов. Сорокин, что «против таких приемов мы всегда протестовали»? «Позволительно ли поведение тов. Дейча, когда он демонстративно пытался пригвоздить к позорному столбу товарищей, несогласных с ним?» *) (стр. 328).

Подведем итог прениям по вопросу о редакции. Меньшинство не опровергло (и не опровергало) многочисленных указаний большинства на то, что проект тройки был известен делегатам в самом начале съезда и до съезда, что, следовательно, проект этот исходил из соображений и данных, независимых от происшествий и споров на съезде. Меньшинство заняло, при отстаивании шестерки, принципиально неправильную и недопустимую позицию обывательских соображений. Меньшинство проявило полное забвение партийной точки зрения на выбор должностных лиц, не прикос-

во-первых, в старой шестерке ясно видны шероховатости в смысле принципиальных оттенков; во-вторых, желательно техническое упрощение редакционной работы; в-третьих, польза дела стоит выше обывательских нежностей; только выбор обеспечит соответствие выбранных лиц с их должностями; в-четвертых, нельзя ограничивать свободы выбора съездом; в-пятых, партии нужна теперь не только литературная группа в Ц. О., в Ц. О. необходимы не только литераторы, но и администраторы; в-шестых, в Ц. О. должны быть лица вполне определенные, известные съезду; в-седьмых, коллеги из шести часто не деспособна, и ее работа осуществляется не благодаря ненормальному уставу, а несмотря на это; в-восьмых, ведение газеты—партийное (а не кружковое) дело, и т. д.—Пусть попробует тов. Мартов, если он так интересуется вопросом о причинах невыбора, вникнуть в каждое из этих соображений и опровергнуть хотя одно из них.

*) Так понял слова тов. Дейча (стр. 324—«резкий диалог с Орловым») тов. Сорокин в том же заседании. Тов. Дейч объясняет (стр. 351), что он «ничего подобного не говорил», но сам же признает тут же, что сказал нечто весьма и весьма «подобное». «Я не говорил: кто решится—объясняет тов. Дейч,—а сказал: мне интересно посмотреть, кто эти лица, которые решатся (sic!) (тов. Дейч поправляется из кулика в рожекку!) поддерживать такое преступное (sic!) предложение, как избрание трех» (стр. 351). Тов. Дейч не опроверг, а подтвердил слова тов. Сорокина. Тов. Дейч подтвердил упрек тов. Сорокина, что «все понятия здесь перепутались» (в доводах меньшинства за шестерку). Тов. Дейч подтвердил уместность напоминания со стороны тов. Сорокина такой азбучной истины, что «мы члены партии и должны поступать, руководствуясь исключительно политическими соображениями». Кричать о преступности выборов значит унижаться не только до обывательщины, но прямо до скандальчика!

нувшись даже к оценке каждого кандидата на должность и его соответствия или несоответствия с функциями данной должности. Меньшинство уклонялось от обсуждения вопроса по существу, ссылаясь на пресловутую гармоничность, «проливая слезы» и «впадая в пафос» (стр. 327, речь Ланге), как-будто кого-то «хотели убить». Меньшинство дошло даже до «залезания в чужую душу», воплей о «преступности» выбора и тому подобных неспозволительных присмов, дошло под влиянием «нервного возбуждения» (стр. 325).

Борьба обывательщины с партийностью, худшего сорта «личностей» с политическими соображениями, жалких слов с элементарными понятиями революционного дела—вот чем была борьба из-за шестерки и тройки на тридцатом заседании нашего съезда.

И на 31-ом заседании, когда съезд большинством 19 голосов против 17, при трех воздержавшихся отверг предложение об утверждении всей старой редакции (см. 330 стр. и опечатки) и когда бывшие редакторы вернулись в зал заседания, тов. Мартов в своем «заявлении от имени большинства бывшей редакции» (стр. 330—331) проявил в еще больших размерах ту же шаткость и неустойчивость политической позиции и политических понятий. Разберем подробнее каждый пункт коллективного заявления и моего ответа (стр. 332—333) на него.

«Отныне—говорит тов. Мартов после неутверждения старой редакции—старой «Искры» не существует, и было бы последовательнее переменить ее название. Во всяком случае в новом постановлении съезда мы видим существенное ограничение того вотума доверия «Искре», который был принят в одном из первых заседаний съезда».

Тов. Мартов с коллегами поднимает действительно интересный и поучительный во многих отношениях вопрос о политической последовательности. Я ответил уже на это ссылкой на то, что все говорили при утверждении «Искры» (стр. 349 прот., ср. выше стр. 82). Несомненно, что перед нами один из самых вопиющих случаев политической непоследовательности; с чьей стороны,—со стороны ли большинства съезда или со стороны большинства старой редакции, предоставим судить читателю. Читателю же мы предоставим решение и двух других, очень кстати поставленных тов. Мартовым и коллегами его вопросов: 1) обывательская или партийная точка зрения проявляется в желании видеть «ограничение» вотума доверия «Искре» в решении съезда произвести выбор должностных лиц в редак-

цию Ц. О.? 2) с какого момента действительно не существует старой «Искры»: с номера ли 46, когда мы стали вести ее вдвоем с Плехановым, или с номера 53-го, когда ее повело большинство старой редакции? Если первый вопрос есть интереснейший вопрос принципа, то второй—интереснейший вопрос факта.

«Так как теперь решено—продолжал тов. Мартов—выбрать редакцию из трех лиц, то я от имени своего и трех других товарищей заявляю, что ни один из нас не примет участия в такой новой редакции. Лично о себе прибавляю, что, если верно, что некоторые товарищи хотели вписать мое имя, как одного из кандидатов в эту «тройку», то я должен усмотреть в этом оскорбление, мною не заслуженное (sic!). Говорю это ввиду обстоятельств, при которых было решено изменить редакцию. Решено это было ввиду каких-то «трений» *), неработоспособности бывшей редакции, при чем съезд решил этот вопрос в определенном смысле, не спросив редакцию об этих трениях и не назначив хотя бы комиссии для внесения вопроса об ее неработоспособности»... (Странно, что никто из меньшинства не догадался предложить съезду «спросить редакцию» или назначить комиссию! Не произошло ли это от того, что после раскола организации «Искры» и неудачи переговоров, о которых писали тов. Мартов и Старовер, это было бы бесполезно?)... «При таких обстоятельствах предположение некоторых товарищей, что я соглашусь работать в реформированной таким образом редакции, я должен считать пятном на моей политической репутации» **)...

*) Тов. Мартов, вероятно, имеет в виду выражение тов. Посадовского: «шероховатости». Повторяю, что тов. Посадовский так и не объяснил съезду, что он хотел сказать, а тов. Муравьев, употребивший то же выражение, объяснил, что говорил о принципиальных шероховатостях, проявившихся в прениях съезда. Читатели припомнят, что единственный случай действительно принципиальных прений, в которых участвовало четыре редактора (Плеханов, Мартов, Аксельрод и я), касался § 1 устава и что тов. Мартов и Старовер письменно жаловались на «ложное обвинение в оппортунизме», как один из доводов «изменения» редакции. Тов. Мартов в этом письме усматривал ясную связь «оппортунизма» с планом изменения редакции, а на съезде ограничился туманным намеком на «какие-то трения». «Ложное обвинение в оппортунизме» уже забыто!

**) Тов. Мартов добавил еще: «На такую роль согласится разве Рязанов, а не тот Мартов, которого, как я думаю, вы знаете по его работе». Поскольку это есть личное нападение на Рязанова, постольку тов. Мартов взял это назад. Но Рязанов фигурировал на съезде в качестве нарицательного имени вовсе не за те или иные его личные свойства (касаться коих было бы неуместно), а за политическую физиономию группы «Борьба», за

Я нарочно выписал целиком это рассуждение, чтобы показать читателю образчик и начало того, что так пышно расцвело после съезда и что нельзя назвать иначе как дрызгой. Я употребил уже это выражение в моем «Письме в редакцию Искры» и, несмотря на недовольство редакции, вынужден повторить его, ибо правильность его неоспорима. Ошибочно думают, что дрызга предполагает «низменные мотивы» (как умозаключила редакция новой «Искры»): всякий революционер, сколько-нибудь знакомый с нашими ссыльными и эмигрантскими колониями, видал, наверное, десятки случаев дрызг, когда выдвигались и пережевывались самые нелепые обвинения, подозрения, самообвинения, «личности» и т. п. на почве «нервного возбуждения» и ненормальных затхлых условий жизни. Низменных мотивов ни один разумный человек не станет непременно искать в этих дрызгах, как бы низменны ни были их проявления. И именно только «нервным возбуждением» можно объяснить этот запутанный клубок нелепостей, личностей, фантастических ужасов, залезания в душу, вымученных оскорблений и пятнаний, каковым является выписанный мною абзац из речи тов. Мартова. Затхлые условия жизни сотнями порождают у нас такие дрызги, и политическая партия не заслуживала бы уважения, если бы она не смела называть свою болезнь настоящим именем, ставить беспощадный диагноз и отыскивать средства лечения.

Поскольку можно выделить из этого клубка нечто принципиальное, постольку неизбежно притти к выводу, что «выборы не имеют ничего общего с оскорблением политической репутации», что «отрицать право съезда на новые выборы, на всяческое изменение состава должностных лиц, на переборку уполномочиваемых им коллегий» значит вносить путаницу в вопрос и что «в воззрениях тов. Мартова на допустимость выборов части прежней коллегии проявляется величайшее смешение политических понятий» (как я выразился на съезде, стр. 332).

ее политические ошибки. Тов. Мартов очень хорошо делает, если берет назад предполагаемые или действительно нанесенные личные оскорбления, но не следует забывать из-за этого политических ошибок, которые должны служить уроком партии. Группа «Борьба» обвинялась у нас на съезде в внесении «организационного хаоса» и «дробления, не вызываемого никакими принципиальными соображениями» (стр. 38, речь тов. Мартова). Такое политическое поведение безусловно заслуживает порицания не только тогда, когда мы видим его у маленькой группы до съезда партий в период общего хаоса, но и тогда, когда мы видим его после съезда партии, в период устранения хаоса, видим со стороны хотя бы и «большинства редакции «Искры» и большинства группы «Освобождение Труда».

Опускаю «личное» замечание тов. Мартова к вопросу о том, от кого исходит план тройки, и перехожу к его «политической» характеристике того значения, какое имеет неутверждение старой редакции: «Происшедшее теперь есть последний акт борьбы, имевшее место в течение второй половины съезда»... (Правильно! и эта вторая половина начинается с того момента, когда Мартов в вопросе о § 1 устава попал в цепкие объятия тов. Акимова)... «Для всех не тайна, что дело при этой реформе идет не о «работоспособности», а о борьбе за влияние на Ц. К.»... (Во-первых, для всех не тайна, что дело шло тут и о работоспособности и о расхождении из-за состава Ц. К., ибо план «реформы» выдвинут был тогда, когда еще о втором расхождении не могло быть и речи, тогда, когда мы вместе с т. Мартовым выбирали седьмым участником редакционной коллегии тов. Павловича! Во-вторых, мы уже показали на основании документальных данных, что дело шло о личном составе Ц. К., что дело свелось à la fin des fins *) к различию списков: Глеб-Глебов—Травинский—Попов и Глебов—Троцкий—Попов)... «Большинство редакции показало, что оно не желает превращения Ц.К. в орудие редакции»... (Начинается Акимовская песня: вопрос о влиянии, за которое борется всякое большинство на всяком партийном съезде всегда и везде, чтобы закрепить это влияние большинством в центральных учреждениях, переносится в область «оппортунистической сплетни об «орудии» редакции, о «простом придатке» редакции, как сказал тот же тов. Мартов немного позже, стр. 334)... «Вот почему понадобилось сократить число членов редакции (!). А потому я и не могу вступить в такую редакцию»... (Посмотрите-ка внимательнее на это «потому»: как могла бы редакция превратить Ц.К. в придаток или в орудие? только так и в том случае, если бы она имела три голоса в Совете и злоупотребляла этим перевесом? не ясно ли это? И не ясно ли также, что выбранный третьим тов. Мартов всегда мог бы помешать всякому злоупотреблению и уничтожить одним своим голосом всякий перевес редакции в Совете? Дело сводится, следовательно, именно к личному составу Ц. К., а речи об орудии и придатке сразу оказываются сплетней)... «Вместе с большинством старой редакции я думал, что съезд положит конец «осадному положению» внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности, осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено. Только в составе всей старой ре-

*) В конце концов. Ред.

дакий мы можем ручаться, что права, предоставленные редакции уставом, не послужат ко вреду для партии»...

Вот целиком то место из речи тов. Мартова, в котором он впервые бросил пресловутый лозунг «осадного положения». И теперь взгляните на мой ответ ему:

«...Исправляя заявление Мартова о частном характере двух троек, я и не думаю однако затрагивать этим утверждения того же Мартова о «политическом значении» того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение, — только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на Ц.К. в России. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры», как частной группы, а теперь речь идет уже о большем, об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на Ц. К., а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния? Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть несомненно крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня несколько не пугают страшные слова об «осадном положении в партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников политической распычатости. Против распычатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер».

Я подчеркнул в этом конспекте моей речи на съезде фразу, которую тов. Мартов в своем «Осадном положении» (стр. 16) предпочел опустить. Неудивительно, что эта фраза ему не понравилась и что он не захотел понять ее ясного смысла.

Что значит выражение: «страшные слова», тов. Мартов?

Оно означает насмешку, насмешку над тем, кто к маленьким вещам прилагает большие названия, кто запутывает простой вопрос претенциозным фразерством.

Маленький и простой факт, который один только мог **по-
дать** и подал повод к «нервному возбуждению» тов. Мартова, состоял исключительно в том, что тов. Мартов потерпел поражение на съезде в вопросе о личном составе центров. Политическое значение этого простого факта состояло в том, что большинство партийного съезда, победив, закрепляло свое влияние проведением большинства и в партийное правление, созданием организационного базиса для борьбы при помощи устава с тем, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью и расплывчатостью *). Говорить по этому поводу о «борьбе за влияние» с каким-то ужасом в глазах и жаловаться на «осадное положение» было не чем иным, как претенциозным фразерством, страшными словами.

Тов. Мартов не согласен с этим? Не попробует ли он показать нам, что был на свете такой партийный съезд, что мыслим вообще такой партийный съезд, в котором бы большинство не закрепляло завоеванного влияния: 1) проведением большинства же в центры, 2) вручением ему власти для парализования шаткости, неустойчивости и расплывчатости?

Перед выборами нашему съезду предстояло решить вопрос: предоставить ли одну треть голосов в Ц. О. и в Ц. К. партийному большинству или партийному меньшинству? Шестьерка и список тов. Мартова означали предоставление одной трети нам, двух третей его сторонникам. Тройка в Ц. О. и список наш означали предоставление двух третей нам, одной трети—сторонникам тов. Мартова. Тов. Мартов отказался войти в сделку с нами или уступить и письменно вызвал нас на бой перед съездом; потерпев же поражение перед съездом, он расплакался и стал жаловаться на «осадное положение»! Ну, разве же это не дрягга? Разве это не новое проявление интеллигентской хлюпкости?

Нельзя не припомнить по этому поводу блестящей социально-психологической характеристики этого последнего качества, которую дал недавно К. Каутский. Социал-демократическим партиям разных стран нередко приходится теперь переживать одинаковые болезни, и нам очень, очень полезно поучиться пра-

*) В чем проявились на съезде неустойчивость, шаткость и расплывчатость искровского меньшинства? Во-первых, в оппортунистических фразах о § 1 устава; во-вторых, в коалиции с тов. Акимовым и Либером, которая быстро росла во вторую половину съезда; в-третьих, в способности принижать вопрос о выборе должностных лиц в Ц. Ю. до обывательщины, жалких слов и даже до залезания в чужую душу. После же съезда все эти милые качества созрели из бутончиков в цветочки и ягоды.

вильному диагнозу и правильному лечению у более опытных товарищей. Характеристика некоторых интеллигентов К. Каутским будет поэтому только кажущимся отступлением от нашей темы.

«...В настоящее время нас опять живо интересует вопрос об антагонизме между интеллигенцией *) и пролетариатом. Мои коллеги (Каутский сам интеллигент, литератор и редактор) будут сплошь да рядом возмущаться тем, что я признаю этот антагонизм. Но ведь он фактически существует, и было бы самой нецелесообразной тактикой (и здесь, как и в других случаях) пытаться отделаться от него отрицанием факта. Антагонизм этот есть социальный антагонизм, проявляющийся на классах, а не на отдельных личностях. Как отдельный капиталист, так и отдельный интеллигент может всецело войти в классовую борьбу пролетариата. В тех случаях, когда это имеет место, интеллигент изменяет и свой характер. И в дальнейшем изложении речь будет идти, главным образом, не об этого типа интеллигентах, которые и поныне являются еще исключением среди своего класса. В дальнейшем изложении, если нет особых оговорок, под интеллигентом разумею я лишь обыкновенного интеллигента, стоящего на почве буржуазного общества и являющегося характерным представителем класса интеллигенции. Этот класс находится в известном антагонизме к пролетариату.

«Антагонизм этот — иного рода, чем антагонизм между трудом и капиталом. Интеллигент — не капиталист. Правда, его уровень жизни буржуазный, и он вынужден поддерживать этот уровень, пока не превращается в босняка, но в то же время он вынужден продавать продукт своего труда, а часто и свою рабочую силу, он терпит нередко эксплуатацию со стороны капиталиста и известное социальное принижение. Таким образом, интеллигент не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда — не пролетарские, и отсюда вытекает известный антагонизм в настроении и в мышлении.

«Пролетарий — ничто, пока он остается изолированным индивидуумом. Вся свою силу, всю свою способность к прогрессу, все свои надежды и чаяния черпает он из организации, из планомерной совместной деятельности с товарищами. Он чувствует себя великим и сильным, когда он составляет часть великого и сильного организма. Этот организм для него — все, отдельный же индивидуум значит, по сравнению с ним, очень мало. Пролетарий ведет свою борьбу с величайшим самопожертвованием, как частичка анонимной массы, без

*) Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literat*, *Literatentum*, обозначающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain worker*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда.

Видов на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей все его чувство, все его мышление.

Совсем иначе обстоит дело с интеллигентом. Он борется не тем или иным применением силы, а при помощи аргументов. Его оружие— это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению. Необходимость дисциплины признает он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам...

«...Философия Ницше, с ее культом сверхчеловека, для которого все дело в том, чтобы обеспечить полное развитие своей собственной личности, которому всякое подчинение его персоны какой-либо великой общественной цели кажется пошлым и презренным, эта философия есть настоящее миросозерцание интеллигента, она делает его совершенно негодным к участию в классовой борьбе пролетариата.

«На-ряду с Ницше, выдающимся представителем миросозерцания интеллигенции, соответствующего ее настроению, является Ибсен. Его доктор Штокман (в драме «Враг народа») — не социалист, как думали многие, а тип интеллигента, который неизбежно должен притти в столкновение с пролетарским движением, вообще со всяким народным движением, раз он попытается действовать в нем. Это — потому, что основой пролетарского, как и всякого демократического *), движения является уважение к большинству товарищей. Типичный интеллигент à la Штокман видит в «компактном большинстве» чудовище, которое должно быть ниспровергнуто.

«...Идеальным образчиком интеллигента, который всецело проникся пролетарским настроением, который, будучи блестящим писателем, утратил специфически интеллигентские черты психики, который без воркотни шел в ряду и шеренге, работал на всяком посту, на который его назначали, подчинял себя всецело нашему великому делу и презирал то дряблосе хныканье (*weiches Gewinsel*) по поводу подавления своей личности, какое мы слышим часто от интеллигентов, воспитавшихся на Ибсене и Ницше, когда им случается остаться в меньшинстве, — идеальным образчиком такого интеллигента, какие нужны социалистическому движению, был Либкнехт. Можно назвать здесь также и

) Прехарактерно для той путаницы, которую внесли во все организационные вопросы наши мартовцы, что, повернув к Акимову¹ и к неуместному демократизму, они в то же время озлоблены на демократический выбор редакции, выбор на съезде, заранее намеченный всеми! И это, может быть, ваш принцип, господа?

Маркса, который никогда не протискивался на первое место и образцовым образом подчинялся партийной дисциплине в Интернационале, где он не раз оставался в меньшинстве» *).

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигента, оставшегося в меньшинстве, и ничем больше—был отказ Мартова с коллегами от должности после одного только неутверждения старого кружка, были жалобы на юсадное положение и исключительные законы «против отдельных групп», которые не были дороги Мартову при распусчении «Южного Рабочего» и «Рабочего Дела», а стали дороги при распусчении его коллегии.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигентов, оставшихся в меньшинстве, были все эти бесконечные жалобы, упреки, намеки, попреки, сплетни и инсинуации на счет «компактного большинства», которые рекой полились на нашем партийном съезде **) (и еще более после него) с легкой руки Мартова.

Горько сетовало меньшинство на то, что компактное большинство имело свои частные собрания: надо же было, в самом деле, меньшинству прикрыть чем-нибудь тот неприятный для него факт, что те делегаты, кого оно приглашало на свои частные собрания, отказывались идти на них, а те, кто охотно пошел бы (Егоровы, Маховы, Брукеры), не могли быть приглашены меньшинством после всей съездовской борьбы между теми и другими.

Горько сетовали на «ложное обвинение в оппортунизме»: надо же было, в самом деле, прикрыть чем-нибудь тот неприятный факт, что именно оппортунисты, гораздо чаще шедшие за антиискровцами, а отчасти и сами эти антиискровцы, составили компактное меньшинство, уцепились обеими руками за поддержку кружковщины в учреждениях, оппортунизма в рассуждениях, обывательщины в партийном деле, интеллигентской шаткости и хлюпкости.

Мы покажем в следующем параграфе, в чем заключается объяснение того интереснейшего политического факта, что в конце съезда образовалось «компактное большинство», и почему меньшинство так тщательно-тщательно, несмотря на все вызовы, обходит вопрос о причинах и истории его образования. Но сначала закончим анализ прений на съезде.

При выборах в Ц. К. тов. Мартов внес чрезвычайно характерную резолюцию (стр. 336), три основные черты которой я, бывало, называл «матом в три хода». Вот эти черты: 1) балло-

*) Karl Kautsky: «Franz Mehring», «Neue Zeit», XXII, I, S. 101—103, 1903, № 4.

**) См. стр. 337; 338, 340, 352 и др. протоколов съезда.

тируются списки кандидатов в Ц. К., а не отдельные кандидаты; 2) после прочтения списков пропускается два заседания (на обсуждение, очевидно); 3) при отсутствии абсолютного большинства, вторая баллотировка признается окончательной. Эта резолюция—прекрасно обдуманная стратегия (надо отдать справедливость и противнику!), с которой не соглашается тов. Егоров (стр. 337), но которая наверняка обеспечила бы полную победу Мартову, если бы семерка бундовцев и рабочедельцев не ушла со съезда. Объясняется стратегия именно тем, что у искровского меньшинства не было и не могло быть «прямого соглашения» (которое было у искровского большинства) не только с Бундом и с Брукэром, но и с т. т. Егоровыми и Маховыми.

Вспомните, что тов. Мартов плакался на съезде Лиги, будто «ложное обвинение в оппортунизме» предполагало его прямое соглашение с «Бундом». Повторяю, это тов. Мартову со страху показалось, и именно несогласие т. Егорова на баллотирование списков (тов. Егоров «не растерял еще своих принципов», должно быть тех принципов, которые заставляли его слиться с Гольдблатом в оценке абсолютного значения демократических гарантий) показывает наглядно тот громадный важности факт, что даже с Егоровым не могло быть и речи о «прямом соглашении». Но коалиция могла быть и была и с Егоровым и с Брукэром, коалиция в том смысле, что мартовцам была обеспечена поддержка их всякий раз, когда мартовцы приходили в серьезный конфликт с нами и когда Акимову и его друзьям предстояло выбирать меньшее из зол. Не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что в качестве меньшего из зол, в качестве того, что хуже достигает искровских целей (см. речь Акимова о § 1 и его «надежды» на Мартова), т. т. Акимов и Либер непременно выбрали бы и шестерку в Ц. О. и мартовский список в Ц. К. Баллотирование списков, пропуск двух заседаний и перебаллотировка были предназначены именно для того, чтобы достигнуть этого результата с почти механической правильностью без всякого прямого соглашения.

Но поскольку наше компактное большинство оставалось компактным большинством,—обходный путь тов. Мартова был только проволочкой, и мы не могли не отклонить его. Меньшинство письменно (в заявлении, стр. 341) излило свои жалобы на это, отказавшись, по примеру Мартынова и Акимова, от голосований и выборов в Ц. К. «ввиду тех условий, при

которых они производились». После съезда эти жалобы на ненормальность условий выбора (см. «Осадн. пол.», стр. 31) изливались направо и налево перед сотнями партийных кумушек. Но в чем же была тут ненормальность? В тайном голосовании, которое было предусмотрено еще заранее регламентом съезда (§ 6, стр. 11 проток.) и в котором смешно было видеть «лицемерие» или «несправедливость»? В образовании компактного большинства, этого «чудища» для хлюпких интеллигентов? Или в ненормальном желании сих почтенных интеллигентов нарушать то слово, которое они дали перед съездом о признании всех его выборов (стр. 380, § 18 устава съезда)?

Товарищ Попов тонко намекнул на это желание, выступив на съезде в день выборов с прямым вопросом: «Уверено ли бюро, что решение съезда действительно и законно, если половина участвующих отказалась от голосования?» *). Бюро ответило, конечно, что уверено, и напомнило инцидент с товарищами Акимовым и Мартыновым. Тов. Мартов присоединился к бюро и прямо заявил, что тов. Попов ошибается, что «решения съезда законны» (стр. 343). Пусть читатель уже сам судит об этой,— в высокой степени, должно быть, нормальной,—политической последовательности, которая обнаруживается при сопоставлении этого заявления перед партией с поведением после съезда и с фразой «Осадного положения» о «начавшемся еще на съезде восстании половины партии» (стр. 20). Надежды, которые возлагал на тов. Мартова тов. Акимов, перевесили мимолетные добрые намерения самого Мартова.

«Ты победил», товарищ Акимов!

* * *

К характеристике того, до какой степени «страшным словом» была пресловутая фраза об «осадном положении», которой придан теперь навеки трагикомический смысл,—могут служить некоторые мелкие по виду, но очень важные по сущности черточки конца съезда, того конца, который имел место после выборов. Тов. Мартов носит теперь с этим трагикомическим «осадным положением», всерьез уверяя и себя и читателей, что это выдуманное им пугало означало какое-то ненормальное преследование, затравливание, заезжание «меньшинства» «большинством». Мы покажем сейчас, как было дело после съезда. Но возьмите даже

*) Стр. 342. Речь идет о выборе пятого члена в Совет. Подано 24 записки (всего 44 голоса), из них две пустых.

конец съезда, и вы увидите, что после выборов «компактное большинство» не только не преследует несчастеньких, заезжаемых, обижаемых и ведомых на казнь мартовцев, а напротив само предлагает им (устаами Лядова) два места из трех в протокольной комиссии (стр. 354). Возьмите резолюции по тактическим и другим вопросам (стр. 355 и след.) и вы увидите чисто деловое обсуждение по существу, когда подписи товарищей, выносивших резолюции, зачастую показывают вперемежку и представителей чудовищного компактного «большинства», и сторонников «униженного и оскорбленного» «меньшинства» (стр. 355, 357, 363, 365, 367 прот.). Неправда ли, как это похоже на «отстранение от работы» и иное всякое «заезжание»?

Единственный интересный, но, к сожалению, слишком краткий спор по существу возник по поводу староверовской резолюции о либералах. Она была принята съездом, как можно судить по подписям под ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонников «большинства» (Браун, Орлов, Осипов) вотировали и за нее и за плехановскую резолюцию, не усматривая непримиримого противоречия между обеими. Непримиримого противоречия, на первый взгляд, между ними нет, ибо плехановская устанавливает общий принцип, выражает определенное принципиальное и тактическое отношение к буржуазному либерализму в России, а староверовская пытается определить конкретные условия допустимости «временных соглашений» с «либеральными или либерально-демократическими течениями». Темы обеих резолюций разные. Но староверовская страдает именно политической расплывчатостью, будучи в силу этого мелкой и мелочной. Она не определяет классового содержания русского либерализма, она не указывает определенных политических течений, выражающих его, она не разъясняет пролетариату его основных задач пропаганды и агитации в отношении к этим определенным течениям, она смешивает (в силу своей расплывчатости) такие различные вещи, как студенческое движение и «Освобождение», она слишком мелочно, казуистически предписывает три конкретных условия, при которых допустимы «временные соглашения». Политическая расплывчатость и в этом случае, как и во многих других, ведет к казуистичности. Отсутствие общего принципа и попытка перечислить «условия» ведет к мелочному и, строго говоря, неправильному указанию этих условий. В самом деле, посмотрите на эти три староверовских условия: 1) «либеральные или либерально-демократические течения» должны «ясно и недвусмысленно

заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии». В чем состоит отличие либеральных и либерально-демократических течений? Резолюция не дает никакого материала для ответа на этот вопрос. Не в том ли, что либеральные течения выражают позицию наименее прогрессивных политических слоев буржуазии, а либерально-демократические — позицию наиболее прогрессивных слоев буржуазии и мелкой буржуазии? Если да, то неужели т. Старовер считает возможным, что наименее прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе нельзя было бы говорить о либерализме) слои буржуазии «встанут решительно на сторону социал-демократии»? Это абсурд, и если представители такого течения даже и «заявили бы это ясно и недвусмысленно» (предположение совершенно невозможное), то мы, партия пролетариата, обязаны были бы не верить их заявлениям. Быть либералом и становиться решительно на сторону социал-демократии, — одно исключает другое.

Далее. Допустим такой случай, что «либеральные или либерально-демократические течения» ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавием они становятся решительно на сторону социалистов-революционеров. Предположение это гораздо менее невероятно (в силу буржуазно-демократической сущности направления социалистов-революционеров), чем предположение тов. Старовера. По смыслу его резолюции, в силу ее расплывчатости и казуистичности, выходит, что в таком случае временные соглашения с подобными либералами недопустимы. Между тем, этот неизбежный вывод из резолюции т. Старовера приводит к положению прямо неверному. Временные соглашения допустимы и с социалистами-революционерами (см. резолюцию съезда о них), а, следовательно, и с либералами, которые встали бы на сторону социалистов-революционеров.

Второе условие: если эти течения «не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание». И тут та же ошибка: не бывало и быть не может таких либерально-демократических течений, которые бы не представляли в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и не затемняли его (пролетариата) сознание. Даже одна из самых демократических фракций нашего либерально-демократического течения, фракция социалистов-революционеров, выставляет в своей программе, запутанной, как и все либеральные

программы, требования, идущие в разрез с интересами рабочего класса и затемняющие его сознание. Из этого факта следует выводить необходимость «разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии», но отнюдь не недопустимость временных соглашений.

Наконец, и третье «условие» тов. Старовера (чтобы лозунгом своей борьбы либералы-демократы сделали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) неправильно в той общей постановке, которая ему придана: временные и частные соглашения неразумно было бы объявлять ни в каком случае недопустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые выставляли бы лозунг цензовой конституции, «куцой» конституции вообще. В сущности, именно сюда подошло бы «течение» г. г. «освобожденцев», но связывать себе руки, запрещая наперед «временные соглашения», хотя бы и с самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма.

Итог: резолюция тов. Старовера, подписанная также т.т. Мартовым и Аксельродом, ошибочна, и третий съезд поступит разумно, если отменит ее. Она страдает политической расплывчатостью теоретической и тактической позиции, казуистичностью—практических «условий», требуемых ею. Она смешивает два вопроса: 1) разоблачение «анти-революционных и пролетарских» черт всякого либерально-демократического течения и обязательность борьбы с этими чертами, и 2) условие временных и частных соглашений с любым из таких течений. Она не дает того, что надо (анализа классового содержания либерализма), и дает то, чего не надо (предписание «условий»). На партийном съезде вообще нелепо вырабатывать конкретные «условия» временных соглашений, когда нет налицо даже определенного контрагента — субъекта таких возможных соглашений; да если бы и был таковой «субъект» налицо, то во сто раз рациональнее было бы предоставить определение «условий» временного соглашения центральным учреждениям партии, как это и сделано съездом по отношению к «течению» г. г. социалистов-революционеров (см. плехановское видоизменение конца резолюции тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколов).

Что касается до возражений «меньшинства» против резолюции Плеханова, то единственный довод т. Мартова гласил: резолюция Плеханова «кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Не будет ли это—итти на «муху с обухом»? (стр. 358). Довод этот, в котором отсутствие мысли прикрывается хлест-

ким словечком—«мизерный вывод»,—дает нам новый образчик претенциозной фразы. Во-первых, резолюция Плеханова говорит о «разоблачении перед пролетариатом ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эти ограниченность и недостаточность». Поэтому чистейшими пустяками является утверждение тов. Мартова (на съезде Лиги, стр. 88 протоколов), что «все внимание должно быть обращено на одного Струве, одного либерала». Во-вторых, сравнивать господина Струве с «мухой», когда речь идет о возможности временных соглашений с русскими либералами, значит приносить в жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нет, г. Струве не муха, а политическая величина, и он является таковой не потому, чтобы он лично был очепь крупной фигурой. Значение политической величины дает ему его позиция, позиция единственного представителя русского либерализма, хоть сколько-нибудь дееспособного и организованного либерализма, в нелегальном мире. Поэтому говорить о русских либералах и об отношении к ним нашей партии и не иметь в виду именно г. Струве, именно «Освобождения»—значит говорить, чтобы ничего не сказать. Или, может быть, тов. Мартов попытается указать нам хоть одно единственное «либеральное или либерально-демократическое течение» в России, которое хоть отдаленно могло бы сравниться в настоящее время с «освобожденским» течением? Интересно было бы посмотреть на такую попытку! *).

*) На съезде Лиги тов. Мартов привел еще такой довод против резолюции тов. Плеханова: «Главное соображение против нее, главный недостаток этой резолюции заключается в том, что она совершенно игнорирует то, что наша обязанность—не уклоняться в борьбе с самодержавием от союза с либерально-демократическими элементами. Тов. Ленин назвал бы подобную тенденцию Мартыновской. В новой «Искре» тенденция эта уже проявляется» (стр. 88).

Этот пассаж—редкое, по своему богатству, собрание «перлов». 1) Сугубой путаницей являются слова о союзе с либералами. Никто и не говорил о союзе, тов. Мартов, а лишь о временных или частных соглашениях. Это большая разница. 2) Если Плеханов в резолюции игнорирует невероятный «союз» и говорит лишь вообще о «поддержке», то это не недостаток, а достоинство его резолюции. 3) Не потрудится ли тов. Мартов объяснить нам, чем характеризуются вообще «Мартыновские тенденции»? Не расскажет ли он нам об отношении этих тенденций к оппортунизму? Не проследит ли он отношение этих тенденций к параграфу первому устава? 4) Я положительно сгораю от нетерпения услышать от тов. Мартова, в чем проявились «Мартыновские тенденции» в «новой» «Искре»? Пожалуйста, избавьте меня скорее от муки ожидания, тов. Мартов!

«Имя Струве ничего не говорит рабочим»,—поддерживал т. Костров тов. Мартова. Это уже довод, не во гнев будь сказано т. Кострову и т. Мартову,—Акимовский. Это уже вроде пролетариата в родительном падеже.

Каким рабочим «ничего не говорит имя Струве» (и имя «Освобождения», названного в резолюции т. Плеханова рядом с именем г. Струве)? Таким, которые до последней степени мало знакомы, или вовсе незнакомы, с «либеральными и либерально-демократическими течениями» в России. Спрашивается, в чем должно состоять отношение нашего партийного съезда к таким рабочим: в том ли, чтобы поручить членам партии знакомить этих рабочих с единственным определенным либеральным течением в России, или в том, чтобы умалчивать об мало знакомом для рабочих имени по случаю собственно их малого знакомства с политикой? Если т. Костров, сделав первый шаг за т. Акимовым, не захочет сделать и второго шага за ним, то он наверное решит этот вопрос в первом смысле. А решив его в первом смысле, он увидит, как несостоятелен был его довод. Во всяком случае слова: «Струве» и «Освобождение» в плехановской резолюции во много раз больше могут дать рабочим, чем слова: «либеральное и либерально-демократическое течение» в резолюции Старовера.

Русский рабочий не может в настоящее время ознакомиться на практике с сколько-нибудь откровенными политическими тенденциями нашего либерализма иначе, как по «Освобождению». Легальная либеральная литература негодна тут именно в силу ее туманности. И мы должны как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против «освобожденцев», чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки г.г. освобожденцев урезать демократический характер переворота.

●

Кроме отмеченного мною выше «недоумения» тов. Егорова по вопросу о «поддержке» нами оппозиционного и революционного движения, прения о резолюциях не дали интересного материала, да и прений почти не было.

Съезд закончился кратким напоминанием председателя об обязательности постановлений съезда для всех членов партии.

н) Общая картина борьбы на съезде. Революционное и оппортунистическое крыло партии.

Закончив анализ прений и голосований на съезде, мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основании всего съездовского материала ответить на вопрос: из каких элементов, групп и оттенков сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которое мы видели на выборах и которому суждено было на некоторое время стать основным нашим партийным делением? Необходимо подвести итоги всему тому материалу относительно принципиальных, теоретических и тактических оттенков, который в таком богатстве представлен протоколами съезда. Без общей «сводки», без общей картины всего съезда и всех главнейших группировок при голосованиях, этот материал остается слишком дробным, разбросанным, так что на первый взгляд те или иные отдельные группировки кажутся случайными, особенно тому, кто не дает себе труда самостоятельного и всестороннего изучения протоколов съезда (а много ли таких читателей, которые дали себе этот труд?).

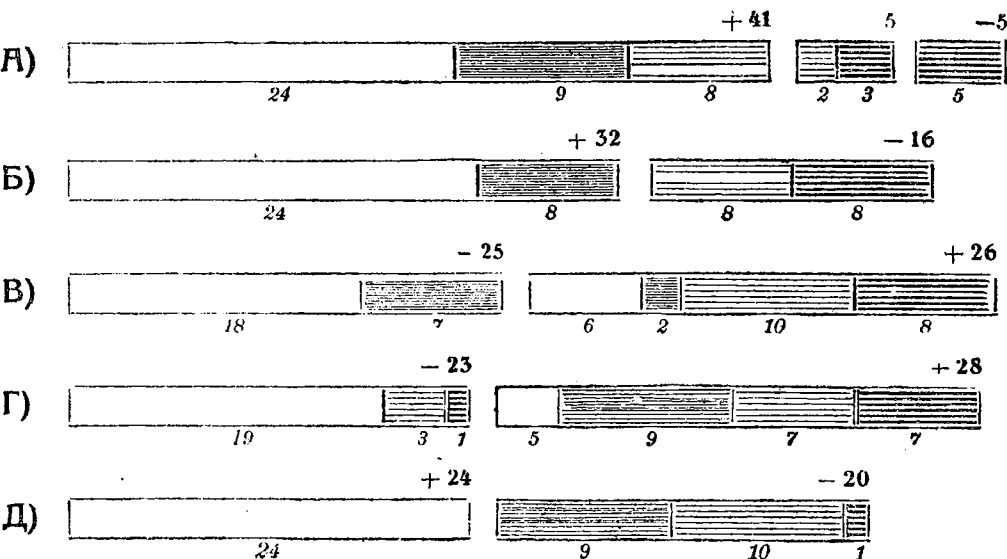
В английских парламентских отчетах часто встречается характерное слово *division*—разделение. Палата «разделилась» на такое-то большинство и меньшинство,—говорят про голосование известного вопроса. «Разделение» нашей социал-демократической палаты по различным, обсуждавшимся на съезде, вопросам дает единственную в своем роде, незаменимую по полноте и точности картину внутренней борьбы в партии, картину ее оттенков и групп. Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую картину, а не грудку бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и бестолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить все основные типы «разделений» нашего съезда в виде диаграммы. Такой прием покажется, наверно, странным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного. Вотирует ли за или против известного предложения тот или иной делегат,—это можно установить при именных голосованиях с безусловной точностью, а по некоторым важным неименным голосованиям это можно определить, на основании протоколов, с громадной сте-

пенью вероятности, с достаточной степенью приближения к истине. Если принять при этом во внимание все именные голосования и все те неименные, в которых затрагивались сколько-нибудь важные (судя, например, по обстоятельности и страстности прений) вопросы, то получится изображение нашей внутрипартийной борьбы, отличающееся наибольшей достижимой, при наличном материале, объективностью. При этом вместо фотографического изображения, т.-е. изображения каждого голосования в отдельности, мы постараемся дать картину, т.-е. привести все главные типы голосований, игнорируя неважные сравнительно отступления и разновидности, которые могли бы только запутать дело. Во всяком случае, на основании протоколов всякий в состоянии будет проверить каждый штрих в нашей картине, дополнить ее каким угодно отдельным голосованием, одним словом, критиковать ее не только путем соображений, сомнений и указаний на единичные казусы, а путем составления иной картины на основании того же материала.

Нанеся на диаграмму каждого принимавшего участие в голосовании делегата, мы будем отмечать особой штриховкой те четыре основные группы, которые мы подробно прослеживали в течение всего хода дебатов на съезде, именно: 1) искровцев большинства; 2) искровцев меньшинства; 3) «центр», и 4) антиискровцев. Различие принципиальных оттенков между этими группами мы видели на массе примеров, и если кому-либо не нравятся названия групп, слишком напоминающие любителям зигзагов об организации «Искры» и о направлении «Искры», то мы заметим им, что дело не в названии. Теперь, когда оттенки прослежены нами на всех дебатах съезда, легко можно заменить установившиеся уже и привычные партийные клички (режущие кое-кому ухо) характеристикой существа оттенков между группами. При такой замене мы получили бы для тех же четырех групп следующие названия: 1) последовательные революционные социал-демократы; 2) оппортунисты маленькие; 3) оппортунисты средние, и 4) оппортунисты большие (на наш русский масштаб большие). Будем надеяться, что эти названия меньше станут шокировать тех, кто с некоторого времени стал уверять себя и других, будто «искровец» — есть название, объемлющее лишь «кружок», а не направление.

Перейдем к подробному изложению того, какие типы голосований «сняты» на нижеследующей диаграмме:

Общая картина борьбы на съезде.

Цифры с + и с — означают общее число голосов, поданных по известным вопросам *за* или *против*. Цифры внизу полосок означают число голосов каждой из четырех групп. Какого рода голосования объемлются типами А—Д, изложено в тексте.

Обозначение групп:	
	— ИСКРОВЦЫ БОЛЬШИНСТВА
	— ИСКРОВЦЫ МЕНЬШИНСТВА
	— ЦЕНТР
	— АНТИИСКРОВЦЫ

Первый тип голосований (А) охватывает те случаи, когда вместе с искровцами шел «центр» против антиискровцев или против части их. Сюда относятся: голосование программы в целом (один только т. Акимов воздержался, остальные за), голосование принципиальной резолюции против федерации (все за, кроме пяти бундовцев), голосование § 2 устава Бунда (против нас пять бундовцев, воздержались пятеро: Мартынов, Акимов, Брукэр и Махов с двумя голосами, остальные с нами); это голосование и представлено на диаграмме А. Далее, того же типа были три голосования по вопросу об утверждении ц. органом партии «Искры»; редакция (пять голосов) воздерживалась, против были во всех трех голосованиях двое (Акимов и Брукэр) и, кроме того,

при голосовании мотивов утверждения «Искры» воздержались пять бундовцев и тов. Мартинов *).

Рассматриваемый тип голосований дает ответ на чрезвычайно интересный и важный вопрос: когда «центр» съезда шел вместе с искровцами? Либо тогда, когда и антиискровцы были с нами, за малыми исключениями (принятие программы, утверждение «Искры» независимо от мотивов), либо тогда, когда дело шло о таких заявлениях, которые еще непосредственно к определенной политической позиции не обязывают (признание организационной работы «Искры» не обязывает еще проводить на деле ее организационную политику в отношении частных групп; отвержение федерации не мешает еще воздерживаться по вопросу о конкретном проекте федерации, как мы видели на примере т. Махова). Мы видели уже выше, говоря о значении группировок на съезде вообще, до какой степени неверно представляется этот вопрос в официальном изложении официальной «Искры», которая (устаи т. Мартова) затирает и затушевывает разницу между искровцами и «центром», между последовательными революционными социал-демократами и оппортунистами, посредством ссылки на такие случаи, когда и антиискровцы шли с нами! Даже наиболее «правые» из немецких и французских оппортунистов в социал-демократических партиях не голосуют против по таким пунктам, как признание программы в целом.

Второй тип голосований (Б) обнимает те случаи, когда искровцы последовательные и непоследовательные шли вместе против всех анти-искровцев и всего «центра». Эти случаи относятся, главным образом, к тем вопросам, когда дело шло о проведении в жизнь конкретно-определенных планов искровской политики, когда речь шла о признании «Искры» на деле, а не на словах только. Сюда относится инцидент с О. К. **), постановка

*) Почему для изображения на диаграмме взято именно голосование о § 2 устава Бунда? Потому, что голосования о признании «Искры» менее полны, а голосования о программе и о федерации касаются менее определенных конкретно-политических решений. Вообще выбор того или другого из ряда однородных голосований несколько не изменит основных черт картины, как в этом легко убедится каждый, сделав соответствующие изменения.

**) Именно это голосование изображено на диаграмме Б: у искровцев было 32 голоса, за резолюцию бундовца 16. Заметим, что из голосований этого типа нет ни одного именного голосования. На распределение делегатов указывают лишь с громадной степенью вероятности двоякого рода данные: 1) в прениях ораторы обеих групп искровцев высказываются за ораторы антиискровцев и центра—против; 2) числа голосов «за» всегда

вопроса о положении Бунда в партии на первое место, распускание группы «Южный Рабочий», два голосования об аграрной программе и, наконец, в-шестых, голосование против заграничного Союза Русских Социал-Демократов («Рабочего Дела»), т.-е. признание Лиги единственной организацией партии за границей. Старая, до-партийная кружковщина, интересы оппортунистических организаций или группок, узкое понимание марксизма боролись здесь с принципиально-выдержанной и последовательной политикой революционной социал-демократии; искровцы меньшинства шли еще с нами в целом ряде случаев, в целом ряде крайне важных (с точки зрения О. К., «Южного Рабочего», «Рабочего Дела») голосований,... пока дело не коснулось их собственной кружковщины, их собственной непоследовательности. «Разделения» рассматриваемого типа наглядно показывают, что в ряде вопросов о проведении в жизнь наших принципов центр шел с антиискровцами, оказывался гораздо ближе к ним, чем к нам, гораздо более склонным на деле к оппортунистическому, чем к революционному крылу социал-демократии. «Искровцы» по названию, стыдившиеся быть искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбежная борьба вносила не мало раздражения, которое заслоняло от наименее вдумчивых и наиболее впечатлительных лиц значение вскрывающихся в этой борьбе принципиальных оттенков. Но теперь, когда улегся несколько пыл борьбы и протоколы остались объективным экстрактом ряда горячих сражений, теперь только люди, закрывающие глаза, могут не видеть, что соединение Маховых и Егоровых с Акимовыми и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью. Мартову и Аксельроду только и остается сторониться от всестороннего и точного анализа протоколов или пытаться задним числом переделать свое поведение на съезде, посредством всяческих выражений сожаления. Точно сожалением можно устранить различие взглядов и различие политики! точно теперешний союз Мартова и Аксельрода с Акимовым, Брукером и Мартыновым может заставить нашу партию, восстановленную на втором съезде, забыть о борьбе, которую вели искровцы с антиискровцами в течение почти всего съезда!

очень близко подходят к цифре 33. Не надо забывать также, что, анализируя прения на съезде, мы отмечали, и помимо голосований, целый ряд случаев, когда «центр» шел с антиискровцами (с оппортунистами) против нас. Сюда относятся вопросы об абсолютной ценности демократических требований, о поддержке оппозиционных элементов, об ограничении централизма и т. д.

Третий тип голосований на съезде, охватывающий три последние части диаграммы из пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тем, что небольшая часть искровцев отделяется и переходит на сторону антиискровцев, которые поэтому и побеждают (пока остаются на съезде). Чтобы проследить с полной точностью развитие этой знаменитой коалиции искровского меньшинства с антиискровцами, одно упоминание о которой доводило Мартова до истерических посланий на съезде, приводятся все три основных типа именных голосований этого рода. В—это голосование по вопросу о равноправии языков (взято последнее из трех именных голосований по этому пункту, как самое полное). Все антиискровцы и весь центр стеной стоят против нас, из искровцев же отделилась часть большинства и часть меньшинства. Еще не видно, какие искровцы способны к окончательной и прочной коалиции с оппортунистической «правой» съезда. Далее, голосование типа Г—о первом параграфе устава (из двух голосований взято более определенное, т. е. когда никто не воздерживался). Коалиция обрисовывается рельефнее и складывается прочнее *): искровцы меньшинства все уже стоят на стороне Акимова и Либера, из искровцев большинства—очень небольшое число, возмещающее перешедших на нашу сторону трех из «центров» и одного из антиискровцев. Достаточно простого взгляда на диаграмму, чтобы убедиться в том, какие элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону и какие шли с неудержимой силой к прочной коалиции с Акимовыми. На последнем голосовании (Д—выборы в Ц. О., в Ц. К. и в Совет Партии), которое представляет именно окончательное деление на большинство и меньшинство, ясно видно полное слияние искровского меньшинства со всем «центром» и с остатками антиискровцев. Из восьми антиискровцев к этому времени остался на съезде один тов. Брукер (которому тов. Акимов разъяснил уже его ошибку и который занял принадлежащее ему по праву,

*) Судя по всему, того же типа было еще четыре голосования по уставу, стр. 278—27 за Фомина против 21 наших; стр. 279—26 за Мартова против 24 за нас; стр. 280—27 против меня, 22 за Мартова и там же—за Мартова 24 против 23 за нас. Это—затронутые уже мной раньше голосования по вопросам о кооптации в центры. Именных голосований нет (одно было, но затеряно). Бундовцы (все или часть), видимо, спасают Мартова. Ошибочные утверждения Мартова (в Лиге) относительно голосований этого типа исправлены выше.

место в рядах мартовцев). Уход семерки наиболее «правых» оппортунистов решил судьбу выборов против Мартова.

И вот теперь подведем итоги съезду, опираясь на объективные данные о голосованиях всякого типа.

Много толковали о «случайном» характере большинства на нашем съезде. Тов. Мартов только этим доводом и утешал себя в своем «Еще раз в меньшинстве». Из диаграммы ясно видно, что в одном смысле, но только в одном, можно назвать большинство случайным, именно в том смысле, что, де, семерка наиболее оппортунистических элементов «правой» ушла случайно. Поскольку случаен этот уход, постольку (не более) случайно и наше большинство. Простой взгляд на диаграмму лучше длинных рассуждений показывает, на чьей стороне была бы, должна бы была быть эта семерка *). Но спрашивается, поскольку действительно можно считать случайным уход этой семерки? Вот вопрос, которого не любят задавать себе люди, охотно говорящие о «случайности» большинства. Неприятный это для них вопрос. Случайно ли то, что ушли наиболее ярые представители правого, а не левого крыла нашей партии? Случайно ли то, что ушли оппортунисты, а не последовательные революционные социал-демократы? Не стоит ли этот «случайный» уход в некоторой связи с той борьбой против оппортунистического крыла, которая велась в течение всего съезда и которая так наглядно выступает на нашей диаграмме?

Достаточно поставить эти неприятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себе, какой факт прикрывается толками о случайности большинства. Это тот несомненный и неоспоримый факт, что меньшинство составили наиболее тяготеющие к оппортунизму члены нашей партии. Меньшинство составили наименее устойчивые теоретически, наименее выдержанные принципиально элементы партии. Меньшинство образовалось именно из правого крыла партии. Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиранду, которое не вчера только появилось не в одной только русской рабочей партии и которое, наверное, не завтра исчезнет.

Этот факт имеет кардинальное значение в деле выяснения при-

*) Мы увидим ниже, что после съезда и тов. Акимов и Воронежский Комитет, наиболее родственны тов. Акимову, прямо и выразили свое сочувствие «меньшинству».

чин и перипетий расхождений. Пытаться обойти этот факт, посредством отрицания или затушевывания борьбы на съезде и сказавшихся в ней принципиальных оттенков,—значит выдавать себе полнейшее свидетельство об умственной и политической бедности. А чтобы опровергнуть этот факт, надо, во-первых, показать, что общая картина голосований и «разделений» на нашем партийном съезде была не такая, которая приведена мною; надо, во-вторых, показать, что по существу всех тех вопросов, из-за которых «разделялся» съезд, неправы были те наиболее последовательные революционные социал-демократы, которые связали себя в России с именем искровцев *). Попробуйте-ка показать это, господа!

Факт оставления меньшинства из наиболее оппортунистических, наименее устойчивых и наименее выдержанных элементов партии указывает, между прочим, ответ на многие недоумения и возражения, с которыми обращаются к большинству люди, плохо знакомые с делом или плохо продумавшие вопрос. Не мелко ли это, говорят нам, объяснять расхождение маленькой ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа, ошибка тов. Мартова была невелика (и я еще не съезде, в полу борьбе, отметил это), но из этой маленькой ошибки могло получиться (и получилось) много вреда в силу того, что тов. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сделавшие целый ряд ошибок, проявившие на целом ряде вопросов тяготение к оппортунизму и принципиальную невыдержанность. Индивидуальным и неважным фактом было проявление неустойчивости со стороны тов. Мартова и тов. Аксельрода, но не индивидуальным, а партийным и не совсем неважным фактом было образова-

*) Примечание для тов. Мартова. Если тов. Мартов забыл теперь, что искровец означает сторонник направления, а не член кружка, то мы советуем ему прочесть в протоколах съезда разъяснение этого вопроса тов. Троцким тов. Акимову. Искровскими кружками были на съезде (по отношению к партии) три кружка: группа «Освобождение Труда», редакция «Искры», организация «Искры». Два кружка из этих трех были так разумны, что сами распустили себя; третий проявил недостаточно партийности, чтобы сделать это, и был распущен съездом. Самый широкий искровский кружок, организация «Искры» (включавшая в себя и редакцию и группу «Освобождение Труда»), насчитывал на съезде всего 16 человек, из которых только одиннадцать имели решающий голос. Искровцев же по направлению, не принадлежавших ни к какому искровскому «кружку», было на съезде, по моему счету, 27 с 33 голосами. Значит, из искровцев меньше половины принадлежали к искровским кружкам.

ние весьма и весьма значительного меньшинства из всех, наименее устойчивых элементов, из всех тех, кто либо вовсе не признавал направления «Искры» и прямо боролся с ним, либо признавал на словах, а на деле сплошь да рядом шел с антиискровцами.

Не смешно ли объяснять расхождение господством заско-рузлой кружковщины и революционной обывательщины в маленьком кружке старой редакции «Искры»? Нет, это не смешно, потому что на «поддержку» этой индивидуальной кружковщины встало все то в нашей партии, что боролось в течение всего съезда за всякую кружковщину, все то, что вообще не могло подняться над революционной обывательщиной, все то, что ссылалось на «исторический» характер обывательского и кружковщинского зла для оправдания и сохранения этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узко-кружковые интересы одержали верх над партийностью в одном маленьком кружке редакции «Искры». Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали т. т. Акимовы и Брукэры, которым не менее (если не более) дорога была «историческая преемственность» знаменитого Воронежского Комитета и пресловутой Петербургской «Рабочей» Организации, встали т. т. Егоровы, которые оплакивали «убийство» «Рабочего Дела» так же горько (если не еще более горько), как и «убийство» старой редакции, встали т. т. Маховы и пр. и пр. Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты такой,—гласит житейская мудрость. Скажи мне, кто твой политический союзник, кто за тебя голосует,—и я тебе скажу, какова твоя политическая физиономия.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться мелкой, покуда она не послужила исходным пунктом для прочного союза их со всем оппортунистическим крылом нашей партии, покуда она не повела в силу этого союза к отрывке оппортунизма, к реваншу всех тех, с кем боролась «Искра» и кто готов был с величайшей радостью сорвать теперь сердце на последовательных сторонниках революционной социал-демократии. Послесъездовские события как раз и привели к тому, что в новой «Искре» мы видим именно отрывку оппортунизма, реванш Акимовых и Брукэров (см. листок Воронежского Комитета), восторги Мартыновых, которым наконец-то (наконец-то!) позволили в ненавистной «Искре» лягнуть ненавистного «врага» за все и всяческие прошлые обиды. Это особенно наглядно показывает нам, до какой степени необходимо было «всестановление старой редакции Искры» (из ультиматума тов. Стар-

вера от 3 ноября 1903 г.) для охранения искровской «преемственности»...

Сам по себе факт разделения съезда (и партии) на левое и правое, революционное и оппортунистическое крыло не представлял еще из себя не только ничего страшного и ничего критического, но даже и ровно ничего ненормального. Напротив, все последнее десятилетие в истории русской (и не только русской) социал-демократии неизбежно и неминуемо приводило к такому разделению. Что основанием для разделения был ряд весьма мелких ошибок правого крыла, весьма неважных (сравнительно) разногласий,—это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующим) означало большой шаг вперед всей нашей партии в целом. Раньше мы расходились из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь оттенки, из-за которых можно и должно спорить, но нелепо и ребячески было бы расходиться (как и сказал уже совершенно справедливо товарищ Плеханов в интересной статье «Чего не делать?», к которой мы еще вернемся). Теперь, когда анархическое поведение меньшинства после съезда почти привело партию к расколу, часто можно встретить мудрецов, которые говорят: да стоило ли вообще бороться на съезде из-за таких мелочей, как инцидент с О. К., распускание группы «Южного Рабочего», или «Рабочего Дела», § 1, распускание старой редакции и т. п.? Кто рассуждает так *), тот вносит именно кружковую точку зрения в партийные дела: борьба оттенков в партии неизбежна и необходима, покуда борьба не ведет к анархии и к расколу, покуда борьба идет в рамках, одобренных сообща всеми товарищами и членами партии. И наша борьба с правым крылом партии на съезде, с Акимовым и Аксельродом, с Мартыновым и Мартовым, от-

*) Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!—жаловался он мне.—Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь—наш съезд!—отвечал я ему.—Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы намечились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед!—вот это я понимаю. Это жизнь. Это не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках.

нюдь не выходила из этих рамок. Достаточно вспомнить два факта, свидетельствующих об этом самым бесспорным образом: 1) когда т. т. Мартынов и Акимов уходили со съезда, мы все готовы были всячески отстранить мысль об «оскорблении», мы все принимали (32 голосами) резолюцию тов. Троцкого, приглашающую этих товарищей удовлетвориться разъяснениями и взять назад свое заявление; 2) когда дело дошло до выбора центров, мы давали меньшинству (или оппортунистическому крылу) съезда меньшинство в обоих центрах: Мартову в Ц. О., Попову в Ц. К. Иначе мы не могли поступить с партийной точки зрения, раз было решено нами еще до съезда выбирать две тройки. Если различие оттенков, обнаружившихся на съезде, было невелико, то невелик, ведь, был и практический вывод, сделанный нами из борьбы этих оттенков: этот вывод исключительно сводился к тому, что две трети в обеих тройках следует предоставить большинству партийного съезда.

Только несогласие меньшинства на партийном съезде быть меньшинством в центрах привело сначала к «дряблему хныканью» потерпевших поражение интеллигентов, а потом к анархической фразе и к анархическим действиям.

В заключение, взглянем еще раз на диаграмму с точки зрения вопроса о составе центров. Совершенно естественно, что, кроме вопроса об оттенках, перед делегатами стоял также при выборах вопрос о пригодности, работоспособности и т. п. того или другого лица. Теперь меньшинство очень охотно прибегает к смешению этих вопросов. А что это вопросы разные,—понятно само собой и видно хотя бы из того простого факта, что выбор первоначальной тройки в Ц. О. был намечен еще до съезда, когда союза Мартова и Аксельрода с Мартыновым и Акимовым не мог предвидеть ни единый человек. На разные вопросы ответ должен быть получаем разными способами: на вопрос об оттенках надо искать ответа в протоколах съезда, в открытом обсуждении и голосовании всех и всяческих пунктов. Вопрос о пригодности лиц решено было всеми на съезде решать тайными голосованиями. Почему весь съезд единогласно принял такое решение?—это такой азбучный вопрос, на котором странно было бы останавливаться. Но меньшинство стало забывать (после своего поражения на выборах) даже азбуку. Мы слышали потоки горячих, страстных, возбужденных почти до невменяемости речей в защиту старой редакции, но мы не слышали ровно ничего о тех оттенках на съезде, которые связаны

были с борьбой за шестерку и за тройку. Мы слышим из всех углов толки и рассказы о недееспособности, непригодности, злонамеренности и пр. лиц, выбранных в Ц. К., но мы не слышим ровно ничего о тех оттенках на съезде, которые боролись за преобладание в Ц. К. Мне кажется, что вне съезда неприличны и недостойны рассказы и толки о качествах и действиях лиц (ибо эти действия составляют, в 99 случаях из 100, организационную тайну, раскрываемую лишь перед высшей инстанцией партии). Вести вне съезда борьбу посредством таких рассказов значило бы, по моему убеждению, действовать сплетнически. И единственный ответ, который я мог бы дать публике по поводу этих толков, состоял бы в указании на съездовскую борьбу: вы говорите, что Ц. К. выбран небольшим большинством. Это верно. Но это небольшое большинство составилось из всех тех, кто самым последовательным образом, не на словах, а на деле, боролся за проведение искровских планов. Моральный авторитет этого большинства должен быть, поэтому, еще несравненно выше его формального авторитета, — выше для всех, кто ценит преемственность направления «Искры» выше преемственности того или иного кружка «Искры». Кто компетентнее мог бы судить о пригодности тех или иных лиц для проведения политики «Искры»? те ли, кто проводил эту политику на съезде, или те, кто в целом ряде случаев боролся с этой политикой и отстаивал всякую отсталость, всякий хлам, всякую кружковщину?

о) После съезда. Два приема борьбы.

Анализ прений и голосований на съезде, с которым мы закончили, объясняет собственно *in nuce* (в зародыше) все, что было после съезда, и мы можем быть краткими, отмечая дельнейшие этапы нашего партийного кризиса.

Отказ Мартова и Попова от выборов внес сразу атмосферу дразги в партийную борьбу партийных оттенков. Тов. Глебов, считая невероятным, что невыбранные редакторы серьезно решили повернуть к Акимову и Мартынову, и объясняя дело прежде всего раздражением, предложил мне и Плеханову на другой же день после съезда покончить миром, «кооптировать» всех четырех под условием обеспечения представительства в Совете от редакции (т.е. чтобы из двух представителей один обязательно принадлежал к партийному большинству). Условие это показалось Плеханову и мне рациональным, ибо согласие на него означало молчаливое признание ошибки на съезде, жела-

ние мира, а не войны, желание быть ближе к нам с Плехановым, чем к Акимову с Мартыновым, к Егорову с Маховым. Уступка по части «кооптации» принимала, таким образом, личный характер, а отказываться от личной уступки, которая должна устранить раздражение и восстановить мир, не стоило. Поэтому мы дали с Плехановым свое согласие. Редакционное большинство отвергло условие. Глебов уехал. Мы стали выжидать последствий: удержится ли Мартов на лояльной почве, на которую он встал (против представителя центра, тов. Попова) на съезде, или неустойчивые и склонные к расколу элементы, за которыми он пошел, возьмут верх.

Мы стояли перед дилеммой: пожелает ли тов. Мартов считать свою съездовскую «коалицию» единичным политическим фактом (вроде того, как была единичным случаем коалиция Бебеля с Фольмаром в 1895 г.—*si licet parva compromere magnis*^{*)}), или он пожелает закрепить эту коалицию, направит все усилия, чтобы доказать нашу с Плехановым ошибку на съезде, станет настоящим вожаком оппортунистического крыла нашей партии. Иными словами эта дилемма формулировалась так: дрызга или политическая партийная борьба? Из нас троих, которые были на другой день после съезда единственными паличными членами центральных учреждений, Глебов наиболее склонялся к первому решению дилеммы и наиболее старался помирить поссорившихся детей. Ко второму решению наиболее склонялся тов. Плеханов, к которому, что называется, приступу не было. Я изображал из себя на этот раз «центр» или «болото» и попробовал обратиться с убеждениями. В настоящее время пытаться восстанавливать словесные убеждения было бы предприятием безнадежно-путанным, и я не последую дурному примеру тов. Мартова и тов. Плеханова. Но некоторые места из юдного письменного убеждения, адресованного мною к одному из искряков «меньшинства», считаю необходимым воспроизвести:

...«Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и др. литераторов партии, отказ работать на Ц. К. целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей приведет к расколу партии. Если даже Мартов будет удерживаться на лояльной почве (на которую он так решительно встал на съезде), то другие не удержатся,—и указанный мною исход будет неизбежен...

*) «Если можно малое сравнивать с большим». Ред.

«...И вот, я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдёмся?... Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, «бешено», я охотно готов признать пред кем угодно эту свою вину, если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc... Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства.

«Конечно, обидным не могло не быть уже то, что пришлось остаться в меньшинстве, но я категорически протестую против мысли о том, чтобы мы «пятнали» кого-либо, чтобы мы хотели оскорбить или унижить кого-либо. Ничего подобного. И не след допускать, чтобы политическое расхождение вело к истолкованию событий посредством обвинения другой стороны в недобросовестности, прохвостничестве, интриганстве и пр. милых вещах, о которых все чаще и чаще слышишь в атмосфере надвигающегося раскола. Не след допускать этого, ибо это, по меньшей мере, до *non plus ultra* *) неразумно.

«Мы политически (и организационно) разошлись с Мартовым, как расходились с ним десятки раз. Будучи побежден на вопросе о § 1 устава, я не мог не стремиться со всей энергией к реваншу на том, что у меня (и у съезда) оставалось. Я не мог не стремиться, с одной стороны, к строго искровскому Ц. К.,—с другой, к редакционной тройке... Я считаю эту тройку единственно способной быть должностным учреждением, а не коллегией, основанной на семейственности и халатности, единственным постоянным центром, в котором каждый и всегда вносил бы и отстаивал свою партийную точку зрения, ни на волос больше и irrespective от всего личного, от всяких соображений об обиде, об уходе и пр.

«Эта тройка, после событий на съезде, несомненно узаконяла политическую и организационную линию, в одном отношении направленную против Мартова. Несомненно. Из-за этого рвать? Из-за этого ломать партию?? А разве по вопросу о демонстрациях не были Мартов и Плеханов против меня? А разве по вопросу о программе не был я и Мартов против Плеханова? Разве всякая тройка не обращается всегда одной своей стороной против каждого участника? Если большинство искровцев и в организации «Искры», и на съезде нашло ошибочным вот этот специальный оттенок Мартовской линии в организационном и политическом отношении, неужели не безумны, в самом деле, попытки объяснять это каким-то «подстраиваньем», да «натравливанием» и т. п.? Неужели не безумно было бы отговариваться от этого факта, обругавши это большинство «шпаной»?

*) «До крайности». Ред.

«Повторяю: я, как и большинство ~~искрошцев~~ съезда, глубоко убежден, что Мартов взял неверную линию и что его надо было поправить. Строить обиду из-за этой поправки, выводить отсюда оскорбления etc.—неразумно. Никого и ни в чем мы не «пятнали», не «пятнаем» и не устраним от работы. А из-за устранения от центра поднимать раскол было бы непостижимым для меня безумием»^{*)}).

Эти письменные мои заявления я считал необходимым восстановить теперь, ибо они точно показывают стремление большинства сразу провести определенную грань между возможными (и неизбежными при горячей борьбе) личными обидами и личным раздражением в силу резкости и «бешенства» нападков и т. п., с одной стороны,—и известной политической ошибкой, политической линией (коалиция с правым крылом), с другой стороны.

Эти заявления доказывают, что пассивное сопротивление меньшинства началось сейчас же после съезда и сразу вызвало с нашей стороны предостережение, что это есть шаг к расколу партии;—что это прямо противоречит лояльным заявлениям на съезде;—что это будет расколом исключительно из-за отстранения от центральных учреждений (сиречь из-за невыбора), ибо от работы никого из членов партии никто никогда не думал отстранять;—что политическое расхождение между нами (неизбежное, поскольку не выяснен и не решен еще вопрос, Мартов или мы ошиблись в своей линии на съезде) начинает все более извращаться в дразгу с руготней, заподозриваниями и пр. и пр.

Предостережения не помогли. Поведение меньшинства показывало, что наименее устойчивые и наименее ценящие партию элементы среди него берут верх. Это заставило нас с Плехановым взять назад свое согласие на предложение Глебова: в самом деле, если меньшинство делами своими доказывало политическую неустойчивость свою не только в области принципов, но и в области элементарной партийной лояльности, то какое значение могли иметь слова о пресловутой «преимственности»? Никто не осмеивал так остроумно, как Плеханов, всей нелепости требования «кооптировать» в партийную редакцию боль-

^{*)} Это письмо писано еще в сентябре (п. ст.). Опущено из него то, что мне кажется не относящимся к делу. Если адресат письма считает именно опущенное важным, то ему легко будет пополнить пробел. Кстати, Пользуясь этим случаем, чтобы раз-на-всегда предоставить всем моим оппонентам публикацию всех моих частных писем, буду они считать это полезным для дела.

шинство таких людей, которые прямо заявляют о своих новых и растущих несогласиях! Да где же это видано на свете, чтобы до выяснения в печати, перед партией, новых разногласий партийное большинство в центральных учреждениях само превращало себя в меньшинство? Пусть сначала изложены будут разногласия, пусть партия обсудит их глубину и значение, пусть партия сама исправит свою ошибку, сделанную ею на втором съезде, если доказана будет та или иная ошибка! Одно уже выставление подобного требования во имя неведомых еще разногласий показывало полную неустойчивость требующих, полное подавление политических расхождений дрязгой, полное неуважение и ко всей партии и к своим собственным убеждениям. Не бывало еще на свете и не будет никогда таких принципиально убежденных людей, которые бы отказывались убождать раньше, чем они получают (п р и в а т н ы м о б р а з о м) большинство в том учреждении, которое они собираются переубедить.

Наконец, 4 октября тов. Плеханов объявляет, что сделает последнюю попытку покончить с этой нелепостью. Собирается собрание всех шести членов старой редакции в присутствии нового члена Ц. К. *). Битых три часа доказывает тов. Плеханов неразумность требования «кооптировать» четырех из «меньшинства» на двух из «большинства». Он предлагает к о о п т и р о в а т ь двоих, чтобы, с одной стороны, устранить всякие опасения, что мы хотим кого-то «заезжать», задавить, осадить, казнить и похоронить, а с другой стороны, чтобы охранять права и позицию партийного «большинства». Кооптация двух тоже отвергается.

6-го октября мы пишем с Плехановым официальное письмо всем старым редакторам «Искры» и сотруднику, тов. Троцкому, следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Редакция Ц. О. считает долгом официально выразить свое сожаление по поводу Вашего отстранения от участия в «Искре» и «Заре». Несмотря на многократные приглашения сотрудничать, которые мы делали и тотчас после второго съезда партии и повторяли неоднократно после того, мы не получили от Вас ни одного литературного произведения. Редакция Ц. О. заявляет, что она считает Ваше отстранение от сотрудничества ничем с ее стороны не вызванным. Какое-либо личное раздражение не должно, конечно, служить

*) Этот член Ц. К., кроме того, специально устраивал ряд частных и коллективных бесед с меньшинством, опровергая наивные рассказы и взывая к партийному долгу.

препятствием к работе в Центральном Органе партии. Если же Ваше остранение вызвано тем или иным расхождением во взглядах между Вами и нами, то мы считали бы чрезвычайно полезным в интересах партии обстоятельное изложение таких разногласий. Более того. Мы считали бы чрезвычайно желательным, чтобы характер и глубина этих разногласий были как можно скорее выяснены перед всей партией на страницах редактируемых нами изданий» *).

Как видит читатель, нам все еще оставалось совершенно неясным, преобладает ли личное раздражение в действиях «меньшинства» или желание дать органу (и партии) новый курс, какой именно, в чем именно. Я думаю, что и сейчас, если посадить 70 толковников за работу выяснения этого вопроса на основании какой угодно литературы и каких угодно свидетельских показаний, то и они никогда бы не разобрались в этой путанице. Дразгу вряд ли когда можно распутать: ее надо либо разрубить, либо отстраниться от нее **).

На письмо от 6 октября Аксельрод, Засулич, Старовер, Троцкий и Кольцов ответили нам парой строк о том, что нижеподписавшиеся никакого участия в «Искре» со времени ее перехода в руки новой редакции не принимают. Тов. Мартов был более разговорчив и почтил нас таким ответом:

«В редакцию Ц. О. Росс. С.-Д. Р. П. Уважаемые товарищи! В ответ на Ваше письмо от 6 октября я заявляю следующее: Я считаю все наши объяснения по вопросу о совместной работе в одном органе законченными после совещания, имевшего места в присутствии члена Ц. К. 4 октября, на котором Вы отказались ответить на вопрос о причинах, побудивших Вас взять назад предложение, сделанное нам о вступлении Аксельрода, Засулич, Старовера и меня в редакцию под условием, что мы дадим обязательство избрать своим «представителем» в Совет тов. Ленина. После того, как на упомянутом совещании Вы неоднократно уклонялись от формулировки Ваших же собственных, при свидетелях сделанных, заявлений, я не считаю нужным в письме к Вам объяснять мотивы моего отказа работать в «Искре» при нынешних обстоятельствах. Если понадобится, я выскажусь об этом подробно пе-

*) В письме к тов. Мартову было добавлено еще одно место с вопросом об одной брошюре и следующая фраза: «Наконец, в интересах дела мы еще раз ставим Вам на вид, что мы и в настоящее время готовы кооптировать Вас в члены редакции Ц. О. Для того, чтобы дать Вам полную возможность официально заявлять и отстаивать все свои взгляды в высшем партийном учреждении».

**) Тов. Плеханов, вероятно, добавил бы здесь: либо удовлетворить все и всякие претензии инициаторов дразги. Мы увидим, почему это было невозможно.

ред лицом всей партии, которая уже из протоколов второго съезда узнает, почему я отказался от ныне повторяемого Вами предложения занять место в редакции и в Совете...» *).

Л. Мартов.

Это письмо, вместе с предыдущими документами, дает неопровержимое разъяснение по тому вопросу о бойкоте, дезорганизации, анархии и подготовке раскола, который так усердно обходит (посредством восклицательных знаков и многоточий) т. Мартов в своем «Осадном положении»,—вопросу о лойяльных и нелойяльных средствах борьбы.

Тов. Мартову и другим предлагают изложить разногласия, просят сказать прямо, в чем же дело и каковы их намерения, уговаривают перестать капризничать и разобрать спокойно ошибку по § 1 (неразрывно связанную с ошибкой в повороте вправо),—а тов. Мартов с К^о отказывается разговаривать и кричит: меня осаждают, меня заезжают! Насмешка над «страшным словом» не охладила пыл этих комичных воплей.

Да как же можно осаждать того, кто отказывается совместно работать?—спрашивали мы тов. Мартова. Как можно обидеть, «заезжать» и притеснить меньшинство, когда оно отказывается быть в меньшинстве?? Ведь всякое пребывание в меньшинстве означает обязательно и непременно известные невыгоды для того, кто в меньшинстве остался. Невыгоды эти состоят либо в том, что придется войти в коллегия, которая будет майоризировать по известным вопросам, либо придется встать вне коллегии, нападая на нее и подвергаясь, следовательно, огню хорошо укрепленных батарей.

Криками об «осадном положении» товарищ Мартов хотел сказать, что с ними, оставшимися в меньшинстве, борются или ими управляют несправедливо и нелойяльно? Только такой тезис имел бы (в глазах Мартова) хоть тень разумности, ибо, повторяю, известные невыгоды пребывания в меньшинстве влечет за собой обязательно и непременно. Но в том-то и комизм, что с тов. Мартовым нельзя было никак бороться, пока он отказывался разговаривать! меньшинством нельзя было никак управлять, пока оно отказывалось быть в меньшинстве!

Ни единого факта превышения власти или злоупотребления властью не доказал тов. Мартов по отношению к редакции Ц. О., когда мы с Плехановым были в редакции. Ни единого факта не доказали и практики меньшинства со стороны Цен-

*) Опускаю ответ насчет брошюры Мартова, переиздававшейся в то время.

трального Комитета. Как ни вертится теперь тов. Мартов в своем «Осадном положении», — остается совершенно неопровержимым, что ровно ничего, кроме «дряблого хныканья», в воплях об осадном положении не было.

Полнейшее отсутствие разумных доводов против редакции, назначенной съездом, у тов. Мартова и К^о всего лучше иллюстрируется их же словечком: «мы не крепостные!» («Осадное положение», стр. 34). Психология буржуазного интеллигента, который причисляет себя к «избранным душам», стоящим выше массовой организации и массовой дисциплины, выступает здесь замечательно отчетливо. Объяснить отказ от работы в партии тем, что «мы не крепостные», значит с головой выдать себя, признать полное отсутствие доводов, полную неспособность мотивировки, полное отсутствие разумных причин недовольства. Мы с Плехановым заявляем, что считаем отказ ничем с нашей стороны не вызванным, просим изложить разногласия, а нам отвечают: «мы не крепостные» (с добавлением: мы еще на счет кооптации не сторговались).

Интеллигентскому индивидуализму, который выказал себя уже в спорах о § 1, обнаружив свою склонность к оппортунистическому рассуждению и к анархической фразе, всякая пролетарская организация и дисциплина кажутся крепостным правом. Читающая публика скоро узнает, что и новый партийный съезд кажется этим «членам партии» и «должностным лицам» партии — крепостным учреждением, страшным и невыносимым для «избранных душ»... Это «учреждение» и в самом деле страшно для тех, кто охоч попользоваться титулом партийности, но чувствует несоответствие этого титула с интересами партии и волей партии.

Резолюции комитетов, перечисленные мной в письме в редакцию новой «Искры» и напечатанные тов. Мартовым в «Осадном положении», доказывают фактически, что поведение меньшинства было сплошным неподчинением постановлениям съезда, дезорганизацией положительной практической работы. Составившиеся из оппортунистов и ненавистников «Искры» меньшинство рвало партию, портило, дезорганизовало работу, желая отомстить за поражение на съезде и чувствуя, что честными и людьяльскими средствами (разъяснением дела в печати или на съезде) оно никогда не сумеет опровергнуть выдвинутого против них на втором съезде обвинения в оппортунизме и в интеллигентской неустойчивости. Сознывая свое бессилие убедить партию, они воздействовали тем, что дезорганизовывали

вали партию и мешали всякой работе. Их упрекали в том, что они (напутав на съезде) сделали щель в нашей посудине; они отвечали на упрек тем, что всеми силами старались совершенно разбить треснувшую посудину.

Понятия запутывались до того, что бойкот и отстранение от работы объявлялись «честным *) средством» борьбы. Тов. Мартов всячески вертится теперь около этого щекотливого пункта. Тов. Мартов так «принципиален», что защищает бойкот, ... когда он ведется меньшинством, и осуждает бойкот, когда он грозит самому Мартову, попавшему в большинство!

Я думаю, можно оставить без разбора вопрос о том, дѣязга ли это или «принципиальное разногласие» относительно честных средств борьбы в соц.-дем. рабочей Партии.

После неудачных попыток (4 и 6 окт.) добиться объяснения от начавших историю из-за «кооптации» товарищей, центральным учреждениям оставалось только посмотреть, какова будет на деле обещающая ими на словах лояльность борьбы. 10 октября Ц. К. обращается с циркуляром к Лиге (см. прот. Лиги, стр. 3—5), заявляя о вырабатываемом им уставе и приглашая членов Лиги к содействию. Съезд Лиги в то время был отклонен администрацией ее (двумя голосами против одного, см. стр. 20 там же). Ответы сторонников меньшинства на этот циркуляр сразу показали, что пресловутая лояльность и признание решений съезда были лишь фразой, что на деле меньшинство решило безусловно не подчиниться центральным учреждениям партии, отвечая на их призывы к объединенной работе отписками, полными софизмов и анархических фраз. На пресловутое открытое письмо члена администрации, Дейча (стр. 10), мы ответили вместе с Плехановым и другими сторонниками большинства решительным выражением «протеста» против тех грубых нарушений партийной дисциплины, при помощи которых должностное лицо Лиги позволяет себе тормозить организационную деятельность партийного учреждения и призывает к такому же нарушению дисциплины и устава других товарищей. Фразы вроде того, что «в такой работе по приглашению Ц. К. я считаю себя не вправе принять участия», или «товарищи! мы ни в коем случае не должны представить ему (Ц. К.) выработку нового устава для Лиги» и т. п., принадлежат к такого сорта агитационным приемам, что могут вызвать только негодование у всякого человека, мало-мальски разбирающегося в том,

*) Горнозаводская резолюция (стр. 38 «Осадное положение»).

что значат понятия: партия, организация, партийная дисциплина. Приемы такого сорта тем более возмутительны, что они употребляются по отношению к только что созданному партийному учреждению, являются, таким образом, несомненной попыткой подорвать к нему доверие в среде партийных товарищей и притом пускаются в ход под фирмой члена администрации Лиги и за спиной Ц. К.» (стр. 17).

Съезд Лиги, при таких условиях, обещал быть только скандалом.

Тов. Мартов с самого начала продолжил свою съездовскую тактику «залезания в душу» на этот раз тов. Плеханову, посредством извращения частных разговоров. Тов. Плеханов протестует, и т. Мартову приходится брать назад (стр. 39 и 134 пр. Лиги) легкомысленные или раздраженные попреки.

Доходит очередь до доклада. Делегатом от Лиги на партийном съезде был я. Простая справка с конспектом моего доклада (стр. 43 и след.) покажет читателю, что я дал черновой набросок того самого анализа голосований на съезде, который в разработанном виде составляет содержание и настоящей брошюры. Весь центр тяжести доклада лежал именно в доказательстве того, что Мартов и К^о, в силу сделанных ими ошибок, оказались в оппортунистическом крыле нашей партии. Несмотря на то, что доклад делался перед большинством самых озлобленных противников, они не могли открыть в нем ровно ничего, отступающего от лояльных приемов партийной борьбы и полемики.

Доклад Мартова, помимо мелких и частных «поправок» к моему изложению (неверность этих поправок мы показали выше), представлял из себя, наоборот,... некоторый продукт больных нервов.

Неудивительно, что большинство отказалось вести борьбу в такой атмосфере. Тов. Плеханов заявил протест против «сцены» (стр. 68)—это была, действительно, настоящая «сцена»!—и удалился со съезда, не желая излагать приготовленных им уже возражений по существу доклада. Ушли со съезда и почти все остальные сторонники большинства, подав письменный протест против «недостойного поведения» тов. Мартова (стр. 75 пр. Лиги).

Приемы борьбы меньшинства выступили перед всеми с полной наглядностью. Меньшинство мы обвиняли в политической ошибке на съезде, в повороте к оппортунизму, в коалиции с Бундовцами, Акимовыми, Брукэрами, Егоровыми и Маховыми. Меньшинство потерпело поражение на съезде и «выработало» теперь два приема борьбы, обнимающие все бесконечное разнообразие отдельных вылазок, атак, нападений и т. д.

Первый прием—дезорганизация всей партийной работы, порча дела, стремление тормозить все и вся «без объяснения причин».

Второй прием—устройство «сцен» и пр. и пр. *).

Этот «второй прием борьбы» сказывается и на пресловутых «принципиальных» резолюциях Лиги, в обсуждении которых «большинство», разумеется, не участвовало. Присмотримся к этим резолюциям, которые тов. Мартов перепечатал теперь в своем «Осадном положении».

Первая резолюция, подписанная товарищами Троцким, Фоминым, Дейчем и друг., содержит два тезиса, направленных против «большинства» партийного съезда: 1) «Лига выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что, благодаря проявившимся на съезде тенденциям, по существу идущим в разрез с прежней политикой «Искры», при выработке партийного устава не было обращено должного внимания на создание достаточных гарантий для ограждения независимости и авторитета Ц. К.» (стр. 83 прот. Лиги).

Этот «принципиальный» тезис сводится, как мы уже видели, к Акимовской фразе, оппортунистический характер которой разоблачал на съезде партии даже тов. Попов! По существу дела, уверения в том, что «большинство» не думает ограждать независимость и авторитет Ц. К., всегда оставались не более как сплетней. Достаточно указать, что, когда мы с Плехановым были в редакции, у нас не было в Совете перевеса Ц. О. над Ц. К., а когда мартовцы вошли в редакцию, в Совете получилось преобладание Ц. О. над Ц. К.! Когда мы были в редакции, в Совете преобладали русские практики над иностранными литераторами: у мартовцев оказалось обратное. Когда мы были в редакции, Совет ни разу не покушался вмешиваться ни в один практический вопрос; со времени единогласной кооптации началось такое вмешательство, как узнает досконально читающая публика в непродолжительном времени.

Следующий тезис разбираемой резолюции: «...съезд при учре-

*) Я уже указывал, что самые низменные формы проявления этих обычных в эмигрантской и ссыльной атмосфере дрызг неразумно было бы сводить к низменным мотивам. Это—своего рода болезнь, эпидемически распространяющаяся при известных ненормальных условиях жизни, при известной расшатанности нервов и т. д. Мне пришлось здесь восстановить истинный характер этой системы борьбы, ибо тов. Мартов целиком повторил ее в своем «Осадном положении».

ждении официальных центров партии игнорировал преемственную связь с фактически сложившимися центрами...».

Этот тезис сводится целиком к вопросу о личном составе центров. «Меньшинство» предпочитало обходить то, что старые центры на съезде доказали свою непригодность и наделали ряд ошибок. Но всего комичнее ссылка на «преемственность» по отношению к Орг. К. На съезде, как мы видели, ни один человек не заикнулся об утверждении всего состава О. К. На съезде Мартов кричал даже в исступлении, что его позорит список с тремя членами О. К. На съезде «меньшинство» предлагало свой последний список с одним членом О. К. (Попов, Глебов или Фомин и Троцкий), а «большинство» провело список с двумя членами О. К. из трех (Травинский, Васильев и Глебов). Спрашивается, неужели эта ссылка на «преемственность» может быть названа «принципиальным разногласием»?

Перейдем к другой резолюции, подписанной четырьмя членами старой редакции с товарищем Аксельродом во главе. Здесь мы встречаем все главные обвинения против «большинства», не раз повторенные потом в печати. Рассмотреть их всего удобнее именно в формулировке членов редакторского кружка. Обвинения направлены против «системы самодержавно-бюрократического управления партией», против «централизма бюрократического», который, в отличие от «централизма истинно-социал-демократического», определяется следующим образом: он «ставит на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности»; он, поэтому, «по самой своей сущности неспособен органически объединить составные элементы общества».

О каком это «обществе» говорит здесь тов. Аксельрод с К^о, один Аллах ведает. Тов. Аксельрод, видимо, и сам хорошенько не знал, пишет ли он земский адрес о желательных реформах в управлении, или изливает жалобы «меньшинства». Что может означать «самодержавие» в партии, о котором кричат недовольные «редакторы»? Самодержавие есть верховная, бесконтрольная, безответственная, невыборная власть одного лица. Из литературы «меньшинства» очень хорошо известно, что таковым самодержцем считают меня, а никого другого. Когда писалась и принималась разбираемая резолюция, я был в Ц. О. вместе с Плехановым. Следовательно, тов. Аксельрод с К^о выражает свое убеждение в том, что и Плеханов и все члены Ц. К. «управляли партией»; не

согласно их взглядам на пользу дела, а согласно воле самодержца Ленина. Обвинение в самодержавном управлении необходимо и неизбежно ведет к признанию всех остальных участников управления, кроме самодержца, простыми орудиями в чужих руках, пешками, исполнителями чужой воли. И мы спрашиваем еще и еще раз: неужели это в самом деле «принципиальное разногласие» почтеннейшего тов. Аксельрода?

Далее. О каком внешнем, формальном единстве говорят здесь наши «члены партии», только что вернувшиеся с партийного съезда, решения которого они торжественно признали законными? Уж не знают ли они другого способа достигать единства в партии, организованной на сколько-нибудь прочных началах, кроме партийного съезда? Если да, то почему же они не имеют мужества прямо сказать, что второй съезд они уже не признают законным съездом? Почему они не попробуют изложить нам их новые мысли и новые способы достижения единства в якобы организованной якобы партии?

Далее. О каком «подавлении индивидуальной инициативы» говорят наши интеллигенты-индивидуалисты, которых Ц. О. партии только что перед этим упраскивал изложить свои разногласия и которые вместо этого торговались о «кооптации»? Как могли, вообще, мы с Плехановым или Ц. К. подавить инициативу и самостоятельность людей, которые отказывались от всякой «деятельности» вместе с нами! Как можно «подавить» кого-либо в таком учреждении или в такой коллегии, где подавляемый отказался участвовать? Как могут невыбранные редакторы жаловаться на «систему управления», когда они отказались «быть управляемыми»? Мы не могли совершить никаких ошибок при руководстве нашими товарищами по той простой причине, что эти товарищи вовсе и не работали под нашим руководством.

Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фигурный листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на съезде. Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты—самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании, которая тем энергичнее отстаивает свою кружковщинскую «преем-

ственность», чем неприятнее ей прямое неодобрение съездом этой кружковщины.

Никакого реального содержания, кроме указанного, не было и нет в этих криках о бюрократизме *). И именно такой способ борьбы доказывает только лишний раз интеллигентскую неустойчивость меньшинства. Оно хотело убедить партию в неудачном выборе центров. Убедить чем? Критикой той «Искры», которую вели мы с Плехановым? Нет, этого они не в силах были дать. Они хотели убедить посредством отказа части партии работать под руководством ненавистных центров. Но ни одно центральное учреждение ни одной партии в мире не в состоянии будет доказать свою способность руководить теми, кто не хочет подчиняться руководству. Отказ от подчинения руководству центров равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии, это не мера убеждения, а мера сокрушения. И именно эта замена убеждения сокрушением показывает отсутствие принципиальной выдержанности, отсутствие веры в свои идеи.

Толкуют о бюрократизме. Бюрократизм можно перевести на русский язык словом: местничество. Бюрократизм означает подчинение интересов дела интересам карьеры, обращение сугубого внимания на местечки и игнорирование работы, свалку за кооптацию вместо борьбы за идеи. Такой бюрократизм, действительно, безусловно нежелателен и вреден для партии, и я спокойно предоставляю читателю судить, которая из двух борющихся теперь в нашей партии сторон повинна в таком бюрократизме... Говорят о грубо-механических приемах объединения. Разумеется, грубо-механические приемы вредны, но я опять-таки предоставляю судить читателю, можно ли представить себе более грубый и более механический способ борьбы нового направления со старым, как введение лиц в партийные учреждения, раньше чем партию убедили в правильности новых воззрений, раньше чем партии изложили эти воззрения?

Но, может быть, излюбленные меньшинством словечки имеют и некоторое принципиальное значение, выражают некоторый особый круг идей, независимо от того мелкого и частного повода, который послужил, несомненно, исходным пунктом «поворота» в данном случае? Может быть, если отвлечься от свалки из-за «кооптации», это словечки окажутся все же отражением иной системы воззрений?

*) Достаточно указать, что тов. Плеханов перестал, в глазах меньшинства, быть сторонником «бюрократического централизма» после того, как он произвел благотворительную кооптацию¹⁰⁸).

Рассмотрим вопрос с этой стороны. Нам придется при этом прежде всего отметить, что первый сделал приступ к такому рассмотрению тов. Плеханов в Лиге, указавший на поворот меньшинства к анархизму и оппортунизму, и что именно тов. Мартов (очень обижающийся ныне, что не все хотят признать его позицию принципиальной *) позицией) предпочел совершенно обойти этот инцидент в своем «Осадном положении».

На съезде Лиги был поднят общий вопрос о том, действительно ли устав, вырабатываемый для себя Лигой или комитетом, без утверждения этого устава Ц. К.? вопреки утверждению Ц. К.? Казалось бы, вопрос яснее ясного: устав есть формальное выражение организованности, а право организовать комитеты категорически предоставлено § шестым нашего устава партии именно Ц. К.; устав определяет границы автономии комитета, а решающий голос в определении этих границ имеет центральное, а не местное учреждение партии. Это — азбука, и чистым ребячеством было глубокомысленное рассуждение, что «организовать» не всегда предполагает «утвердить устав» (как будто бы сама Лига не выразила самостоятельного своего желания быть организованной именно на основании формального устава). Но тов. Мартов позабыл даже (на время, надо надеяться) азбуку социал-демократии. По его мнению, требование утверждения устава выражает лишь то, что «прежний революционный искровский централизм замещается бюрократическим» (стр. 95 прот. Лиги), при чем тов. Мартов в той же речи заявляет, что именно здесь он видит «принципиальную сторону» дела (стр. 96), каковую принципиальную сторону он предпочел обойти в своем «Осадном положении»!

Тов. Плеханов отвечает Мартову тотчас же, прося воздерживаться от таких, «нарушающих достоинство съезда», выражений, как бюрократизм, помпадурство и пр. (стр. 96). Происходит обмен

*) Нет ничего комичнее, как эта обида новой «Искры» по поводу того, что Ленин, де, не хочет видеть принципиальных разногласий или отрицает их. Чем принципиальнее относились бы вы к делу, тем скорее рассмотрели бы вы мои повторные указания на поворот к оппортунизму. Чем принципиальнее была бы ваша позиция, тем менее могли бы вы принижать идейную борьбу до местных счетов. Пеняйте на себя, если вы сами сделали все, чтобы помешать рассматривать вас, как принципиальных людей. Вот, напр., тов. Мартов, говоря в «Осадном положении» о съезде Лиги, замалчивает спор с Плехановым об анархизме, но зато рассказывает о том, что Ленин — это сверхцентр, что Ленину достаточно мигнуть, чтобы центр распорядился, что Ц. К. въехал в Лигу на белом коне и т. п. Я далек от сомнения в том, что именно этим выбором темы тов. Мартов доказал свою глубокую идейность и принципиальность.

замечаний с тов. Мартовым, усматривающим в этих выражениях «принципиальную характеристику известного направления». Тов. Плеханов, как и все сторонники большинства, рассматривал тогда эти выражения в их конкретном значении, ясно понимая их не принципиальный, а исключительно «кооптационный», если можно так выразиться, смысл. Он делает, однако, уступку настояниям Мартовых и Дейчей (стр. 96—97) и переходит к принципиальному рассмотрению якобы принципиальных взглядов. «Если бы это было так,—говорит он (т.-е., если бы комитеты были автономны в создании своей организации, в выработке своего устава), то они были бы автономны по отношению к целому, к партии. Это уже не бундистская точка зрения, а прямо анархическая. В самом деле, анархисты рассуждают так: права индивидуумов неограничены; они могут притти в столкновение; каждый индивидуум сам определяет пределы своих прав. Пределы автономии должны быть определены не самой группой, а тем целым, частью которого она является. Наглядным примером нарушения этого принципа может служить Бунд. Значит, пределы автономии определяет или съезд, или та высшая инстанция, которую создал съезд. Власть центрального учреждения должна основываться на нравственном и умственном авторитете. С этим я, конечно, согласен. Всякий представитель организации должен позаботиться, чтобы учреждение имело нравственный авторитет. Но из этого не следует, что если нужен авторитет, то не нужно власти... Противопоставлять авторитету идей авторитет власти, это—анархическая фраза, которой не должно быть здесь места» (98). Эти положения до-нельзя элементарны, это поистине аксиомы, которые странно даже было ставить на голосование (стр. 102) и которые подвергались сомнению только потому, что «в настоящее время понятия спутались» (там же). Но интеллигентский индивидуализм неизбежно довел меньшинство до желания сорвать съезд, не подчиниться большинству; оправдать же это желание нельзя было иначе как анархической фразой. Прекурьюзно, что Плеханову меньшинство ничего не могло выразить кроме жалобы на употребление чрезмерно сильных выражений вроде оппортунизма, анархизма и проч. Плеханов справедливо высмеял эти жалобы, спросивши, почему это «жоресизм и анархизм употреблять неудобно, а *lèse-majesté* (оскорбление величества) и помпадурство—удобно»? Ответа на эти вопросы дано не было. Это оригинальное *qui pro quo* постоянно случается с т.т. Мартовым, Аксельродом и К⁰: их новые словечки носят на себе явный отпечаток «сердца»; указание на это их обижает—мы, де, принци-

пиальные люди; но если вы по принципу отвергаете подчинение части целому, то вы—анархисты, говорят им. Новая обида за сильное выражение! Другими словами: они хотят сражаться с Плехановым, но под тем условием, чтобы он не нападал на них всерьез!

Сколько раз тов. Мартов и всякие другие «меньшевики» занимались не менее детским изобличением меня в следующем «противоречии». Берется цитата из «Что делать?» или из «Письма к товарищу», где говорится об идейном воздействии, о борьбе за влияние и т. п., и противопоставляется «бюрократическое» воздействие посредством устава, «самодержавное» стремление опереться на власть и проч. Наивные люди! Они уже забыли, что прежде наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. Теперь мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших. Право, даже как-то неловко разжевывать старым своим товарищам такую азбуку, особенно когда чувствуешь, что дело сводится просто к нежеланию меньшинства подчиниться большинству насчет выборов! Но принципиально все эти бесконечные изобличения меня в противоречии сводятся целиком к анархической фразе. Новая «Искра» не прочь пользоваться титулом и правом партийного учреждения, но подчиниться большинству партии ей не хочется.

Если есть принцип в фразах о бюрократизме, если это не анархическое отрицание обязанности со стороны части подчиняться целому, то перед нами—принцип оппортунизма, стремящегося ослабить ответственность отдельных интеллигентов перед партией пролетариата, ослабить влияние центральных учреждений, усилить автономию наименее выдержанных партийных элементов, свести организационные отношения к чисто платоническому признанию их на словах. Мы видели это на съезде партии, где Акимовы и Либеры говорили точь в точь такие же речи о «чудовищном» централизме, какие полились на съезде Лиги из уст Мартова и К^о. Что оппортунизм не случайно, а по самой своей природе, и не в России только, а во всем свете, приводит к Мартовским и Аксельродовским организационным «взглядам», это мы увидим ниже, при разборе статьи тов. Аксельрода в новой «Искре».

п) Маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию.

Отклонение Лигой резолюции о необходимости утверждения ее устава со стороны Ц.К. (стр. 105 протоколов Лиги) было, как все большинство партийного съезда тотчас и отметило, «вопиющим нарушением устава партии». Такое нарушение, если его рассматривать как акт людей принципиальных, было чистейшим анархизмом, в обстановке же послесъездовской борьбы оно неминуемо производило впечатление «сведения счетов» партийного меньшинства с партийным большинством (стр. 112 прот. Лиги), оно означало нежелание подчиняться партии и быть в партии. Отказ Лиги принять резолюцию по заявлению Ц. К. о необходимости изменить устав (стр. 124—125) неизбежно повел за собой признание незаконным собрание, которое желало числиться собранием партийной организации и в то же время не подчиняться центральному учреждению партии. Сторонники партийного большинства и покинули немедленно это quasi-партийное собрание, чтобы не участвовать в недостойной комедии.

Интеллигентский индивидуализм, с его платоническим признанием организационных отношений, который обнаружился в шатании мысли по вопросу о § 1 устава, дошел, таким образом, на практике до своего логического, еще в сентябре, т.-е. за 1½ месяца, предсказанного мною конца—до разрушения партийной организации. И в этот момент, вечером того же дня, когда кончился съезд Лиги, тов. Плеханов заявил своим коллегам из обоих центральных учреждений партии, что он не в силах «стрелять по своим», что «лучше пулю в лоб, чем раскол», что надо во избежание большего зла сделать максимальные личные уступки, из-за которых в сущности (несравненно больше, чем из-за принципов, проглянувших в неверной позиции по § 1) ведется эта сокрушительная борьба. Чтобы точнее охарактеризовать этот поворот тов. Плеханова, получивший известное общепартийное значение, я считаю более целесообразным опереться не на частные разговоры и не на частные письма (это прибежище на случай крайности), а на собственное изложение дела самим Плехановым перед всей партией, на его статью «Чего не делать?» в № 52 «Искры», писанную как раз после съезда Лиги, после моего выхода из редакции Ц. О. (1 ноября 1903 г.) и до кооптации мартовцев (26 ноября 1903 г.).

Основная мысль статьи «Чего не делать?» состоит в том, что не следует быть в политике прямолинейным, неуместно резким и неуместно неуступчивым, что иногда необходимо, во избежание раскола, уступить и ревизионистам (из сближающихся с нами или из непоследовательных) и анархическим индивидуалистам. Совершенно естественно, что эти абстрактные общие положения вызвали всеобщее недоумение читателей «Искры». Нельзя без смеха читать великолепные и гордые заявления тов. Плеханова (в последующих статьях), что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнания с диалектикой. На самом деле, статью «Чего не делать?», когда она была писана, могли понять только какие-нибудь десять человек в двух женевских предместьях, названия которых начинаются с двух одинаковых первых букв. Беда тов. Плеханова состояла в том, что он пустил в обращение перед десятком тысяч читателей сумму намеков, попреков, алгебраических знаков и загадок, которые были адресованы только к этому десятку лиц, участвовавших во всех перипетиях послесъездовской борьбы с меньшинством. Тов. Плеханов впал в эту беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно упомянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Именно поэтому и неуместно было облекать в отвлеченную форму весьма конкретную мысль об уступке мартовцам после съезда Лиги.

Уступчивость, выдвинутая как новое боевое словечко тов. Плехановым, законна и необходима в двух случаях: либо тогда, когда уступающий убедился в правоте тех, кто добивается уступки (честные политические деятели в этом случае прямо и открыто признают свою ошибку), либо тогда, когда уступка неразумному и вредному для дела требованию делается для избежания большего зла. Из разбираемой статьи совершенно ясно, что автор имеет в виду второй случай: он прямо говорит об уступке ревизионистам и анархическим индивидуалистам (т.-е. мартовцам, как знают теперь все члены партии из протоколов Лиги), уступке, обязательной во избежание раскола. Как видите, якобы новая мысль тов. Плеханова сводится целиком к не очень новой житейской мудрости: маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию, маленькая оппортунистическая глупость и небольшая анархическая фраза лучше, чем большой партийный раскол. Тов. Плеханов ясно видел, когда писал эту статью, что меньшинство представляет из себя оппортунистическое крыло нашей партии и что борется оно средствами анархическими. Тов. Плеханов выступил с проектом—бороться с этим меньшинством

путем личных уступок, вроде того (опять-таки *si licet parva comperere magnis*), как немецкая социал-демократия боролась с Бернштейном. Бебель публично на конгрессах своей партии заявлял, что не знает человека, более поддающегося влиянию среды, чем товарищ Бернштейн (не господин Бернштейн, как любил выражаться раньше товарищ Плеханов, а товарищ Бернштейн): мы возьмем его в свою среду, мы возьмем его в делегаты рейхстага, мы будем бороться против ревизионизма, не воюя с неуместной резкостью (*à la Собакевич-Parvus*) против ревизиониста, мы этого ревизиониста «убьем посредством мягкости» (*kill with kindness*), как охарактеризовал это, помнится, тов. М. Бэр (M. Beer) на одном английском социал-демократическом собрании, защищая немецкую уступчивость, миролюбие, мягкость, гибкость и осмотрительность против нападок английского Собакевича-Гайндмана. Вот точно так же и тов. Плеханов пожелал «посредством мягкости убить» маленький анархизм и маленький оппортунизм т. т. Аксельрода и Мартова. Правда, на-ряду с совершенно ясными намеками на «анархических индивидуалистов» тов. Плеханов умышленно неясно выразился насчет ревизионистов, выразился так, как будто он имел в виду рабочедельцев, поворачивающих от оппортунизма к ортодоксии, а не Аксельрода с Мартовым, начавшим поворачивать от ортодоксии к ревизионизму, но это была невинная военная хитрость *), это было плохенькое фортификационное сооружение, неспособное устоять перед артиллерийским огнем партийной гласности.

И вот, кто ознакомится с конкретной конъюнктурой описываемого политического момента, кто вникнет в психологию тов. Плеханова, тот поймет, что я не мог тогда поступить иначе, чем я поступил. Говорю это по адресу тех сторонников большинства,

*) Об уступках по отношению к т. т. Мартынову, Акимову и Брукэру не было и речи после съезда партии. Я не слыхал, чтобы они тоже требовали «кооптации». Я сомневаюсь даже, советовался ли тов. Старовер или тов. Мартов с тов. Брукэр, когда они писали нам свои бумаги и «ноты» от имени «половины партии»... На съезде Лиги тов. Мартов с глубоким возмущением непреклонного политического борца отвергал самую мысль о «соединении с Рязановым или Мартыновым», о возможности «сделки» с ними или хотя бы даже совместной (в качестве редактора) «службы партии» (стр. 53 протокол Лиги). «Мартыновские тенденции» тов. Мартов сурово осуждал на съезде Лиги (стр. 88), а когда тов. Ортодокс тонко намекнул на то, что, пожалуй, Аксельрод с Мартовым «признают право и за т. т. Акимовым, Мартыновым и другими собраться, выработать для себя устав и действовать по нему, как им нравится» (стр. 99), то мартовцы стали отрекаться, как Петр от Христа (стр. 100: «опасения тов. Ортодокса» «относительно Акимовых, Мартыновых и т. д.» «не имеют основания»).

которые упрекали меня за отдачу редакции. Когда тов. Плеханов повернул после съезда Лиги и из сторонника большинства сделался сторонником примирения во что бы то ни стало, то я обязан был истолковать этот поворот в самом лучшем смысле. Может быть, тов. Плеханов хотел дать в своей статье программу доброго и честного мира? Всякая такая программа сводится к искреннему признанию ошибок обеими сторонами. Какую ошибку указывал тов. Плеханов у большинства?—Неуместную, достойную Собакевича, резкость к ревизионистам. Неизвестно, что имел при этом в виду тов. Плеханов: свою ли остроту насчет ослов или крайне неосторожное, при Аксельроде, упоминание об анархизме и оппортунизме; тов. Плеханов предпочел выразиться «отвлеченно» и притом с киванием на Петра. Это дела вкуса, конечно. Но ведь я признавался в своей личной резкости открыто и в письме к Искряку, и на съезде Лиги; как же мог я не признать такой «ошибки» у большинства? Что же касается до меньшинства, то тов. Плеханов ясно указывал их ошибку: ревизионизм (ср. его замечание об оппортунизме на съезде партии и о жоресизме на съезде Лиги) и анархизм, доведший до раскола. Мог ли я препятствовать попытке путем личных уступок и всяческой вообще «kindness» (любезности, мягкости и т. д.) добиться признания этих ошибок и парализования вреда от них? Мог ли я препятствовать такой попытке, когда тов. Плеханов прямо убеждал в статье «Чего не делать?» «щадить противников» из числа ревизионистов, являющихся ревизионистами «только вследствие некоторой непоследовательности»? И если я не верил в эту попытку, то мог ли я поступить иначе, как сделать личную уступку насчет Ц. О. и перебраться, для защиты позиции большинства, в Ц. К.? *).

*) Тов. Мартов очень метко выразился на этот счет, сказавши, что я перебрался avec armes et bagages. Тов. Мартов охотно употребляет военные сравнения: поход на Лигу, сражение, неизлечимые раны и пр. и пр. Признаться, я тоже питаю большую слабость к военным сравнениям, особенно в настоящее время, когда с таким захватывающим интересом следишь за вестями с Тихого Океана. Но, ведь, если говорить по-военному, тов. Мартов, то дело вот как было. Мы завоевали два форта на съезде партии. Вы атаковали их на съезде Лиги. После первой же легкой перестрелки мой коллега, комендант одной крепости, открывает ворота неприятелю. Я, разумеется, собираю свою маленькую артиллерию и ухожу в другой, почти неукрепленный форт—«отсиживаться» от подавляющего своей численностью неприятеля. Я даже предлагаю мир: где же воевать с двумя державами? Но новые союзники, в ответ на предложение мира, бомбардируют мой «остатный» форт. Я отстреливаюсь. Тогда мой бывший коллега—комендант—с великоколепным негодованием восклицает: смотрите-ка, добрые люди, какой у этого Чемберлена недостаток миролюбия!

ность таких попыток и брать на одного себя ответственность за грозящий раскол я не мог уже потому, что сам склонен был, в письме от 6 октября, объяснять свалку «личным раздражением». А защищать позицию большинства я считал и считаю своим политическим долгом. Положиться в этом отношении на тов. Плеханова было трудно и рискованно, ибо по всему видно было, что свою фразу: «руководитель пролетариата не вправе поддаваться своим воинственным наклонностям, когда они противоречат политическому расчету» тов. Плеханов готов был диалектически толковать в том смысле, что если уже надо стрелять, то расчетливее (по состоянию женевской погоды в ноябре) стрелять в большинство... Защищать позицию большинства было необходимо, потому что тов. Плеханов,—в насмешку над диалектикой, которая требует конкретного и всестороннего рассмотрения,—касаясь вопроса о доброй (?) воле революционера, скромно обошел вопрос о доверии к революционеру, о вере в такого «руководителя пролетариата», который руководил определенным крылом партии. Говоря об анархическом индивидуализме и советуя «временами» закрывать глаза на нарушение дисциплины, «иногда» уступать интеллигентской распущенности, которая «коренится в чувстве, не имеющем ничего общего с преданностью революционной идее», тов. Плеханов, видимо, забывал, что надо считаться также и с доброй волей большинства партии, что надо предоставить определение меры уступок анархическим индивидуалистам, и именно практикам. Насколько легка литературная борьба с детским анархическим вздором, настолько же трудна практическая работа с анархическим индивидуалистом в одной и той же организации. Литератор, который взял бы на себя определение меры возможных анархизму уступок на практике, обнаружил бы этим только свое непомерное, поистине доктринерское, литераторское самомнение. Тов. Плеханов величественно замечал (для ради важности, как выражался Базаров), что в случае нового раскола рабочие перестанут понимать нас, и в то же время сам полагал начало бесконечному ряду таких статей в новой «Искре», которые в своем настоящем, конкретном значении оставались неизбежно непонятными не только для рабочих, но и вообще для всего света. Неудивительно, что член Ц. К., читавший статью «Чего не делать?» в корректуре, предупреждал тов. Плеханова, что его план некоторого сокращения некоторой публикации (протоколов съезда партии и съезда Лиги) разрушается именно этой статьей, которая разжигает любопытство, выносит что-то пикантное и в то же время совершенно неясное на суд

улицы *), вызывает неизбежно недоумевающие вопросы: «что случилось?». Неудивительно, что именно эта статья тов. Плеханова, вследствие абстрактности его рассуждений и неясности его намеков, вызвала ликование в рядах врагов социал-демократии: и канкан на страницах «Рев. России» и восторженные похвалы последовательных ревизионистов «Освобождения». Источник всех этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом тов. Плеханов, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы надо во всей их конкретности. В частности, восторги г. Струве были совершенно естественны: ему не было дела до тех «хороших» целей (kill with kindness), которые преследовал (но мог и не достигнуть) тов. Плеханов; г. Струве приветствовал и не мог не приветствовать тот поворот в сторону оппортунистического крыла нашей партии, который начался в новой «Искре», как видят теперь все и каждый. Не одни только русские буржуазные демократы приветствуют каждый, хотя бы самый мелкий и временный, поворот к оппортунизму во всех социал-демократических партиях. В оценке умного врага реже всего бывает сплошное недоразумение: скажи мне, кто тебя хвалит, и я тебе скажу, в чем ты ошибся. И напрасно рассчитывает тов. Плеханов на невнимательного читателя, думая представить дело так, что большинство безусловно восставало против личной уступки насчет кооптации, а не против перехода с левого крыла партии на правое. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов, во избежание раскола, сделал личную уступку (это весьма похвально), а в том, что, вполне признавши необходимость спорить с непоследовательными ревизионистами и анархическими индивидуалистами, он предпочел спорить с большинством, с которым он разошелся из-за меры возможных практических уступок анархизму. Вовсе не в том суть, что товарищ

*) Мы спорили горячо и страстно в некотором закрытом помещении. Вдруг один из нас вскакивает, распакивает окно на улицу и начинает кричать против Собакевичей, анархических индивидуалистов, ревизионистов и пр. Естественно, что на улице собралась толпа любопытных зевак и что враги наши принялись злорадствовать. Другие участники спора тоже подходят к окну, выражая желание рассказать дело толково с самого начала и без намеков на то, чего не ведают никто. Тогда окно захлопывается: не стоит, дес, говорить о дрязгах («Искра», № 53, стр. 8, столб. 2, строка 24 снизу). Не стоило начинать в «Искре» разговора о «дрязгах», тов. Плеханов, — вот это будет правда!

Плеханов изменил личный состав редакции, а в том, что он изменял своей позиции спора с ревизионизмом и анархизмом, перестал отстаивать эту позицию в Ц. О. Партии.

Что касается до Ц. К., который тогда выступал в качестве единственного организованного представителя большинства, то с ним (Ц. К.) тов. Плеханов разошелся тогда исключительно из-за меры возможных практических уступок анархизму. Прошел почти месяц с 1 ноября, когда я своим уходом развязал руки политике *kill with kindness*. Тов. Плеханов имел полнейшую возможность путем всяческих сношений проверить пригодность этой политики. Товарищ Плеханов выпустил в это время в свет статью «Чего не делать?», которая была — и остается — единственным, так сказать, входным билетом мартовцев в редакцию. Лозунги: ревизионизм (с которым следует спорить, щадя противника) и анархический индивидуализм (который надо обхаживать, убивая посредством мягкости) напечатаны на этом билете внушительным курсивом. Пожалуйста, господа, милости просим, я вас убью посредством мягкости, — вот что говорит тов. Плеханов этим пригласительным билетом своим новым коллегам по редакции. Естественно, что Ц. К. оставалось только сказать свое последнее слово (ультиматум, это и значит: последнее слово о возможном мире) о мере допустимых, с его точки зрения, практических уступок анархическому индивидуализму. Либо вы хотите мира, — и тогда вот вам такое-то количество местечек, доказывающих нашу мягкость, миролюбие, уступчивость etc. (больше не можем дать, гарантируя мир в партии, мир не в смысле отсутствия споров, а в смысле неразрушения партии анархическим индивидуализмом), берите эти местечки и поворачивайте помаленьку опять от Акимова к Плеханову. Либо вы хотите отстоять и развивать свою точку зрения, повернуть окончательно (хотя бы в области организационных только вопросов) к Акимову, убедить партию в правоте вашей против Плеханова, — тогда берите себе литературную группу, получайте представительство на съезде и начинайте честной борьбой, открытой полемикой завоевывать себе большинство. Эта альтернатива, совершенно ясно поставленная перед мартовцами в ультиматуме Центрального Комитета от 25 ноября 1903 г. (см. «Осадное положение» и «Комментарий к протоколам Лиги» *), находится в полнейшем соответствии с моим и Пле-

*) Я, разумеется, оставляю без разбора тот клубок, который напутал Мартов в «Осадном положении» около этого ультиматума Ц. К., ссылаясь

ханова письмом от 6 октября 1903 г. к бывшим редакторам: либо личное раздражение (и тогда можно, на худой конец, и «кооптировать»), либо принципиальное расхождение (и тогда надо сначала убедить партию, а потом уже заговаривать о переделке личного состава центров). Предоставить решение этой деликатной дилеммы самим мартовцам Ц. К. мог тем более, что именно в то время тов. Мартов писал в своем *profession de foi* («Еще раз в меньшинстве») следующие строки:

«Меньшинство претендует на одну честь — дать первый в истории нашей партии пример того, что можно, оказавшись «побежденными», не образовать новой партии. Такая позиция меньшинства вытекает из всех его взглядов на организационное развитие партии, она вытекает из сознания своей крепкой связи с предыдущей партийной работой. Меньшинство не верит в мистическую силу «бумажных резолюций» и видит в глубокой жизненной обоснованности своих стремлений залог того, что чисто идейной пропагандой внутри партии оно добьется торжества своих организационных принципов» (Курсив мой)

Какие это прекрасные, гордые слова! И как горько было убедиться на опыте, что это — только слова... Вы уже меня извините, товарищ Мартов, а теперь я заявляю претензию от имени большинства на эту «честь», которой вы не заслужили. Честь эта будет действительно большая, из-за ко-

на частные разговоры etc. Это — характеризованный мною в предыдущем § «второй прием борьбы», разбирать каковой с надеждой на успех мог бы только специалист по невропатологии. Достаточно сказать, что тов. Мартов настаивает там на соглашении с Ц. К. о неопубликовании переговоров, какового соглашения, несмотря на все розыски, до сих пор не отыскано. Тов. Травинский, ведший переговоры от имени Ц. К., письменно сообщил мне, что считает меня вправе печатать вне «Искры» мое письмо в редакцию.

Одно только словечко тов. Мартова особенно мне понравилось. Это словечко — «бонапартизм худшего сорта». Я нахожу, что тов. Мартов выдвинул эту категорию весьма кстати. Давайте, посмотрим хладнокровно, что означает это понятие. По-моему, оно означает приобретение власти путем формально законным, но по существу дела вопреки воле народа (или партии). Не так ли, тов. Мартов? А если так, то я спокойно предоставляю публике судить, с чьей стороны был этот «бонапартизм худшего сорта», со стороны ли Ленина и Иггека, которые могли воспользоваться своим формальным правом не пускать мартовцев, опираясь притом на волю II съезда, но не воспользовались этим правом; — или же со стороны тех, кто формально правильно занял редакцию («единогласная кооптация»), зная, что это по существу не отвечает воле II съезда, — и боясь проверки этой воли III съездом?

торой стоит повоевать, потому что традиции кружковщины оставили нам в наследие необыкновенно легкие расколы и необыкновенно усердное применение правила: либо в зубы, либо ручку пожалуйте.

Большое удовольствие (иметь единую партию) должно было перевесить и перевесило маленькие неприятности (в виде дразг из-за кооптации). Я ушел из Ц. О., товарищ Игрек (делегированный мной и Плехановым в Совет Партии от редакции Ц. О.) ушел из Совета. Мартовцы ответили на последнее слово Ц. К. о мире письмом (см. цитир. издания), равносильным объявлению войны. Тогда, и только тогда, я пишу письмо в редакцию (№ 53 «Искры») о гласности. Если, дескать, говорить о ревизионизме, спорить о непоследовательности и об анархическом индивидуализме, о поражении разных руководителей, то давайте, господа, расскажем все, без утайки, как дело было—вот содержание этого письма о гласности. Редакция отвечает на него сердитой бранью и великолепным назиданием: не смей поднимать «мелочи и дразги кружковой жизни» (№ 53 «Искры»). Ах, вот как, думаю про себя: «мелочи и дразги кружковой жизни»... es ist mir recht, господа, с этим-то я согласен. Ведь это значит, что возня с «кооптацией» прямо относится вами к кружковым дразгам. Это правда. Но что же это за диссонанс, если в передовой статье того же № 53, та же (будто бы та же) редакция поднимает толки о бюрократизме, формализме и прочем *). Ты не смеешь поднимать вопроса о борьбе за кооптацию в Ц. О., ибо это дразги. А мы будем поднимать вопрос о кооптации в Ц. К. и называть это не дразгой, а принципиальным расхождением о «формализме».—Нет уже, думаю, дорогие товарищи, позвольте вам этого не позволить. Вы хотите стрелять по моему форту, а от меня требуете выдать вам артиллерию. Шутники! И я пишу и печатаю отдельно от «Искры» «Письмо в редакцию» (Почему я вышел из редакции «Искры»?») **), рассказываю там вкратце, как дело было, и осведомляюсь паки и паки, возможен ли мир на основании такого распределения: вам Центральный Орган, нам Центральный Комитет. Ни одна сторона не будет себя чувствовать «чужой» в своей партии, и мы поспорим насчет поворота

*) Как оказалось впоследствии, «диссонанс» объясняется весьма просто диссонансом в составе редакции Ц. О. О «дразгах» писал Плеханов (см. его признание в «Грустном недоразумении» № 56), а передовую «Наш съезд»—Мартов («Осадное положение», стр. 84). Кто в лес, кто по дрова.

**) См. 318—324 стр. IV тома Собр. Соч. Н. Ленина. Ред.

к оппортунизму, поспорим сначала в литературе, а потом, может быть, и на третьем съезде партии.

В ответ на упоминание о мире последовало открытие огня из всех неприятельских батарей, вплоть до Совета включительно. Заряды посыпались градом. Самодержец, Швейцер, бюрократ, формалист, сверх-центр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый... Очень хорошо, друзья мои! Вы кончили? У вас больше ничего нет в запасе? Плохи же ваши заряды...

Теперь слово за мною. Посмотрим на содержание новых организационных взглядов новой «Искры» и на отношение этих взглядов к тому делению нашей партии на «большинство» и «меньшинство», истинный характер которого мы показали анализом прений и голосований второго съезда.

р) Новая «Искра». Оппортунизм в организационных вопросах.

За основу разбора принципиальной позиции новой «Искры» следует взять, несомненно, два фельетона тов. Аксельрода. Конкретное значение целого ряда излюбленных им словечек мы уже показали подробно выше, и должны постараться теперь отвлечься от этого конкретного значения, вникнуть в тот ход мысли, который заставил «меньшинство» (по тому или иному мелкому и мелочному поводу) притти именно к этим, а не к другим каким-либо лозунгам, рассмотреть принципиальное значение этих лозунгов независимо от их происхождения, независимо от «кооптации». Мы живем теперь под знаком уступчивости: сделаем же уступку товарищу Аксельроду и «возьмем в серьез» его теорию.

Основной тезис тов. Аксельрода (№ 57 «Искры») тот, что «наше движение с самого начала скрывало в себе две противоположные тенденции, взаимный антагонизм которых не мог не развиваться и не отражаться на нем параллельно с его собственным развитием». Именно: «принципиально, пролетарская цель движения (в России) та же, что и у западной социал-демократии». Но у нас воздействие на рабочие массы исходит «со стороны чуждого им социального элемента» — радикальной интеллигенции. Итак, тов. Аксельрод констатирует антагонизм между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденциями в нашей партии.

В этом тов. Аксельрод безусловно прав. Наличие этого антагонизма (и не в одной только русской социал-демократической партии) не подлежит сомнению. Мало того. Всем и каждому

известно, что именно этот антагонизм в значительной степени и объясняет то деление современной социал-демократии на революционную (ортодоксальную тож) и оппортунистическую (ревизионистскую, министералистскую, реформистскую), которое вполне обнаружилось и в России за последние десять лет нашего движения. Всем известно также, что именно пролетарские тенденции движения выражает ортодоксальная, а демократически-интеллигентские—оппортунистическая социал-демократия.

Но тов. Аксельрод, подойдя вплотную к этому общеизвестному факту, начинает боязливо пятиться. Он не делает ни малейшей попытки проанализировать, как проявилось указанное деление в истории русской социал-демократии вообще и на нашем партийном съезде в частности,—хотя пишет тов. Аксельрод именно по поводу съезда! Как и вся редакция новой «Искры», тов. Аксельрод проявляет смертельную боязнь перед протоколами этого съезда. Это не должно нас удивлять, после всего изложенного выше, но со стороны «теоретика», исследующего якобы разные тенденции в нашем движении, это является оригинальным случаем правдобоязни. Отодвинув от себя, в силу этого своего свойства, самый новый и самый точный материал о тенденциях нашего движения, тов. Аксельрод ищет спасения в области приятных мечтаний. «Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя нашим либералам,—говорит он.—Почему бы проказнице-истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма?» По поводу этого, приятного для тов. Аксельрода, мечтания мы можем только сказать, что если истории случается проказничать, то это не оправдывает проказ мысли у того, кто берется за анализ этой истории. Когда из вождя полумарксизма проглядывал либерал, то люди, желавшие (и умевшие) проследить его «тенденции», ссылались не на возможные проказы истории, а на десятки и сотни образчиков психологии и логики этого вождя, на те особенности всей его литературной физиономии, которые выдавали отражение марксизма в буржуазной литературе. Если же тов. Аксельрод, взявшийся проанализировать «общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении», не сумел ничем, ну равнехонько—таки ничем доказать и показать у таких-то и таких-то представителей ненавистного ему ортодоксального крыла партии известные тенденции, то он этим выдал лишь себе торжественное свидетельство о бедности. Должно быть, уже совсем плюхи дела тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможные проказы истории!

Другая ссылка тов. Аксельрода—на «якобинцев»—еще более поучительна. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к «историческим аналогиям эпохи великой французской революции». Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что жиро-ндисты современной социал-демократии везде и всегда прибегают к терминам «якобинство», «бланкизм» и т. п. для характеристики своих противников. Не будем же подражать правдобоязни тов. Аксельрода и посмотрим на протоколы нашего съезда: нет ли в них материала для анализа и проверки рассматриваемых нами тенденций и разбираемых нами аналогий.

Первый пример. Спор о программе на партийном съезде. Тов. Акимов («вполне согласный» с тов. Мартыновым) заявляет: «абзац о завоевании политической власти (о диктатуре пролетариата) получил, по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами, такую редакцию, что может быть истолкован и действительно толковался Плехановым в том смысле, в котором роль руководителей организации должна будет отодвинуть назад руководимый ею класс и обособить первую от второго. И формулировка наших политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у «Народной Воли» (стр. 124 прим.). Тов. Акимову возражают тов. Плеханов и другие искровцы, упрекая его в оппортунизме. Не находит ли тов. Аксельрод, что этот спор показывает нам (на деле, а не в воображаемых проказах истории) антагонизм современных якобинцев и современных жиро-ндистов социал-демократии? И не потому ли заговорил тов. Аксельрод о якобинцах, что он оказался (в силу сделанных им ошибок) в компании жиро-ндистов социал-демократии?

Второй пример. Тов. Посадовский поднимает вопрос о «серьезном разногласии» по «основному вопросу» об «абсолютной ценности демократических принципов» (стр. 169). Вместе с Плехановым он отрицает их абсолютную ценность. Лидеры «центра» или болота (Егоров) и антиискровцев (Гольдблат) решительно восстают против этого, видя у Плеханова «подражание буржуазной тактике» (стр. 170)—это именно идея тов. Аксельрода о связи ортодоксии с буржуазной тенденцией, с тем лишь отличием, что у Аксельрода эта идея висит в воздухе, а у Гольдבלата связана с определенными дебатами. Мы спрашиваем еще раз: не находит ли тов. Аксельрод, что и этот спор показывает нам вочью, на нашем партийном съезде, антагонизм якобинцев и жиро-ндистов современной социал-демократии? Не потому ли

кричит тов. Аксельрод против якобинцев, что он оказался в компании жирондистов?

Третий пример. Споры о § 1 устава. Кто отстаивает «пролетарские тенденции в нашем движении», кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул «организоваться!», кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? якобинцы социал-демократии. И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером.

Неискусно же защищается тов. Аксельрод от «ложного обвинения в оппортунизме», которое открыто распространялось на нашем партийном съезде против большинства группы «Освобождение Труда»! Он защищается так, что подтверждает обвинение своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч.! Он кричит об опасности радикальной интеллигенции, чтобы заглушить свои собственные речи на партийном съезде, дышащие заботой об этой интеллигенции.

Ровно ничего, кроме оппортунизма, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист. Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора опровергнута тысячи раз в литературе, опровергнута и вытеснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитации выяснена и разжевана до тошноты. Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения (как давно и тщетно старается показать Бернштейн и К^о), а жирондистская робость буржуазного интеллигента, психология которого так часто прорывается среди современных социал-демократов. Нет ничего комичнее, как эти потуги новой «Искры» сказать новое слово (сказанное в свое время сотни раз) в виде предостережения от тактики французских революционеров-заговорщиков сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая). В ближайшем номере «Искры» жиронди-

сты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой.

Стремление новой «Искры» под зидом новых слов твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбежным следствием того положения, в котором оказались Аксельрод и Мартов, попавшие в оппортунистическое крыло нашей партии. Положение обязывает. Приходится повторять оппортунистические фразы, приходится пятиться назад, чтобы в далеком прошлом попытаться найти хоть какое-нибудь оправдание своей позиции, незащитимой с точки зрения съездовской борьбы и сложившихся на съезде оттенков и делений партии. К акимовскому глубокомыслию насчет якобинства и бланкизма товарищ Аксельрод присоединяет акимовские же сетования насчет того, что не только «экономисты», но и «политики» были «односторонни», чересчур «увлекались» и пр., и пр. Читая выпретенные рассуждения на эту тему в новой «Искре», чванливо претендующей на то, что она стоит выше всех этих односторонностей и увлечений, с недоумением спрашиваешь себя: с кого они портреты пишут? где разговоры эти слышат? Да кто же не знает, что деление русских социал-демократов на экономистов и политиков уж давно отжило свой век? Пересмотрите «Искру» за последний год-два перед съездом партии, и вы увидите, что борьба с «экономизмом» стихает и прекращается совершенно еще в 1902 году, вы увидите, что, например, в июле 1903 года (№ 43) о «временах экономизма» говорят, как об «окончательно пережитых», экономизм считают «окончательно похороненным», увлечения политиков рассматривают как очевидный атавизм. С какой же стати новая редакция «Искры» возвращается к этому окончательно похороненному делению? Неужели мы боролись на съезде с Акимовым за те ошибки, которые они делали два года тому назад в «Рабочем Деле»? Если бы мы поступали так, то мы были бы круглыми идиотами. Но всякий знает, что мы поступали не так, что мы боролись с Акимовыми на съезде не за их старые, окончательно похороненные ошибки «Рабочего Дела», а за те новые ошибки, которые они делали в своих рассуждениях и в своих голосованиях на съезде. Не по их позиции в «Рабочем Деле», а по их позиции на съезде судили мы о том, какие ошибки действительно пережиты и какие еще живут и вызывают необходимость споров. Ко времени съезда не существовало уже старого деления на

экономистов и политиков, но продолжали еще существовать разнообразными оппортунистические тенденции, которые выразились в прениях и голосованиях по ряду вопросов и которые привели в конце концов к новому делению партии на «большинство» и «меньшинство». Вся суть в том, что новая редакция «Искры» стремится, в силу легко понятных причин, затушевать связь этого нового деления с современным оппортунизмом в нашей партии, и что она поэтому вынуждена пятиться назад от нового деления к старому. Неумение объяснить политическое происхождение нового деления (или желание, во имя уступчивости, набросить флер *) на это происхождение) заставляет пережевывать жвачку относительно давно отжитого старого деления. Всем и каждому известно, что в основе нового деления лежит расхождение по вопросам организационным, начавшееся спором о принципах организации (§ 1 устава) и закончившееся «практикой», достойной анархистов. В основе старого деления на экономистов и политиков лежало расхождение по вопросам, главным образом, тактическим.

Это отступление от более сложных, действительно современных и насущных вопросов партийной жизни к вопросам, давно решенным и выкапываемым искусственно, новая «Искра» старается оправдать забавным глубокомыслием, которое нельзя назвать иначе, как хвостизмом. С легкой руки тов. Аксельрода через все писания новой «Искры» красной нитью проходит та глубокая «мысль», что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации, что «жизнеспособность организации прямо пропорциональна объему и значению того содержания, которое она внесет в движение», что централизм не есть «нечто самодовлеющее», не есть «талисман всеспасающий» и пр., и пр. Глубокие, великие истины! Программа, действительно, важнее тактики, тактика важнее организации. Азбука важнее этимологии, этимология важнее синтаксиса,—но что сказать о людях, которые среза-

*) См. статью Плеханова об «экономизме» в № 54 «Искры». В подзаголовке этой статьи вкралась, видимо, маленькая опечатка. Вместо: «мысли вслух по поводу второго съезда партии» надо, очевидно, читать: «по поводу съезда «Лиги» или, пожалуй, «по поводу кооптации». Насколько уместна, при известных условиях, уступчивость насчет личных претензий, настолько недопустимо (с партийной, а не обывательской точки зрения) смешение волнующих партию вопросов, подмена вопроса о новой ошибке Мартова и Аксельрода, начавших поворачивать от ортодоксии к оппортунизму,—вопросом о старой (никем, кроме новой «Искры», не вспоминаемой теперь) ошибке Мартыновых и Акимовых, готовых, может быть, ныне повернуть во многих вопросах программы и тактики от оппортунизма к ортодоксии.

лись на экзамене по синтаксису и теперь важничают и хвастаются тем, что они остались на второй год в низшем классе? Тов. Аксельрод рассуждал о принципиальных вопросах организации, как оппортунист (§ 1), а действовал в организации, как анархист (съезд Лиги),—и теперь он углубляет социал-демократию: зелен виноград! Собственно, что такое организация? ведь это лишь форма; что такое централизм? ведь это не талисман, что такое синтаксис? ведь это менее важно, чем этимология, это лишь форма соединения элементов этимологии... «Не согласится ли с нами тов. Александров,—победоносно вопрошает новая редакция «Искры»,—если мы скажем, что выработкой партийной программы съезд гораздо более содействовал централизации партийной работы, чем принятием устава, сколь совершенным ни казался бы этот последний?» (№ 56, прил.). Надо надеяться, что это классическое изречение получит не менее широкую и не менее прочную историческую известность, чем знаменитая фраза тов. Кричевского о том, что социал-демократия, подобно человечеству, всегда ставит себе осуществимые задачи. Ведь это глубокомыслие новой «Искры» совершенно такого же пошиба. За что осмеивали фразу тов. Кричевского? За то, что он оправдывал ошибку известной части социал-демократов в вопросах тактики, неумение правильно поставить политические задачи,—пошлостью, выдаваемой за философию. Точь в точь так же и новая «Искра» оправдывает ошибку известной части социал-демократов в вопросах организации, интеллигентскую неустойчивость известных товарищей, доведшую их до анархической фразы,—пошлостью, что, де, программа важнее устава, что программные вопросы важнее организационных! Ну, разве же это не хвостизм? Разве это не хвостовство по поводу того, что люди остались на второй год в низшем классе?

Принятие программы более содействует централизации работы, чем принятие устава. Как пахнет эта пошлость, выдаваемая за философию, духом радикального интеллигента, гораздо более близкого к буржуазному декадентству, чем к социал-демократизму! Ведь слово централизация в этой знаменитой фразе понимается в смысле совсем уже символическом. Если авторы этой фразы не умеют или не хотят думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней мере, тот простой факт, что принятие программы вместе с бундовцами не только не привело к централизации нашей общей работы, а и не предохранило нас от раскола. Единство в вопросах программы и в вопросах тактики есть необходимое, но еще недостаточное условие партийного объедине-

ния, централизации партийной работы (господи боже мой! какую азбуку приходится, по нынешним временам, когда все понятия спутались, разжевывать!). Для этого последнего необходимо еще единство организации, немислимое в сколько-нибудь выросшей из рамок семейного кружка партии, без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству, без подчинения части целому. Пока у нас не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что прежде чем объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совместной организации, а толковали исключительно о новых (тогда действительно новых) вопросах программной и тактической борьбы с оппортунизмом. Теперь эта борьба, по общему нашему признанию, обеспечила уже достаточное единство, формулированное в партийной программе и в партийных резолюциях о тактике; теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему согласию, сделали: выработали формы единой, сливающей все кружки воедино, организации. Нас оттащили теперь назад, разрушив на половину эти формы, оттащили к анархическому поведению, к анархической фразе, «восстановлению кружка вместо партийной редакции, и теперь оправдывают этот шаг назад тем, что азбука более содействует грамотной речи, чем знание синтаксиса!

Философия хвостизма, процветавшая три года тому назад в вопросах тактики, воскресает теперь в применении к вопросам организации. Возьмите такое рассуждение новой редакции. «Боевое социал-демократическое направление—говорит тов. Александров—в партии должно проводиться не одной идейной борьбой, но и определенными формами организации». Редакция поучает нас: «Недурно это сопоставление идейной борьбы и форм организации. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только... формы» (ей-богу, так и напечатано в № 56, приложение, стр. 4, столб. 1, внизу!), «долженствующие облекать текучее, развивающееся содержание,—развивающуюся практическую работу партии». Это уже совершенно в духе анекдота о том, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы, облекающие содержание! Вопрос идет о том, будет ли наша идейная борьба облекаться формами более высокими, формами обязательной для всех партийной организации, или формами старого разброда и старой кружковщины. Нас оттащили назад от более высоких форм к более примитивным формам и оправдывают это тем, что идейная борьба есть процесс, а формы—это

только формы. Точь в точь также тов. Кричевский во времена оны тащил нас назад от тактики-плана к тактике-процессу.

Возьмите эти претенциозные фразы новой «Искры» «о самовоспитании пролетариата», противопоставляемые тем, кто якобы из-за формы способен проглядеть содержание (№ 58, передовая). Разве это не акимовщина номер второй? Акимовщина номер первый оправдывала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более «глубокое» содержание «пролетарской борьбы», ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными ссылками на то, что организация есть лишь форма, и что вся суть в самовоспитании пролетариата. Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа, пекущиеся о меньшем брате! Пролетариат не станет пещись о том, чтобы г.г. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается к организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентики. Пролетариат, сколько-нибудь сознавший нашу программу и нашу тактику, не станет оправдывать отсталость в организации ссылками на то, что форма менее важна, чем содержание. Не пролетариату, а некоторым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе. Акимовы номер второй так же клеветают на пролетариат по вопросу о неподготовленности в организации, как клеветали на него Акимовы номер первый по вопросу о неподготовленности к политической борьбе. Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии, с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики.

Возьмите, наконец, глубокомыслие «Практика» новой «Искры». «Настоящим образом понятая, идея «боевой» централистической организации, — говорит он, — объединяющей и централизующей деятельность» (углубляющий курсив) «революционеров, естественно претворяется в жизнь лишь при наличии этой деятельности» (и ново и умно); «сама организация, как форма» (слушайте, слушайте!), «может вырастать лишь одновременно» (курсив автора, как и везде в этой цитате) «с ростом революционной работы, составляющей ее содержание» (№ 57). Не напоминает ли это

паки и паки того героя народного эпоса, который при виде похоронной процессии кричал: «таскать вам не перетаскать»? Наверное, в нашей партии не найдется ни одного практика (без ковычек), который бы не понимал, что именно форма нашей деятельности (т.-е. организация) давным давно отстает, и отчаянно отстает, от содержания, что крики по адресу отстающих людей: идите в погу! не опережайте!—достойны одних только партийных Иванушек. Попробуйте сравнить хотя бы, например, нашу партию с Бундом. Не подлежит ни малейшему сомнению, что содержание *) работы нашей партии неизмеримо богаче, разностороннее, шире и глубже, чем у Бунда. Крупнее теоретический размах, развитее программа, шире и глубже воздействие на рабочие массы (а не на одних только организованных ремесленников), разностороннее пропаганда и агитация, живее пульс политической работы у передовиков и рядовых, величественнее народные движения при демонстрациях и всеобщих стачках, энергичнее деятельность среди непролетарских слоев. А «форма»? «Форма» нашей работы отстала, по сравнению с бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колет глаза, вызывает краску стыда у всякого, кто не смотрит на дела своей партии «ковыряя в носу». Отсталость организации работы по сравнению с ее содержанием—наше больное место, и она была больным местом еще задолго до съезда, задолго до образования О. К. Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом. Все истрадались от этого несоответствия,—а тут являются Аксельроды и «Практики» новой «Искры» с глубокомысленной проповедью: форма должна естественно вырастать, лишь одновременно с содержанием!

Вот куда приводит маленькая ошибка по организационному вопросу (§ 1), если вы вздумаете углублять вздор и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленным шагом, робким зигзагом!—мы слышали этот мотив в применении к

*) Я уже не говорю о том, что содержание нашей партийной работы намечено (в программе и пр.) на съезде в духе революционной социал-демократии лишь ценой борьбы, борьбы с теми самыми антиискровцами и тем самым болотом, представители которого численно преобладают в нашем «меньшинстве». Интересно также, по вопросу о «содержании», сравнить, к примеру, шесть номеров старой «Искры» (№№ 46—51) и двенадцать номеров новой «Искры» (№№ 52—63). Но это когда-нибудь в другой раз.

вопросам тактики; мы слышим его теперь в применении к вопросам организации. Хвостизм в организационных вопросах представляет из себя естественный и неизбежный продукт психологии анархического индивидуалиста, когда этот последний начинает возводить в систему воззрений, в особые принципиальные разногласия свои (в начале, может быть, случайно) анархические уклоны. На съезде Лиги мы видели начало этого анархизма, в новой «Искре» мы видим попытки возведения его в систему воззрений. Попытки эти замечательно подтверждают высказанное уже на съезде партии замечание о различии точек зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии, и пролетария, сознавшего свои классовые интересы. Например, тот же «Практик» новой «Искры», с глубокомыслием которого мы уже познакомились, изобличает меня в том, что партия представляется мне «как огромная фабрика» с директором, в виде Ц. К. во главе ее (№ 57, прилож.). «Практик» и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово, сразу выдает психологию буржуазного интеллигента, незнакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют *Edelanarchismus*, т.-е. анархизм «благородного» господина, барский анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под

руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики» (при чем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу «формалистов») замечание, что можно бы и вовсе без устава.

Это невероятно, но это—факт: именно такое назидательное замечание делает мне т. Мартов в № 58 «Искры», ссылаясь, для вящшей убедительности, на мои же собственные слова из «Письма к товарищу». Ну, разве это не «барский анархизм», разве это не хвостизм, когда примерами из эпохи разброда, эпохи кружков о п р а в д ы а ю т сохранение и прославление кружковщины и анархии в эпоху партийности?

Почему не пужны нам были раньше уставы? Потому что партия состояла из отдельных кружков, не связанных вместе никакой организационной связью. Переход из кружка в кружок было делом одной только «доброй воли» того или другого индивидуума, не имевшего перед собой никакого оформленного выражения воли целого. Спорные вопросы внутри кружков решались не по уставу, «а борьбой и угрозой уйти»: так выразился я в «Письме к товарищу», основываясь на опыте ряда кружков вообще и, в частности, нашей собственной редакционной шестерки. В эпоху кружков такое явление было естественно и неизбежно, но никому не приходило в голову восхвалять его, считать идеалом; все жаловались на этот разброд, все тяготелись им и жаждали слияния разрозненных кружков в оформленную партийную организацию. И теперь, когда это слияние состоялось, нас тащат назад, нас угощают—под видом высших организационных взглядов—анархической фразой! Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного «процесса» идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном «доверии». Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на формальном, «бюрократически» (с точки зрения распущенного интеллигента) редижированном уставе,

строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным «процессом» идейной борьбы.

Редакция новой «Искры» козыряет против Александрова назидательным указанием на то, что «доверие—вещь деликатная, которую никак нельзя вколотить в сердца и головы» (№ 56, прилож.). Редакция не понимает, что именно это выдвигание категории доверия, голого доверия, выдает еще и еще раз с головой ее барский анархизм и организационный хвостизм. Когда я был членом только кружка, редакционной ли шестерки или организации «Искры», я имел право сослаться в оправдание, скажем, всего нежелания работать с Иксом на одно лишь недоверие, безотчетное и немотивированное. Когда я стал членом партии, я не имею права ссылаться только на неоформленное недоверие, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякого самодурства старой кружковщины; я обязан мотивировать свое «доверие» или «недоверие» формальным доводом, т.е. ссылкой на то или иное формально установленное положение нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязан не ограничиваться безотчетным: «доверяю» или «не доверяю», а признать подотчетность своих решений и всех вообще решений всякой части партии перед всей партией; я обязан следовать формально предписанному пути для выражения своего «недоверия», для проведения тех взглядов и тех желаний, которые вытекают из этого недоверия. Мы поднялись уже от кружковой точки зрения безотчетного «доверия» до партийной точки зрения, требующей соблюдения подотчетных и формально предписанных способов выражения и проверки доверия, а редакция тащит нас назад и называет свой хвостизм новыми организационными взглядами!

Посмотрите, как рассуждает наша так называемая партийная редакция о литературных группах, которые могли бы потребовать себе представительства в редакции. «Мы не возмутимся, не начнем кричать о дисциплине»,—поучают нас барские анархисты, которые всегда и везде сверху вниз смотрели на какую-то там дисциплину. Мы, де, либо «столкуемся» (sic!) с группой, буде она дельная, либо посмеемся над ее требованиями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступает здесь против вульгарно-«фабричного» формализма! А на самом деле—перед нами подновленная фразеология кружковщины, преподносимая партии редакцией, которая чувствует, что она представляет из себя не партийное учреждение, а обломок старого круж-

ка. Внутренняя фальшь этой позиции неизбежно приводит к анархическому глубокомыслию, возводящему в принцип социал-демократической организации тот разброд, который на словах фарисейски объявляется уже пережитым. Не нужно никакой иерархии низших и высших партийных коллегий и инстанций,—барскому анархизму такая иерархия кажется канцелярским измышлением ведомств, департаментов и прочее (см. фельетон Аксельрода),—не нужно никакого подчинения части целому, не нужно никакого «формально-бюрократического» определения партийных способов «столковываться» или размежевываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерством об «истинно-социал-демократических» приемах организации.

Вот где прошедший школу «фабрики» пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму. Сознательный рабочий давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов-интеллигентов. Но, по мере того, как складывается у нас настоящая партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться требовать исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха», должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена юны хвостизм в вопросах тактики.

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой «Искры» в организационных вопросах: это—защита автономизма против централизма. Именно такой принципиальный смысл имеют (если имеют) *) вопли о бюрократизме и о самодержавии, сожаления о «незаслуженном невнимании к неискровцам» (защищавшим автономизм на съезде), комичные крики о требовании «беспрекословного повиновения», горькие жалобы на «помпадурство» и проч. и т. д. и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партии всегда отстаивает и оправдывает всякую отсталость, и программную, и тактическую, и организационную. Защита организационной отсталости (хвостизм) новой «Искры» тесно связана с защитой автономизма. Правда, автономизм настолько уже

*) Я оставляю в стороне здесь, как и вообще в этом параграфе, «кооптационный» смысл этих воплей.

дискредитирован, вообще говоря, трехлетней проповедью старой «Искры», что открыто высказаться за него новой «Искре» еще стыдно; она еще уверяет нас в своих симпатиях к централизму, но доказывается это только тем, что слово централизм пишется курсивом. На деле самое легкое прикосновение критики к «принципам» «истинно-социал-демократического» (а не анархического?) quasi-централизма новой «Искры» изобличает на каждом шагу точку зрения автономизма. Разве не ясно теперь всем и каждому, что Аксельрод и Мартов повернули в организационных вопросах к Акимову? Разве не признали они этого торжественно сами в знаменательных словах о «незаслуженном невнимании к неискровцам»? И разве не автономизм защищали на нашем партийном съезде Акимов и его друзья?

Именно автономизм (если не анархизм) защищали Мартов и Аксельрод на съезде Лиги, когда они с забавным усердием доказывали, что часть не должна подчиняться целому, что часть автономна в определении своих отношений к целому, что устав заграничной Лиги, формулирующий эти отношения, действителен вопреки воле большинства партии, вопреки воле партийного центра. Именно автономизм защищает теперь тов. Мартов открыто и на страницах новой «Искры» (№ 60) по вопросу о введении членов в местные комитеты Центральным Комитетом. Я не буду говорить о тех детских софизмах, которыми защищал автономизм тов. Мартов на съезде Лиги и защищает в новой «Искре» *),—мне важно здесь отметить несомненную тенденцию защищать автономизм против централизма, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах.

Едва ли не единственной попыткой анализа понятия бюрократизма является противоположение в новой «Искре» (№ 53) «формально-демократического начала» (курсив автора) «формально-бюрократическому». Это противоположение (к сожалению, столь же не развитое и не разъясненное, как и указание на неискровцев) содержит в себе зерно истины. Бюрократизм versus **) демократизм, это и есть централизм versus автономизм, это и есть организационный принцип революционной со-

*) Перебирая разные §§ устава, тов. Мартов опустил именно тот §, который говорит об отношении целого к части. Ц. К. «распределяет силы партии» (§ 6). Можно ли распределять силы без перевода работников из комитета в комитет? На этой азбуке, право, неловко как-то останавливаться.

**) versus—по отношению к.

циал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно, и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхов, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае—организация «Искры»). В эпоху восстановления фактического единства партии и распускания в этом единстве устарелых кружков, таким верхов неизбежно является партийный съезд, как верховный орган партии; съезд соединяет по возможности всех представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения (нередко в таком составе, который более удовлетворяет передовые, чем отсталые элементы партии, более нравится революционному, чем оппортунистическому крылу ее), делает их верхов впредь до следующего съезда. Так бывает, по крайней мере, у европейцев социал-демократии, хотя мало-по-малу, не без труда, не без борьбы и не без дрызг, этот принципиально ненавистный анархистам обычай начинает распространяться и на азиатов социал-демократии.

В высшей степени интересно отметить, что указанные мной принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах (автономизм, барский или интеллигентский анархизм, хвостизм и жирондизм) наблюдается *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира, где только есть деление на революционное и оппортунистическое крыло (а где его нет?). Особенно рельефно выступило это на свет божий именно в самое последнее время в германской социал-демократической партии, когда поражение на выборах в 20 саксонском избирательном округе (так назыв. инцидент Гёре*) поставило на очередь дня принципы партийной организации.

*) Гёре был выбран в рейхстаг 16 июня 1903 года в 15 саксонском округе, но после Дрезденского съезда сложил с себя мандат; избиратели 20 округа, ставшего вакантным после смерти Розенба, хотели предложить кандидатуру снова Гёре. Центральное правление партии и саксонский центральный агитационный комитет восстали против этого и, не имея права формально запретить кандидатуру Гёре, добились, однако, того, что Гёре отказался от кандидатуры. При выборах социал-демократы потерпели поражение.

Возбуждению принципиального вопроса по поводу указанного инцидента особенно содействовало усердие немецких оппортунистов. Гёрэ (бывший пастор, автор небезвестной книги: «Drei Monate Fabrikarbeiter» и один из «героев» Дрезденского съезда)—сам ярый оппортунист, и орган последовательных немецких оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») сейчас же «заступился» за него.

Оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных. Излагать «новую» точку зрения взялся тов. Вольфганг Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физиономию этого типичного интеллигента, примкнувшего к социал-демократии и принесшего с собой оппортунистические навыки мысли, достаточно будет сказать, что т. Вольфганг Гейне, это—немножко меньше, чем немецкий тов. Акимов, и немножечко больше, чем немецкий тов. Егоров.

Товарищ Вольфганг Гейне пошел в поход в «Социалистическом Ежемесячнике» с меньшей помпой, чем тов. Аксельрод в новой «Искре». Чего стоит одно уж заглавие статьи: «Демократические заметки по поводу инцидента Гёрэ» (№ 4, апрель «Sozialistische Monatshefte»). И содержание—не менее громовое. Тов. В. Гейне восстает против «посягательства на автономию избирательного округа», отстаивает «демократический принцип», протестует против вмешательства «назначенного начальства» (т.-е. центрального правления партии) в свободный выбор делегатов пародом. Дело тут не в случайном инциденте, поучает нас тов. В. Гейне, а в общей «тенденции к бюрократизму и централизму в партии», тенденции, которая замечалась-де и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо «принципиально признать, что местные учреждения партии являются носителями ее жизни» (плагнат из брошюры тов. Мартова: «Еще раз в меньшинстве»). Не следует «привыкать к тому, чтобы все важные политические решения исходили из одного центра», надо предостерегать партию от «доктринерской политики, теряющей связь с жизнью» (позаимствовано из речи тов. Мартова на съезде партии о том, что «жизнь возьмет свое»). «...Если смотреть в корень вещей,—углубляет свою аргументацию тов. В. Гейне,—если отвлечься от личных столкновений, которые и как и всегда, играли немалую роль, то мы увидим в этом ожесточении против ревизионистов (курсив автора, намекающего, надо думать, на различие понятий: борьба с ревизионизмом и борьба с ревизионистами) главным образом недоверие официальных лиц в партии против «постороннего элемента»

(В Гейне, видимо, не читал еще брошюры о борьбе с осадным положением, и потому прибегаёт к англицизму: Outsiderium), недоверие традиции к тому, что необычно,—безличного учреждения к тому, что индивидуально» (см. резолюцию Аксельрода на съезде Лиги о подавлении индивидуальной инициативы), «одним словом, ту же самую тенденцию, которую мы уже охарактеризовали выше, как тенденцию к бюрократизму и централизму в партии».

Понятие «дисциплины» внушает тов. В. Гейне не менее благо-родное негодование, чем тов. Аксельроду. «...Ревизионистов,—пишет он,—упрекали в недостатке дисциплины за то, что они писали в «Социалистическом Ежемесячнике»—органе, который не хотели даже признавать социал-демократическим, ибо он не стоит под контролем партии. Одна уже эта попытка сужения понятия: «социал-демократический», одно уже это требование дисциплины в области идейного производства, где должна господствовать безусловная свобода» (вспомните: идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы) «свидетельствуют о тенденции к бюрократизму и к подавлению индивидуальности». И долго еще, долго громит В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцию создать «одну всеохватывающую большую организацию, возможно более централизованную, одну тактику, одну теорию», громит требование «безусловнейшего повиновения», «слепого подчинения», громит «упрощенный централизм» и т. д. и т. п., буквально «по Аксельроду».

Поднятый В. Гейне спор разгорелся и, так как в немецкой партии никакие дразги из-за кооптации не засоряли его, так как немецкие Акимовы выясняют свою физиономию не только на съездах, а постоянно в особом органе, то спор быстро свелся к анализу принципиальных тенденций ортодоксии и ревизионизма в организационном вопросе. Одним из представителей революционного направления (обвиняемого, разумеется, как и у нас, в «диктаторстве», «инквизиторстве» и прочих страшных вещах) выступил К. Каутский («Neue Zeit», 1904, № 28, статья «Wahlkreis und Partei»—«Избирательный округ и партия»). «Статья В. Гейне,—заявляет он,—показывает ход мысли всего ревизионистского направления». Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, везде их тенденции приводят к дезорганизации, к извращению «демократического принципа» в анархизм. «Демократия не есть отсутствие власти,—поучает К. Каутский оппортунистов в организа-

ционном вопросе,—демократия не есть анархия, она есть господство массы над ее уполномоченными, в отличие от других форм власти, когда мнимые слуги народа в действительности являются его владыками». К. Каутский прослеживает подробно дезорганизаторскую роль оппортунистического автономизма в разных странах, показывает, что именно присоединение к социал-демократии «массы буржуазных элементов» *) усиливает оппортунизм, автономизм и тенденции к нарушению дисциплины, напоминает паки и паки, что именно «организация есть то оружие, которым освободит себя пролетариат», именно «организация есть свойственное пролетариату оружие классово́й борьбы».

В Германии, где оппортунизм слабее, чем во Франции и Италии, «автономистские тенденции привели пока лишь к более или менее патетическим декламациям против диктаторов и великих инквизиторов, против отлучений от церкви **) и выискиваний ереси, к бесконечным придирам и дразгам, разбор которых повел бы лишь к бесконечной ссоре».

Неудивительно, что в России, где оппортунизм в партии еще более слаб, чем в Германии, автономистские тенденции породили меньше идей и больше «патетических декламаций» и дразг.

Неудивительно, что Каутский приходит к заключению: «Может быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе». Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи «страшного слова»: бюрократизм versus (против) демократизма. «Нам говорят,—пишет К. Каутский,—что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местными избирательными округами, значит «постыдно посягать на демократический принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развертывалась снизу вверх, путем самостоятельности масс, а не сверху вниз, путем бюрократическим... Но если есть какой-нибудь действительно демократический принцип, так это тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством,

*) В качестве примера К. Каутский называет Жореса. По мере их уклонения в оппортунизм, таким людям «партийная дисциплина неизбежно должна была казаться непоправимым стеснением их свободной личности».

**) Bannstrahl—анафема. Это немецкий эквивалент русского «Осадного положения» и «исключительных законов». Это—«страшное слово» немецких оппортунистов.

а не наоборот»... Выбор депутатов в парламент от какого бы то ни было отдельного избирательного округа есть важный вопрос всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии (Vertrauensmänner). «Кому кажется это слишком бюрократическим, или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще (Sämmtliche Parteigenossen). Раз это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостаток демократизма, когда указанная функция, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняется одной или несколькими партийными инстанциями». По «обычному праву» германской партии и раньше отдельные избирательные округа «товарищески договаривались» с правлением партии о выставлении того или иного кандидата. «Но партия стала уже слишком велика, чтобы достаточно было этого молчаливого обычного права. Обычное право перестает быть правом, когда его перестают признавать, как нечто само собою разумеющееся, когда содержание его определений и даже самое его существование оспаривается. Тогда становится безусловно необходимым точно формулировать это право, кодифицировать его», ... перейти к более «точному уставному закреплению *)» (Statutarische Festlegung), а вместе с тем к усилению строгости (grössere Straffheit) организации».

Вы видите, таким образом, в другой обстановке ту же борьбу оппортунистического и революционного крыла партии по организационному вопросу, тот же конфликт автономизма и централизма, демократизма и «бюрократизма», тенденций к ослаблению строгости и к усилению строгости организации и дисциплины, психологии неустойчивого интеллигента и выдержанного пролетария, интеллигентского индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, как отнеслась к этому конфликту буржуазная демократия,—не та, которую проказница-история только еще обещала по секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду,—а настоящая, реальная буржуазная демократия, имеющая и в Германии не менее ученых и наблюдательных представителей, чем на-

*) В высшей степени поучительно сопоставить эти замечания К. Каутского о замене молчаливо признаваемого обычного права формально закрепленным уставным правом со всей той «сменой», которую переживает наша партия вообще и редакция в частности со времени партийного съезда. Ср. речь В. И. Засулчи (на съезде Лиги, стр. 66 и след.), которая вряд ли реализует себе все значение происходящей смены.

ши господа освобожденцы? Немецкая буржуазная демократия сразу откликнулась на новый спор и горой встала,—как и русская, как и всегда, как и везде,—сразу за оппортунистическое крыло социал-демократической партии. Выдающийся орган немецкого биржевого капитала, «Франкфуртская Газета», выступил с громовой передовицей («Frankf. Ztg.», 1904, 7 Apr., № 97, Abendblatt), которая показывает, что бессовестные плагиаты из Аксельрода становятся прямо какой-то болезнью немецкой печати. Грозные демократы франкфуртской биржи бичуют «самодержавие» в социал-демократической партии, «партийную диктатуру», «автократическое господство партийного начальства», эти «отлучения от церкви», которыми хотят, «как бы наказать весь ревизионизм» (вспомните «ложное обвинение в оппортунизме»), это требование «слепого повиновения», «мертвящей дисциплины», требование «лакейского подчинения», превращения членов партии в «политические трупы» (это еще много покрепче будет винтиков и колесиков!). «Всякая личная своеобразность,—негодуют рыцари биржи при виде анти-демократических порядков у социал-демократии,—всякая индивидуальность должна, изволите ли видеть, подвергнуться преследованию, потому что они грозят привести к французским порядкам, к жоресизму и мильеранизму, как прямо заявил Зиндерманн, реферировавший по этому вопросу» на партийном съезде саксонских социал-демократов.

Итак, поскольку есть принципиальный смысл в новых словечках новой «Искры» по организационному вопросу, постольку не подлежит никакому сомнению, что смысл этот оппортунистический. Этот вывод подкрепляется и всем анализом нашего партийного съезда, разделившегося на революционное и оппортунистическое крыло, и примером всех европейских социал-демократических партий, в которых оппортунизм по организационному вопросу выражается в тех же тенденциях, в тех же обвинениях, а сплошь да рядом и в тех же самых словечках. Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский. Но однородность основного деления всех этих партий на революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденций оппортунизма в организационном вопросе выступают отчетливо, несмотря на все

указанное различие условий *). Обилие представителей радикальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличие порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и в самых различных формах. Мы боролись с оппортунизмом в основных вопросах нашего мирозерцания, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы боролись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с т. т. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким образованием различных партий. Мы должны теперь побороть оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни.

Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч. Оппортунист в вопросах программы, тов. Эд. Бернштейн «согласен» с революционной программой партии и хотя желал бы, наверное, «коренной реформы» ее, но считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение «общих принципов» «критики» (состоящих главным образом в некритическом заимствовании принципов и словечек у буржуазной демократии).

*) Никто не усомнится в настоящее время, что старое деление русских социал-демократов по вопросам тактики на экономистов и политиков было однородно с делением всей международной социал-демократии на оппортунистов и революционеров, хотя различие между т. т. Мартыновым и Акимовым, с одной стороны, и т. т. фон-Фольмаром и фон-Эльмом или Жоресом и Мильбераном, с другой, очень велико. Точно так же несомненна и однородность основных делений по организационному вопросу, несмотря на громадные различия условий между политически бесправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципиальная редакция новой «Искры», бегло коснувшись спора Каутского с Гейне (№ 64), боязливо обошла вопрос о принципиальных тенденциях всякого оппортунизма и всякой ортодоксии в организационном вопросе.

Оппортунист в вопросах тактики, тов. фон-Фольмар тоже согласен со старой тактикой революционной социал-демократии и тоже ограничивается больше декламацией, поправочками, насмешечками, отнюдь не выступая ни с какой определенной «министералистской» тактикой. Оппортунисты в вопросах организационных, т.т. Мартов и Аксельрод тоже не дали до сих пор, несмотря на прямые вызовы, никаких определенных принципиальных тезисов, которые могли бы быть «закреплены уставным путем»; они тоже желали бы, безусловно желали бы «коренной реформы» нашего организационного устава («Искра», № 58, стр. 2, столбец 3), но предпочтительно они бы занялись сначала «общими вопросами организации» (потому что действительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1, все же централистического устава неизбежно привела бы, будучи произведена в духе новой «Искры», к автономизму, а признаться в своей принципиальной тенденции к автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и перед самим собой). Их «принципиальная» позиция по организационному вопросу играет, поэтому, всеми цветами радуги: преобладают невинные патетические декламации о самодержавии и бюрократизме, о слепом повиновении, винтиках и колесиках,—декламации, настолько невинные, что в них еще очень и очень трудно отделить действительно принципиальный от действительно кооптационного смысла. Но—дальше в лес, больше дров: попытки анализа и точного определения ненавистного «бюрократизма» неизбежно ведут к автономизму, попытки «углубления» и обоснования неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам. Наконец, в качестве единственного, действительно определенного, и на практике, поэтому, выступающего особенно ярко (практика всегда идет впереди теории) принципа появляется принцип анархизма. Высмеивание дисциплины—автономизм—анархизм, вот та лесенка, по которой то спускается, то поднимается наш организационный оппортунизм, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь от всякой определенной формулировки своих принципов *).

*) Кто припомнит прения о § 1, тот увидит теперь ясно, что ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода по § 1 неизбежно приводит, при ее развитии и углублении, к организационному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова—самозачисление себя в партию—есть именно ложный «демократизм», идея построения партии снизу вверх. Наоборот, моя идея «бюрократична» в том смысле, что партия строится сверху вниз, от партийного съезда к отдельным партийным организациям. И психология буржуазного интеллигента, и анархические фразы, и оппортунистическое, хвостистское глубоко-

и на оппортунизме в программе и в тактике: высмеивание «ортодоксии», правоверия, узости и неподвижности—ревизионистская «критика» и министерализм—буржуазная демократия.

В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота обиды, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей. Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного съезда,—вы увидите, что меньшинство—это все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия. Тут бундовцы и рабочедельцы, которых мы «обижали» до того, что они ушли со съезда, тут южнорабоченцы, смертельно обиженные умерщвлением организаций вообще и их собственной в частности; тут тов. Махов, которого обижали всякий раз, когда он брал слово (ибо он всякий раз аккуратно срамлился), тут, наконец, тов. Мартов и тов. Аксельрод, которых обидели «ложным обвинением в оппортунизме» за § 1 устава и поражением на выборах. И все эти горькие обиды были не случайным результатом непозволительных острот, резких выходов, бешеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, как думают и по сию пору очень и очень многие филистеры, а неизбежным политическим результатом всей трехлетней идейной работы «Искры». Если мы в течение этих трех лет не языком только распутничали, а выражали те убеждения, которые должны перейти в дело, то мы не могли не бороться на съезде с антиискровцами и с «болотом». А когда мы, вместе с тов. Мартовым, который бился в первых рядах, с открытым забралом, переобидели такую кучу народа,—

мыслие,—все это наметилось уже в прениях о § 1. Тов. Мартов говорит в «Ос. пол.» (стр. 20) о «начавшейся работе мысли» в новой «Искре». Это правда в том отношении, что он и Аксельрод действительно двигают мысль в новом направлении, начиная с § 1. Беда только в том, что направление это «оппортунистическое». Чем дальше будут они «работать» в этом направлении, чем чище будет эта работа от кооптационных дряг, тем глубже они будут увязать в болоте. Тов. Плеханов ясно видел это уже на съезде партии, и в статье «Чего не делать?» вторично предостерегал их: я готов де кооптировать вас даже, только не идите вы по этой дороге, которая ведет исключительно к оппортунизму и к анархизму.—Мартов и Аксельрод не послушались доброго совета: как? не итти? согласиться с Лениным, что кооптация есть одна только дряга? Никогда! Мы ему покажем, что мы принципиальные люди!—И показали. Показали всем вочию, что поскольку у них есть новые принципы, это—принципы оппортунизма.

нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чуть обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счета, бросились с рыданиями в объятия друг к другу и подняли знамя «восстания против ленинизма» *).

Восстание—прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно.

Тов. Плеханову приходится участвовать в этом дурном деле в качестве, так сказать, всенно пленного. Он старается «сорвать сердце», вылавливая отдельные неловкие фразы у авторов той или иной резолюции в пользу «большинства», и восклицает при этом: «Бедный товарищ Ленин! Хороши же его ортодоксальные сторонники!» («Искра», № 63, приложение).

Ну, знаете ли, тов. Плеханов, если я бедствую, то ведь редакция-то новой «Искры» совсем уже нищенствует. Как я не беден,—и еще не дошел до такого абсолютного сближения, чтобы мне приходилось закрывать глаза на партийный съезд и отыскивать материал для упражнения своего остроумия в резолюциях комитетчиков. Как я ни беден, я в тысячу раз богаче тех, сторонники которых не случайно высказывают ту или иную неловкую фразу, а во всех вопросах, и в организационных, и в тактических, и в программных держатся упорно и стойко принципов, противоположных принципам революционной социал-демократии. Как я ни беден, я еще не дошел до того, чтобы мне приходилось скрывать от публики преподносимые мне похвалы таких сторонников. А редакции новой «Искры» приходится делать это.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партийного съезда. Вы узнаете оттуда, что направление этого комитета всецело выражают тов. Акимов и тов. Брукэр, которые боролись по всей линии против революционного крыла партии на съезде и которые десятки раз относимы были к оппортунистам всеми, начиная от тов. Плеханова и кончая тов. Поповым.

*) Это удивительное выражение принадлежит тов. Мартову («Осадн. пол.», стр. 68). Тов. Мартов дождался того времени, когда он будет сам-пят, чтобы поднять «восстание» против меня одного. Неискусно полемизирует тов. Мартов: он хочет уничтожить своего противника тем, что говорит ему величайшие комплименты.

И вот, этот Воронежский Комитет в январском листке своем (№ 12, 1904 г., январь) заявляет:

В нашей непрестанно растущей Партии совершилось в прошлом году крупное и важное для Партии событие: состоялся второй съезд Р. С.-Д. Р. Партии—представителей ее организаций. Созыв съезда партии—дело очень сложное и при условиях монархических очень рискованное, трудное дело, а потому не удивительно, что дело созыва съезда было исполнено далеко не совершенно, и сам съезд, хотя прошел совершенно благополучно, но не удовлетворил все требования, которые к нему предъявила Партия. Товарищи, которым было поручено конференцией (совещанием) 1902 года созвать съезд—были арестованы и устраивали съезд лица, выделенные одним только направлением в русской социал-демократии — искрянским. Многие организации социал-демократов, но не искрянские, не были привлечены к работам съезда: отчасти потому задача съезда по выработке программы и устава Партии исполнена крайне несовершенно, крупные пробелы в уставе, «могущие повести к опасным недоразумениям», признаются самими участниками съезда. На съезде сами искрянцы раскололись, и многие крупные деятели Р. С.-Д. Р. Партии нашей, раньше, казалось, целиком принимавшие программу действия «Искры», сознали нежизненность многих ее взглядов, проводимых главным образом Лениным и Плехановым. Хотя на съезде последние и взяли верх, но сила практической жизни, требования реальной работы, в ряду которой стоят и все неискрянцы, быстро исправляют ошибки теоретиков и после съезда уже внесли серьезные поправки. «Искра» сильно изменилась и обещает внимательно прислушиваться к требованиям деятелей вообще социал-демократии. Таким образом, хотя работы съезда под лежат пересмотру следующего съезда и, как очевидно для самих участников съезда, не являются удовлетворительными, а потому и не могущими войти в Партию, как непреложные постановления, но съезд выяснил положение дел Партии, дал большой материал для дальнейшей теоретической и организационной деятельности Партии и явился громадным поучительным опытом для общепартийной работы. Постановления съезда и устав, им выработанный, будут всеми организациями приняты во внимание, но многие воздержатся руководиться исключительно ими, ввиду их очевидных несовершенств.

Воронежский Комитет, понимая всю важность общепартийной работы, живо отзывался на все вопросы по организации съезда. Он сознает всю важность происшедшего на съезде, приветствует поворот, совершившийся в «Искре», сделавшейся Центральным Органом (главным органом). Хотя положение

дел в Партии и в Ц. К. нас еще не удовлетворяет, но мы верим, что общими усилиями трудная работа организации Партии будет усовершенствована. Ввиду ложных слухов Воронежский Комитет заявляет товарищам, что о выходе Воронежского Комитета из Партии не может быть и речи. Воронежский Комитет прекрасно понимает, каким опасным прецедентом (примером) стал бы выход рабочей организации, какой является Воронежский Комитет, из Р. С.-Д. Р. П. и каким бы это упреком легло на Партию и как бы это было бы невыгодно рабочим организациям, могущим последовать такому примеру. Нам надо не создавать новых расколов, а настойчиво стремиться к объединению всех сознательных рабочих и социалистов в одну Партию. При этом второй съезд был съездом очередным, а не учредительным. Исключение из Партии может быть лишь по партийному суду, и никакая организация, ни самый Центральный Комитет не имеют права исключать какую-либо социал-демократическую организацию из Партии. Больше того, на втором съезде принят восьмой параграф устава, по которому всякая организация в своих местных делах автономна (самостоятельна), а потому Воронежский Комитет имеет полное право проводить свои организационные взгляды в жизнь и в Партию.

Редакция новой «Искры», сославшись на этот листок в № 61, перепечатала вторую, набранную крупным шрифтом, часть приведенной тирады: первую же, набранную петитом, часть редакция предпочла опустить.

Стыдно стало.

с) Нечто о диалектике. Два переворота.

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был, за малыми исключениями, один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.

Перечислим главные стадии, явственно отличающиеся одна от другой: 1) Спор о § 1 устава. Чисто идейная борьба об основных принципах организации. Мы с Плехановым в меньшинстве.

Мартов и Аксельрод предлагают оппортунистическую формулировку и оказываются в объятиях оппортунистов. 2) Раскол организации «Искры» по вопросу о списках кандидатов в Ц. К.: Фомин или Васильев в пятерке, Троцкий или Травинский в тройке. Мы с Плехановым завоевываем большинство (девять против семи), — отчасти именно благодаря тому, что мы были меньшинством по § 1. Коалиция Мартова с оппортунистами подтвердила на деле все мои опасения, вызванные инцидентом с О. К. 3) Продолжение споров о деталях устава. Мартова опять спасают оппортунисты. Мы опять в меньшинстве и отстаиваем права меньшинства в центрах. 4) Семерка крайних оппортунистов уходит со съезда. Мы оказываемся в большинстве и побеждаем коалицию (искровского меньшинства, «болота» и антиискровцев) на выборах. Мартов и Попов отказываются от мест в наших тройках. 5) Послесъездовская дрязга из-за кооптации. Разгул анархического поведения и анархической фразы. Наименее выдержанные и устойчивые элементы в «меньшинстве» берут верх. 6) Плеханов переходит; во избежание раскола, к политике «kill with kindness». «Меньшинство» занимает редакцию Ц. О. и Совет и атакует всеми силами Ц. К. Дрязга продолжает заполнять все и вся. 7) Первая атака на Ц. К. отбита. Дрязга начинает как будто несколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующие партию, вопроса: а) каково политическое значение и объяснение того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде и заменило собой все старые деления? б) Каково принципиальное значение новой позиции новой «Искры» по организационному вопросу?

Каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрязге *), но затем начинается «отри-

*) Трудный вопрос о разграничении дрязг и принципиального расхождения решается теперь сам собою: все, что относится к кооптации, есть дрязга; все, что относится к анализу борьбы на съезде, к спорам о § 1 и о повороте к оппортунизму и к анархизму, есть принципиальное расхождение.

цание отрицания» и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто-идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: *mettere la coda dove non va il capo* (просунуть хвост, где голова не лезет).

Итог диалектического развития нашей партийной борьбы сводится к двум переворотам. Партийный съезд был настоящим переворотом, как справедливо отметил тов. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Правы также и те остряки из меньшинства, которые говорят: мир движется революциями, вот мы и совершили революцию! Они действительно совершили после съезда революцию; правда и то, что мир, вообще говоря, движется революциями. Но конкретное значение каждой конкретной революции этим общим изречением еще не определяется: бывают революции вроде реакции, перефразируя незабвенное выражение незабвенного тов. Махова. Надо знать, революционное или оппортунистическое крыло партий являлось реальной силой, совершавшей переворот, надо знать, революционные или оппортунистические принципы воодушевляли борцов, чтобы определить, вперед или назад двигала «мир» (нашу партию) та или иная конкретная революция.

Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного

движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемков подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее, сколько-нибудь заметной, части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиции кружковой распушенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особенностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: партии. Но в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя. Бой из-за умерщвления организаций неизбежно вышел страшно ожесточенным. Свежий ветер открытой свободной борьбы превратился в вихрь. Этот вихрь смел—и прекрасно, что смел!—все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских интересов, чувств и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии.

Но одно дело называться, другое дело быть. Одно дело жертвовать в принципе кружковщиной в пользу партии, другое дело отказываться от своего кружка. Свежий ветер оказался еще слишком свеж для привыкших к затхлой обывательщине. «Партия не вынесла своего первого конгресса», как справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Обида за умерщвление организаций была слишком сильна. Бешеный вихрь поднял всю мусть со дна нашего партийного потока, и эта мусть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партийность. Разбитое наголову оппортунистическое крыло партии одержало—временно, конечно—верх над революционным крылом, подкрепившись случайной Акимовской добычей.

В итоге получилась новая «Искра», вынужденная развивать и углублять ошибку, сделанную ее редакторами на съезде партии. Старая «Искра» учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрывку оппортунизма—главным образом, в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Ста-

рая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает—независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания—политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола: в сколько-нибудь организованной сколько-нибудь партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии *). Какой позор! Как они осрамили нашу старую «Искру»!

Шаг вперед, два шага назад... Это бывает и в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минуту в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духом при неудачах, бороться выдержанно, презирая обывательские приемы кружковой свалки, до последней возможности охраняя созданную с такими усилиями единую партийную связь всех социал-демократов России и добиваясь упорным и систематическим трудом полного и сознательного ознакомления всех членов партии и рабочих в особенности с партийными обязательствами, с борьбой на II партийном съезде, со всеми причинами и перипетиями нашего расхождения, со всей гибельностью оппортунизма, который и в области организационного дела так же беспомощно пасует перед буржуазной психологией, так же некритически перенимает точку зрения буржуазной демократии, так же притупляет оружие классовой борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики.

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное

*) Для этого милого занятия выработалась уже и стереотипная форма: наш собственный корреспондент X сообщает про комитет большинства Y, что он дурно обошелся с товарищем из меньшинства Z.

объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхождение отсталой кружковщины, несмотря на блески и шумиху интеллигентского анархизма.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Инцидент тов. Гусева с тов. Дейчем.

Сущность этого инцидента, тесно связанного с так называемым «фальшивым» (по выражению тов. Мартова) списком, упомянутым в письме т.т. Мартова и Старовера, которое приведено в тексте § i, состоит в следующем. Тов. Гусев сообщил тов. Павловичу, что этот список, состоявший из т.т. Штейна, Егорова, Попова, Троцкого и Фомина¹⁰⁹), был передан ему, Гусеву, тов. Дейчем (стр. 12 «Письма» тов. Павловича). Тов. Дейч обвинял за это сообщение тов. Гусева в «умышленной клевете», и товарищеский третейский суд признал «сообщение» тов. Гусева «неправильным» (см. резолюцию суда в № 62 «Искры»). После того, как редакция «Искры» напечатала резолюцию суда, тов. Мартов (уже не редакция) выпустил отдельный листок под заглавием: «Резолюция товарищеского третейского суда», где перепечатал целиком не только резолюцию суда, но и полный отчет обо всем разборе дела, а также свое послесловие. В этом послесловии тов. Мартов, между прочим, называет «позорным» «факт подделки списка в интересах фракционной борьбы». На этот листок ответили делегаты II съезда т.т. Лядов и Горин листком под заглавием: «Четвертое лицо в третейском суде», где они «энергично протестуют против того, что тов. Мартов позволяет себе идти дальше решений суда, приписывая тов. Гусеву дурные мотивы», тогда как суд наличности умышленной клеветы не признал, а постановил исключительно, что сообщение тов. Гусева неправильно. Т.т. Горин и Лядов подробно объясняют, что сообщение тов. Гусева могло быть вызвано вполне естественной ошибкой, и характеризуют, как «недостойное», поведение тов. Мартова, который сам делал (и делает в своем листке) ряд ошибочных заявлений, произвольно приписывая тов. Гусеву дурной умысел. Дурного умысла, говорят они, тут вообще и быть не могло. Вот, если я не ошибаюсь, вся «литература» по этому вопросу, содействовать разъяснению которого я считаю своим долгом.

Прежде всего, необходимо, чтобы читатель дал себе точный отчет относительно времени и условий возникновения этого списка (списка кандидатов в Ц.К.). Как я уже указывал в тексте, организация «Искры» совещалась на съезде относительно списка кандидатов в Ц.К., каковой

список она могла бы сообща предложить съезду. Собрание кончилось расхождением; большинство организации «Искры» приняло список: Травинский, Глебов, Васильев, Попов и Троцкий, но меньшинство не пожелало уступить, настаивая на списке: Травинский, Глебов, Фомин, Попов, Троцкий. Обе части организации «Искры» не собирались уже вместе после того собрания, на котором были выдвинуты и провотированы эти списки. Обе части пошли в свободную агитацию на съезде, желая решить разделявший их спорный вопрос вотумом всего партийного съезда и стараясь привлечь возможно большее число делегатов на свою сторону. Эта свободная агитация на съезде сразу обнаружила тот политический факт, который так подробно проанализирован мной в тексте, именно: необходимость для меньшинства искровцев (с Мартовым во главе) опереться на «центр» (болото) и на антиискровцев для победы над нами. Это было необходимо, потому что громадное большинство делегатов, последовательно отстаивавших программу, тактику и организационные планы «Искры» против натиска антиискровцев и «центра», очень быстро и очень твердо встало на нашу сторону. Из 33 делегатов (точнее: голосов), не принадлежащих ни к антиискровцам, ни к «центру», мы очень быстро завоевали себе 24 и заключили «прямое соглашение» с ними, образовали «компактное большинство». Товарищ же Мартов оставался всего с девятью голосами; для победы ему необходимы были все голоса антиискровцев и «центра», с каковыми группами он мог идти вместе (как и по § 1 устава), мог «коалировать», т.-е. мог иметь их поддержку, но не мог заключить прямого соглашения, не мог именно потому, что в течение всего съезда он не менее резко, чем мы, боролся с этими группами. В этом-то и состоял трагизм положения тов. Мартова! Тов. Мартов хочет уничтожить меня в своем «Осадном положении» убийственно ядовитым вопросом: «почтительно просим тов. Ленина прямо ответить на вопрос: посторонним кому являлся на съезде «Южный Рабочий»? (стр. 23, прим.). Отвечаю почтительно и прямо: посторонним по отношению к тов. Мартову. Доказательство: я очень быстро заключил прямое соглашение с искровцами, а тов. Мартов не заключил и не мог заключить прямого соглашения ни с «Южным Рабочим», ни с тов. Маховым, ни с тов. Брукером.

Только уяснив себе эту политическую ситуацию, можно понять, в чем «гвоздь» больного вопроса о пресловутом «фальшивом» списке. Представьте себе конкретно положение дела: организация «Искры» раскололась, и мы свободно агитируем на съезде, защищая свои списки. При этой защите в массе отдельных частных бесед списки комбинируются на сотни ладов, вместо пятерки намечают тройку, предлагают всевозможные замены одного кандидата другим. Я, например, хорошо помню, что в частных беседах большинства выдвигались и затем, после обсуждения и споров, отклонялись кандидатуры т.т. Русова, Осипова, Павловича, Дедова ¹¹⁰). Очень может быть, что выдвигались и другие, неизвестные мне, кандидатуры. Каждый делегат съезда высказывал в беседах свое мнение, предлагал поправки, спорил и т. д. В высшей степени труд-

но предположить, чтобы это имело место исключительно среди большинства. Даже несомненно, что среди меньшинства происходило то же самое, ибо первоначальная их пятерка (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский) заменилась потом, как мы видели из письма т.т. Мартова и Старовера, тройкой: Глебов, Троцкий, Попов, при чем Глебов им не нравился, и они охотно заменяли его Фоминым (см. листок т.т. Лядова и Горина). Не надо забывать, что те группы, на которые я делю делегатов съезда в тексте брошюры, размежеваны мной на основании анализа, произведенного *post factum*: в действительности же эти группы в предвыборной агитации только намечались, и обмен мнений между делегатами шел совершенно свободно; никакой «стены» между нами не было, и каждый говорил с любым делегатом, с кем он только желал говорить частным образом. Нет ровно ничего удивительного в том, что при такой обстановке среди всевозможных комбинаций и списков возник, наряду со списком меньшинства организации «Искры» (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский), не очень много отличающийся от него список: Попов, Троцкий, Фомин, Штейн и Егоров. Возникновение такой комбинации кандидатов в высшей степени естественно, потому что наши кандидаты, Глебов и Травинский, заведомо не нравились меньшинству организации «Искры» (см. их письмо в тексте § i, где они удаляют из тройки Травинского, а про Глебова прямо говорят, что это—компромисс). Замена Глебова и Травинского членами Орг. Комитета, Штейном и Егоровым, была совершенно натуральна, и было бы странно, если бы никому из делегатов партийного меньшинства не пришла в голову идея такой замены.

Рассмотрим теперь два следующие вопроса: 1) от кого исходил список: Егоров, Штейн, Попов, Троцкий, Фомин? и 2) почему тов. Мартов глубоко возмущался приписываньем ему такого списка? Чтобы ответить точно на первый вопрос, необходимо было бы произвести опрос всех делегатов съезда. Теперь это невозможно. Необходимо было бы, в особенности, выяснить, какие делегаты партийного меньшинства (не надо смешивать его с меньшинством организации «Искры») слышали на съезде о списках, вызвавших раскол организации «Искры»? как отнеслись они к своим спискам большинства и меньшинства организации «Искры»? не предлагали ли и не слыхали ли каких-либо предположений или мнений относительно желательного видоизменения списка меньшинства организации «Искры»? К сожалению, эти вопросы не были предложены, повидимому, и на третейском суде, которому (судя по тексту решения) осталось даже неизвестным, из-за каких «пятерок» разошлась организация «Искры». Тов. Белов, например (относимый мной к «центру»), «показал, что он был в добрых товарищеских отношениях с Дейчем, который делился с ним своими впечатлениями по поводу работ съезда, и если бы Дейч вел какую-либо агитацию за тот или другой список, то он сообщил бы об этом и Белову». Нельзя не пожалеть, что осталось невыясненным, делился ли тов. Дейч на съезде с тов. Беловым впечатлениями по поводу списков организации «Искры»?

и если да, то как относился тов. Белов к пятерному списку меньшинства организации «Искры»? не предлагал ли или не слышал ли о каких-либо желательных изменениях в нем? Благодаря не выясненности этого обстоятельства получается то противоречие в показаниях т.т. Белова и Дейча, которое уже отметили т.т. Горин и Лядов, именно, что тов. Дейч, вопреки своим утверждениям, «вел агитацию в пользу тех или других кандидатов Ц.К.», намеченных организацией «Искры». Тов. Белов показывает далее, что «о циркулировавшем на съезде списке он узнал, частным образом, дня за два до окончания съезда, встретившись с т.т. Егоровым, Поповым и делегатами харьковского комитета. При этом Егоров выразил удивление по поводу того, что его имя помещено в списке кандидатов в Ц.К., так как, по его, Егорову, мнению, его кандидатура не могла бы внушить сочувствия среди делегатов на съезде, как большинства, так и меньшинства». Крайне характерно, что здесь говорится, очевидно, о меньшинстве организации «Искры», ибо среди остального меньшинства партийного съезда кандидатура тов. Егорова, члена О. К. и видного оратора «центра», не только могла, но, по всей вероятности, должна была бы встретить сочувствие. К сожалению, именно о сочувствии или несочувствии тех членов партийного меньшинства, которые не принадлежали к организации «Искры», мы не узнаем ничего от тов. Белова. А между тем этот-то вопрос и важен, ибо тов. Дейч возмущался приписыванием этого списка меньшинству организации «Искры», а список мог исходить от меньшинства, не принадлежавшего к этой организации!

Разумеется, в настоящее время очень трудно припомнить, кто первый высказал предположение о такой комбинации кандидатов и от кого услышал об ней каждый из нас. Я, например, не берусь припомнить не только этого, но и того, кто именно из большинства первый выдвинул упоминавшиеся мной кандидатуры Русова, Дедова и других; из массы разговоров, предположений, слухов о всевозможных комбинациях кандидатов в моей памяти запечатлелись только те «списки», которые прямо ставились на вот в организации «Искры» или на частных собраниях большинства. «Списки» эти большей частью передавались устно (в моем «Письме в редакцию «Искры», стр. 4, строка 5 снизу, я называю «списком» именно устно предложенную мной на собрании комбинацию пяти кандидатов), но сплошь да рядом записывались и на записки, которые вообще посылались от делегата к делегату во время заседаний съезда и уничтожались обыкновенно после заседания.

Раз нет точных данных о происхождении пресловутого списка, остается предположить, что либо неизвестный меньшинству организации «Искры» делегат партийного меньшинства высказался за такую комбинацию кандидатов, которую мы имеем в этом списке, и эта комбинация, в устном и письменном виде, пошла гулять по съезду; — либо за эту комбинацию высказался на съезде кто-либо из членов меньшинства организации «Искры», впоследствии забывший об этом. Более вероятным мне кажется второе предположение, и вот почему: кандидатура тов. Штейна,

несомненно, встречала еще на съезде сочувствие меньшинства организации «Искры» (см. в тексте моей брошюры), а к идее о кандидатуре тов. Егорова это меньшинство, несомненно, пришло после съезда (ибо и на съезде Лиги, и в «Осадном положении» выражается сожаление о неутверждении Организационного Комитета Центральным Комитетом, а т. Егоров был членом О. К.). Не естественно ли предположить, что эта, носившаяся, очевидно, в воздухе идея о прекращении членов О. К. в члены Ц. К. была высказана кем-нибудь из членов меньшинства в частном разговоре и на съезде партии?

Но тов. Мартов и тов. Дейч склонны, вместо естественного объяснения, усматривать непременно какую-то грязь, подвох, нечто нечестное, распространение «заведомо ложных слухов с целью опроверчить», «подделку в интересах фракционной борьбы» и т. п. Это болезненное стремление может быть объяснено только нездоровыми условиями эмигрантской жизни или ненормальным состоянием нервов, и я не стал бы даже и останавливаться на этом вопросе, если бы дело не дошло до недостойного посягательства на честь товарища. Подумайте только: какие основания могли быть у т.т. Дейча и Мартова искать грязного, дурного умысла в неверном сообщении, в неверном слухе? Их большое воображение нарисовало им, очевидно, такую картину, что большинство «порочило» их не указанием на политическую ошибку меньшинства (§ 1 и коалиция с оппортунистами), а приписываньем меньшинству «заведомо-ложных», «подделанных» списков. Меньшинство предпочитало объяснить дело не своей ошибкой, а грязными, нечестными, позорными приемами большинства! До какой степени безрассудно искать дурного умысла в «неправильном сообщении», это мы показали уже и выше, обрисовав обстановку дела; это ясно видел и товарищеский третейский суд, который никакой клеветы и ничего злоумышленного, ничего позорного не констатировал. Это, наконец, всего нагляднее доказывается тем фактом, что уже на съезде партии, еще до выборов, меньшинство организации «Искры» объяснялось с большинством по поводу неверного слуха, а тов. Мартов объяснялся даже в письме, которое было прочтено на собрании всех 24 делегатов большинства! Большинство и не думало скрывать от меньшинства организации «Искры», что на съезде циркулирует такой-то список: тов. Ленский сказал об этом тов. Дейчу (см. решение суда), тов. Плеханов говорил об этом тов. Засулич («с ней невозможно говорить, она, кажется, принимает меня за Трепова» — сказал мне тов. Плеханов, и эта шутка, много раз повторявшаяся, показывает еще раз ненормальное возбуждение меньшинства), я заявил тов. Мартову, что его утверждения (о непринадлежности списка ему, Мартову) для меня достаточно (протоколы Лиги, стр. 64). Тогда тов. Мартов (помнится, вместе с тов. Старовером) прислал нам записку в бюро, следующего приблизительно содержания: «большинство редакции «Искры» просит допустить его на частное собрание большинства для опровержения распространяемых против него позорящих слухов». Мы с Плехановым ответили на этой же записке:

«Никаких позорящих слухов мы не слышали. Если требуется собрание редакции, то об этом надо условиться особо. Ленин. Плеханов». Придя вечером на собрание большинства, мы рассказали об этом всем 24-м делегатам. Чтобы устранить возможность всяких недоразумений, решено было выбрать сообща делегатов от всех нас 24-х и послать этих делегатов объясниться с т.т. Мартовым и Старовером. Выбранные делегаты, т.т. Сорокин и Саблина, пошли и объяснили, что никто специально Мартову или Староверу списка не приписывает особенно после их заявления и что вовсе не важно, от меньшинства ли организации «Искры» или от не принадлежащего к этой организации меньшинства съезда исходит так или иначе этот список. Ведь не дознание же, в самом деле, производить на съезде! не опрашивать же всех делегатов насчет такого списка! Но т.т. Мартов и Старовер, кроме того, написали нам еще письмо с формальным опровержением (см. § i). Письмо это наши уполномоченные, т.т. Сорокин и Саблина, прочли на собрании 24-х. Казалось бы, инцидент можно уже считать законченным, — законченным не в смысле розысков о происхождении списка (если это кому интересно), а в смысле полнейшего устранения всякой мысли о каком бы то ни было намерении «повредить меньшинству» или «опорочить» кого-либо или воспользоваться «подделкой в интересах фракционной борьбы». Между тем тов. Мартов в Лиге (стр. 63—64) опять вытаскивает эту вымученную больным воображением грязь, при чем делает целый ряд неправильных сообщений (очевидно, вследствие своего возбужденного состояния). Он говорил, что в списке был бундовец. Это неверно. Все свидетели на третьей суде, и т.т. Штейн и Белов в том числе, подтверждают, что список был с тов. Егоровым. Тов. Мартов говорил, что список означал коалицию в смысле прямого соглашения. Это неверно, как я уже объяснил. Тов. Мартов говорит, что других списков, исходящих от меньшинства организации «Искры» (и способных оттолкнуть от этого меньшинства большинство съезда), «не было даже и подделано». Это неверно, ибо все большинство партийного съезда знало не менее трех списков, исходивших от тов. Мартова и К^о и не встретивших одобрения большинства (см. список Лядова и Горина).

Почему так возмущал вообще этот список тов. Мартова? Потому, что список означал поворот к правому крылу партии. Тогда тов. Мартов вопиял против «ложного обвинения в оппортунизме», возмущался «неправильной характеристикой его политической позиции», а теперь все и каждый видит, что вопрос о принадлежности известного списка тов. Мартову и тов. Дейчу никакого политического значения сыграть не мог, что по существу, независимо ни от этого, ни от какого другого списка, обвинение было не ложно, а истинно, характеристика политической позиции была совершенно правильна.

Итог этого тяжелого, вымученного дела о пресловутом фальшивом списке получается следующий:

- 1) Посягательство тов. Мартова на честь тов. Гусева посредством

криков о «позорном факте подделки списка в интересах фракционной борьбы» нельзя не назвать, вместе с т.г. Гориным и Лядовым, недостойным.

2) В интересах оздоровления атмосферы и избавления членов партии от обязанности брать всерьез всякие больные выходки, может быть, следовало бы на третьем съезде установить такое правило, которое есть в организационном уставе немецкой соц.-дем. рабочей партии. § 2 этого устава гласит: «К партии не может принадлежать тот, кто оказался виновным в грубом нарушении принципов партийной программы или в бесчестном поступке. Вопрос о дальнейшей принадлежности к партии решает третейский суд, созываемый партийным правлением. Половину судей назначает тот, кто предлагает исключение, другую половину — тот, кого хотят исключить, а председателя назначает правление партии. Апелляция на решение третейского суда допускается в контрольную комиссию или в партийный съезд». Подобное правило может послужить хорошим орудием борьбы против всех тех, кто легкомысленно бросает обвинение (или распространяет слухи) относительно чего бы то ни было бесчестного. При существовании такого правила все такие обвинения раз-на-всегда относимы были бы к недостойным сслет-ням, пока у тех, кто обвиняет, не находится нравственного мужества выступить перед партией в роли обвинителя и добиваться вынесения вердикта подлежащим партийным учреждением.

Чего мы добиваемся.

(К партии.)

Недавно состоялось частное собрание 19 членов Росс. С.-Д. Р. П. (в том числе делегатов II съезда, членов комитетов и др. партийных организаций и не входящих в партийные организации революционеров). Эта конференция единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда, обсудила вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем русским с.-д.-там с нижеследующим воззванием. (Протоколы конференции будут представлены на III съезде партии.) *)

Товарищи! Тяжелый кризис партии затягивается до бесконечности. Смута все растет, плодя новые и новые конфликты, тормозящие по всей линии и в самых угрожающих размерах положительную работу, разрывая все более и более связь между партией и ее центральным органом, который окончательно превратился в орган [почти исключительно заграничного кружка] **) и главным образом заграничного кружка. Выискивание разногласий, выкапывание старых, давно решенных и отошедших в область прошлого вопросов, заигрывание с последовательными оппортунистами, неимоверная путаница в рассуждениях, бесстыдное игнорирование партийного съезда, его прений и его решений, издевательство над партийной организацией и дисциплиной, над большинством, создавших партию и ведущих работу на местах революционеров, злобное и придиричливое, основанное на недоказуемых [фактах] ***) данных и на непроверенных сообщениях анонимных, хихиканье по поводу недостатков работы в комитетах революционного крыла партии,—вот что мы видим в новой «Искре»,

*) От слова: «Протоколы», включая слово: «партии»—зачеркнуто. Ред.

**) В кв. скобках—зачеркнуто. Ред.

***) Слово: «фактах»—зачеркнуто. Ред.

ставшей очагом смуты, вот что дала нам отвергнутая съездом редакция, воспользовавшаяся личными уступками для новых кооптационных дрызг, для дела разрушения партии.

А между тем переживаемый Россией исторический момент требует от нашей партии напряжения всех ее сил. Революционное возбуждение в рабочем классе, брожение в других слоях населения все растет, война и кризис, голод и безработица подкапывают основы самодержавия все глубже, позорный конец позорной войны не так уже далек, и этот конец неминуемо удесате-рит революционное возбуждение, поставит рабочий класс лицом к лицу с его врагами, потребует самых решительных наступательных мер от социал-демократии. Сплоченная партийная организация, выдержанное революционно-марксистское направление, введение внутри-наружной борьбы в приличные и достойные рамки, так чтобы эта борьба не вносила дезорганизации и не мешала положительной работе, — эти настоятельные требования всего рабочего движения России должны быть немедленно и во что бы то ни стало осуществлены под угрозой полной потери престижа *) и доброго имени Росс. С.-Д. Р. П. и всего **) приобретенного ею влияния.

Первым шагом к достижению этой цели мы считаем внесение полной ясности, откровенности и прямоты в отношениях между разными группами, направлениями и оттенками нашей партии. Споры нет, бывают моменты, когда польза дела требует умолчания о частных расхождениях, но было бы самой печальной и непростительной ошибкой считать роковым момент, переживаемый нашей партией. Личные уступки меньшинству не удержали смуты, спорные вопросы поставлены уже ребром, всей партии брошен прямой вызов, и только дряблость и невежество могут мечтать о возврате невозвратного прошлого, о возможности что-то скрыть, чего-то недоговорить, что-то замазать, от чего-то спрятаться. Нет, политика умывания рук, политика пассивного воздержания, политика **) доказала уже свою полнейшую негодность в нашей партийной борьбе. Дальнейшая уклончивость, хитрость и умолчание были бы не только бесцельны и презренны, но и прямо преступны. Мы делаем начин прямого изложения всей программы нашей борьбы внутри партии, мы призываем к такому изложению представителей всех и всяческих оттенков русских социал-демократов, как входящих в партию, так и намеревающихся, при извест-

*) Слова: «престижа и» — зачеркнуты. Слово: «всего» зачеркнуто. Над ним подписано: «всего». Р е д.

**) В тексте — пропуск. Р е д.

ных условиях, войти в нее. Только полная ясность и прямота способны дать всем сознательным рабочим и всем членам партии материал для разумного и твердого решения спорных партийных вопросов.

Мы стоим на точке зрения большинства II партийного съезда. В неправильности позиции меньшинства на съезде, в стремлении [желании во что бы то ни стало] *) отстоять эту позицию, независимо от воли партии, мы видим основную причину всех дальнейших ошибок и всей смуты. Неправильность была двоякая: во-1-х, старому редакторскому кружку «Искры» не у кого было искать поддержки, кроме как у оппортунистического крыла нашего съезда и нашей партии. Во-2-х, это соединение с явными оппортунистами, во главе которых находился и продолжает находиться тов. Акимов, окончательно сплотилось и стало партийным делением лишь на таком вопросе, как выборы в центры. Из первой неправильности логически неизбежно вытекла вся та принципиальная путаница и те оппортунистические фразы **), которые мы видим в рассуждениях новой «Искры», поскольку эти рассуждения могут быть признаны принципиальными. Из второй неправильности вытекла защита отстаивания старого ***) редакторского кружка вопреки воле партии, защита и оправдание кружковщины против партийности, внесение в наши споры таких приемов, какие целиком свойственны обывательской дрязге и кружковой сваре, а не борьбе членов партии, умеющих уважать и свою партию, и самих себя. Из первой неправильности логически неизбежно вытекло то, что вокруг меньшинства сплотилось все, тяготеющее к оппортунизму, все, что склонно тащить партию назад и взять реванш за обиды, нанесенные революционной социал-демократией ее противникам, все, выражающее собой интеллигентские тенденции нашего движения, все, склонное к интеллигентски-анархическому отрицанию организации и дисциплины. Из второй неправильности вытекло господство заграничного кружка над большинством русских работников и разгул специфически эмигрантских скандалов, которые заменяют для меньшинства способы убеждения.

Всякие сомнения теперь исчезли. Никакие колебания невозможны для тех, кто не на словах только является членом партии, для тех, кто на деле хочет отстаивать насущные интересы нашего рабочего движения. Борьба объявлена, объявлена и ведется по

*) Слова: «желания во что бы то ни стало» — зачеркнуты. Над ними вписано слово: «стремление». Р е д.

**) Слово «фразы» — зачеркнуто, надписано — «шатания». Р е д.

***) Слово «старого» — зачеркнуто, надписано вместо зачеркнутого «пар». Р е д.

всей линии меньшинством, и мы принимаем вызов, мы объявляем непримиримую борьбу, борьбу до конца. Мы боремся против кружковщины вообще и против старого редакторского кружка в особенности во имя партийности. Мы боремся во имя интересов русского рабочего движения против заграничной дрязги. Мы боремся во имя революционно-пролетарских тенденций нашего движения, против интеллигентски-оппортунистических. Мы боремся за выдержанное направление революционной социал-демократии, против шатаний, зигзагов и возвратов к давно отжившему прошлому. Мы боремся за сплоченную партийную организацию нашего рабочего авангарда, против интеллигентской распушенности, дезорганизации и анархии. Мы боремся за уважение к партийным съездам против дряблой переметчивости, против слов, расходящихся с делами, против издевательства над договорами и решениями, сообща принятыми. Мы боремся за партийную гласность против тактики новой «Искры» и нового Совета Партии затыкать рот большинству и прятать под спудом свои протоколы.

Из нашей программы борьбы сами собою вытекают ее средства и ее ближайшие цели. Главным *) средством является всесторонняя и самая широкая устная и письменная агитация. На этом пункте не стоило бы останавливаться, если бы полная дрязги борьба меньшинства не породила у нас в партии того (справедливого осмеянного уже Екатерин. комитетом и многими другими организациями) пресловутого «примиренства», которое прячет голову под крыло и проповедует прекращение борьбы большинства с меньшинством. Только малодушием, утомлением или одичалостью можно объяснить существование таких ребяческих взглядов, которые недостойны сколько-нибудь взрослого члена партии. Можно и должно говорить о введении партийной борьбы в партийные рамки, можно и должно добиваться этого ни одними только усовершенствованиями, но [проповедь] **) предложение перестать отстаивать то, что отстаивалось перед лицом всей партии на съезде и что считается необходимым в насущных интересах партии, такое предложение, если бы его решились сделать публично, было бы достойно лишь общего презрения.

Верным и решающим средством борьбы мы считаем [партий] ***) созыв партийного съезда. Мы (согл.) ****) поддерживаем всецело те комитеты, которые выступили с тре-

*) Слово «Главным» — надписано вместо зачеркнутого «Первым». Ред.

**) Слово «проповедь» — зачеркнуто. Ред.

***) Слово «партий» — зачеркнуто. Ред.

****) В оригинале слово в скобках — недописано. Ред.

бозанием немедленного созыва третьего партийного съезда. Мы считаем долгом в особенности остановиться на тех лицемерных доводах, которыми редакция новой «Искры» и ее явные и тайные пособники аргументируют против съезда, старательно пряча эту (трудно совместимую с партийным долгом) аргументацию от глаза созета (как прячет Заграничная Лига и редакция «Искры», агитация которой лишь отчасти вынесена наружу и разоблачена комитетами). Довод первый: съезд поведет к расколу. Уже один тот факт, что меньшинство выступает с подобным доводом, показывает всю фальшь его позиции. Ведь говорят так: меньшинство признает, что партия против него, что заграничный кружок навязал себя силой партии, что он держится лишь благодаря отдаленности России и трудности внешних условий работы настоящих революционеров. Кто честно относится к партии, кто искренно хочет работать вместе, тот не боится, а желает съезда для устранения смуты, для приведения в соответствие партии и ее должностных коллегий, для уничтожения недостойной двусмысленности. Выдвигать раскол, как пугало, значит лишь наглядно показывать нечистую совесть. Без подчинения меньшинства большинству не может быть партии, сколько-нибудь достойной имени рабочей партии, и если необходимы иногда взаимные (а не односторонние)*) уступки, если требуются иногда сделки и договоры между частями партии, то только (единственно**) на съезде они возможны и они допустимы. Ни один уважающий себя революционер не пожелает оставаться в партии, которая держится вместе лишь благодаря искусственным оттяжкам партийного съезда.

Довод второй: еще возможно примирение без съезда. На чем основано такое мнение, неизвестно. Сторонники его выступают и действуют не иначе, как закулисно. Не пора ли бросить эту закулисную интригу, которая только удесятерит взаимное недоверие, только обостряет вражду и затемняет положение. Не оттого ли нет ни у одного человека решимости выступить публично с планом примирения, что при данном положении и невозможен такой план, который бы не вызвал в лучшем случае смеха. Кто разумеет под миром кооптацию излюбленного меньшинству лиц в Ц. К., тот хочет не мира, а обостренной борьбы большинства, тот не понимает, что партийная борьба бесповоротно выросла из чисто кооптационной дрязги. Кто понимает под миром прекращение спо-

*) Стоящее в скобках—зачеркнуто. Ред.

**) Стоящее в скобках—зачеркнуто. Ред.

роз и борьбы, тот возвращается к психологии старого кружка: в партии всегда будут споры и борьба, их надо лишь ввести в партийные рамки, [кто] *), а это под силу лишь съезду. Одним словом, как ни вертите этот лозунг мира, без съезда, как ни поворачивайте эту идею примирить борющихся, не удовлетворяя ни одной стороны,—вы увидите, что эта гениальная идея выражает лишь растерянность и отсутствие мысли, лишь незнание, чего хотеть, чего добиваться. Если даже план такого влиятельного (в прежнее время влиятельного) человека, как Плеханов, погасить пожар в самом его начале посредством максимальных личных уступок,—потерпел полное фиаско, то можно ли говорить серьезно о подобных планах теперь? [когда] **).

Довод третий: возможна подделка съезда. На этот довод уже ответил Петербургский комитет, назвав его инсинуацией. И это заявление местного комитета было пощечиной, заслуженной теми, кто из-за угла бросал и обвинения, не имея ни тени фактов, хотя в руках меньшинства и высший Совет и печатный орган партии, так что меньшинство [не то] ***) держит в своих руках не только орудие публичного разоблачения подозреваемых им злоупотреблений, но и юридие административного исправления и воздействия. Все и каждый понимает, что меньшинство давно прокричало бы о фактах, если бы они были и это [новая] ****) недавняя резолюция Совета, доказывая отсутствие фактов в прошлом, гарантирует их невозможность в будущем. Употребление этого довода «Искрой» показывает лишний раз, как площадная руготня заменила у нее теперь политику, и заставляет нас спросить всех членов партии: есть ли у нас на деле партия? Хотим ли мы по примеру с.-р-ов, довольствоваться декорацией и вывеской, или мы обязаны сорвать всякую фальшь?

Довод четвертый: разногласия еще не выяснены. Лучший ответ на этот довод даст новая «Искра», знакомство с которой показывает партии, что разногласия выискиваются, а не выясняются, что путаница растет безгранично. Только съезд с открытым и полным изложением своих пожеланий всеми товарищами способен внести ясность в невероятно запутанные вопросы и запутанное положение.

Довод пятый: съезд отвлечет силы и средства от положительной работы. И этот довод звучит грустной насмешкой: нельзя себе

*) Стоящее в скобках—зачеркнуто. Р е д.

**) Стоящее в скобках—зачеркнуто. Р е д.

***) Стоящее в скобках—зачеркнуто. Р е д.

****) Стоящее в скобках—зачеркнуто. Р е д.

представить и мысленно большего отвлечения сил и средств, чем то, что причиняет смута

Нет, все доводы против съезда свидетельствуют лишь о лицемерии, либо о неведении дела и малодушном сомнении в силах партии. Партия наша опять тяжело больна, но у нее есть силы снова подняться и стать достойной русского пролетариата. Мерами лечения болезни мы считали три следующие преобразования, которые мы будем проводить всеми лояльными средствами.

Первое—передачу редакции в руки сторонников большинства II партийного съезда.

Второе—действительное подчинение заграничной местной организации (Лиги) общерусской центральной организации (Центральному Комитету).

Третье—гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы.

Об этих трех коренных пунктах нашей программы остается уже немного сказать, после изложенного выше. Что старая редакция «Искры» показала теперь на деле свою негодность, это мы считаем неоспровержимым. Не искровство пережило себя, как открыл тов. Мартов после его поражения на выборах, а старая редакция «Искры» пережила себя. Теперь было бы уже одним лицемерием не говорить этого прямо после тех вызовов, которые сделаны были кружком всей партии. О ненормальном положении заграничной организации, которая превратила себя во второй (если не в третий) центр и игнорирует совершенно Ц. К. партии, нечего много распространяться. Наконец, о юридическом положении меньшинства (какого бы то ни было меньшинства) в нашей партии заставляет подумать весь опыт послесъездовской борьбы. Этот опыт учит по нашему убеждению необходимости обеспечить в уставе партии права всякого меньшинства, чтобы отводить постоянные и неустраимые источники недовольства, раздражения и борьбы из обычных обывательских пороков, скандала и дразги в неприличные еще каналы оформленной и достойной борьбы за свои убеждения, к таким безусловным гарантиям мы относим предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы, с правом представительства на съездах и с полной «свободой языка». Необходимо дать самые широкие гарантии вообще относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Необходимо дать комитетам право получать (в общепартийном транспорте) именно те партийные издания, которые им угодно. Необходимо приостановить впредь до IV-го съезда право Ц. К. влиять, иначе как Со-

ветом, на личный состав комитетов. Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, ибо мы пишем не проект устава, а лишь общую программу борьбы. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые Ц. К. предлагал меньшинству II съезда, были закреплены уставом, чтобы недовольство выражалось приличным путем, чтобы глупенький мираж осадного положения (созданный героями кооптации) окончательно рассеялся, чтобы неизбежная внутрипартийная борьба не тормозила положительной работы.

Мы обязаны научить наше меньшинство бороться за личный состав центров только на съездах и не мешать дразгами нашей работе после съездов, мы обязаны добиться этого под угрозой гибели нашей партии. Наконец, в общей программе мы лишь вкратце упомянем о желательных для нас частичных изменениях устава, как-то: превращение совета из третейского в выбираемые съездом учреждения, изменение параграфа 1 устава в духе большинства II съезда, со включением в число партийных организаций всех рабочих организаций и всех тех групп русских с.-д.-тов, которые вели особое существование в кружковый период и которые пожелали бы войти в партию и т. д. и т. д.

У нас нет партии — рассуждали про себя участники нашего редакторского дворцового переворота, спекулируя *) на отдаленности России, на частую смену тамошних работников и на свою собственную незаменимость. У нас рождается партия, — говорим мы, видя пробуждающиеся к активному вмешательству комитеты, видя рост политической сознательности передовых рабочих. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные и оживить, и заменить дряхлеющие литературные коллеги, у нас есть и все больше становится революционеров, которые ценят направление воспитавшей их старой «Искры» больше, чем любой редакторский кружок. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки, никакая старчески-озлобленная руготня новой «Искры» не удержит решительного и окончательного приговора этой партии.

Из этих новых сил в нашей партии черпаем мы уверенность в победе. (Три коренных преобразования намерены мы проводить на съезде **).

*) Слова: «участники нашего редакторского дворцового переворота, спекулируя» — зачеркнуто; надписано: «наши противники полагали». Ред.

**) Слова в скобках — зачеркнуты. Ред.

Выступая с этой программой нашей внутри-партийной борьбы, мы приглашаем все организации партии и представителей всех оттенков внутри ее высказаться по вопросу об их программе, чтобы дать возможность постепенной, серьезной, осмотрительной и разумной подготовке к съезду.

*Напечатано не было.
Печатается с рукописи.*

К партии.

Недавно состоялось частное собрание 22 членов Р. С.-Д. Р. II. —единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II-го партийного съезда; эта конференция обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием:

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь? Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет!

Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному объединенному действию превращается в мечту.

И все же мы считаем эту болезнь партии болезнью роста. Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней

борьбы—в конфликте кружковщины и партийности. И потому, только покончивши с этой болезнью, наша партия может стать действительно партией.

Под именем «меньшинства» в партии сплотились разнородные элементы, связанные сознательным или бессознательным стремлением удерживать кружковые отношения, допартийные формы организации.

Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковой период действительно могли зачастую совпадать с ними,—целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного Комитета, члены прежней группы «Южный Рабочий» и др.).

Их союзниками оказались все те элементы, которые в теории или практике отклонялись от принципов строгого социал-демократизма, ибо только кружковщина могла сохранить идейную индивидуальность и влияние этих элементов, партийность же угрожала растворить их и лишить всякого влияния (экономисты, рабочедельцы и др.). Наконец, главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы нашей партии, которые являлись по преимуществу интеллигентскими. По сравнению с пролетариатом интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственно широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Заграничная часть партии, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция—эта часть партии должна была оказаться наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость ор-

ганизованного единства работы, — Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций. Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций.

Борьба развивалась и обострялась. И до чего она дошла!

Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше — руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изысканием действительных и мнимых разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии — прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партией теории, возвращая идейную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний. С другой стороны, новая «Искра», стремясь подорвать нравственное влияние партийного большинства, еще более усиленно занята отыскиванием и обличением ошибок его работников, раздувая всякий действительный промах до чудовищных размеров и стараясь свалить ответственность за него на все большинство партии, подхватывая всякую кружковую сплетню, всякую инсинуацию, которая может повредить противникам, не заботясь не только о проверке, но зачастую и о правдоподобности. На этом пути деятели новой «Искры» дошли до приписывания членам большинства не только совершенно небывалых, но даже и невозможных преступлений, и не только в политическом отношении (например: обвинение Ц. К. в насильственном раскассировании лиц и организаций), но и в общеморальном (обвинение видных деятелей партии в подлоге и в нравственном эгоизме подлогу). Никогда еще партии не приходилось купаться в таком море грязи, какое создано заграничным меньшинством в нынешней полемике.

Каким образом могло все это случиться?

Образ действий каждой стороны соответствовал основному характеру ее тенденций. Большинство партии, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее единство и организационную связь,

боролось лишь партийно-лояльными средствами и не раз ради примирения шло на уступки. Меньшинство, проводя анархическую тенденцию, не заботилось о партийном мире и единстве. Оно каждую уступку делало орудием дальнейшей борьбы. Из всех требований меньшинства не удовлетворено до сих пор только одно — внесение розни в Ц. К. партии путем кооптации насильственно навязанных ему членов меньшинства, — и нападения меньшинства стали ожесточеннее, чем когда-либо. Завладевши Ц. О. и Советом партии, меньшинство не стесняется теперь эксплуатировать в своих кружковых интересах ту самую дисциплину, против которой по существу оно борется.

Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дольше прямо преступно.

Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. — Без него можно ожидать только прогрессивного разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее идти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более чем неразумно, — скованные одною цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы свои силы на мелкую борьбу и дразни, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут. Указывают на возможность примирения без съезда. Но какое примирение? Окончательная капитуляция перед кружковщиной, кооптация меньшинства в Ц. К. и следовательно полное завершение дезорганизации центральных учреждений. Тогда партия стала бы только словом, партийное большинство вынуждено было бы начать новую борьбу. А мень-

шинство? До сих пор каждая завоеванная уступка была для него только опорой к дезорганизаторской работе; даже с его точки зрения борьба далеко переросла рамки кооптационной дрязги; как же может оно прекратить борьбу? И тем более не прекратит оно ее, не получивши всех уступок. Нам говорят: съезд не может достигнуть цели, потому что до сих пор не выяснены разногласия. Да разве дело идет теперь к их выяснению, разве путаница не растет все более? Разногласия теперь не выясняются, а выискиваются и создаются, и только съезд может положить конец этому. Только он, поставивши борющиеся стороны лицом к лицу, заставивши их определенно и открыто выразить свои стремления, только он в силах внести полную ясность во взаимные отношения партийных течений и партийных сил. Но съезд может быть подделан путем раскассирования организаций, заявляет меньшинство. Это лживая инсинуация, отмечаем мы, инсинуация, в пользу которой не приведено ни одного факта. Если бы факты были, меньшинство, располагая партийным органом, конечно, уже сумело бы придать им широкую огласку, и, держа в руках Совет партии, оно имело бы полную возможность их исправить. Наконец, недавняя резолюция Совета, не указывая таких фактов в прошлом, окончательно гарантирует невозможность их в будущем. Кто поверит теперь неправдоподобной инсинуации? Выражают опасения, что съезд отвлечет слишком много сил и средств от положительной работы. Горькая насмешка! Разве мыслимо большее отвлечение сил и средств, чем то, которое причиняет смута? Съезд необходим! Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни ввиду исключительности исторического момента, ввиду возможности новых задач, поставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства.

Что должен сделать третий съезд для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни? В этом отношении мы считаем наиболее существенными следующие преобразования, которые будем защищать и проводить всеми лояльными средствами.

I. Переход редакции Ц. О. в руки сторонников партийного большинства. Необходимость этого перехода в силу явной неспособности нынешней редакции поддерживать Ц. О. на уровне общепартийных интересов достаточно мотивирована. Кружковой орган не может и не должен быть органом партии.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной орга-

низации (Лиги) к обще-русскому центру, Ц. К. Нынешнее положение Лиги, которая превратила себя во второй центр партии и бесконтрольно управляет примыкающими группами, в то же время совершенно игнорирует Ц. К.,—это положение явно ненормально; с ним необходимо покончить.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта послесъездозской борьбы. Требуя (требуется?) обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустранимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового, обывательского русла скандала и дразни в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее. Предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах; самые широкие формальные гарантии относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное признание права комитетов получать (в общепартийном транспорте) те партийные издания, которые им угодно. Точное определение границ права Ц. К. влиять на личный состав комитетов. Мы считаем весьма важным, чтобы меры по изданию литературы недовольных, которые Ц. К. предлагал меньшинству второго съезда, были закреплены уставом, чтобы рассеялся меньшинством же созданный мираж «осадного положения», чтобы неизбежная внутри-партийная борьба велась в приличных формах и не тормозила положительной работы.

Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, так как предлагаем не проект устава, а лишь общую программу борьбы за единство партии. Поэтому мы лишь кратко наметим направление некоторых частных желательных, по нашему мнению, изменений устава, нисколько не связывая себе руки по отношению к дальнейшей его разработке, на основании новых указаний опыта. Необходимо, например, преобразовать Совет партии, как учреждение, показавшее на практике свою непригодность в своем теперешнем виде к выполнению поставленной ему задачи—объединения деятельности центров и высшего контроля над нею. Он должен стать коллегией, целиком выбираемой съездом, а не третейским судом выбираемого съездом пятого над центрами, защищающими себя через своих делегатов. Следует также, сообразуясь с указаниями партийной критики, пересмотреть § 1-й устава в смысле более точного определения границ партии и т. д.

Выступая с этой программой борьбы за единство партии, мы приглашаем представителей всех других оттенков и все партийные организации определенно высказаться по вопросу об их программах, чтобы создать возможность серьезной и последовательной, сознательной и планомерной подготовки к съезду. Для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она как идейная и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного рабочего движения нашей страны? Всем своим образом действий заграничное меньшинство говорит: нет! И оно продолжает действовать в этом смысле уверенно, решительно, полагаясь на отдаленность России, на частую смену тамошних работников, на незаменимость своих вождей, своих литературных сил. У нас рождается партия! говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.

Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе. Товарищи! печатайте и распространяйте это воззвание.

Июль 1904 г.

Для Бориса ¹¹¹⁾.

Дорогой товарищ! Сегодня на собрании тесного кружка заграничных большевиков окончательно решен вопрос, давно уже решенный в принципе, об основании периодического партийного органа, посвященного отстаиванию и развитию принципов большинства, в борьбе с смутой организационной и практической, внесенной в партию меньшинством, и обслуживанию положения работы русских организаций против которых ведется теперь едва ли не везде по России такая ожесточенная борьба со стороны агентов меньшинства, борьба, страшно дезорганизующая партию в столь важный исторический момент, борьба, целиком ведущаяся самыми беззащитными средствами и приемами раскола, при лицемерном оплакивании раскола так называемыми Ц. О. партии ¹¹²⁾. Мы сде-

ляли все возможное, чтобы провести борьбу партийным путем, мы с января месяца боремся за съезд, как единственный достойный партии выход из невозможного положения. Теперь яснее ясного уже стало, что почти вся деятельность перебежавшего к меньшинству Ц. К. посвящена отчаянной борьбе против съезда, что Совет идет на все, самые невозможные и непозволительные проделки для оттягивания съезда. Совет прямо срывает съезд: кто не убедился еще в этом из писем его последних постановлений в приложении к № 7 73 «Искры»¹¹³⁾, тот увидит это из нашей брошюры Орловского: «Совет против партии»¹¹⁴⁾. Теперь яснее ясного стало, что без объединения и отпора нашим так называемым центральным учреждениям большинство не может отстоять своей партии, отстоять партийность в ее борьбе с кружковщиной. Объединение русских большевиков уже давно поставлено ими на очередь дня: припомните поданную печатно Московскому Комитету (октябрь 1904) прокламацию 19-ти¹¹⁵⁾. Наконец, почти всем комитетам партии известно, что в самое последнее время произошло и отчасти еще происходит ряд частичных конференций между комитетами большинства, делаются энергичные и определенные попытки крепкого сплочения между собой комитетов большинства для отпора зарвавшимся бонапартистам в Совете, Ц. О. и Ц. К. Мы надеемся, что в очень недалеком будущем эти шаги будут оглашены во всеобщее сведение, когда результаты их позволят высказаться определенно о том, что уже достигнуто. Без особого издательства самозащита большинства была, разумеется, совершенно невозможна. Но вот Ц. К., как вы, может быть, уже знаете из нашей литературы, прямо изгнал наши брошюры из партийной типографии и отверг прямые предложения и заграничного большинства и русских комитетов (например, Рижского) о доставке в Россию литературы большинства. Подделка общественного мнения партии вырисовывалась вполне определенно, как систематическая тактика нового Ц. К. Необходимость расширить свое издательство, организовать свой транспорт—надвинулась на нас неизбежно. Комитеты, порвавшие с редакцией Ц. О. товарищеские отношения, не могли и не могут обходиться без периодического органа. Партия без органа, орган без партии. Этот печальный факт, отмеченный еще в августе большинством¹¹⁶⁾, неумолимо вел к единственному выходу, к основанию своего органа. Молодые литературные силы, прибывавшие за границу для поддержки кровно о дела большинства русских работников, требуют себе приложения, ряд русских партийных литераторов тоже настоятельно требует органа. Основывая такой орган (под названием «Вперед»¹¹⁷⁾,

мы действуем в полном согласии с массой русских большевиков, в полном согласии со всем нашим поведением в партийной борьбе. Мы взяли за это оружие, испытав в течение года все, решительно все более простые, более экономные для партии, более соответствующие интересам рабочего движения пути. Мы отнюдь не покидаем борьбы за съезд, а, напротив, хотим расширить, обобщить и поддержать эту борьбу, хотим помочь комитетам решить встающий перед ними новый вопрос о съезде, помимо Совета и Ц. К., против воли Совета и Ц. К.—вопрос, требующий всестороннего серьезного обсуждения. Мы выступаем открыто во имя воззрений и задач, давно уже, в ряде брошюр, изложенных перед партией. Мы боремся и будем бороться за выдержанное революционное направление против смут и шатаний в вопросах и организационных, и тактических. Объявление о выходе нового органа уже вышло, первый номер выйдет 6—10 января нового стиля. В редакционной коллегии примут участие все выдвинувшиеся до сих пор литераторы большинства (Рядовой, Галерка¹¹⁸), Ленин, Орловский). Коллегия практического руководства и организации сложного дела распространения, агентуры и пр. и пр. составится (отчасти составила уже) на основании прямого поручения известных функций известным товарищам целым рядом русских комитетов.

Мы обращаемся теперь ко всем товарищам большевикам с просьбой о всяческой поддержке. Мы будем вести орган лишь при условии, чтобы он был органом русского движения, а никоим образом не заграничного кружка. Для этого необходима прежде всего и больше всего самая энергичная «литературная» поддержка, вернее, литературное участие из России; я подчеркиваю и ставлю в кавычки слово «литературная», чтобы отметить сразу особый смысл его и предостеречь от недоразумения, очень обычного и страшно вредного для дела. Это недоразумение, будто бы именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным лишь тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов придется пятьсот и пять тысяч работников не литераторов. Один из недостатков старой «Искры», от которого я всегда старался ее избавить (и который вырос до чудовищных размеров в новой «Искре»),—это слабая работа над ней из России. Мы печатали, бывало, всегда почти без исключения все, присылавшееся из России. Орган действительно живой должен печатать $\frac{1}{10}$ присылаемого, утилизируя остальное для информации и указания ли-

тераторам. Необходимо, чтобы с нами переписывалось как можно большее число партийных работников, именно «переписывалось» в обычном значении, в нелитературном значении слова. Отчужденность от России, затхлая атмосфера проклятого заграничного болота до того давят здесь, что единственное спасение—живое общение с Россией. Пусть не забывают этого те, кто не на словах только, а на деле хочет сделать наш орган органом всего большинства, органом массы русских работников. Пусть всякий, кто считает этот орган своим и кто сознает обязанности социал-демократического члена партии, откажется раз-на-всегда от буржуазной привычки думать и действовать так, как это принято по отношению к либеральным газетам: дескать их дело написать, а наше прочитать. Над социал-демократической газетой должны работать все социал-демократы. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире рабочим возможность писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе,—без этого материала грош будет цена с.-д. органу и не будет он заслуживать названия социал-демократического. Мы просим писать кроме того для переписки, заведомо не корреспонденции, т.-е. не для печати, а для тозарищеского общения с редакцией и осведомления ее, осведомления не только о фактах, о событиях, но и настроениях, а главное о будничной, «неинтересной», обычной, рутинной стороне движения. Не побывав за границей, вы представить себе не можете, до какой степени нужны нам такие письма (а конспиративного, ведь, в них нет ровно ничего, и написать раз в неделю, два раза в неделю такое нешифрованное письмо, право же вполне возможно для самого занятого человека).

Пишите нам о беседах на рабочих кружках, о характере этих бесед, о темах занятий, о вопросах и запросах рабочих, о постановке пропаганды и агитации, о связях в обществе, войске, молодежи. Пишите больше всего о недовольстве (нами, социал-демократами) среди рабочих, их недоумениях, запросах, протестах и т. д. Вопросы практической постановки дела особенно теперь интересны, и нет другого средства ознакомить редакцию с этими вопросами, кроме оживленной переписки, не корреспондентского, а просто товарищеского свойства. Конечно, не у всякого есть охота и умение писать, но «не говори не могу, а говори не хочу». Всегда, если захотеть, в любом кружке, в каждой даже мельчайшей, даже второстепеннейшей группе (второстепенные зачастую особенно интересны, ибо они иногда делают наи-

более важную, хотя и не видную часть дела) можно найти одного-двух товарищей, которые смогли бы писать. Здесь мы поставили секретарство сразу на широких началах (пользуясь опытом старой «Искры»), а вас просим иметь в виду, что каждый, без исключения каждый, кто с терпением и энергией возьмется за дело, добьется без труда, что все его письма (или $\frac{9}{10}$) доходят. Говорю это на основании трехлетнего опыта старой «Искры», имевшей не одного такого корреспондента-друга (зачастую незнакомого ни с кем из редакции), ведшего аккуратнейшую переписку. Полиция давно уже абсолютно не в состоянии перехватывать заграничные письма (лишь случайно берут, или при экстраординарной небрежности отправителя), и гигантская доля материала старой «Искры» всегда проходила обыкновеннейшим путем в обычных письмах по нашим адресам. Особенно предостеречь хотели бы наших друзей от приема концентрации переписки только в комитете и только в секретарстве: нет ничего вреднее такой монополии. Насколько обязательно единство в действии, в решении, настолько нелепо оно в общем информировании, в переписке. Очень и очень часто бывает, что особенно интересны письма сравнительно «сторонних» (отдаленных от комитета) людей, более свежо воспринимающих многое такое, что слишком привычно и упускается из виду опытным, старым работником. Давайте побольше возможности писать к нам молодым работникам, и молодежи, и работникам и «централистам», и организаторам, и простым рядовым членам «летучек» и «массовых». Только тогда и только при условии такой широкой переписки можем мы все сообща сделать нашу газету действительным органом рабочего движения в России. Усердно просим прочесть это письмо во всех и всяких собраниях, кружках, подгруппах и проч. и проч., как можно шире, а нам написать, как рабочие встретили этот призыв. К идее отделения рабочего («популярного») органа от общеруководящего-интеллигентского мы относимся очень скептически: мы хотели бы, чтобы социал-демократическая газета стала органом всего движения, чтобы рабочая газета и социал-демократическая газета сливались в один руководящий орган. Удаться это может лишь при активнейшей поддержке рабочих.

*Напечатано впервые в журнале:
«Пролетарская Революция»
№ 4 (16) за 1923 г.*

12 декабря 1904 г.

ЗАЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТЫ
О РАЗРЫВЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
С ПАРТИЕЙ

Написано
в декабре 1904 г.

Напечатано брошюрой
в декабре 1904 г.
Женева 1905 г.

В № 77 «Искры» три члена Ц. К., говорящие от имени всего Ц. К., вызывают на третейский суд тов. Н «за ложное заявление с целью дезорганизовать партию». Это якобы ложное заявление сделано «через члена Ц. К., не принимавшего участия в выработке декларации» ¹¹⁹), т.-е. через меня. Ввиду моего близкого отношения к делу, а также на основании полномочия, полученного мной от тов. Н, я считаю себя вправе и обязанным принять участие в третейском разбирательстве, выступая с следующим обвинением против членов Ц. К. Глебова, Валерьяна и Никитича ¹²⁰).

Я обвиняю их в незаконных, неправильных, формально и морально недопустимых действиях по отношению к их сочленам по Ц. К. и по отношению ко всей партии.

Так как эти неправильные действия чрезвычайно затягивают и обостряют партийный кризис, влияя при том самым непосредственным образом на массу партийных работников, то я считаю безусловно необходимою гласность разбирательства во всем, что не заключает в себе конспиративных тайн, и потому подробно излагаю содержание своего обвинения.

1. Я обвиняю 3-х членов Ц. К., Глебова, Валерьяна, Никитича, в систематическом обмане партии.

1) Я обвиняю их в том, что они употребили власть, полученную ими от II-го съезда партии, на подавление общественного мнения партии, выразившегося в агитации за III-й съезд. Они не имели никакого права подавлять эту агитацию, составляющую неотъемлемое право каждого члена партии. В частности, они не имели никакого права распускать Южное Бюро за агитацию за съезд ¹²¹). Они не имели ни формального, ни морального права выносить порицание мне, как члену Совета Партии, за подачу мной в Совете голоса в пользу съезда;

2)—в том, что они скрывали от партии резолюции комитетов за съезд и, спекулируя на доверие к себе, как к членам высшего партийного учреждения, вводили в заблуждение комитеты, излагая им заведомо-неверно положение дел в партии. Они мешали

выяснению истины, отказываясь исполнить просьбу Рижского Комитета¹²²⁾ о напечатании и распространении резолюции 22-х *), а равно о доставке в Россию литературы большинства под тем предлогом, что это литература непартийная;

3)—в том, что в своей агитации против съезда они не остановились даже перед дезорганизацией местной работы, апеллируя к периферии против комитетов, высказавшихся за съезд, дискредитируя всячески эти комитеты в глазах местных работников и тем разрушая доверие между комитетом и периферией, без которого никакая работа невозможна;

4)—в том, что через делегата от Ц. К. в Совете они приняли участие в составлении постановлений Совета относительно условий созыва III-го съезда, постановлений, сделавших съезд невозможным и таким образом закрывших для партии возможность нормального разрешения внутрипартийного конфликта;

5)—в том, что, заявляя комитетам о своей принципиальной солидарности с позицией большинства, заявляя, что соглашение с меньшинством может состояться лишь под условием отказа меньшинства от своей тайной обособленной организации и отказа от кооптации в Ц. К., они в то же время входили тайно от партии и заведомо против ее воли в сделку с меньшинством на условиях: 1) сохранения автономии за техническими предприятиями меньшинства; 2) кооптации в Ц. К. трех наиболее ярких представителей меньшинства;

6) я обвиняю их в том, что они пользовались своим авторитетом, как члены высшего партийного учреждения, для набрасывания тени на своих политических противников. Они поступили бесчестно по отношению к тов. П., когда постановили в июле расследовать дело об его якобы обманном выступлении в Северном Комитете и затем до сих пор (22 декабря) не предъявили ему, даже обвинения, хотя Глебов неоднократно видел П. и хотя тот же Глебов позволил себе, в качестве члена Совета партии, называть в «Искре» «обманом» поступок товарища, лишённого возможности защититься. Они сказали заведомую неправду, заявив, что Лидин¹²³⁾ не был доверенным лицом (Vertrauensmann) Ц. К. Они ввели в обман членов партии, с целью дискредитировать в их глазах т. Бонч-Бруевича и его сотрудников по экспедиции, печатая в «Искре» (№ 77) заявление, в котором указывается (и притом неверно) лишь один пассив экспедиции—и это после того, как они, через своих уполномоченных, выдали т. Бонч-Бруевичу письмен-

*) См. выше 499—505 стр. этого тома. Ред.

ное удостоверение в том, что дело велось им правильно и откровенность находится в полном порядке;

7) я обвиняю их в том, что они воспользовались отсутствием бывших представителей Ц.К. за границей, т. Васильева и т. Зв—ва ¹²⁴), чтобы дискредитировать партийное учреждение (библиотеку и архив Р. С.-Д. Р. П. в Женеве). Они поместили в «Искре», за подписью неведомого мне «представителя» Ц. К., сообщение, в котором совершенно извратили историю и действительный характер этого учреждения.

II. Кроме того, я обвиняю 3-х членов Ц. К., Глебова, Валерьяна и Никитича, в ряде ни морально, ни формально недопустимых действий по отношению к своим сочленам по коллегии.

1) Они разрушили всякую основу партийной организации и дисциплины, предъявив мне (через т. Глебова) ультиматум о выходе из Ц. К. или прекращении агитации за съезд.

2) Они нарушили договор, заключенный от их лица членом Ц. К. Глебовым, когда, вследствие изменения состава Ц. К., исполнение этого договора стало для них невыгодным.

3) Они не имели права на своем июльском заседании объявить тов. N вышедшим из Ц. К., не выслушав ни его, ни моего заявления, тем более, что этим трем членам Ц. К. было известно наше (4-х членов Ц. К.) требование рассмотреть спорный вопрос в общем собрании Ц. К. Объявление тов. N не членом Ц. К. неправильно и по существу, ибо три члена Ц. К. злоупотребили при этом условным (и не сообщенным всем товарищам) заявлением тов. N.

4) Три члена Ц. К. не имели никакого права скрывать от меня перемену своих взглядов и свои намерения. Тов. Глебов утверждал в конце мая, что их точка зрения выражена в составленной ими в марте декларации. Таким образом июльская декларация, коренным образом расходящаяся с мартовской, была принята тайком от меня, и заявления Глебова были обманом.

5) Глебов нарушил условие, заключенное со мной, что в докладе Амстердамскому конгрессу, который взялись писать Дан (делегат от Ц. О.) и он, Глебов (делегат от Ц. К.),—о разногласиях в партии не будет речи. Доклад, составленный одним Даном, оказался полным прикрытой полемики и весь пропитан взглядами «меньшинства». Глебов не протестовал против доклада Дана и таким образом косвенно участвовал в обмане международной социал-демократии.

6) Три члена Ц. К. не имели никакого права отказать мне в

заявлении и опубликовании моего особого мнения по важному вопросу партийной жизни. Июльская декларация была послана для напечатания в Ц. О. прежде, чем мне была дана возможность высказаться по поводу нее. 18 сентября я послал в Ц. О. протест против этой декларации. Ц. О. заявил, что напечатает лишь в том случае, если этого захотят 3 члена Ц. К., писавшие декларацию. Они того не захотели, и мой протест был ими скрыт от партии.

7) Они не имели никакого права отказывать мне в сообщении протоколов Совета и лишить меня, без формального исключения из Ц. К., всех и всяких сведений о ходе дел в Ц. К., о назначении новых агентов в России и за границей, о переговорах с «меньшинством», о делах кассы и пр. и пр.

8) Они не имели права кооптировать в Ц. К. трех новых товарищей (примиренцев), не проведя кооптации через Совет, как того требует устав партии в случае отсутствия единогласия, а единогласие отсутствовало, ибо я заявил протест против этой кооптации.

Приложение.

Ввиду важного значения позиции Ц. К. во внутрипартийном конфликте, считаю нужным опубликовать во всеобщее сведение нижеследующие документы:

1. Письма товарища Глебова к членам «Коллегии».

а) Сентябрь.

«С Ц. О. и Лигой отношения еще не определились. После нашего заявления они, надо сказать, обнаглели и их аппетиты растут. Положение наше здесь очень трудное: заграница в руках Лиги, частные источники в руках Ц. О., и потому мы в долгу, как в шелку. Сжимаемый нуждой (на шее до 9.000 долгу), я принужден думать о каком-нибудь исходе. Поэтому я обратился к меньшинству с предложением наметить мне проект желательных для них реформ».

б) 7 сентября.

«Вчера вечером в присутствии С. ¹²⁵⁾ имел деловое свидание с тремя уполномоченными от меньшинства: Поповым, Блюменфельдом и Мартовым».

Из обсуждавшихся на этом собрании, превратившемся, по словам Глебова, «в прелиминарное собрание для подготовки мира», вопросов, отметим следующие:

I. Организационные отношения за границей.

«Заботу о российском движении принимает на себя Ц. К., Ц. О. и Лига. Для устранения взаимных трений, большей заинтересованности в работе и полного доверия, общее руководящее ведение дел вручается комиссии из представителей Ц. К., Ц. О. и Лиги. Ц. К. имеет два голоса и право veto...

II. Транспорт. Ц. О. подчиняется контролю Ц. К. при некоторой автономии. Именно: экспедиция за границей может быть только одна, экспедиция Ц. К. Заведывание своей границей остается в руках Ц. О. Распределение литературы в России принадлежит Ц. К. Для более автономного существования Ц. О. предоставляется юг. Поясню. У Ц. О. есть транспорт. Ц. О. боится, чтобы в случае перемены правления у них не отобрали путь. Поэтому Ц. О. просит организационным путем гарантировать им путь».

с) 7 сентября.

«На договор, заключенный вчера по ведению дел, здесь страшно зол Дан и может быть другие. Вот публика-то прожорливая. Хочется им тут устроить заграничный комитет из представителей Ц. О., Ц. К. и Лиги, все за границей решающий; конечно, каждый имеет только один голос. Недурно, ведь?»

д) Сентябрь.

«Обращаю внимание на выраженное желание Совета о пополнении (дело идет о пополнении представительства Ц. К. в Совете). Придется выбрать кого-нибудь вместо Ленина, что он объявит, конечно, незаконным. Я бы предложил выбрать в Совет Дана или Дейча, при чем точно оговорить, что они уполномачиваются лишь для заседания в Совете. Больше выбрать, мне кажется, некого».

II. Письмо агента Ц. К. (ныне кооптированного официально в Ц. К.) к т. Глебову:

4-го сентября.

«По поводу декларации получилась такая каша, что трудно разобраться. Ясно одно: все комитеты, кроме Харьковского, Крымского, Горнозаводского и Донского—комитеты большинства. Донской, кажется, нейтрален, но точно об этом неизвестно. Из Комитетов «большинства»—Рижский, Московский, Петербургский и Северный выразили Ц. К. за декларацию недо-

верие *), как я сообщил тебе об этом раньше. Полное доверие Ц. К. получил от очень незначительного числа комитетов. Остальные же выразили ему доверие по примирению—с тем, чтобы в случае неудачи немедленно созвать экстренный съезд. Из числа последних некоторые ставят условием примирения отказ меньшинства считать себя «стороной» и отказ от требования кооптации, как «стороны» (?). Вот картина. В случае неудачи примирения, Ц. К. теряет доверие большинства комитетов и, следовательно, должен будет уже сам агитировать за съезд, чтобы сдать полномочия.

По настроению же комитетов ясно видно, что на съезде пройдут постановления в духе 22-х, т.-е. смещение редакции и передача в руки большинства, изменение Совета партии и т. д. Но чтобы примирение удовлетворило комитеты, необходимо условие, о котором я уже писал тебе—это принятие меньшинством декларации и его отказ считать тебя «стороной». Если они это сделают, я думаю, что Ленин потеряет в России почву, и мир восстановить можно будет. Твоя фраза о том, что дело с Мартовым «понемножку» налаживается, меня удивила. Упорство членов редакции начинает прямо озлоблять, и я, несмотря на идейные и др. к ним симпатии, начинаю терять к ним доверие, как к политическим «вождям». Организационный вопрос они выяснили вполне, и дальнейшее их упорство при отсутствии поддержки из России (здесь меньшинство бессильно) будет показывать, что в борьбу они идут лишь из-за мест.

Таково начало торговой сделки, а вот ее финал:

Ц. К. рассылает по комитетам письмо, в котором оповещает комитеты, что

«Переговоры закончатся в самом ближайшем будущем (максимум недели через две), а пока можем сообщить, что 1) Ц. К. никакого меньшинства в свой состав не кооптировал (на этот счет ходит кем-то пущенная сплетня...), 2) переговоры с меньшинством ведутся в том же духе, в каком докладывал вам Валерьян, т.-е. если говорить об уступках, то они могут быть только со стороны меньшинства и должны заключаться в отказе от фракционной полемики Ц. О., в распусчении тайной организации меньшинства, в отказе от кооптации членов в Ц. К., в передаче всех предприятий (техника, транспорт, связи) Ц. К.-ту. Только при этих условиях возможно восста-

*) См. приложение к этому тому, № 3. Ред.

повление мира в партии. Есть основания надеяться, что так это и случится. Во всяком случае, если теперь меньшинство обнаружит желание продолжать свою старую политику, то Ц. К. немедленно прекратит переговоры и приступит к созыву экстренного съезда».

Так успокаивает Ц. К. выражающие ему недоверие комитеты, а вот письма «видных» деятелей меньшинства. Письма получены в середине декабря 1904 г. старого стиля.

«Наконец-то мы свиделись с шантрапой. Их ответ был такой: на автономию наших технических учреждений согласны; что касается агитационной комиссии, то они против, находя, что это функция Ц. К. непосредственная (руководство агитацией) и что они предпочитают этому плану реформу Ц. К., но официально кооптировать сейчас не могут, а предлагают фактическую (неофициальную) кооптацию трем лицам из меньшинства (Попову, Фомину, Фишеру) ¹²⁶). Разумеется, мы с Х. тотчас же согласились, и отныне меньшевистская оппозиция официально упраздняется. Точно гора свалилась с плеч. Предстоит на днях собрание всего Ц. К. вместе с нами, и затем мы назначаем конференцию наиболее близких комитетов.

...Мы, конечно, вполне уверены, что овладеем Ц. К. и наведем его как нам желательно. Это тем легче, что многие из них уже признают правильной принципиальную критику меньшинства... Во всех последовательно твердокаменных комитетах (в Баку, Одессе, Нижнем и Питере) рабочие требуют выборной системы. Это явный симптом агонии твердокаменных».

Одновременно с этим получено еще другое письмо:

«Состоялось соглашение между уполномоченными «меньшинства» и Ц. К. Уполномоченными выдана расписка. Но ввиду того, что не было предварительно опроса «меньшинства», то естественно, и сама расписка является не совсем удачной, т. к. в ней выражается «доверие» Ц. К-ту, а не его объединительной политике; там говорится и о растворении в Партии, и о прекращении обособленного существования, а между тем достаточно только второе. Наконец, в этой расписке отсутствует «credo» «меньшинства». Ввиду этого решено еще провести через все организации «меньшинства» резолюцию с «credo» и указанными исправлениями, конечно, признавая соглашение наших уполномоченных с Ц. К. состоявшимся».

Весьма вероятно, что пойманные на месте преступления лица, разоблаченные настоящими документами, со свойственной им «моральной чуткостью» приложат все усилия, чтобы отвлечь внимание партии от содержания документов к моральному вопросу о праве на их опубликование. Я уверен, что партия не позволит морочить себя этим отводом глаз. Я заявляю, что беру всецело на себя моральную ответственность за настоящее разоблачение и дам все надлежащие разъяснения перед третейским судом, который будет рассматривать все дело в целом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВ

ИЗ ИСТОРИИ Р. С.-Д. Р. П.

Письмо к товарищам о втором съезде Р. С.-Д. Р. П.

По независящим от моей воли причинам, я не мог тотчас после съезда сообщить о нем вам лично. Ввиду выхода в свет протоколов, я ограничусь лишь освещением наиболее важных событий как на самом съезде, так и близко связанных с ним, чтобы уяснить вам позицию большинства, к которому я принадлежал. Это весьма важно ввиду множества кривотолков и ложных освещений фактов, распространяемых так называемым меньшинством для оправдания своей тактики бойкота и той ожесточенной борьбы, которая тянется целые месяцы,—борьбы, не имеющей в основании своем ничего общего с борьбой принципиальной.

Съезд дружно осудил федералистические стремления бундовцев, принял программу и устав партии огромным большинством голосов; почти все резолюции были приняты единогласно или подавляющим большинством голосов. Единственно сколько-нибудь принципиальным вопросом, разделившим искровцев, был § 1 устава партии. Комиссией по выработке устава съезду были предложены две формулировки о членстве в партии. Формула т. Мартова: «членом партии считается всякий, признающий программу и оказывающий ей содействие под контролем одной из партийных организаций». Формула т. Ленина: «...признающий программу и участвующий лично в одной из партийных организаций».

Формула т. Мартова кажется мне делающей шаг к оппортунизму. С одной стороны, она предполагает признание социал-демократической программы и как бы исключает возможность вступления в ряды партии не-социал-демократических элементов, с другой стороны, она стремится зачислить в ряды членов партии, путем присвоения сего названия, такие элементы, как профессора, гимназисты и т. п., которые не желают или боятся вступить или составить партийную организацию, хотя бы lose.

Еще несостоятельнее кажется мне формула т. Мартова по отношению к целым организациям. Если какая-нибудь организация «независимцев» «признает» программу и контроль одной из партийных организаций и этим самым дает право каждому «независимцу» называться членом социал-демократической партии, то совершенно непонятно, по крайней мере, с точки зрения действующего устава, каким образом организация, состоящая сплошь из членов партии, не будет представляться

как для самих членов так и для внешней публики, партийной организацией.

Формула т. Ленина уничтожает возможность фиктивных членов партии и ставит вопрос о профессиональных и других организациях, не преследующих чисто социал-демократических целей, на правильную почву, нисколько не уничтожая возможности оказывать свое воздействие на эти организации. Кроме того, формула т. Ленина дает социал-демократическим элементам стимул к организации.

За формулу т. Ленина было подано 23 голоса, против было подано 28 голосов, в том числе пять бундовцев, два рабочедельца и один борьбист. Принята формула т. Мартова.

Дебаты и голосования по § 1 устава, где т. Мартов сделал, по моему мнению, шаг к оппортунизму, показали, что при разногласии «искровцев» большинство съезда будет составлять именно за ту линию, которая сколько-нибудь приближается к оппортунистической. Тут уже намечалась группировка, которая окончательно сложилась в момент выбора центральных учреждений. Уход «Бунда», имевшего императивный мандат, и делегатов заграничн. Союза русск. с.-д., обидевшихся на его распускание, избавил нас от многих неожиданностей, но зато поставил лицом к лицу две группировки «искровцев», борющихся за определение состава центров.

Еще задолго до съезда, на Рождестве 1902 года, редакцию «Искры», в лице т.т. Мартова и Ленина, один из работавших в России товарищей (член О. К.) просил озаботиться разработкой организационного устава. За несколько дней до съезда выяснилось, что т. Мартов имеет набросок своего проекта устава, но, после ознакомления за несколько недель до съезда с проектом т. Ленина, не счел нужным выступить с ним, вследствие чего ленинский проект фигурировал на предварительных совещаниях съезжавшихся делегатов, как единственно «искровский», и был, как таковой, защищаем товарищем Мартовым, также и т. Троцким, как выражались потом некоторые делегаты с пеной у рта.

Этот проект в общем сделался нынче действующим уставом партии. Изменения потерпели: § 1 (в Мартовском духе), пункт о Совете (в духе российских товарищей, настаивавших на расширении функций Совета) и пункт о кооптации членов в Ц. К. и Ц. О. По первоначальной идее ленинского проекта, два руководящих центра, Ц. О. и Ц. К., автономные каждый в своей области, в случае конфликта между ними, созывают Совет партии из пяти лиц, избранных съездом. Таким образом, по первоначальной идее проекта Ленина, Совет является лишь высшим третейским учреждением. Я и некоторые другие товарищи, не считая целесообразной такую постановку верховного учреждения, настаивали на расширении функций Совета. Я настаивал на том, чтобы Совет мог собираться не только в случаях конфликтов, а и в случае возникновения важных партийных вопросов, где нет никакого конфликта, а необходимо принять решение, какого не может взять на свою ответственность тот или иной из центров в

отдельности. Эта поправка была принята автором проекта и была внесена в уставную комиссию. Т. Мартов на съезде признал себя солидарным с этой идеей верховного Совета и формулировал ее так:

«Я предлагаю отвергнуть предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: «Совет есть высшее учреждение...» *). Для нас Совет не только примирительное учреждение». Съезд утвердил эту формулировку. Относительно выбора пятого члена возникли разногласия, как его назначить: выбирать ли на съезде, предоставить ли выбор четырем представителям от Ц. К. и Ц. О. Решено выбирать на съезде. Т. Мартов стоял за предоставление этого права четырем представителям от Ц. К. и Ц. О. За весь устав, который теперь некоторые товарищи, вместе с бундистами, стараются изобразить, как аракчеевский, голосовали 42 против шести, при одном воздержавшемся.

Таким образом, вы видите, что устав на самом съезде был принят всеми, за исключением бундовцев, при отсутствии сколько-нибудь принципиальных (кроме § 1) разногласий между искровцами. Между тем, к моменту выбора центральных учреждений на съезде создалась уже атмосфера, предвещавшая мало хорошего. Напрасно читатель протоколов будет искать в ходе прений коренных причин этого расхождения между «искровцами». Напрасно он будет стараться понять, почему, например, вопрос о маленькой группе «Южный Рабочий» дебатировался так страстно. Чтобы осветить этот вопрос, необходимо разъяснить инцидент с Орг. Ком. в начале съезда и указать на неофициальные собрания организации «Искры».

Вы знаете, что Орг. Ком. не представлял цельной, спевшейся организации. В него входил бундист, член организации «Искры», южно-рабоченцы и один случайный член. Конечно, бундовец вел свою политику, определяемую всей позицией Бунда.

Все помнят скандал, поднятый им в своей «прессе», по поводу, якобы, неприглашения его на первое заседание Орг. Комитета. Громы его были направлены на «козни» «Искры». Даже после вступления в Орг. Ком. Бунд вел самую неприличную полемику с «Искрой» и «третировал Орг. Ком., как интригу «Искры». Южно-рабоченцы (после долгих переговоров с организацией «Искры», заявившие о солидарности с ней) вели свою особую линию. Линия эта (независимо от устойчивости их в принципиальных вопросах) заключалась в стремлении закрепить и расширить свое, до образования Орг. Ком., небольшое влияние на юге. Цель «Южного Рабочего» заключалась в том, чтобы выйти со съезда в виде редакции популярного органа в России. Эта тенденция шла в разрез с «искровскими» планами. Я не буду касаться здесь других разногласий между искровцами и южно-рабоченцами. Мне важно здесь отметить, что «Южный Рабочий» имел свои отдельные от организации «Искры» планы и свои более узкие, приходские интересы.

*) Стр. 268 Протоколов.

На съезд из семи «искровских» членов Орг. Ком., бывших в нем с основания, мог явиться лишь я один. Второй из явившихся представитель «Искры» в Орг. Ком. принадлежал к числу так называемых (в шутку) «искровцев, стыдящихся быть искровцами». Кроме них был один бундист, один южно-рабоченец (второй приехал через день после открытия съезда) и один случайный член... Такой случайно образовавшийся на съезде состав Орг. Ком. воочию показал, какая тактика капризов может проистекать из подобного сложения сил. Еще до съезда это выразилось на заседании Орг. Ком. по поводу приглашения совещательных голосов, на что, как известно, Орг. Ком. до открытия съезда имел право. Неожиданно для всех членов организации «Искры» (в том числе и редакции), вопреки энергичнейшему протесту т. Мартова, один из представителей орг. «Искры» и Орг. Ком., назовем его Z, вносит предложение пригласить некоего K., известного организации лишь своими «перебегами» рабочедельца. Происходит отчаянная схватка в Орг. Ком. между двумя представителями «Искры», при чем мотивируется необходимость приглашения K., во-первых, тем, что он написал какую-то критику «искровских» взглядов (потом оказалось, что книга сия не существует), во-вторых, что сам Z солидарен с K., солидарен во всех тех взглядах, в которых K. расходится с «Искрой». Эта декларация удивила и возмутила всех членов организации «Искры». Инцидент этот разрешился на этот раз благополучно лишь потому, что искровцу удалось с большим трудом привлечь при голосовании на свою сторону случайного члена Орг. Ком.

Второй инцидент разыгрался уже во время заседания съезда. Исходным пунктом инцидента было знаменитое «скоропалительное заседание» Орг. Ком. во время пятиминутного перерыва «у окошка» в зале заседания. Дело происходило следующим образом. Как известно, группа «Борьба» Орг. Ком. на съезд приглашена не была, мандата ни от одного из российских комитетов тоже не получила. Неприглашение «Борьбы» было определению мотивировано Организационным Комитетом и в комментариях к уставу, и в комиссии по проверке мандатов членами Орг. Ком. (в том числе Z). Комиссия вполне присоединилась к мнению Орг. Ком., за исключения заседавшего в ней бундиста, который, конечно, стоял за приглашение, хотя и заявил, что совершенно незнаком с этой группой. Вдруг, только что явившийся на съезд (на второе заседание) второй южно-рабоченец (член Орг. Ком.) заявляет, что вопрос о «Борьбе» для него, якобы, новый и требует пятиминутного перерыва, чтобы поговорить с товарищами. Пользуясь этим пятиминутным перерывом в самом зале заседания, «к окошку» созываются все наличные члены Орг. Ком., и новый для южно-рабоченцев вопрос сразу, без всяких предисловий, ставится на голоса: «Кто за приглашение?»—Все, кроме одного представителя «Искры», который энергично протестует против подобного образа действий, находя его нелепым, незаконным. Другой представитель «Искры», Z., который только что в комиссии по проверке мандатов стоял за неприглашение,

признает и законность действий, и необходимость приглашения. Перерыв кончен; заседание продолжается. Все, кроме Акимова, энергично высказываются против приглашения группы «Борьба» (Плеханов, Мартов и др.). После закрытия прений по вопросу о «Борьбе» делегат «Южного Рабочего» просит слова для заявления Орг. Ком. с целью повлиять на голосование. Бюро совещается. Объявляется обеденный перерыв. Во время этого перерыва назначается заседание Орг. Ком. (кем? с какой целью?—неизвестно, ибо на этот вопрос член, повешавший других (Z), отвечает: «Не знаю: просят явиться и—все»).

Происходит засим бурное заседание. Указание на бестактность вмешательства Орг. Ком. в ход прений, на отмену императивных мандатов, на прежние решения Орг. Ком. по этому вопросу, на дачу показаний в комиссии по проверке мандатов, протест против законности самих заседаний Орг. Ком. по подобным вопросам и уход одного искровца из сего заседания—ничто не действует. На третьем заседании съезда южно-рабоченец от имени Орг. Ком. предлагает пригласить (хотя уже **не** группу «Борьба») Рязанова с правом совещательного голоса, под предлогом заботливости о судьбах будущего Ц. К. Из протоколов съезда вы видите, какое угнетающее впечатление произвело это вмешательство, это навязывание Рязанова. Т.т. Плеханов, Ленин, особенно Мартов и др., единодушно высказались против образа действий Орг. Ком.; 42 голоса высказались против приглашения «Борьбы». Этот инцидент создал невозможную атмосферу внутри Орг. Ком., подорвал доверие к Z у многих членов съезда, в особенности у членов организации «Искры», и наглядно показал, какие зигзаги и сюрпризы могут выкидывать учреждения при преобладании подсиживающих южно-рабоченцев, готовых всегда подставить ножку бундистам, и между ними вибрирующих непоследовательных элементов. Южно-рабоченцы, поняв, что зарвались, поспешили загладить впечатление объяснением с редакцией «Искры». Без объяснений, в частном разговоре с т. Мартовым Z заявил о выходе своем из организации «Искры». Частные заседания организации «Искры» по этому поводу обнаружили полное недоверие к вышедшему Z со стороны многих членов организации; даже у самых «мягких» возник вопрос о политическом доверии к Z. Организация решила потребовать объяснения с Z. Это объяснение состоялось, но большинство членов осталось неудовлетворенным им. В тесной связи с этим инцидентом выдвигался важный вопрос о составе будущего центрального аппарата. Никто из искровцев ни разу и не заикнулся об утверждении Орг. Ком.—Центральным, но в оценке личностей, так или иначе заявивших себя как в этих инцидентах, так и в дебатах во время обсуждения программных и уставных вопросов, между искровцами обнаружились крупные разногласия. Однако, разногласия обнаружились не столько в оценке отдельных личностей, сколько в комбинировании их для состава Ц. К. Необходимо было, по нашему мнению, принять во внимание, что с роспу-

ском организаций «Искры», которая вынесла на своих плечах трудную работу по объединению партии, с превращением газеты «Искры» в партийный орган, единственной гарантией преемственности в работе будущего центра с организацией «Искры», в принципиальной и практической устойчивости его мог быть лишь определенный состав Ц. К.

Поэтому мы настаивали на сохранении преемственности Ц. К. и русской организации «Искры», выставляя кандидатами испытанных опытных товарищей, что нисколько не исключало приема в Ц. К. наиболее дельных революционеров, без различия оттенков. Что такое была тактика искровцев, показывает история Орг. Ком. Нет ни одного факта, где бы искровцы заперли двери Орг. Ком. перед желающим работать дельным революционером. Всякий, знакомый с ходом кооптации в Орг. Ком., где искровцы преобладали, должен согласиться с этим. И, по-моему, величайшая ошибка товарища Мартова заключается в том, что он считал возможным не соблюсти этой преемственности, настаивая на составлении фундамента Ц. К. из элементов неустойчивых, присоединившихся, по тем или иным политическим расчетам, к силе, называемой «Организацией Искры», но не забывающих своих особых интересов, готовых всегда повернуть фронт. Что большинство членов организации «Искры» понимало дело именно так,—доказывает последнее решительное заседание организации «Искры», состоявшее из 16 человек (туда входила и вся группа «Освобождение Труда»). Ввиду отмены императивных мандатов, решения и голосования этой организации не имели формальной юридической силы, но все понимали огромное внутреннее значение этих голосований (они записывались председателем). Дело шло именно о сохранении преемственности. Важно отметить, что это решительное заседание происходило во время обсуждения устава, т.-е., когда Бунд и «Рабочее Дело» еще не ушли со съезда (это было тотчас по обсуждении § 1). Сначала искровцы пробовали столкнуться на выборах первоначальной тройки, так как по первоначальному плану, намеченному в комментариях к Tagesordnung'у, составленному т. Лениным и дополненному т. Мартовым, стояло: «Съезд выбирает трех в редакцию и трех в Ц. К. Эти шесть лиц, по большинству двух третей голосов, кооптируют нужное количество членов в Ц. К. и Ц. О., а впоследствии кооптация происходит отдельно». Тов. Мартов настаивал на выборе такой тройки, где преобладали неустойчивые элементы, мы настаивали на двух (из трех) последовательных искровцах, работавших с основания «Искры» и до последнего времени, членов Орг. Ком. Все усилия сойтись на тройке не привели к соглашению. Идея комиссии *) была также отвергнута Мартовым. Тогда т. Ленин предложил сойтись на примирительном

*) Комиссия должна была, по нашему мнению, состоять из трех или пяти авторитетных товарищей и произвести тщательный опрос лиц, намеченных в Ц. К. составить список лиц, способных и могущих работать в той или иной комбинации, и затем представить результат съезду.

списке из пяти лиц: трех последовательных искровцев, из которых два члена Орг. Ком., и третий, исполнявший весьма важные функции при О. К., старый член организации «Искры»; одного лидера «меньшинства» (в описываемый момент оно было не меньшинством, а большинством) и одного южно-рабоченца, тоже члена Орг. Ком. Этот список объединил большинство членов организации «Искры» и подал надежду на благополучный исход разногласий. За него было подано 11 голосов; четыре (преимущественно заграничные деятели и притом почти неучаствующие в организационных делах) воздержались, но один голос был против. Это был голос тов. Мартова. И этого одного голоса было достаточно, чтобы соглашение между большинством членов организации «Искры» и меньшинством не состоялось, достаточно для того, чтобы рисковать явиться на выборы без определенного общеискровского списка *) и подвергнуться таким образом всем случайностям решения вопроса при участии Бунда, «Рабочего Дела» и других, не совсем надежных элементов. Дебаты и голосования по § 1 устава показывают, что при разделении искровцев вопрос решается неустойчивыми или явно враждебными элементами. Получилось, следовательно, такое положение: т. Мартов порвал свою внутреннюю связь с организацией «Искры» и вступил на путь «азартной игры в голосование». Будучи в меньшинстве в организации «Искры», он тем не менее диктовал ей условия. С Мартовым были: Аксельрод, Засулич, Старовер, Дейч, Троцкий и Фомин (все, кроме Мартова, люди, совершенно в стороне стоящие от организационной деятельности). Со стороны большинства были Плеханов, Ленин, Саблина и шесть делегатов **) российских комитетов, непосредственно приехавших с работы, весьма осведомленных не только с политической физиономией всех делегатов съезда, но и со всеми комитетами и организациями, их пославшими. То же самое нужно сказать о секретаре редакции Саблиной, ведшей в течение трех лет огромную работу организационных сношений со всей Россией. Таким образом, выступала, с одной стороны, группа литераторов (хотя в большинстве своем и очень почтенных), с другой стороны—два видных вождя Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и группа российских работников, старых членов организации «Искры». Итак, Мартовым дан лозунг: борьба из-за

*) Среди делегатов на съезде циркулировал список, составленный из излюбленных лиц меньшинства: два южно-рабоченца, Z, лидер меньшинства, и один забракованный огромным большинством искровцев член. Тов. Мартов в то время еще находил этот список «позорным», а на съезде Лиги утверждал, что этот список фальшивый. Факт тот, что т. Дейч является в деле этого списка первоисточником. Он передал его одному из делегатов большинства т. Гусеву. Пусть Дейч с Мартовым разрешат между собой вопрос, почему он оказался фальшивым. В этом списке были: Штейн, Егоров, Попов, Троцкий, Фомин.

**) Вот перечень этих шести: Герц, Осипов, Дедов, Сорокин, Глебов, Павлович.

состава центра должна быть вынесена на съезд. Это означало, что девять шансов из десяти были за получение в результате зигзагового кабинета. Вот почему, зная характер т. Мартова, неустойчивость его политической линии (вечное искание равнодействующей), неспособность отличать личное от политического и подверженность разным влияниям, ничего общего с истинной политикой не имеющим, видя, как оживлялась оппозиция неустойчивых элементов (см. речь Акимов, стр. 254 Проток.), и в предчувствии драки между самими искровцами, мы увидели настоящую опасность в повороте т. Мартова. Опасность, именно, заключалась в том, что этой неустойчивостью т. Мартова должны воспользоваться все подсиживающие элементы и выставить Мартова своим лидером. За спиной Мартова мы ясно рассмотрели некоторые ниточки, к натягиванию которых объединилось все то, что до сих пор составляло неопасную оппозицию (борьбист) или скромно и молча сидело на скамьях съезда и не чувствовало желания попадать под нули до сих пор дружно шедших искровцев. Совершенно неверно то мнение, что Ленин и шедшие солидарно с ним товарищи этими параграфами делали натиск на «непоследовательных». Дело обстояло как раз наоборот: девять шансов было за то, что «мартовцы» проведут на съезде свой список, открывающий самые неожиданные перспективы (ни «Бунд», ни «Рабочее Дело» еще не ушли). Дело шло не о «вышибании», а о сохранении каких-нибудь гарантий устойчивости и преемственности при кооптации новых членов в Ц. К., исходя из предположения, что первоначальные три или пять составятся при преобладании «мартовцев». Если бы дело было не так, то остается предположить, что, выставляя пункт об единогласии при кооптации, мы заботились о своих противниках, ибо для преобладающей партии в том или ином учреждении единогласие не только не нужно, но даже невыгодно. Когда прошел слабым большинством пункт об единогласии, Мартов стремился свести его на-нет, и это ему удалось проведением своей поправки, но ценой впутывания в дело кооптации верховного Совета *), сделав его важным фактором, влияющим на наличный состав партийных учреждений. В результате прений и голосования (при чем «Бунд» и рабочедельцы несколько раз поддерживали Мартова) получился ныне действующий устав, принятый в целом, как уже сказано, большинством в 42 голоса. Какие бы недостатки он ни заключал, тем не менее в дальнейших работах нужно было считаться с ним, как с данным. Вы видите, что роль редакции по этому уставу есть не только роль литературной коллегии, а гораздо большая. Редакция посылает двух в Совет партии, а если пятый принадлежит к редакции, то и трех. Совет обладает огромной компетенцией, вплоть до влияния на личный состав центров. Редакция превращалась из семейно-литературного кружка в важный факт политического руководства в работе партии, и перед нами встал вопрос: удовлетворяют ли новой роли те семейные

*) См. стр. 278 Протоколов съезда.

патриархальные отношения, которые преобладали в старой редакционной коллегии, состоявшей из шести лиц? На этот вопрос ответ мог получиться двумя путями: или от самих членов этой коллегии, или посредством объективной оценки отдельных лиц, их деятельности и формы этой деятельности. Два редактора, Плеханов и Ленин, отвечают: «нет, не удовлетворяют», и желают выбора редакции съездом, и этот ответ совпадает с мнением большинства искровцев, мысленно полученным вторым путем. Я говорю «мысленно», ибо на самих заседаниях съезда производить эту оценку никто и не намеревался. Величайшей бестактностью сторонников т. Мартова было возбуждение вопроса не о выборах в редакцию (как значилось в примечаниях к Tagesordnung'у, известному всем редакторам задолго до съезда, ибо задолго до съезда т. Ленин заявил, что будет настаивать на выборе, если съезд будет «искровский»), а об утверждении старой *). Бестактность эта, без сомнения, была совершена с целью поставить весь вопрос на почву «обиды» (все ораторы, говорившие за утверждение, на это и спекулировали; тогда еще не были изобретены принципиальные разногласия). Депутаты, стоявшие за выборы, действительно, были поставлены в щекотливое положение. Не утверждая старой редакции, они как-будто должны были наносить обиду тем, кто после выборов останется вне редакции. А таким образом, оба эти акта неминуемо, благодаря обывательской постановке вопроса, должны были получить самый острый характер **). Большинство, придавая мало цены обывательским аргументам так же, как и слезам, проливаемым вчерашними борбистами (даже рабочеделец высказался за утверждение старой редакции) и южно-рабоченцами, а главное, видя под этими крокодиловыми слезами очень ясный политический расчет, решило вопрос по существу. Всем делегатам было прекрасно известно, что писателями, ведущими всю редакционную работу, были Мартов, Ленин и Плеха-

*) До съезда на предварительных собраниях, как уже сказано мной, обсуждался Tagesordnung, где в комментариях сказано: съезд избирает трех в Ц. К. и трех в Ц. О. Никто не сомневался, кто будет избран в редакционную тройку. Тов. Мартов и его сторонники выдвинули вопрос об утверждении старой редакции только на съезде, после разрыва в организации «Искры» и ухода Бунда и «Рабочего Дела», т.-е. когда они потеряли большинство. Совершенно противоречит действительности утверждение «сибирской делегации», что, якобы, «утверждение редакции подразумевалось само собой», как и вообще многие его утверждения, основанные не на фактах, а на выдумках, принятых ad hoc для «агитационных целей». К числу таких аргументов относится сказка о вчерашних экономистах, на которых, якобы, опирались Плеханов и Ленин.

**) В результате такой постановки вопроса получился разрыв всяких личных сношений со стороны «меньшинства» с самыми близкими и много лет работавшими вместе товарищами. Тут ясно видно, что разделение предшествует «принципам», ибо принципиальные люди не обижаются, если их противники не избирают.

нов. Все номера «Искры» были составлены либо Лениным, либо Мартовым. Участие других лиц в этой работе близко к нулю. Количество статей, помещенных в «Искре» (за 45 номеров «Искры»), распределяются (приблизительно) так: Плеханов—24, Ленин—32, Мартов—39, Старовер—8, Засулич—6 и П. Аксельрод—4 за три года существования «Искры». (Ни одна из этих 18 статей невыбранных редакторов не была сколько-нибудь руководящей.) Коллегия в полном своем составе ни разу за три года не собиралась. Волокита в разрешении вопросов, особенно вызывавших разногласия, была большая. Голоса делились три против трех, и положения создавались довольно безвыходные. Как известно, перед съездом был единогласно избран редакцией я, как седьмой, если придется во время съезда решить спорный вопрос внутри коллегии. Какие сюрпризы в сфере политического руководства партией могли получиться в зависимости от того, какие элементы коллегии преобладали случайно в тот или иной важный момент жизни партии, показывает известный всем старым членам организации «Искры» «зигзаг» в сторону террора после выстрела Леккерта,—зигзаг, объясняемый экспансивностью натур Мартова и Засулич, майоризовавших Ленина. Только отчаянное сопротивление Плеханова, пославшего протестующее письмо в редакцию, спасло нашу партию от одного из «исторических» (или истерических) поворотов. Следы его вы найдете в № 21 «Искры». При всем восхищении нашим литературным талантом товарища Мартова, мы, т.-е. большинство членов организации «Искры», не считаем его способным на самостоятельное политическое руководство. Его таланты самым продуктивным образом для партии могут, по нашему мнению, быть использованы лишь в сотрудничестве со строго политическими умами, «каковыми» являются, несомненно, Плеханов и Ленин. Поведение Мартова на съезде лишь укрепило это убеждение. Никто и не думал предрешать вопроса, кого эта тройка кооптирует. Мы предполагали, что это дело, именно, этой работоспособной тройки:—кооптировать так, как она найдет нужным и удоб- и ни разу ни товарищ Ленин, ни товарищ Плеханов не дали ни малейшего повода думать, что кооптация вообще не произойдет. Мы знали, что П. Аксельрод по болезни уже несколько раз отказывался от редакторского кресла; мы знали, что были новые кандидаты в Ц. О. Разбирать этот вопрос съезд не мог и не желал. Итак, в вопросе о выборах редакции большинство руководствовалось: 1) желанием самих (двух) редакторов; 2) заявлением редакции по вопросу об утверждении «Искры» партийным органом; 3) своей собственной оценкой лиц в течение более, чем месяца, заседавших на съезде (Протоколы съезда дают в этом отношении прочный критерий) и 4) оценкой предыдущей деятельности не только, как писателей, но и революционеров, ведающих организационные дела (из всей редакционной коллегии они ведались только Лениным и Мартовым). Исходя из всего этого, съезд обязан был поставить идейных руководителей партии в такие условия, когда каждый из редакторов являлся в коллегии самостоятель-

ным, в одной ипостаси, если можно так выразится. К удивлению нашему, товарищ Мартов перед выборами и после их заявляет, что он четверичен в лицах, что выбор редакции есть недоверие и т. д. И это после того, как редакция при его содействии является не только литературной коллегией, а весьма важным партийным учреждением. Товарищ Мартов, чувствуя, что эта позиция, на которую становились и южно-рабоченцы, позиция, построенная на чувстве обиды,—слаба,—стремился вызвать политический мотив. Он декретирует съезду следующий ультиматум: так как существующим уставом предоставлены права редакции влиять на Совет (как уже известно вам, т. Мартов сильно потрудился над расширением прав Совета), а Совет может влиять на Ц. К., и так как только я, Мартов, плюс те члены, которые не будут выбраны, только мы одни можем гарантировать, будучи вчетвером против Ленина и Плеханова, благодетельность этого влияния,—съезд должен посредством этой четверки майоризировать Ленина и Плеханова в коллегии: иначе я, Мартов, не желаю вступить в редакцию. Съезд 25-ю голосами против 2-х при 17-и воздержавшихся отверг эту постановку вопроса и этим признал невозможность принимать такие ультиматумы, которые ставятся не до войны, а после объявления борьбы между двумя частями искровцев из-за состава центров, когда борьба вынесена на съезд, и только съезд мог разрешить эту междоусобицу. По мнению т. Мартова, съезд должен был на-слово поверить ему, не имея никаких других данных, что влияние одних лиц будет лучше влияния других известных. Съезд предпочел решить этот вопрос на основании данных, у него имевшихся. Он избрал ответственными редакторами т.т. Плеханова, Ленина и Мартова. Т. Мартов, как известно, снова отказался от вступления в редакцию, где он, якобы, майоризирован Плехановым и Лениным. Эта декларация мало кого убедила, разве только тех, кому она была на руку. Говорить, после невыборов, о том, что т.т. Старовер, Засулич и Аксельрод, не давшие ни разу в продолжение более, чем месячных заседаний и дебатов по всевозможным вопросам партийной жизни, объективных доказательств своего особого направления, выгодно отличающегося от направления Плеханова и Ленина, должны во что бы то ни стало войти в редакцию, говорить это собранию людей, знакомых лично с вопросом о том, кто вел всю организаторскую работу (о литературной работе я здесь не говорю), кто занимался подбором и распределением партийных сил, говорить это, взявши под подозрение двух вождей партии, Плеханова и Ленина, говорить это, опираясь на одобрительные взвизгивания вчерашних борьбистов, экономистов, южно-рабоченцев и обиженных кандидатов в центре,—это значило, проиграв междоусобную битву (им же, Мартовым, объявленную), дать лозунг врагам, призвать к себе на помощь коалицию всей разношерстной оппозиции.

При выборах в Ц. К. составилаcя очень «компактная» оппозиция. Вся она (в том числе и рабочедельцы) отказалась от голосования, а

невывбранные редакторы заявили письменно свою солидарность с ней. Тем не менее, были избраны сплотившимися искровцами три надежных члена в Ц. К. (все три старые члены организации «Искры»), из них два из Орг. Ком. и один агент Орг. Ком., исполнявший весьма важные партийные функции. Оппозиция стремилась всеми силами дискредитировать выборы. Южно-рабоченец (сам себя объявивший кандидатом в центр) *), стремился просто сорвать съезд и объявить выборы незаконными (хотя они и прошли большинством голосов). Большинство российских делегатов, получив этот урок «политической» борьбы внутри партии из-за состава центров, было удивлено, разочаровано и полно негодования. В самом деле: если бы у т.т. Засулич, Аксельрода и Старовера и были серьезные разногласия с т.т. Лениным и Плехановым, о которых они почему-либо считали ненужным ни говорить, ни писать, то простое чувство партийного такта, казалось нам, не должно было бы позволить так скоропостижно после невыбора стать в позу спасителей партии от вредного влияния Плеханова и Ленина. Получилось в высшей степени некрасивое впечатление. Нелепость положения Мартова и К⁰ была в глаза. Если имелись принципиальные разногласия, то смешно претендовать было на то, что находящиеся в скрытом состоянии принципы не получили санкции съезда. Если этих разногласий не было, то странной являлась претензия на редакторское кресло. Только Рязанов, казалось нам, мог делать из-за этого скандал. Никому не приходило еще на мысль, что тотчас после съезда, без всяких разъяснений принципиального свойства, будет объявлена стачка литераторов, т.-е. литературный бойкот партийного органа, несмотря на предложение редакции высказать свои принципиальные разногласия; что будет вестись самая широкая агитация против центральных учреждений партии под флагом борьбы за поправную, якобы, самостоятельность Ц. К.; что литераторы, во главе недовольных выборами в центры «элементов», будут стараться посредством заграничной кружковщины **) перерешать решения съезда, пользуясь неокрепшей позицией Ц. К. и даже, именно, стараясь произвести поистине дворцовый переворот до его укрепления. Кто знает русские условия, тот, конечно, знает и то, до какой степени затруднительна бывает действительно революционная работа, когда появляются раздоры по комитетам, как легко несколькими энергичным демагогам производить смуту, пользуясь неосведомленностью товарищей, искажая, извращая и преувеличивая факты, разжигая притавишуюся, ввиду предыдущей дружной работы искровцев, оппозицию малосознательных элементов. Никто не предполагал, что можно рвать партию, лишая съезды всякого нравственного престижа (см. брошюру Мартова: «Еще раз в меньшинстве», примечание), изобретать несуществующие разногласия, вести тактику провокации центральных учреждений с целью использовать в агитационных видах всякий отпор, де-

*) Попов.

**) Высшим проявлением ее был съезд Лиги.

лаемый этими учреждениями анархическому индивидуализму,—все лишь потому, что несколько литераторов будут не редакторами и членами Совета, а сотрудниками. Непонятно, какой майоризации боялся Мартов, будучи в тройке с Плехановым и Лениным, ибо никто не третировал до сих пор Плеханова так, как теперь третируют его лидеры «мартовцев» (именно, чтобы доказать, что Мартов прав), т.-е. пешкой в руках Ленина (см. доклад Троцкого Сибирскому Союзу *). Опыт редакции вовсе этого не доказывал. Личность Плеханова тоже никогда не позволяла его так рассматривать; наоборот, в очень многих важных вопросах Мартов был с Лениным против Плеханова, и Плеханов с Мартовым—против Ленина. Почему Мартов не согласен был отстаивать свой оттенок иначе, как вооруженный «бюрократически» большинством голосов, которое дадут ему спасенные им, невыбранные члены редакции, а не вооруженный силой убеждения, при полной возможности, находясь в редакции, всегда апеллировать к общественному мнению партии и готовить свой «переворот» (произведя его предварительно в головах) к третьему съезду, вооружившись материалом редакторского опыта, в изобилии дающего доказательство «зловредности» Ленина и Плеханова? Тут еще раз сказалась политическая (истерическая) непоследовательность Мартова: желание отстаивать свободу идей, вооружаясь параграфами и так называемым бюрократическим уставом. Оппозиционное меньшинство всегда было и будет во всякой партии. Но нелепо было со стороны Мартова выступать на защиту оппозиции от фантастических угнетателей, когда сам Мартов принцип этой оппозиции не разделяет, повидимому, и сейчас еще не вполне и усвоил. Еще нелепее стараться закрепить организационно все то, что может усиливать оппозицию за счет организованности партии. Нелепо это еще и потому, что Мартов не опирался, по его словам, ни на какой опыт (см. брошюру: «Еще раз в меньшинстве», примечание), а «чертил по белой доске». «Чертить» можно, но это чрезвычайно больно отзывается на тех, кто занят работой не только за чайным столом. Опыт был. Что такое была та работа, которую в течение трех лет производила организация «Искры»? А разве Организационный Комитет не представлял известного опыта? Разве сами члены Орг. Ком. не сознавали, что сепаратные интересы, обнаруживаемые некоторыми чле-

*) Насколько этот основной довод тов. Мартова был нелеп и выдуман ad hoc, показывает кооптация тов. Плехановым, во избежание раскола, т.т. Старовера, Засулич и Аксельрода, вопреки мнению на этот счет тов. Ленина, после чего «диалектический» сибирский делегат, которому диалектика не позволяет оставлять без изменений (ибо «все течет») даже собственных писаний, которые он называет «человеческими документами» при помощи таинственного незнакомца Иосифа Гуттенберга, переделал свой доклад так, что главный тезис его «документа»,—«Плеханов—игрушка в руках Ленина»,—повторяемый на разные лады, исчез в буквальном смысле этого слова из переизданного доклада. Даже более, он пришел к «антитезе», раскладываясь по адресу т. Плеханова. Удобная это диалектика!

нами, были тормозом дружной работы во временном центре, называемом Орг. Ком.? Разве дебют Орг. Ком. на съезде, где он! по случайным причинам, явился в составе, как-будто нарочно подобранном для иллюстрации политики капризов, не явился экспериментом очень поучительным? Разве самый съезд, где в течение полутора месяцев каждый депутат, каждый совещательный голос мог претендовать на внимание товарищей и обнаруживать свою линию, не был огромным опытом? Опыт был. Этот опыт предостерегал нас от плавания без руля и без ветрил по направлению равнодействующей всех ветров и всех течений. Мы полагали, что для достижения намеченных целей, наиболее приближающихся к идеальным, нужно твердо держать руль и сообразоваться с компасом. Только тогда не страшен нам и боковой ветер; только тогда мы сумеем его использовать и достичь того, чтобы и он надувал наш парус, приближая нас к желанной цели. По нашему мнению, опыт именно указывает, что нужны стойкость, выдержанность, крепкая организованность центров. Партия—не лошадь, как остроумно выразился один из делегатов съезда, ее нельзя без вреда для всей партийной деятельности, по прихоти того или иного наездника, чертившего «на белой доске», поворачивать то туда, то сюда, руководствуясь имеющими быть изобретенными и имеющими быть обоснованными, но никому неизвестными принципами.

Павлович (П. А. Красиков).

*Перепечатано в журнале
„Пролетарская революция“
№ 2 за 1921 г.*

Отношение местных организаций к II съезду Р.С.-Д.Р.П.

I. Тверской Комитет подчиняется постановлениям съезда и его центральным учреждениям. 4 голоса против одного высказались за то, чтобы предложить товарищу Мартову войти в состав редакции, а два за приглашение в качестве сотрудников всех остальных членов прежней редакции.

II. Петербургский Комитет выражает уверенность, что центральные учреждения, избранные съездом, успешно выполняют возложенные на них задачи в деле объединения рев. соц.-дем., и приглашает всех товарищей к дружной совместной работе и относится с порицанием ко всяким дезорганизаторским попыткам.

III. Северный Комитет признает необходимым безусловное подчинение членов Партии всем постановлениям съезда вообще и относительно состава и функций центральных учреждений в особенности. Всякую попытку уклонения от исполнения этих постановлений Северный Комитет считает вредной для успехов соц.-дем. движения и несогласной с интересами Партии. Поэтому Северный Комитет осуждает дезорганизационные попытки части съезда, забывшей основные начала партийной дисциплины, агитирующей против подчинения постановлениям съезда.

IV. Тульский Комитет Р.С.-Д.Р.П. считает нужным заявить свой решительный протест против всяких сознательных или бессознательных попыток дезорганизовать ту сознательную деятельность Ц.К. и Ц.О., которая в настоящее время особенно важна. Мы совершенно подчиняемся всем постановлениям съезда и признаем все выборы вполне удачными. Что же касается избрания Мартова в редакцию Ц.О., то мы решили просить сго, отнесясь с более полным уважением к голосу съезда, принять, наконец, это избрание.

Ноябрь 1903 г.

V. Признавая идейное и организационное единство необходимым условием успехов революционной деятельности, признавая создание этого единства главной задачей Р.С.-Д.Р.П. в настоящее время, считая попытки препятствовать созданию этого единства—попытками, ведущими

к ослаблению успехов партии, Воронежская Соц.-Дем. «Касса Борьбы» резко-отрицательно относится ко всем стремлениям игнорировать постановления съезда и препятствовать проведению их в жизнь партии. Признавая полную законность этих постановлений, вполне подчиняемся выбранному съездом центральным учреждениям.

Ноябрь 1903 г.

VI. Выражая полную солидарность с постановлением съезда, идеально выполнившего свои задачи, Московский Комитет всецело подчиняется центральным учреждениям, с уверенностью, что они успешно выполнят возложенные на них съездом обязанности в деле объединения революционной социал-демократии. Московский Комитет порицает дезорганизаторские попытки, нарушающие цельность и единство в работе; Московский Комитет предлагает Мартову подчиниться постановлениям съезда и войти в состав редакции.

VII. Нижегородский Комитет признает законность всех постановлений съезда, признает избранные им органы, энергически призывает всех искренно преданных делу социал-демократии подчиняться выработанному на съезде статуту организации и сплотиться вокруг избранных им центральных учреждений. Нижегородский Комитет решительно осуждает всякие дезорганизаторские попытки, нарушающие цельность и единство в партийной деятельности.

VIII. Мы, Р.С.-Д. Группа в Риге, ведущая партийную работу и занятая организацией местного комитета партии, приветствуем второй съезд партии, как решительный шаг к уничтожению шкурничества и дезорганизации, не позволяющей партии развернуть все свои силы. Вместе с тем, мы признаем необходимость централистической замкнутой организации Р.С.-Д.Р.П., заявляем о своем полном присоединении ко всем решениям и постановлениям съезда и выражаем готовность полного подчинения центральным учреждениям партии.

Кроме того, мы самым решительным образом протестуем против нарушения основных партийных решений, допущенных так называемым «меньшинством» съезда, и заявляем, что никакие товарищеские организации, ни отдельные лица не имеют никакого права отменять или видоизменять решения и постановления съезда, ввиду чего мы просим тех товарищей из меньшинства, которые до сих пор продолжают оппозицию, отказаться от своей дезорганизаторской тактики и подчиниться решениям, принятым ими на партийном съезде.

Ноябрь 1903 г.

IX. Саратовский Комитет признает все постановления съезда, подчиняется всем учреждениям партии.

Отрицательно относится ко всем действиям, идущим вразрез с постановлениями съезда, считая эти действия дезорганизующими партию. Саратовский Комитет просит Мартова подчиниться постановлениям съезда и войти в состав редакции Ц.О.

Х. Екатеринославский Комитет выражает свою солидарность со всеми постановлениями съезда, подчиняется всем центральным учреждениям, избранным съездом, приглашает товарищей объединиться и выражает свое порицание всяким дезорганизаторским попыткам, нарушающим цельность и единство работы.

XI. Признавая программу, выработанную «Искрой» и «Зарей» за программу, наиболее точно и умело формулирующую историческое значение и основные задачи Российской Соц.-Демократии, что нами и было уже заявлено в нашем первом листке, мы с чувством глубокого удовлетворения выслушали сообщение уполномоченного Ц. К-та, сообщение, согласно которому II съезд представителей Рос. Соц.-Дем. организации признал эту программу за программу нашей партии.

С тем же чувством встретили мы и сообщение его о том, что съезд этот выработал устав партийной организации и дал широкие полномочия выбранному им Ц.К.

Наконец-то местные организации объединяются в его лице в мощную партийную организацию, преследующую ясно поставленную цель, организацию, получающую таким образом, возможность руководить политической борьбой пролетариата и вести его к социальной революции путем, строго проверенным и согласованным с принятой на съезде программой.

Мы надеемся, что, воодушевив данным планом борьбы все местные организации, разбросанные на громадном пространстве России, и этим удесятерив их силы, Ц.К. сумеет в то же время сохранить в среде их чистоту принятой на съезде программы и искоренить своим влиянием все временные, преходящие оппортунистические и реформаторские течения, так или иначе всегда вредящие делу пролетарской борьбы.

Мы надеемся, с другой стороны, что и местные организации представят в распоряжение избранного на съезде Ц.К. свои средства и будут беспрекословно подчиняться его указаниям и требованиям. Эти надежды, по нашему мнению, могут оправдаться только в том случае, если, с одной стороны, центральной организации удастся поддерживать с местными постоянные сношения, обеспечить среди них своевременное и непрерывное распространение центрального органа и, с другой стороны (и это очень важно), если члены местных организаций всецело отдадут себя революционному делу партии и интересам этого дела подчинят все личные интересы. Только такие лица, по нашему мнению, могут принимать участие в постановке решения партийных задач, только в интересах дела они должны считаться членами партии, ибо при современном политическом режиме только они в достаточной мере могут быть осведомлены в делах партии.

Отдавая в распоряжение Ц.К. свои силы и средства, мы обязуемся, с своей стороны, вносить в кассу Ц.К. не менее 100/0 всех наших поступлений, надеясь, что изменение к лучшему нашей работы позволит нам взять на себя более серьезные в этом отношении обязательства.

В заключение мы обращаем внимание Ц.К. на необходимость выпуска такого рода изданий, которые развивали бы в популярной форме темы, выдвигаемые на страницах Ц.О.

Средне-Уральский Ком. Рос. Соц. - Дем. Р. П.

ХII. Орловский Комитет заявляет, что он не только считает своей обязанностью подчиняться всем постановлениям съезда и работать под непосредственным руководством Ц.К., но что всякая мысль о возможности неподчинения постановлениям съезда, в котором приняли участие делегаты от всех работающих соц.-дем. организаций, кажется ему в корне ошибочной. Орловский Комитет выражает, поэтому, свое решительное порицание всем товарищам, которые, приняв участие в съезде до конца и тем признавши его, теперь действуют вопреки его постановлениям и вносят таким образом дезорганизацию в ряды партии.

Ноябрь 1903 г.

ХIII. Выслушав доклад представителя Ц.К. о последнем съезде загр. Лиги русской рев. соц.-дем., Одесский Комитет находит, что на этом съезде допущен был ряд нарушений партийной дисциплины и постановлений партийного съезда, что действия большинства Лиги были направлены к полному дискредитированию партийного съезда и созданных им центр. учреждений, выражает крайнее негодование по поводу действий большинства съезда Лиги и полагает, что эти действия должны быть подвергнуты резкому осуждению всей Партии, единая правильная и планомерная деятельность которой возможна только при строгом подчинении постановлениям партийного съезда.

ХIV. Резолюция Кавказского Союза.

После многолетних шатаний и разброда в среде Рос. Соц.-Демократии, наконец, к величайшей радости всех действующих наших товарищей Р.С.-Д.Р.П. фактически осуществилась на II очередном съезде Партии.

Съезд окончательно выработал и принял программу партии, устав и учредил центральные органы партии в виде Ц.О., Ц.К. и С.П., объявив «Искру» Ц.О. партии. Но товарищи, оставшиеся на съезде в меньшинстве, нарушив элементарный принцип подчинения меньшинства, решениям, принятым большинством, находят возможным мешать проведению в жизнь постановлений II-го очередного съезда партии и тем самым являются виновниками ослабления и дезорганизации партийной работы. Мы, кавказские товарищи, выражаем свое глубокое сожаление об этом печальном факте, призываем всех товарищей, которые сознали всю важность и необходимость создания единой централизованной партии, забыв мелкие разногласия, сомкнуться для самой энергичной и дружной борьбы под руководством уже сформированных центральных органов партии, чтобы грозная сила объединенного пролетариата скорее выполнила свою ближайшую историческую миссию—свергнуть гнусное иго царского деспотизма.

Декабрь 1903 г.

XV. Выслушав доклад делегата, Комитет Соц.-Дем. Союза Горнозаводских Рабочих принял следующую резолюцию:

«Принимая во внимание: 1) что резкие разногласия по организационным вопросам и раскол в редакции «Искры» не только не содействовали объединению и усилению Партии, но разрушили все ранее сделанное «Искрой» и О. К., 2) что создавшаяся в это время атмосфера политиканства и недоверия грозит единству и цельности Партии, 3) что, благодаря всему происходящему, центральные учреждения осуждены на умаление их авторитета Партии, К.С.-Д.С.Г.З.Р. просит эти центральные учреждения принять все меры к улажению происходивших разногласий и к восстановлению посредством кооптации выбывших членов редакции в ее прежнем составе».

XVI. Принимая во внимание:

1) что главной задачей II-го съезда нашей партии являлось объединение в одну тесно сплоченную организацию революционной социал-демократии в России;

2) что II-й съезд, вследствие расхождения большинства и меньшинства съезда и раскола в редакции «Искры», нанес делу объединения тяжкий удар и может вернуть партию к тому времени, когда у нее не было ни того единого, тесно согласованного духовного ядра, вокруг которого сложилась партийная организация, ни того единства направления, которое было до съезда, ни той веры в ближайшее будущее партии, которая необходима для плодотворной работы ее организации;

3) Не входя в рассмотрение вопроса о том, кто виноват в происшедшем и считаясь лишь с прискорбными результатами, по поводу которых нельзя не высказать сожаления,—

Киевский Ком., признавая все постановления съезда, обращает внимание Ц.К. и Ц.О. на то, что такое положение губительно отзывалось на партии, и предлагает им принять зависящие меры к улажению разногласий, возникших в редакции «Искры».

К.К.Р.С.-Д.Р.П.

Р. С. Настоящая резолюция принята 7-ю голосами против одного. Из семи голосовавших за—один и голосовавший против (всего 2 человека) в виде особого мнения сделали след. добавление к означенной резолюции:

«Считая все постановления съезда законно состоявшимися, в том числе и выбор редакции, мы просим Мартова принять участие в редакции».

XVII. Резолюция Екатеринославского Комитета.

Обсудив в очередном собрании письмо редакции «Искры» по поводу разногласий в партии между большинством и меньшинством, комитет вынес следующую резолюцию:

1) по вопросу об отношении Ц.О. и Ц.К. комитет считает необходимым идейное руководство Ц.О. над Ц.К. и обеспечение за первым практического влияния на второй на случай возможных штатаний;

2) признавая целиком постановления съезда, комитет тем самым признает Ц.К. в его наличном составе и не считает возможным поддерживать требования о кооптировании им новых членов, так как деятельность Ц.К. до сих пор не дала повода отказывать ему в доверии партии;

3) видя центр тяжести не в том или ином личном составе редакции Ц.О., а в неуклонном проведении тех принципов, носительницей которых в течение трех лет являлась «Искра», и отзывчивости на все запросы партийной жизни, комитет будет поддерживать редакцию, поскольку будет сохранен прежний характер «Искры»;

4) комитет признает желательным и необходимым детальное разъяснение на страницах Ц.О. разногласий между большинством и меньшинством по существу, не переходя на личную почву и не сводя к личным разногласиям, как это сделано в письме редакции комитетам и в письме Ленина: «Почему я вышел из редакции?»

XVIII. Письмо Тверского Комитета.

Прежде всего мы извиняемся перед редакцией в том, что за ходом работы так долго не отвечал на ее письмо. Просим не принимать этого за безучастное отношение к неурядицам, происходящим в нашей партии.

Напротив. Мы вполне разделяем тот взгляд Ц.О., что в интересах партии необходимо, чтобы «все организации» свободно и решительно высказали свое положительное или отрицательное отношение ко всем событиям партийной жизни и в частности ко всем действиям партийных «властей»—и при первой возможности приступаем к делу.

Мы считаем необходимым указать, что первый пункт организационного устава совершенно неудовлетворителен, так как дает возможность проникнуть в нашу партию нежелательным элементам, могущим внести в нее буржуазные тенденции и тем посеять в ней «семена раскола». Давая такую оценку первому пункту устава и находя, что и весь устав во многих частях редактирован довольно неудовлетворительно, мы делаем это лишь для сведения будущему съезду. Вообще же мы, работающие в комитетах партии, поскольку мы осведомлены с положением местных дел и русской действительности, находим, что в настоящее время для проведения в жизнь решений второго съезда и создания партии, наиболее приспособленной к борьбе с правительством при современных условиях, необходимо принять строго централистический тип организации, которому более соответствует план тов. Ленина. Затем, исходя из того положения, что различие мнений во всякой партии может способствовать выяснению истины, мы признаем необходимым и обязательным для каждого члена партии, не согласного с решениями съезда

и общепартийной политикой, высказывать для подготовки будущего съезда свои взгляды на страницах партийных изданий, поскольку они не уклоняются от соц.-демократической точки зрения и не вносят буржуазных тенденций. Всякие же попытки изменить иными способами постановления съезда партии мы считаем вредными и нежелательными, как вносящие рознь и дезорганизацию. Относительно Ц.К. мы находим, что, принимая во внимание громадность задач, возложенных на него, и трудность выполнения их при русских условиях, необходимо всем комитетам партии оказывать ему возможно большее содействие. Принимая во внимание особенно критический характер момента, переживаемого русским правительством (Японская война), который легко может явиться решающим для судьбы самодержавия и соц.-демократической партии,—мы считаем необходимым особенно тесное сплочение всех социал-демократов вокруг Ц.К., как практического руководителя партии, и особенно вредными и опасными всякие попытки противодействия в его организующей деятельности. Для того, чтобы восстановить мир в партии, необходимо редакции как можно скорее ясно и обстоятельнее выяснить все принципиальные разногласия «меньшинства», необходимо напечатать как можно скорее протоколы съезда партии и Лиги, не скрывать ничего от рядовых работников партии,—по крайней мере, в тех случаях, когда это может быть допустимо по конспиративным соображениям. Желая только мира в партии, мы не изменяем своего отношения к редакции, если только она не изменит прежнего направления «Искры». Что же касается заявления, редакции, что в своем теперешнем составе она «почти» не изменилась, то с этим мы согласиться не можем. Товарищ Ленин достаточно большая величина, и выход его из редакции—потеря для общего дела. Но мы надеемся, что, как сотрудник, он осуществит свое участие в идейном руководстве партии. Итак, больше гласности.

Основываясь на обещаниях редакции, просим напечатать это письмо.

XIX. Резолюция Астраханского Комитета.

Ознакомившись с постановлениями съезда, с заявлением редакции—с одной стороны, и с письмом тов. Ленина—с другой, мы, за недостатком материалов и неполучением до сих пор копий протоколов съезда, воздерживаемся пока от выражения нашего взгляда на сущность направления, усвоенного новой редакцией «Искры», и заявляем, что находим в действиях редакции полное пренебрежение к постановлениям съезда и недозволительную агитацию, имевшую целью сведение на-нет всей работы съезда. Неисполнение постановлений съезда выразилось, прежде всего, в произвольном изменении числа членов и состава редакции, вопреки ясно выраженному желанию съезда, который к тому же обсуждал и не принял предложения меньшинства членов съезда. Оно выразилось затем в совершенно неслыханном давлении на некоторых членов большинства, имевшем целью добиться осуществления сво-

их желаний не путем открытого и единственно законного отстаивания своих мнений. Мы считаем такие приемы совершенно недопустимыми и вводящими полнейшую дезорганизацию в деятельность партии. С этой точки зрения, мы не только протестуем самым энергичным образом против поведения меньшинства участников съезда, но и считаем образ действий тов. Плеханова, не выказавшего достаточной твердости в исполнении постановлений съезда, неправильным. Мы полагаем, затем, что тов. Ленину, несмотря на всю тяжесть его положения, не следовало покидать своего места, так как было бы лучше, чтобы выход «Искры» временно вовсе приостановился, лишь бы не вносить начал дезорганизации и произвола.

Р. С. Намн получено письмо делегатов Сибирского Союза. Эта брошюра проникнута неуважением к съезду и нетоварищескими приемами полемики, и такие брошюры печатаются с официальным заголовком Рос. Соц.-Демократической Рабочей Партии. Пусть редакция разъяснит, с ее ли одобрения она напечатана и не есть ли этот заголовок просто фальсификация.

№ 3.

Отношение партийных организаций к июльской (1904 г.) декларации Ц. К. *).

I. Резолюция Женевской группы большинства.

Собрание, на которое были приглашены члены партии, сторонники большинства II-го партийного съезда, разобрав декларацию конференции 22-х, сторонников «большинства», изданную Рижским Комитетом, Р. С.-Д. Р. П., рассмотрев также и резолюцию Рижского Комитета, вынесенную по поводу этой декларации, — 30 голосами против 11, при 5 воздержавшихся, приняло следующую резолюцию:

I.

Признавая, в общем и целом, что в Рижской декларации вполне правильно и принципиально выражены взгляды и политика последовательного большинства II-го партийного съезда, собрание считает необходимым высказаться по поводу новой политики Ц. К.

Собрание констатирует, что декларация Ц. К. (см. «Искра», № 72) является новой победой кружковщины над партийностью, новой изменой интересам партии в целом, новой попыткой разорвать партию внесением двойственности и лицемерия в партийные отношения.

Собрание осуждает, — как недостойное и недопустимое ни в одной, уважающей себя, рабочей партии явление, — противодействие со стороны подотчетного органа партии созыву партийного съезда, объявление вредной всякой агитации за съезд.

Собрание энергично протестует против новой политики нового Ц. К., двуличной и лицемерной. Получив свои полномочия на съезде от партийного большинства, новый Ц. К. объявляет теперь политику этого большинства групповой политикой; громко крича о мире между двумя борющимися сторонами, на деле заключает он сделку с какими-то заграничными «уполномоченными» какой-то организации и в защиту своей политики он лицемерно расхваливает «высоту» позиции своих вчерашних противников, которую в марте квалифицировал как оппортунистическую, а самый акт примирения начинает с раскиссирования организаций, членов и агентов Ц. К., которые смели позволить себе такое преступление, как агитацию за съезд.

*) См. прим. 120 к этому тому. Ред.

Собрание самым решительным образом осуждает эту политику бонапартизма, призывает всех членов партии к энергичной борьбе против узурпации и лицемерия, требует полного опубликования протоколов Совета и всех неконспиративных, с полицейской точки зрения, данных о деятельности центральных учреждений.

Далее то же собрание приняло следующую резолюцию:

II.

Собрание а) призывает всех членов партии, разделяющих принципиальные взгляды большинства, к энергичной агитации за созыв III съезда и б) к поддержке издательства, предпринятого тов. Бонч-Бруевичем.

При голосовании первой части этой резолюции подано было за нее 31 голос, 10 против и 5 воздержалось; при голосовании второй части за было 30 голосов против 9-ти, при 6-ти воздержавшихся.

II. Резолюция Кавказского Союза, Тифлисского и Батумского Комитетов.

Заслушав данное уполномоченным Ц. К. разъяснение июльской резолюции Ц. К. и подвергнув резолюции эти совместному с ним обсуждению, собрание постановило: считая выраженные Ц. К. намерения и поставленные им себе цели согласными с истинными интересами партии; возлагая некоторые надежды на положительные, в прямом смысле, результаты от предполагаемых мероприятий вообще и конференции с товарищами из так называемого «меньшинства» в частности; считая мероприятия эти продолжением работ второго съезда, стремившегося к единству партии; признавая, наконец, что мероприятиями этими укрепляется положение той части партии, которая стоит на почве постановлений II съезда, — собрание выражает полное доверие Ц. К. и поручает ему, в случае неуспеха его действий в направлении, указанном резолюциями, немедленно приступить к созыву экстренного III съезда.

Эта резолюция принята на соединенном заседании Тифлисс. Ком. и Кавказск. Союзн. Ком.; после к ней присоединился Батумский Комитет.

III. Резолюция Кременчугского Комитета.

По поводу резолюции Ц. К. (см. № 72 «Искры»), Кременчугский Комитет принял следующую резолюцию:

Организационная смута самым вредным образом отзывается на работе как всей партии, так и отдельных комитетов. Помимо хронического голода в литературе, листках и, вообще, в средствах агитации и пропаганды, помимо того, что комитеты не имели силы ответить, как следовало бы, на запросы дня, — они оказываются посторонними зрителями в последних событиях; партия не дала своих указаний по столь важному вопросу, как поведение комитетов относительно волнующихся по всей России запасных рядовых; на страницах же Ц. О.

по этому поводу не оказалось ни одной статьи, ни единого указания. Ввиду того, что в организационной смуте «смеющимся третьим», таким образом, является русское самодержавие,—

Кременчугский Комитет, приветствуя резолюцию Ц. К., высказывается: 1) за полное немедленное объединение в организационной жизни Ц. О. и Ц. К.; 2) против созыва III съезда, который потребовал бы временного отвлечения лучших революционных сил в столь смутное для партии время.

IV. Резолюция Кавказского Союза и Тифлисского Комитета.

Принимая во внимание:

1) Что, как видно из писем тов. Ленина — члена Ц. К. — от 18 августа, о предполагаемом собрании Ц. К., для выработки известной июльской декларации, не были оповещены ни Ленин и ни другой член Ц. К., что безусловно недопустимо ни с коллегиальной и ни с партийной точки зрения;

2) вопреки обещаниям, данным уполномоченным Ц. К., что Ц. К. и впредь будет держаться своей прежней, неуступчивой по отношению к меньшинству, политики он (Ц. К.), в угоду меньшинству, изменяет своей прежней позиции, распуская, как это видно из циркуляра Ц. К. от 27—28 августа, заграничное бюро экспедиции и техники, а равно и южно-русское бюро Ц. К., заявившие себя последовательными и истыми сторонниками тенденций большинства II партийного съезда;

3) Ц. К., выражая порицание тов. Ленину за то, что он заявил в Совете Партии о необходимости созыва III партийного съезда, тем самым лишает его права агитации за съезд, что должно составлять, по нашему мнению, неотъемлемое право каждого члена партии;

4) вопреки обещанию Ц. К. (через своего уполномоченного) о скорейшем урегулировании внутрипартийных отношений между большинством и меньшинством в смысле партийного единства, т.-е. тенденции большинства II партийного съезда, примирения не видно, а, наоборот, большинство членов Ц. К. — авторы июльской декларации — изменяют своей прежней политике, политике большинства, и, наконец,

5) принимая во внимание, что смута в партии все растет и растет, грозя уничтожением всякой положительной работы в партии в этот серьезный и важный для партии момент,—

Мы считаем необходимым:

1) Повторить свою прежнюю, июльскую резолюцию о немедленном созыве III партийного съезда и агитации за этот съезд, раз уже нами предпринятой, но приостановленной по просьбе уполномоченного Ц. К.;

2) с этой целью присоединиться к резолюции 22 товарищей, устроивших частное совещание единомышленников сторонников большинства II партийного съезда, и

3) выразить недоверие большинству сторонников Ц. К. за уступчивую по отношению к меньшинству политику, считая подобную тактику серьезной политической ошибкой, благодаря которой отдается и практический центр партии (Ц. К.) в руки заграничного кружка — дезорганизаторов партии.

Союзный и Тифлисский Комитеты.

Сентябрь 1904 г.

V. Резолюция Имеретинско-Мингрельского Комитета.

Ввиду того, что Имеретинско-Мингрельский Комитет для сохранения партийной дисциплины счел нужным и возможным созыв III партийного съезда отложить впредь до окончательного выяснения результатов опыта к примирению с меньшинством, предпринятого Ц. К.; не находя однако такой шаг надежным и обеспечивающим действительный мир в партии; ввиду того, что, как впоследствии выяснилось, декларация Ц. К. была проведена при незаконном его составе, так как некоторые члены не были даже оповещены о задуманных мероприятиях, и тем самым отсутствующие товарищи были лишены возможности представить по данному вопросу свое мотивированное мнение; ввиду того, что с каждым днем представителями меньшинства выставляются якобы принципиальные обвинения против организационного устава партии и деятельности организаций, примыкающих к большинству, а потому частичные уступки могут явиться паллиативами,— ввиду того, что серьезность настоящего момента, необходимость в положительной организационной работе настоятельно требуют окончательного выяснения положения дел в партии, установления точно определенных центральных органов, умеющих объединить разрозненные силы действующих товарищей и использовать существующее настроение массы и тяжелое положение растерявшегося правительства в целях достижения наибольшего для интересов рабочего класса; ввиду того, что III партийный съезд может и должен совершить и положительную работу в смысле выработки общих мероприятий для данного момента; ввиду того, наконец, что опасения утверждения раскола на съезде лишены всякого основания, ибо раскол фактически утверждается постепенно и помимо съезда, и съезд в этом отношении ничего нового и более опасного утвердить не может,— ввиду всего этого Имеретинско-Мингрельской Комитет вполне присоединяется к воззванию 22 товарищей и признает настоятельно необходимым созыв III съезда в скором будущем и предлагает всем действующим товарищам принять со своей стороны все возможные меры для его осуществления

Имеретинско-Мингрельский Комитет.

Сентябрь 1904 г.

VI. Резолюция Московского Комитета, принятая в ответ на декларацию Ц. К., лично мотивированную агентом его, и по поводу резолюции 22-х членов партии.

Московский Комитет с формальной стороны считает декларацию Ц. К. незаконной и не имеющей партийного значения ввиду того,

что она обсуждалась без оповещения и участия 2-х членов Ц. К., являющихся единственными в данной коллегии и действительными представителями партийного большинства.

По существу Московский Комитет находит отношение декларации Ц. К. к принципиальным позициям большинства и меньшинства явно некритическим и затушевывающим в действительности существующие глубокие разногласия по организации и тактике, ввиду чего вторично настаивает на созыве III съезда, как на единственном средстве дать партии необходимые условия для централизации социал-демократической деятельности. Комитет без замедления и всецело присоединяется к резолюции 22-х, исчерпывающим образом анализирующей и освещающей современное положение и вытекающие из него задачи.

Московский Комитет.

Август 1904 г.

VII. Резолюция Одесского Комитета.

Одесский Комитет, ознакомившись с заявлением Ц. К. от ... и обсудивши созданное этим актом Ц. К. положение, пришел к следующим выводам:

1) Большинство Ц. К. проводит в своем заявлении ту мысль, что политика партийного большинства и политика партийного меньшинства в равной мере представляют из себя групповую политику, и выражает намерение противопоставить той и другой свою особую политику, «надгрупповую». Одесский Комитет полагает, что эта точка зрения представляет коренное и безысходное извращение принципов партийной организации. Партийная организация невозможна без подчинения меньшинства законному большинству, и одна только политика этого большинства, с партийной точки зрения, может и должна считаться партийной политикой. Рассматривая политику законного большинства, намеченную на втором съезде, как политику групповую, заявление Ц. К. уничтожает возможность партийной политики вообще.

При этом якобы внегрупповая политика Ц. К. оказывается внепартийной как формально, потому что она не есть политика законного большинства, так и фактически, потому что она отрывается от обеих реальных сил, составляющих партию. Вместе с тем она оказывается политикой узкогрупповой, именно данного кружка, образующего большинство Ц. К. И она обнаруживает немедленно на деле, в пределах этого же заявления, типичные черты узко-кружковой политики: наивное стремление разрешить серьезную внутрипартийную борьбу путем мелких личных уступок (выдача Ленина в руки редакции Ц. О., намеки на возможную «кооптацию») и дипломатической лести (высота Ц. О. и талант Ленина), мелочный страх перед большой затратой сил и средств на необходимое для партии дело — съезд, столь же мелочное недоверие к партийному настроению борющихся течений (болезнь «раскола»), явное желание оттягивать момент реального контроля и суда партии, в лице ее съезда, над политической деятель-

ностью ее исполнительных учреждений. Наконец, только кружковой узостью политики Ц. К. можно объяснить такое неверное утверждение, что минувший год стремительного развития исторических событий и жестокой внутривнутрипартийной борьбы, год болезненного перехода партии к новым для нее формам организационной жизни, что этот год, по мнению Ц. К., дал слишком мало материала для нового съезда.

2) Рассматривая партийную политику большинства, как групповую, Ц. К., выдвинутый этой самой политикой, избранный большинством для ее проведения в жизнь, тем самым уничтожает и формальный и нравственный базис своей политической роли: кружок, навязанный партии групповой политикой в качестве руководящего исполнительного учреждения, не может и не должен признаваться партией за ее законного представителя.

Не предусмотревши этого необходимого вывода, Ц. К. еще раз показал свою неспособность усвоить партийно-организационную точку зрения, неспособность применить ее хотя бы к критике собственных произведений.

3) Отрекшись от политики партийного большинства, Ц. К. предполагает, ради мира в партии, устроить конференцию с представителями меньшинства. Новое проявление все той же наивной и противопартийной идеи домашне-кружкового улаживания общепартийных дел. Какое значение может иметь эта конференция для партийного большинства, которое на нее даже не приглашено? Если меньшинство ее признает, то это будет служить только лишним доказательством того, что оно остается на узко-групповой точке зрения, повидимому, заимствованной теперь от него большинством Ц. К. Борьба большинства и меньшинства партии никоим образом не может разрешиться конференцией одной из двух сторон с третьими лицами. Эта борьба может быть разрешена законно и нормально только на партийном съезде. К сожалению, данный акт Ц. К., являясь в течение года первым тщательно обдуманным и открытым вмешательством Ц. К. во внутривнутрипартийную борьбу, не может считаться партийным актом.

В своем стремлении стать выше партии, Ц. К. нарушает даже самые элементарные формальные гарантии, устраняет двух представителей большинства партии в Ц. К. от обсуждения декларации и постановления части Ц. К., принятое тайно от другой его части, навязывает партии как решение всего Ц. К. На основании всего вышеизложенного Одесский Комитет постановляет выразить свое недоверие составу Ц. К., выпустившему декларацию. Вместе с тем Одесский Комитет призывает партию к возможно скорому созыву III съезда и, как программу в борьбе за его проведение (?), выставляет декларацию конференции 22-х.

VIII. Резолюция Рижского Комитета Р. С.-Д. Р. П., принятая им по обсуждении «декларации» Ц. К.

1) Ввиду того, что на собрании Ц. К., обсуждавшем и принявшем декларацию, не присутствовало и даже не было приглашено несколько

его членов, Рижский Комитет признает постановления собрания незаконными и необязательными для партии.

2) Признавая наличность разногласий между «большинством» и «меньшинством» и считая невозможным и даже нежелательным полное прекращение борьбы направлений в партии, Рижский Комитет находит необходимым, в интересах развития революционного рабочего движения в России, чтобы эта борьба не выходила из пределов партийности.

3) Рижский Комитет признает настоящий состав редакции Ц. О. незаконным, так как кооптация была произведена тов. Плехановым под давлением отвергнутых вторым съездом редакторов и явилась, таким образом, узурпацией Ц. О. меньшинством.

4) Не разделяя мнения Ц. К. о «неоспоримой высоте Ц. О.» в области выяснения основных принципов международной социал-демократии, ибо разработкой этих вопросов теперешняя редакция меньше всего занималась, будучи всецело поглощена преследованием интересов своего кружка, к защите которых приурочивались почти все, даже руководящие, статьи; отмечая, далее, принципиальную неустойчивость и дезорганизаторскую роль Ц. О. в переживаемом партией конфликте, Рижский Комитет выражает свое недоверие настоящему составу редакции. Что же касается обвинения в бойкоте Ц. О., легкомысленно брошенного Ц. К. по адресу партийного большинства, Рижский Комитет полагает, что, благодаря вышеотмеченной узурпаторской роли редакции, а также высокомерно-оскорбительному для партии тону новой «Искры», для многих партийных работников создалась психологическая невозможность поддерживать более живую связь с Ц. О., но что сознательного бойкота в тех размерах, в каких он применялся «меньшинством» по отношению к центральным учреждениям партии до захвата редакции и перемены курса Ц. К., со стороны большинства не было.

5) Рижский Комитет высказывает пожелание, чтобы тов. Ленин безусловно оставался в Ц. К. в качестве его единственного заграничного представителя, в надежде, что ему удастся, быть может, повлиять на товарищей по коллегии и удержать их от дальнейших необдуманных и рискованных шагов.

6) Повторяя свое неоднократно высказанное требование немедленного созыва III съезда, Рижский Комитет отмечает вместе с тем некорректность образа действий Ц. К., как подотчетной по отношению к съезду коллегии, выражающуюся в противодействии созыву III съезда, и рекомендует ему не «отвлекать своих сил и средств» на агитацию против съезда.

7) Принимая во внимание, что Ц. К. пытается разрешить партийные конфликты частным соглашением с «меньшинством», совершенно не считаясь с большинством партии, что предлагаемые Ц. К. практические меры «полного умиротворения партии» необходимо приведут лишь к дезорганизации ее и закреплению кружковщины, что тем самым Ц. К.

перестает быть выразителем воли избравшего его на II съезде большинства, Рижский Комитет выражает Ц. К. свое недоверие и заявляет, что не считает для себя обязательными никакие частные соглашения между Ц. К. и «меньшинством».

Резолюция принята единогласно 6-ю членами комитета при одном отсутствовавшем (приглашенном, но не явившемся на собрание).

Секретарь Комитета.

20 сентября 1904 года.

IX. Резолюция Петербургского Комитета.

Ввиду того, что при выработке декларации Ц. К. им не было заслушано мнение тов. Ленина, а также ввиду сделанного П. К. заявления двух товарищей об отсутствии на заседании Ц. К. еще одного, неизвещенного о собрании, члена Ц. К. (по поводу чего П. К. желал бы получить разъяснение от Ц. К.),—Петербургский Комитет находит, что декларация теряет для него значительную часть своей ценности.

Переходя к обсуждению декларации по существу, П. К. находит, что Ц. К., стремясь уладить конфликты между фактическим большинством партии, с одной стороны, и ее незначительным меньшинством и заграничным кружком литераторов, с другой, путем компромисса,—поступился интересами партии в угоду интересам кружка партии и тем вместе с Ц. О. и Советом партии встал в противоречие с направлением большинства местных комитетов. По мнению П. К., принятая Ц. К. резолюция поведет к новому обострению отношений и расхождению между большинством комитетов и партийными центрами. Это заставляет П. К. еще решительнее высказаться за созыв съезда, должностующего выбрать партийные центры направления большинства партии. Ввиду этого П. К. подтверждает свою резолюцию за съезд, единогласно принятую им на заседании от ... июня 1904 года, и предлагает товарищам в виде мотивировки декларацию 22-х членов партии, принятую на частной конференции в августе 1904 г.

Особое мнение.

1) Выражаю сожаление, что при выработке декларации Ц. К. им не было заслушано мнение тов. Ленина, и желал бы кроме того получить разъяснение от Ц. К. по поводу сделанного на собрании П. К. заявления двух товарищей об отсутствии на собрании Ц. К. еще одного, неизвещенного о нем, члена Ц. К.

2) Не видя разногласий между «большинством» и «меньшинством» и выслушав декларацию Ц. К., в которой выражено стремление водворить мир в партии путем примирения, а не путем раскола и не путем съезда, который в данный момент приведет к расколу, выражаю свою солидарность с декларацией Ц. К. по существу.

3) Выслушав заявление 22-х членов партии, высказавшихся за съезд, за полнейшую перестройку партийных центров, дискредитирующих центральный орган и товарищей из меньшинства и таким образом зовущих к расколу в партии в столь важный политический момент, переживаемый нами в России,—высказываю порицание такого рода заявлению 22-х членов партии.

Письмо к товарищам по Петербургскому Комитету.

Узнав, что П. К. в моем отсутствии (я числюсь в отпуску) принял резолюцию, вполне солидарную с заявлением 22-х членов партии, которая в настоящий момент является препятствием, чтобы водворить мир в партии путем соглашения между «большинством» и «меньшинством», разногласия которых далеко не такие, которые мешали бы примирению и совместной работе, и это делается в тот момент, когда Ц. К. выработал декларацию примирительного характера, и когда меньшинство со своей стороны выражает полную готовность идти навстречу примирительным тенденциям Ц. К.,—я не могу не выразить своего глубокого удивления по поводу принятия П. К. этой резолюции, так как в настоящий, столь важный политический момент, когда является необходимой концентрация всех наших партийных сил, совместная упорная и дружная работа, всякий истинно заинтересованный в успехах пролетарского движения должен на своем знамени написать девиз «долгой осадное положение!», доверие партийных работников друг к другу, а не раскол во что бы то ни стало. Странной мне кажется эта резолюция еще и потому, что в принятии ее принимали участие два новых члена, вовсе незнакомых с настроением периферии петербургской организации (я говорю о самых сознательных членах организации), между тем как она вся на стороне примирения, а не раскола, против съезда, а не за съезд; всего же в комитете в момент принятия резолюции было 4 члена, из которых один высказался против этой резолюции. Таким образом фактически за резолюцию голосовало лишь одно лицо, которое не могло быть осведомлено о партийной петербургской организации и в то самое время, когда П. К. не мог не знать мнения моего и Е., хорошо осведомленных о настроении всего периферийного элемента, которое могло быть только отрицательным к этой резолюции 22-х. Должен также прибавить, что я оставил П. К. лишь за несколько дней до вынесения резолюции, а Е. и тогда был в городе, а может быть, оставил город за один-два дня до этого. Ввиду изложенных обстоятельств я утверждаю, что резолюция, принятая при таких условиях, не может являться резолюцией П. К. (конечно, не формально, а морально), а лишь резолюцией отдельных трех лиц, присоединившихся к резолюции 22-х, а может быть, даже эти три лица вошли раньше в состав этих 22-х. Далее, я считаю необходимым выяснить недоразумение, имевшее место на том же заседании, принявшем резолюцию 22-х. Одним товарищем, бывшим членом П. К., присутствовавшим на этом заседании в качестве почетного гостя, было

заявлено, что на районных собраниях были вынесены резолюции за съезд; полагая, что это заявление не могло не остаться без влияния на вынесение резолюции, я, как бывший организатор Выборгского района до самого комитетского собрания, утверждаю, что ни в мое время, ни раньше (в продолжение, по крайней мере, 8 месяцев, как утверждают все это время рабочие петербургской организации) такой резолюции район не принимал.

Х. Резолюция Екатеринославского Комитета Р.С.-Д.Р.П.

По поводу заявления Центрального Комитета.

Декларация Ц. К., призывающая нас, местные комитеты партии, к примирению с меньшинством, оппортунистическая по существу, является непримиримым противоречием партийному уставу.

II съезд, при всех своих недочетах, ясно и определенно конституировал партию, наметив основные положения устава в духе революционной социал-демократии и поручив руководство партией трем товарищам, которых считал способными провести в жизнь эти принципы.

Если первая принципиальная часть работ съезда обнаружила, что революционная агитация «Искры» увенчалась успехом, что отдельные партийные организации уже подготовлены к объединению в стройную политическую партию и что революционное социал-демократическое большинство партии более или менее обеспечено, то вопрос о личном составе центров ясно показал, как непрочно эти успехи, как мало подготовлены руководители к большому политическому делу, как сильны в них индивидуалистические тенденции и приходская психология. Обойденные на выборах некоторые бывшие редакторы «Искры», из-за личных счетов утерьявшие чувство политического равновесия, не погнушались произвести раскол в том самом большинстве, которое они прежде создавали. Променяв политическое первородство революционных социал-демократов на чечевичную похлебку лидеров оппозиции, они не могли удержаться на легальном пути и не хотели удовольствоваться теми средствами борьбы, которые предоставляет меньшинству парламентский режим. Галлюцинаторная идея об «осадном положении» заставила их пойти дальше и бойкотировать съезд отказом от участия в выборах. Правда, тогда же, на съезде, меньшинство, устами Мартова, торжественно заявило о своей готовности подчиняться законному большинству, но это заявление, как показали ближайшие события, было только «парадной фразой в ложно-классическом стиле».

На другой же день после съезда бойкот возобновился с удвоенной силой.

Он проявлялся в отказе бывших редакторов сотрудничать в «Искре», он выразился затем в игнорировании центральных учреждений и он увенчался, наконец, открытой демонстрацией и отдельными восстаниями массы против комитетов большинства, которые заграничные «вожди» усиленно старались дискредитировать.

Борьба меньшинства с большинством была лишена на первых порах какой бы то ни было принципиальной основы, все требования бунтарей носили чисто личный характер, но в дальнейшем своем развитии она нашла себе идейный базис, объединив в компактную группу всех сторонников отживающего кустарничества. Теперь вопрос о том, кто победит,—большинство или меньшинство, не есть уже только вопрос о «местах»,—это вопрос огромной принципиальной важности о победе революционного марксизма над возродившейся приходской политикой, и все попытки совлечь нас с пути энергичной борьбы с меньшинством посягают на успех искризма, посягают на единство партии, на торжество революционной социал-демократии.

Мы далеки от того, чтобы исчерпать в нашей резолюции все прощупки меньшинства и всю сущность партийных разногласий. Нам, рядовым работникам партии, выносящим на своих плечах всю тяжесть дезорганизаторской кампании, теперь, в разгаре работы, такая задача не по силам. Это дело III съезда. Но мы должны были напомнить товарищам эти факты, чтобы показать, как смешны и наивны попытки заглушать разногласия, замазать изъяны и вести при таких условиях плодотворную, положительную работу.

Мир нам необходим, он необходим сейчас же, так как события развиваются с ужасающей быстротой, и «хвостизм», который при настоящих условиях может у нас воцариться, грозит передать социал-демократическое дело буржуазии. Недаром так ликуют обескураженные было социалисты-революционеры, недаром пророчат они нашей партии неминуемую гибель и на «краю гибели» (так и говорят!), социал-демократии усиленно выдувают «мыльные пузыри». Мир нам необходим, и мы его добьемся, с какими бы жертвами это ни было связано. Но нам нужен мир, а не примирение.

Помимо опасного прецедента, который создает последний акт Ц. К., поощряющий дезорганизаторов и анархистов, он не может достигнуть той маленькой цели, ради которой он предпринят. Тактика меньшинства, хотя бы по экспериментам над Ц. О., достаточно ясно показала нам, как пользуется оно сделанными ему уступками; с другой стороны, позиция, занятая «твердокаменными» комитетами, вряд ли позволяет надеяться, что такие уступки возможны и в будущем и что постановления II съезда могут быть «диалектически» превращены в свою противоположность.

Ц. К. своим новым зигзагообразным курсом рискует только усложнить разногласия третьим «примиренческим» течением и отдалить единственно правильное, целесообразное решение большого вопроса — III съезд.

Признавая декларацию Ц. К. плодом кружковой, антипартийной психологии, мы решительно отвергаем предложение примириться с меньшинством и требуем созыва III съезда.

Вместе с тем мы заявляем о своей готовности поддерживать правильные сношения с центральными учреждениями, если они примутся, наконец, за положительную работу и не будут ставить искусственных преград агитации в пользу съезда.

Само собой разумеется, что пасквили и демагогия со стороны Ц. О. должны исчезнуть навсегда.

Екатеринославский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

20 октября 1904 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Решетников—писатель-народник, автор знаменитых «Подлиповцев», где он изобразил полузверскую жизнь крестьян-пермяков.

2. Гл. Успенский (1840—1900)—писатель-народник, бытописатель провинциального и столичного пролетариата, потом крестьянства в эпоху разложения его патриархального быта под влиянием нарастающего капитализма («Разорение», «Новые времена—новые заботы» и т. д.). Рецепт исцеления социальных зол, по Успенскому,—«власть земли», как основа и хозяйственных, и моральных устоев.

3. Стахович—видный представитель умеренно-либеральных земских кругов. В 1910 г. на миссионерском съезде в Орле выступил с защитой свободы совести против гнета тогдашнего полицейского православия; участник земских съездов, правого их крыла; в 1905—1907 г.г. колеблется между октябризмом и мирнообновленчеством. Буржуазная революция 1917 г.г. сделала его финляндским ген.-губернатором, а затем дипломатом.

4. Нарышкин—крупный помещик, бюрократ-реакционер, лидер крайней правой вместе с П. Дурново в Государственном Совете после революции 1905—1906 г.г.

5. Парвус—некогда видный работник немецкой, потом русской социал-демократии—работал вместе с Троцким в 1905 г. в «Начале», отстаивая идею «перманентной революции»; после разгрома Петербургского С. Р. Д. 3/XII 1905 г., был председателем кратковременного его преемника в декабре 1905 года.

В империалистскую войну—ренегат социализма, ставший защитником империализма Вильгельма II и немецкой буржуазии.

6. «Заря»—научно-политический журнал под ред. Г. Плеханова, П. Аксельрода и В. Засулич и при участии сотрудников «Искра». №№ 1 и 2—3 вышли в 1901 г., № 4—в 1902 г.; ряд статей в «Заре»—Н. Ленина, Плеханова и друг. посвящен обоснованию теоретической позиции революционного марксизма, борьбе против народников и представителей так наз. «легального марксизма». Кроме перепечатанных в этом томе статей, В. И. поместил в «Заре»: в № 2—3—еще первые I—IV главы работы: «Г.г. критики в аграрном вопросе» (перепечатаны на 53—98 стр. IX тома Собр. соч.) и в № 4—статью: «Аграрная программа русской социал-демократии» (перепечатана на 284—316 стр. IX тома).

7. Витте, С. Ю.—русский государственный деятель конца XIX в. и нач. XX в.; много содействовал развитию капитализма в России: развитием железнодорожной сети, укреплением валюты, протекционизмом... Как политик, Витте—яркий оппортунист: то доказывает в союзе с Победоносцевым несовместимость существования земства с самодержавием, то создает «Совещание о пущах с.-хоз. промышленности», где с удобством развертывается земская оппозиция; здесь он сталкивается с новым временщиком, Плеве, и, побежденный, отступает временно на задний политический план. Неудачная японская война 1904—1905 г.г. выдвинула его, как единственно годного дипломата, для ликвидации дальневосточного позора. В октябрьские дни 1905 г. «граф Портсмутский» является незаменимой опорой шатающегося престола. Витте создает манифест 17 октября и заводит двойную игру: заигрывает с либералами земских съездов, уговаривается с общественными деятелями о вступлении в его «конституционный» кабинет; а, одновременно, его коллега по министерству, Дурново, организует патриотически-черносотенные банды. Перед созывом I Гос. Думы Витте получил отставку и с тех пор не играл уже видной государственной роли.

8. Горемыкин—один из «столпов» правительства Николая II; в конце XIX века, в качестве министра вн. дел, воюет против рабочих, студентов и голодающих крестьян; в эпоху I Думы—премьер «конституционного кабинета»; в первые годы империалистской войны—организатор «обороны отечества» и неустанный борец с «прогрессивным блоком» IV Госуд. Думы.

9. Р. Н. С.—псевдоним П. Струве в предисловии к изданной им «Записке» Витте. Конфиденциальная записка Витте: «Самодержавие и земство»—характерна для реакционного похода полицейско-бюрократических сфер против земства в конце XIX в. и в начале XX в.; здесь развивается тезис, что «в самодержавном строе государства, с неизбежным при нем бюрократическим центром, земство—непригодное средство управления..., что конституция вообще—«великая ложь нашего времени», и, в частности, к России, при ее разноречивости и разноплеменности, эта форма правления неприменима без разложения государственного режима. С этой точки зрения никакого дальнейшего расширения деятельности земству давать нельзя, надо провести для него ясную демаркационную линию и не позволять ни под каким видом переступать эту линию, но вместе с тем надо возможно скорее озаботиться правильной и соответствующей организацией правительственной администрации, твердо памятуя, что «кто хозяин в стране, тот должен быть хозяином и администрации».

10. Никитенко (1804—1877 г.г.)—профессор по кафедре русской словесности в Николаевскую эпоху; был цензором, оказывал услуги русской литературе, особенно после 1848 г.; известен его «Дневник», ценный для характеристики гонений на русскую литературу и журналистику при Николае I и Александре II.

11. М. П. Драгоманов—проф. Киевского Унив., украинофил, впоследствии эмигрант.

12. Н. Милютин (1818—1872 г.г.)—либерал-бюрократ, в качестве тов. министра вн. дел принимал ближайшее участие в подготовке крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., потом провел освобождение крестьян в Польше.

13. Бакунин—см. прим. 299 к XIV тому Собр. соч.

14. Катков, М. Н.—публицист-идеолог русского дворянства во второй половине XIX в. Принадлежал некогда к кружку Станкевича, был близок к Белинскому и Бакунину. С 1856 г. во главе «Русского Вестника» играет роль либерального англомана, мечтает о пересадке английской знати с ее конституцией на русскую почву; рост революционного движения в 60 г.г. быстро срывает с него либеральную маску. Он кричит о польской интриге, о необходимости классицизма в школе, чтобы убить бациллы крамолы, о военной диктатуре. После 1 марта вместе с Победоносцевым и гр. Толстым—один из трех китов беспощадной дворянской реакции и «твердой власти».

15. «Великорусс»—три прокламации, появившиеся в 1861 г., не шли дальше умеренных требований: 1) оставления за крестьянами всей их земли, при чем выкуп уплачивается не одними крестьянами, а всеми классами народа; 2) созыва депутатов от населения для выработки конституции и 3) национального освобождения Польши. По мнению М. К. Лемке, в составлении этих листов принимал участие Чернышевский.

16. «Молодая Россия»—прокламация, выпущенная летом 1862 г. кружком московских студентов Зайчневского и Аргиропуло. В прокламации вся Россия делится на две партии: 1) угнетаемых—народная партия, во главе которой должна стать передовая молодежь; 2) угнетателей и эксплуататоров. Выход из положения один: «кровавая, неумолимая революция, которая должна изменить радикально все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Имелось в виду устроить федеративный коммунистический строй, общественное землевладение, общественные фабрики и заводы, общественное воспитание детей. Проведение программы предполагалось яacobинским путем; учреждалось выборное национальное собрание, выборы в него должны были происходить под контролем власти. Инициатива революции возлагалась на молодежь и на войско.

17. М. И. Михайлов, известный поэт и проповедник эмансипации женщин, и В. А. Обручев, отставной офицер генерального штаба, приятель Чернышевского, были арестованы в 1861 г. за распространение прокламаций: «Великорусс» и «К молодому поколению» и осуждены на каторгу. Михайлов умер в Сибири в 1865 г. Дело Михайлова описано М. К. Лемке в № 1 «Былого» за 1906 г. Обручев отбыл ссылку и впоследствии дослужился до генеральских чинов. Дело Обручева описано М. К. Лемке в № 7 «Былого» за 1906 г.

18. «Колокол»—знаменитый заграничный журнал, издававшийся

Герценом с 1/VII 1857 по 1/VII 1867 сначала в Лондоне, потом и Женеве.

19. Н. Г. Чернышевский (1828—1889 г.г.)—выдающийся русский материалист и социалист-утопист. Выступал в качестве критика и публициста в «Отечественных Записках» и «Современнике». 12 июня 1862 г. Ч. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда был отправлен в Сибирь на каторгу; был возвращен в Россию только в 1883 г. Ч. дал философское обоснование последующему народническому движению, считая крестьянскую общину—ядром будущего социалистического общества (см. его «Критику философских предупреждений против общинного землевладения» и др.). Еще в 50 г.г. выступал как сторонник Фейербаха и, по выражению В. И., «сумел вплоть до 1889 г. остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Ч. не сумел, вернее—не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (см. подробнее на 304—306 стр. X тома Собр. соч. Н. Ленина).

20. Н. А. Серно-Соловьевич—главный организатор общества «Земля и Воля» в начале 60 г.г. Был арестован и послан вместе с Чернышевским. Дело Н. Серно-Соловьевича описано М. К. Лемке в №№ 9—12 «Былого» за 1906 г. и в его книге: «Очерки освободительного движения 60 г.г.», Спб. 1908 г.

21. А. Н. Радищев (1749—1802 г.г.). В знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» еще при Екатерине II выступил против крепостного права, указывал на произвол администрации, судов и помещиков. Был приговорен за это сочинение к смертной казни, замененной 10-летней ссылкой в Якутскую область. В Сибири Р. занимался медициной и педагогикой, ввел оспопрививание. При Александре I, возвращенный из ссылки, был назначен в комиссию по составлению законов; там он предложил немедленную отмену крепостного права, равенство всех сословий перед законом и т. д., за что ему пригрозили новой ссылкой; кончил жизнь самоубийством.

22. Речь идет о «без лести преданном» Александру I знаменитом временщике Аракчееве, который превратил несколько десятков тысяч государственных крестьян в бессрочных солдат и прибавил таким образом к цветочкам крепостного быта ягодки казарменных порядков той эпохи.

23. 14 декабря 1825 года в Петербурге на Сенатской площади группа офицеров подняла вооруженное восстание против вступавшего на престол Николая I. Представители среднего дворянства по своим классовым интересам, декабристы развивали политические программы в духе рационализма и идей Великой Французской Революции. Отсюда их невольное тяготение к дворянским привилегиям, высокому имущественному цензу, к безземельному освобождению крестьян, и в то же

время политический радикализм (централизованная республика у Пестеля и федеративная конституционная монархия у Н. Муравьева).

24. Русское правительство в 1848—1849 г.г. выступало вождем реакции, подавившей революционное движение 1848 г.

25. А. И. Кошелев (1807—1883 г.г.)—публицист-славянофил в эпоху 60 г.г. защищал освобождение крестьян с землей; стоял за сохранение общины и «власти земли». Издавал журналы: «Беседа», «Земство» и др.

К. Д. Кавелин (1818—1885 г.г.)—проф. Петерб. Унив., юрист, этнограф, публицист умеренно-либерального направления в 60 г.г.: рекомендовал либеральному дворянству не думать об «увенчании здания» реформ конституцией, а отдаться земской деятельности в провинции.

26. А. Леруа-Болье (1842—1912 г.г.)—французский публицист и историк; его главный труд посвящен России: «Империя царей и русские».

27. Ланской — министр внутренних дел при Александре II (1855—1861 г.г.), умеренный и нерешительный либерал-бюрократ в деле проведения реформы 19 февраля 1861 года; вышел в отставку в 1861 г., когда возобладали реакционно-крепостнические течения.

28. Валуев—министр внутренних дел, заместитель Ланского (см. пред. прим.), свергнутого крепостниками; сочинитель ряда бюрократически-конституционных проектов; известен «Дневник» Валуева, где изображены, хотя с большим пристрастием, все закулисные стороны и главные деятели эпохи Александра II и Александра III.

29. Закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего дня был вызван крупными стачками петерб. текстильщиков в 1896 и 1897 г.г., он сокращал продолжительность рабочего дня до 11½ ч. в сутки при дневной работе в обычные дни, до 10 ч.—в субботу и накануне праздников, до 10 часов—в ночное время. На практике закон сводился почти к нулю, благодаря широкому применению сверхурочных работ.

30. Л. Тихомиров—народоволец, совершивший покаяние и превратившийся в монархиста и сотрудника, а затем и редактора «Московских Ведомостей».

31. Лорис-Меликов — начальник «верховой распорядительной комиссии» для борьбы с крамолой в 1880 г., пытался заигрываниями с либералами отвлечь их от растущего революционного движения. Лорис-Меликовская «конституция», которая сводилась к организации совещательных комиссий из местных людей при высших бюрократических органах, показалась настолько опасной столпам развернувшейся после 1-го марта реакции, что Л.-Меликову пришлось уйти в отставку.

32. Генеральные Штаты—собрание представителей трех сословий: привилегированных—духовенства и дворянства и непривилегированного—буржуазии, с совещательным голосом во Франции до Великой Франц. Революции. Последние Генеральные Штаты, созданные 5/V 1789 г., объявили себя Учредительным Собранием и начали Революцию.

33. Нотабли--собрание представителей от сословий не по выборам, как Генеральные Штаты, а по усмотрению короля.

34. А. Д. Градовский (1841—1891 г.г.)—проф. государств. права в Петербурге, публицист умеренно-либерального направления.

Б. Н. Чичерин—проф. Моск. Унив., философ и юрист, публицист-либерал.

Велепольский (1803—1877 г.г.)—участник Польского восстания 1830 г., по усмирении восстания подвергся изгнанию, в 1862—1863 г.г. в качестве начальника гражданской части в Польше пытался выступать посредником между русскими властями и польскими либералами. Его политика кончилась полным крахом, сменившись террором Берга и Муравьева.

35. И. С. Аксаков (1823—1886 г.г.)—видный публицист-славянофил; монархист и патриот, Аксаков постоянно изобличал злоупотребления администрации при Александре II, за что непрерывно подвергался репрессиям. Издававшиеся им газеты: «Парус», «День», «Москва» закрывались в административном порядке. Приобрел большую известность в конце 70 г.г. как член Московского славянского комитета, где выступал с речами во время сербской и русско-турецкой войны.

36. Тонкая характеристика политики Лорис-Меликова (см. выше прим. 31), который путем заигрываний и небольших уступок либералам мечтал усмирить «крамолу» террористов-народовольцев.

37. Аннибалова клятва—ирония по адресу либералов. Аннибал (III век до Р. Х.) был знаменитым карфагенским (теперешний Тунис) полководцем, в детстве дал клятву быть непримиримым врагом главного противника своего народа—Рима и выполнил эту клятву: боролся с Римом всю жизнь и кончил самоубийством, когда дело карфагенян было проиграно.

38. Народная Воля—партия революционного народничества, выделилась в 1879 г. после Липецко-Воронежского съездов из недр организации «Земля и Воля». Прежнее аполитическое бунтарство народников сменилось у народовольцев политическим реализмом: бороться с самодержавием и его агентами при помощи террора. Исполнительный Комитет Народной Воли—строго законспирированный революционный центр—подготавливал террористические акты, вел пропаганду среди рабочих, учащейся молодежи и в войсках. По приговору И. К. был убит 1/III 1881 г. Александр II. Вслед затем И. К. обратился к Александру III с письмом, где требовал амнистии, политических свобод и Учредительного Собрания. К половине 80 г.г. правительство с помощью провокаторов разгромило «народовольцев» как активных революционеров, но народовольческая организация пережила своих творцов и послужила образцом для создания новых революционных союзов в начале XX века.

39. Р. М.,—вероятно, Прокопович.

40. «Рабочая Мысль»—с.-д. газета, возникла в Спб. в 1897 г. (первые №№), 3—11 и 16 (последний—в декабре 1902 г.) вышли за границей, виднейшие ее работники: К. Тахтарев-Петербургец,

Н. Лохов-Ольхин. «Р. М.»—самая яркая выразительница «экономизма». Программа газеты: «борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачка, как средство этой борьбы,—вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, закаляет силы и сплачивает рабочих, в ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть средство к дальнейшим победам... Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что они борются не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей»... «Р. М.» не только отстаивала необходимость сосредоточить все силы на профессионально-экономической борьбе, но и противопоставляла эту борьбу политической, непосредственно направленной против самодержавия, как движение «чисто рабочее», классовое—движению революционно-демократическому, не входившему в задачи рабочей партии. С увеличением чисто экономической агитации соединялось отвращение к централистической организации партии, необходимой для широких политических задач, преклонение перед стихийностью рабочего движения, приспособленчество к неформальным рабочим союзам, недоверие к интеллигентным, сознательным вождям, к с.-демократической теории.

Горячую борьбу с «Р. М.» вела «Искра», отстаивая во всей полноте задачи и тактику революционной с.-демократии.

41. П. В. Долгоруков (1816—1868 г.г.)—князь и паж, эмигрант, представитель русской дворянской фронды, издавал за границей журнал «Будущность» в 60 г.г., написал книгу: «Истина о России». См. о нем статьи М. К. Лемке в февральской и мартовской книгах «Былого» за 1907 г.

42. Речь идет о прелестях крепостного быта, описанных в рассказе «Бурмистр» из «Записок охотника» Тургенева.

43. Сипягин—министр внутренних дел (1899—1902 г.г.) без «щаря в голове», по выражению своего приятеля Витте. Вел беспощадную борьбу с рабочими (знаменитое Обуховское дело), с голодающими крестьянами, студентами (отдача в солдаты целыми сотнями) и с земством (закон о предельности земского обложения, изъятие продовольственного дела из земских рук и т. д.). Убит 2/IV 1902 г. с.-р. Балмашевым.

44. А. П. Энгельгардт—одна из ярких губернаторских фигур в эпоху Сипягина и Плеве; не смешивать его с известным публицистом-народником и сельским хозяином, А. Н. Энгельгардтом (см. о нем в «Развитии капитализма в России» в III томе Собр. соч. Н. Ленина).

45. «Рабочее Дело»—с.-д. орган (вышло всего 12 №№ с IV/1899 г. по III/1902 г.), издавался «Союзом русских соц.-демократов» (редакторы Б. Кричевский и Мартынов),—выразитель оппортунистических течений в рядах русской с.-д.тии. «Р. Д.» пытается сделать шаг вперед сравнительно с «Рабочей Мыслью», но постепенно срывается в плоскость «экономизма». Тезисы «Р. Д.»: 1) пропаганда «экономистов» и «политиков»—различные, но необходимые стадии одного и того же процесса; 2) самое важное—стихийное движение рабочих масс, идео-

логам с.-д-тии нужно считаться с особенностями русского рабочего движения на данной ступени его развития; 3) переход к «политике» обуславливается лишь прямой невозможностью при условиях самодержавно-полицейского режима вести стачечную борьбу и т. д.

46. Гедисты—сторонники Геда, лидера французских социалистов революционного крыла. Гед вел в начале XX века резкую борьбу против соглашения с буржуазией, против попыток отдельных социалистов взять министерский портфель («Мильерановский инцидент»). Империалистская война отбросила непримиримого Геда в лагерь социал-патриотов, проповедников «священного единения» с буржуазией для «защиты отечества».

Жоресисты — французские социалисты, сторонники Жореса, в противоположность «гедистам» отстаивали в начале 1900 г. и реформизм и вхождение социалистов в буржуазное министерство.

47. А. Мильеран—президент французской республики, вождь реакционной империалистской буржуазии; некогда входил в состав партии «объединенных социалистов», в 1899 г. первый из социалистов вошел в буржуазное министерство Вальдека-Руссо («Мильерановский инцидент» горячо дебатировался на Парижском конгрессе 1900 г. II Интернационала), был исключен в 1904 году из партии и стал «независимым социалистом». С тех пор крупная фигура в различных буржуазно-правительственных комбинациях, противник рабочего движения. В империалистскую войну—военный министр, организатор «борьбы до полной победы».

48. Жиронда—правое крыло Конвента в эпоху Великой Французской Революции; получили свое имя, как представители департамента реки Жиронды (Гаронны) в южной Франции; высказывались против централистической диктатуры и террора левого крыла Конвента, сидевшего на верхних скамьях («Гора») —якобинцев.

49. Беззаглавцы—сотрудники журнала «Без Заглавия», выходившего в 1906 году,—Прокопович, Кускова и другие, колебавшиеся между оппортунистами с.-д-тами и левыми кадетами.

50. Катедер-социалисты, т.-е. социалисты с университетской кафедры; так иронически прозвали либералы-манчестерцы группу немецких профессоров (среди них наиболее известны Вагнер, Шмоллер и др.), которые на конгрессе в Эйзенахе в 1872 г. призывали государство во имя высоких моральных целей к вмешательству в отношения между трудом и капиталом. Государство—«великий моральный институт воспитания человечества», которому надлежит «приобщать все более и более многочисленную часть народа ко всем возвышенным благам цивилизации». Члены конгресса учредили «Общество социальной политики» с целью собирания материалов, необходимых для новой социалистически-моральной политики государства.

51. В 1895 г. вышел марксистский сборник: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Сб. статей. Спб. Типография Сойкина.

Содержание.

ЧАСТЬ I.

Скворцов П. Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим данным 1—107.

В. И.(онов). Борьба общины с хутором 108—129.

Потресов А. Кризис в замочном промысле Павловского района Нижегород. губ. 130—160.

Приложение. Третий том «Капитала» 161—232 (перевод Классона очерка Бернштейна о III томе «Капитала»).

ЧАСТЬ II.

Тулин К. (Н. Ленин). Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Перепечатано во II томе Собр. соч.).

Струве П. Моим критикам 145—196.

Кузнецов Д. (Плеханов). Пессимизм, как отражение экономич. действительности 197—224.

Утис (Плеханов). Несколько слов нашим противникам (Материалы для истории цивилизации в русской литературе) 225—259.

52. Зубатов—начальник Московского охранного отделения. Усердный исполнитель провокационной политики Плеве—направить растущее пролетарское движение по желательному для высших сфер руслу, хотя бы при помощи организации среди рабочих профессионально-экономических союзов под непосредственным руководством жандармских органов. Под руководством Зубатова возникло в Москве в 1902 г. «Общество взаимопомощи рабочих механических мастерских. Во главе общества стояли рабочие, бывшие одновременно агентами охранки. Общество развило энергичную деятельность, организовало несколько стачек—из них особенно на шумела на фабрике Гужона—и в результате привело лишь к углублению классовой вражды против буржуазии и к развитию организационных навыков среди пролетарских масс. «Зубатовщина» стала нарицательным именем для полицейских провокационных маневров по отношению к рабочему классу.

53. Прокопович—экономист и общественный деятель. Некогда член «Союза русских социал-демократов», защитник «экономизма», отсюда делает следующий шаг, переходит к либералам—вступает в «Союз Освобождения»; в октябре 1905 г.—член Ц. К. организовавшейся к.-д. партии, которую скоро бросает, заняв своеобразную позицию «левее к.-д.». Либеральный оппортунизм характерен для Прокоповича и во 2-й русской революции, когда он занимает министерский пост в правительстве Керенского; организатор Кооперативного Института в Москве, автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения.

54. *Vademecum* («Путеводитель») для ред. «Раб. Дела».

Содержание:

Предисловие Плеханова. Протест группы товарищей по поводу «Средо». (Перепечатывается в I томе Собр. сочинений Н. Ленина.) Письмо к П. Аксельроду одного из авторов брошюры против группы «Освобождение Труда».

В ответ ред. «Раб. Дела» выпустила брошюру: «Ответ ред. «Раб. Дела» на письмо П. Аксельрода и «Vademecum» Г. Плеханова».

На стр. «Раб. Дела» возражали Кричевский и Мартынов.

55. В. И-н, псевдоним Иванышина,—один из редакторов и деятельных сотрудников «Рабочего Дела» (см. прим. 45), видный представитель «экономизма».

56. В. В., псевдоним В. П. Воронцова,—видный теоретик народничества в 80 и 90 г.г. В главном труде «Судьбы капитализма в России» развивает идею творческого бессилия русского капитализма, невозможность для России достигнуть высшей ступени промышленного развития путем капитализма. Нельзя утверждать, что «хозяйственное развитие по типу, указанному Западной Европой, есть процесс общий и однообразный, приводящий к одинаковым результатам всякую страну». Запоздалость нашего капитализма ведет к тому, что промышленность не может развиваться за отсутствием расхвачанных уже иноземных рынков и за слабостью внутреннего рынка. Необходимо совершенное устранение рынка и планомерная организация производства в прямой связи с потреблением. «Антикапиталистическая» теория В. В. вызвала резкую критику со стороны марксистов, особенно Н. Ленина.

57. Шульце-Делич—член Прусского Национального Собрания в революцию 1848 года, председатель комиссии для расследования причины бедности рабочего и ремесленного класса. Идеолог мелко-буржуазных масс, организатор кредитных кооперативов, как наиболее целесообразного орудия самозащиты этих масс против растущего ига капитализма.

58. Кареев—петербургский историк, сторонник субъективной социологии Лаврова и Михайловского, вел борьбу с экономическим материализмом, к.-д., член I Государственной Думы от Петербурга.

59. Бельтов—псевдоним Плеханова в книге: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

60. Нарцис Тупорылов—псевдоним Л. Мартова в «Заре» (см. выше прим. 6), придуманный ему Плехановым.

61. «Свобода»—группа Надеждина-Зеленского (см. о нем прим. 36 к IV тому Собр. соч.), издававшая революционно-социалистическое обозрение «Свобода», соединявшая содействие рабочему движению с проповедью необходимого для поднятия рабочего движения, не утраченного, но «эксцитативного (возбуждающего) террора». «Свобода» хотела заменить агитацию террором, признаваясь, однако, что «разначается усиленная, энергичная агитация в массах, эксцитативная роль

террора сыграна». Брошюра «Возрождение революционизма» очень точно выражает эти взгляды.

62. Речь идет о статьях П. Струве в №№ 2 и 4 «Искры»: «Самодержавие и земство».

63. Речь идет о статье Н. Ленина: «Рабочая партия и крестьянство», перепечатанной на стр. 277—283 тома IX Собр. соч.

64. Речь идет о: 1) статье Н. Ленина, указанной в пред. прим. («Искра» № 3); 2) П. Струве: «Самодержавие и земство» («Искра» № 4); 3) Н. Ленина «Крепостники за работой» («Искра» № 8,—50—55 стр. IV тома Собр. соч.); 4) статью «Земский съезд» в отделе: «Из нашего общественного движения» («Искра» № 8); 5) статью: «Студенческое движение» в отделе: «Из нашей общественной жизни» («Искра» № 3); 6) Потресова «О бессмысленных мечтаниях» («Искра» № 5); 7) Н. Ленина «Ценное признание» («Искра» № 6,—стр. 33—45 IV тома (Собр. соч.); 8) статью: «Инцидент в Екатеринославском земстве» («Искра» № 7) и 9) статью: «Вятские штрейкбрехеры» («Искра» № 9).

65. Б-в—псевдоним Б. В. Савинкова, в то время марксиста и члена «Петербургского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса». Во время пребывания в ссылке С. превратился в народника и примкнул к социалистам-революционерам, войдя в организованную в 1903 г. Азефом «Боевую организацию». Почти все важнейшие террористические акты с.-р. ближайшего времени были организованы Савинковым. В годы реакции под псевдонимом Ропшина написал два романа из жизни революционеров: «Конь бледный» и «То, чего не было», обвешанные реакционно-мистическим настроением (см. статью Л. Б. Каменева: «О романе Ропшина-Савинкова» в сборнике: «Между двумя революциями»).

В 1917 г.—ближайший помощник Керенского, играл видную роль во время Корниловского «путча», содействуя Корнилову. После октябрьской революции—активный враг Советской власти.

66. N. N.—псевдоним С. Прокоповича (см. о нем выше прим. 53).

67. Озеров и Вормс—профессора Московского Унив., поддерживавшие тактику Зубатова и проповедывавшие необходимость самодержавия для правильного решения рабочего вопроса.

68. В. Засулич—член группы «Освобождение Труда», один из редакторов старой «Искры», кооптирована в состав редакции новой «Искры» Плехановым после ухода Н. Ленина 1/XI 1903 г.

69. О народовольцах см. выше прим. 38.

70. «Южный Рабочий»—с.-д. орган, созданный екатеринославцами (Г. Наумов, И. Лалаянц, С. К. Харченко) к концу 1899 г.; в отличие от Спб. «Рабочей Мысли» и Киевского «Вперед», «Ю. Раб.» заострил свою агитацию на борьбе не с одними предпринимателями, но и с самодержавием. В то время «Южн. Раб.» не стоял в резкой оппозиции к «экономизму», но более рельефно подчеркивал политические мотивы, стоял за более революционный тон в агитации. После вне-

менного разгрома группа «Ю. Р.» (Г. Наумов, С. К. Харченко, В. Н. Розанов) возобновила свою деятельность, но теперь в существенных вопросах организации и тактики примкнула к «Искре». «Ю. Р.» принимал живое участие в создании О. К. по созыву II партийного съезда; группа прекратила свое существование после съезда.

71. А д а м о в и ч—псевдоним В. В. Воровского в журнале «Жизнь», издававшемся в 1902 г. за границей Бонч-Бруевичем и В. Поссе.

72. Речь идет об описании демонстраций в отделе «Из нашей общественной жизни» в №№ 13 и 14 «Искры». Демонстрациям посвящены статьи в тех же №№ «Искры»: 1) «Начало демонстрации» Л. Мартова (?) (№ 13) и 2) «О демонстрациях» Плеханова (№ 14).

73. Н. К. М и х а й л о в с к и й—видный теоретик народничества, «властитель дум» второй половины 70 г.г. Выдвинул в своих работах идею «долга перед народом», который должны уплачивать «кающиеся дворяне». Идеализирует крестьянское «трудовое» хозяйство, как полную противоположность буржуазному. Долго колеблется между старым народническим аполитизмом—народу нужна не конституция, а земля, конституцией воспользуется только дворянство—и требованием представительных учреждений. Примыкает к «народовольцам», не порывая с легальной средой, составляет знаменитое письмо Исполн. Комитета Народной Воли к Александру III после 1/III 1881 г. с требованием Учредительного Собрания и народоправства. В 80 г.г. борется с дворянской реакцией. С появлением в 90 г.г. «легального марксизма» ведет с ним ожесточенную полемику. Из школы Михайловского вышли многие н.-с. (члены редакции «Русского Богатства») и с.-р. (В. Чернов и др.).

74. Речь идет о статье Н. Ленина: «Раскол в заграничном Союзе Русских Социал-Демократов», не вошедшей в состав IV тома Собр. соч. случайно, так как во время его печатания не была точно установлена принадлежность этой статьи тов. Ленину. Приводим здесь эту статью:

«Весной настоящего года в Швейцарии состоялся съезд членов Союза Русских Социал-Демократов, приведший к расколу Союза. Меньшинство членов, имея во главе группу «Освобождение Труда», основавшую Союз и бывшую до осени 1898 года редактором изданий Союза, образовало особую организацию под названием: Русская Революционная Организация «Социал-Демократ». Большинство, в том числе редакция органа «Рабочее Дело», продолжает называть себя Союзом. Съезд русских социал-демократов, бывший весной 1898 года и образовавший «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», признал Союз заграничным представителем нашей партии. Как должны мы смотреть на вопрос о представительстве теперь, когда заграничный Союз раскололся? Мы не станем входить в подробности вопроса о причинах раскола. Отметим лишь неверность столь распространенного и столь тяжкого обвинения, будто Плеханов захватил типографию Союза. На самом деле распорядитель типографии отказался только выдать ее целиком

одной из частей расколовшегося Союза, и обе стороны вскоре сами поделили между собой типографию. Наиболее существенен, с нашей точки зрения, тот факт, что «Рабочее Дело» было неправо по существу полемики: оно ошибочно отрицало существование «экономического» направления, оно держалось ошибочной тактики замалчивать крайности этого направления и воздерживаться от открытой борьбы с ними.

Ввиду этого мы,—нисколько не отрицая заслуг «Рабочего Дела», которое много потрудились над изданием литературы и организацией доставки ее,—отказываемся признать одну из частей расколовшейся организации заграничным представителем нашей партии. До решения следующего съезда партии вопрос этот должен остаться открытым. Официальными заграничными представителями русской социал-демократии являются в настоящее время русские члены постоянного международного комитета, учрежденного Парижским Международным Социалистическим Конгрессом осенью н. г. От России в комитет выбраны два члена: Г. В. Плеханов и Б. Кричевский (один из редакторов «Раб. Дела»). Пока между обеими фракциями русских социал-демократов не состоится примирения или соглашения, мы намерены вести все относящиеся к представительству России сношения с Г. В. Плехановым. Наконец, мы должны подать свой голос по вопросу о том, кого бы мы желали видеть секретарем от России в постоянном международном комитете. В настоящее время, когда социал-демократию стараются, под знаменем «критики марксизма», развратить буржуазной идеологией и политикой кротости и смирения по отношению к вооруженным с ног до головы врагам (буржуазным правительствам), на этом важном посту особенно необходим человек, способный устоять против течения и сказать влиятельное слово против шатания мысли. По этой причине, а равно и по указанным выше соображениям мы подаем свой голос за Г. В. Плеханова» («Искра» № 1, декабрь 1900 г.).

75. Речь идет о Ленине и Потресове.

76. Речь идет о Д. Б. Рязанове, Ю. Стеклове и Е. Гуревиче (Даневиче).

77. 1) Заявление на июньской конференции 1901 г.

«Конференция из представителей Союза Р. С.-Д., заграничной организации «Искры» и «Зари» и Рев. Организации «Социал-Демократ», констатируя, что между представительными организациями не существует таких разногласий по принципиальным и тактическим вопросам, которые служили бы препятствием для совместной работы в пределах единой организации; что русская социал-демократия в целом, несмотря на частные разногласия, всегда стояла и продолжает стоять на общей почве основных принципов, впервые сформулированных группой «Освобождение Труда», что насущные интересы социал-демократического движения настоятельно требуют тесного сплочения всех социал-демократических сил в России и в частности социал-демократических заграничных организаций,—сплочения, для которого особенно работал Союз

Р. С.-Д. своею издательскою и организационною деятельностью, что составляет его заслугу перед русским социал-демократическим рабочим движением,—заявляет, что названные организации объединяются в «Заграничный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» и кладут в основу своего соглашения нижеследующие пункты:

Принципиальное соглашение.

1) Признавая основные принципы научного социализма и действуя солидарно с международной революционной социал-демократией, мы отвергаем всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата,—попытки, выразившиеся в так называемых экономизме, бернштейнианстве, мильеранизме и т. п.

2) Заявляя свою солидарность с манифестом (1898 г.) Р. С.-Д. Р. П. и с основными традициями русской социал-демократии, мы признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения.

3) Условия исторического развития России выдвигают перед Р. С.-Д. Р. П., стоящей на почве классового движения пролетариата, задачу вести борьбу с абсолютизмом во главе всех угнетенных слоев нации.

4) В круг деятельности социал-демократии входит:

- а) Руководство всеми проявлениями борьбы пролетариата против всех форм политического, экономического и социального угнетения в целях превращения недовольства и возмущения рабочего класса в сознательную борьбу за демократическую республику и социалистический строй;
- б) поддержка направленных против существующего строя прогрессивных движений в интересах развития политического и классового сознания пролетариата и борьбы за демократию;
- в) распространение идей научного социализма, обоснование и развитие социалистической теории и идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма.

5) Мы признаем, что в своей практической деятельности Р. С.-Д. Р. П. неуклонно должна руководствоваться следующими тактическими положениями:

- а) в сферах организационно-агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую политическую задачу русского пролетариата—низвержение самодержавия;
- б) к развитию политического и социалистического сознания рабочего класса следует стремиться путем агитации не только на

почве повседневной работы наемного труда с капиталом, но и на почве общего положения пролетариата и трудящихся масс вообще в государстве и обществе;

- в) не признавая, что социал-демократия в своей агитации могла приступить к постановке общих политических задач только после того, как пролетариат предварительно пройдет стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования, мы находим, что общее содержание социал-демократической агитации должно всегда определяться общим социал-политическим положением рабочего класса и основными положениями социал-демократической программы;
- г) признавая, что в своем отношении к элементарным формам проявления классового движения пролетариата социал-демократия должна быть движущей вперед силой, мы потому и считаем важной для движения критику течений, возводящих в принцип социалистической деятельности, элементарность и вытекающую из нее узость этих наших форм движения;
- д) при выборе средств борьбы с современным режимом социал-демократия должна руководствоваться соображениями политической целесообразности и соответствия приемов борьбы с необходимостью сохранения за движением классового характера.

2) Заявление заграничного отдела организации с.-д. (на объединительном съезде в октябре 1901 г.).

Принимая во внимание:

1) Что организация «Социал-Демократ» и «Искра—Заря» с самого возникновения своего ставили главнейшей задачей русской социал-демократии организацию рабочего класса в самостоятельную политическую партию, тактика которой обеспечивала бы за ним гегемонию в борьбе с царизмом

2) Что деятельность «Союза русских социал-демократов», как она выражалась в его органе «Рабочее Дело», в очень существенных пунктах, резко противоречила этой задаче и тем самым косвенно подготавливала почву для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии.

3) Что ввиду этого названные организации с самого начала стали в отрицательное отношение к тому направлению, которое выражалось для них в органе Союза.

4) Что принятое в предварительной конференции принципиальное соглашение, категорически констатируя полную солидарность участвовавших в ней организаций в вопросе о бернштейнианстве, экономизме, мильеранизме, равно как и в резко критическом отношении к преклонению перед элементарными, стихийными формами рабочего движения, означало отказ Союза от его заблуждений и присоединение к рево-

люционной социал-демократии, представляемой «Искрой—Зарей» и «Социал-Демократом».

Принимая далее во внимание:

5) Что статьи в № 10 «Р. Д.», прения на съезде, смысл поправок, предложенных Союзом к июньским резолюциям и мотивировка их от имени Союза в речи редактора Кричевского коренным образом отступают от принципиальных пунктов соглашения и показывают с очевидностью, что Союз возвращается к прежним заблуждениям.

6) Что заблуждения эти, распространяясь под флагом социал-демократии, могут привести к тому, что все трудности борьбы с царизмом падут на рабочий класс, а все плоды победы над ним достанутся эксплуатирующим классам.

Принимая все это во внимание, организация «Социал-Демократ» и заграничный отдел организации «Зари—Искры», признавая возможность частичных соглашений с «Союзом» в практических областях революционной деятельности, в то же время констатируют, что более тесное объединение с организацией, неспособной обеспечить политическую устойчивость своего органа, в настоящее время, к сожалению, невозможно, и потому, считая дальнейшее продолжение прений бесполезным, покидают съезд.

78. Белостокская Конференция состоялась в конце марта 1902 г. В начале 1902 г. по инициативе Ц. К. Бунда и заграничного Союза Русских Социал-Демократов Пет. Комитетом была сделана попытка созвать съезд для восстановления единства партии. Искровские организации в то время подвергались разгрому в Литве, Киеве, Москве, Кишиневе и не могли принять активного участия в подготовке, считая момент неблагоприятным для его созыва. Редакция «Искры» делегировала в Белосток Дана с мандатом: 1) отстаивать превращение съезда в конференцию и 2) ограничить задачи последней выпуском общепартийного воззвания к 1 мая и принятием мер, необходимых для созыва действительного съезда.

Попытка конституирования съезда большинства не получила. Соповещение признано было только конференцией, на которой участвовали делегаты от: 1) Ц. К. Бунда, 2) заграничного Ком. Бунда, 3) заграничного «Союза русских соц.-демократов», 4) редакции «Искры», 5) Пет. Ком. и 6) группы «Южный Рабочий». Конференция приняла проект первомайского воззвания «Искры» с незначительными поправками и выбрала организационную комиссию по созыву действительно общепартийного съезда за границей. Все участники конференции, за исключением петербургского делегата, были арестованы или по дороге с конференции, или по приезде на места. Подробности см. в статье О. А. Варенцовой: «Северный Рабочий Союз» в № 9 «Пролетарской Революции» за 1922 г.

79. Речь идет о статье Н. Ленина: «Аграрная программа русской социал-демократии» («Заря» № 4), перепечатанной на стр. 284—336 тома IX Собр. сочинений,

79а. Программа Северного Союза Р.С.-Д.Р.П.

1. Принимая полную противоположность и непримиримость интересов буржуазии и пролетариата *),—считает конечною целью рабочего движения—уничтожение современного капиталистического строя и переход всех средств производства и земли во владение всего общества.

2. Считая социализм—классовым интересом пролетариата,—признает, что достижение этой цели возможно лишь путем долгой и систематической борьбы самого пролетариата, что освобождение рабочих от ига капитала должно быть «делом самих рабочих».

3. Действуя в стране, где иго безграничного абсолютизма проявляется в полном игнорировании человеческой личности, ее законных прав и в произволе администрации,—считает ближайшей и важнейшей задачей выяснить рабочим необходимость для правильной, организованной борьбы за свое окончательное освобождение—завоевание политической свободы и, как необходимое условие ее осуществления,—свержение самодержавия, представляющего интересы исключительно господствующих классов и в силу этого несовместного с принципом демократии.

4. В широкой политической свободе и в полном ее использовании заинтересован в России лишь один рабочий класс. Осуществление ее является для него такой же необходимостью, как повышение заработной платы и уменьшение рабочего дня. Ввиду этого—считает необходимым, чтобы в предстоящей борьбе с.-д. выступила с определенной классовой программой и требованиями, не подчиняя их программам либеральной и других революционных (не с.-д.) партий и отнюдь не выступая орудием в руках этих последних, хотя бы в критический момент пришлось идти рядом с ними.

5. В своей непосредственной деятельности—признает возможность совместного действия с другими революционными партиями, например, в устройстве демонстраций, манифестаций, подачи петиций,—если их цель и характер не противоречат программе.

6. Ввиду многочисленных недоразумений последнего времени—считает необходимым заявить, что резко различает понятия: класс, как совокупность людей, находящихся в одинаковом общественном положении в процессе производства, и партия, как группу лиц, сознающих положение и роль данного класса не только в настоящем, но и в будущем и в предвидении этого будущего ведущих свою деятельность на пользу данного класса по определенной программе. Потому в непосредственной практической деятельности—не будет игнорировать конечные цели своей программы, будет выставлять крайние требования и стремиться развивать самосознание рабочих, отнюдь не подчиняя своей деятельности

*) В тексте, очевидно, по соображениям конспирации, в соответствующих местах, всюду опущено подлежащее: съезд Северного Союза. (Прим. ред. журнала: «Летопись Революции», откуда заимствована «Программа». Ред.)

данной степени их развития, с которой будет считаться только как с необходимым базисом.

7. Считая задачей своей деятельности развитие самосознания пролетариата, как класса, поставленного в определенные, конкретные условия,—признает единственным средством осуществления этой задачи—воздействие на широкие слои рабочих, т.-е. агитацию,—будет широко распространять среди рабочих нелегальную литературу, выпускать листки как общего содержания, так и по поводу различных фактов политической и общественной, в частности, фабричной жизни.

8. Стремясь воздействовать на широкие слои рабочего класса, признавая агитацию единственным средством такого воздействия,—признает пропаганду, как форму революционной деятельности, лишь постольку, поскольку она задается целью вырабатывать из пропагандированных рабочих опытных и умелых агитаторов и руководителей движения, относясь отрицательно к пропаганде (в кружках саморазвития), задающей целью вырабатывать только единичных сознательных рабочих, как в форме революционной деятельности, не соответствующей пониманию классовой борьбы современного буржуазного общества.

9. Считая ближайшей целью своей деятельности свержение самодержавия и завоевание политической свободы,—считает демонстрации и манифестации по поводу различных фактов общественной жизни, тех или других мероприятий правительства лучшим средством политического воспитания рабочих,—средством, могущим в данный момент объединять наибольшее число рабочих, развивая в них этим самым сознание общей цели и солидарности в борьбе для ее достижения.

10. Признает безусловно необходимым выпускать листки и организовывать манифестации 1-го мая, указывая на интернациональный характер праздника, стараясь развивать в рабочих братские чувства к пролетариату всех стран и сознательное отношение к лозунгу: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

11. Считает необходимым организацию демонстраций в день 19 февраля. В листках по этому поводу, рассматривая недостатки реформы,—будет указывать рабочим, что им нечего ждать от самодержавного правительства; разъясняя роль крестьянских бунтов, крымской войны и других факторов общественной жизни того времени,—будет стремиться разрушать иллюзию, будто освобождение крестьян было личным делом царя, актом его доброй воли, и возбуждать в рабочих твердую уверенность, что только сила—сила класса—способна одолеть самодержавие.

12. Признавая ближайшей целью своей деятельности завоевание политической свободы и конечною—обобществление средств производства,—будет всячески способствовать улучшению положения рабочих, при существующих условиях, придавая сознательный характер борьбе рабочих с непосредственными их эксплуататорами, указывая и разъясняя в то же время, что стремление к улучшению своего положения в рамках существующего строя не может быть ни конечной, ни единственной целью рабочего движения,

13. Считает необходимым вести не только оборонительную борьбу за сохранение существующих условий труда, но и наступательную за их улучшение.

14. Указывая рабочим на лучшие условия труда в других местностях России и за границей, на громадное значение их для культурного развития рабочего класса,—будет по отношению к стачкам играть не только пассивную, но и активную роль, стремясь возбудить рабочих к сознательной борьбе с их непосредственными эксплуататорами за улучшение своего экономического положения.

15. Считает стачки лучшим средством борьбы за улучшение положения рабочих. Признавая за частичными забастовками известное значение,—в своей непосредственной деятельности будет, однако, всеми средствами стремиться к тому, чтобы стачки принимали более широкие размеры и глубокий характер (к всеобщим забастовкам). С этой целью будет организовывать забастовки одновременно на многих фабриках одного производства и на фабриках целого района. Члены—перед каждой стачкой будут выяснять рабочим необходимость выставять, кроме мелких требований, требования более общего характера, к которым могли бы присоединиться другие фабрики и районы. Во время всеобщих забастовок,—в листках, выпускаемых ко всем рабочим, будут использованы все факты стачечной жизни. Присутствие жандармов, полиции и солдат будет давать возможность наглядно разъяснять рабочим специфический характер царского правительства, как защитника всех эксплуататоров.—Считает всеобщие забастовки одним из лучших агитационных средств в деле развития в рабочих сознания единства их интересов.

Р. С. Частная переписка опубликованию не подлежит.

Оригинал письма Н. Ленина к Северному Союзу не датирован. Но есть достаточно данных для того, чтобы утверждать, что письмо должно было быть написано в апреле 1902 года: с одной стороны, автор упоминает о порках при подавлении крестьянских беспорядков, как о возможном поводе для политической агитации социал-демократов; с другой,—он говорит о подготавливаемом редакцией «Искры», но еще не опубликованном проекте общепартийной программы. Крестьянские беспорядки, сопровождавшиеся жестокими истязаниями крестьян, имели место, как известно, в марте 1902 года (в Харьковской и Полтавской губерниях); а выработанный редакцией «Искры» проект партийной программы был опубликован уже 15 мая того же года в № 21 этой газеты.

«Северный Союз» представлял собой областное объединение социал-демократических организаций центрального промышленного района: Владимирской, Костромской и Ярославской (впоследствии и Тверской) губерний. В этом районе,—особенно в его руководящем центре, «рус-

ском Манчестере», — Иваново-Вознесенске, — рабочее движение с самого начала развивалось в иной общественной обстановке, чем движение в столицах и больших центрах юга. При отсутствии общественно-влиятельного дворянства население здесь резко распадалось на 2 класса: фабричный пролетариат и консервативная, весьма богатая, буржуазия. Поэтому здесь, среди социал-демократов, упорнее, чем где-либо, держался предрассудок, что привлечение масс для борьбы с самодержавием возможно лишь как результат агитации на почве непосредственно-экономических конфликтов между рабочими и их нанимателями. К концу 90 годов «экономизм» владел умами социал-демократов центрального района.

Но в 1902 году положение несколько изменилось. Идеиная борьба внутри социал-демократий привела к определенному расслоению: сторонники постепенного, «органического» расширения задач рабочего движения оказались в лагере «критиков Маркса», противников «ортодоксии», склоняющихся в программе к реформизму и смягчению борьбы классов; тогда как пропагандисты активной политической борьбы и участия пролетариата в общедемократическом движении связывали, во главе с группой «Освобождение Труда» и «Искрой», эту практическую позицию с яркой защитой революционного марксизма. Между тем социальная обстановка, окружавшая пролетариат центрального района, делала его передовые слои склонными, именно, к революционной, а не реформистской концепции социализма. Борьба классов слишком оголенно выступала в «русском Манчестере» и его районе, чтобы социалисты, работавшие здесь, могли в теоретическом споре, охватившем в то время весь Интернационал, склонить свои симпатии к течениям, отказывающимся от принципа классовой борьбы.

Из этого своеобразного положения и вытекает тот эклектический характер, который носит критикуемая Лениным программа «Северного Союза». Заимствованные у «Искры» лозунги революционной борьбы за свержение самодержавия сплетаются с «экономистскими» мотивами: социал-демократическая партия как бы идет своим путем, по возможности в стороне от других движений против царизма, и оберегает свой классовый характер тем, что не стремится свою политическую аудиторию расширить за пределы пролетариата.

Исторический интерес публикуемого письма Ленина и заключается в борьбе все усиливавшейся в то время группы «Искры» против этого эклектизма, типичного для большинства активных деятелей России в 1902 году. Для истории развития социал-демократических идей в России особенно любопытно подчеркивание известной самооценности борьбы за демократию (независимо от служебных целей ее для классовой борьбы) и опасение пропаганды всеобщей стачки. В первом пункте Ленин боролся против возможного сужения тактической программы рабочего класса до узких пределов прав и свобод, нужных одному ему для целей непосредственной борьбы с предпринимателями (права коалиции и т. п.). И, именно, поэтому автор так подозрительно относится к лозунгу всеобщей стачки, не без основа-

ния видя в нем у тогдашних практиков синдикалистскую «предельную идею» узко-корпоративного движения, замыкающегося в самом себе*).

Руководящая группа «Северного Союза» сыграла в течение 1902—1903 годов очень видную роль в деле формирования общепартийной социал-демократической организации. Главное ядро ее, высланное из центрального района, обосновалось в Воронеже и, поддерживая оттуда тесную связь с своим районом, в то же время собрало вокруг себя ряд социал-демократических деятелей, посвятивших все свои силы налаживанию общерусских связей, постановке типографий, транспорту и развозу заграничной литературы. Уже с 1901 года эта руководящая группа вступила в тесную связь с «Искрой» через делегированного ею за границу Владимира Александровича Носкова («Борис Николаевич» или Глебов, с 1903 по 1905 г.г. был членом Центрального Комитета партии, в годы столыпинской реакции в 1913 г. покончил жизнь самоубийством). Рядом с Носковым активную роль в «Центральной» работе союза играли Богаев, Ф. Щесколдин («Повар»), Любимов (член Ц. К. в 1904—1905 г.г.; впоследствии, под именем Марка Зоммера, член групп «Призыв» и «Единство», умер в 1919 году в Москве), Л. Карпов (член ЦК в то время; заведывал химическим отделением ВСНХ до своей смерти в 1921 году), Ольга Афанасьевна Варенцова, нелегальные: Вайсман (умер) и Зохорович, Квятковский (сын казненного в 1879 году народовольца) и некоторые другие.

Съезд Союза, где была выработана программа, состоялся в Воронеже 1—5 января 1902 г. На съезде присутствовали: от Иваново-Вознесенска—Панин, от Владимира—Богаев, от Ярославля—Вайсман (Волох) и О. А. Варенцова и вся воронежская группа: А. И. Любимов, В. А. Носков, Л. Я. Карпов, Н. Н. Кардашев и Д. В. Костеркин, ВЦК Союза были избраны Панин, Богаев, Варенцова, Вайсман и Дюбюк.

Подробности о «Северном Союзе» см. в статье О. А. Варенцовой в № 9 журнала: «Пролетарская Революция» за 1922 г.

80. «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» написано в сентябре 1902 г. и тогда же получило распространение в гектографированном издании. В 1903 г. перепечатано Сибирским Союзом Р. С.-Д. Р. П., а в 1904 г. переиздано в Женеве с добавлением предисловия и послесловия; перепечатано в IV томе Собр. соч. Н. Ленина на стр. 157—174.

81. Речь идет о кооптированных Плехановым после ухода Лени-

*) С такого рода лозунгом «всеобщей стачки» сталкиваемся еще в 1900 году в нелегальной брошюре: «Кто совершит политическую революцию», изданной на Урале группой социал-демократов (А. А. Санин, М. Розенберг-Зверева, Н. Кудрин и другие) и упоминаемой в письме Ленина, который подверг ее критике в № 1 «Зари». Автором брошюры был А. Санин, в то время довольно известный писатель-марксист, сотрудник «Самарского Вестника» и «Научного Обозрения».

на 1/XI 1905 г. в состав редакции «Искры» — Потресове (Старовере), Засулич, Дейче и Л. Мартове.

82. Брукер, псевдоним Лидии Махновец, сестры Акимова,—делегат от Петербургской рабочей организации.

83. Махов, псевдоним Калафати,—делегат от Николаевского Комитета.

84. «Группа инициаторов» по созыву примирительного съезда между различными заграничными ветвями русской с.-д.-тин. Ее члены— Н. Рязанов, Ю. Невзоров (Стеклов), Б. Даневич (Гуревич),—после неудачи «Объединительного» съезда в октябре 1901 г. (см. выше прим. 77) выступили, как издательская группа «Борьба».

85. Егоров, псевдоним Е. Левина,—делегат от группы «Южный Рабочий» (см. выше прим. 70).

86. Павлович, псевдоним П. А. Краскова,—делегат Киевского Комитета.

Сорокин, псевдоним Н. Баумана,—делегат от Московского Комитета.

Ланге, псевдоним А. М. Стопани,—делегат от Северного Союза (см. выше прим. 79а).

87. Юдин, псевдоним И. Айзенштадта,—делегат от Ц. К. Бунда.

88. Русов, псевдоним Книуньянца,—делегат от Бакинского Комитета.

89. Гусев, псевдоним Драбкина,—делегат от Донского Комитета.

90. Белов, псевдоним Цейтлина,—делегат от Московского Комитета.

91. Орлов, псевдоним Махлина,—делегат от Екатеринославского Комитета.

Лядов, псевдоним М. Н. Мандельштама,—делегат от Саратовского Комитета.

Муравьев—рабочий, фигурировавший за границей под фамилией Петухов,—делегат от Уфимского Комитета.

Глебов—В. А. Носков—агент Орг. Ком.

Горин, псевдоним Галкина,—делегат от Саратовского Комитета.

92. Попов, псевдоним В. Розанова,—делегат от группы «Южный Рабочий».

93. Посадовский, псевдоним В. Мандельберга,—делегат от Сибирского Союза.

94. Гольдблат, псевдоним Медема,—делегат от Заграничного Комитета Бунда.

95. Львов, псевдоним Мошинского,—делегат от союза горнозаводских рабочих.

Медведев, псевдоним П. Николаева,—делегат от Харьковского Комитета.

Иванов, псевдоним Е. Левинной,—делегат от Харьковского Комитета.

Царев, псевдоним Локермана,—делегат от Донского Комитета.

96. Костич, псевдоним С. Зборовского,—делегат от Одесского Комитета.

97. Ленский, псевдоним Леонова,—делегат от Екатеринославского Комитета.

Степанов—рабочий Андрей—делегат Киевского Комитета.

Горский, псевдоним А. Шотмана,—делегат Петербургского Комитета.

98. Пункты аграрной программы в № 3 «Искры»—см. стр. 277—283 тома IX Собр. соч. Н. Ленина.

99. Костров—псевдоним Н. Жордана.

Карский, псевдоним Топуридзе,—делегат Тифлисского Комитета.

100. Статья «С чего начать?» в № 4 «Искры» перепечатана на 32—39 стр. IV тома Собр. соч. Н. Ленина.

101. И. Н. Мышкин—один из видных участников «процесса 193» в 1877—1878 г.г.

С. Халтурин—рабочий, организатор «Северного Союза Русских Рабочих», казнен за устройство взрыва в Зимнем дворце 5/II 1880 г.

А. И. Желябов—видный народоволец, главный организатор покушения на Александра II 1/III 1881 г.

102. Саблица—речь идет о Н. К. Крупской

103. В. Либкнехт, отец убитого вождя спартаковцев, К. Либкнехта,—видный деятель немецкой социал-демократии, неуклонный революционный борец; свою деятельность начал с революции 1848 г. в Бадене и Пфальце. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. С 1860 г. по амнистии возвращается в Берлин, где ведет упорную борьбу с тактикой Лассалья. С 1865 г., высланный из Пруссии, живет в Лейпциге, сблизается с Бебелем, вырывает его из либерального лагеря. С 1868 г. основывает «Демократический Еженедельник» (с 1869 г. «Народное Государство» и затем «Вперед»—орган Ц. К. немецкой социал-демократической партии). В 1872 г. с Бебелем арестован за государственную измену, за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии. Вместе с Бебелем выносит на своих плечах тяжесть борьбы с Бисмарком во время господства исключительных законов против социалистов. На Эрфуртском партийном съезде (съезде немецкой социал-демократии) ожесточенно борется против социалиста Фольмара, вотировавшего за правительственный бюджет, зорко стережет чистоту революционной тактики пролетариата от примесей соглашательства с буржуазией, постоянно подвергается репрессиям за выпады против автократических замашек кайзера Вильгельма I.

104. Клара Цеткин—видная деятельница немецкой социал-демократии, а затем мирового коммунистического движения. Принимала энергичное участие в борьбе против ревизионизма Э. Бернштейна. Еще до начала империалистской войны примкнула к левому крылу социал-демократии и работала в тесном сотрудничестве с Розой Люксембург и Фр. Мерингом. Во время войны, будучи редактором газеты «Gleichheit» («Равенство») Ц. боролась против шейдемановцев, позднее примкнула

к коммунистическому союзу «Спартак» и вместе с последним вошла в Германскую Объедин. Коммунистическую Партию и ее Ц. К. На третьем конгрессе Коммунистического Интернационала выбрана в Исполнительный Комитет.

105. Абрамсон, псевдоним К. Портного,—делегат Ц. К. Бунда.

106. Панин, псевдоним Гальберштадта,—делегат Крымского Союза.

107. Герц, псевдоним Д. И. Ульянова,—делегат Тульского Комитета.

108. Ироническое замечание по адресу единогласной кооптации Плехановым 4 редакторов старой «Искры».

109. Штерн, псевдоним В. Крохмалю,—делегат Уфимского Комитета.

Фомин, псевдоним Розы Гальберштадт,—представитель Организационного Комитета.

110. Дедов, псевдоним Лидии Книпович, известной под кличкой «Дядинька»,—делегат Северного Союза (см. выше прим. 79а).

111. Борис—письмо адресовано В. А. Носкову-Глебову.

112. Речь идет о новой «Искре».

113. Речь идет, вероятно, о приложении к №№ 73, 74 и 77 «Искры» под заголовком: «Вопросы партийной жизни».

114. Орловский—псевдоним В. В. Воровского; указанная брошюра Орловского-Воровского вышла 5-го ноября 1904 года.

115. Речь идет, вероятно, о прокламации, черновик которой напечатан в тексте, на стр. 491—498 этого тома.

116. Речь идет о статье М. С. Ольминского-Галерки в сборнике: «Наши недоразумения».

117. Издательство «Вперед»—выросло из «издательства социал-демократической партийной литературы» Н. Ленина и В. Бонч-Бруевича; с кооптацией в редакцию Ц. О. меньшевиков, отвергнутых II съездом Р. С.-Д. Р. П., большевики оказались без печатного органа; только в конце 1904 г. удалось им наладить издание своей газеты «Вперед», в которой работали: Н. Ленин, Орловский-Воровский, Галерка-Ольминский, Рядовой-Богданов, Воинов-Луначарский. Газета «Вперед» выходила до III съезда Р. С.-Д. Р. П. (май 1905 г.), после которого по постановлению съезда была заменена «Пролетарием», в качестве Центрального Органа партии.

118. Рядовой—псевдоним А. А. Богданова в 1904—1905 г.г. Галерка—псевдоним М. С. Ольминского в те же годы.

119. Из 26 пунктов июльской декларации Ц. К-а были опубликованы в «Искре» только 10.

Заявление Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П.

Центральный Комитет, в полном своем составе, за исключением одного члена, обсуждал вопрос о современной борьбе групп внутри партии. После обмена мнений единогласно принята следующая резолюция:

1) Имея в виду ярко выразившееся на II очередном съезде пар-

тии единомыслие подавляющего большинства членов ее в отношении партийной программы и тактики; принимая, далее, во внимание прочность этого единомыслия, которое, в общем и целом, осталось непоколебимым даже в столь благоприятствующей расколам, насыщенной враждой и недоверием атмосфере внутривнутрипартийной жизни последнего периода; отметив, наконец, что разногласия организационные, поскольку они точно формулированы, далеки от того, чтобы исключалась возможность планомерной централизованной работы всех товарищей,— Ц. К. признает развивающееся в рядах российской социал-демократии фракционное дробление глубоко противным интересам пролетариата и достоинству партии и выражает убеждение в необходимости и возможности полного примирения враждующих сторон.

2) Считая обеспечение партийного единства своей основной задачей, Ц. К. признает немедленное и энергичное вмешательство свое в борьбу групп безусловно необходимым.

3) Прежде, чем перейти к обсуждению частных вопросов, собрание устанавливает, что основная задача,—обеспечение партийного единства,—требует, чтобы политика Ц. К. в сфере внутренне-партийной жизни сообразовалась с целью умиротворения и слияния «большинства» и «меньшинства» в цельную организацию, в согласии с принципами революционной социал-демократии, положенными вторым съездом в основу нашей партии.

4) По вопросу об отношении к Ц. О. партии, собрание приходит к заключениям: а) о неоспоримой законности состава редакции Ц. О. Собрание устанавливает факт признания этой законности всем составом Ц. К. (непрерывная совместная работа: заседания Совета, издание и распространение литературы); б) о столь же неоспоримой высоте Ц. О. во всем, что касается защиты и выяснения основных принципов международной социал-демократической программы и тактики. Ввиду современных условий партийной жизни оба эти заключения подлежат выяснению товарищей в комитетах; в) о наличии дефектов Ц. О., с точки зрения потребностей партийной пропаганды: главным образом, скудные материалы о социал-демократической деятельности на местах и жизни рабочих масс. Собрание полагает, что здесь сказываются, помимо специальных условий работы из-за границы для России, еще и временные обстоятельства борьбы «большинства» и «меньшинства». В целях устранения указанных частных дефектов, Ц. К. считает полезным: установление более живых сношений с редакцией на почве общепартийной работы и энергичную помощь, со своей стороны, Ц. О. в постановке связей его с Россией; г) о наличии в Ц. О. фракционных тенденций, принижающих порой Ц. О. партии до боевого органа одной из борющихся групп: односторонняя критика комитетов,—критикуются комитеты «большинства», хотя бы дело шло о недостатках, свойственных партии в целом. Характер этой критики зачастую не товарищески-разъяснительный, соответствующий задаче руководства, а враждебно-полемиический, как бы рассчитыв-

вающий на то, чтобы опорочить противника. Печатной критике не предшествуют запросы по адресу критикуемых организаций, которые своими ответами, может быть, предупредили бы многие печальные недоразумения. Самым надежным путем к устранению этих дефектов собрание признало всестороннее выяснение товарищам в редакции внегрупповой партийной политики, которую усвоил себе Ц. К., и товарищеское влияние на комитеты, которые отрезают от себя Ц. О., бойкотируя его.

5) Ц. К. выражает пожелание, чтобы в редакцию Ц. О. вошел т. Ленин, так как устранение от редакционных обязанностей такого выдающегося идейного работника несовместимо с развитием наибольшей продуктивности положительной работы партии в целом.

6) Приняв во внимание вред, причиняемый партийной организации несогласованностью с деятельностью Ц. К. в России деятельности представителя его за границей, Ц. К. постановляет: в сношениях с Ц. О. представители Ц. К. не предпринимают ответственных действий иначе, как по прямому поручению коллегии.

7) По вопросу об отношении к товарищам из «большинства» и «меньшинства» в практической организационной работе Ц. К. будет придерживаться прежнего своего постановления о предоставлении каждому члену партии той или иной функции, исключительно в зависимости от его социал-демократической работоспособности и независимо от того, причисляет ли он себя к «большинству» или к «меньшинству». Ц. К. рекомендует настоятельно такой же образ действий всем местным организациям.

8) Ц. К. решительно высказывается против созыва в настоящее время экстренного съезда и против агитации за этот съезд. В отношении внутренней партийной жизни съезд при данных обстоятельствах явился бы серьезной угрозой единству нашей партии. Нуждами практической деятельности он не вызывается. В сфере разработки практических методов борьбы остался бы бесполезен, ибо слишком уже незначителен накопленный со II съезда опыт. Для развития интенсивной положительной работы, соответствующей современному критическому состоянию страны, съезд явился бы, а агитация за съезд является громадным препятствием, отвлекая массу сил и средств.

9) Доводится до сведения товарищей, что в партийной типографии печатаются произведения, в той или иной степени значительные; что же касается изданий Ц. К., то впредь они будут носить пометку: «изд. Ц. К.».

10) Единогласно постановлено: а) выяснить товарищам в комитетах характер и цели политики Ц. К., б) предпринять немедленно попытку к организации конференции для совместной с представителями товарищей, противопоставляющих себя Ц. К.-ту, в качестве «меньшинства», выработки тех мер, которые могли бы привести к полному умиротворению партии.

Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Остальные тайные пункты этого заявления так хорошо характеризуют практикуемый Ц. К-ом способ водворения в партии мира, что мы считаем необходимым привести наиболее яркие из них:

«Установить за границей между т. Глебовым и т. Лениным следующие отношения:

а) т. Глебову поручить за границей заведывание всеми делами Ц. К-та, как-то: сношения с Ц. О., посылка людей в Россию, касса, экспедиция, типография, разрешение к печатанию в партийной типографии различных произведений и проч.;

б) т. Ленину поручается обслуживание литературных нужд Ц. К-та; печатание его произведений, наравне с произведениями остальных сотрудников Ц. К-та, происходит каждый раз с согласия коллегии Ц. К-та.

Поручить т. Глебову вместе с т. С. произвести реорганизацию постановки технического дела за границей в соответствии удовлетворения нужд российского движения.

Распустить Южное бюро Ц. К-та, ввиду несогласованности настоящей его деятельности с деятельностью Ц. К-та и поручить организацию Ю. Б. т. Х.

Поручить т. Лядову передать кассу и отчет т. Глебову.

120. В а л е р и а н—псевдоним Любимова, члена Ц. К. в 1904—1905 г.г. Н и к и т и ч—псевдоним Л. Б. Красина.

121. Приводим письмо члена Южного Бюро о роспуске его:

Дорогие товарищи!

Спешу сообщить вам, что наконец-то и мы дождались внимания к нам Ц. К. Оно выразилось ни более, ни менее, как в раскассировании Южного Бюро. Вам известна в общих чертах роль и деятельность нашего бюро. Оно было основано в начале февраля Ц. К-том и снабжено довольно широкими и довольно неопределенными полномочиями («поезжайте и делайте все, что нужно, моим именем»). Однако практические требования скоро сами определили направление и характер нашей работы. Полное отсутствие связей юга с Ц. К. и полное игнорирование им нашего района вынудили нас сплотить комитеты, выразившие готовность к такому сплочению, вокруг Бюро. Работа закипела. Пришлось наладить паспортное дело, так как постоянно сказывалась необходимость в перемещении работающих товарищей, пришлось привлекать новых людей для замещения в случаях провалов—к прискорбию, слишком частых. Отсутствие обще-партийной литературы страшно тормозило дело; приходилось довольствоваться суррогатами, в виде прокламаций или брошюр местного происхождения. Однако, несмотря на эти трудности, нам удалось объединить три более крупных комитета и целый ряд организаций; установились живые связи и частое товарищеское общение, значительно облегчавшие работу на местах.

За все это время мы стояли вне всякой связи с Ц. К. Наша попытка сноситься с Ц. К. через единственного члена его к которому мы имели

фактический доступ, потерпела неудачу. Этот член сам стоял в стороне от дела и связаться через него не удалось. Приходилось действовать на свой страх и риск. О Ц. К. не было ни слуху, ни духу. Правда, за это время приехало от Ц. К. несколько товарищей с довольно странным поручением, — организовать на юге агентуру Ц. К., — но, ознакомившись на месте с Южным Бюро и его работой, они отказались от данных им поручений.

Таким образом просуществовали мы до половины августа, конца нашей деятельности *). И вот тут сразу пахнуло на нас дыханием нового Ц. К. Сперва приехал один агент из Ц. К. с извещением, что Ц. К. постановил водворить мир в партии, а вскоре явился другой, более компетентный товарищ и, как первый акт мира, объявил нам о распусчении нашего бюро Ц. К.-том. Причина распушения — наша агитация за III съезд. До сих пор мы думали, что всякий член социал-демократической партии, какой бы пост он ни занимал, имеет право «свое суждение иметь» и защищать это суждение перед каждым товарищем и всей партией. Теперь нам разъяснено Ц. К., что лицо, являющееся агентом Ц. К., должно во всем разделять его мнения и не смеет высказывать мнений противных. Агенты Ц. К. являются таким образом правительственными чиновниками, присягающими «на верность» и обязанными руководиться в своих мнениях и деятельности взглядами начальства. Идеалом такого социал-демократического деятеля должен быть, повидимому, чеховский учитель, который сбрил усы, потому что директор обрил.

Такого рода грубое («бюрократическое») отношение Ц. К. к партийной работе, в силу которого требуется не служение интересам партии, а служба личному составу Ц. К., должно вызвать негодование у всякого уважающего себя и свое дело революционера. Но это усугубляется еще более грубым издевательством над элементарными правами партийных учреждений. Южное Бюро было распущено потому, что оно высказывалось за съезд в то время, как Ц. К. принял решение против съезда и «против агитации (!) за этот съезд». Между тем, по уставу, съезд может быть созван по требованию определенного числа комитетов. Для этого необходима агитация за съезд, следовательно, агитация является элементарным правом всякого комитета. И вот Ц. К. высказывается против агитации, т.-е. самовольно отменяет § устава и лишает неотъемлемого права комитеты; приняв это незаконное решение, он, на основании его, раскассировывает Южное Бюро. Тут все, что угодно: и топтание устава, и издевательство над основными понятиями революционной деятельности, и обуздание несогласномыслящих, а все вместе — плохое подпольное переиздание системы маленького Наполеона.

*) Сначала пронеслись неопределенные слухи о перемене состава Ц. К. вскоре стало достоверно известно, что и состав, и направление нашего практического центра потерпели серьезные перемены.

Цель и политика Ц. К. ясна. Решив quand même проделать комедию примирения, ему необходимо зажать рот всем несогласномыслящим, чтобы ни один звук диссонанса не вторгнулся в примиренский гимн торжествующего лицемерия. А наш долг, если принципы большинства и достоинство партии не пустой звук, сорвать маску с примиряющихся тартюфов и самым решительным образом протестовать против водворения в партии официального благополучия и лицемерного единения.

В беседе с представителями Ц. К. мы заявили, что никто так не желает мира, как мы, сторонники «большинства». Но мы хотим честного и открытого мира, а не казенной комедии примирения, не официальной лжи. Если Ц. К. хочет встать на путь «предупреждения и пресечения», намеченный актом распускания нашего бюро, то пусть он помнит, что мы не так легко играем принципами и мнениями, как апостолы примирения, и что за наши принципы мы будем бороться до конца.

122. Рижский Комитет присоединился к начинанию 22-х товарищей (среди них: Ленин, Крупская, А. Богданов, Луначарский, Ольминский, Лепешинский, Лядов, Десницкий, Зверь, Воровский, Землячка, Бонч-Бруевич, Величкина, Гусев, Красиков и друг.) и вынес следующую резолюцию:

Исходя из нижеследующих соображений:

1) что переживаемый в настоящее время нашей партией кризис является неизбежным следствием перехода от старых отживших кружковых форм организации к новым партийным;

2) что заграничный кружок литераторов, захвативших вопреки воле партии в свои руки Ц. О., оказался неспособным как приспособиться к новым партийным формам, так и дать партии действительное идейное руководство и был вынужден самым своим положением лидера оппозиции отказаться от своих прежних воззрений и примкнуть к оппортунистическому крылу партии;

3) что разрешение переживаемого партией кризиса может быть делом лишь всей партии, а не ответственных перед нею учреждений, в силу чего всякие попытки к примирению на основании частных соглашений между центральными учреждениями или кружками партии не должны быть допускаемы партией, как узурпация ее прав и нарушение ее чести и достоинства;

4) что, ввиду серьезности партийного кризиса, подобные приватные соглашения не только не могут разрешить его, но, наоборот, неизбежно должны послужить источником новых осложнений, новой борьбы;

5) что важность политического момента, переживаемого в настоящее время Россией, и быстрый рост революционного настроения рабочих масс требуют от партии наиболее быстрого и в то же время радикального разрешения кризиса, —

мы заявляем свое требование немедленного созыва III съезда и решительно присоединяемся к начинанию, сделанному частным собранием 22-х товарищей—наших единомышленников, выступивших с открытым обращением к партии и дающих в нем определенный лозунг борьбы с кружковщиной.

Август 1904 г.

Р. С. Рижский Комитет просит партийную типографию отпечатать прилагаемое воззвание 22-х в возможно большем количестве экземпляров и доставить ему с оказией.

123. Лидин—псевдоним Мандельштама-Лядова (см. выше прим. 91).

124. Васильев—псевдоним Ф. В. Ленгника, члена Совета Партии в 1903—1904 г.г.

Зверь—Мария Моисеевна Эссен

125. С. («Сюртук») — кличка Виктора Коппа (см. о нем подробнее в «Записках рядового подпольщика»).

126. Попов—псевдоним В. Розанова (прим. 92).

Фишер—псевдоним Розы Гальберштадт (прим. 109).

Фомин—псевдоним В. Крохмаля.

У том Собрания сочинений Н. Ленина
подготовлен к печати В. Пановым
под ред. Л. Каменева.

Указатель имен.

А.

Абрамсон (К. Портной)—317, 375.
Адамович (Воровский)—262.
Акимов (Махновец)—311—315, 323, 329, 331, 335—336, 341, 344—345, 351—352, 356—357, 361, 364—365, 367, 372, 375—379, 381—382, 387—388, 391, 394, 402, 404, 406, 408—409, 414, 417, 419—426, 435, 442, 445—449, 454, 456—457, 460, 466, 473, 476, 481—482.
Аксаков—35, 49.
Аксельрод П.—63, 152—153, 171, 180, 193, 296, 298—299, 306, 317, 335—336, 341, 347—352, 354, 357—358, 360—361, 365, 373, 377, 379, 397, 400, 412, 419, 422, 424—425, 431, 437—438, 441—442, 445—446, 452—458, 461—469, 472—476, 479.
Александров (Ольминский)—458—459, 464.
Алексеев—205, 353.
Аракчеев—36.

Б.

Бакунин—33, 137
Б—в (Савинков)—202, 204, 222—225, 231.
Бebelъ—126, 172—173, 373—374, 427.
Белинский—136.
Белов (Шейтлин)—321, 328, 486—487, 489.
Бельтов (Илеханов)—158.
Бердяев—64, 268.
Берштейн—121—122, 126, 130, 132, 156, 169, 445, 455, 473.
Блеклов—99.
Блюменфельд—516.
Бонч-Бруевич—514.
Борис (Глебов)—505.
Браун—410.
Брукер (Л. Махновец)—311—312, 314, 323, 356, 359, 364—365, 389, 407—408, 417, 419—420, 423, 435, 476, 485.
Булгаков—135, 268.

В.

Валерьян (Любимов)—513, 515, 518.
Валусь—38—39, 46.
А. А. Ванесв—142—143
Ванновский—38.
Васильев (Ленгник)—212, 437, 479, 485, 515.
В. В. (Воронцов)—145—146.
Вебб—167.
Вейтлинг—148.
Витте—31—32, 34, 43—46, 49, 52—54, 61, 64, 195.
Вормс—212.

Г.

Гайндман—445, 454.
Галерка (Ольминский)—507.
Гассельман—156.
Гегель—136, 480.
Гед—172.
Гейне—468—469, 473.
Герц (Д. Ульянов)—135, 376.
Герцен—37, 61, 136.
Гёре—467—468.
Глебов (Носков)—321, 370—371, 374, 380, 402, 426—427, 429, 437, 485—486, 513—516.
Гольблат (Медер)—324, 344, 375.
Горемыкин—31, 52—54.
Горин (Галкин)—321, 333, 484, 486—487, 489—490.
Горский (Шютман)—328
Градовский—47.
Гусев (Драбкин)—321—322, 333, 371, 379, 484, 490.

Д.

Давид—126.
Дан (Гурвич)—515, 517.
Дедов (Л. Книпович)—485, 487.
Дейч—320—321, 328, 371, 383, 398, 434, 436, 441, 484, 486—489, 517.
П. Долгоруков—66.
Драгоманов—32—33, 43—44, 49.
Дюринг—125.

Е.

Егоров (Е. Левин)—316—318, 320—322, 324—325, 327—333, 335, 344—345, 347, 365, 376, 379—380, 384, 389, 407—408, 414, 419, 423, 427, 435, 451, 484, 486, 488—489.

Ж.

Жслябов—205, 259, 353.
Жорес—470, 473.

З.

Засулич В.—47, 230, 376, 397, 431, 471, 488.
Зубатов—130, 149, 212—213.

И.

Иванов (Е. Левича)—323.
В. И-н (Иванышин)—144, 152—153, 268.
Игнатов—49, 65.

К.

Кавслин—36—37, 43.
Карский (Топуридзе)—333, 365, 390.
Кареев—158.
Катков—43—50, 100, 107, 191.
Каутский—147—148, 172—173, 295, 273—274, 374, 401—405, 407, 464, 470—471.
Кеннан—43.
Кольцов (Гинзбург)—319.
Кондоиди—95, 101.
Костич (С. Зборовский)—328, 333.
Костров (Жордания)—333, 414.
Коселев—36—37.
Б. Кричевский—124—125, 154—155, 157, 170, 185, 204, 210, 229, 240, 245, 268, 272—273, 458, 460, 473.
Кускова—130.

Л.

Лавров—229.
Ланге (Стопани) — 315, 321, 333, 396, 399.
Ланской—38.
Лассаль—115, 139.
Ленский (Леонов)—328, 365, 488.
Леруа-Болье—38.
Либер (Гольдман)—327—330, 332—335, 344—345, 357, 360, 362, 364, 375, 381—383, 389, 404, 408, 419—420, 442, 455.
В. Либкнехт—157, 184, 373—374, 406.
Лидин (Лядов)—514.
Лорис-Меликов—45—49, 64.
Львов (Мошинский)—327—328.
Лядов (Мандельштам)—321, 410, 481, 486, 489—490.

М.

Маркс—69, 115, 121, 134—135, 141, 154, 184, 332, 407.
Мартов (Цедербаум)—306, 311, 313, 315, 317—327, 329, 331—332, 334—340, 343—345, 349, 351—390, 397, 399—404, 407—409, 412—414, 418—429, 431—437, 440—442, 445—446, 419—451, 456—457, 462, 468, 473—476, 479—481, 484—486, 488—490, 516, 518.
Мартынов (Пиккер)—155, 163—164, 167—170, 174, 176—177, 179—180, 184—185, 187—188, 192—193, 204, 207, 210, 245, 253—254, 259, 265, 268, 274, 311, 314—315, 317, 323, 330—335, 352, 357—358, 389—391, 393—394, 408—409, 413, 417—419, 425—427, 445, 454, 457, 473.
Махов (Катафати) — 313—314, 319, 321—322, 325, 328—335, 407—408, 417—427, 435, 430, 485.
Медведев (П. Николаев)—328, 365.
Меринг—156.
Мещерский—191.
Мильеран—121—122, 473.
Н. Милютин—32, 38, 56.
Михайлов—33.
Михайловский—158, 267.
Мост—125, 157.
Муравьев—321, 385, 394—395, 397, 400.
Мышкин—205, 233, 353.
Мюльбергер—125.

Н.

Н.Н. (Прокопович)—208.
Надсждин (Зеленский) — 245, 247, 250, 252—253, 255—256, 261—264, 277, 351, 381.
Найт—184—185.
Нарышкин—21.
Никитенко—32, 42.

О.

Оболенский—70—73.
Обручев—33.
Озеров—213.
—он (Даниельсон)—91.
Орлов (Махлин)—321—322, 410.
Орловский (Воровский)—507.
Осипов (Залкинд-Землячка)—410, 485.
Р. Оуэн—137.

П.

Павлович (Красиков) — 315—317, 319—321, 362—364, 367, 373, 378—379, 383, 390, 393—394, 484—484.

Панин (Гальберштадт)—375—376, 379.
Парвус—22, 445.
Писарев—260.
Плеханов—124, 171—172, 203, 205,
233, 272, 298, 312—313, 316, 324—
325, 333—335, 338—339, 345, 349,
356, 364, 372, 374, 390, 394, 400,
412—414, 426—435, 437—449, 451,
454, 457, 475—479, 488—489, 496.
Победоносцев—107.
Попов (В. Розанов)—316, 318, 322,
325, 336, 339, 344—345, 352, 358,
374, 377—380, 394, 397, 402, 409,
425—427, 437, 476, 484—487, 516,
519.
Посадовский (Мандельберг)—324,
328, 352, 394—396, 400, 454.
Прокопович—130, 149—150, 169,
263.
Прудон—148.

Р.

Р. Н. С. (Струве)—54, 65, 67—68.
Р. М.—58—59, 155, 169, 174, 207, 268.
Радищев—36.
Решетников—17.
Родзянко—98.
Русов (Киуньянц)—320—322, 365, 368,
372, 376, 389, 396—397, 485, 487.
Рымаренко—36.
Рядовой (Богданов)—107.
Рязанов (Гольдендах)—316, 318, 400.

С.

Саблина (Крупская)—370, 489.
Сен-Симон—137.
Серебряков—233.
Серно-Соловьевич—35, 37.
Сипягин—54, 73—77, 80—81, 91—92,
101.
Сорокин (Н. Бауман)—315, 370, 398,
489.
Старовер (Потресов)—127, 335,
370—371, 376, 378, 397, 400, 411—
412, 414, 423, 431, 445, 484, 486,
488—489.
Стахович—18, 21, 101—103.
Степанов—323.
Страхов—361.
Струве—149—150, 169, 262, 268, 413—
414, 448.
Суворин—102.

Т.

Тихомиров Л.—43.
Ткачев—261.

Толстой Д.—50.
Травинский (Кржижановский)—374
402, 437, 450, 479, 485—486.
Трепов—488.
Троцкий—313, 315, 333, 335, 345,
362—363, 370, 372, 381, 390, 394,
402, 422, 425, 430—431, 436—437,
479, 484—486.
Тупорылов (Мартов)—158, 169.

У.

Унковский—61.
Успенский Г.—17.

Ф.

Фишер (Р. Гальберштадт)—519.
Фольмар—122, 373—374, 427, 473—
474.
Фомин (В. Крохмаль)—420, 436—437,
479, 484—486, 519.
Фурье—137.

Х.

Халтурин—205, 353.
Хёхберг—156.

Ц.

Царев (Локерман)—328, 365, 375.
К. Цеткин—374.

Ч.

Чернышевский—34—35, 37, 61,
136.
Чичерин—47, 56.

Ш.

Швейцер—156.
Шрам—156.
Штейн (Е. Александрова)—367—368,
484, 486, 489.
Шульце-Делич—149.

Э.

Энгельс—121, 125, 135—136, 141
154, 184.

Ю.

Юдин (Айзенштадт)—319.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие Л. Каменева	1
Часть I. До II съезда Р. С.-Д. Р. П	3—292
1901 г о д.	
Случайные заметки („Заря“ № 1, апрель 1901 г.)	5—27
I. Бей, но не до смерти	5
II. Зачем ускорять превратность времен	18
III. Объективная статистика	23
Тонители земства и Аннибалы либерализма („Заря“ № 2—3, де- кабрь 1901 г.)	29—66
Внутреннее обозрение („Заря“ № 2—3, декабрь 1901 г.)	70—114
I. Голод	70
II. Отношение к кризису и голоду	88
III. Третий элемент	95
IV. Две предводительские речи	101
1902 г о д.	
Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения (брошюра) . .	115—274
Предисловие	117
I. Догматизм и свобода критики	120—138
а) Что значит „свобода критики“?	120
б) Новые защитники „свободы критики“	123
в) Критика в России	127
г) Энгельс о значении теоретической борьбы	133
II. Стихийность масс и сознательность социал-де- мократии	139—160
а) Начало стихийного подъема	140
б) Преклонение перед стихийностью. „Рабочая Мысль“	143
в) „Группа Самоосвобождения“ и „Рабочее Дело“	152
III. Тред-юнионистская и социал-демократическая политика	161—198
а) Политичекая агитация и ее сужение экономистами	161
б) Повесть о том, как Мартынов углубил Плеханова	171
в) Политические обличения и воспитание революционной актив- ности	174
г) Что общего между экономизмом и терроризмом	179
д) Рабочий класс, как передовой боец за демократию	182
е) Еще раз „клеветники“, еще раз „мистификаторы“	196

IV. Кустарничество экономистов и организация революционеров	199—244
а) Что такое кустарничество?	200
б) Кустарничество и экономизм	203
в) Организация рабочих и организация революционеров	209
г) Размах организационной работы	222
д) „Заговорщическая“ организация и „демократизм“	228
е) Местная общерусская работа	235
V. „План“ общерусской политической газеты	245—266
а) Кто обиделся за статью „С чего начать?“	246
б) Может ли газета быть коллективным организатором?	250
в) Какого типа организация нам нужна?	260
Заключение	267—269
Приложение. Попытки объединения „Искры“ с „Рабочим Делом“	270—274

Доклад релякции „Искры“ совещанию (Конференции) Р. С.-Д. Р. П.	275
Письмо N.N. к С. С.—у	284

Часть II. После II съезда Р. С.-Д. Р. П.	293—520

1904 г о д .

Предисловие к печатному изданию „Письма к товарищу о наших организационных задачах“	295
Послесловие к печатному изданию „Письма к товарищу“	296
Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии) (брошюра)	303—490
Предисловие	305
а) Подготовка съезда	308
б) Значение группировок на съезде	310
в) Начало съезда. Инцидент с Организационным Комитетом	313
г) Распускание группы „Южного Рабочего“	320
д) Инцидент с равноправием языков	323
е) Аграрная программа	329
ж) Устав партии. Проект тов. Мартова	331
з) Прения о централизме до раскола внутри искровцев	343
и) Параграф первый устава	347
і) Невинно пострадавшие от ложного обвинения в оппортунизме	366
к) Продолжение прений об уставе. Состав Совета	375
л) Конец прений об уставе. Кооптация в центры. Уход делегатов „Рабочего Дела“	380
м) Выборы. Конец съезда	391
н) Общая картина борьбы на съезде. Революционное и оппортунистическое крыло партии	415
о) После съезда. Два приема борьбы	426
п) Маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию	443
р) Новая „Искра“. Оппортунизм в организационных вопросах	452
с) Нечто о диалектике. Два переворота	478
Приложение. Инцидент тов. Гусева с тов. Дейчем	484

	<i>Стр.</i>
Чего мы добиваемся	491
К партии	493
Для Бориса	505
Заявления и документы о разрыве центральных учреждений с партиями (брошюра)	511—520
Приложения	521—556
№ 1. Павлович (Красиков). Письмо к товарищам о II съезде Р. С.-Д. Р. П.	523
№ 2. Отношение местных организаций к II съезду Р. С.-Д. Р. П.	537
№ 3. Отношение местных организаций к июльской (1904 г.) декларации Ц. К.	545
Примечания	557—588
Указатель имен	589

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

О Ленине и ленинизме.

- Адоратский.**—О теории и практике ленинизма (революционного марксизма). М. 1924 г. Ц. 75 к.
- Гиринос.**—Ленин о специалистах науки и техники. 1924 г. Ц. 20 к.
- Доборин, А.**—Ленин как мыслитель. 1924 г. Ц. 45 к.
- Зиновьев, Г.**—В. И. Ленин. (Краткий биографический очерк.) 1924 г. Ц. 20 к.
- Зиновьев, Г.**—Ленин и Коммунистический Интернационал. М. 1924 г. Ц. 18 к.
- Зиновьев, Г.**—На смерть Ленина. 1924 г. Ц. 15 к.
- Каменев, Л.**—Ленин и его партия. М. 1924 г. Ц. 25 к.
- Керженцев, П.**—Ленинизм. С предисловием Н. К. Крупской. 1924 г. Ц. 75 к.
- Крижановский, Г.**—О Владимире Ильиче. 1924 г. Ц. 18 к.
- Крупская, Н. К.**—О Владимире Ильиче. 1924 г. Ц. 10 к.
- Ленинизм в лозунгах и диалогизмах.** М. 1924 г. Ц. 10 к.
- Ленин о национальном вопросе.** Предисл. и прим. П. П. Монаха. 1924 г. Ц. 60 к.
- Луначарский, А.**—Ленин и просвещение. Ц. 35 к.
- Мартинов, А.**—Ленин и аграрный вопрос в России. 1924 г. Ц. 35 к.
- Молотов, В.**—Ленин и партия за время революции. 1924 г. Ц. 25 к.
- Невский, В.**—Владимир Ильич Ленин (Ульянов). Ц. 10 к.
- Павлович, М.**—Ленин. (Материалы к изучению ленинизма). 1924 г. Ц. 1 р.
- Полов, Н. Н. и Яковлев, Я. А.**—Жизнь Ленина и ленинизм. 2-е доп. изд. 1924 г. Ц. 60 к.
- Преображенский, Е.**—В. И. Ленин. (Социологический набросок.) М. 1924 г. Ц. 22 к.
- Сборник воспоминаний о Ленине.** Под ред. Н. Л. Мещерякова. М. Гиз. 1924 г. Ц. 60 к.
- Сталин.**—О Ленине и ленинизме. 2-е изд. М. Гиз. 1924 г. Ц. 35 к.
- Троцкий, Л. Д.**—О Ленине. Материалы для биографа. 2-е изд. Ц. 35 к.
- Фридлянд, Ц.**—Ленин о войне и революции. М. 1924 г. Ц. 1 р.
- Ходоровский, И.**—В. И. Ленин, великий вождь и учитель трудящихся (1870—1924). Популярный очерк для рабочих и крестьян. М.—Л. 1924 г. Ц. 10 к.
- Ярославский, Ем.**—Жизнь и работа В. И. Ленина. 3-е изд. М. Гиз. 1924 г. Ц. 90 к.

Торговый Сектор Государственного Издательства

Москва, Ильинка, Виржевая ул., Боголюбский пер., 4. Телефон 2-22-24.

Ленинградское представительство, Ленинград, пр. Володарского, 51-а.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ТОРГСЕКТОРА ГОСИЗДАТА выполняет быстро и аккуратно бандеролью и небольшими почтовыми посылками все заказы на книги Госиздата и всех других издательств, а также и на дореволюционные издания.

Заказчики, ОБРАЩАЮЩИЕСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО в Отдел Почтовых Отправлений (Москва, Ильинка, Боголюбский пер., 4), при высылке денег вперед—ЗА УПАКОВКУ и ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТ и таким образом получают любую книгу по цене издательства.

